

Түркі жазбалары мен мәдениеті күндері аясында
Кимек мемлекетінің 1100 жылдығына арналған

**ЕУРАЗИЯ ҚЫПШАҚТАРЫ: ТАРИХ, ТІЛ ЖӘНЕ
ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕРІ**

халықаралық ғылыми конференциясы материалдарының
ЖИНАҒЫ

СБОРНИК

материалов международной научной конференции

**КИПЧАКИ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ,**

посвященной 1100 летию Кимекского государства
в рамках Дней тюркской письменности и культуры

The collection of materials International Conference
**"THE KIPCHAKS OF EURASIA: HISTORY,
LANGUAGE, AND WRITTEN RECORDS"**
dedicated to the 1100th anniversary of Kimeks State in the Days
of Turkish Literature and Culture

**АСТАНА,
ASTANA
2013**

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ АҚПАРАТ МИНИСТРЛІГІ
ТІЛ КОМИТЕТІ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ ПО ЯЗЫКАМ
MINISTRY OF CULTURE AND INFORMATION OF RK COMMITTEE FOR LANGUAGES**

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н.ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCES OF RK
LEV GUMILEV EURASIAN NATIONAL UNIVERSITY**

**ЕУРАЗИЯ ҚЫПШАҚТАРЫ: ТАРИХ, ТІЛ ЖӘНЕ ЖАЗБА
ЕСКЕРТКІШТЕРІ**

(2013 жылғы 29-30 мамыр)

**КИПЧАКИ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ, ЯЗЫК И ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ**

**"THE KIPCHAKS OF EURASIA: HISTORY, LANGUAGE, AND
WRITTEN RECORDS"**

Астана, 2013 жыл

УДК 94
ББК 63,3 (0)
Е 89

Баспаға Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Ғылыми кеңесі ұсынған

Жалпы редакциясын басқарған: академик Көмеков Болат Ешмұхамбетұлы
Редакциялық алқа: Д. Қамзабекұлы, Ж.З. Оразбаев, С.А. Қасқабасов, Ж. Әбділдин, Ә. Дербісәлі, Х.Әбжанов, Б.Аяған, М. Әбусейітова, К.Байпақов, Г.Т. Мусабалина, Тәуел Г, А.Мұсағалиева (жауапты редактор).

Е-89 «Еуразия қыпшақтары: тарих, тіл және жазба ескерткіштері»: халықаралық ғылыми конференция. 29-30 мамыр 2013 жыл. Жалпы редакциясын басқарған академик Көмеков Болат Ешмұхамбетұлы. Астана, 2013. – 430 б.

ISBN -978-9965-31-560-2

Жинаққа 2013 жылы 29-30 мамырда Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Тіл комитеті мен Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті бірлесіп ұйымдастырған Түркі жазбалары мен мәдениеті күндері аясында Кимек мемлекетінің 1100 жылдығына арналған «Еуразия қыпшақтары: тарих, тіл және жазба ескерткіштері» атты халықаралық ғылыми конференция материалдары еніп отыр. Шетелдік және қазақстандық ғалымдардың мақалалары Еуразия тарихының іргелі мәселесі қыпшақтану тақырыбына, сондай-ақ түркологияның өзекті тұстарына арналған. Жинақта авторлардың көзқарастары өзгертілмеген және редакциялық алқа кейбір авторлар пікірлерімен толық келіспейді.

УДК 94
ББК 63,3 (0)
ҚР МАМ Тіл комитеті
Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
TABLE OF CONTENTS

1. **Шерубай Құрманбайұлы**- Кіріспе сөз. Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі Тіл комитеті төрағасының орынбасары
2. **Е.Б.Сыдықов**- Кіріспе сөз. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, профессор

ПЛЕНАРЛЫҚ БАЯНДАМАЛАР
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ
PLENARY SESSION

1. **Кумеков Б.Е.** Кипчаковедение - концептуальное научное направление евразийского масштаба. Казахстан, Астана. Академик НАН РК, профессор ЕНУ
2. **Кляшторный С.Г.** Кипчаки, команы, половцы. Россия, Санкт-Петербург
3. **Питер Б. Голден.** К вопросу о происхождении племенных названий кипчаков. США, Rutgers University, Newark, New Jersey
4. **Стоянов В.** Драконы и ельбиры в куманско-кипчакском мире. Вариации по теме структурирования жилого пространства. София, Болгария. Институт исторических исследований Болгарской академии наук
5. **Худяков Ю.С.** Сравнительный анализ комплексов вооружения кыргызов и кимаков в IX –X веках. Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
6. **István Zimonyi.** Kipchaks and the Mongol campaigns against Eastern Europe. Hungary, Szeged University
7. **Ahmet Taşağil.** Avrasya Dalasında Kıpçaktar Atkargan Tarihi Manızdı Okıgalar: (Avrasya Bozkırlarında Kıpçakların Oynadıđı Tarihi Roller). Mimar Sinan University.

І БӨЛІМ. ҚЫПШАҚТАНУ
РАЗДЕЛ I. КЫПЧАКОВЕДЕНИЕ
SECTION I. STUDY OF KIPCHAKS

1. **Павлов П.** Куманы (половцы) в жизни поздней византийский империи XIII – XV вв. Республика Болгария, Великотырновский университет им. Св.св. Кирилла и Мефодия
2. **Илиев Н.Ж.** Десять половецких имен. Республика България, Регионален исторически музей – Видин
3. **Кадырбаев А.Ш.** Кыпчакская гвардия монгольских императоров Китая и государственный переворот в империи юань в 1307 году (по материалам китайской династийной истории «юань-ши»). Россия, Москва.
4. **Konuralp ERCİLASUN.** MOĞOLLARIN ÇİNCE TARİHİNDE KIPÇAK KELİMESİ. Gazi Üniversitesi, Doç. Dr.

5. **Коробейников Д.А.** Кыпчаки в Пафлагонии. Центр истории Византии и восточно-христианской цивилизации, Институт Всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация; Research Center for Anatolian Civilizations, Koç University, Istanbul, Turkey
6. **Князький И.О.** Кумании южнорусских степей в свете истории миграции тюркских народов в XI веке. РГТЭУ – РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
7. **Гарустович Г.Н.** Степные кочевники в пределах Башкортостана. К вопросу о причинах и времени расселения кыпчаков в лесостепной зоне Южного Урала (ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа, Россия)
8. **Кузембаев Н.Е.** Монгольское завоевание кипчакских племен восточного Дешт-и Кипчака и судьбы кипчакской элиты в составе монгольской империи и за ее пределами. (Павлодарский государственный университет имени С.Торайгырова, Павлодар, Республика Казахстан)
9. **Голев К.** Дешт-и Кипчак и Внешний мир. Типология контактных зон между кумано-кипчакской общностью и внешнего мира. Болгария, София. Софийский университет им. Св. Климента Охридского
10. **Сабыр М.Б.** Көне қыпшақ жазба ескерткіштерін зерттеудің өзекті мәселелері. Батыс Қазақстан инженерлік-гуманитарлық университеті, Орал қаласы
11. **Жумалиева С.Ч.** Проблемы изучения кыпчаков в Кыргызстане. Кыргызстан, КНУ им. Ж.Баласагына.
12. **Mehmet KILDIROĞLU** KIPÇAKLARIN ANADOLU'DAKİ İZLERİ Ardahan Üniversitesi İnsani Bilimler ve Edebiyat Fakültesi Tarih Bölümü Öğretim Üyesi Kırgızistan-Türkiye Manas Üniversitesi Misafir Öğretim Üyesi

2 БӨЛІМ. ТҮРКІТАНУ

РАЗДЕЛ 2. ТЮРКОЛОГИЯ SECTION 2. TÜRKOLOGISTS

1. **Кумеков Б.Е.** О специфике степной цивилизации. Казахстан, Астана академик НАН РК, профессор ЕНУ
2. **Муминов А.К.** Махмуд ибн Сулейман ал-Кафави и его сведения по истории Золотой Орды. Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан; Koç University's Research Center for Anatolian Civilizations, Istanbul, Turkey
3. **Кәрібаев Б.Б.** XIII ғ.соңы мен XIV ғ.басындағы Шығыс Дешті Қыпшақтың этносаяси тарихының кейбір мәселелері жөнінде. Қазақстан, Алматы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
1. **Жумаганбетов Т.С.** Характер брачно-семейного права в улусе Джучи. Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Актюбинск
2. **Пилипчук Я.В.** «Неизвестные сообщества» (манихеи, несториане, миафизиты и иудаисты в Дешт-и-кыпчак). Киев, Украина, Институт востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины
3. **Торланбаева К.У.** О некоторых племенах западных тюрков и

тюркешей. Алматы, Қазақстан, Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова

4. **Кушқумбаев А.К.** О некоторых особенностях применения боевых уранов и кличей средневековых номадов Евразии и Дашт-и Кыпчака. Астана, Қазақстан, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
5. **Кушқумбаев А.К.** Оригинальные названия предметов вооружения золотоордынских воинов как исторический источник. Астана, Қазақстан, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
6. **Оразбаева А.И.** Природа миграции в среде евразийских кочевников. Институт дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Қазақстан
7. **Боранбаев С.Р.** Түркі халықтарының рухани ортақтығын тіл деректері арқылы зерделеудің кейбір мәселелері. А. Ясауи аындағы ХҚТУ, Түркология ғылыми-зерттеу институты (Түркістан, Қазақстан)
8. **Құдасов С.Ж.** XVI-XVII ғғ. Армян әліпбиімен жазылған қыпшақ тілі ескерткіштері: зеттелуі мен өзекті мәселелері. М. Әуезов атынд. ОҚМУ Н. Келімбетов атынд. «Түркітану» ҒЗО (Шымкент, Қазақстан)
9. **Анарбаев Қ.С.** Ортағасырлық «Кодекс Куманикус» (XIII-XIV ғ. басы) жазба ескерткіші материалдары тарихи-этнографиялық дереккөз ретінде. Қазақстан инженерлік-педагогикалық Халықтар Достығы университеті (Шымкент, Қазақстан)
10. **Кумекова Р.Б.** Сведения классических арабских географов о тюркских племенах Казахстана. МИК КазНУ им. аль-Фараби. Алматы, Қазақстан
1. **Нуржанов А.А.** Тенгрианство древняя религия тюркского мира. Алматы, Қазақстан, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК
2. **Қажыбек Е.З.** Қазақстан Қыпшақ өркениетінің әлемдік өресі. Халықаралық Түріктану Орталығы, Алматы
3. **Сулейманов И.М.** Древнейшие истоки кипчакского транскультурного феномена. Методологические инновации. Авторская студия Сулейменова, Алматы
4. **Азмұханова А.** Дешті Қыпшақтың халықаралық байланысындағы рухани фактор. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
5. **Кадиркулова Г.К.** Расселение кипчаков первой трети ХІв. (Источниковедческий анализ). Алматинская академия экономики и статистики, Алматы
6. **Әлменбетова У.А.** Қыпшақ ескерткіштеріндегі кездесетін жазба деректердің ерекшелігі. «Еуразия» ғылыми зерттеу орталығы, Астана қаласы
7. **Айтқожина Ш.М.** Қыпшақ тілінің құрылымдық ерекшеліктері

Қарағанды, №34 жалпы білім беретін орта мектеп.

8. **Гюнейлигиль Э.** «Барақ оғыз-қыпшақ түріктері туралы соңғы деректер һәм көшпелі тайпа мәселелері» Зерттеуші жазушы, сәулеткер Газиантеп қаласы.
9. **Бейсетаев Р., Жақияд Д.** Шыңғыс хан империясының «Мемлекет және құқық жүйесінің тарихы: бастауы мен айтулы кезеңдері» Қарағанды, ҚР ДСМ КАЖЕГ ҰО, ҚР ИМ Қарағанды академисы ,
10. **Сыздықов С.М.** Түркілердің қала мәдениеті. Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры, т.ғ.д.,
11. **Конурбаева Р.Э.** Отношение письменного памятника «Codex Sumanicus» к кыргызскому языку. Институт языка и литературы им. Ч.Айтматова, Бишкек, Кыргызская Республика.
12. **Артықбаев Ж.О.** Аксарай на иртыше- памятник Кимакской эпохид.и.н.(Из опыта изучения топонимических памятников Среднего Прииртышья) проф. ЕНУ им. Л.Н.Гумилева
13. **Артықбаев Ж.О.** «Ертіс сүмбе» (Эрчисын сумэ)-Семейдің қимақ дәуіріндегі атауы.т.ғ.д., проф. Л.Гумилев атындағы ЕҰУ

М.Н. Сқақов
Қазақстан Республикасының
Мәдениет және ақпарат
министрлігі
Тіл комитетінің төрағасы

Кіріспе сөз

Біздің руханиятымыздың қайнар көзі – сонау көне тарихтардан бастау алатыны сөзсіз. Қазақстан тәуелсіздігін алған жылдардан бері төл тарихын тереңнен тануға, тарихи ақиқатты барынша ашуға, ғасырлар қойнауынан бастау алатын мәдени мұраны жас ұрпаққа жеткізуге бар күш-жігерін жұмсап келеді.

Әр жылдары қазақ жазуы мен мәдениетінің түп төркіні болып табылатын жазба ескерткіштер тілін ғалымдар тарапынан зерттеп, сүбелі жиындар ұйымдастырып келсе, 2012 жылы Астана – түркі әлемінің мәдени астанасы аталды.

2007 жылы «Көне түркі ескерткіштері: палеография, мәтінтану, жазу тарихы» атты халықаралық ғылыми-теориялық конференцияны осы білім ордасымен бірлесе өткізе отырып, көне түркі мұраларына тағзым ету мақсатында арнайы бір күнді «Түркі халықтарының ғұрыптық ұлықтау мерекесіне» айналдырсақ деген болатынбыз.

«Сабақты ине сәтімен» дегендей, ендігі кезекте Қазақстан Республикасында Тілдерді дамыту мен қолданудың 2011-2020 жылдарға арналған мемлекеттік бағдарламасы шеңберінде жыл сайын дәстүрлі «Түркі жазбалары мен мәдениеті күндерін» кең көлемде атап өтуді қолға алмақпыз.

Ұлттық ғылым тәуелсіздік алғаннан кейінгі жылдарда түркітану бағытында біршама жетістіктерге жетті. Қазақ және өзге де түркі халықтарының этносы мен мемлекеттігін, тілін, тарихи-мәдени және этносоциологиялық жағдайын ғылыми түрде жан-жақты әрі жүйелі зерттеу – түркі тілдес халықтар үшін, оның келешек ұрпағы үшін өте маңызды.

Зерттеушілердің айтуынша «түрік» деген халықтың аты 542 жылдан белгілі болса керек. Ұрпақтан-ұрпаққа мұра болған руникалық жазба ескерткіштер – қазақ және өзге түркі халықтарының көне дәуірде мәдени деңгейінің өте жоғары болғандығын дәлелдейтін баға жетпес асыл қазына. Бүкіл әлемге танылған түркі руникалық жазбалары атақты Египет перғауындарының қорғандарынан табылған шумер жазуларымен дәуірлес. Қазақстан мен Орталық Азия және Оңтүстік Сібір жерлерін мекендеген түркі тілдес ру-тайпалар бірігіп бір кездерде өз елі мен жерінің бостандығы, тәуелсіздігі үшін алапат қақтығыстар мен жойқын соғыстарды басынан кешті. Ұрпаққа өнеге болар атақты Күлтегін, Тоныкөк, Білге, Бумын қағандар әрі тарихи, әрі әдеби дастан жырлардың кейіпкерлеріне, сомды тұлғаларына айналды. Ардақты есімдерді ел жадында сақтау үшін сол заманның данагөй білімдарлары өркениеттің белгісі болып табылатын түркілік сына жазумен тас бетіне түсірді.

Тамыры тереңге тартқан мәдени баға жетпес байлығымыз бізді, түркі халықтарын жаһанға паш ете отырып, мәңгілік болмысымызды айшықтайды. Осы Түркі жазбалары мен мәдениеті күндері аясында ұйымдастырылған Кимек мемлекетінің 1100 жылдығына арналған «Еуразия қыпшақтары: тарих, тіл және жазба ескерткіштері» халықаралық ғылыми конференциясы зерттеуші ғалымдар үшін де, өскелең жас буын үшін де табысты боларына сенемін.

Қыпшақтар қазақ халқының және қазақ тілінің қалыптасуына маңызды рөл атқарған. Тарих сахнасында «қифшақ», «қыпчак», «коман», «құман», «половцы», «күн» т.б. делінген қыпшақтар біздің арғы тегіміз. XI ғасырдың бастарында Қимақ мемлекетінің өкімет билігі қыпшақ тайпасының қолына көшті. Олар батыстан шығысқа жылжып, Сырдария бойындағы оғыздардың мемлекетін құлатып, оғыздар қонысын басып алып, оны дешті қыпшаққа (қыпшақ даласына) айналдырды. Дешті қыпшақ Ертіс өзені мен Дон өзеніне дейін, Орал тауынан Қара теңізге дейін жетті. Осы ұлан байтақ өңірді мекендеген түркі тілдес тайпалар, қазақ тайпалары да қыпшақтар деп аталды. Шығыс Еуропаға, кіші Азияға, Мысырға дейін жайылды. Сөйтіп Мысырда қыпшақ қолбасшылары Айбек пен Бейбарыстай бабаларымыздың ізі қалды.

Көне шежірелерде «тоқсан екі баулы қыпшақ» деп бекер айтпаса керек.

Қыпшақ тілінің грамматикасы мен қарыштап дамыған сөздіктерін айтпағанда, қазақ тіліне тікелей қатысы бар құнды ескерткіш «Кодекс Куманикустың» бір өзі жүздеген зерттеулерге жүк болары анық. Зерттеуші Машковтың айтуынша сол кездегі қыпшақ тілі Батыс еуропа жиһанкездері мен шығысты зерттеушілер үшін халықаралық тіл болып есептелген, деген мына деректің өзі көп жағдайды аңғартқандай.

Түркінің сар даласының ішкі сырын бойына сіңірген таңбалы тастар, ескерткіштер қас батырдың ерлігіндей сан ғасырларды аттап, өз заманының шындығы мен шырғалаң тағдырын, асқақтығы мен тектілік келбетін арқалап, еш өзгерместен күні бүгінге жетіп отыр.

Сондықтан да бабалар аманатына берік болып, түркі жұртының төрткүл дүниедегі абырой-беделі, білік-ғибратын танытатын көне жәдігерлердің жоқшысы, сақшысы болайық!

Е.Б. Сыдықов
*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университетінің ректоры,
ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі,
профессор*

Кіріспе сөз

Приветствую уважаемых участников международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники», посвященной 1100-летию Кимекского государства. Проведение конференции в стенах Евразийского национального университета, названного в честь выдающегося евразийца, историка и востоковеда Л.Н. Гумилева в самом центре материка Евразии, на территории, входившей в раннем средневековье в восточное Кипчакское ханство, знаменательное событие в научной жизни Казахстана.

История и культура кипчакских племен это национальное наследие казахского народа, это связь насельников Дешт-и Кыпчака с народами и государствами Запада и Востока. Отраднo, что среди участников конференции представлены ведущие казахстанские и зарубежные ученые-специалисты в области этнополитической истории, исторической географии, материального, духовного и культурного наследия Дешт-и Кыпчака. Это свидетельство тесной интеграции казахстанской и зарубежной исторической науки, что особенно актуально в эпоху глобализации образовательных и научных процессов во всем мире.

В области общественных и гуманитарных наук Казахстана кипчаковедение является одним из приоритетных научных направлений. Это и понятно, так как кипчакский язык лег в основу казахского языка, литературные кипчакские памятники стали предтечей казахской литературы, кипчакский племенной массив составил основное ядро в образовании казахской народности, само слово «казак» возникло в кипчакской среде.

Кипчакское ханство, распространившее политическую гегемонию на обширную территорию Великой степи от Иртыша и Алтая вплоть до Причерноморских степей находилось в тесных взаимосвязях и взаимопроникновениях с сопредельными и отдаленными странами и народами Тюркского мира, Арабского Востока и Восточной Европы.

В результате двухвекового изучения истории кипчакских племен отечественными и зарубежными исследователями разработаны их научные основы источниковедческого, исторического, лингвистического, литературоведческого и археологического характера. Однако многое еще предстоит сделать в будущем. Кипчаковедение, безусловно, научная проблема евразийского масштаба. В целях развития кипчаковедения в Казахстане необходимо развивать научную инфраструктуру, создавать условия для проведения научных исследований и укрепления международных научных связей. Для достижения поставленных целей мной принято решение о создании научного центра кипчаковедения в Евразийском

национальном университете имени Л.Н.Гумилева. Это придаст новые организационные возможности для дальнейших разработок кипчакской проблематики с целью формирования нового мышления, обретения новых знаний и создания прочных основ стабильности и взаимодействия народов Евразии.

ПЛЕНАРЛЫҚ БАЯНДАМАЛАР
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ
PLENARY SESSION

**КИПЧАКОВЕДЕНИЕ – КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО МАСШТАБА**

Кумеков Б.Е.

*академик НАН РК, профессор ЕНУ
Астана, Казахстан*

Плодотворные исторические и источниковедческие изыскания в области истории кипчакских племен, относящиеся к 70-80 годам XX века были связаны с научными достижениями, приведшими к новому осмыслению научного направления кипчаковедения. Это постижение оказалось возможным прежде всего благодаря научному открытию кочевого Кимекского государства [1], образованного в регионе Восточного, Северного и Центрального Казахстана в IX в., вскоре после падения Тюркского каганата. В начале XI в. преемниками кимекской государственности стали кипчакские ханы. Следующий значимый научный результат относится к выявлению расселения куманов на территории Западного Казахстана, датируемого концом IX в. [2]. Упомянутые историографические выводы привели к пониманию многокомпонентности структуры кипчакского мира, состоящей из триады этнополитических объединений кипчаков, кимеков и куманов как целостной системы, связанных территорией расселения, культурным наследием, единым языком и общностью исторической судьбы и является результатом той аналитической работы над мусульманскими, прежде всего арабскими источниками, которые были проделаны в течение последних трех десятилетий. До того общепринятым в научной литературе было определение всех трех названных общностей, как этнически единого целого, называемого по-разному в многочисленных и разноязычных источниках: кипчаки, половцы, куманы, куны. Во времена В.В.Бартольда и И.Маркварта все эти этнонимы рассматривались как обозначения одной этнической группы тюркских племен. Только детальное рассмотрение всех обстоятельств использования каждого из этих терминов в разных не только по языку, но и по степени информированности источников приводят к другому выводу. При этом главная посылка источниковедческого анализа нарративных памятников проистекает из строго выработанных подходов системного характера.

Уже предварительно было ясно, что именно источники мусульманского круга, прежде всего арабские, и в какой-то степени ранние персидские, относящиеся к IX-XVII в.в., более чем любые другие, насыщены информацией о кипчаках, кимеках и куманах. Точнее говоря, они просто богаче по количеству информации, чем совсем уж скудные, иные по языку и историографической традиции сочинения (латинские, русские, китайские, монгольские, армянские). Кажущаяся многочисленность сведений возникает,

прежде всего, за счет бесчисленных повторов с более или менее значительными изменениями, за счет парафразирования сведений, содержащихся лишь в нескольких действительно аутентичных сочинениях, к которым, прежде всего, следует отнести Тамим ибн Бахра, Ибн Хордадбега, Абу Дулафа, ал-Истахри, ал-Масуди, “Худуд ал-алам”, Махмуда ал-Кашгари. Наиболее трудоемкая часть источниковедческой работы связана с тщательной выборкой из очень большого числа текстов тех крупинок оригинальной, не содержащейся в более древних сочинениях информации, которые после длительных поисков их места в информационной цепи и позволяли сложить относительно прочный фундамент для собственно историографических выводов.

Чаще всего приходилось пользоваться источниками, которые уже в силу их очевидной компилятивности не оценивались как оригинальные. Однако, именно в такого рода сочинениях, где без особой критики сводились в едином тексте весьма разные и часто противоречивые историографические линии, именно в таких компилятивных источниках обнаруживались наиболее ценные информационные пласты, выдерживающие проверку сравнением с независимыми от них, но не полными и недостаточными по своей информативной значимости источниками. Иногда, такого рода проверка вообще заставляет выходить за рамки сводов письменных источников и обращаться, например, к археологическим материалам.

Наиболее интересным и важным текстом такого рода является сочинение ал-Идриси “Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак”, созданное в середине XII в. на Сицилии, автора которого нельзя причислить к великим путешественникам. Оно, казалось бы, не удовлетворяло требованиям личной причастности создателя текста к изучению предмета его повествования, специального знания автором текста объекта изучения. Однако ал-Идриси обладал тем неоспоримым преимуществом над многими прочими предшественниками и современниками, что сосредоточил в своих руках и использовал в своей книге огромное количество письменных источников значительно больше, чем в других подобных сводных трудах. Именно в труде ал-Идриси накопление источников породило их качественную метаморфозу – новизну информации, зачастую совершенно неожиданной и позволяющей обозначить казалось бы невозможные аспекты изучения описываемой им страны или племенной общности. Так, почти шаблонным во всех сочинениях арабских географов было повествование о кимеках и кипчаках как о вечных кочевниках степей и пустынь, не знающих даже элементарных форм оседлости. И вот на этом фоне в подобного же рода повествование как-то неожиданно предстаёт фрагмент более древнего текста о городах и поселениях кипчаков и кимеков. Тщательное всестороннее исследование сочинения ал-Идриси позволило установить их географическую локализацию – в пределах Прииртышья и Алакульской котловины, в юго-восточном Казахстане. Впоследствии, в ходе археологических изысканий были обнаружены в Алакульской котловине ряд оседлых поселений кимекского времени именно на коренных землях кимеков. И сразу перестали казаться удивительными сообщения Тамима ибн

Бахра (IX в.) и “Худуд ал-алам” (X в.) о протогородской культуре в этом кочевом мире, о существовании там сравнительно развитых форм государственного устройства, просуществовавших, несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства, относительно длительный срок, около двух столетий.

Для прояснения столь сенсационной информированности ал-Идриси пришлось вновь изучать круг его источников. И вот, среди прочих их имен, в этом списке обозначилось самое важное, что можно было обнаружить, имя некоего Джанаха, который назван сыном “хакана – царя кимеков”, который, оказывается, оставил недошедшее до нас, но доступное для ал-Идриси [3, с.6], описание своего народа и государства. Так, в блоке, казалось бы, традиционной и обычной информации, появляется, имеющий принципиальное значение, пласт сведений, который полностью меняет конфигурацию не только самого блока, но и всех привычных в новейшей историографии историко-этнологических построений.

К не менее неожиданным результатам привело изучение географических карт ал-Идриси. Они позволяют, вкупе с текстом, определить пределы расселения кипчакских и кимекских племен, что само по себе весьма существенно для нашего исследования. Но главное достижение было связано с иным аспектом. Именно на карте ал-Идриси, чья информация корреспондирует с материалами содержащимися у Ибн Саида (XIII в.) и Абу-л-Фида (XIV в.), обозначена страна куманов, отделенная и обособленная от земель кипчаков, равно как и от кимеков. Исследователи, изучавшие карту ал-Идриси, не обратили особого внимания на это обстоятельство. В «Сурат ал-ард» ал-Идриси к северу от двух топографических объектов, идентификация которых не вызывает никакого сомнения (Бахр ал-Хазар – Каспийское море и Бухайрат ал-Хваризм – Аральское море), расположены горы Аскасийа. Их описывают протянувшимися в меридиональном направлении с севера на юг, с небольшим уклоном в сторону востока. Из этих гор вытекает несколько рек, что особенно важно река Атиль (Волга), впадающая в море Хазар (Каспий). Описанные характеристики гор позволяют с уверенностью отождествить Аскасийа с Уральскими горами. Ибн Саид и Абу-л-Фида указывают, что в предгорьях Аскасийа, к югу от него обитали куманы (кumāн по Ибн Саиду и kāmān согласно Абу-л-Фида). На незначительном отдалении к юго-востоку от Аскасийа в «Сурат ал-ард» показаны горы Тагура, где отмечена столица куман – кумāнийа (у ал-Идриси в форме сқмāнийа). Тагура по этому описанию сопоставима с Мугоджарскими горами. Судя по тексту средневековых сочинений, горы Тагура (Мугоджары) являлись основной областью расселения куманов. Как явствует из данных нарративных источников, куманы расселялись в пространстве между северными приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. К югу от них находились огузы (согласно карте «Малого ал-Идриси» и кимеки), на западе – печенеги, на северо-западе – болгары, на северо-востоке – кипчаки. Здесь важно отметить, что куманы как самостоятельная этническая общность противопоставлены огузам, кипчакам,

кимекам, печенегам и булгарам. Анализ текста и карт дает основание датировать сведения средневековых авторов о куманах концом IX в.

Известно, что ал-Идриси в какой-то степени был знаком с южно-европейской географической традицией. А в терминологии европейских географов и политиков отсутствовало слово кипчак, но неоднократно упоминались куманы. Решение, казалось бы, простое и достаточно традиционное, одни и те же племена европейцы называли куманами, а мусульманские авторы – кипчаками. Но вот неожиданно в сочинениях египетских историографов XV в. прекрасно знакомых с кипчакской средой была обнаружена нисба ал-Кумани. Мамлюкская средневековая историческая литература содержит ценные сведения об этническом составе племен в мамлюкском государстве XIII-XV вв.. Наименование того, или иного лица по признаку его этнической принадлежности является довольно обычным у восточных авторов. В сочинениях арабских средневековых историков содержится важные сведения относительно антропонимии неарабского происхождения, в которых четко выделяется нисба, указывающая на племенную принадлежность, в частности куманской. Так, в мамлюкской среде упоминаются по сведениям Ибн ал-Фурата эмир ал-қумані [4, с.437], а по данным Ибн Тангриберди (судя по имени он был сам кипчаком) - шейх Зайн ад-дин Абу Бакр ал-қумані [5, с.46], в данном случае “куманец” или “куман”. Эту уникальную информацию можно дополнить упоминанием у арабских географов и историков термина қуман (қуманлҮ) в качестве этнонима в племенном составе кипчаков Восточного Дешт-и Кипчака.

Стало совершенно ясным, что термин куман в сочинении ал-Идриси отнюдь не европейский экзоэтноним, а самоназвание какой-то группы тюркских племен, связанных с кипчакским миром, но вовсе не тождественных самим кипчакам. Рельефно предстала новая картина трех этнополитических объединений в Кимекском каганате IX-нач.XI вв. в пределах от Иртыша до Итиля (Волги). Собственно кимекские племена наиболее компактно обитали на Иртыше в Восточном Казахстане и Западном Алтае. Основным доменом кипчаков был Центральный Казахстан. Куманы составляли западную ветвь кимеко-кипчакского объединения и расселялись на территории между северными приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. Стольный город их области располагался в Мугоджарских горах. Как кипчаки, так и куманы находились под политическим контролем кимекского кагана. Власть в каганате принадлежала правящему роду, из среды которого происходили каганы кимеков. В социальном и культурном отношении кимеки во многом унаследовали и развили традиции, сложившиеся в древнетюркской среде VI-VIII вв.

В начале XI в. наследие Кимекского каганата перешло в руки кипчакской элитарной военно-племенной знати. Земли от Алтая и Иртыша на востоке до Итиля (Волги) и Южного Урала на западе, а также от оз.Балхаш на юге до Кулундинской степи на севере вошли в пределы Кипчакского ханства. Кимекское и куманское племенные объединения подпали в политическую зависимость от кипчакских правителей.

Политическое возвышение кипчакских ханов вскоре привело к дальнейшему расширению их территории. Кипчакские правители вытеснили огузских джабгу, захватили бассейн Сырдарьи, Приаральские и Прикаспийские степи и взяли под контроль важнейшие торговые пути, проходившие через Поволжье, Устюрт и Сырдарью. Этот участок магистрали, соединявший Азию с Европой, с расположенными на нем городами и укрепленными крепостями, имел большую притягательную силу, как важный в стратегическом и экономическом отношении регион.

Возвышение кипчаков на гребне политической волны и расширение пределов их влияния привело к изменению этнополитической ситуации в регионе. В этой связи в мусульманской историографии появляется и надолго закрепляется историко-географический термин Дешт-и Кипчак (Степь кипчаков), отражающий суть новой геополитической ситуации.

Усилившись за счет экономического и военного потенциала Кимекского каганата и Огузской державы кипчакские ханы продолжили политику расширения сферы своего влияния. В середине XI началось движение кипчакских племен от Итиля в западном направлении. Основная группировка куманов в качестве авангарда кипчакского объединения первой вступала по мере своего продвижения на запад в непосредственные контакты с народами с племенами Восточной Европы, в частности, Руси, Византии и других. Эти контакты с самого начала оставили глубокий след в той своеобразной информации о куманах, которая отлагалась и закреплялась в письменных источниках. Ее особенность проявилось в характерном для эпохи древности и средневековья типологическом явлении, заключающемся в переносе названия на все племенное объединение в целом одного, раньше других ставшего известным этнического компонента. Это широко распространенное явление сохранилось вплоть до этнографически близких народов. Так, Махмуд ал-Кашгари отмечает: «Огузы, когда их жилища стали соприкасаться с крепостью, принадлежащей чигилям, постоянно воевали с ними (чигилями). Огузы называют всех тюрков от Джейхуна (Сырдарьи) до Верхнего Китая чигилями. А это ошибка»[6, с.330]. И в самом деле, Махмуд ал-Кашгари сделал эту поправку, исходя из исторических реалий, ибо непосредственно за чигилями в сторону Китая жили многочисленные тюркские племена – карлуки, тюргеши, ягма, барсханы.

Эта же закономерность нашла отражение и в древнерусских летописях, на страницах которых отложилась информация исключительно о половцах, т.е. куманах, вследствие первых по времени контактах восточных славян именно с ними, хотя за куманами находился массив собственно кипчаков. Слово «половцы» является калькой тюркского «куманы». Судя по всему, термин половцы следует толковать в двух значениях: конкретном, обозначавшем собственно куманов, и расширительном, распространявшемся на все объединения кипчакских племен. Однако эти значения, как известно, в летописях не различались. Отсюда возникали известные сложности при интерпретации сведений о половцах, заключенных в древнерусских памятниках. Точно также дело обстояло в средневековой византийской историографии. В последней четверти XI в. византийцы в своих трудах дали

информацию о куманах по их подлинному этническому названию и распространили это имя на все тюркские племена Дешт-и Кипчака. Эта традиция в византийской литературе сохранилась много позже, вплоть до XIУ

Кочевья куманов располагались западнее кипчакских племен, ставки которых находились к востоку от Днепра. Политическая гегемония кипчакской военно-племенной знати распространилась на огромную территорию от Иртыша до Днестра. По древнетюркской традиции сильное и крупное Кипчакское ханство, занимавшее столь значительные земли, было разделено на два этнотерриториальных объединения: Восточнокипчакское и Западнокипчакское, рубежи между ними проходили по реке Итилю. В основе этого деления лежала военно-административная система, которой придавалось исключительное значение, ибо она отражала специфику кочевого быта и была наиболее удобным для военной организации и кочевого способа существования. Военно-административная форма политогенеза зиждилась на территориально-племенной основе. По количеству крупных племен в государстве появлялось соответствующее количество территорий.

Под эгидой кипчакских ханов возникло этнополитическое образование евразийского масштаба, в рамках которой были продолжены государственно-административные, военные и социально-культурные древнетюркские традиции. Вследствие активных интеграционных процессов на всем пространстве Дешт-и Кипчака установилось историко-этнографическое единство под властью кипчаков. С кипчакским фактором связывалось представление о кипчаках как о самом многочисленном из всех тюркских народов Центральной Азии и Восточной Европы и самой обширной области расселения.

В пределах Дешт-и Кипчака шел интенсивный процесс формирования кипчакской народности, в особенности на территории Казахстана, стимулированный всем ходом нивелировки этнокультурных признаков, чему содействовали государственность, этническая территория, однотипность форм хозяйствования, система общественных отношений и общность языка. Тесное взаимодействие кипчаков с различными этническими группами сказывалось на их этнической общности. С все растущим политическим весом кипчаков многие племена и этнические группы (канглы, кимеки, куманы, карлуки, огузы, чигили, печенеги, уран, кай, азкиши и др.), сознавая свою принадлежность к единому этносу, принимали этноним кипчак и стали сами себя называть кипчаками. Однако завершающий этап формирования кипчакской народности был прерван монгольским нашествием.

В первой половине XIII в. все земли, находившиеся под влиянием кипчаков вошли в состав Монгольской империи. С целью легитимизации власти в Дешт-и Кипчаке монголы проводили целенаправленную политику на физическое истребление династийного рода кипчаков ельборили и сокрушение военного потенциала кипчакского общества. Выверенная стратегия привела к присвоению родом Чингисхана всех prerogative политической власти в Дешт-и Кипчаке.

Кардинальные политические изменения, однако, не повлекли за собой столь же радикальных трансформаций во всех областях общественной жизни. Верховенство монголов не смогло приостановить развернувшегося соперничества в духовной и материальной сферах двух сил – пришлой и автохтонной. Постепенно монгольская знать и ее окружение поглощалась и ассимилировалась в тюркской кипчакской среде. В борении двух культур, монгольской и кипчакской, восторжествовала более развитая кипчакская культура. Тем самым кипчакские культурные и духовные традиции в языке, религии, письменности, нравах и обычаях возобладали над монгольской.

На этой почве реалии, связанные с государственным устройством и этнокультурной ситуацией, нашли адекватное отражение в зарубежной историографии. Так, в наиболее информативных источниках того времени – арабских сочинениях, монгольский улус Джучи при его ближайших преемниках во второй половине XIII в. рассматривался как государство Дешт-и Кипчак с правящей династией Чингизидов. И не только в арабских письменных памятниках, но и в европейских повествовательных трудах говорится в этом же смысле о «Команском царстве», лишь в поздних русских летописях оно было известно как Золотая Орда (калька Алтын Орды).

На современном этапе исследование проблем кипчаковедения, связанных с евразийским историко-культурным наследием, целесообразно проводить в рамках трех взаимодополняющих научных направлений: 1. Кипчаки и Тюркский мир; 2. Кипчаки и Арабский Восток; 3. Кипчаки и народы Восточной Европы.

Кипчаки и Тюркский мир. Историческая родина кипчаков находится в Казахстане. Здесь они создали государство, в рамках которой в XI-XIII вв. сформировалось этническая территория кипчаков, впоследствии она явилась надежной основой для этнической территории казахского народа. В Кипчакском ханстве происходит сложение литературного кипчакского языка – основы казахского языка, создание литературных кипчакских памятников – предтечи казахской литературы, окончательное складывание присущих казахам антропологических черт. Сложившаяся кипчакская этническая общность была самым непосредственным образом связана с этногенезом казахского народа, ибо само слово «казак» возникло в кипчакской среде. Однако завершающий этап формирования кипчакской народности был прерван монгольским нашествием. Между тем консолидация в XI – XII вв. кипчакских племен, обитавших как в степной зоне, так и земледельческих оазисах с поселениями и городами и представлявших в рамках нескольких хозяйственно-культурных типов целостную и единую систему жизнедеятельности их общества, была важнейшим этапом в сложении казахской народности. На базе развития этнических процессов в Кипчакском ханстве складывается этническое ядро казахского народа. Тем самым обнаруживается прямая связь между активизацией исследований в области истории, языка, литературы и культуры кипчаков и адекватным обеспечением научных изысканий на поприще этногенеза, политогенеза, глоттогенеза и культурогенеза казахского народа.

Впрочем, кипчакский феномен не только и очевидно не столько собственно казахское достояние. Если теперь мы можем говорить в полный голос о тюркском мире, то одним из существенных интегрирующих и консолидирующих элементов в нем являлся кипчакский фактор. Так, кипчаки сыграли значительную роль в сложении целого ряда тюркоязычных народов: кыргызов, каракалпаков, башкир, татар, ногаев, кумыков, карачаев, балкар, узбеков, азербайджанцев, турок, алтайцев.

Научные изыскания связанные с Тюркским миром имеют непреходящую значимость, ибо они содействуют выявлению общих исторических судеб тюркских народов, культурного и духовного наследия, способствуют дальнейшему их сближению и интеграции с другими странами и народами.

Кипчаки и Арабский Восток. Инфильтрация отдельных группировок кипчакских племен в арабские страны происходило на лоне религии ислама и синкретической мусульманской культуры с IX в. Дисперсное расселение кипчаков усилилось вследствие монгольского завоевания. Они оказались за пределами Дешт-и Кипчака в отдаленных странах вплоть до Египта и северной Индии, где возвысились до высот власти. В середине XIII в. в Египте кипчаки стали правителями Мамлюкского государства, видными военачальниками, строителями великолепных мечетей и мавзолеев, учеными и поэтами. Традиции степной цивилизации были продолжены кипчаками в Египте в военной организации, материальной и духовной культуре, в нравственных и поведенческих нормах. Кипчаки-мамлюки, как правило, дорожили своей самобытностью, их этническое самосознание было высоким, вдали от исторической родины, окруженные иноязычной и иноэтнической средой, сохраняли привычные обычаи и традиции. Кипчакские султаны, а также видные представители военной знати явились создателями великолепных мечетей и мавзолеев, в художественно-оформительном декоре которых нашла место своеобразная атрибутика кочевой культуры «көшқар мүйіз» (роговой орнамент). Историко-культурный симбиоз мусульманской синкретической культуры и степной цивилизации придал новое звучание ярким и оригинальным творениям зодчих эпохи мамлюков. Вместе с тем кипчакскими учеными создавались военные трактаты, грамматические пособия, кипчакско-арабские словари, литературные произведения, а также развивались традиционные формы устного народного творчества.

Кипчакский фактор, наряду с религией исламом сыграл решающую роль в установлении союзнических отношений и дружеских связей между двумя крупными державами – Дешт-и Кипчаком и Мамлюкским государством, у истоков которого стоял знаменитый султан Байбарс, кипчак по происхождению из Западного Казахстана. Эта коалиция была направлена, на почве общей вражды, против монгольских Хулагуидов Ирана. Именно кипчаки-мамлюки стали единственной силой способной противостоять монгольским завоевателям и наследникам первых крестоносцев.

Арабский Восток и мусульманская культура примечательны также тем, что ее рукописные фонды и библиотеки содержат наиболее информативные, по сравнению с другими зарубежными источниками, письменные памятники по истории и культуре кипчакских племен. В этой связи одним из главных

предпосылок успешных исследований проблем кипчаковедения является создание надежной источниковедческой базы, которая предполагает тщательный сбор и критическое использование уже известных, доступных источников, а также вовлечение в научный оборот письменных материалов, хранящихся в рукописохранилищах Стамбула, Каира, Тегерана, Лондона, Парижа, Санкт-Петербурга. Необходимо активизировать источниковедческие изыскания в особенности в Турции и Египте, которые располагают ценнейшими в мире фондами арабских, персидских и тюркских рукописей. К примеру, количество арабских рукописей в Турции превышает 160 тыс. Собранные в них рукописи, что чрезвычайно важно, в значительной своей части представляют большую научную ценность., так как среди них встречается целый ряд редких экземпляров и единственных в своем роде средневековых сочинений, материалы которых проливают свет на историю и культуру кипчакских племен. Многие известные нам рукописи нуждаются в сопоставлении с аналогичными зарубежными списками, что может быть полезным для расширения не только чисто источниковедческих понятий, но и общих знаний по этнической, политической и социальной истории кипчаков. На современном этапе развития историко-востоковедческих исследований налицо направление исчерпывающего привлечения всех доступных источников во всей их гамме разновременных, разнохарактерных и нередко противоречивых данных.

Кипчаки и народы Восточной Европы. На евразийском пространстве Великой степи кипчакские ханы находились в тесных взаимосвязях и взаимоотношениях с сопредельными странами Восточной Европы. Правители Болгарии, Венгрии, Византии часто прибегали к помощи кипчаков для защиты своей страны, совершения походов и с целью борьбы за престол. Кипчаки сыграли судьбоносную роль в спасении Византийской империи от печенегов, в утверждении Болгарской династии и укреплении власти венгерских королей. Отдельные группировки кипчаков вместе с ханами оставались в этих странах, в отведенных им землях на поселение. Кипчаки оставили заметный след и в истории Польши, Германии, Чехии, Литвы. Римская курия придавала особое значение кипчакской политической гегемонии в Причерноморье, неоднократно направляя в кипчакскую среду своих миссионеров для религиозной пропаганды. Важные тракты торгового пути, пролегавшие через земли Дешт-и Кипчака из Восточной Европы в Среднюю Азию, Передний и Дальний Восток, находились в руках военно-племенной знати кипчаков, которые взимали немалые пошлины на товары с проходящих караванов. В силу политической мощи Кипчакского государства и осуществления кипчакскими ханами контроля над всеми сухопутными и водными торговыми путями Дешт-и Кипчака, знание кипчакского языка было необходимым, и он стал международным койнэ. Вследствие распространения и установления кипчакского фактора в Восточной Европе с необходимостью возник в конце XIII в. ценный кипчакский словарь «Codex Cumanicus», предназначенный для познания кипчакского языка широким кругом народов и стран этого региона. В историко-культурном памятнике кипчаков отразились лингвистические атрибуты степной цивилизации,

материальной и духовной культуры кипчакских племен, их образа жизни и нравственных норм. Интенсивными были этнокультурные связи кипчаков-половцев с населением Украины, в чьих сказаниях и песнях отложились имена ряда деятельных кипчакских ханов Боняка, Тугар-хана и др. В огромном количестве великолепные кипчакские каменные статуи оставались в степях Украины вплоть до XVII в. Особо тесные связи кипчакских племен были с княжествами на Руси. Эти взаимоотношения жиздильсь на экономических, военных, политических, культурных, языковых контактах. Нередко кипчакские ханы и русские князья находились в отношениях свойства. Примеры широких взаимосвязей средневековых кипчаков с евразийскими народами можно приумножить. Но главная суть этих контактов – воссоздать преемственность между прошлым и современностью. Иначе говоря, восстановить прежнюю схему интеграции на принципиально новой основе – международного научного сотрудничества народов Евразии через призму кипчаковедения.

Список литературы:

1. Кумекон Б.Е. Государство кимаков вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
2. Кумекон Б.Е. К открытию расселения куманов на территории Казахстана (по материалам средневековых арабских источников)// Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987.
3. Аш-Шариф ал-Идриси. Китаб нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак. Ал-муджаллад 1. Каир, 1994.
4. Тарих Ибн ал-Фурат. Т.9, Байрут, 1939.
5. Ибн Тагриберди. Ан-Нуджум аз-захира. Т.8, Каир, 1936.
6. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк. Т.1, Стамбул, 1915.

КИПЧАКИ, КОМАНЫ, ПОЛОВЦЫ

*Кляшторный С.Г.
Россия, Санкт-Петербург
ИВР РАН*

История Восточной Европы в X–XII вв. отмечена обширной миграцией сюда тюркоязычных племен из Центральной Азии, оказавших заметное влияние не только на политическую, но и на этнокультурную жизнь этого огромного региона. Вместе с тем, отчетливо проявилось исторически скорое воздействие этнополитических процессов на Дальнем Востоке на события в западной части евразийского пространства.

Самым заметным вторжением тюркских кочевников было, по общему мнению, кипчакская оккупация степей Евразии между Иртышем и Дунаем. Действительно, в восточной части евразийских степей, после распада государства кимаков в Прииртышье, в XI–XII вв. очевидно полное преобладание кипчаков, именовавшихся в VI–VIII вв. «шестью племенами сиров». Ставки кипчакских ханов известны на Сыр-Дарье и на Урале, а в XII в они разделили власть с ханами племен канглы.

Отождествление посткимакских племен с кипчаками уже давно стало общим в исследовательской и учебной литературе, так же как отождествление монголов с татарами для несколько более позднего времени. Подразумевается, что с самого своего появления кипчаки представляли собой хотя и многоплеменную, но этнически достаточно гомогенную тюркоязычную общность, а различия в их поименовании в мусульманских, русских и западных источниках носят окказиональный характер.

Но были ли кипчаками, как это принято считать, те тюркские племена, которые в русских, венгерских и западных источниках именовались *половцами* — *кунами* — *команами*?

Убедительность положительного ответа нарушает краткая информация, содержащаяся в одном арабском сочинении начала XII в. Придворный врач сельджукского султана Меликшаха, уроженец Мерва, Шараф аз-Заман Тахир Марвази написал трактат по зоологии и дополнил свое сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный, с очевидным фольклорно-эпическим налетом, рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение к прошлой истории огузских племен.

Согласно Марвази, *кытаи*, т.е. кидане, вытеснили из своих владений племя *кунов*. Из-за недостатка пастбищ и нападений племени *каи* куны вторглись в земли *шары*, те — в земли *туркменов*, которые в свою очередь захватили восточные земли *огузов*. Огузы ушли на запад, к Черному морю, в земли *печенегов*. Независимо от того были ли войны между перечисленными Марвази племенами или они двигались по «принципу снежного кома», западная миграция восточных тюркских племен была результатом неблагоприятных для них политических условий X — первой половины

XI вв., возникших вследствие создания в Северном Китае и Монголии киданьской империи Ляо, в Ганьсу — тангутского государства Си Ся, в Семиречье и Восточном Туркестане — Караханидского каганата. В 1036 г. тангуты подчинили государство уйгуров в Ганьчжоу и закрыли для восточных тюрков, испытывавших киданьский прессинг, Ганьсуйский коридор. Исламизированные караханидские карлуки, в недавнем прошлом — христиане-несториане, стали для «неверных» тюрков заслоном на пути к оазисам Семиречья и Мавераннахра. Относительно свободным оставался только один путь на запад — через верховья Оби и Иртыша, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье, вдоль северных границ Караханидской державы.

В 1027 г. кидани, искавшие союзников против Караханидов, присылают посольство в Газну, к султану Махмуду. Через два года, ал-Бируни, живший тогда при дворе Махмуда, упоминает в одном из своих сочинений два неизвестных дотеле восточнотюркских племени — *кунов* и *каи*. Проходит немного времени и на северных рубежах Караханидов начинаются жестокие и длительные войны карлукских *гази*, борцов за веру, с тюрками-язычниками. Отзвуки этих событий, запечатленные в караханидских эпических песнях, сохранились в записях Махмуда ал-Кашгари, к сожалению, в очень фрагментарных записях. Но там перечислены главные враги тюрков-мусульман — *ябаку*, *басмылы*, *чомулы*, *каи*, *йемеки*. Самых мусульманизированных карлуков, создателей Караханидской державы, Махмуд ал-Кашгари и Марвази именуют *туркменами*, так же, как и исламизированных в X — начале XI вв. огузов-сельджукидов.

Западные земли туркмен-карлуков, по р. Талас и в предгорьях Каратау, граничили с восточными землями сырдарьинских огузов и граница не была спокойной. Уже в IX в. здесь начались тогда еще эпизодические религиозные войны. В начале 40-х годов XI в. туркмены-сельджукиды и туркмены-карлуки окончательно сокрушили государство сырдарьинских огузов и те ушли в степи. В 1050 г. они появляются на берегах Дона и Днепра, где сражаются с печенегами и русами. Русские летописцы называли их *торками*, т. е. турками, а византийцы *узами*, т.е. огузами. Таков конечный итог событий, сохраненных в изложении Марвази.

Между тем, Махмуд ал-Кашгари, повествуя о последней жестокой войне караханидских *гази*, особо выделяет роль вождя враждебной коалиции, князя *ябаку Бёке*, т.е. «большого змея». Его собственное имя было *Будрач*. Его главным союзником или вассалом был бег басмылов. В этой войне язычники потерпели страшное поражение. И здесь стоит вспомнить две подробности. Рассказывая о народе шары, Марвази пишет: «они известны по имени их вождя, а он — басмыл». Басмылы были одним из древнейших тюркских племен. Руническая надпись из Могойн Шине-усу называет их «сорокаплеменными басмылами». Именно басмылы в 742 г. стали, в момент развала Тюркского каганата, преемниками имперской традиции — ведь *идикутами*, т.е. «августейшими государями» басмылов были князья из династийного рода тюркских каганов — Ашина. Но власть и титул были отняты у басмылов уйгурами и карлуками. А в 60-х гг. IX в. уйгуры

вытеснили басмылов из Джунгарии и те ушли в Северо-Восточное Семиречье — Махмуд ал-Кашгари помещает их на своей карте близ оз. Балхаш. Это были древние земли «желтых» тюргешей. В первой половине XI в. их восточными соседями были *каи* и *ябаку*, возглавляемые «великим змеем» Будрачем. Ко времени войн с караханидскими газаи басмылы занимали по отношению к ябаку и их вождю явно подчиненное положение, точно также как и жившие между ябаку и басмылами *каи*.

Было ли верховенство ябаку результатом военных событий, предшествовавших моменту, о котором пишет Махмуд ал-Кашгари, или же их связывали иные отношения, остается неясным. Но здесь уместно вспомнить одно вполне фольклорное повествование армянского историка XI в. Матфея Эдесского о нападении «народа змей» на «желтых». Со времен И. Маркварта принято отождествлять «желтых» или «рыжих» Матфея с *шары*, т.е. тоже с «желтыми», о которых писал Марвази и его компилятор Ауфи. Только у ябаку вождь именовался «великим змеем» и «народ змей» явно коррелирует с ябаку. У Марвази народ, подчинивший на одном из этапов западной миграции *шары*, назван кунами. И это название, известное уже ал-Бируни в паре с именем *каи*, странным образом опущено Махмудом ал-Кашгари, отлично знавшим этническую ситуацию на караханидской границе и не забывшего *каи*. Если в ситуации с *шары* Махмуд называет их по имени главенствующего племени басмылами, то пропуск имени кунов может означать лишь их обозначение иным названием. В контексте описываемых событий таким другим названием кунов было ябаку, что, собственно, является несколько презрительным прозвищем — так называли людей или животных с длинными и взлохмаченными волосами или спутанной шерстью.

Куны — одно из древнейших тюркоязычных племен, занимавших почетное место в конфедерации токуз-огузов. После разгрома в 840 г. Уйгурского каганата они бежали на восток Монголии и вскоре попали в сферу влияния киданей. Когда и в связи с какими событиями они были вытеснены киданями из Монголии неясно, но уже у ал-Бируни куны и *каи* упоминаются рядом с енисейскими кыргызами. *Каи* принято отождествлять с монголоязычными *си* из племенного союза *шивэй*, но, по моему мнению, в эту гипотезу следует внести существенное уточнение. Кроме родственных киданям *си* из племен шивэй, китайские источники многократно упоминают *белых си*, которые уже в начале VII в. входили в состав тюркоязычного племенного союза *теле*, будущих токуз-огузов. Недаром Махмуд Кашгарский пишет о *каи* как об одном из тюркоязычных племен, имевших, впрочем, свой диалект.

Несомненно, нуждается в объяснении появление этнонима *шары*. Как я уже сказал, здесь возможна связь с переселением басмылов в середине IX в. на территорию «желтых» тюргешей. Но возможны и другие гипотезы. Сами тюрки-туцзюе изначально подразделялись на группировки, обозначаемые цветовыми маркерами. Так, после распада Первого Тюркского каганата в 630 г. китайцы выделяют среди покоренных и переселенных на юг племен кроме тюрков-ашина, т.е. *кёк-тюрков*, «синих» тюрков еще и *тюрков-шели*, т.е. *тюрков-шары*, «желтых» тюрков. Это деление на группы устойчиво

сохранялось и в 735 г., в донесении императорскому двору, китайский пограничный чиновник пишет о *мочжо-тюрьках* (здесь личное имя кагана — Мочжо — заменило его родовое имя — Ашина) и *желтоголовых тюрьках*.

В тюркской этнонимике более известно деление родственных племенных групп на «белых» (*ак*) и «черных» (*кара*). Эти обозначения никак не связаны с антропологическими различиями. Они лишь маркируют структурные подразделения внутри союзов. Иногда возможны иные цветовые маркёры — «синие» и «желтые», «черноголовые («чёрношапочные»)» и «красноголовые». Обозначения со словом *сары/шары* преобладает среди племен кыпчакской группы — казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев. Обозначение *кызыл* преобладает среди туркмен.

Первоначально, цветовые ономастические маркёры всегда парные. Обособление одного из них и превращение структурного маркёра в устойчивый этноним означает распад прежней племенной общности, рождение новой племенной группировки, цветовые обозначения которой утратили атрибутивную семантику.

Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле/токуз-огузов, вытесненная из монгольских степей киданями, продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен — шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад, по традиционному пути центральноазиатских миграций. Контакт с кыпчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер этого контакта неясен.

Академик Б.Е. Кумекон, изучивший арабские источники о кипчаках, установил, что в IX–X вв. между Северным Приаральем и Южным Уралом кочевала отдельная группа *команов* (*куманов*), которая в начале XI в. попала под политическое влияние кипчаков. В середине XI в. именно команы составили авангард западной миграции степных племен, вероятнее всего политически стимулируемой кипчаками, но возглавляемой, вместе с команями, кунами-шары. Именно среди кунов и команов сохранилось племя кытан, т.е. киданей, безусловно связанное с самым ранним и самым восточным этапом этой миграции. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы — кунов-команов и шары-половцев.

Уже в 1055 г., вытесняя огузов-торков, шары-половцы закрепились на южных рубежах Киевской Руси. В их составе оказались и тюркский династический род Ашина (хан Осень/Асень, возможно был отцом Шарукана Старого), а вместе асенями — каи (каепичи) и йемеки (емякове). Судьба кунов-команов решалась к западу от кочевий половцев. А из дунайских половцев в 1187 г. выдвинулась династия основателей Второго Болгарского царства — Асеней.

В приаральской части Дешти-Кипчака состав племен начал меняться в XII в. — появились многочисленные племена канглы, вошедшие в кипчакские объединения, но не слившиеся с ними. Главная ставка канглов

была на Нижней Сыр-Дарье, а значение их в степи столь велико, что в начале XIII в. монгольское «Сокровенное сказание» (1240 г.) называет степи к западу от Иртыша «Страной канлийцев и кыпчаутов». Но с приходом монголов в истории Великой степи началась другая эпоха.

Такова возможная реконструкция азиатского контекста половецкой истории и, как мне представляется, этот контекст мало связан с историей собственно кыпчаков, основные кочевья которых остались к востоку от Итиля и Приаралья, в Восточном Дешти-Кипчаке. Там в 30-е годы XII в. сложились две группировки кипчакских племен — приаральская и сыгнакская (сырдарьинская), которые по разному строили свои отношения с государством хорезмшахов. Сыгнакские группа попала в большую зависимость от Хорезма, но в целом этот вассалитет был достаточно условным. Ополчение кипчакских племен составляло основу хорезмийской военной мощи, а династия хорезмшахов была сведена с кипчаками теснейшими родственными узами. Но историческую судьбу и половцев-команов, и восточных кипчаков полностью изменило монгольское завоевание.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ КИПЧАКОВ

*Питер Б.Голден,
США (Rutgers University
Newark, New Jersey)*

С момента их появления во второй половине XI в. на восточном пограничье Киевской Руси и вплоть до разметавшего и частично поглотившего их монгольского нашествия кумано-кипчакская полития была доминирующей силой в значительной части евразийских степей. Кумано-кипчаки сыграли важную роль в этногенезе разных средневековых и современных тюркских народов. В результате тесных связей с Венгрией, Византийской империей, Киевской Русью, Грузией и Хорезмом, они оказали большое влияние как положительное, так и негативное, на политическое, экономическое и социальное развитие этих оседлых стран. Современное состояние наших сведений о средневековых кипчаках, несмотря на сравнительно узкий круг источников, на который они опираются, позволяет нам обрисовать, разумеется, с некоторыми, порою значительными пробелами, характер их взаимоотношений с соседними народами и государствами. Однако, когда речь идет о внутренней истории, социо-политической организации этих племен, дело обстоит совсем иначе. В этой до сих пор мало изученной области, особенно ощущается скудность наших источников. К тому же приходится учитывать и то обстоятельство, что составлявшие кипчакские федерации племена, хотя и сохранили, до известной степени, традиции связанные с древнетюркским государством, в числе подвластных племен они были, никогда не создали своего собственного государства в родных степях. В связи с этим, следует отметить, что одной из забытых ими традиций была письменность, отсутствие которой во многом затрудняет наше понимание внутренней динамики их развития, мешает узнать, так сказать, подноготную этого общества. Причины, вызвавшие эту политическую отсталость, очевидно, надо искать как в тех событиях, вызвавших миграцию кумано-кипчаков в западно-евразийские степи, так и в тех природных и политических условиях, с которыми они столкнулись на своей новой родине.

Вопрос об этногенезе кумано-кипчакских племен считается одним из самых сложных и спорных проблем тюркологии [1]. Формирование этих разнородных племенных групп было многослойным, продолжительным процессом, происходившим большей частью вне поля зрения наших источников. Сложность этого процесса отражается в этнонимической пестроте кипчакских союзов и подсоюзов. Таким образом, одну часть этой политии называют «кипчакской» арабские, персидские, грузинские, армянские, монгольские и китайские источники. В византийских и латинских источниках для обозначения западной ветви этого союза употребляется этноним **Κοβμανοί, Κομανοί, Cumani, Comani**, т.е. **Quman**. В венгеро-латинских хрониках и грамотах мы встречаемся с формой **Kun**,

бытующей и поныне в качестве фамилии тех потомков куманов, искавших убежища в Венгрии во время монгольского нашествия. Вопрос о происхождении этих центральноазиатских кунов нельзя считать решенным. Дальнейшие исследования необходимы также по вопросу об их возможном отождествлении с куманами. Этноним **Куман** калькировался древнерусскими и некоторыми другими немецкими, латинскими и армянскими источниками ср.: древнерусс. **Половчин, половцы**, нем. **Falwen, Valwen**, лат. **Pallidi**, арм. **хартеш** «бледно-желтый, бледный» [2]. Восточную ветвь этой политики составляли племена канглы. Отождествление канглы с куманами подтверждается францисканцем Рубруком, совершившим в XIII веке путешествие в монгольскую столицу [3]. Очень соблазнительной является еще не установленная деривация этнонима канглы со среднеазиатско-иранского топонима **кангха**.

Что же касается этнонима **кипчак**, то он впервые упоминается, хотя и не в совсем ясном историческом контексте и только в плохо и фрагментарно сохранившейся строке, в надписи в честь уйгурского кагана Эль Тутмыш Бильге (первая треть VIII века) [4]. Кипчаки упоминаются также писавшем в IX веке ибн Хордадбехом как соседи кыргызы «в полунощных странах». По-видимому, в то время они еще находились в северной и северо-восточной части тюркского мира [5]. Трудно установить принадлежали ли в это время кипчаки к союзу, возглавляемому «кимекским хаканом». К концу X века, согласно данным «Худуд ал-‘Алем» [6], а кипчаки, хотя и признавали над собою верховную власть «кимекского хакана», уже отделились от последнего и кочевали в близком соседстве с «печенежской страной» в Волго-Яикском междуречье. Каким образом другие этнические элементы, помимо, тюркских, входили в состав кимекского союза не сообщается нашими источниками. Гардизи в одном очень путаном рассказе перечисляет кимекские племена или роды: Ими, Имек, Татар, Баяндур, Кыфчак, Ляниказ. Согласно переданной им легенде, кимеки были татарского происхождения [7]. Как бы ни достоверной или недостоверной была эта легенда, мы можем предположить, что среди кимекских племен и родов, подобно другим, тюркским государствам и конфедерациям, в том числе и орхонским, были нетюркские элементы.

В начале XI в. вследствие все усиливавшихся смут в киданьской империи, племя (или союз) Кай (**Qay**) принудило своих соседей, Кунов, откочевать и искать себе новые пастбища. Последние в свою очередь вытеснили дальше на запад племя Сары (или Шари). В последовавших межплеменных неурядицах, Куны, неизвестно каким образом, установили свое господство в кимекском союзе. Эта миграция, общие сведения о которой, сообщает нам Мервези [8], присоединила к кимекскому союзу новые этнические и племенные элементы. В ее результате этногенез кумано-кипчаков достиг нового этапа; они приняли тот этно-политический облик, который стал знаком средневековым авторам.

Как было упомянуто выше, вопрос об этногенезе племен кимек, кипчак, кун и кай и их этнических взаимосвязях породил обширную литературу [9]. Мы не ставим целью этой статьи рассмотреть во всех подробностях различные гипотезы выдвинутые учеными по поводу этого вопроса.

Единственным, бесспорным заключением, на котором сходятся мнения исследователей, является то, что в состав этого племенного союза входили разнородные этнические элементы. Наряду с тюркским элементом были и тюркизованные (или, по крайней мере, ставшие уже двуязычными) монгольские и иранские племена. По мере того как мы внимательно и всесторонне изучаем историю даже «чистых» тюркских элементов, все яснее становится наличие среди этих же племен и более древних монгольских, иранских и других этнических элементов. Например, племенная группа кай впоследствии выступавшая у мусульманских народов как один из самых храбрых и отважных из тюркских народов, являлась одним из племен, входивших в состав протомонгольского сяньбийского союза. Они фигурируют в орхонских памятниках, под именем «татабы», в качестве одного из подвластных тюркам племен [10]. Согласно данным арабских географов, перед тем как кай откочевали на запад, они были самыми близкими соседями кунов в Центральной Азии [11]. Это обстоятельство может указать на общую этническую среду. Иными словами, надо иметь в виду более чем вероятное протомонгольское происхождение кунов.

У нас нет достаточно подробных данных для того, чтобы утверждать, что куны говорили по-монгольски. Но интересно отметить, что мы находим в знаменитом словаре куманского языка, **Codex Cumanicus**, монгольские элементы или заимствования, некоторые из которых можно относить к периоду предшествовавшему монгольскому нашествию. Например, кум. **tovulğa** «шлем» (с типичным для кипчакских языков **ğ** > **w** изменением) монг. **dağulğa**, кум. **silevsün** «рысь» монг. **silegüsün**, кум. **bulov** «булава» монг. **bilagū**, кум. **сутень**, название реки упомянутой в древнерусских летописях = «молочная» монг. **süten** [12].

Нет у нас и данных для того, чтобы определить оставались ли в куманской (половецкой) конфедерации в канун монгольского нашествия племена, еще говорившие по-монгольски. В этом отношении исламские источники сообщают одно интересное известие. Монголы, попытавшиеся разъединить половцев с их союзниками иранского происхождения, Асами, обратились к первым со словами «мы с вами одного рода» [13].

Это событие можно интерпретировать двояко. Быть может, указывает на осознание этими группами общих тюрко-монгольских политических традиций или же оно подчеркивает наличие в кумано-кипчакском союзе элементов, сохранивших монгольский язык и этничность. Такой симбиоз разнородных этнических элементов в кочевых обществах нельзя считать необычным. За исключением сравнительно узкого круга исследователей, многие из занимающихся проблемами, связанными с созданием кочевых государств и племенных союзов, часто обходят молчанием некоторые важные вопросы. Например, какую роль играют потребности кочевой экономики в тех факторах, которые объединяют племена того или иного союза? Какую роль играют в этом процессе политические и военные нужды, вызванные давлением и угрозами соседних кочевых врагов и оседлых государств? До какой степени племенной союз создается для чисто оппортунистических грабительских целей? [14] Важно ли языковое

единство? Является ли оно необходимой предпосылкой в кочевом мире для создания племенного союза? В кумано-кипчакском союзе, по-видимому, эти факторы играли второстепенную роль. За исключением тех случаев, когда сплочение вызывалось необходимостью отразить общего врага, политические связи были, в общем, весьма слабыми. Доказательством слабости этих связей служит почти полное отсутствие государственности в их степных политиях. Трудно установить какое значение имели этнические различия. Однако, нельзя сомневаться в том, что эти этнические различия не только существовали между разными кипчакскими племенами, но порою давали о себе знать. Некоторые источники намекают на враждебность одних кипчакских племен к другим, которая основывалась на этнических различиях. Например, Ибн Халдун, описывая современное ему мамлюкское государство, сообщает о старой вражде, существующей между членами рода (или племени) Токсоба (Токсобичи древнерусских летописей), который имел «татарское» происхождение, и представителями рода Д.рут, якобы «кипчакского происхождения» [15]. Само собою, разумеется, такую межплеменную вражду в кочевом мире нельзя считать исключением.

Как было упомянуто выше, кумано-кипчаки не создали своего государства [16]. Очевидно, у них не было для этого достаточных стимулов. Они и без этого овладели богатыми пастбищами, идеальными для кочевания. К тому же их географическое положение предоставляло широкие возможности для наживы или, по крайней мере, для того, чтобы дополнять «годовой доход» или грабительскими набегами, или путем службы в качестве наемных войск в армиях соседних оседлых государств. Предпосылок необходимых для создания кочевого государства не было: окружающий мир не представлял никакой военной опасности, не было и междоусобиц из-за недостатка пастбищ. Соседние оседлые государства являлись или слишком слабыми для того, чтобы нанести кумано-кипчакам сокрушительный удар, или же слишком занятыми собственными междоусобицами. Помимо этого, кумано-кипчакские беги путем брачных и военных союзов с княжескими родами соседних государств, особенно с Русью, Грузией и Хорезмом, внедрялись в правящие верхушки этих держав и стали неотделимой частью их политической жизни. Но эта политика кумано-кипчаков имела негативные последствия для них самих. Политическое и военное равновесие, достигнутое таким путем, привело к политической стагнации кочевников, препятствующей их дальнейшему политическому и социальному развитию. Таким образом, кумано-кипчакский союз, составные племена которого не раз следовали противоречащей друг другу политике, оказался не чем иным как союзом племенных вождей. Каждое племя, под руководством своего правящего рода, часто проводило независимую политику в своих узких племенных интересах. Несколько родов и подразделений, объединявшихся вокруг знаменитых и талантливых военных вождей, таких как Шарукан или Боняк, образовывали субконфедерации. Одну такую субконфедерацию представляли собою «Половцы Дикие» древнерусских летописей [17]. Итак, кумано-кипчакские племена

представляются нам союзом племен, уже начинавшим превращаться в этнос. Но процесс этот был еще далеким от своего завершения.

Одним из самых важных, но вместе с тем трудных с точки зрения их интерпретации, источников по этнической истории являются племенные названия. При изучении этих названий нам всегда следует учитывать этническую сложность, самобытность истории каждой группы. Кочевые политические образования создавались и распадались с поразительной быстротой. Обобщающие политические названия исчезали или изменялись с той же скоростью. В зависимости от политической, социальной и экономической обстановки, языки тоже испытывали воздействие окружающей их среды, сближаясь с родственными им языками и диалектами. Замена одного языка другим языком даже иной языковой семьи, является далеко не исключительным событием при этих условиях. Доказательством служат многие примеры отюречивания иранских и финно-угорских народов. С этими предостерегающими замечаниями мы можем приступить к анализу кипчакских племенных названий.

Кипчакские племена и роды

Ау-ара/Ау-ора: в древнерусских летописях упоминаются два племенных вождя с этим именем; Аепа сын Асьня и Аепа сын Гиргена [18]. Как антропоним эта форма очень просто объясняется на тюркской почве: **ау** «луна» и **ара** «отец, дед, предок» [19]. В таком случае **ау-ара** никакого отношения к племенным названиям не имеет. Но, если читать эту форму как **ау-ора**, то перед нами открывается иная картина. Слово **ора** фигурирует в именах нескольких куманских племенных вождей: Китанопа, Арсланопа, Алтунопа, Ченегрепа (о которых речь будет ниже). К сожалению, остается неясным отношение этого слова к **оба** «племя, род» [20]. Прицак предполагает, что **ау-ора** является более поздней формой **гау-ора** [21]. Подобное решение этого вопроса предложено Рашони [22]. Надо признать, что из-за скудости наших данных мы в настоящее время не в состоянии разрешить проблему кай-ай. Что касается племени/народа кай, то мы можем проследить общие черты их истории, корни которой восходят к прото-монгольской среде. Кай как и Ши-вей и кидане, были потомками племен, входивших в состав сяньбийского союза. Этноним **кай** сравнивается с китай. **си** (арх. китай. **ḡiei** < **ḡay**) и **кумоси** [23]. Как было отмечено выше, они упоминаются в орхонских древнетюркских надписях среди подвластных тюркам народов в форме **татабы**. Причина их переименования в древнетюркском языке еще не получила удовлетворительного объяснения. В первой четверти X в. они стали подданными киданей, образовавших империю в Северном Китае. Как мы уже видели, в начале XI в., после того как они вытеснили кунов из Центральной Азии, некоторые роды народа кай тоже перекочевали в Среднюю Азию. Махмуд Кашгарский упоминает их там, среди отюречивающих народов, живущих по соседству с караханидским каганатом [24]. В начале XII в. во время разложения киданьской империи, другие роды кай мигрировали в Среднюю Азию, где впоследствии прославились своими военными способностями [25]. Очевидно некоторые из

этих родов, продвинувшись еще дальше на запад, присоединились к «Черным Клобукам», служившим пограничными войсками у киевских князей, ср. каепичи = кай-опа. [26]

Badač (?): Рашид ад-Дин в своем описании монгольского вторжения в 1242 г. в западную Евразию, упоминает кипчакское племя باداج. [27] Наш источник не уточняет места их столкновения с монголами, но все же, кажется, что это случилось где-то в кипчакских северо-кавказских степях. Ввиду того, что это единственное упоминание племени, мы не в состоянии считать форму, сообщенную нашим источником, совершенно надежной. Автор XVI в. Сейф ад-Дин Ахсикенти упоминает, в своем труде Маджмû' ат-Тавâрих, племя بادای или بادان. [28] Нельзя исключать возможность того, что بادای (Bâdây) – بادان (Bâdân) – باداج (Badač) являются искажениями одного и того же племенного названия.

Barat/Beret/*Baraq (?): это племенное название имеется только в списке кипчакских племен, приведенном в географическом труде Димишки: برت brt. По-видимому, они были одним из подразделений Канглы, живших в степях Хорезма. [29] В труде Ахсикенти упоминается племя بورات burat/böret (?). Так как форма у Димишки без огласовки, чтение ее как burat/böret является вполне возможным. Вместе с тем следует отметить, что в арабоязычных рукописях очень часто путаются буквы ت и ق в конце слова. Поэтому мы вправе допускать еще одно чтение: برق baraq. Барак кипчакское имя, встречающееся в Венгрии и Румынии, а также в тюркском фольклоре (как имя легендарной косматой собаки). [30]

Bayawut: Несави: بايا(و)ت bâyâ(w)t, [31] Рашид ад-Дин: باياوت bâyâwt, [32] Ибн Халдун: بياوت byâwwt, [33] Юань-ши: бай-я-ву; [34] = Bayawut. В наших источниках две группы носят это название: монг. Keherin/Keherün Baya'ut, Jede-yin Bayawut [35] и Bayawut, одно из правящих родов или подразделений канглы. Теркен/Теркен хатун, жена хорезмшаха Текиша (1172-1200) и мать злополучного Мухаммеда, была баявутского происхождения. [36] Хотя наличие монгольской ветви этой группы указывает на возможное монгольское происхождение этого племени, слово bayawut (с типичным для кипчакских языков ğ > w) явно тюркское: bayağut «богатый купец». [37]

Burčoğli: по древнерусским летописям: Борчевичи, [38] согласно арабским историкам: Димишки [39]: برج اغلوا brj 'ğlw' = burč oğlu, Нувейри [40], Ибн Халдун [41]: برج اغلى = برج اغلى brj 'ğly = burč oğli. В венгеро-латинских документах встречается форма Borchol. [42] По мнению Прицака их качевья находились между Днепром и Орелью. [43] В противоположность этому следует отметить, что Димишки связывает их с племенами хорезмийских степей. Убедительной этимологии для слова burč еще нет. [44] Oğli < oğul «сын» соответствует славян. -ичи/-вичи.

B.zângî (?): Упоминается только у Димишки: بزانكى bzâncy (var. lect. بزانكة 'nğânkh). Рашоньи видел в этой форме искажение براندی Berândi/Берендей. [45] Но с этим трудно согласиться как с исторической так и с филологической точки зрения.

Ĉağraq/Ĉağrat/Ĉoğraq/Ĉoğrat/Ĉoqrat: جغراق jğrâq/ جغرات jğrât упоминаются только в историческом труде Байхаки, [46] обычно вместе с племенем **Küçet**. [47] Какому чтению следует отдать предпочтение неясно. По всей вероятности правильной формой является Ĉoğrat/Ĉoqrat: **ĉoqra** «сильно кипеть, бурлить», **ĉoqrat** «заставлять сильно кипеть». Такое название принадлежит к категории тюркских этнонимов выражающих «силу, неистовство, насилие».

*Ĉitey (oğli): Читъевичи встречаются в древнерусских летописях [48] (ср. **Chydbe (*Ĉit be[gl])** упомянутой в венгеро-латинских документах [49]). Принадлежность этой группы к кумано-кипчакскому союзу нельзя считать вполне установленной и требует уточнения.

Ĉirtan/Ĉortan/*Ozur Ĉortan: Димишки [50]: ازورجرطان = *ازورجرطان: 'zwr jrtân = ozur ĉortan, Мубарекшах [51]: دورجرتان = ازورجرتان: 'zwr jrtân = ozur ĉortan, Нувейри [52], Ибн Халдун [53]: جرتان

jrtân = ĉortan, по венгеро-латинским документам [54]: **Chortan, Chertan**. По мнению Рашоньи: кум. **ĉortan** «щука» (ср. кумык. **ĉortan baliq**, тркм. **ĉortan**, койб., саг. **sortan**, каз. **șortan**, тат. **ĉurtan**). **Ozur** < тюрк. **oz-** «обгонять, перегонять, опережать, выигрывать, проходить мимо». [55]

Durut/Dört/Dörüt (?): Нувейри [56]: دروت: drwt, Ибн Халдун [57]: drwt = durut, dorut, dūrüt, dörüt, dört (?). О вражде, существовавшей между дурутами и токсобичами, см. выше. Чтение в виду скудости наших данных нельзя считать установленными. Если считать правильным чтение **dört** тюрк. «четыре», то мы имеем дело с обычным в кочевом мире явлением: племенные названия, имеющие в основе имя числительное, которое указывает на число родов или подразделений, составляющих данную группу. [58]

Enĉoğli/*İlanĉugli (?): упоминается только у Нувейри [59]: انجغلى 'njgly = enĉoğli. Другие данные о них не приводятся. **Enĉoğli**: < тюрк. **enĉ** «покой, спокойствие». [60] Такое название входит в категорию тюркских племенных названий, означающих «миролюбивость, послушность». [61] Другие возможности предоставляет исправленная форма: النجغلى: 'Injgly = ilanĉugli = ilanĉuqli < yilanĉuqli, **yilan** «змея» с уменьшительным суффиксом – ĉuq. Ср. **ilonchuk** упомянутый в венгеро-латинских документах. [62]

İlanĉuq, см. выше.

It-oba: Мубарекшах [63]: اتبا 'tbâ = itoba, Димишки [64]: ايتبا 'ytbâ = itoba, Нувейри [65]: يتبا ytâ < *ايتبا 'ytbâ = itoba, Ибн Халдун [66]: ستا stâ < *ايتبا 'ytbâ = itoba. Формы, которые приводят Нувейри и Ибн Халдун можно рассматривать как совсем другие названия: يتبا ytba = yet(e)-oba, ср. Стебичи древнерусских летописей. **yete** < тюрк. «семь» + **oba**.

Ибн Халдун [67] приводит еще одну форму اوغلى 'wgly, которую обычно восстанавливают как *ات اوغلى 'wgly: тюрк. **It-oğli** «сын собаки». По всей вероятности тотемом этого рода являлась собака. С этой формой сопоставляют имя половецкого князя Итоглы известного по древнерусским летописям [68] как союзника киевских князей. Итоглы можно рассматривать не как антропоним, а как титул князя рода **It-oba**. Этот род кочевал в причерноморских и прибужских степях. [69]

Qitanopa: среди убитых половецких князей в знаменитом русском походе 1103 г. упоминается **Китанопа**. [70] Это имя скорее всего является титулом главы рода (или племени) Китан. Последние, как было уже отмечено выше, входили в состав протомонгольского сяньбийского союза. В X в., изгнав кыргызов из Монголии, китане (кидане является китайским произношением этого этнонима) овладели Северным Китаем и создали империю Ляо. После распада этой империи в первой половине XII в. под ударами чжужженей, некоторые киданьские племена, откочевав в Среднюю Азию, образовали в Туркестане государство каракитаев. Очевидно, еще ранее этого киданьские группы или элементы, связанные с этой империей и сохранявшие этот этноним стали проникать в тюркскую, т.е. кипчакскую среду.

K.n.n. (?): Нувейри, Ибн Халдун [71]: **کنن** knn. Возможно несколько исправленных чтений: **کتن** ktn: **köten**, ср. Котян, знаменитый князь западнополовецкой ветви. [72] Но в домонгольский период антропонимы обычно не выступают как этнонимы у тюркских народов. [73] **کیت** kyt = **Keyit**. Такое племенное название приводится в списке тюркских народов у Ахсикенти. [74] **Keyit** < тюрк. (каз. кирг.) **keyit** – «огорчать» [75].

Küĉeba/Küĉoba: в древнерусских летописях [76] упоминается крестившийся половец, Соудимир Коучебич, служивший у русских князей. Отчество его указывает на племенное или родовое название. Тюрк. **küĉ** (монг. **küĉü(n)**) «сила, могущество». + **oba**.

Küĉet: Махмуд Кашгарский [77]: **کجت** kjt = küĉet, Бейхаки [78]: **کجات** kjât = küĉät, Мубарекшах [79]: **کجات التی** 'lty kjât = alti küĉät. Вместе с племенем Чограт (см. выше) они играли в XI в. значительную роль в истории Хорезма. По всей вероятности они входили в число канглы. Кючет < тюрк. **küĉet** – «побуждать, отнять». [80]

Kor/Qor (?): упоминается только в венгеро-латинских документах: **Koor** [81] Рашоньи сопоставляет **koor** с уйг. **qoġur/qoqur** «пустой, ничтожный малозначительный», [82] но вряд ли это правильно. Этимологии производные от тюрк. **qor** «убыток, ущерб, вред» и **qor** «закваска для приготовления кислого молока или кумыса» [83] тоже маловероятны.

Qara Börklü: Димишки [84]: **قرا برکلو** qra brklw' = qara börklü, Ибн Халдун [85]: **قرا برکلی** qra brkly = qara börkli (исправленная форма < **قدا برکلی**): тюрк. «имеющий, носящий черный колпак». Вряд ли имеет прямую этническую связь с однозначным термином «Черный Клобук» (ср. **qôm-I siyâh kulâhân** «племя черных калпаков» у Рашид ад-Дина [86]), так как последние, служившие у киевских князей, являлись врагами кумано-кипчаков. Наличие этого термина у нескольких групп кочевников (ср. Кара Калпак) наводит на мысль, что под этим термином скрывается какая-то социальная сущность, выражающая, быть может, зависимость.

Qol-oba/Qul-oba: в древнерусских летописях упоминаются **колобичи/кулобичи** и Съдвакъ Каулобичкии [87], Нувейри [88]: **قلابا** qlâba = quloba/qoloba, Ибн Халдун [89]: **قلابا اغلی** qlâbâ 'gly = quloba/qoloba oġli < тюрк. **qul** «раб».

Q.mngû/*Qumanlu (?): Димишки [90]: **قمنکوا** qmnkw' = ***قمنلوا**: qmnlw' = qumanlu < **Quman** ? **قنکوا**: qnklw' = qanglu < **Qanglu**.

Qoŋgur-oğli: Нувейри [91]: قنغر = * قنغر qnğr = qoŋgur, Ибн Халдун [92]: قنغر اغلى qnğr 'ğly = qoŋgur oğli, Ибн Докмак [93]: قنغر اوغلى qnğr 'wğly = qoŋgur oğli. **Kongur** встречается в Венгрии как фамилия и топоним в «Большой Кумании» (Nagy Kunság). [94] < тюрк. **qoŋgur** «гнедой» (о лошадиной масти), рыжеватый, каштановый, коричневый, каурый». Монг. **qoŋgur** является древним заимствованием из тюркского. [95]

Mekrüti/Bekrüti/Bekürte: Рашид ад-Дин [96]: مكروتى mkrwty (var. lect. بكروتى bkrwty = mekrüti/bekrüti). Согласно нашему источнику, в 635/1237-38 г. монгольские войска во главе с Берке победили это племя, кочевья которого лежали между Крымом и Северо-Кавказскими степями. Рашид ад-Дин приводит имена трех родовых глав: Er Ğomaq, Quranmas и Qiran. В исправленной форме بكولاتى bkwrtly мы можем читать **bekürte** < **bekürt** – «заставлять укрепить, усилить». [97]

Mingüz-oğli: у Димишки встречаем форму [98] منكور اغلوا , которую следует исправить на منكوز اغلوا mnkwz 'glw = mingüz oğlu, ср. кирг. mingiz – «посадить на лошадь». [99]

Orunggut: упоминаются у Рашид ад-Дина как соседи племени Бадач (см. выше) во время монгольского вторжения 1243 г.: اورونكقوت 'wrwnkqwt = orunggut < монг. **orunggu** «род маленькой газели коричневой масти» [100] с монг. окончанием множ. числа **-t**.

Ölberli(g)/Ölperlig: в китайских источниках: **Юй-ли-бай-ли, Юй-ли-бей-ли**, [101] в древнерусских летописях: **Отперлюсье** = **Олперлюсье** [102] = Ölperlü, «Слово о полку Игореве» [103]:

Олбрьы/Ольберы, Мубарекшах [104]: ال برل يك = برل يك = برلك / ال برل يك 'lb(y)rlyk = Ölberlig, в латинском письме монгольского хана Хулегу: **reges uilperitorum** [105] (короля уйлперов), Джузджани [106]: البرى 'lbry = ölberi, Абу Хайан [107]; Нувейри [108], Ибн Халдун [109]: ال برلى 'lbrly = ölberli, Рашид ад-Дин [110] اول برل يك 'wlbrlyk = ölberlig. В первой четверти XII в. Племя Ольберли, откочевав из своих родных кочевий в Джехولة в Манчжурии, продвинулось в Среднюю Азию и оттуда в восточную часть южнорусских степей. Там, входя в состав «Диких половцев» они стали одним из самых важных подразделений этой субконфедерации. Еще позднее, в XIII в. Гулямы ольберлийского происхождения образовали правящую верхушку Делийского султаната в Индии. В Юаньском Китае представители бывшей «ханской» династии ольберли занимали высокие должности в монгольской администрации. [111]

Ölberlig < монг. **ölöbur** «хворый, слабый здоровьем». [112] + **-li(g)** тюрк. (и монг.) аффикс, образующий прилагательные. Кочевья Ольберли простирались от реки Донца к степям Хорезма. Один китайский источник юаньского периода сообщает, что их территория находилась в волго-яикском междуречье. [113]

Ören/Uran: Мубарекшах [114], Джувеини [115]: اوران 'wrân = ören/uran (? правильное произношение не установлено). Один из руководящих родов канглы. Наши представления о взаимосвязях племен (родов ?) йимек-баявут-орен/уран, лишь фрагментарно освещаемых нашими источниками остаются смутными. Нельзя сомневаться в том, что они играли немаловажную, и

иногда отрицательную роль во внутренних делах хорезмшахов [116]. Тюрк. **Ören** (иран. **veyrân** «разрушенный, разоренный, опустошенный») «плохой, разрушенный». [117] Монг. **uran** «художник, мастер, ремесленник». [118]

Peçene: Димишки [119]: **بجنة** bjnh = peçene. Печенэ являются остатками печенегов присоединившихся к половецкому союзу. Большинство печенежских родов откочевало на запад, сконцентрировавшись на придунайском пограничье, где в 1091 г. Они были почти полностью уничтожены византийскими войсками (с помощью куманских союзников). [120]

Шань-мией гу-ма-ли упоминаются лишь в **Юань-ши** [121], которое содержит довольно смутное известие о том, что племя, которому принадлежала бабушка знаменитого чиновника канглийского происхождения Аша Бука, была «шань-мией гу-ма-ли». Какая тюркская или монгольская форма скрывается в этих иероглифах не установлено.

Tarew (?): древнерусские летописи [122] сообщают, что в 1086 г. Половецкий князь Азгулуи Тарьевский был убит войсками Владимира Мономаха. Тарьевский, быть может, указывает на какое-то родовое название.

Targil: половецкое племя или род, взявшее в плен новгород-северского князя Игоря, в 1185 г. упоминается в древнерусских летописях [123] **Тарголове**: **Targil**. В этой связи следует отметить, что Ахсикенти в своем списке тюркских племен приводит **يارغیل** târgyl = targil [124] < тюрк. **targil** «полосатый» (о масти животных) [125].

Terter/Teriter-oba: среди половецких племен, выступивших против князя Игоря в 1185 г. [126] Были **Терьтробич(и)** = **terter/teriter-oba**. В XIII в. Основателем царской династии куманского происхождения Тертеридов в Булгарии был Георгий Тертер (**Τερτερής** [127]), носивший эту фамилию. [128] Тертер < тюрк. **terter** < **teriter** < **terit** – «потеть», **terter** < **terter** – «заставлять потеть». [129]

Toqsoba/Toğsoba: **Токсобичи** [130], Димишки [131]: **طقسبا** tqsbâ = toqsoba, Нувейри [132], Абу Хайан [133]: **طقسبا** tqşwbâ = toqsoba, Ибн Халдун [134]: **طقسبا** tqşbâ = toğsoba. Токсобичи под руководством династии Шаруканидов входили в состав «Диких Половцев» и являлись одним из их правящих родов (или племен). Земля токсобичей простиралась от Дона и Донца до хорезмийских степей. [135] Рода, носящие это название, встречаются также среди башкир и казахов. [136] Согласно Ибн Халдуну они были «татарского» происхождения. Убедительная этимология этого племенного названия еще не установлена. Есть несколько возможностей: 1) **Tuhs(i)-oba** < Тухсы, считавшиеся остатком Западного древнетюркского племенного союза тюргешей и впоследствии имевшие тесные связи с племенным союзом чигилей [137].

2) **Toqs** < тюрк. **toqus/toguz** «девять», **toquz-oba** «союз девяти родов». 3) монг. **toğusu(n)** «пыль» = «племя песчанной, пыльной пустыни». Выдвинутая Рашоньи этимология на основе тюрк. **toq** «сытый» + **saba** «бурдюк» вряд ли приемлема [138].

T.ğ Y.şqūt [Tağ-Başqurt?]: упоминаются только в списке кипчакских племен у Димишки [139]: طع يشقوٹ tğ yşqūt = طع بشقرٹ tğ bşqrṭ = *Tağ Başqurt: тюрк. **tağ** «гора», **Başqurt** «башкир». Если эта реконструкция является правильной, то мы можем предположить, что некоторые башкирские рода входили в число племен, составлявших восточно-кипчакскую субконфедерацию. В связи с этим, следует отметить, что племенное/родовое название **tauli** (< **tağli**) бытует и по сей день у башкир [140].

Ulaš-oğli: по русским летописям [141]: **Оулашевичи**; в венгеро-латинских документах упоминаются **Olaas** (чит. олаш). [142] По мнению Прицака их кочевья простирались вдоль реки Самара. [143] **Ulaš** < тюрк. **ulaş** – «достигать, доходить». [144]

Urus-oba: Оурусоба числится в перечне убитых половецких князей [145] в 1103 г. русскими войсками. По всей вероятности **Оурусоба** в этом случае является не личным именем, а родовым или племенным названием. Как таковое оно приводится в списке кипчакских племен у Димишки [146]: الارس 'Ūrs = al-urus (var. lect. الاش al-ulâş!) и у Мубарекшаха [147]: اوروس 'wrws = ūrûs. Согласно Димишки они кочевали в хорезмийских степях. Урус (-оба), следует, подчеркнуть, никакого отношения к этнониму **(u) rus** «русский» не имеет. Ал-Масуди [148] пишет о принявшей ислам группе хорезмийского происхождения, служившей в личной гвардии хазарских каганов: الارسية 'Ūrsyh = al-Orsiyya/al-Ursiyya. Этноним **Ors/Urs** относится к древним сарматским племенам 'Aорσοι. В скифо-осетинских языках наблюдается **au/ao > u/o**. [149] Следовательно, 'Aорσ – (**auruša** «белый») > **ors/urs**. Мигрировавшие в причерноморские степи алано-асские племена присоединили аорсов своему союзу. По всей вероятности, отторчение племен орс/урс связано с их службой у хазарских каганов. Ряд источников свидетельствует о тесных связях алано-асов с хазарами, печенегами и кумано-кипчаками. На тюркской почве **ors/urs** превратился в **urus**. Для отождествления кумано-кипчакских урус-оба с аорсами и хазарскими орами, конечно, нет прямых свидетельств. Но, такое предположение вполне возможно. [150] Во всяком случае наличие кипчакского рода или племени, носившего это название, не подлежит сомнению. В связи с этим можно отметить наличие у казахов рода **орыс**. [151]

Yemek/Yimek: по древнерусским летописям **Половцы Ємжкове = Yemäk**, [152] Димишки, Абу Хайан [153]: يمك ymk = yemek/yimek/Эта форма является закономерным видоизменением (с выпавшим начальным **k-**) этнонима **Kimek**. Последние, до миграции кунов, возглавляли союз племен в Западной Сибири, носивший их имя. [154] Они упоминаются среди племен, тяготевших к Хорезму, но были известны также Волжским болгарам и Киевской Руси.

Yete-oba, см. It-oba выше.

Yuğur: упоминаются в **ат-Тавасул илâ 'т-Тарассул:** يوغور uwğwr = yuğur. [155] По-видимому, слово **Yuğur** является разновидностью (с метатезой) этнонима уйгуров. Среднеазиатских югуров можно рассматривать как потомков уйгурских групп, бежавших в эти земли после разгрома их

государства в Монголии в 840 г. Ахсикенти приводит их имя в своем списке тюркских племен. [156]

Этническая принадлежность упомянутых в «Слове о полку Игореве» тюркских племен или скорее всего родов, **Могуты, Ревуги, Шельбиры, Топчаки** еще является предметом дискуссии [157]. Баскаков в недавно вышедшем труде высказался за черноклобуцкое происхождение этих «микроэтнонимов». [158]

В перечне половецких князей, убитых в 1103 г. приводятся имена: Алтунопа, Арсланопа, Китанопа, Ченегрепа. [159] Как было отмечено выше, если предположение о том, что **-опа** является не частью личного имени, а указанием на род, то эти имена следует рассматривать как титулы: Алтунопа «глава рода Алтун» и т.д.: алтунопа < тюрк. **altun** «золото», Арсланопа < тюрк. монг. **arслан** «лев», Китанопа < племенное название **Qitañ**, Ченегрепа < **Čeneg(i)r** (?) **čenegre**, ср. монг. **činege(n)** [160] «сила, могущество», ***činegere** – «стать могучим».

Вопреки тому, что наши данные об этногенетической и политической истории и внутренней динамике развития кумано-кипчакских племен являются далеко не полными, выясняется, что разные тюркские, монгольские и иранские племена принимали активное участие в этом процессе. Процесс этот являлся многосторонним и длился столетиями.

Список литературы:

1. Общая история кипчаков еще не написана. См. статьи Д.А. Расовского, «Половцы» **Seminarium Kondakovianum**, VII (1935), VII (1936), IX (1937), X (1938), XI (1940); О. Pritsak “The Polovcians and Rus’” **Archivum Eurasiae Medii Aevi**, 2 (1982); P.B. Golden, “Cumanica I: The Qipčaq̄s in Georgia” **Archivum Eurasiae Medii Aevi**, 4 (1984) и его же “Cumanica II: The Ölberli: The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan” **Archivum Eurasiae Medii Aevi**, 6 (1986); статьи Ахинжанова, «Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия» **Вестник Казахской Академии Наук**, №1 (1970), «Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII-начале XIII века» **Археологические Исследования в Казахстане** (Алма-Ата, 1973).
2. Литература по этому вопросу обширна, см. J. Marquart, **Über das Volkstum der Komanen** (W. Bang, J. Marquart, **Osttürkische Diakektstudien, Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen**, philologisch-historische Klasse, N.F., XIII, Berlin, 1914); P. Pelliot, “A propos des Comans” *Journal Asiatique*, XV (1920), стр. 125-185; J. Németh, “Die Volksname **quman** und **qun**” **Körösi Csoma Archivum**, 3 (1940), стр. 93-107; К.Х. Менгес, **Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»** (Ленинград, 1979), стр. 7; О. Pritsak “Polovcians”, **АЕМАе**, 2 (1982), стр. 321-335.
3. Он пишет: “Quidam Comani qui dicebantur Cangle”, “Cangle quidam parentela Comanorum”, A. van den Wyngaert (ed.), **Sinica Franciscana**.

- Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV** (Queracchi-Firenze), I, стр. 211, 218.
4. С.Г.Кляшторный, «Кипчаки в рунических памятниках» **Turcologica 1986** (Ленинград, 1986), стр. 153-164. Кляшторный выдвигает интересную гипотезу, в которой отождествляет кипчаков с народом **Сиром**, несколько раз упоминавшимся в орхонских древнетюркских рунических надписях.
 5. Ибн Хордадбех, **Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik**, ed. M.J. de Goeje (Leiden, 1889), стр. 31
 6. **Hudûd al-'Âlam**, ed. M. Sotoodeh (Tehran, 1962), стр. 87; V. F. Minorsky, **Hudûd al-'Âlam** (London, 1937, rev. ed. 1970), стр. 101.
 7. A. P. Martinez, "Gardîzî's Two Chapters on the Turks" **Archivum Eurasiae Medii Aevi**, 2 (1982), стр. 120.
 8. V. Minorsky (ed. trans.), **Sharâf al-Zamân Tâhir Marvazî on China, the Turks and India** (London, 1942), стр. 18.
 9. Marquart, **Komanen**; Pelliot, "Comans" **Journal Asiatique**, XV (1920), стр. 125-185; Расовский «Половцы» **Seminarium Kondakovianum**, VII, стр. 248-257; Gy. Németh, "Die Volksname **guman** und **qun**" **Körösi Csoma Archivum**, 3 (1940), стр. 93-109; M. F. Köprülü, "Osmanli İmparatorluğu'nun etnik menşei meseleleri" **Belleten** VII/28 (1943), стр. 219-303; K. Czeglédy, "A kunok eredetéről" **Magyar Nyelv**, XLI (1949), стр. 43-50; К. Ш. Шаниязов, **К этнической истории узбекского народа** (Ташкент, 1974); Р. Г. Кузеев, **Происхождение башкирского народа** (Москва, 1974); С. М. Ахинжанов, «Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана» **Прошлое Казахстана по археологическим источникам** (Алма-Ата, 1976), стр. 81-92; Pritsak "Polovcians", **АЕМАе**, 2 (1982), стр. 321-335.
 10. В. С. Таскин, **Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху** (Москва, 1984), стр. 142-153.
 11. Al-Bîrûni, **Kitâb at-Tafhîm**, ed. R. Wright (London, 1934), стр. 145; Yâqût, **Mu'jam al-Buldân** (Beirut, 1955), I, стр. 31.
 12. N. Poppe, "Die Mongolischen Lehnwörter im Komanischen" **Németh Armağani** (Ankara, 1962), стр. 331-345; Pritsak "Polovcians", **АЕМАе**, 2 (1982), стр. 334.
 13. Ibn al-Aţîr, **Al-Kâmil fi 't-Ta'rîx**, ed. S. J. Tornberg (Leiden, 1851-1876, Beirut, 1965-1966), XII, стр. 385-386.
 14. Для обсуждения некоторых из этих вопросов, см. книгу А. М. Хазанова, **Nomads and the Outside World** (Cambridge, 1983), стр. 228-263.
 15. Ibn Haldûn, **Kitâb al-'Ibar** (Beirut, 1971), V, стр. 372.
 16. P. B. Golden, "Imperial Ideology and Sources of Unity Amongst the Pre-Çinggisid Nomads of Western Eurasia" **Archivum Eurasiae Medii Aevi**, 2 (1982), стр. 69-70.
 17. P. B. Golden, "The *Polovci Dikii*" **Harvard Ukrainian Studis**, III/IV (1979-1980), стр. 296-309.

18. Полное собрание русских летописей (Москва-СПб./Ленинград, 1840), т. II, стр. 259, 285.
19. Sir Gerard Clauson, An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish (Oxford, 1972), стр. 5.
20. Clauson, стр.5; Э. В. Севортян, Этимологический словарь тюркских языков (Москва, 1974, 1978, 1980), т. I, стр. 400-401.
21. Pritsak, "Polovcians", АЕМАе, 2 (1982), стр. 333, 335. Для изменения q/k < o см. Т. Halasi-Kun, Türk Dili ve Tarihi hakkında Araştırmalar (Ankara, 1950), стр. 46-47.
22. Rásonyi, "Kuman özel adları" Türk Kültürü Araştırmalar, III-IV (1966-1969), стр. 111.
23. Прицак отделяет кумо от си и отождествляет кумо с кимеками, см. его "Polovcians", АЕМАе, 2 (1982), стр. 332.
24. Mahmûd Kaşgarî, Divanü Lugat it-Türk (Ankara, 1941), стр. 25.
25. W. Eberhard, "Sinologische Bemerkungen über den Stamm der Kay" Monumenta Serica, 12 (1947), стр.204-212; F. M. Köprülü, "Kay kabilesi hakkında yeni notlar" Bellekten, VIII, стр. 421-452; Golden, "Cumanica II: The Ölberli" Archivum Eurasiae Medii Aevi, VI (1986).
26. Ввиду того, что большинство входивших в состав Черных Клобуков племен было огузского происхождения, этноним каепичи можно интерпретировать как кайы-опа. Огузское племя кайы, конечно, никакого отношения к центральноазиатским кай не имеет, см. F. M. Köprülü "Osmanlı imparatorluğu'nun etnik menşei meseleleri" Bellekten, VIII/28 (1943), стр. 219-303.
27. Рашид ид-Дин, Джâми' ат-Тавâрих, изд. Б. Карими (Тахран, 1338/1919-1920), I, стр. 483.
28. Т. И. Султанов, Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Москва, 1982), стр. 483.
29. Ад-Димишқи, Nuhbat ad-Dahr fî 'Ajâ'ib al-Barr wa'l-Bahr, изд. Ф. Мерен (СПб., 1886), стр. 264.
30. Султанов, Кочевые племена, стр. 30, L. Rásonyi, "Contribution a l'histoire des premières cristallisations d'Etat des Roumains. L'origin des Basaraba" Archivum Europae Centro-Orientalis, I (1935), с. 231-232; R. Dankoff, "Baraq and Burâq" Central Asiatic Journal, XV (1971), с. 102-117.
31. Histoire du Sultan Djelal ed-Din Mankbirtî, изд. O. Houdas (Paris, 1891), с. 32; Ан-Насави, Жизнеописание Султана Желал-ад-Дин Мангбурны, перев. З. М. Буниятов (Баку, 1973), с. 70.
32. Фазлалләх Рашид ад-Дин, Джâми' ат-Тавâрих, изд. А. А. Ализаде (Баку, Москва, 1957, 1965, 1980), II/1, с. 347, 657.
33. Ибн Халдун, V, с. 235.
34. P. Pelliot, L. Hambis, Histoire des campagnes de Genghis Khan (Leiden, 1961), стр. 82-112.
35. Рашид ад-Дин, изд. Ализаде, I/1, с. 657-658; Pelliot, Hambis Campagnes, с. 82-83.

36. В противоположность сообщениям Несави и Ибн Халдуна, Джувейни (**Ta'rih-i Jahân Gušâ**, изд. М. Казвини (Лондон-Лейден, 1912, 1916, 1937), II, с. 109) связывает ее с племенем Уран/Öрен.
37. Clauson, с. 385; L. Bese, “Néhány etnikai elnevezésről a Mongolok Titkos Történetében, II” **Keletkutatás** (1988 tavasz), с. 25.
38. **ПСРЛ**, I, с. 250, II, с. 644.
39. изд. Мерен, с. 264.
40. В. Тизенгаузен, **Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды** (СПб., 1884, Москва-Ленинград, 1941), I, с. 539.
41. Бейрут. изд., V, с. 371.
42. Rásonyi, “Kuman özel adlari”, с. 96.
43. О. Pritsak, “The Non-’Wild’ Polovtsians” **To Honor Roman Jakobson** (The Hague-Paris, 1967), II, с. 1623.
44. Rásonyi, “Kuman özel adlari”, с. 96; Б. А. Баскаков; **Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве»** (Москва, 1985), с. 78.
45. Димишки, изд. Мерен. с. 264; L. Rásonyi, “Les Turcs non-islamisés en Occident (Pécénègues, Ouzes et leurs rapports avec les Hongrois)” **Philologiae Turcicae Fundamenta**, III (Wiesbaden, 1970), с. 24
46. **Ta'rih-i Bayhaqî**, изд. ‘Али Акбар Файйâз (Тахран, 1971), с. 99, 411, 933.
47. С. Е. Bosworth, **The Ghaznavids** (Edinburg, 1963), с. 209, 233, 238; F. М. Köprülü, “Kay kabilesi hakkında yeni notlar” **Bellekten**, VIII (1948), с. 435 и след.
48. **ПСРЛ**, I, с. 248, 249.
49. Rásonyi, “Kuman özel adlari”, с. 110; Баскаков **Тюрк. лексика**, с. 91. Среди казахов встречается антропоним Чит.
50. изд. Мерен, с. 264.
51. **Ta'rih-i Fakhru'd-Dîn Mubarâkshâh**, изд. Э. Д. Росс (Лондон, 1927), с. 47; A.Z.V. Togan, “On Mubarakshah Ghuri”, **Bulletin of the School of Oriental Studies**, VI (1932-1933), с. 847-848.
52. Тизенгаузен, **Сборник**, I, с. 539.
53. Бейрут. изд., V, с. 372.
54. Rásonyi, “Kuman özel adlari”, с. 101.
55. Clauson, с. 279, Севортян, I, с. 425.
56. Тизенгаузен, **Сборник**, I, с. 539.
57. Бейрут. изд., V, с. 372.
58. I. Kafesoğlu, **Türk Bozkir Kültürü** (Ankara, 1987), с. 18.
59. Тизенгаузен, **Сборник**, I, с. 539
60. Clauson, с. 171-172; **Tarama Sözlüğü**, III (Ankara, 1967), с. 1466 **enç** “rahat, huzur, asayiş”, **Codex Cumanicus**, изд. К. Гренбех (Копенгаген, 1942), с. 88.
61. Gy. Németh, **A honfoglaló magyarság kialakulása** (Будапешт, 1930), с. 35-36.
62. Rásonyi, **PhTF**, III, с. 20.
63. изд. Росс, с. 47, Togan, “Mubarakshah”, с. 850.
64. изд. Мерен, с. 264.

65. Тизенгаузен, **Сборник**, I, с. 539.
66. Бейрут. изд., V, с. 372.
67. Бейрут. изд., V, с. 372.
68. **ПСРЛ**, I, с. 361, 396, II, с. 632, 668, 672, 675.
69. Pritsak, "The Non-'Wild' Polovtsians", с. 1616-1619, 1621.
70. **ПСРЛ**, I, с. 278-279, II, с. 255.
71. Тизенгаузен, **Сборник**, I, с. 539; Ибн Халдун, Бейрут. изд., V, с. 372.
72. Rásonyi, "Kuman özel adlari", с. 118.
73. Nemeth, **НМК**, с. 59-65.
74. Султанов, **Кочевые племена**, с. 31.
75. В. N. Shnitnikov, **Kazakh-English Dictionary** (London-The Hague-Paris, 1966), с. 122; К. К. Юдахин, **Киргизско-русский словарь** (Москва, 1965), с. 367.
76. **ПСРЛ**, II, с. 342.
77. **Divan**, с. 180.
78. изд. Файаз, с. 99, 402, 407, 411, 429, 933.
79. изд. Росс, с. 47
80. Clauson, с. 696-696.
81. А. Páloczi-Horváth, "L'immigration et l'établissement des Comans en Hongrie" **Acta Orientalia Hungarica**, 29, (1975), с. 320; Rásonyi, "Kuman özel adlari", с. 115.
82. В. М. Надеяев и др., **Древнетюркский словарь** (Ленинград, 1969), с. 452, 457.
83. Clauson, с. 642-643; **ДтСл.** с. 457, 458.
84. изд. Мерен, с. 264.
85. Бейрут. изд., V, с. 372.
86. изд. Ализаде, II/1, с. 162-163. Об истории Черных Клобуков, см. С. А. Плетнева, **Древности черных клобуков** (Москва, 1973); Т. Nagrdzka-Majchrzyk, **Czarni klobuci** (Warszawa, 1985).
87. **ПСРЛ**, II, с. 632, 641.
88. Тизенгаузен, **Сборник**, I, с. 539.
89. Бейрут. изд., V, с. 372.
90. изд. Мерен, с. 264.
91. Тизенгаузен, **Сборник**, I, с. 539.
92. Бейрут. изд., V, с. 372.
93. Rásonyi, "Kuman özel adlari", с. 115.
94. Rásonyi, "Kuman özel adlari", с. 115.
95. **ДтСл.** с. 456; Clauson, с. 639; F. Lessing, **Mongolian-English Dictionary** (Bloomington, 1982), с. 962.
96. изд. Ализаде, II/1, с. 137.
97. **ДтСл.** с. 93.
98. изд. Мерен, с. 264
99. В. В. Радлов, **Опыт словаря тюркских наречий** (СПб., 1893-1911), IV/2, с. 2150.
100. Lessing, с. 623; N. Poppe, **Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen** (Wiesbaden, 1960), I, с. 99: mong. **oronggo**

- “Hirsch”, ev. lam. go. **oron** “Rentier” ; J. Norman, **A Concise Manchu-English Lexicon** (Seattle, 1978), с. 225 **oron** “domesticated reindeer”, **oronggo** “Przwalski’s gazelle”.
101. Peliot, Hambis, **Campaignes**, с. 97, 104-105, 107-108.
 102. **ПСРЛ**, II, с. 435.
 103. Д. С. Лихачев, **«Слово о полку Игореве»** (Москва, 1982), с. 135.
 104. изд. Росс, с. 47.
 105. P. Meuvaert, “An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia to King Louis IV of France” **Viator**, II (1980), с. 254.
 106. **Tabakat-i Nâsirî**, изд. ‘Абд ал-Хайй Хабиби (Кабул, 1963-1954), I, с. 440.
 107. **Kitâb al-Idrâk li Lisân al-Atrâk**, nşr. A. Caferoğlu (Istanbul, 1937), (арабск. текст), с. 29.
 108. Тизенгаузен, **Сборник**, I, с. 539.
 109. BEJRUT IZD., V, с. 372.
 110. изд. Ализаде, II/1, с. 129.
 111. P.V. Golden, “Cumanica II: The Ölberli/Ölperli: The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan” **Archivum Eurasiae Medii Aevi**, 6 (1986).
 112. Ср. монг. **ölber-/ölmer-/ölmür-**, **ulbu-ni** “verhungern, vor Hunger sterben” (ср. тюрк. **öl-** «умирать»), П.М. Мелиоранский, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» **Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук**, VII/2 (1902), с. 287; Lessing, с. 633; G. J. Ramstedt, **Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft** (Helsinki, 1952, 1957, 1966), I, с. 146, II, с. 105; Poppe, **Vergleichende Grammatik**, I, с. 108, 125.
 113. Th. Allsen, “Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217-1237” **Archivum Eurasiae Medii Aevi**, 3 (1983), с. 7.
 114. изд. Росс, с. 47, Togan, “Mubarakshah”, с. 480.
 115. изд. Казвини, II, с. 35-36.
 116. Ф. М. Көргүлү, “Uran kabilesi” **Bellekten**, VIII/26 (1943), с. 222-243; З. М. Буниятов, **Государство хорезмшахов-ануштегинов 1097-1231** (Москва, 1986), с. 62.
 117. Clauson, с. 233.
 118. Lessing, с. 879.
 119. изд. Мерен, с. 264.
 120. Для истории печенегов, см. А. N. Kurat, **Peçenek Tarihi** (Istanbul, 1937); Е. Tryjarski et al., **Hunowie Europejscy, Protobulgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie** (Warszawa, 1975); О. Pritsak “The Peçenegs: A case of Social and Economic Transformation” **Archivum Eurasiae Medii Aevi**, 1 (1975) с. 211-235.
 121. Е. Bretschneider, **Medieval researchers from Eastern Asiatic Sources** (Spb., 1888), I, с. 302.
 122. **ПСРЛ**, I, с. 250.
 123. **ПСРЛ**, II, с. 644.

124. Султанов, Кочевые племена, с. 33.
125. Clauson, с. 539; ДтСл. с. 537.
126. ПСРЛ, II, с. 641.
127. Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica² (Berlin, 1958), II, с. 306.
128. J. V. A. Fine, Jr. The Late Medieval Balkans (Ann Arbor, 1987), с. 198; Rásonyi, “Kuman özel adlari”, с. 130.
129. Clauson, с. 536, 537.
130. ПСРЛ, II, с. 342, 455, 641.
131. изд. Мерен, с. 264.
132. Тизенгаузен, Сборник, I, с. 539.
133. изд. Джафероглу, с. 95.
134. Бейрут. изд., V, с. 372.
135. Golden, “The Polovci Dikii”, с. 372.
136. Кузеев, Происхождение башкирского народа, с. 178; В.В. Востров, М.С.Муканов, Родоплеменной состав и расселения Казахов (Алма-Ата, 1986), с. 94-95.
137. F. Sümer, Oğuzlar (Istanbul, 3 baski, 1980), с. 27; Minorsky, Hudûd, с. 300-301.
138. Rásonyi, “Kuman özel adlari”, с. 132.
139. изд. Мерен, с. 264.
140. Кузеев, Происхождение, с. 454-457.
141. ПСРЛ, II, с. 644.
142. Rásonyi, “Kuman özel adlari”, с. 135.
143. Pritsak, “The Non-’Wild’ Polovtsians”, с. 1623.
144. Rásonyi, “Kuman özel adlari”, с. 135-136.
145. ПСРЛ, I, с. 250, II, с. 253, 255.
146. изд. Мерен, с. 264.
147. изд. Росс, с. 47
148. al-Mas‘ûdî, Murûj ad-Dahab wa’l-Ma‘âdin al-Jawhar, ed. Ch. Pellat (Beirut, 1966-1970), I, с. 213. Для правильного чтения слова «Орсия», см. T. Lewicki, “Un peuple iranien peu connu: les * Arsîya ou *Orsîya” Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Németh (Budapest, 1976), с. 31-33.
149. Д.И. Эдельман, Сравнительная грамматика восточноиранских языков (Москва, 1986), с. 73-74.
150. P.V. Golden, “Cumanica III: The Urusoba” Aspects of Altaic Civilization, III, ed. D. Sinor (в печати).
151. Востров, Муканов, Родоплеменной состав, с. 83.
152. ПСРК, I, с. 389.
153. изд. Джафероглу, с. 98.
154. Для истории кимеков, см. Б.Е. Кумеков, Государство Кимаков IX-XI вв. по арабским источникам (Алма-Ата, 1972).
155. В.В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия в его Сочинения, т. I (Москва, 1963), с. 404 считавшийся, что слово югур «Употреблялось в стране кипчаков и как титул». См. также I. Kafesoğlu, Harezmşahlar Devleti Tarihi (Ankara, 1956), с. 41, 93;

Ахинжанов, «Кипчаки и Хорезм», с. 46, 48; Буниятов, **Государство хорезмшахов**, с. 46.

156. Султанов, **Кочевые племена**, с. 33, 44.
157. Лихачев, **Слово**, с. 135
158. Баскаков, **Тюркская лексика**, с. 13-137.
159. **ПСРЛ**, I, с. 279, II, с. 255.
160. Lessing, с. 188.

ДРАКОНЫ И ЕЛЬБИРЫ В КУМАНСКО-КИПЧАКСКОМ МИРЕ. ВАРИАЦИИ ПО ТЕМЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА.

Стоянов В.

София, Болгария

Институт исторических
исследований Болгарской
академии наук

Куманы приехали в Европу в результате ряда переселения народов, которые начались с приходом кунов (Qūn) из Китая, изгнаны из своих земель людьми Кай (Qāy). Это – в соответствии с взаимно дополняющейся информацией Марвази и Ауфи - вытеснило их на территорию Šārī (Sārī) и породило ряд миграций. По данным хроники Матфея Эдесского первоначальный импульс был дан "людям Змея", которые напали на "Бледные". В случае "Бледные" можно сопоставить с Šārī/Sārī («желтые, бледные, светлые») и отождествлять с кипчаками или с кунами в виду возможности этимологизировать оба названия от корня *qu[b]- в значении «бледный, светлый, желтоватый». Более проблематичным является определение «народ Змеи», который с одинаковым успехом может связаться с *Кай* или с *Китаном*. Насколько, однако, армянский историк писал, что "Змеи" атаковали и разбили «Бледные», в них наверно должны видеть Кай (или Куны и Кай?), которые вторглись в земли Šārī/Sārī, развязав цепной миграции.

Трудно определить, когда именно куманы-кипчаки появились в европейских степях. В любом случае, это произошло после разгрома Хазарии, что приводило к движению соседних тюркские племена. В 1030 г. хазары в последний раз были упомянуты Ибн-аль-Асиром. Позже, вместо хазар и их столицы Итиль источники упоминают гузы и области (или города) Саксин. Это заставляет Бартольда полагать, что 1030 г. представляет *terminus post quem* для появления кунов в Европе, в то время как *terminus ante quem* был 1049 г., когда *узы* пришли в печенежскую землю [1, с. 143]. В рамках этого «скрытого» периода куманам удалось расселиться от Урала и Волги до Днепра, преследуя наверно отступающих на Запад узов (торки). В русской летописи появление половцев относятся к 1055 г. – тогда „*Приходи Б[о]лушь съ Половци и створи Всеволодъ миръ съ ними и возвратишася вспять восвоеси отсюду же пришли*“. Два десятилетия спустя, куманы-кипчаки уже полностью владели Евразийской степью, в том числе ее самых западных границ.

Новый племенной союз состоял из двух основных частей с границей по р. Уралу. Его восточный (Центрально азиатский) филиал обхватывал настоящих кипчаков (так называемых *канглы* в монгольский период), а к западу от Урала (Яика) был расположен западный (Дунайской-Понто-Каспийской или Восточноевропейской) филиал куманов-половцев. Это деление сохраняется и в ранний монгольский период. В 1246 г. Плано

Карпини перешел из Comania, орошенных рек Непер (Днепр), Дона, Волги и Яик (Урал) в засушливой страной так называемых Cangitae, которые он различал от половцев, и оттуда отправился в земли мусульман (Bissermeni), еще говорящие по „куманский“. Позже и В. Рубрук двинулся в 1253 г. к востоку от реки Волги в земли Cangle, родственные куманов. Видимо территория между Волги и Урала составляла своего рода «промежуточную» (смешанную) зону, где в равной степени кочевали представителей как западном так и восточном ветви куманы-кипчаки. Поэтому, наверное, там (как и на юг, на Кавказ) встречались оба их основные названия – половцы и кипчаки. После монгольского вторжения часть западных групп мигрировала в Венгрии и на Балканах, где они смешались и ассимилировались с местными жителями. В то же время другая немалая часть оставалась в своих землях, и вместе с проживающими на востоке кыпчакскими элементами расплавили монголов, образуя основной массы населения Золотой Орды и войдя позже в состав татар, башкир, казахов, киргизов, кумыков и других кыпчакских наций [2, с. 284; 3, с. 5-6].

Вся территория степи, оставшиеся за пределами оседлой цивилизацией, которая ранее была заселена [о]гузскими племенами, была известная с XI в. как Dešt-i Qīrčāq «Кыпчакская степь». Термин, введенный персидского поэта Nasir-i Husraw (1003-1060) в его «Safar-nāme» [1, с. 148; 4, с. 340-341], получил гражданственность в мусульманской литературы, в то время как русские летописи говорят о «*Поле Половецкое*», а западные источники (также и Идриси) – о «*Кумании*» (Cumania, al-Qumāniyya). Трудно определить корреляция этих трех названия. Для мусульманских авторов Dešt-i Qīrčāq охватывала главным образом среднюю и восточную части Евразийской степи, включая иногда и Волго-Уральском междуречье. Она простиралась на восток до предгорьях Алтая и Тянь-Шаня, до озеро Балхаш и течения Сыр-Дарьи, Таласа, Чу и Верхний Иртыш, охватывая среднеазиатскую (казахскую, киргизскую) степь и достигнув на юге Хорезма, где *кипчаки* и *канглы* вступали в контакт с государством хорезмшахов. Для латинского Запада территория куманов (Pallidi, Valwen) была „ultra Hungariam et in partibus Russic“ [5, с. 71-73]. Она включала в себя «половецкие земли», поскольку в первой половине XIII в. Плано Карпини пишет, что Cumania пересечена реками Днепр, Дон, Волгу и Яик, а итальянская морская карта 1318 году отмечает этот термин районе северного Приазовье. Название Cumania однако, было использовано также для Молдавии с частью Валахии до р. Алута (Олт), где Янош Туроци располагал, наверное, его Cumania Nigra (земля т. наз. fekete Kún, nigri Cumanī или nigroꝝ Cumanogꝝ «черные куманы» - перевод тюрк. qara, kara «черный, север») [6, с. 265-266]. Арабские авторы обозначали с «al-Qumāniyya» территории к северу от Черного моря и Азовского моря между Волгой и устье Дуная. Идриси явно упоминает в 1184 г. Qumāniyya al-bawḏā «Белая [т. е. Западная] Кумания» и Qumāniyya as-saudā' «Черная [Северная?] Кумания», так же как и в венгерских источниках говорится о «белых» и «черных» куманы (Cumanos Albos, alborum cumanogum и Nigri Cumanī, nigroꝝ cumanogum). Обычно «Белая» Кумания локализуется в районе Днестра и Днепра на землях так называемых «не-

дикие» половцы, в то время как «Черную» Куманию надо искать вдоль Северского Донца и Дона, где с 1146 году отмечаются «дикие половцы», или она отождествляется с Молдавией (Cumania Nigra Я. Туроца) [7, с. 3-44; 8, с. 192; 9, с. 1623; 10, с. 298; 6, с. 265-266]. Идриси отличал в куманской «земле» или «стране» (arḍ al-Qumāniyya, bilād al-Qumāniyya) тоже одну «Внутреннюю Куманию», расположенную к востоку от Днепра и Дона, которая, кажется, охватывала и прилегающие к степи территории русских княжеств (Киевское, Переяславское, Черниговское), насколько вместе с K¹uāw (Киев) и B^r°zlāw (Переяслав), он отмечает «куманские» города *Qāy (Чернигов?) и *T^ugūbā (Саков?), где жило, скорее, «черноклобуцкое» население [11, с. 43; 12, с. 13-18]. Тогда во «Внешней Кумании» будет видеть фактическое «Половецкое поле». Принятие половцев в Венгрии в XIII веке привело впоследствии к появлению двух новых названий для тех регионов, где они были размещены – «Маленькая Кумания» (Kis-Kunság, между Дунаем и Тисой) и «Большая Кумания» (Nagy-Kunság, за рекой Тисой между реками Марош и Темеш). Сведения о пространственном распределении мигрировавших туда «семи кланов», об их оседание и интеграции в средневековом мадьярском обществе, а также о сохранившиеся из них языковых остаток (топонимы, антропонимы, диалектные слова и так далее), дают работы венгерских археологов и тюркологов, прежде всего исследования I. Pálóczi-Horváth, Gy. Gyórfy, L. Rásony и I. Mándoky-Kongur. Возможные области, населенными куманами в румынских землях, были рассмотрены П. Дьяконом и в работе I. Conea и I. Donnat, в то время как на территории к югу Дуная, в этом отношении не хватает более глубокого исследования.

Наиболее много попыток до сих пор были предприняты для уточнения границ «Половецкого поля», то есть западной ареал «Кыпчакской степи», которой в латинские источники обозначался как «Кумания». Еще в 1877 году Я. Аристов очерчивал территория распространения половцев, учитывая информацию из летописей и сохранившийся топонимический материал. В том же году П. Бурчаков указывал на то, что река Днепр была естественной границы между русскими и половцами, и обосновал свой тезис с анализа русских походов в степь по летописным сведениям. Он описывает границы «половецкой земли» на основе материалов в источниках, но подчеркивает, что для решения этой проблемы должно было привлечь тоже данные из краниологии, археологии и лингвистики. Аналогичный подход К. Кудряшова в 1937 г., когда он рассматривает летописные сведения для похода князя Игоря на половцев, а позднее, в 1948 и 1954 г., еще раз останавливается на маршруте русских в степи, локализирует некоторые топонимы и систематизирует упомянутые в источниках кочевников в семь групп: 1) *Лукоморские* или *Подунайские* половцы; 2) *Приднепровские* или *Запорожские* половцы; 3) *Приморские* половцы; 4) *Заорельские* половцы; 5) *Донецкие* половцы; 6) *Донские* половцы и 7) Половцы, обитавшие в степях *Предкавказья* [13, с. 134]. Автор не упоминает Волжская группа и не занимается с кипчаками к востоку от реки Волги, так как его внимания было сосредоточено главным образом на поход князя Игоря Святославича. До него Дмитрий Расовский также дает описание «Половецкого поля». Он

рассматривает куманские территории в целом в рамках «Кипчакской степи», чьи северные пределы достигли границе между лесом и степью, за которой был финно-угорской мир, прослеживает ее очертания на восток, север, запад и юг, указывает на речных сетей и крайних пределов, до которых достигли кочевники во время своих сезонных миграций, проникая на территорию своих оседлых соседей [5, с. 74-85, 155-162]. Расовский отверг мысли о половецком «центре» - одна идея, больше подходящая оседлом миру, в то время как кочевники имели, в крайнем мере, два центра (летние и зимние), различные для отдельных групп: 1) *Средне-азиатская* группа; 2) *Волжско-Яицкая* группа; 3) *Донецко-Донская* группа; 4) *Лукоморская* группа; 5) *Дунайская* группа [5, с. 165-177]. К сожалению, работы этого, творящего за пределами своей родины, русского ученого остались, вероятно, по политическим причинам неиспользованными исследователями в Советском Союзе, а поэтому – и недостаточно известные даже для некоторые западных специалистов-куманологов.

После Второй мировой войны вопросом о локализации половецких областях обитания занялись советские археологи. Герман Федоров-Давыдов сопоставлял выводы Кудряшова с информацией из половецких погребений и выделил шесть основных групп: 1) *Лукоморские* и *подунайские* половцы; 2) *Приднепровские*; 3) *Приазовские* (Половцы на Сутени); 4) *Донецкие*; 5) *Донские* и 6) *Нижневолжские* (саксины) [14, с. 147-149]. В свою очередь Светлана Плетнева исходит из ареала распространения так называемых «каменных бабах», в целом совпадающего с контуром «Половецкого поля» (на юге – Крым, Приазовье и Предкавказье; на востоке – Волга; на севере – граница степи и лесостепью; на западе – Приднепровье, за который не были обнаружены половецкие статуи и могильники), чтобы выделить восемь кочевнических групп: 1) *Приднепровская*; 2) *Лукоморская* группа; 3) *Донская* и *Донецкая* группы; 4) *Приазовская* или *Поморская* группа; 5) *Нижнедонецкая* группа; 6) *Предкавказская* группа; 7) *Крымская* группа и 8) *Поволжская* группа [15, с. 19-23]. Она не рассматривает кипчаков к востоку от Волги и куманы Дунайского региона, которые остались за пределами «Половецкого поля». Его границы отслеживаются более подробно Омелян Прицаком, который, на основе письменных материалов, топонимики, накопления «каменных баб» и концентрация реликты из половецких поселений и погребений, дает наиболее детальная пока «топография» зимних и летних половецких станков (*вежи*), с изложением: 1) *Волжская* группа; 2) *Донская* группа; 3) *Донецкая* группа; 4) Группы на *левом берегу Днепра*; 5) Группы *Днепровского луга*; 6) *Азовская* группа; 7) *Крымская* группа; 8) Группа на *правом берегу Днепра*; 9) *Киевская-Корсунская* группа; 10) *Бугская* группа; 11) *Лукоморская* группа и 12) *Дунайская* группа [4, с. 340-368]. Петер Голден принимает предложенную Прицаком схему, добавляя еще одну (13) *Северокавказская* группа, идентифицируемая археологическим материалом. Относящиеся к ней кипчаки кочевали в районе нынешней Кабарды, владея территорией среднего течения реки Кубана, Кумско-Мачинская степь, предгорьях Карачаево-Черкесии и так называемые Пятигоры [16, с. 55]. Они вызвали перемещение местного населения –

ираноязычных асов и палеокавказских народов. Согласно П. Голден, группа не была до тех пор знакома в схемах расположения кочевников, но на самом деле о «пред-кавказских половцах» писали уже Кудряшов и Плетнева. На половцах на Кавказе остановился тоже Г. Федоров, допуская, что они возможно смешались этнически с остатками болгаров, которые обитали когда-нибудь в Беленджере на южной периферии Хазарии [17].

Омелян Прицак, вероятно, первый ученый, который пытался выяснить также политическую организацию и субординацию основных половецких кланов и племен в их разделении на два крыла под старым кочевым традициям. До тех пор исследователи перечислили наименования и места нахождения половецких «орд» так, как они были упомянуты в русских летописях – с названия, данные в соответствии географическим показателям (*Заорельские, Самарские, Днепровские, Лукоморские, Приморские* и пр. половцы) или по их «патроним» (*Бурчевичи, Улашевичи, Терьтробичи, Оперлюеве, Урусоба*, половцы *Емякове* и т. д.). Прицак однако, ставит больше ясности в отношениях и связях между разделенными средним течением Днепра, так называемых *лукоморских* половцев (на правом берегу) и *Бурчевичей* (слева от реки). Левая группа, представляющая более высокопоставленное «восточное крыло», состояла из двух подразделений. Из них более высокого ранга имели **Burğ-oylī** (*Бурчевичи*), которые после 1169 г. начали относиться к *перяславским* половцам. После монгольского нашествия элементы Burğ-oylī (Borchol) поселились в комитат Temes в Венгрии, но они покинули область в 1282 году после битвы у озера Hód. Некоторые *Бурчевичи* были переселены в Хорезм от ханов Золотой Орды. В пятнадцатом веке представители этого клана были в румынских землях; из *Бурчевичей* ведет свое происхождение и мамлюкская династия Burğ в Египте и Сирии (1279-1390). Опять на левой стороне Днепра находились нисходящие в ранг **Ulaš-oylī** (*Ulaš-oba, Улашевичи*). И их остатки (Olaas) достигли Венгрии – они были размещены в комитаты Heves-Újvár и Külső-Szolnok между Тиса и Кьорош. Правое, более нижестоящее «[юго]западное крыло», также охватывало две группы. Высшая из них **It-oylī** (*It-oba* или *Itlär*, ср. *Итлареева чадь*) являются так называемые *лукоморские* половцы. Имея низший ранг группы в «западном крыле» упоминаются **Urus-oba** (*Урусовичи*). Поскольку оба крыла находились в договорных отношениях с русскими князьями, Прицак введет для них выражение «не-дикие половцы», чтобы отделить их от обособившихся на востоке «диких половцев», которые он отождествляет с «Черной Куманией» Идриси [9, с. 1617-1623; 18, с. 114; 4, с. 374-375].

Этот термин (*Половци дикіе*) появляется в 1146 г., когда русские летописи впервые отмечают и название „Черный Клобук“. Это время после прихода клана Ölberli и его борьба за власть с Qāy, которая борьба, вероятно, способствовала успехам русским начинаниям в степи. В результате кампании Владимира Мономаха, а затем и его сына Мстислава, частью кочевников были изгнаны «за Дон и за Волгу, за Яик», некоторые из них переехали на Кавказ при грузинском царе Davit' Ağmaşenbeli, а другие остались на Дону и Донце, формируя группы «диких» половцев. Они не связывались союзным

отношениям с князем Киевским, которые были постоянно поддержаны Черными клобуками, но имели стабильные контакты с другими княжескими ветвями – с Олеговичами, с Давыдовичами и с домом умершего в 1157 г. Юрия Долгорукого [10, с. 298-299]. В любом случае Прицак устанавливает и при них наличие четырех племенных групп – по два на каждом крыле, из которых самого высокого ранга были **Terter-oba** (*Терьтробичи*), наверное, управляющий кипчакский клан перед приходом Qāy. К ним относился Котян или Kuthen/Kötän, который переселился перед монгольским давлением в Венгрию, а возможно, и умерший в 1095/6 г. Тугорта(р)кан (Tugor-qan). Впоследствии Terter-oba дали болгарской царской династии Тертерей. Их название встречается как куманский антропоним в Венгрии (Turtel < Tört-oyul) и в имена молдавских и валахских «бояр» в пятнадцатом веке (Törtaba). Как «дикие половцы» Terter-oba жили краю Дона, в Крыму и на Северном Кавказе, рядом с **Ete-oba** (*Етебичи*) – вторая, более нижестоящая группа в крыло. К востоку от него, в системе Нижней Волги, было расположено другое крыло «диких половцев», что также охватывало две группы – более высокие по рангу **Toqs-oba** (*Токсобичи*) и имеющие более низкий статус **Qul/Qol-oba** (*Кулобичи/Колобичи*) [18, с. 115; 4, с. 375-376]. Toqs-oba проникли в Валахию, где около 1428 г. упоминается боярин Тохаб; их имя встречается и среди египетские мамелюков. Четыре названия были отмечены также в мусульманских источниках, например, при Ибн-Халдун, Абу-Хайян, Ан-Нувайри: Dwr.t, Dür^ut (ср. Terter-oba < тюрк. dört/tört «четыре»?), Y^et^ebā (ср. Ete-oba < тюрк. yeti/yedi «семь»?), T^uqs-^ubā (ср. тюрк. toqiz «девять»?) и Q^ulābā oġlī (ср. Qul-oba).

В дополнение к *Терьтробичи*, только еще *Токсобичи* были зафиксированы в регионе Дуная – их потомки были известны в румынских земель в XV веке. Вполне возможно, что оба клана соревновались в борьбе за превосходство над «дикими» половцами, тем более, что Toqs-oba были расположены в «восточном» крыло, и в соответствии с ориентацией половцев они надо было – вопреки Прицаком – обладать более высоким рангом, чем Terter-oba. Сохранилось эхо от этого соперничества в более поздней мусульманской литературе – согласно Ибн Халдуну, кто-то Minguš из кипчакского племени Dwr.t был убит *Aq-Köbäk-ом из племени Tuğs-oba. Если такое соперничество существовало и в до-монгольский период, оно можно объяснить с позиции этих двух групп в «половецком мире». В соответствии с Прицаком, Terter-oba был управляющий кипчакский клан до пришествия Qāy – им принадлежали первые половецкие ханы V[o]luš и Sokal/Saqal, с которыми встретились русские. Позже, в конце 60-х годов XI века, они были вытеснены новыми пришельцами Qāy (*Каеничи* < Qāy-ора), к которым принадлежал знаменитый хан Боняк/Μανιαχ (умерший в 1117), сын хана Ясень/Осень (умерший в 1082), а в 1100 г. край Донец появились и Ölberlü (*Олбеплюеви*), во главе с ханом Шарукан. Около 1116/17 г. наступила стабилизация в степи, так как Ölberlü и Qāy поделили власть на двусторонний принцип – верховный «каган» стал глава *Ольберлю*, а его соправитель – глава *Кай* [18, с. 113]. В последующие набеги главный половецкий хан был из рода Ölberlü, а другой – из рода Qāy и Прицак

иллюстрирует это наблюдение с примерами из 1174, 1185 и 1222 г. Такое двоевластие, однако, существовало, наверное, и в предыдущий период – часто Боняк и Тугоркан действовали совместно и если первый был связан с кланом Qāu, то другой спадал на более ранний куманский династический род, чьи потомки являлись Terter-oba. Голден, который добавляет к «диким половцам» также так называемых *Отперлюеви* (< *Alp-erlü), прослеживает на основе российских и грузинских письменных источников родословной Кончака/Köñcek. Он был потомком Şaru-qan, на которого был назван главный половецкий город *Шарукан* (*Чешуев*), так как находящейся к западу от него другой город *Сугров*, получил имя Шаруканого брата *Сугр*. Голден обращает внимание на то обстоятельство, что в связи с похода князя Игоря (1185) старый русский историк В. Татищев, опираясь на уже потерянные источники, писал о двух Кончаковцы – один Казибарович, а другой Тускобич, которые название может быть искаженной форме Туксобич/Токсобич, откуда ученый приходит к выводу, что *Шаруканиды* были среди правящего клана Toqs-oba [10, 306]. Это объяснило бы претензии *Токсобичев* за господство над «дикие половцы» (Кончак действительно становится одним из самых могущественных ханов), тем более с учетом связи Шарукана с харизматическим для всей «Кипчакской степи» клан Ölberlü, который дал также династия султанов Дели (XIII век). Вот почему Toqs-oba были расположены в «восточное крыло» и даже формально заняли более высокопоставленная позиция по сравнению с Terter-oba.

Восстановленное группирование половцев («не-дикие» и «дикие») на восточное и западное «крыло» с двух основных подразделений в каждом (которые не исчерпывают все упомянутые в источниках половецких родов и племен) соответствует четырехкратным модели усвоения евразийском степном пространстве, известен еще времени ранней организации государстве хунну. Может быть, это заставило Прицак использовать и титул «каган», которая была слишком неудачная для «слабой федерации» от племен, какими были куманы-кипчаки. Но хотя среди них не хватало иерархической организации одной степной империи, элементы ее «двукратное» разделения левого и правого крыла существовали бы как отголосок более архаичной структуры общества. Это, однако, вызывает вопросы, не без значения для средневековой истории Восточной Европы. За пределами основных групп «не диких» и диких» половцев в источниках есть упоминания имен «ханов» и/или «орд», чье точное место в обществе иногда трудно определить. Недостаточно выяснены также отношения между Ölberlü и Qāu в восточноевропейской части степи (в «Поле половецкое»). Власть на восток от Волги была в руках Ölberlü, но придерживались ли и кочевники на запад от нее принципа «двоевластия» (соперничество Terter-oba с Toqs-oba как будто намекает на оспаривание легитимности Ölberlü). Можно ли предположить, что к востоку от Днепра властвовали Ölberlü, а на западе остались в основном Qāu, или существовала смешивания роли их по обе стороны реки? Как были сгруппированы половцы в рамках каждого «крыло»? Если Боняк (от Qāu) и Тугоркан (от Terter-oba?) были представители соответственно половцев с левого и с правого берега Днепра,

а затем мы видим Боняка (уже справа) в союзе с Шаруканом (от *Ölberlü*), как было впоследствии разделения власти между *Qāy* и *Ölberlü* внутри отдельных крыльях? Функционировал ли двусторонний принцип также на «микро уровне», т. е. относились правящие элиты двух подразделений в данное крыло к тому же роду (только к *Ölberlü*, только к *Qāy*) или, скорее, они происходили из различных династических кланов (*Ölberlü* для главной и *Qāy* для более низкая в ранге группы, соответственно *Qāy* для главной и какой то другой для вторичной группы)? Выяснение этих вопросов поможет понять, какие, например, (*Ölberlü*, *Qāy* или какие-либо другие) были *Burğ-oylı* и *Ulař-oylı*, чьи фрагменты проникли в Венгрии, как и предположить, кто на самом деле – *Borchol* или *Toksoba* – имели более высокий престиж в румынских землях.

Делает впечатление, что название «диких» половцев (без этого *Qul-oba*) могут быть объяснены из тюркских числительных в сочетании с *oba/epa* „род“. Так имя *Terter-oba* позволяет быть объяснено как «Четыре рода» от тюрк. *tört* «четыре» или от тюрк. *tört* + *er* «четырёх мужчин» (араб. *dwrt*^u могло тогда быть истолковано и как форма разбитое множественное число в значении «четырёх» того же числительно); для *Toqs-oba* предполагается связи с тюрк. *toqiz* «девять» (то есть «Девять рода»), а для *Ete/Yete-oba* – связи с тюрк. *yeti* «семь» (т. е. «Семь рода»). А так как «дикие» половцы появились после российских кампаний в степи, родившие перестановки среди кочевников, прогоняя многие их элементы на востоке, то не исключено, что приведенные выше имена возникли после перегруппировки отломки былых «племен» в новых военно-политических альянсов из 4, 7 и 9 «рода», к которым присоединилась и группа *Qul/Qol-oba* (< тюрк. *qul* «раб» или *qol* «разветвление, ветка; отряд, крыло, фланг»). Ее название отчасти соответствует с именем поселившийся в Венгрии (в комитат *Csanád* к югу от Марош) род *Коог* ~ *Коол*, для которого Палоци-Хорват не обнаруживает восточных параллелей, но что он извлекает из уйг. *qoııg* «маленький, мелкий». Еще в 1952 г. Б. Рыбаков допустил, что «дикие половцы» представляли собой остатки куманов, разбитые у р. Донец в русских походах в 1111-1116 гг. По его словам, они охватывали несвязанные кровным родством семей и родов, которые до тех пор принадлежали к различным предыдущим «ордам» [7, с. 44]. Это объяснило бы специфический тип названий новых объединений, контрастирующих с половцами *Отперлюеви*, *Ельтукови* и т.д., которые возможно были связаны кровным родством. К западу от них по обе стороны Днепра имена «не диких» половецких групп были оформлены на другом принципе. *It-oylı* или *Itlär*, например, означает по тюркски «Сын[ы] собак[и]» или «Собаки» и намекает на тотемные верования. Как главное подразделение справа *It-oylı* были среди куманов, участвовали в походах Боняка, который сам практиковал шаманизм своих предков. Название *Urus-oba*, которые объясняется с *Urus* «русские», **Ur[u]s* «a[o]рси» или иным образом, позволяет различные интерпретации. Имя *Ulař-oylı* происходит от тюркского глагола *ulař* - «достигать, соединять, объединять», что вполне подходит для союза из несколько компонентов. Для *Burğ-oylı* также предложены разные этимологии – от *burč* «перец» до *böğü* «волк».

Гипотетически к ним можно было бы добавить и возможность для сопоставления с более ранней формой *Burğ-an* «болгары», без отсюда искать обязательно связи с какие-то кипчакизированные потомки [прото]болгар.

Все это не выясняет, а, скорее, усложняет вопрос этнического состава отдельных групп и их связь с тем или иным управляющим кланом. Какие, например, были *Бурчевичи*? С. Плетнева, которая извлекает название от тюрк. *böğü* «волк», считает их как «орду» Боняка, основывая себя и на магическо-шаманистические действия хана перед поражением Венгров в 1097 году. Тогда он отделились в полночь от войск и начал выть как волк, призывая духов предков. Волки ответили, и Боняк посчитал это счастливым знаком. Одна такая гипотеза отвечала бы пространственной организации куманов после появления *Qāu*, к которым относили Боняк, т. е. слева от Днепра, где располагали себя *Бурчевичи* (между Днепром и р. Волчая – там находились тоже наиболее крупные скопления «каменных баб»), и какой позиции подходить более престижном династическом роде. Но Боняк действовал главным образом в *западном* направлении. *It-oyli* тоже связаны с ним, а в поражении венгерских рыцарей в 1097 г. принимал участие и *Altun-ora* из *правой* группировки *Urus-oba*. Когда летом 1096 г. половцы вторгались в Россию, чтобы отомстить за убийство Итларя и Китана, которые год назад пришли заключить «мир» с Владимиром Мономахом, поход на Киев возглавил (Куря и) Боняк, а на Переяслав пошли с юго-востока воины Тугоркана. Это говорит о том, что владения Боняка были расположены на правом берегу Днепра, а «вежи» Тугоркана находились на левой стороне реки [19, с. 273]. В Итларе и Китане могут просматриваться ханы двух главных подразделений, которые в отсутствие Боняка и Тугоркана (в 1095 г. оба поддержали «Псевдо-Диогена» в его попытке захватить византийский трон) возглавляли приднепровских половцев. Имя Итларь напоминает том, ведущей правой группировки *Itlār* (*It-oyli*), имеющего чисто тюркскую этимологию, а имя Китан указывает на прамонгольских *киданей* (*Qītañ*) и можно предположить, что левая неназванной во имя более высокопоставленная группа, на чье место в XII в. появляются *Бурчевичи*, была во главе с *Qāu*. Но где-то вписывается Тугоркан, кто видимо управлял левым подразделением? Только после его смерти Боняк возглавил и его группы, чтобы подключится позже с проживающей далеко на востоке Щарукан (из клана *Ölberlü?*). Могли ли Боняк и Тугоркан принадлежать к той же династическому роду (*Qāu*), который постепенно наложил себе и к западу от Днепра? Или во второй половине XI века куманы еще не были сгруппированы по известной схеме? Можно ли считать (в отличие от Прицаком), что не Тугоркан, а, скорее, Боняк был потомком того куманско-кипчакского клана, который управлял степью до прихода *Qāu*? Доминировали ли действительно *Ölberlü* и к западу от междуречий Урала и Волги? И насколько, в конце концов, они отличались от также пара- (или прото-)монгольским по происхождению *Qāu*, после того, как Голден склонен признать родственную связь между ними?

Имена обоих ханов сохранились в украинском фольклоре, где в так называемых *былинах* поется для «шелудивого Буняка» [намек на

сверхъестественные магические способности?] и для «Тугарин Змеевич», а это, как будто связывает и Тугоркана с «рода змеи (змии)» Qāu. Расположенные на востоке вдоль Дон и Донец половцы были возглавлены в начале XII века Шаруканом, который как обычно считается представителем Ölberlü. Это может быть и так – во всяком случае, с его появлением произошло изменение властных отношений в «Поле», что нашло отражение в названиях развернутых там «половецких городов». Тогда, наверное, главная ханская ставка получила имя *Шарукан* (вместо *Осенева*, по имени хан Осеня – отец Боняка), правая была названа *Сугров* на Сугр – брат Шарукана, а левая стала *Балин*. Но *Шарукан* (alias *Осенева*) был известен также как *Чешюев/Чешлюев*, которое название происходит от русского слова «чешуя», а это указывает на один из возможных интерпретаций имя Шарукана из ст.чув. *šarkan > венг. sárkány «змея, дракона». Разбросанные в бывшие половецкие земли топонимы, как «Змеевое городище», «Змеев курган» и т. д. как будто указывают на особое значения змея / дракона, по крайней мере, среди часть куманов-половцев. Дракон является очень древним символом, связанный с мудростью и силой. Как универсальный знак он был известен монголов, которые изображали его на их флаги, а может быть, и более ранних конных народов (печенегам?), включая и [прото]болгарам. Мы видим его и на кольце женатый о половчанке царь Калоян – третий брат из основателей Асеновой династии в Болгарии, о которой допускается совместное болгаро-куманское (или валахо-куманское) происхождения. В любом случае образ дракона в болгарском фольклоре предполагает, скорее, восточных влияний, чем связь с автохтонного балканского населения. И среди восточных славян этот сказочный персонаж, кажется, проник из Азии в ходе великого переселения народов, что изменило этнополитическую карту Европы.

Но и Ölberlü/Ölperli, которые имя Голден отказывается этимологизировать, предпочитая отнести его к неизвестным до сих пор название места (ороним?), в то время как другие ученые объясняют его как Olber/Alper от *Alp-er[i] «мужчина-герой» [20, с. 135; 21, с. 326; 22, с. 42], также имеет своеобразные «болгарские параллели». Оно фигурирует в одном приписываемое [прото]болгарам поэтическом наследии. В сомнительных с точки зрения его подлинность эпоса *Шан кызы дастаны* [23], где переплетаются урало-алтайские (сибирские, тюркские) и иранские мотивы, говорится о деяния *альпов* (богов-героев) и происшедших из них *ельбиров* (богатыри-гиганты). Первый термин засвидетельствован в древнетюркские надписи (𐰇𐰢𐰪 ᵃᵃр «герой, храбрец; смелый, отважный»), и среди находившихся под персидского влияния сельджукские турки – один из их султанов носил название Alp-Arslan «герой-лев» (1063-1072 гг.). Слово может быть индоевропейского происхождения, потому что мы находим его в германской мифологии, например в нем. Alp «вид гном»; [→] кошмар (ср. Alptraum «кошмарный сон»); Alb «хороший или злой дух; упырь, вампир; кошмар»; Elf, Elfe «эльф, эльфа» = англ. elf «фея». Фонетическое (отчасти и семантическое) соответствие между *альпами* и *эльфы*, связанные с репродуктивной силы природы, с подземным и небесным миром (что само по себе относится к довольно древний мифологический слой) позволяет термин

альп восприниматься и как «дух», а альп *Ельбеген* – как двуглавый дракон (sic). Согласно поэме, от отношений божественных *альпов* с людьми родились так называемые *ельбиры*, имеющих легендарных сил. Их обозначение, однако, по аналогии славянского слова Обри «великаны, гиганты» (от *авары*), могло бы возникнуть также от имени некогда доминирующий в Поволжье могущий династический клан *Ölber*[l]i. Это говорит о возможно более позднем и не обязательно болгарском происхождении литературного памятника, который приписывается Прицаком волжским татарам.

Без учета дискуссии вокруг подлинности, датировки или атрибуции источника, пример с дракона и ельбиром (< *алт-ери*) свидетельствует об устойчивости одной старой традиции, которая была поддерживаемой и обогащаемой за счет включения дополнительных элементов в мультиэтническом комплексе по имя «куман». Было ли среди них и в какой степени также кипчакизированные болгарские и хазарские «потомки» аналогично интегрированных в кочевом обществе остатки алано-язычных ясов (асов), теперь трудно установить. Доказанное половецкое языковое воздействие на армянские и иудейские общины в Северном Причерноморье, т. е. над группами традиционное городское население с богатой собственной культуры и тысячелетний исторический опыт, говорит в пользу такой возможности. Но комбинация между *ельбиры*, *драконы* и *бурджаны*, как и *бурджанско-болгарский* субстрат карачаевцев, балкарцев и кумыков в Северном Кавказе, использующих в нынешнее время кыпчакские идиомы, не имеет достаточно надёжную основу для того, чтобы строить убедительные выводы об объявленных в одном средневековым апокрифом «одна треть куманов, которые назвали [себя] болгар».

И все же роль куманов-кипчаков в средневековом болгарском государстве не следует подминать. Их элементы проникли на византийской территории среди перемещенных там отломки печенежского и (ог)узского населения. Постепенно пришельцы интегрировались в новой среде, сохраняя элементы своей традиционной культуры. В двенадцатом веке на Балканах уже было население смешанного этнического происхождения, которое византийские источники называли «миксоварвары». К ним принадлежали и основателей «Второго болгарского царства», братья Петр и Асен. Они были первого или второго поколения от брака поселившихся южнее Дуная выдающего кочевого воина с местной болгаркой христианкой. Названия их отца не сохранилось, но они были внуки «скита» (кумана?) Борила. Кажется, на нем был назван сын сестры Асений – их племянник Борил, который занял престол после убийства третьего брата Калояна. Может быть по аналогии предположить, что и сам Асен (с прозвища *Белгун* < тюрк. *bilgün*, *bilgin* «мудрый, знающий») носил имя каково-то своего прадеда. Но единственный известный более ранней его тезка был умерший в конце XI века половецкий хан Осень (*Ásen*), отец знаменитого Боняка и глава *Kai* (*Qāy*) при их появлении в Европе. Вторжения куманов в Византии совпадают с эпохи Боняка, кто на протяжении десятилетий возглавлял западное половецкое крыло. К нему принадлежали и те куманские группы, которые проникли

ближе к Дунаю, в том числе и на южном берегу реки. В таком случае и «скит» Борил наверное спадал к ним, а то обстоятельство, что один из его уже болгарские внуков был назван Асен, может быть намекает на имя Борилового отца. Означает ли это, что Асени из Болгарии были через своего куманского деда родственно связаны с Асеновой династией *Кай*, а отсюда, возможно, и могучим Боняком, можно только спекулировать. Так же, как и с параллель между изображением дракона на кольце царя Калояна и идентификации Кай со «змеиным/Змиевом (на)роде». Несмотря на смешанном происхождении Асеновых, в политической их деятельности они всегда проявлялись как *болгарские* правители. При борьбе с внешними врагами, однако, они смогли постоянно полагаться и на куманскую союзную поддержку.

Стоит отметить, что среди поселившихся в Венгрии семь куманских родов вообще не упоминается княжеский клан Котьяна/Kuthen (Terter-oba). Это приводит к выводу, что куманы, принадлежащие к нему, не откликнулись на призыв короля Белы IV, чтобы вернуться в Венгрии после отхода татарской угрозы, а остались в болгарском северо-западе, положив начало боярского рода, из которого позже возникает династия *Тертеров* (1280-1322 гг.). Последующие ее на престол в Тырново *Шишманы* берут свое начало из того же региона – от бояр из Видина Шишман и его брат Белаур, чьи имена имеют тюркская этимология. Они числились к поднятым на видных постов родственники и ближние царя Георгия I Тертера (1280-1292 гг.), часть которых (Ельтимир, Балик, Дырман, Куделин и т. д.) – судя по их названия – имели куманское происхождение. По некоторым данным, сын первого Шишмана – царь Михаил III Шишман (1323-1330 гг.) был двоюродный брат сына Тертера, Феодор Святослав (1300-1322 гг.). Отсюда и предположение, что когда в Тырново в 1292 г. при поддержке татарского хана Ногая взойшел узурпатор Смилец ([< *Исмаил + -ец?], 1292-1298 гг.), бояр Шишман провозгласил себя царем и преемником Георгия I Тертера [24, с. 24, зам. 59], вероятно, и из-за своего родства с кланом Terter-oba. Так и три доминирующие династии Второго болгарского царства были в той или иной степени связанных с куманами-кипчаками. Их союзные (и наемнические) отряды помогали в военных начинаниях болгар, а их остатки интегрировались среди местных жителей, о чем свидетельствуют и ряд «восточных» имен болгар христьян в первые века османского владычества [25]. Таким образом, Болгария оказалась периферийная зоной куманско-кипчакского пространства, через которое она была связана во времени и пространстве с восточной периферией казахской степи – там, где когда-то возникло Кимекское государство, а вместе с ним началось подъем и кипчакской общности.

Список литературы

1. Бартольд, В. Н. Новый труд о половцахъ. – *Русский исторический журнал*, 7, 1921, 138-156.
2. Новосельцев, А. П. Половци. – *Советская историческая энциклопедия*, 11. М., 1968, кол. 284.

3. Golden, P. B. Cumania II. The Ölberli (Ölperli). The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan. – *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 6, 1986 (1988), 5-29.
4. Pritsak, O. The Polovtsians and Rus'. – *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 2, 1982, 321-380.
5. Расовский, Д. А. Половци, III. – *Seminarium Kondakovianum*, 9, 1937, 71-85.
6. Lăzărescu-Zobian, M. Cumania as the name of thirteenth century Moldavia and Eastern Wallachia: Some aspects of Kipchak-Rumanian relations. – *Journal of Turkish Studies*, 8, 1084, 265-272.
7. Рыбаков, Б. А. Русские земли по карте Идриси 1164 года. – *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*, 43, 1952, 3-44.
8. Плетнева, С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. – В: *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*. Т. 1. М.-Л., 1958 (= *Материалы и исследования по археологии СССР*, 62).
9. Pritsak, O. Non-“wild” Polovtsians. – In: *To honor Roman Jakobson*, II. The Hague – Paris, 1967, 1615-1623.
10. Golden, P. B. The Polovci Dikii. – *Harvard Ukrainian Studies*, 3-4, 1979-1980, 269-309.
11. Lewicki, T. La „ville“ comane de Troia. – *Revue des Études Slaves*, 25, 1949, 39-44.
12. Lewicki, T. Sur la ville comane de Qāy. – *Vznik a počátky Slovanu*, 2, 1958, 13-18.
13. Кудряшов, К. В. *Половецкая степь. Очерки исторической географии*. М., 1948.
14. Федоров-Давыдов, Г. А. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники*. Москва, 1966.
15. Плетнева, С. А. Половецкие каменные изваяния. – В: *Археология СССР. Свод археологических источников*. Е 4-2, 1974, 200 с.
16. Golden, P. B. The Qipčaq of Medieval Eurasia. An Example of Stateless Adaptation on the Steppe. – In: *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*, eds. G. Seaman, D. Marks. Los Angeles, 1991, 132-157 (= *Ethnographics Monograph Series*, Monograph No. 2).
17. Федоров, Г. С. К вопросу, о пребывании Половцев в Дагестане. – В: *Проблемы археологии и этнографии*, вып. 1. Л., 1977, 76-82. Л., 1977, 76-82.
18. Прицак, О. Половці. – *Український історик. Журнал Українського історичного товариства*. Нью Йорк – Мюнхен, 1-2 (37-38), Рік X, 1973, 112-118.
19. Плетнева, С. А. Половецкая земля. – В: *Древнерусские княжества X-XIII в. М.*, 1975, 263-272.
20. Rásonzi, L. Les anthronozmes comans de Hongrie. – *Acta Orientalia Acad. Sci. Hung.*, 20, 1967, 135-149.
21. Гордленский, В. А. Что такое „босый волк? (К толкованию „Слова о полку Игореве“. – В: *Известия АН. Отделение литературы и языка*. Т. 6, 1947, вып. 4, 317-337.

22. Menges, K. H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, "The Igor's Tale". – In: *Supplement to "Word"*, vol. 7 (Monography No. 1). New York, December 1951.

23. Микаил Бащу Ибн Шамс Тебир. *Сказание за дъщерята на хана. Епосът на прабългарите, 882 г.* София: Издателство *Агато*, 1997.

24. Павлов, П. Куманите в обществено-политическия живот на средновековна България (1186 – началото на XIV в.). – *Исторически преглед*, 1990, № 7, 16-26.

25. Стоянов, В. *Vulgaro-Turcica, 3-4: История на изучаването на Codex Sitanicus; Кумано-печенежки антропоними в България през XV век.* София: ИК Огледало, 2000, 320 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМПЛЕКСОВ ВООРУЖЕНИЯ КЫРГЫЗОВ И КИМАКОВ В IX – X ВЕКАХ

Худяков Ю.С.

*Россия, Новосибирск, Институт
археологии и этнографии СО РАН*

На протяжении трех тысячелетий, со времени выделения в зоне Евразийских степей особого культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов и на всем протяжении его последующего существования, военная сфера всегда занимала одно из ведущих направлений в жизнедеятельности кочевых обществ. Во многом, благодаря высокому уровню развития военного дела, кочевой мир смог развиваться, аккумулировать основные ресурсы степного ландшафта и использовать внешние поступления, получаемые в качестве дани с обществ, основанных на других культурно-хозяйственных типах.

Предпринимавшиеся ранее опыты оружейведческого анализа разных видов источников позволили проследить основные этапы развития оружейных комплексов древних номадов бронзового века, особенности военного дела тюркских и монгольских кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии на протяжении на протяжении хунно-сяньбийской эпохи, периодов раннего, развитого и позднего Средневековья. Как показал сравнительный анализ, несмотря на наличие общих тенденция в развитии вооружения и способов его применения на всем протяжении военной истории древних и средневековых номадов Центрально-Азиатского историко-культурного региона, каждый из изученных оружейных комплексов обладал своеобразными чертами.

Свои характерные черты были характерны для военного дела населения Кыргызского и Кимакского каганатов в период их возвышения на военно-политической арене Центральной Азии в IX – X вв.

В эпоху «Кыргызского великодержавия» правящая элита енисейских кыргызов смогла консолидироваться вокруг своего правителя Ажо, который провозгласил себя каганом и тем самым бросил вызов уйгурскому кагану в борьбе за господство над всем регионом Центральной Азии [2, с. 489]. Важным фактором успеха в длительной войне с уйгурами стало высокоразвитое военное дело. Кыргызам удалось наладить собственное оружейное производство, что позволило обеспечить армию самыми современными для того времени формами оружия дистанционного и ближнего боя, и средствами защиты, создать централизованную военную организацию по образцу азиатской десятичной системы деления войска и народа, в рамках которой было подготовлено и вооружено три тумена кыргызской панцирной конницы и восемь десятитысячных отрядов легкой кавалерии, составленной из воинов союзных и зависимых племен кыштымов, усовершенствовать тактику ведения конного боя, которая предусматривала сочетание атакующих действий отрядов легковооруженной и тяжеловооруженной конницы. Кыргызским правителям удалось подчинить

северные племена Бома, с которыми они ранее постоянно враждовали, и включить их в состав своей армии [7, с. 134-135, 138-141, 155-157]. Наибольшее значение для обеспечения победоносного хода войны имело развитие вооружения. В IX – X вв. на вооружении у кыргызских воинов наряду с обычными сложносоставными луками с концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками, появились луки с одной парой срединных боковых накладок или подобные луки с дополнением срединной фронтальной накладки [7, с. 69-73]. Появление этих форм луков было направлено на повышение их скорострельности. По сравнению с набором оружия предшествующего периода у кыргызских воинов значительно возросло количество форм железных наконечников стрел. Для поражения незащищенного металлическим доспехом противника они применяли наконечники с трехлопастным, двухлопастным, четырехлопастным и плоским пером разных типов. Наиболее распространенными были стрелы с вытянуто-пятиугольной, удлинненно-шестиугольной, удлинненно-ромбической и асимметрично-ромбической формой пера. Наиболее крупные трехлопастные наконечники снабжались фигурными отверстиями в лопастях и костяными шариками-свистунками. Еще большим разнообразием форм выделялись кыргызские стрелы, предназначенные для пробивания металлического защитного покрытия, преодоления панцирной брони, рассечения и раздвижения колец кольчуги. В составе спектра бронебойных стрел кыргызских воинов IX – X вв. были трехгранно-трехлопастные, четырехгранно-четырёхлопастные, трехгранные, четырехгранные, прямоугольные и округлые в сечении наконечники разных типов. Среди них были наконечники удлинненно-ромбической, ярусной, боеголовковой, вытянуто-пятиугольной, удлинненно-треугольной и иных форм [7, с. 88, 6, с. 135-136]. Разнообразие форм является важнейшим показателем развитости набора стрел определенного функционального назначения. По количеству групп и типов бронебойных наконечников кыргызский набор стрел значительно превосходит аналогичные наборы в составе комплексов вооружения всех других тюркских и монгольских кочевых народов Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья [8, с. 145-146, 171, 185-186, 214-214; 9, с. 13-14, 33-36]. Луки и стрелы кыргызские воины хранили и носили в налучьях и колчанах. Этими видами оружия были вооружены воины, как служившие в легкой кавалерии, так и тяжеловооруженные кавалеристы. Отряды легкой конницы обстреливали противника в рассыпном строю. В набор оружия панцирных всадников входили различные виды оружия ближнего и рукопашного боя: копьё и пики с ромбическими, округлыми и квадратными в сечении наконечниками. Они были главным оружием таранных атак, проводившихся тяжеловооруженными воинами в плотно сомкнутом строю. В рукопашном бою кыргызские воины атаковали врагов палашами, саблями и боевыми топорами [10, с. 109]. Палаши и сабли были самым престижным оружием кыргызских панцирных всадников. Особенно ценились импортные клинки, изготовленные мастерами-оружейниками в странах ближнего и Среднего Востока. Подобная сабля с

клинком из дамасской стали, украшенная орнаментом и арабской надписью с изречением из Корана, была обнаружена в кургане кыргызского военачальника Багыра в Туве [3, с. 26]. Кыргызские тяжеловооруженные воины защищали голову и тело сфероконическим железным шлемом, чешуйчатым, или ламеллярным панцирем, плечи и грудь накладными щитками, руки и ноги – наручьями и поножами. Для защиты корпуса использовались деревянные щиты, округлой формы, сколоченные из досок. Панцирные всадники прикрывали защитной попоной и тело боевого коня, которую дополняли накладные щитки [5, 1961. с. 60]. С выделением в составе кыргызского войска отрядов тяжеловооруженной конницы тактика ведения конного боя стала сочетать атаки легкой и панцирной кавалерии с последовательным вводом в действие разных контингентов. На дистанционной фазе сражения в бой вводились отряды легкой конницы, которые стремились охватить вражеское построение по фронту и с флангов и вести обстрел по всей линии соприкосновения. В решающий момент сражения противника атаковала панцирная кавалерия, которая должна была подавить его организованное сопротивление.

Другим крупным военно-политическим государственным образованием, возникшим в завершающий период эпохи раннего Средневековья в степных районах Алтая, Восточного и Центрального Казахстана, и Западной Сибири, с центром в Прииртышье, был Кимакский каганат был создан на базе объединения семи тюркских и монгольских кочевых племен [4, с. 92-94]. По одной из научных гипотез несколько монголоязычных кочевых племен после разгрома Уйгурского каганата переселились из северо-восточной Монголии на запад в верховья Иртыша, где объединились с западными тюркскими и телесскими племенами племенную конфедерацию, на основе которой было создано Кимакское государство [1, с. 146]. Значительную часть кочевого населения в составе этого государства составляли кочевые племена кыпчаков, потомков западных тюрков и тюкизированные племена степного Алтая и Западной Сибири [11, с. 144-145, 148]. В предметном комплексе памятников кочевого населения этих районов, относящихся ко периоду существования Кимакского каганата представлены разнообразный набор предметов вооружения. В составе оружия дистанционного боя выделяется несколько типов луков с концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками, либо только со срединными накладками. В памятниках этого времени в Приобье были обнаружены луки с одной срединной фронтальной накладкой, которые в дальнейшем получают широкое распространение в монгольскую эпоху [8, с. 181]. В кимакском наборе железных наконечников стрел преобладали трехлопастные асимметрично-ромбической, удлинненно-ромбической, вытянуто-пятиугольной и боеголовковой форм. Наряду с ними использовались и плоские стрелы разных типов, среди которых чаще других наконечники с асимметрично-ромбическим пером. В комплексе кимакских бронебойных стрел представлены трехгранно-трехлопастные, трехгранные, четырехгранные, ромбические и круглые в сечении наконечники. Наиболее употребительными среди них были трехгранные асимметрично-ромбической,

удлиненно-ромбической и боеголовковой формы. Помимо стрел с железными наконечниками население северной периферии Кимакского каганата широко использовало костяные стрелы [8, с. 186-188]. Стрелы хранились в закрытых и открытых колчанах, широко распространенных в кочевом мире в раннем Средневековье.

В ближнем бою кимакские всадники могли атаковать противника копьями с ромбическими и линзовидными в сечении наконечниками с удлиненно-ромбическим пером. К числу редких форм относится находка наконечника копья с трехлопастным пером из Степного Алтая [8, с. 195]. Все обнаруженные к настоящему времени кимакские копья можно отнести к числу универсальных, предназначенных для поражения незащищенного металлическим доспехом и тяжеловооруженного противника. Среди них нет специализированных бронебойных форм. Большим разнообразием отличается клинковое оружие кимакских воинов. В их числе представлены мечи с прямым, обоюдоострым, ромбическими или линзовидным в сечении клинком; палаши с прямым однолезвийным клинком, прямой рукоятью и разными формами перекрестий; сабли с прямым или слабоизогнутым клинком, изогнутой рукоятью и различными перекрестьями [8, с. 190-195]. Судя по находкам панцирных пластин и бронзовых бляшек с изображением кимакских панцирных всадников, для защиты кимакские воины применяли чешуйчатые и ламеллярные панцири, сфероконические шлемы и щиты [8, с. 196-198]. Состав оружия в кимакских памятниках с разных районов их распространения свидетельствует, что в Восточном Казахстане, Степном Алтае и Верхнем Приобье в составе военных отрядов были как легковооруженные, так и панцирные всадники, а на северной периферии Кимакского каганата преобладали конные стрелки.

Сравнивая между собой кыргызский и кимакский оружейные комплексы можно отметить, что различия касаются нескольких видов оружия. Среди луков заметных отличий между обоими комплексами не наблюдается. По набору групп и типов кимакский набор небронебойных стрел вполне сопоставим с кыргызским. Несколько отличается от кыргызского меньшим числом форм кимакский набор бронебойных наконечников стрел. В кыргызских памятниках значительно больше находок подобных стрел, что свидетельствует о больших возможностях поражения защищенных доспехами противников в дистанционном бою. В наборе средств ведения таранных атак кыргызские воины также имели ощутимые преимущества, поскольку помимо универсальных, у них на вооружении были различные типы специализированных бронебойных копий. В то же время набор клинкового оружия кимаков отличается большим разнообразием форм и большим количеством самих находок этого оружия. Также как и кыргызские воины кимаки стремились к приобретению престижных импортных клинков [8, с. 191-192]. В составе кимакских военных отрядов были панцирные и легковооруженные всадники и пехотинцы, входившие в состав каганской гвардии и ополчений племен и городов. Отряды легкой конницы действовали в рассыпном строю и атаковать противника лавой. Они несколько уступали

отрядам кыргызской панцирной кавалерии в проведении таранных атак, но располагали более широкими возможностями в рукопашной фазе конного боя. Недостаток средств защиты делал кимацких воинов более уязвимыми по сравнению с панцирными всадниками, но более маневренными и имеющими превосходство в скорости перед тяжеловооруженными воинами. Выработанные в результате боевой практики приемы ведения рукопашного боя помогли кимацким войскам остановить продвижение кыргызов в юго-западном направлении в Степном Алтае и Верхнем Прииртышье.

Список литературы

1. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 293 с.
2. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. М., Т. II, Ч. 1. С. 471-543.
3. Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.в. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М., 1998. 84 с.
4. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX – XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. 156 с.
5. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
6. Овчинникова Б.Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам раскопок могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 132-146.
7. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.
8. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
9. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск, 1991. 190 с.
10. Худяков Ю.С. Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб, 2003. 192 с.
11. Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. № 12. С. 138-153.

KIPCHAKS AND THE MONGOI CAMPAIGNS AGAINST EASTERN EUROPE

István Zimonyi

Hungary, Szeged University

There were three important political actors in the beginning of the 13th century in Eastern Europe. The Kipchak tribes ruled the steppe zone, while the Kievan Rus and Volga Bulgars controlled the forest zone. The Kipchak tribes reached Eastern Europe in the middle of the 11th century and from that time on they played important role not only in the history of Rus and Volga Bulgars, but they had deep impact in Georgia, Byzantium, Danube Bulgaria and Hungarian Kingdom. The Mongols creating a vast empire in the first half of the 13th century waged war twice against Eastern Europe and after successful conquest the Golden Horde was founded.¹

This paper focuses on the Mongol campaigns against the Kipchaks within the western conquest. The Kipchak tribes of Eastern Europe migrated along the rivers. The reconstruction of their settlements was based on the direction of the Rus attacks which have survived in the Russian annals, the archaeological excavations, the territorial distribution of the Kipchak stone sculptures and the evidence of place names. Accordingly the following groups can be distinguished: Danube, Bug, Dnepr, Azov, Don, Donec, Caucasus and Volga-groups.²

The Mongol forces attacked Eastern Europe first through the Caucasus in 1223. The campaign was a part of a larger war against the empire of the Khwarazmshah. Chinggis Khan's troops assembled on the river Irtish in the summer of 1219 and reached Otrar in the autumn. The Khwarazshah distributed his forces among the big cities as he was afraid of a decisive battle, but Chinggis Khan abandoning the tactics applied in north China conquered the towns of Transoxania one by one. Otrar was captured after five months siege in February 1220. Bukhara was taken in the same month and Samarkand in March. The empire came to an end. Jalāl al-Dīn, the son of the Shah was the only leader, who defeated the Mongols in a battle, but he was forced to retreat to India. Chinggis Khan sent his generals Jebe and Sübötey to pursuit Muhammad, the Khwarazmshah according the basic Mongol strategy. He flew to an island of the Caspian Sea and died there in January 1221.³ The Mongol generals asked the permission of Chinggis Khan to continue the campaign to reconnoitre the western countries and so they attacked Azerbaijan and Georgia, then they crossed the Caucasus in 1222. The Alans made an alliance with the nomadic Kipchaks.⁴ The Mongols sent envoys to the Kipchaks according to Ibn al-Athīr who were successful in alienating the Kipchaks stating that the Mongols and Kipchaks were of the same stock (*jins*) and they have

¹ The western campaigns of the Mongols in general: Spuler 1943, ; Vernadsky 1953; Grekov-Jakubovskij 1950; Tihvinskij 1970; Göckenjan 1991; Sinor 2001; sourcebooks on the campaigns: Göckenjan, Sweeney 1985; Tatárjárás emlékezete; Revised and supplemented version: Tatárjárás.

² Fedorov-Davidov reconstructed six (1966, 147-150) and Pletneva eight groups (1974, 19-23), twelve by Pritsak 1982, 340-341

³ Ratschneksky 1993, 118-134.

⁴ The term used in Muslim and eastern sources, whereas Cumans in western and Polovtsians in Russian sources.

different religion than the Alans. The Mongols promised treasure and clothing to the Kipchaks, who accepted the offer and left the Alans and dispersed. First the Alans were crushed and then the Cumans.⁵ The Mongols spent the winter in the northern Caucasus and took Sugdak on the Crimea.⁶ In 1223 they penetrated into the steppe and they killed the son of Konchak, Yuriy and Danil Kobyakovich during the wars, but Köten and other princes escaped.⁷

The western Russian princes paid little attention to the raid of Chinggis Khan, as the Russian annals did not record it at all. The prince of Galych, Mstislav was informed about the events in the Caucasus by his father-in-law, the Kipchak ruler Köten, who offered presents for making an alliance against the Mongols. Mstislav convoked the Russian prince to Kiev. The princes of Kiev and Chernigov took part in the war council and decided to march together with the Kipchaks against the Mongols toward southeast and to attack the Mongols on the steppe. The main body of the army went along the Dnepr and met the envoys of the Mongols under Zarub who declared that the Mongols did not intend to attack the Rus' territories west of the Dnepr and said: "We have heard that you are marching against us, having harkened to the Polovtsians/Kipchaks; but we have not attacked your land or your villages, nor have we marched against you; but we have come, sent by God, against our serfs and our grooms, the pagan Polovtsians. Make peace with us. Should (the Polovtsians) escape to you, then drive them off and take their goods for yourselves. We have heard that they have done much evil to you, and for this reason we are fighting them."⁸ The report contains several *topoi*, but reflects the aim of the Mongols to divide the opponents. The Russians killed the envoys and the reinforcement from Chernigov, Galych and Smolensk arrived. The allied forces reached the easternmost bend of the Dnepr, when other Mongol envoys arrived: "You have harkened to the Polovtsians and have killed our envoys and are marching against us. March on, then. But we have not attacked you. May God (be judge) of all men."⁹ The Russian troops crossed the Dnepr and marched forward on the steppe. The battle took place on the Kalka on 31 May between the Mongols and Russian-Kipchak army. The Kipchak troop under Yarun retreated. The three leading princes fell during the fight and the Mongols defeated the Russian forces and pursued the remnants as far as the Dnepr, then retreated.¹⁰ The crushing defeat was due to the feud among the Russian princes and lack of unity among the commanders, absence of the troops from the powerful northern and eastern principalities such as Novgorod and Vladimir-Suzdal. The casualties amounted to the half of the participating princes.¹¹ The news of the Mongol attack in 1223 reached Europe through Henry of Livonia's Chronicle.¹²

⁵ The basic source is Ibn al-Athīr description on the Mongol campaign. On operations in the Caucasus cf. Schütz 1973.

⁶ Ibn al-Aṭīr X, 416–417; Richards 2010, 222–223; *A tatárjárás...* 58–59).

⁷ NPL 62, 265.

⁸ Fennell 1983, 65

⁹ Dietze 1971, 94–96; Fennell 1983, 66.

¹⁰ The Russian annals recorded the events under title the "Tale of the battle on the Kalka" in different versions, which preserved reliable historical data. Cf. Fennell 1980, 18–31.

¹¹ Fennell 1983, 63–68

¹² Göckenjan, Sweeney 1985, 29–32.

Then the Mongols attempted to conquer the Volga Bulgars, but they had precise information about the nomadic tactics of the Mongols and they put up ambushes for the Mongols and defeated them. Ibn al-Athīr recorded: “Most of them were killed, none but only a few escaped. It was said they were about 4 000 men. They went to Saqsin returning to their king, Chinngis Khan. The territory of the Qipchaqs became empty of them and whoever survived of them returned to his country. The road was cut: The Tatars had entered it and nothing arrived from them from fox, ermine, sable, etc. of what is carried from these countries. When they left it (the road), they returned to their country and the roads was uninterrupted and carried the goods as before.”¹³ During the first Mongol invasion the Kipchak tribes between the Dnepr and Volga were temporally conquered.

Parallel with the campaign of Jebe and Sübötey Jochi, the eldest son of Chinggis Khan marched on the Syr-darya and captured the towns of Sugnak, Özkend, Barchin and Ashnas and finally Jand in April 1220. Afterwards Chingis Khan sent Jochi, Ögedey and Chagatay against Khwārazm during his campaign in Transoxania. Ögedey and Chagatay sieged the town and returned to their father, while Jochi marched to the steppe and remained there till the spring of 1223. Chinngis Khan with his sons met him between Chimkent and Jambul and spent the summer with hunting. Then Jochi returned his camp.¹⁴ Rashīd al-Dīn recorded the events in another way after the siege of Khwarazm stating: „Chagatay and Ögetey then set off to join their father, and they reached Chingiz-Khan before the fortress of Tālaqān. As for Jochi, he set out from Khwārazm for the Erdish, where his heavy baggage was, and reached his ordos. Previously, Chingiz-Khan had ordered Jochi, he set out upon the conquest of the northern countries, such as those of the Bular, Bashghird, Orus, Cherkes, and the Qipchaq Steppe, and to subjugate them. As /Jochi/ had held back from this operation and returned to his own tents, Chingiz-Khan was extremely annoyed and said: ‘I will put him to death without seeing his face.’ Jochi was taken suddenly ill.”¹⁵ Finally Jochi died and the conflict came to an end. Rashīd al-Dīn mentioned the order of Chingiz-Khan to attack the western countries once again: „It had been previously ordained by a *yarliq* of Chingiz-Khan that Jochi should proceed with an army and seize and take possession of all the northern countries, such as Ibir-Sibir, Bular, the Qipchaq Steppe, and the lands of the Bashghird, Rus, and Cherkes as far as Darband on the Caspian, which the Mongols call Temür-Qahalqa. Jochi neglected this command, and when Ögedey Khan acceded to the Khanate, he charged Batu with the same undertaking, deputing his nephew Möngke Qa’an, the latter’s brother Böchek, and his own son Güyük Khan, along with such great emirs as Sübetey Bahadur, the army commander of the Uriyangqat people who came to this country with Jebe, at the head of an army, to gather all together with the other princes under Batu and set about the conquest of the northern countries.”¹⁶ The chronology of this neglected command is debated, as Juwaynī having described the campaign of Jebe and Sübedey as far as the cross of the pass Darband in the Caucasus than he wrote that

¹³ Ibn al-Athīr XII, 388-389; Zimonyi 1992/3, 350; Zimonyi 1985, 197-204; Volžskie Bulgarija 1988).

¹⁴ J. A. Boyle, *Djuči*: EI II, , 571; Ratschnevsky 1993, 136-137.

¹⁵ Boyle 1971, 118, Thackston 1999, 359.

¹⁶ Boyle 1971, 107-108; Thackston 1999, 352

Sübedey met Jochi in the Dasht-i Qipchaq in the beginning of 1224 and both joined to Chingis Khan:¹⁷ „Then they came to Darband and none remembered that any army had ever passed through or gone to war by this route, but they had resort to a stratagem and so passed through. The army of Tushi stationed on the Plain of the Qifchaq and that region; they linked up with them and departed from thence to rejoin Chingiz-Khan.”¹⁸

According to Rashīd al-Dīn Jochi refused to meet Chingis Khan as he neglected his command to attack the western countries, so it cannot be dated before 1223, which seem to be logical, as Jochi could help the campaign led by Sübötey and Jebe. All in all Chingis Khan sent his eldest son Jochi to the west. The details and results of this attack is not known, only the western border of Jochi ulus were recorded by Juwaini: «When during the reign of Chingiz-Khan the kingdom became of vast extent he assigned to everyone his place of abode, which they call yurt. To his eldest son, Tushi (Tūšī), he gave the territory stretching from the regions of Qayaligh¹⁹ (Qayālīg) and Khorezm (Hwārizm) to the remotest parts of Saqsın (Saqsīn) and Bulghar (Bulğār) and as far as the hoof of Tartar horse had penetrated.”²⁰ We have no data on the attack of Jochi between 1224 and 1227. Chinggis-Khan’s attention turned toward the Tanguts and he died during the campaign against the Tanguts in 1227.

The new great khan, Ögödey was elected in 1229, whose first step was to conquer the Qitays in north China. It meant that greater forces were not sent against Eastern Europe between 1227 and 1235. The Russian annals mentioned border incidents in 1229 and 1232 referring to the Volga-region.²¹ Both attacks had consequences for the Kipchaks and Volga Bulgars. In 1229 a Mongol raid is recorded in the Russian annals: “In 1229 the inhabitants of Saqsın and the Polovec escaped from the Tatars to the Bulgars from the south and the Bulgar advanced guard also retreated as they were defeated by the Tatars near the Yayik (Ural) river.”²² In 1232 the Mongols attacked the Volga Bulgars nott reaching their Great Town (Biler).²³ The eastern borders of the Volga Bulgars were conquered. These Mongol attacks had an impact on the Kipchaks along the Volga.

Ögedey having consolidated the East, i.e. North China and Persia convoked a *quriltay* in 1235 and it was decided to launch an attack against the West, i.e. Europe. Rashīd al-Dīn described it in detail: “Having returned in the Year of the Horse (1234) from his conquest of the lands of Khitai, Qa’an had called an assembly in Talan-Daba and held a *quriltay*. In this Year of the Sheep (1235) he wished to reassemble all the sons, kinsfolk, and emirs and cause them to listen once again to the *yasas* and ordinances. They all presented themselves in accordance with his command, and he distinguished them everyone with every sort of kindness and favour. For one continuous month, in union with his kinsmen, he joined the morning /draught/ to the evening draught in feasting, and in his wonted

¹⁷ Buell 1993, 19-20.

¹⁸ Qazwini 1912, 116; Boyle 1958 I, 149.

¹⁹ A lay to the west of Kopal (Boyle 1958 I, 42, note 9).

²⁰ Qazwini 1912, 31; Boyle I, 42

²¹ Zimonyi 1992, 351-352.

²² PSRL I, 453; Zimonyi 1992/93, 351.

²³ PSRL I, 459; Zimonyi 1992/93, 352.

manner in accordance to his practice, he bestowed upon that assembly all the valuables that had been gathered together in the treasuries. And when they had done with feasting and merrymaking he turned to the disposal of the affairs of the state and the army. And since some parts of the lands had not yet been conquered, and in certain countries some were practicing rebellion, he set about dealing with these matters, dispatching each one of his kinsmen in a different direction and intending to proceed in his own person to the Qipchaq Steppe. However, Möngke Qa'an, who, although in the first flower of youth, had the perfect wisdom and counsel of an old man, remarked upon Qa'an's intention and said: "All of us brothers and sons stand awaiting thy ever-fulfilled command so that we may give our lives in whatever manner he may suggest whilst Qa'an busies himself with spectacles and pleasure and amusement and does not endure the toils and hardships of travel. Otherwise of what use are kinsmen and emirs, and a countless army?" All present approved these perfect words and made them their model and guide; and the august mind of Qa'an resolved that of the princes, Batu, Möngke Qa'an, and Güyük Khan, together with others of the princes and a great army, should set out for the countries of the Qipchaq, Orus, Bular, Majar, Bashghird, Sudaq, and /all/ that region and subjugate them all."²⁴ The aim of the campaign was described in the Secret History of the Mongols as follows: "Earlier on, Sübe'etey-ba'atur, campaigning against Meket (=Magas), Men-kermen, Keyibe and other cities, had crossed the rivers Adil and Jayaq rich in water, and had reached as far as Qanglin, Kibcha'ut, Bajigit, Orusut, Asut, Sesüt, Majar, Keshimir, Sergesüt, Buqar (read Bolar) and Keler peoples."²⁵ The subjugation of the Kipchaks were mentioned among main strategic aim of the campaign.

The basic strategy of the Mongols during the western campaign was the attack against the nomads on the steppe in summer and against the peoples of the forest region in winter. The Hungarian friar, Julianus illuminated the matter with the following words: "Those Russians, Hungarians and Bulgars, who escaped from them, told me personally that the Tatars look forward to the coming winter, when the rivers and marshes freeze and so they can plunder easily the whole Russia with their numerous strength as they did in case of the Rutens."²⁶

The great western campaign directed first against the Volga Bulgars. Mongol forces joined near their country in the autumn of 1236 and conquered Volga Bulgaria during the winter. The parallel and subsequent events of the raid against the Volga Bulgars were recorded in the letter of Julianus. The attack against Saksin on the lower Volga led by Möngke and Büjek with the left wing of the Mongol army was described by Juwaynī.²⁷ Pelliot dated the campaign to the winter of 1236/1237.²⁸ After consolidating the Mongol power in the Volga-Kama region and Volga-Don steppe the Mongols attacked the Mordvins and Burtas (Vedin/Veda and Merovia by Julianus).

²⁴ Ali-Zade 1980, 116-119; Boyle 1971, 54-55; Verhovskij 1960, 35-36; Thackston 1999, 324

²⁵ Rachewiltz 1985, 26-27.

²⁶ Vernadsky 1953, 50; Dörrie 1956; Göckenjan, Sweeney 1985, 104-105; Györffy 1986, 76-77.

²⁷ Boyle 1958 II, 553-554 cf. Chinese description by Pelliot 1920, 166.

²⁸ Pelliot 1920, 167.

Rashīd al-Dīn gave a detailed description of the events inserting the campaign against the Hungarian king at the beginning of the report: „They all set out together in the spring of the *bichin yil*, that is, the Year of the Monkey, falling in Jumādā II of the year 633 /12th February - 12th March, 1236/. Having travelled throughout the summer, in the autumn, in the region of Bulghar, they joined the family /of Jochi/, Batu, Orda, Shiban, and Tangqut, who had also been deputed to that region ... (Raid against the Hungarians)...Thereafter²⁹, in the winter, the princes and emirs gathered together on the River Yaman³⁰ and sent the emir Sübedey with an army into the country of the Ās and the region of the Bulghar. They /themselves/ went as far as the town of Kūy.k.³¹ The emirs /of the town/, Bayan and Chīqu, came and paid homage to the princes. They were received with honor, but upon their return /Bayan and Chīqu/ again rose in revolt, and Sübedey Bahadur was sent /against them/ for the second time in order to take them prisoner.³²

Thereafter the princes held a council, and each with his army set out in an encircling movement and attacked and conquered the countries which lay across their path. Möngke Qa'an moved in such a circle upon along the bank of the river and captured both Bachman, who was one of the chief emirs of those parts, of the Üirlik people in the Qipchaq federation, and Qachir-Ukula of the Ās people. This happened in the following manner. This Bachman together with a number of other robbers, had escaped from the sword and a further group of fugitives had joined him. He would strike upon every side and carry something off, and day by day the mischief he caused grew greater. He had no fixed place of abode, and the Mongol army could not lay hands on him. In the daytime he used to lie hidden in the forests on the banks of the Etil. Möngke Qa'an ordered two hundred boats to be constructed and one hundred fully armed Mongols to be set in each, while he and his brother formed a hunting ring and proceeded along the banks of the river. In one of the forest on the Etil they found some dung and other traces of an encampment that had been hurriedly abandoned. In the middle of this they found an old woman, from whom they learnt that Bachman had crossed on to an island and that he had acquired during that period by his wickedness and mischief was on that island. Because no boats were at hand, it was impossible to cross the Etil, but suddenly a strong wind arose, the water began to billow, and (it) receded from the passage leading from the island to the other side; and because of Möngke Qa'an's good fortune the bottom became visible. He ordered the troops to ride in. Bachman was seized and his army destroyed within an hour, some being flung into the river and some killed outright. The Mongols bore off their wives and children as prisoners, and they likewise carried off much valuable booty. Then they returned.

²⁹ After describing the campaign against Hungary earlier events were mentioned Minorsky 1952, 228.

³⁰ Yaiq i.e. Ural river cf. Minorsky 1952, 239

³¹ KWKY, KWXX, KRNK. The identification of the town is debated. Tizengauzen referred to the Great City without special explanation. Smirnov after Berezin (1951, 268) reconstructed as Kermenčuk. Fahrutdinov rejected it as the town was located north of the Kama river whereas Bilyarsk was the greatest centre of the Volga Bulgars south of the Kama, and Kermenčuk can be dated to the Mongol age (13-15th century) there is no trace of earlier settlement there. According to Fahrutdinov the term can be read as Turkic *kirmen* 'town, fortress' (1984, 101-102).

³² The date of the revolt is uncertain cf. Smirnov 1951, 53-54; Fahrutdinov 1984, 100-102.

The water began to move, and when the troops had crossed, it was back again without one soldier's having suffered harm. When Bachman was brought before Möngke Qa'an, he begged to be put to death by the latter's own hand. Instead Möngke ordered his younger brother Böček to cut him in half. Qachir-Ukula, the Ās emir, was likewise put to death. That summer Möngke remained in that region.

Then in the *taqīqu yīl*, that is, the Year of the Hen, falling in the months of the year 634 (1236-7), the sons of Jochi Khan, Batu, Orda, and Berke, the sons of Qa'an, Qadan and Güyük Khan, as also Möngke Qa'an, the grandson of Chaghatai Khan, Büri, and the son of Chingiz-Khan, Kölgen, went to war against the Boqshi and Burtas and conquered them in a short space of time."³³

Julianus, Juwainī and Rashīd al-Dīn proves that the left wing of the Mongol army under Mengü and Böček marched against Bachman who must have been the chief of the Kipchak tribes along the lower Volga in the winter of 1236-37 and the Mongols conquered the steppe region between the Volga and the Don. After defeating the Volga Bulgars the other Mongol princes, their western and south-western neighbours i.e the Mordvas and the Burtas were subdued. The Mongols reached the borders of the principality of Vladimir-Suzdal.

The Hungarian friar, Julianus was in Suzdal in 1237 and he copied a Mongol letter written to the king of Hungary, which was confiscated by the grand duke of Suzdal. Among others it is stated: „Further, I have learned that you keep the Cumans, my slaves, under your protection. Whence I charge you that henceforward you do not keep them with you, and that you do not make me your enemy on their account.”³⁴ The Mongols regarded the reception of the Cumans/Kipchaks as a hostile act. The Cumans on the lower Danube under prince Borc embraced Christianity and became the subject of the Hungarian king with his people in 1227 and a Cuman episcopacy was founded and the Hungarian king took the title *Rex Cumaniae* from 1229.³⁵ It can be regarded a crucial motive for the later Mongol invasion against the Hungarian Kingdom.

The Kievan Rus' was not a centralized political unit, several principalities flourished. The most powerful principality was that of Vladimir-Suzdal in the north-east controlling Novgorod. The south-western part of Russia was unstable, as the royal families of Smolensk, Chernigov and Volynia–Galich fought for supremacy over Kiev symbolizing the control over Russia.

The Mongols conquered Russia in two different phases. The attack against north-eastern Russia was a complicated task, which was perfectly planned. In winter 1237-38 the Mongols conquered the principality sieging its main cities: Rjazan' on 16-21 December 1237, Vladimir on 3-7 February 1238 and defeating the grand duke in the battle on the river Sit' on 4 March. The Principality of Vladimir-Suzdal, the most powerful state of Russia was totally defeated and the Mongols left the territory of the principality in spring and arrived in the steppe of the Kipchaks.

The next two years the Mongols first had to secure their further invasions by seizing the steppe region and then they had to pacify the peoples of the northern

³³ Ali-Zade 1980, 128-133; Boyle 1971, 57-59; Verhovskij 1960, 37-38; Thackston 1999, 326-327.

³⁴ Sinor 1999, 11.

³⁵ Balogh 2001, 149-160; Kovács 2005, 55-66.

Caucasus. Rashīd al-Dīn recorded the events of 1238: “in the autumn, Möngke Qa’an and Qadan proceeded against the Cherkes and, in winter their king, Tuqar (*Tūqār*³⁶) by name, was killed. Shiban, Böček and Büri proceeded against the region of Qirim and conquered Tatqara of the Qipchaq people. Berke proceeded against the Qipchaq and captured Arjumaq, Quranmas, and Qiran (*Arjumāk, Qūrānb/mās, Qap/tarān*), the leader of the Mokrūti (*B/Makrūti*).”³⁷ The Mongols first attacked the Cherkes in the Kuban region east of the Black Sea. Moving westward they crossed Perekop, the gate of the Crimea defeated the Kipchaks of the Crimea and captured Sugdak (Sudak) on the coast on 26 December.³⁸ Besides, the Mongols attacked the Kipchaks living in the steppe from the lower Dnepr to the Dnestr. The Mongol raid against the Kipchaks provoked the western migration of the fourth Cuman ruler, Küten with his people (40 000) to the territory of the Hungarian kingdom, as the Hungarian king Béla IV reset the Kipchaks after having been baptized to strengthen his position against his internal opponents and as useful auxiliary troops against the threatening Mongols.³⁹

After the successful campaign against the Caucasus in the winter of 1239-1240 the Mongols made a banquet and Möngke and Güyük with their armies were ordered to return to the great Khan to Mongolia. The remaining Mongol army under Batu continued the campaign against Kiev, which was sieged on 6th December 1240. Then the Mongol army conquered Galych and Volhynia. The Mongol central army crossed the Verecke Pass in the Carpathian Mountains, the gate of the Hungarian Kingdom from the East on 12 March and they annihilated the border protection. A Mongol patrol reached in the vicinity of Pest on the Danube. The Kipchaks under Küten had to face serious challenge as the opponents of the Hungarian king accused the Kipchaks with cooperation with the Mongols and the mob massacred Küten and his revenue in Pest. The Kipchaks having heard of the murder left the country along the Danube to northern Bulgaria.⁴⁰

The Hungarian king, Béla IV. Led his army to the river Sajó and he was totally beaten by the Mongols near village Muhi on 11 April 1241. The Mongols crossed the Danube in the winter 1241-1242 and perhaps the death of Ögödey in December 1241 was among the main reason that the Mongol army retreated from the Hungarian Kingdom following the lower Danube.

Rashīd al-Dīn noted that during their march they met Kipchaks: “The news of Qa’an death had not reached them. Then in the Year of the Leopard, a number of Qipchaq had come to fight with Köten (*Kūtan*⁴¹) and Shingqur, the son of Jochi. They gave battle and the Qipchaq were defeated. In the autumn they returned again and passed into the region of Temür-Qahalqa (*Tīmūr Qahalqa*⁴²) and the

³⁶ Var: *Būqār, Būqān*.

³⁷ Ali-Zade 1980, 136-137; Boyle 1971, 60; Verhovskij 1960, 39; Thackston 1999, 327; cf. Golden 1995-1997, 116).

³⁸ Spuler 1943, 19.

³⁹ Polgár 1999, 91-102; Balogh 2001, 53-61.

⁴⁰ Göckenjan, Sweeney 1985, 141-142, 157-159; Pálóci-Horváth 1989, 48-51.

⁴¹ Var: *Kūs*. Köten, the second son of Ögödey. The identification with the Cuman chief Köten is hard to defend as he was killed in 1241 in Pest (Boyle 1971, 71 note 350).

⁴² The Iron Gate is the name of several passes. According to the geographical context the Iron Gate of the lower Danube in the vicinity of Orsova is mentioned here.

mountains of those parts. They gave an army to Ila'udur (*Aylāwdūr*⁴³) and dispatched him against them. He proceeded thither and defeated the Qipchaq, who had fled to that region. They subjugated the Urungqut (*Ūrunkqūt*⁴⁴) and Badach (*Bādāg*⁴⁵) and brought (back) their envoys. The whole of that year was passed in that region. In the beginning of the *taulai yil*, that is, the Year of the Hare, corresponding to the months of the year 640/1242-1243, having completed the task of conquering that country, they returned their *ulus* in the *mogha yil*, that is, the Year of the Snake, corresponding to the months of the year 641/1243-1244, and alighted in their own *ordos*. And God best knows the truth.⁴⁶

The Mongol central army led by Batu left the Carpathian Basin in spring of 1242 along the Danube, while the Mongol princes conquering Transylvania marched along the river Olt toward Bulgaria. Thence most of the Mongol princes returned to their homeland. Batu and his family settled on the rivers of the South Russian steppe. Plano Carpini described the Cuman territory (*terra Comanorum*) in his journey across the steppe of Eastern Europe in 1245. He mentioned four rivers, Dnepr, Don, Volga and Ural, whose both banks were used as migrating way for the Mongol elite.⁴⁷ Batu moved along the Volga and it became the centre of the Golden Horde, which determined the fate of Eastern Europe in the next two centuries.

Literature

- Abramowski, W. (1976) Die chinesischen Annalen von Ögödey und Güyük – Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-shih: Zentral-Asiatische Studien 10, 117-167.
- Ali-Zade, A. A. (1980) ed. Fazlallāh Rašīd al-Dīn, *Džāmi' at-Tavārīh*. Vol. II/1. Moskva.
- Allsen, T. T, (1983) Prelude to the Western Campaign: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217-1237: Archivum Eurasiae Medii Aevi 3, 5-24
- Allsen, T. (1991) Mongols and Transcaucasia: Archivum Eurasiae Medii Aevi 7, 11-17.
- Balogh L. (2001) Mikor költözött Kötöny kun fejedelem Magyarországra [When did Kuthen thr Cuman prince proceed to Hungary?]: Acta Historica (Acta universitatis scientiarum Szegediensis) 113, 53-61.
- Balogh L. (2001a) Egy 1237-es mongol levél [A Mongol letter from 1237]. In: *Nomád népvándorlások, magyar honfoglalás*. Szerk. Felföldi Sz., Sinkovics B. Budapest, 149–160.
- Boyle, J. A. (1958) The History of the World-Conqueror by 'Ata Malik Juwaini. Translated from the Text of Mirza Muhammad Qazvini. Bd. I-II. Manchester.
- Boyle, J. A. (1971) The Succesors of Gengis Khan. Transl. from the Persian of Rashid al-Din by ~. New York.

⁴³ Var: *Aylāwdur*

⁴⁴ Var: *Ūrunkqūt, Ūrūxkqūt*. Golden 1995-1997, 116.

⁴⁵ Var: *Xārāg, Xādāg*. Golden 1995-1997, 109.

⁴⁶ Ali-Zade 1980, 164-167; Boyle 1971, 69-71; Verhovskij 1960, 45-46; Thackston 1999, 331-332.

⁴⁷ Giessauf 1995, 210.

- Buell, P. D. (1993) "Sübötei Ba'atur" in Igor de Rachewiltz, Hok-lam Chan, Hsiao Ch'i-Ch'ing and Peter W. Geier, ed., *The Service of the Khan. Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 13–26.
- Dietze, von J. (1971) Die erste novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion. Hrsg. von ~. Leipzig.
- Dimnik, M. (1981) Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224-1246. Toronto.
- Dörrie, H. (1956) Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren. Göttingen.
- Фахрутдинов, Р. Г. (1984) Очерки истории Волжской Болгарии. Москва.
- Fedorov-Davydov, G. A. (1966) Kočevniki Vostočnoj Evropy pod vlast' zoloto-ordinskich chanov. Moskva.
- Fennell, J. L. I. (1977) The Tale of Baty's Invasion of North-east Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the Thirteenth-Fifteenth Centuries: *Russia Mediaevalis* 3, 41-78)
- Fennell, J. (1980) The Tatar Invasion of 1223: Source Problems: *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* 27, 18-31.
- Fennell, J. (1983) *The Crisis of Medieval Russia 1200-1304*. Longman London and New York.
- Gießauf, J. (1995) Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpine. Graz.
- Golden, P. B. (1987) A Timurid Persian Geographical Abridgement on the Lands of the Northern Mediterranean and Black Sea Coasts. In: *Between the Danube and the Caucasus*. Ed. Gy. Kara. Budapest, 63–83
- Golden, P. (1995-1997) Cumanica IV. The Tribes of the Cuman-Qıpçaqs: *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 9, 99-122.
- Golden, P. B. (1996), The Černii Klobouci. In: *Symbolae Turcologicae*. Studies in Honor of Lars Johanson, eds. A. Berta et al. Uppsala, 97–107.
- H. Göckenjan, J. R. Sweeney, (1985) Der Mongolensturm. *Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235-1250*. Ungarns Geschichtsschreiber 3. Graz, Wien, Köln.
- Göckenjan, H. (1991) Der Westfeldzug (1236-1242) aus mongolischer Sicht. In: *Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen*. Hrsg. von Ulrich Schmilewski. Würzburg, 35-75.
- Греков, Б. Д., Якубовский, А. Ю. (1950) *Золотая орда и ее падения*. Москва.
- Györffy Gy. (1963, 1987) *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza*. [The historical geography of Árpadian Hungary] Vol. I, II. Budapest.
- Histoire secrète des Mongols*. ed., L. Ligeti. Monumenta Linguae Mongolicae Collecta I. Budapest 1971.
- Ibn-el-Athiri, *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. Vol. XII. Ed. C. J. Tornberg. Lugduni Batavorum 1853.
- KMTL Korai magyar történeti lexikon (9-14. század). [Lexicon of ancient Hungarian history (9-14th centuries)]. Ed. Kristó Gy. Budapest 1994.
- Korobeinikov 2008 – Korobeinikov, D.: A broken mirror. The Kıpçak world in the thirteenth century. In: *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars,*

Khazars and Cumans. Ed. by Curta, Fl. with the assistance of Kovalev, R. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2. Leiden–Boston: Brill. 379–412.

Kovács 2004 – Kovács Sz.: A Német Lovagrend és a kunok közötti fegyveres hódítás és térítés. In: Balogh–Keller 2004, 139–150.

Kovács 2005a – Kovács, Sz.: Борс, a Cuman chief in the 13th century. *AOH* 58/ 3 (2005) 255–266.

Kovács 2005b – Ковач, С.: Экспансия западного христианства: миссия доминиканцев среди половцев (куманов). *Бюллетень (Newsletter). 12 Hungaro – Russica II. История и культура Евразийской степи. 2-й Сборник статей. Российских и венгерских востоковедов*. Москва: ИВ РАН, 2005, 52–73.

Kristó Gy. (1984) A tatárjárás (1241-1242)[The Mongol Invasion]. In: Magyarország története [History of Hungary]. Vol. 1. Ed. Székely Gy. Budapest, 1417-1440, 1713-1714.

Ligeti L. (1962) A mongolok titkos története [Secret History of the Mongols – Hungarian translation]. Budapest.

Ligeti L., A magyar nép mongol kori nevei (*magyar, baskír, király*) [Designations of the Hungarian people in the Mongol period]. *Magyar Nyelv* 60 (1964), 385–404

Minorsky, V. (1952) Caucasia III. The Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns: BSOAS 14, 221-238.

NPL – *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва– Ленинград: Издательство Академии Наук СССР. 1950.

Pálóczi Horváth, A. (1989) Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe people in medieval Hungary. Corvinus. Budapest.

Pelliot, P. (1920) À propos des Comans: *Journal Asiatique* 15, 125-185.

Pelliot, P. (1949) Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris.

Pletneva 1974 – Плетнева С. А. *Половецкие каменные изваяния*. Свод археологических источников. Москва: Наука.

Polgár Sz. (1999) Kötöny, kun fejedelem [Kötöny, the Cuman prince]. In: Tanulmányok a középkori magyar történelemről. Szerk. Homonnai S., Piti F., Tóth I. Szeged,

Polnoe Sobranie Russkich Letopisej (=PSRL) Sanktpeterburg 1908, Band. 2.

Pritsak 1982 – Pritsak, O.: The Polovcians and Rus. *AEMAE* 2 (1982) 321–380.

Qazwini, Mirza M. (1912) ed. *The Ta'rikh-i-Jahan-Gusha of 'Ala'u'd-Din 'Ata Malik-i-Juwaini*, E. J. W. Gibb Memorial XVI. Vol. 1. London.

Ratchnevsky, P. (1993) *Genghis Khan. His Life and Legacy*. Trans. and Edited by Th. N. Haining. Blackwell. Oxford, Cambridge.

Rachewiltz, I. De, The Secret History of the Mongols: Papers on Far Eastern History 30 (1984), 81-160 (100, 155-157); 31 (1985), 21- 93 (26, 31, 58-61, 70).

Rogers, G. S. (1996) An Examination of Historians' Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe: *East European Quarterly* 30, 3-26.

Schmieder, F. (1997) Johannes von Plano Carpini, Kunde von den Mongolen. 1245-1247. Übersetzt, eingeleitet von ~. Sigmaringen.

Schütz, E. (1973) Tatarenstürme in Gebirgsgebiete. (Transkaukasien, 1220, 1236) *Central Asiatic Journal* 17, 253-273.

Sinor, D. (1999) The Mongols in the West. *Journal of Asian History* 33, 1-44.

- Смирнов, А. П. (1951) Волжские Булгары. Москва.
- Spuler, B. (1943) Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223-1502. Wiesbaden
- Tatárjárás emlékezete [Sources on the Mongol Invasion]. Szerk.[ed.] Katona Tamás. Budapest 1981.
- Tatárjárás [The Mongol Invasion]. Szerk.[ed.] Nagy Balázs. Osiris, Budapest 2003.
- Thackston, W. M. (1999) Rashiduddin Fazlullah, *Jami'u't-tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of the Mongols*. Transl. and Annotated by ~. Sources of Oriental Languages and Literatures 45. Harvard University.
- Тихвинский С. Л. (1970) (ред.) Татаро-монголы в Азии и Европе. Москва.
- Vernadsky, G. (1953) *The Mongols and Russia*. Newhaven.
- Верховский, Ю. П. (1960) Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*. Т. II. Пер. ~. Москва.
- Veszprémy L. (1994) Újabb szempontok a tatárjárás történetéhez [New aspects to the history of Mongol invasion]. *Iskolakultúra* 4:15-16, 28-35.
- Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань 1988.
- Wyngaert, A. (1929) *Sinica Franciscana. Itinera et Relationes Fratrum Minorum saeculi XIII. et XIV*. B. 1. Quaracchi-Firenze.
- Zimonyi, I. (1985) The First Mongol Raids against the Volga Bulgars. *Altaistic Studies. Papers at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala June 7-11 1982*. Ed. G. Jarring - S. Rosén. Konferens 12. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Almqvist and Wiksell International, Stockholm, Sweden, 197-204 = Первый монгольский рейд на волжскую булгарию. Из истории золотой орды. Казань 1993, 86-97.
- Zimonyi, I. (1992/93) Volga Bulgars between Wind and Water: *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 46, 347-355.
- Zimonyi, I. (2000) The Towns of the Volga Bulgars in the Sources (10-13th century): *Srednevekovaja Kazan' - Vozniknovenie i razvitie*. Red. F. Š. Huzin. Kazan', 134-140.
- Zimonyi, I. (2001) Die Aussage eines mongolischen Kriegsgefangenen zur Zeit der Belagerung von Kiev im Jahre 1240: *Chronica* 1, 52-66. 309.

**AVRASYA DALASINDA KIPCHAKTAR ATKARGAN
TARIHI MANIZDI OKIGALAR:
(Avrasya Bozkırlarında Kıpçakların Oynadığı Tarihi Roller)**

*Ahmet Taşağil,
Mimar Sinan University*

1.1 KUMAN-KIPÇAKLAR

1.1.1 Kuman Adı- Kıpçak Adı

9. asırdaki, Doğu Avrupa'da Peçenekler ile başlayan kaynaşmada, batıya yayılmanın son halkasını Kuman-Kıpçaklar oluşturur. Kaynaklarda en çok Kuman adı ile bahsedilmesine rağmen, birçok farklı söyleniş şekli vardır. Kumanlara Ruslar “*Polovets*”, Bizanslılar ve Latinler “*Kumanos, Kumanon, Cumanus, Komani*”, Almanlar ve diğer batılı milletler “*Khartes*” Macarlar “*Kun*”, Müslümanlar Kıpçak demişlerdir.

Kuman ve diğer bütün farklı söylenişler, genellikle, sarı-açık sarı saman rengi, sarışın gibi anlamlar ifade ederler. Bundan anlamaktayız ki, bir kısım Kumanlar gerçekten, beyaz tenli, kumral sarı saçlı idiler. Bu isim onlara diğer Türk boylarından farklı olduğu için verilmiştir. Kuman ismi 885'ten itibaren İslam ve Gürcü kaynaklarında “*Kıpçak*” ismi ile geçmektedir.

Kuman-Kıpçakların kökeni konusunda bir çok tartışmalar olmuş, özellikle tiplerinin, sarışın, kumral, mavi gözlü olduklarının belirtilmesi Hint-Avrupalı iddiasının ortaya atılmasına sebep olmuştur. Buna karşılık M.Ö. 2 yy.dan itibaren 3-4 yüzyıl boyunca Tanrı Dağlarının Kuzey yamaçları ile Isık göl dolaylarında oturan Wu-sunların da Çin kaynaklarında Kumral ve mavi-yeşil gözlü olduğu bilinmektedir. Diğer taraftan İslam kaynaklarında bildirildiğine göre 936 yılında Çin'de Liao (Moğol K'i-tan) adlı bir kavmin saldırıları sonucunda Kun adlı bir kavim Sarılar ülkesine çekilmiştir. Onların aslında Dokuz Oğuz boylarından biri olduğu anlaşılmaktadır. Ayrıca 925 yılında Kansu Uygurları arasında Kun (Huna) adlı bir boyun da yaşadığı biliniyordu. Neticede Seyhun-İrtiş arasında Oğuzlar, Tobol ve İsim çevresinde Kıpçaklar, buradan Altaylara doğru Kimekler, Isık göl etrafında ise Karluklar bulunuyordu. Daha doğu da ise Sarı Uygurlar yaşamakta ve bunlara bağlı olarak da bu civarda Kunlar varlığını sürdürüyordu.

Kunlar (Kumanlar), Kıtanların baskısı sonucu, beraberlerinde Sarı Uygurlardan bir kitleyi de yanlarında sürükleyerek, Cungarya'dan geçip, Karluk bölgesine geldiler. Oradan da Kuzey Kıpçak sahasına doğru ilerlediler. Aslında Kunların kuzeye doğru göçmelerinin sebebi güneyde Karahanlı hükümdarı Togan Han tarafından sıkıştırılarak kuzeye doğru püskürtülmeleridir. Diğer bölgelere uzaklığı açısından boylara bir tür ana kaynaklığı oluşturan kuzeye yönelen Kunlar (Kumanlar), Kimeklerin bir kolu olan ve Tobol, İşim ırmakları arasında oturan Kıpçaklar ile birleşip, Kuman-Kıpçak birliğini meydana getirdiler. Doğudan gelen Kıtan baskısı ve otlak darlığı sebebiyle İtil nehrine doğru ilerlediler (1030) ve Uzları Balkanlara doğru ittiler. 1064 yıllarında Uzları kesin olarak mağlubiyete uğrattıktan sonra Karadeniz'in kuzeyine yerleştiler. Bu tarihten sonra Doğu kaynaklarında Karadeniz'in kuzeyi ve Hazar Denizi'nin kuzeyine Deşt-i Kıpçak denmeye başlandı.

1.1.2 Deşt-i Kıpçak'a İlerleme

Kuman-Kıpçak Karadeniz'in kuzeyine gelir gelmez kendilerinden önceki Peçenek ve Uzların gibi Rus knezleri ile mücadele etmek zorunda kaldılar. İlk çarpışma Preyeslav knezi Vsevolod ile oldu. Sonuç alınamamış olmalı ki, 1055 yılında iki taraf barış yaptı. Bu sırada Kuman-Kıpçakların başbuğunun "Boluş" olduğunu görmekteyiz. Boluş'tan sonra 1061 yılında, Rus vekayinamelerinde geçen adıyla İskal(Sakal?) adlı başbuğ idaresinde, Kıpçaklar Rusları ağır bir yenilgiye uğrattılar. Daha sonra Rusların Kıpçaklara karşı Peçenek ve Uzları koruması üzerine 1068 yılında Kıpçak orduları tekrar Rus arazisine girip Kiyef yakınındaki Alta Irmağı üzerinde birleşik Rus ordusunu çok ağır bir mağlubiyete uğrattılar. Bu yenilgi neticesinde Kiyef'te karışıklıklar çıktı. Knez İzyaslav Lehistan'a kaçmak zorunda kaldı. Kuman-Kıpçaklar daha sonra Çernigov knezliğine kadar sokuldular. Bundan sonra Rus topraklarına arka arkaya Kuman-Kıpçak hücumlarını görmekteyiz. Bu akınlarda Kuman-Kıpçaklar 1071'de Rostovtsev ve Neyatin bölgesine, 1079'da "Voin" kasabasına, 1080'de ise Novogrod sahasına kadar ilerlediler. Bu sırada Kuman-Kıpçak hakimiyeti Don-Dnyester bölgesi ağırlık merkezi olmak üzere Balkaş-Talas havalisinden Tuna ağzına kadar geniş bir sahayı kaplıyordu. Kafkaslarda Kuban sahası ile kuzeyde İtil Bulgarları ülkesine kadar uzanıyordu. Kuman-Kıpçak akınları 1080-1090 yılları arasında da devam etti. Bu akınlar Rus şehirlerine kadar uzanmakla birlikte, düzenlenmelerinin gerçek sebepleri Rus knezlerinin davetidir. Hatta bazı akınlarda Rus şehirleri dahi yağmalanıyordu. Ayrıca Rus knezleri tahta çıkar çıkmaz, Kuman-Kıpçaklarla barışı korumak için onlara, altın, kumaş ve sürü gönderiyorlardı.

1.1.3 Tuna Nehrine Uzanma/ Balkanlarda Akınlar

Bu arada 1087 yılında Peçenek başbuğu Tatuş'un ittifak teklifi üzerine Kumanlar, Tuna Nehrini geçerek Balkanlara doğru ilerlediler. 1090 yılından itibaren Kuman-Kıpçaklar en parlak devirlerine girdiler. Bu sıralarda başlarında çok cesur oldukları vurgulanan yetenekli başbuğlar vardı (Benek=bonyak, Tugorkan=Tugorhan, Sarıhan=Şaruhan ve Altınoba=Altınopa). Kuman-Kıpçaklar 1091 yılında Bizans ile ittifak yaparak, Peçenekleri imha ettiler. Bu suretle Bizans mutlak bir felaketten kurtulmuş oldu. 1092'de Lehistan üzerine sefer düzenlediler. 1092/1093'te Bizans arazisinde yağmalarda bulundular. Daha sonra bir grup Kuman-Kıpçak Kapuç adlı bir başbuğ idaresinde Macaristan içlerine kadar sokuldu. 1093 yılında tekrar Kiyef Knezliğine saldırıp, Toreçsk şehrini aldılar.

1.1.4 Rusya Düzleklerinde Maceralar:

1094 yılında Kuman-Kıpçaklar ile Rus knezleri arasında barış yapıldı. Bu barışın en önemli maddesine göre Kuman-Kıpçak başbuğu Tugorkan'ın kızı ile Kiyef knezi evlenecekti. Bu suretle Karadeniz'in kuzeyinde bir süre barış sağlanacaktı. Fakat bu barış uzun sürmedi. Knez Vladimir Monomah'ın İtler ve Kitan adlı Kuman-Kıpçak elçilerini ve maiyetindekileri haince öldürmesi üzerine, tekrar Kuman-Kıpçak orduları Rus topraklarına girdi. Hatta başbuğ Benek (Bonyak) bir Pazar akşamı ani olarak Kiyef'e kadar yaklaşıp Knez'in köşkünü yakmıştı(1096). Kıpçaklar, Peçeneklerin daha önce yaptığı gibi Dnyeper(Özü) nehrini esas kabul edip doğusunda ve batısında ayrı iki siyasi birlik oluşturdular.

Bu Gök Türk döneminde olduğu gibi sağ ve sol şeklindeydi. Bir tür bozkır örgütlenme biçiminin Karadeniz kuzeyine taşınmasıdır. Don havzasında olana Kara Kıpçak, Dnyeper Dnyester arasındakine Ak Kıpçak yurdu adı verilmişti. Doğudaki Kıpçak yurdunun sınırları çok geniş olup, İdil Bulgar ülkesine yani Kama Irmağına kadar uzanırdı. Burada yaşayan Fin Ugor kökenli Burtaslar Kıpçaklara bağlanmışlardı.

Diğer başbuğ Tugor Han ise Pereslavl şehrine hücum etti. Fakat şehre yardım için gelen Rus knezleri Tugor Han'ı yenerek öldürdüler(1096). Bu arada damadı (Svyatopolk), Tugor Han'ı cesedini Kiyef'e götürerek merasimle gömdü. Kuman-Kıpçaklar derhal bu yenilginin acısını ani bir baskınla aldılar. Başbuğ Küre, Kiyef şehrine kadar geldi. O zamanki vekayinameyi yazan vak'anüvisin bulunduğu manastıra kadar giren Küre, son derece değeri yüksek bütün eşyaları götürdü.

Daha sonraki yıllarda Kiyef ve Çernigov Knezlerinin Kuman başbuğlarının kızı ile evlendiğini görmekteyiz. Bundan sonra kısa bir müddet barış dönemi yaşandı. Volinya knezi David İgoroviç, Kuman-Kıpçaklarla ittifak yaparak 1099'da Macarlara karşı sefere çıktı. Macarlar, ağır bir zayıata uğratıldı. Arkasından Ruslar ile Kuman-Kıpçaklar arasında "Sakov" barışı yapıldı. Fakat bu barış da kısa sürdü ve Kiyef knezi Svyatopolk 1103'te Kuman-Kıpçakları Suteni nehri kıyısında ani bir baskınla yendi. Çarpışmalar esnasında 20 kadar Kuman beyinin öldüğü bildirilmektedir. Bu mağlubiyetin de acısını unutmayan Kuman-Kıpçaklar, arka arkaya üç yıl Rus topraklarına akın yaptılar ve pek çok ganimet aldılar. Kiyef ve Pereyeslav çevreleri tamamen yıkıldı.

1110'lu yıllarda kabiliyetli başbuğlarını (Tugor Han, Şaru Han, Bonyak/Benek) birer birer kaybeden Kumanlar, artık zayıflamaya başlamıştı. Şaru Han'ın yerine geçen oğlu Otrok (=Atrak) kızını Gürcü Kralı II. David'e verdi. Kiyef knezi Svyatopolk 1113'te ölünce oğlu Vladimir Monomah yerine geçti. Bu sırada Rus knezi Vladimir Monomach, Kuman-Kıpçak topraklarına taarruza başlamıştı. Rus knezlerinin Kuman topraklarına saldırıları 1116 yılında da sürdü. Başbuğ Otrok, bu baskıya dayanamarak 1118 yılında damadı II. David'in yanına gitti. Bu sırada Kafkaslarda birleşen Kuman-Kıpçak orduları, Anadolu Selçuklularını Kafkaslara doğru ilerlemesini durdurdu. Daha sonra bu ordular Şirvan, İran, Ermenistan'a başarılı seferler düzenlediler.

1150'yi takip eden yıllarda Dnyeper bölgesindeki Kumanlar tekrar kuvvetlendi ve Rus arazisini akınlara başladı. Hatta 1154'deki akında Çernigov knezini esir aldılar ve büyük hediyeler, fidyeye karşılığında tekrar serbest bıraktılar. Bu akınlarda Peryeslav Çernigov ve Novgorod-seversk knezlikleri büyük zarar gördüğü için ahalisi kuzeye Suzdal bölgesine göç etti.

1170 yılında Kumanların başında Konçak ve Kobyak (Köpek-Kebek) adlı başbuğları vardı. Bu başbuğların idaresinde Kuman-Kıpçaklar, Peresyevslav knezliğine akınlar yaptılar (1177-1179). Fakat 1184'de Knez Svyatoslav idaresindeki Rus ordularına mağlup olup 7.000 esir verdiler. Esirler arasında mancınık benzeri ateşli silah ustası bir Müslüman ustanında bulunması ilginçtir. Kuman-Kıpçaklar, bu mağlubiyete de karşılık vermekte gecikmediler. 1185 baharında Novgorod-Seversk knezi İgor kumandasındaki birleşik Rus ordusunu aşağı Don nehrine bağlı Kayalı ırmağı kıyısında kuşatarak imha ettiler. Başbuğ Konçek (Konçak)'in idare ettiği bu savaşta prens İgor dahil Rus ordusundaki

knezleri hepsi yakalandı. Fakat Prens İgor, sonradan kaçmayı başardı. Rus milli destanı olup “*Slovo o polku İgoreve*”nin konusu bu 1185 muharebesidir. Bu İgor destanında seferin ayrıntıları, kahramanlık, üzüntü ve İgor’un karısının feryatları kısaca anlatılmıştır. Rus kültürü oluşmaya başladığı ilk devirlerden itibaren bozkırda yaşayan Türk kökenli halkların etkisi altında kalmıştır. Özellikle sosyal ve siyasi örgütlenmede Türk etkisi görülmektedir. Bu etkileme destanlara da yansımıştır. İgor Destan’ında din, madencilik, savaş tekniği, donatım ve benzeri yönlerden Ruslar üzerindeki Türk tesiri açıkça fark edilmektedir.

1.1.5 Harezmşahlarla Kıpçaklar:

13. yy.dan itibaren Doğu Avrupa’da artık siyasi bir Kuman-Kıpçak üstünlüğü söz konusu değildi. Karadeniz’in kuzeyindeki Kuman-Kıpçakların çoğu çevredeki şehirlere yerleşerek ticarete başladı. Doğudakiler ise Kıpçak, Kanglı, Yimek, Uran ve benzeri adlar altına yaşarken Harezmşahlar devleti ile temas kurdular. Daha sonra bu devletle ilişkilerini geliştirerek Harezmşah ordusunda önemli görevler aldılar. Bu devletin hükümdarı Alaeddin Tekiş(1172-1200) bir Kıpçak prensesiyle evlenmişti. Harezmşah ordusuna Kıpçak gençlerinin akını çok fazla olmuş, büyük kısmı Kıpçaklardan teşkil edilir hale gelmişti. Moğol istilasını sırasında onların karşısına çıkarılan Harezmşah ordusunun Kıpçak askerleri tarafından meydana geldiği ve bu ordunun neredeyse tamamen yok edildiği bilinmektedir.

1.1.6 Moğollara karşı:

Moğol istilasını zamanında Harezmşah ordusunun tamamını teşkil eden Kuman-Kıpçakların kendi ülkeleri, yani Deşt-i Kıpçak’ta Moğol istilasından kurtulamadı. 1220 yılındaki bu Moğol istilasından sonra 1226 yılında Kırım’daki Suğdak limanını Anadolu Selçukluları ele geçirdi. Bu nedenle Kuman-Kıpçaklar büyük iktisadi sıkıntıya düştüler. Yine aynı sırada doğudan Moğol felaketi geliyordu. Cebe ile Subitay komutasındaki Moğol ordusuna Ruslarla birleştikleri halde yenildiler. Arkasından Cengiz’in torunu Batu, İtil Bulgar’ı üzerine yürüdüktan sonra Deşt-i Kıpçak içlerine kadar ilerledi. Daha sonra Don-Donetz nehirleri arasında yapılan savaşta Kuman-Kıpçak Başbuğu Körten’i yendi. Bu yeniliden sonra Başbuğ Körten Macaristan’a iltica ederken ahalinin bir kısmı İtil Bulgarlar’ının yanına göç etti. Bundan sonra Bulgar ülkesinde Kıpçak Türkçesi Bulgar lehçesinin yerini aldı (1239). 1256’da bu bölgede Altınorda Devleti kurulunca da Deşt-i Kıpçak tabiri uzun bir müddet kullanıldı.

1221’de Ruslarla Kuman-Kıpçaklar işbirliği yaparak Kırım’daki Suğdak limanına hücum ettiler. Diğer taraftan Kırım yarım adasında çok sayıda Kuman-Kıpçak yerleşik hayata geçmiştir. Üstelik bölgenin coğrafi konumu gereği ticarete dahi başladıkları bilinmektedir. Bu şehir daha sonra Türkiye Selçuklular tarafından zapt edildi.

Codex Cumanicus:

Kırım’da 1303 tarihinde yazılan Codex Cumanicus adlı Latince-Kıpçakça-farsça sözlük Türk dilinin tarihi açısından eşsiz bir hazine durumundadır. Cenovalı ve Venedikli tacirler ve misyonerler tarafından meydana getirilmiştir. Kıpçak diline ait bazı gramer kuralları, incilden tercümeler ve bazı katolik ilahilerinin Kıpçakça tercümelemleri vardır. Ayrıca Kuman-Kıpçak kültür hayatına dair önemli bilgiler de bulunmaktadır. Söz gelimi Türkçe şehir hayatına, inşaata, mimariye, ev

eşyasına, çeşitli yemeklere, demircilik ve madencilğe okul ve yazı işlerine, musiki, san'at ve eğlencelere, devlet yönetimine, elbiselere, mücevherata, tıba, tatlılara, hesap işlerine, kokulu şeylere, taşıt işlerine ait ilgi çekici bilgiler kaydedilmiştir.

1.1.7 Orta Doğu'da

Kuman-Kıpçaklar 13 yy.dan itibaren, gittikçe daralan maddi imkanları ve dağınık olmaları sebebiyle iyice kuvvetten düştüler. Arkasından kıtlıklar ve hayvan hastalıklarının üst üste gelmesi Kuman-Kıpçaklar'ın gürbüz çocuklarını para karşılığında daha zengin ülkelere göndermelerine yol açtı. Kuman-Kıpçakların çocuklarını gönderdiği ülkelerden birisi de Mısır'daki Eyyübi devleti idi. Birçok Kıpçak delikanlısı Mısır'a giderek Eyyubi devletinin hizmetine girdi. 1250'de İzzeddin Ay-Beg'in Mısır'da Sultan ilan edilmesiyle devlet yönetimi Kuman-Kıpçaklar'ın eline geçti. Bundan sonra Sultan Kotuz, daha sonra Beybars başa geçti. Sultan Beybars kudretli bir asker olmakla birlikte, aynı zamanda iyi bir devlet adamı idi. Moğolları Suriye'den uzaklaştırmak gibi önemli işler yaptı(Ayn-ı Calut Savaşı 1260). Yerine geçen oğlu Sultan Kalavun'da Kıpçak idi. Belki kendilerinin geldikleri ülke olduğundan dolayı Mısır Memlukuluları en yakın ilişkiyi Altın ordu devletiyle kurmuşlardır.

1279-1290 yılları arasında hüküm süren Sultan Kalavun'da Ermeni, Frank ve Moğol birleşik ordularını yenerek zamanının en büyük İslam hükümdarı oldu. 1382 yılına kadar, bu devlet Türk devleti (Ed-Devlet-üt Türkiye veya Devlet'ül Etrak) diye anıldı. Çoğunluğu Arapça konuşan yerli halkın dışında kalanlar için genel dil Türkçe ve kültür Türk kültürü idi. Kıpçak Türkçesi ile yazılmış çok sayıda eser günümüze kadar gelebilmiştir.

1.1.8 Hind'de

Hindistan Delhi Türk Sultanlığında ikinci hükümdar sülalesinin kurucusu, Uluğ Han'da (Sultan Balaban) (1266-1286) Kıpçak büyüklerinden idi. Aslen memluk olan Balaban daha sonra devlet mekanizmasında yükselmiş, kendisinden önceki Aybek(1206-1210) ve İletmiş(1211-1236) gibi hükümdarlık tahtına oturmuştur. Balaban yaptığı reformlar ile sultanlığı sağlam temeller üzerine oturarak üzerine aldığı saltanatı devam ettirdi. İslam dünyasının diğer bölgeleri ile ilişkiler kuvvetlendirildi. Zaten yerine geçtiği İletmiş, Abbasi halifesi El-Muntasır'dan resmen hükümdarlığının tanındığını belirten belge (menşuru) almıştı. Moğolların önünden kaçan Maverainnehir ve İranlı alimlerden faydalanmıştı. Bu hanedan yerini 1290'da bölgeye gelen Halaç Türklerine bırakmıştır.

1.1.9 Kafkaslarda

Kuman-Kıpçaklar, Karadeniz'in kuzeyinde Rusların güneye inmesini önlemekten başka, Dağıstan havalisini, Terek boyunu ve benzeri bölgelerin kesin olarak Türkleşmesini sağlamışlardır. Gürcü kralı II.David'in Kuman kökenli eşi güzelliği ile meşhur olmuştu. Kuman-Kıpçakların ağırlıklı bir grubu Kafkasların kuzeyindeki Kuban ırmağı civarında yaşıyordu. Bunlar daha sonra Kafkasları aşarak Doğu Anadolu'ya kadar gelmişlerdir. Ruslar Kuman-Kıpçaklardan Otrok(Atrak) liderliğinde bir grubu yenerek, onun Gürcü kralının himayesine girmesine yol açtılar. 1118'de damadı Gürcü kralının daveti üzerine onun ülkesine gitti. Gürcü kralı da Kuman-Kıpçaklardan 40 bin kişilik ordu meydana getirdi. Bu

ordudan oldukça üst düzeyde faydalanan Gürcüler, Anadolu Selçuklularının saldırılarını önleyebildiler. 1125'te knez Monomah ölünce Atrak ülkesine geri dönmüştür. Ne var ki Gürcüstan'a giden Kuman-Kıpçakların bir kısmı geri dönmeyerek orada kalmışlar, daha sonra Çıldır Gölü etrafı başta olmak üzere Doğu Anadolu'ya geldiler.

1.1.10 Balkanlarda Siyasi Kalıntılar:

Kuman-Kıpçaklar çok önceleri Avarlar'ın yaptığı gibi, Kuman-Kıpçaklar'da Slavlaşmış Bulgarlar üzerinde büyük tesirler yapmışlardır. Kuman-Kıpçaklar Bulgarlar'ın istiklal mücadelesine katıldıktan sonra Romenler'in teşkilatlanmasında karışmışlardır. Hatta Çar Asen'in Kuman-Kıpçak olduğu da ileri sürülmüştür. Bu arada Romanya'da yaşayan Gagauzlar'ın Uzlar'ın devamı olduğu ileri sürülmekte fakat bir kısım araştırmacılar ise Bizans'a sığınan Keykavus'a bağlı Türkmen birlikleri olduklarını iddia etmektedir.

Bugün Romanya'da yaşayan ve açık sarı saçları ve mavi gözleri ile diğer topluluklardan ayrılan "Çango"ların Kumanlar'dan geldiği ileri sürülmektedir. Bu arada 1223'te Kalka savaşında Moğollar'a yenilen Kuman-Kıpçaklar'ın başbuğu Borç Han'a bağlı kütteleler, Kuzey doğu Romanya'da (Cumaia) Hristiyanlığı kabul edip, piskoposluk kurmuşlar, daha sonra Macaristan'a Tuna-Tissa arasına yerleşmişlerdir. Bundan dolayı bazı şehirler (Kiskunsag, Nagy Kunsag-küçük ve büyük Kumanlar, Debrecen ve Kartsag şehirleri) onların hatıralarıdır. Ayrıca Macar dilinde mevcut Orta Türkçe devrine ait sözler Kuman-Kıpçakça'ya aittir

1330'lu yıllarda oluşumu gerçekleşen eden Romen devletinin Kuman-Kıpçak unsuruna dayandığı ve Tok-Temir oğlu Basar-aba tarafından kurulduğunu söylemek gerekir. Bu yüzden, bugün hala Romanya'nın kuzeyi Basarabya bölgesi olarak tanınmaktadır. Bundan başka Dobruca'da kurulan küçük bir devleti de Kuman-Kıpçaklar'a bağlamak gerekir. Bir yandan Bizans imparatoriçesi Anna'nın yardım istediği Başbuğ Balika'nın oğlu Dobrotiç (Dobruca) 1354 yılından itibaren, bu bölgenin hakimi olarak 1385'e kadar mühim rol oynamıştır. Dobrotiç'in oğlu İvanko zamanında bu devlet 1417 yılında Osmanlı topraklarına katılmıştır.

Dnyeper nehrinin batısında yaşayan Kuman-Kıpçaklar, doğudakilere göre daha sakin hayat sürdürdükleri anlaşılmaktadır. Bunların büyük kısmı Macaristan'a gidip Macar krallarının ordusunda yer aldılar. Özellikle süvari kuvvetlerini oluşturuyorlardı. 1132'de Çek kralı, Alman İmparatoruna İtalya seferi sırasında yardımcı olmak için Kuman-Kıpçaklardan temin ettiği bir orduyu yollamıştı. Yaklaşık 70 yıl sonra IV.Otto'nun Tübingye'deki ordusu arasında da Kuman-Kıpçaklar vardı.

Orta Asya içlerinden Macaristan ovalarına kadar yayılmış olan Kuman-Kıpçakların dilleri de Türkçe içinde mühim bir yer tutar. Türk dil bilimcilerine göre tarihi süreç içinde Türkçe'nin Orta Türkçe bölümünü Kuman-Kıpçaklar'ın konuştuğu dil oluşturur. Ayrıca Kuman-Kıpçakça'nın en mühim hatırası olan ve 1303 yılında Kırım'da İtalyan tüccar ve misyonerleri tarafından yazılan Latince-Farsça-Kuman-Kıpçakça yazılan sözlük ve gramer kitabından bahsetmek gerekir. Bu sözlük 2500 Kumanca kelime ihtiva etmekte ve İncil'de tercümelemler ile bazı Katolik ilahileri bulunmaktadır. Ayrıca, bu sözlükte Kıpçak dilinde bulunan şehir hayatına, inşaata, mimariye, şehir hayatındaki ev eşyalarına, çeşitli yemek adları, madencilğe mektep ve yazı işlerine, musiki, sanat ve eğlencelere, devlet

idaresine, elbiselere, mücevherata, ilaçlara, kokulu şeylere ve ticaret emtiasına ait terimlere rastlanmaktadır.

І БӨЛІМ. ҚЫПШАҚТАНУ
РАЗДЕЛ I. ҚЫПЧАКОВЕДЕНИЕ
SECTION I. STUDY OF KIPCHAKS

КУМАНЫ (ПОЛОВЦЫ) В ЖИЗНИ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ XIII – XV ВВ.

Пламен Павлов
Республика Болгария,
Великотърновский университет
им. Св.св. Кирилла и Мефодия

Взаимоотношения Византии, Болгарии, русских княжеств, Венгрии и ряд других стран с кочевым народом половцев (куманов) занимают существенное место в средневековой истории Восточной и Юго-Восточной Европы [1]. Присутствие половцев в этом регионе сказывается и на внутривосточной жизни соседних государств. После катастрофической для политической судьбы половецкого народа монгольской (татарской) экспансии в 1236 – 1242 гг. и образования Золотой Орды большие массы половцев стали переселяться в соседние страны, в том числе в Византию. В результате, половцы превратились в фактор во внутренней политике, а многие личности половецкого происхождения заняли важные позиции в военных, государственных и дворцовых кругах.

Вопрос о роли половцев в Византийской империи не раз затрагивался в научных исследованиях, прежде всего в связи с отдельными событиями и личностями. Участие половцев в жизни Никейской империи (1204 – 1261 гг.) и в восстановленной легитимной Византийской империи, хотя и не игнорируется историографией, но все же излагается в несистематизированном виде, без последовательного рассмотрения его развития и без ясного разграничения внешнеполитического аспекта от роли византийских подданных – „скифов“ (излюбленный византийскими авторами этноним, использованный в XIII в. для обозначения кочевых племен и, прежде всего, половцев) в жизни государства [2].

Уже в XII в. в Византии, преимущественно в населенных болгарскими провинциях, проживало половецкое население, обладающее военизированным („стратиотским“) статусом. Нам известно о половецких поселениях в районе Мыглена (в южной Македонии, на территории современной Греции), во Фракии и на болгарском северо-востоке. Речь идет о периоде до восстания Петра и Асена, приведшего к восстановлению болгарской независимости в 1185 году. В источниках есть сведения о половцах, состоявших на византийской службе также и в период существования Никейской империи (1204 – 1261 гг.). Это говорит о том, что даже после восстановления болгарского государства, в результате которого возможности для прямых контактов между Византией и степями Северного Причерноморья были значительно ограничены, половцы все же продолжали сохранять свои позиции в армии Византии [3]. Ключевую роль в половецком

присутствии в византийском государстве сыграла миграционная „волна“ 1237 г., особенно после того, как эта половецкая „орда“ перекочевала на никейскую землю в 1241 году.

Приход половцев на Балаканы в 1237 г. отражен в ряде разнородных источников: исторических трудах византийских авторов Георгия Акрополита, Феодора Скутариота, Никифора Григоры и др., французских хронистов Филиппа Муске, Альберика и Жоанвиля, в добавлении к египетской хронике ибн Тагри Бирди и др. В них зафиксированы отдельные этапы этого крупномасштабного для того времени переселения. Спасаясь от ударов Бату („от меча татар“), летом 1237 года, „против воли болгар“ (по сведениям Г. Акрополита), огромная масса „скифов“, называемых еще „гуннами и команам“ (выражение Никифора Григоры), численностью более десяти тысяч (семей?), переправляются на болгарский берег Дуная. Болгарский царь Иван Асен II (1218 – 1241 гг.) предпринял попытку подчинить их в надежде превратить половцев в военное население, которое охраняло бы северные границы Второго болгарского царства в районах, находящихся на территории современной Румынии. Значительная часть половцев, отказавшись подчиниться воле болгарского царя, двинулась на юг и, пройдя Дунай и Стару планину, достигла Восточную Фракию и захватила район между городами Одрин (греч. Адрианополь, совр. Эдирне, Турция), Виза, Димотика и Энос, превращая эти земли в „скифскую пустыню“. В их руки попало несколько небольших крепостей и много пленных [4].

Действия половцев привели к дестабилизации территорий, часть которых, согласно болгаро-никейскому договору 1235 г., находились под болгарской властью. Несмотря на это, Ивану Асену II удавалось сохранить свое влияние на половцев. Это наблюдается и в войне, которую болгарский царь ведет совместно с латинцами против Никеи в Восточной Фракии в 1237 году. Когда в ходе осады Цуруля (совр. Чорлу) болгарский царь отошел с позиций, „латины остались одни“ (Г. Акрополит). В 1237-1239 гг. половцы находились в сфере влияния Болгарии, но, очевидно, обладали относительной самостоятельностью. По сведениям французского хрониста Филиппа Муске половцы воевали на стороне болгар и при последующих болгаро-никейских действиях против Константинополя. К 1239 – 1240 гг. наступили существенные изменения. Баиль (первый министр и регент) Латинской империи Нарие де Тюсси, в то время вдовец, „... взял в жены дочь половецкого короля Ионы“ [5]. Двое из „самых видных рыцарей Романии“ (Латинской империи) – Бодуэн д'Энно и Гийом де Мери, в свою очередь, женились на двух дочерей вождя „Сорониуса“. Надо отметить, что совладельческие супружеские пары, особенно что касается братьев во главе одного „клана“, не являлись исключением в политической системе половцев в XII-XIII вв.

Заклученный латино-половецкий союз был скреплен взаимными клятвами по христианскому и языческому обычаю. Немного спустя не крещенный еще „половецкий король“ скончался. Его хоронили в специально возведенном у стен Константинополя кургане с жертвоприношениями 26 лошадей и даже людей (8 рабов)! Его кончина была „неблагоприятной для

французов“, но до конца 1240 г. отношения между латинцами и половцами оставались дружескими. Союз между ними аллегорически описан монахом Альбериком в его пророчествах: „Царь (Иисус Христос) погубит своих врагов (никейцев и болгар – П.П.) не с помощью друзей...“. Автор поясняет, что „... с приходом половцев это пророчество сбылось, потому что Царь небесный погубит и уничтожит врагов Константинопольской [Латинской] империи, а именно – Ватаци и Асеня, с помощью не друзей, а половцев, которые суть язычники, и потому не друзья Христа“ [6].

Удалось ли латинам извлечь максимальную выгоду из союза с половцами, остается неизвестным. События внезапно приобрели новый оборот – половцы перешли на сторону никейского императора Иоанна III Дуки Ватациса (1222 – 1254 гг.). Никейский историк Георгий Акрополит, занимавший пост в высшем эшелоне государственного управления, рассказывает: „Василевс набрался еще больше смелости (после подчинения себе деспота Иоанна Ангела в Фессалонике / Салониках в феврале 1242 г. – П.П.), и, присоединив по воле случая к своим ромейским войскам сильное скифское войско (...), и, выведши их из македонской земли (Восточной Фракии – П.П.), перевел их в восточные пределы“. „Скифы“, несомненно, приняли участие в зимнем походе против владетеля Фессалоники, разоряя окрестности города [7]. С другой стороны, пророчество Альберика совпадает по времени со смертью Ивана Асена II (приблизительно 24 июня 1241 г.). Следовательно, переход половцев на сторону Никеи произошел летом или осенью 1241 года.

Чтобы предупредить очередной „поворот“ половцев в сторону Болгарии или латинцев, никейский император переселил половцев в Малую Азию. Намного важнее, однако, то, что, привлекая на свою сторону эти десять тысяч (семей?) [8] Иоанну Ватацису удалось создать новый контингент из военизированного населения, что оценивается как один из наиболее серьезных успехов этого императора. Георгий Акрополит поясняет, что императору удалось привлечь „... сильное скифское войско дарами и пестроцветными подарками (шелковой тканью)...“, превращая половцев „... из людей весьма дикого нрава в людей смиренных...“. Вне сомнения, шелковая ткань (парадная одежда) является знаком того, что половцы получили высокие звания и посты. В своей эпитафии к Ватацису (1254 г.) Акрополит дополняет, что „... из волков скифы превратились в Христовых овец...“. Почти те же слова повторяет и Феодор Скутариот, поясняя, что новые подданные заселили Малую Азию вместе с женами и детьми. В том же духе звучат и аккламации охридского архиепископа Якова Болгарского и видного никейского интеллектуала Никифора Влемида [9]. Император Феодор II Дука Ласкарис (1254 – 1258 гг.), в свою очередь, оценивал высоко действия своего отца, которому удалось из „скифов“ создать „служебный народ для охраны границы с турками“, что являлось „хорошим изменением к лучшему“ [10].

Как видно, особый акцент ставится на крещение половцев по воле Иоанна Ватациса (вероятно, это крещение имеет непосредственное отношение к расцвету монастыря Сосандры – самой известной обители в Никейской империи), которое в данном случае едва ли является привычным топомосом. Речь идет о первом, и, практически, единственном (если не считать

христианизацию сельджукских беженцев во главе с султаном Изеддином Кайкавусом полвека спустя) примере масштабного приобщения „варваров“ к империи после катастрофы 1204 года. Возможность возобновить исконную практику „крещения варваров“ – один из „азов“ многовековой византийской идеологии, – способствовала государственному росту Никеи в период царствования ее самого одаренного владетеля.

Десятилетия спустя (к 1308 г.) Георгий Пахимер разделяет эту точку зрения, не просто подражая Акрополиту, а осмысливая близкое и блистательное „никейское“ прошлое на фоне безрадостного константинопольского „застоя“ начала XIV века. Его перу мы обязаны „этно-психографическим“ портретом половцев. Рассуждая в типичной „византийско-античной“ манере, сравнивая людей Севера и Юга, Георгий Пахимер приходит к следующим выводам: первые склонны скорее к „безумствам и воинственным страстям“, нежели к науке, искусству, логике и т.д., в отличие от вторых, которым, однако, не хватает действенности, воинственности и т.п. Именно за свои „северные“ качества „скифское племя“ оценивалось высоко по тем временам в Египте [11]. Автор имеет в виду султанов-мамлюков половецкого происхождения, которые усиленно выкупали своих единоплеменников на торжищах рабов Золотой Орды. Вероятно, эта высокая оценка адресовалась также половцам в Византии, о которых Пахимер рассказывает в различных пассажах своей „Истории“.

В качестве военнотружущего акритского (пограничного) населения, половцы получили граничащие с Иконийским султанатом земли – вдоль реки Меандр во Фригии (т.е. на северо-востоке от важных городов Филадельфия и Сарди), вдоль реки Сангариос (совр. Сакаря) в Витинии (напротив зарождающегося в то время Османского бейлика), в районе Смирны (совр. Измир, Турция) [12]. Часть этих земель, очевидно под формой проники, была предоставлена половцам, составляющим ядро специального военного корпуса. Эти земли находятся в непосредственной близости от любимой резиденции и „второй столицы“ никейских императоров – крепости Нимфеон. Данный корпус известен под названием „Скификон“, которое было дано ему по аналогии с т.наз. „Латиноном“ - корпусом, в который входили западные рыцари, состоящие на никейской службе, и ромейские благородники с тяжелым („латинским“) вооружением [13]. Никейские половцы, подобно своим предкам, кочующим в Мыглене в конце XII в., а также своим сородичам в Венгрии в XIII-XIV вв. и в средневековой Болгарии [14], не были склонны к быстрому и беспрепятственному оседанию. Их неискорененный кочевой настрой нередко приводил к грабежам и разорению соседних земель, за которые местные простолюдины с неприязнью прозвали их „собаками“ [15].

В одном из актов монастыря Святой Богородицы Лемвиотиса содержится импровизированный рассказ, характеризующий поведение „скифов“. Монастырский крестьянин (парик) Кутул купил участок, а впоследствии, путем шантажа, был заставлен продать его судье Кермарису. Тогда Кутул бежал к своим соседям-половцам, которые по его внушению угнали волов одного из париков судьи. Кермарис, опасаясь дальнейших хлопот, сумел

купить благорасположение половцев, послав им „...вино (стоимостью – П.П.) двух перперов, к которому они питали особую слабость...“ [16]. В данном случае описываются половцы, проживающие в районе Смирны (Измир, совр. Турция).

Половецкий военный корпус принимал активное участие почти во всех военных кампаниях и важных внутривосточных событиях империи во второй половине XIII века. В 1241 – 1242 гг. половцы сражались против деспота Иоанна Ангела, владельца Фессалоники. В 1247 г. половцы, совместно с ромейскими силами и болгарскими войсками царя Михаила II Асена (1246 – 1256 гг.) действовали во Фракии против латинцев. В 1256 г. „скиф Клеопа“ (библейское имя одного из пророков, типичное для неопитов) и его люди участвовали в преследовании и разгроме своих единоплеменников (вероятно половцев хана Тегака из Северного Причерноморья), союзников царя Михаила II Асена [17]. Таким образом, возникали и ситуации, в которых половцы были вынуждены воевать против своих единоплеменников в составе чужих армий. Почти в то же время схожие случаи наблюдались и в русском Галицко-Волынском княжестве. Корпус „Скификон“, вместе со своими товарищами по оружию из латинского военного отряда, поддерживал Михаила Палеолога в его избрании на пост регента (1258 г.) и соимператора (1259 г.) малолетнего Иоанна IV Ласкариса. Иными словами, при осуществлении своего „ползучего“ государственного переворота, узурпатор Михаил VIII рассчитывал как на латинских наемников, являясь их прямым командиром („великим контоставлосом“), так и на половцев [18].

„Скифы“ принимали участие в разгроме антиникийской коалиции при Битоле (Пелагонии) в том же 1259 году. Две тысячи половецких всадников отличились в ряду „храбрейших“ в разноплеменной никейской армии. Они „езде несутся на своих конях“, после них остается только „пустошь“ на обширных пространствах в Южной Македонии и Эпире. „Скифы“ числились и в небольшом разведывательном отряде (800 бойцов) Алексия Стратигопула, который неожиданно и весьма курьезно освободил Константинополь летом 1261 года. В этой акции половцы неудержимо атаковали (и, разумеется, грабили!) дома и склады латинцев и венецианцев [19].

В 1270 г. половцы в составе войск известного полководца Алексия Филантропина приняли участие в осаде Моневмассии на Пелопоннесе, а в 1272-1273 гг. сражались против фессалийского владетеля – севастократора Иоанна Ангела Комнина. В этой кампании „скифы“ находились под общим командованием деспота Иоанна Палеолога, брата императора, а их участие стало объектом специального внимания со стороны Георгия Пахимера и Никифора Григоры. Когда разгромленного севастократора осадили в Неопатре, деспот Иоанн был совсем близок к окончательной победе. Однако, „... находящиеся там вместе с ним половцы, оставляя свое дело (т.е. свои прямые воинские обязанности – П.П.) только грабили церкви и монастыри, бессовестно сжигали их, брали в плен почтенных девиц (монахинь), а священные предметы использовали как простые. Так, например, вместо стульев употребляли святые иконы и вообще делали бессовестно все то, что могут позволить себе только безбожники. Поэтому войну и постиг такой

глупый и не соответствующий ее успешному началу конец ...“ [20]. Иными словами, на том этапе не могла идти речь об окончательной христианизации или „цивилизованности“ половцев.

Дальнейшая судьба „скифского“ корпуса не выяснена в деталях, но со временем, подобно известной в X-XI вв. „варяго-русской дружине“, он постепенно теряет свой первоначальный облик и „растворяется“ в разноплеменных наемных силах византийской армии. Как отмечает М. Андреева, „... в результате непрерывных боев они несли значительные потери...“, а к моменту битвы под Костуром (совр. Кастория, Греция) в 1273 году, наряду со „скифами“ в составе армии обнаруживаем турок и легковооруженных ромейских лучников [21]. Следует помнить также и о том, что к концу XIII – началу XIV вв. малоазийские территории, на которых располагались половецкие участки и селения, уже были захвачены окрепшими турецкими бейликами. Вероятно, часть половецких поселенцев переселились на европейские территории, а остальные по прошествии времени были ассимилированы близкой в отношении языка и менталитета турецкой средой.

Тесные связи „скифов“ с ромейским императорским двором приводят к политическому росту представителей их аристократической среды. Вероятно еще загадочный „Сорониус“, кому, по крайней мере, отчасти, принадлежит заслуга в переходе половцев на сторону Nikeи, состоял в числе близких к правящей ромейской элите лиц. В числе приближенных к императору Феодору II Ласкарису лиц обнаруживаем и „верного скифа Клеопу“, о котором уже шла речь. В письме к своему близкому сотруднику и другу Георгию Музалону император подчеркивает преданность Клеопы, не устояв при этом перед искушением посмеяться над „варварским“ происхождением и „собачьим“ прозвищем половецкого вождя [22].

Михаил VIII Палеолог, которого половцы поддерживали при узурпации престола, продолжил эту линию доброжелательности. Нам известно о доверии, которое он питал как к „скифскому“ войску, так и к выдающимся представителям их среды. Так, например, какой-то отважный куман ("Ιο Σιμано"), имя которого остается неизвестным, в 1278 г. занимал должность управителя стратегически важного острова Скопелос, являвшегося узловым пунктом каботажного морского маршрута Аттика – Фессалоника, на северо-востоке от большого острова Евбея / Еввия) [23]. Очевидно, в годы „реконквисты“, осуществляемой Михаилом Палеологом в Эгейском море за счет латинских владений, императору был нужен преданный служитель на должности управителя Скопелоса.

Свидетельства о половецком происхождении можно искать и у известного в то время ромейского авантюриста Котаница Торника, бежавшего два раза после 1280 г. в Сербию, и в течение нескольких лет предпринимающего набеги на пограничные территории империи во главе сербских и собственных сил. Нам известно и о других представителях этой фамилии, таких как Лев Котаниц (1293 г.) и Мануил Ласкарис Котаниц (1374 г.). Вероятность половецкого происхождения Котаница Торника можно допустить не только учитывая негреческую ономастическую форму, поразительно

напоминающую половецкое ханское имя Котян/Котан (имя произносится „Котяницис“ или „Котянич“), но также принимая во внимание весьма показательное отношение византийских авторов к его личности. Несмотря на факт, что Котаниц является представителем знатной фамилии Торников, он представлен Пахимером и Григорой не только как враг и изменник, но и почти как... „варвар“. В Византии той поры были и другие изменники, но по отношению к ним хронисты в какой-то степени придерживались правил „хорошего тона“. Возникает вопрос, почему возможное половецкое происхождение Котаница непосредственно не указывается в источниках, как, например, в случае с Сиргианом (см. ниже)? Дело в том, что Сиргиан династически связан с фамилией самих Палеологов, о чем было широко известно в империи, в то время как о Котанице было известно только то, что он провинциальный благородник, родившийся где-то в Южной Македонии. Весьма сомнительно, чтобы типичные „столичные“ историографы вроде Георгия Пахимера и Никифора Григоры располагали подробными сведениями о биографии своего отрицательного, но все же периферийного „героя“. И, не на последнем месте, применяемые Котаницем военные методы – главным образом молниеносные набеги и грабежи – сильно напоминают приемы византийских „скифов“. Вероятно, такие же „скифы“ и их потомки, во главе со связанным с ними аристократом, лежат в основе собственных военных частей Котаница, действующих вместе с сербскими силами под его командованием.

Несомненно, самой яркой и выдающейся фигурой половецкого происхождения в Византии является Сиргиан (или „Сирян“) Палеолог Филантропин. Он родился приблизительно в 1290 г. в семье великого доместика Сиргиана „Старого“ и представительницы рода Палеологов, чье имя не указывается, но известно, что она „родственница императорской семьи и очень благородная женщина“ (Н. Григора). Мать Сиргиана – дочь „славного протостратора“ Михаила Главы Тарханиота (основного противника болгарского „крестьянского“ царя Ивайло в 1277 – 1279 гг.) и Марии Филантропины Палеологины. Таким образом, по материнской линии Сиргиан является правнуком Марии-Марты – сестры Михаила VIII Палеолога, соответственно – потомком благородных фамилий Комнинов, Главов, Тарханиотов и Филантропинов. По линии отца Сиргиан принадлежит к знатной половецкой фамилии. Сиргиан „Старый“ был крещен при Иоанне Ватацисе, отказавшись от языческого имени Сичиган. Вероятно, этот половецкий благородник числился в кругу наиболее близких родственников (сыновей, племянников?) самих „королей“ Ионы и Сорониуса. В источниках Сиргиан „Старый“ упоминается единственно в связи со своим мятежным сыном, но то обстоятельство, что он занимал высокий пост „великого доместика“ (командующего сухопутными силами) при царях Михаиле VIII Палеологе и Андронике II (1282-1328 гг.), свидетельствует о немаловажной роли этого крещенного „скифа“.

В отличие от отца, сына воспринимали как истинного знатного „ромея“. И все же, кажется, Сиргиан „Младший“ сохранял некоторый половецкий родовой „патриотизм“ – в посвященных ему стихах поэт Мануил Филь

восхваляет его как „скифского Ареса“! [25]. Современники Сиргиана отмечают многие его „дарования“ (физическую силу, представительную и красивую внешность, харизматичность, смелость, „врожденную мудрость“, образованность, знание военного дела), но и не умалчивают о его самолюбии и предельной коварности. Уже в 25-летнем возрасте Сиргиан получил от Андроника II пост „стратега“ (военачальника) и чрезвычайные полномочия управителя области на границе с Сербией. Речь идет о прилежащих к Костуру (совр. Кастория, Греция) и Белграду (совр. Берат, Албания) землям, населенных преимущественно болгарами. После возвращения в столицу Константинополь, император Андроник II, доверяющий полностью Сиргиану (!), поручил ему тайно „надзирать“ за молодым и легкомысленным престолонаследником Андроником III (Андроником Младшим). Взвесив шансы обоих, Сиргиан неожиданно перешел на сторону молодого Андроника. В начале конфликта между „двумя Андрониками“ Сиргиан стал самым доверенным советником претендента на престол и фактическим „идеологом“ жаждущей власти молодой генерации византийских аристократов. Не без сарказма Сиргиан упрекал Андроника Младшего за его инфантильные планы оторвать для себя кусок империи и за намерения отнять престол у своих родственников по матери в Киликийской Армении. Таким образом, именно Сиргиан в наибольшей мере способствовал развитию узурпаторских стремлений впавшего в немилость в 1320 г. „любимого внука“. Вместе с Иоанном Кантакузином Сиргиан организовал базу мятежа в Восточной Фракии, а в 1321 г. возглавил войска претендента в их действиях против правительства. В следующем году между Сиргианом и Иоанном Кантакузином разгорелось острое соперничество. Андроник III был склонен довериться больше своему личному другу Кантакузину, нежели беспринципному Сиргиану. В результате, потомок половцев в свойственном ему стиле снова перешел на сторону Андроника II, возглавив на сей раз войска императора!

Несмотря на окончательную победу Андроника III в 1328 г., Сиргиану удалось сохранить свое место в государственной элите, достигнув некоторого компромисса с Андроником III. В 1332 г. он снова назначен „стратегом“ части „Запада“ (европейски территорий империи), вероятнее всего земель к югу от Салоник. Непримируемая вражда с всемогущим фаворитом Иоанном Кантакузином вынудила его бежать в 1333 г. к сербскому королю Стефану Душану (1331 – 1355 гг.). Непосредственно перед бегством Сиргиан был обвинен в государственной измене. Несмотря на то, что суд вынес оправдательный приговор, опасность для него со стороны всемогущего великого доместика Иоанна Кантакузина оставалась неизменной. Из острова Евбея Сиргиан пишет письмо Андронику III, в котором обращается к императору с просьбой освободить его от государственной должности и позволить заселиться вместе с семьей в Южной Македонии как частное лицо. Это говорит о том, что у Сиргиана были угодья именно в Южной Македонии. Если провести параллель с вышеупомянутым Котаницем, то это даст нам дополнительное свидетельство о присутствии половцев в тех местах.

Сиргиану в просьбе отказали. Очевидно, его считали исключительно опасным даже „вне“ политической арены.

В сербском королевском дворе Сиргиана приняли, по словам Никифора Григоры, как „... очень дорогого гостя, приятеля и единомышленника, долгожданного и желанного советника (...) по иноземным и внутренним делам, как второго Фемистокля у персов Артаксеркса...“. С его помощью сербский король реализовал свое первые территориальные завоевания на широком фронте в юго-западных болгарских землях (совр. Македония). Григора отмечает, что Сиргиан обещал местным „динатам“ (аристократам) богатства, почести и славу, привлекая при этом под сербскую власть города и области без капли пролитой крови. Андроник III воспринял действия Сиргиана как смертельную угрозу. В столице начали готовиться к осаде (!), запасаться продуктами и т.д. Поверив своих детей патриарху, император уехал в Димотику, чтобы подготовить отпор.... Вероятно, в этом повествовании Григоры много преувеличений, но их наличие само по себе свидетельствует о той важной роли, которую играл Сиргиан в византийских и балканских делах в 30-ые годы XIV века. Империи удалось избавиться от опасного мятежника во время его похода на Фессалонику. Он был убит мнимым дезертиром и „заговорщиком“ Сфранцисом Палеологом, получившим лично от Андроника III поручение ликвидировать коварного врага. Таким образом, летом 1334 г. Андроник наконец мог с облегчением перевести дух, поскольку для него Сиргиан был опаснее „... даже татар и всяких вражбых племен ...“. Не без оснований Л. Максимович оценивает действия Сиргиана как один из самых серьезных кризисов не только в византийско-сербских отношениях, но и во внутривизантийской жизни империи в XIV веке [27]. Деятельность Сиргиана и его роль в „войне двух Андроников“ (1321 – 1328 гг.) можно рассматривать как своеобразную прелюдию к гражданской войне между Иоанном Кантакузином (решившимся пойти „по стопам“ своего бывшего врага!) и царьградским регентством Иоанна V Палеолога (1341-1347 гг.).

Мы позволили себе подробный портрет Сиргиана, поскольку роль этой яркой личности нередко игнорируется на фоне бурных событий XIV века. С другой стороны, этим можно лучше показать место одного из потомков половцев в византийской элите. Современники утверждают, что Сиргиан не чуждался идеи завладеть византийским престолом, на который он действительно имел династические права по материнской линии. Иными словами, Византия была не так далека от возможности оказаться под правлением монарха-половца, на примере царя Георгия I Тертера (1280-1292 гг.) в Болгарии, короля Ладислава IV "Кумана" (1272-1290 гг.) в Венгрии и мамлюкских султанов в Египте.

Новое половецкое пополнение поступает в византийскую армию в 1321 году. Сербский король Стефан Милутин (1282-1321 гг.) послал „... почти двух тысяч половцев из своего войска“ в распоряжение Андроника II Палеолога (1282-1328 гг.), помогая ему в борьбе против Андроника III Младшего. Эти смелые всадники были подданными „скифского царя“ - золотоордынского хана Узбека [28]. Это свидетельствует как о сохранении

неассимилированных половецких масс в составе Золотой Орды, так и о возможном участии болгарского царя Теодора Светослава (1300-1321 гг.) или видинского деспота Михаила Шишмана (будущего болгарского царя Михаила III Шишмана Асена, 1323-1330 гг.) в этом любопытном „трансфере“ наемников [29]. Эту конницу не вернули обратно сербскому королю, несмотря на предварительные договоренности. Половцы получили пронии в Восточной Фракии, а в 1327 г. по приказу императора их преселили на острова Лемнос, Тасос и Митилини (Лезбос). К. Асдраха связывает назначение Сиргиана на должность стратега области с присутствием этой группы половцев, а их расселение по островам – с византийскими опасениями относительно возможного союза половцев и татар с учетом возросшей в то время агрессивности Золотой Орды (не без посредничества Болгарии) по отношению к Византии [30].

Данные ономастического характера, свидетельствующие о присутствии половцев на территории Византии, все таки скудные. Все же приведем известное нам на данном этапе. Населенные пункты под названием *Кумани* зарегистрированы в современном номе (префектуре) Ахея, северо-восточнее Патр в округе Пелопоннес, а также на северо-западе от Дивриса. По всей вероятности, это следы вторичной колонизационной политики морейских деспотов в XV веке. С конца XVIII в. известна также многочисленная фамилия *Куманиотис*, которая происходит из с. Кумани недалеко от Патр. Два населенных пункта под названием *Куманици* расположены, соответственно, в номах Драма и Салоники [31]. И по сей день в греческой патронимии встречаются фамильные имена типа *Куманидис* или *Команидис*, на антропонимической основе от личного имени *Куман*, точно так же, как и в Болгарии и в современной Румынии. Половецкие топонимы сохранены и в Зыхненском районе, под г. Калитея (*Куманич*, *Куманички врись*, *Куманце*), что наводит на мысль о том, что местная группа гагаузов имеет, по крайней мере отчасти, половецкие корни. Некоторые другие топонимы половецкого происхождения на территории современной Республики Македонии, например Куманичево и Сутец (в районе Тиквеша), вероятно тоже появились в результате колонизационной политики византийской власти в XIII – XIV вв. [32]. Судьбу этих половецких групп, хотя и гипотетически, можно связать с личностями вроде Котаница и Сиргиана. Приведенные примеры, особенно названия населенных пунктов на этноразграничительной основе, каких примеров много и в Болгарии, Румынии, Венгрии и т.д., свидетельствуют о существовании половецких селений уже в византийскую эпоху. Следы половцев можно искать и в Малой Азии, в частности, вдоль реки Сакаря.

Видные личности с половецкими корнями участвовали и в жизни Трапезундской империи – маленькое греко-византийское государство, образовавшееся на анатолийском побережье Чёрного моря в результате обособления восточных провинций Византии незадолго до захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году. В самой императорской династии Мега-Комнины (Великие Комнины) есть людей с тюрскими именами - император Йоан I Мега-Комнин Аксук (1235-1238 гг.), Анна Анакутлу, Михаил Азакутлу и Георги Акпуга, как и императрица Евдокия,

супруга Мануила III Мега-Комнина (1390-1417 гг.), у которой были первое имя Кулканкат. Общая черта этих людей является их грузинское происхождение. Как известно, в XI-XIII вв. Грузинское царстве имело тесные связи с половцами, в грузинской армии часто участвовали большие половецкие военные контингенты [33].

Присутствие половцев в византийском обществе в XIII-XIV вв. – один из последних примеров более или менее результативной работы ромейского „универсализма“ во внутривосточном плане. С другой стороны, нужно признать что византийские „скифы“ - „команы“ имеют прямое отношение к ряду успехов империи в весьма трудный и драматичный период ее истории.

Список литературы

1. Голубовский, П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884; Marquart, J. *Über das Volkstum der Komanen.*- *Abhandlungen der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen (Phil.-hist. Klasse)*, XIII – 1. Berlin, 1914, 25-238 (Рец.: Бартольд, В.В. *Сочинения*, т. 5. Москва, 1968, 392-408: “Новый труд о половцах”); Peliot, P. *A propos des Comans.*- *Journal Asiatique*, 11, 1920, nr. 15, 125-185; Ferent, I. *Cumanii și episcopii lor.* Blaj, s.a.; Расовский, Д.А. Половцы.- *Seminarium Kondakovianum*, т. 7. Praha, 1935, 245 – 262 (I. Происхождение половцев); т. 8, 1936, 161-182 (II. Расселение половцев); т. 9, 1937, 71-85 (III - 1. Пределы “Поля Половецкого”); т. 10, 1938, 155-178 (III – 2. Пределы “Поля Половецкого” - продолжение); т. 11, 1940, 95-128 (IV. Военная история половцев); Кудряшов, К.В. Половецкая степь (Очерки исторической географии). Москва, 1948; Moravcsik, G. *Byzantinoturcica*, t. I, Berlin, 1958, 92-94 (библиография), t. II, Berlin, 1958, 167-168 (индекс); Плетнева, С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.- *Материалы и исследования по археологии СССР*. Москва, 1958; Федоров – Давыдов, Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966; Diacoscu, P. *Les Coumans au Bas-Danube aux XI-e - XIII-e s.* Bucharest, 1978; *Степы Евразии в эпоху Средневековья* (Отв.ред. С.А. Плетнева). Москва, 1981; Pritsak, O. *The Polovcians and Rus’.*- *Archivum Eurasiae Medii aevi*, t. II. Wiesbaden, 1982; Кумекон, Б.Е. Кыпчаки. Алма-Ата, 1986; Pálóczi-Horváth A. *Petschenegen, Kumanen, Jassen: Steppenvölker im mittelalterlichen Ungarn.* Budapest, 1989; Плетнева, С.А. Половцы. Москва, 1990; Павлов, Пл. Средневековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186 – 1241).- *Трудове на ВТУ “Св.св. Кирил и Методий”*, т. 27, кн. 3 (1989), В. Търново, 1992, 9-61; Кляшторный, С.Г., Д.Г. Савинов. *Степные империи Древней Евразии*. Санкт Петербург, 2005, 136 – 142; Vásáry, I. *Cumans and Tatars.* Cambridge, 2005; Стоянов, В. *Куманология* (Опити за реконструкция). София, 2006.

2. Андреева, М. *Очерки по культуре византийского двора в XIII веке.* Praha, 1927, 26-27, 53-54; Rassevskij, D. *Les Coumans et Byzance.*- *Actes du IV-e Congres International des etudes byzantines* (Известия на Българския археологически институт, т. IX). Sofia, 1935, 346-354; Angold, M. *A Byzantine Government in Exile.* Oxford, 1975, 188-189; Asdracha, C. *La region des Rhodopes aux XIII-e et XIV-e siecles.* Athens, 1976, 80-82; *Oxford Dictionary of*

Byzantium, I. Oxford, 1991, 563-564 (O. Pritsak); Тъпкова-Заимова, В., Д. Димитров, Пл. Павлов. Хронологична енциклопедия на света, т. VI (Византия и "византийският свят"). В. Търново, 1995, с. 664 сл.; Savvidis, A. Oi Komanoi (Komanoi) kai to Byzantio, 11-13-os ai.- Byzantina, XIII, 1985, 937-955; Idem. Oi Tourkoï kai to Byzantio, t. I, Athina, 1996, 85-95.

3. Срв. Острогорски, Г. Још једном о пронијарима куманима.- Зборник Владимира Мошина. Београд, 1977, 63-71; Бибииков, М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.).- Древнейшие государства на территории СССР (1980). Москва, 1981, 123-128; Павлов, Пл. Турската инвазия в Мала Азия, Византия и българите (краят на XII-тридесетте години на XIV в.).- Българистични проучвания, 2. В. Търново, 1997, 342-343.

4. Georgii Acropolitae Opera, I-II (Ed. A. Heisenberg), Lipsiae, 1903 [=Acropolites], 53-54, 65; Гръцки извори за българската история, т. VIII, София, 1974, 165-166; Sathas, K. Bibliotheca graeca, VII. Paris-Venetia, 1894 [=Scutariotes], p. 480, 490 (Гръцки извори, VIII, с. 272, 277); Nicephori Gregorae Byzantina historia, I-II. Ed. L. Schopeni. Bonnae, 1829-1930 [=Gregoras], p. 36-37; Cronica Alberici monachi Trium fontium.- In: Monumenta Germaniae historica (SS). Nova series, t. 5, p. 946 (текст отсуствуєт в: Латински извори за българската история, т. IV. София, 1982); Joinville. Histoire de St. Louis (Ed. N. de Wailly). Paris, 1874, 495-496; Тизенгаузен, В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. Санкт Петербург, 1884, с. 542.

5. Mouskes, Ph. Chronique rimee (Ed. Reifenberg), I-II, Bruxelles, 1838, 630-631; Du Cange, Ch. Histoire de l'Empire de Constantinople sous les empereurs francois (Ed. Buchon), t. IV. Paris, 1848, 272-273; Rasoniy, L. Les anthroponymes comans de Hongrie.- Acta Orientalia hungarica, XX, 1967, p. 144 ("Ona dominus de Cumanis" в 1266 г.).

6. Albericus, Op. cit., p. 949; Латински извори, т. IV, с. 185.

7. Acropolites. Opera, I, p. 72; Angold, M. Op. cit., p. 188.

8. Asdracha, C. Op. cit., p. 81; История Византии, т. III. Москва, 1967, с. 36 (Г.Г.Литаврин).

9. Acropolites. Opera, I, p. 64; II, p. 24; Scutariotes. Op. cit., 485-486; Mercati, S. Jacobi Bulgariae archiepiscopi Opuscula.- Collectanea byzantina, I, 1970, p. 86; Nicephori Blemidae curriculum vitae et carmina (Ed. A. Heisenberg), Lipsiae, 1896, p. 118.

10. Festa, N. Theodori Ducae Lascaris Epistulae. Firenze, 1898, p. 259; Успенский, Ф. К истории крестьянского землевладения в Византии.- Журнал Министерства народного просвещения, № 225, 1883, с. 339; Savvidis, A. Oi Komanoi, s. 953.

11. Georgii Pachymmeris de Michaelae et Andronico Palaeologis (ed. I. Beckerus), vol. I. Bonnae, 1835 [=Pachymeres], I, 14-16, 175-176.

12. Acropolites, Opera, I, p. 65; Gregoras, N. Op. cit., I, p. 37.

13. Андреева, М. Очерки, 53-54; Angold, M. Op. cit., 188-189.

14. Срв. Острогорски, Г. Цит. съч., 63 сл.; Голубовский, П. Половцы в Венгрии.- Университетские известия (Киев), 1889, кн. 12, 45-72; Павлов, Пл.

Куманите в общественнополитическия живот на средновековна България (1186 г.- началото на XIV в.).- ИПр., 1990, кн. 7, 16-26; Средновековна България и куманите, с. 5 и сл.

15. Андреева, М. Очерки, с. 54.

16. Miklosich, F., J. Muller. *Acta et diplomata graeca Medii aevi*, IV, Vindobonae, 1882, 165-168; Мутафчиев, П. Войнишки земи и войници във Византия през XIII-XIV в.- Избрани произведения, т. II. София, 1973, 607-608; Каждан, А.П. Аграрные отношения в Византии (XIII-XIV вв.). Москва, 1952, с. 51, 107.

17. Scutariotes. *Op. cit.*, p. 293. О Тегаке см. Павлов, Пл. Към интерпретацията на някои археологически и нумизматични находки от Северното Черноморие (XIII-XIV в.).- Българите в Северното Причерноморие, т. V, В. Търново, 1996, 189-198.

18. Acropolites. *Opera*, I, p. 158; Savvidis, A. *Oi Komanoi*, sel. 954.

19. Acropolites. *Opera*, I, p. 169, 182; *The Cronicle of Morea* (ed. H. E. Lurier). New York-London, p. 181; Pachymeres. *Op. cit.*, I, p. 137; Gregoras. *Op. cit.*, I, p. 83; Хронологична енциклопедия..., VI, 265-266; Darko, E. *Byzantinische-ungarische Beziehungen in der zweiten Halfte des 13. Jahr*. Weimar, 1933, 8-26; Moravcsik, G. *Studia byzantina*. Budapest, 1967, p. 343.

20. Gregoras. *Op. cit.*, I, 112-115; Chapman, C. *Michel Paleologue - restaurateur de l'Empire byzantine*. Paris, 1926, 127-128.

21. Андреева, М. Очерки, с. 54.

22. Festa, N. *Op. cit.*, p. 259.

23. Tafel, G., C. Thomas. *Urkunden zur alteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedik*, III. Wien, S. 175.

24. Pachymeres. *Op. cit.*, II, 474, 257, 271-272, 276, 285-286; Византијски извори, VI, с. 29 сл., 97, 116; *Manuelis Philae Carmina* (ed. E. Miller), II, Paris, 1857 (репринт: Amsterdam, 1967), p. 253; Максимовић, Л. Котаниц Торник.- Зборник радова Византолошког института, 29-30. Београд, 1991, 181-191.

25. *Manuelis Philae...*, II, p. 240 (nr. 236).

26. Gregoras. *Op. cit.*, I, p. 490.

27. *Ioannis Cantacuzeni imperatoris historiarum libri IV* (ed. L. Schopeni), vol. II. Bonnae, 1828 [=Cantacuzenos], p. 23-24, 37-38, 77-87, 109-110, 450-451, 456-457; Gregoras. *Op. cit.*, I, 149-151, 160, 296, 300, 489-490, 495; Binon, St. *A propos d'un prostagma inedit d'Andronic III Paleologue*.- *Byzantinische Zeitschrift*, 38, 1938, 133-155, 377-407; Gregoras. *Rhomaische Geschichte* (Ed. I. L. van Dieten), vol. I I/ 1, Stuttgart, 1979, 117-126; Kyrris, K. *To Buzantio kata ton IA' aiona*, A'. Nicosia, 1982, 15-16: Византијски извори за историју народа Југославије, т. VI. Београд, 1986, 215-216, бел. 125-126; Чирковић, С. О састанцима цара Андроника III и краља Стефана Душана.- Зборник радова..., т. 29-30, 1991, 205-212.

28. Cantacuzenos. *Op. cit.*, I, p. 35, 259; Византијски извори, VI, с. 308, 319-320.

29. Павлов, Пл. Турската инвазия, 342-343.

30. Cantacuzenos. *Op. cit.*, I, p. 35, 259; Asdracha, C. *Op. cit.*, p. 81.

31. *Eleuteroudaki enkuklopaïdikon lexikon*, t. 8, Athinai, 1931, 102-103, 109.

32. Иванов, Й.Н. Местните имена между Долна Струма и Долна Места. София, 1982, 17-20, 146; Павлов, Пл. Бележки за прабългарите на Кубер, както и за присъствието на печенежки и кумански групи в днешна Македония (VII-XIII в.).- Архив за поселищни проучвания, 1994, кн. 3-4, 106-107.

33. Zachariadu, E.A. Noms coumans à Trébizonde.- *Revue des Études byzantines*, t. 53, 1995, 285-288

ДЕСЯТЬ ПОЛОВЕЦКИХ ИМЕН

*Н. Ж. Илиев,
Република България
Регионален исторически
музей – Видин*

В этом коротком сообщении я рассмотрю десять половецких имен – личные и родовые (племенные). Среди них встречаются такие с погрешной этимологии, а так же с неизясненной этимологией. Вот и их: Елпумис, Манастър, Карач, Клеопа, Дърман, Куделин, Тертер, Елтемир, Басараба/Бесараба и Йолберли. Имена даны в хронологичном порядке, при котором обращено особое внимание на их появление в болгарской истории.

1. Елпумис – скифский военачальник. Его имя встречается в „Истории” Никиты Хониата [1, S.124]. Он появляется возле 1185 г. От Хониата имя появляется и у Теодора Скутариота. Я думаю, что его действительное имя - Алпамыш [с различными вариантами у различных тюркских народов. Алпамыш/Алпамиш происходит от “герой; смелость, мужество; смелый; великан”, 2, с.139; 3, с.56-99 (текст), с.546-548 (коментар и речник), 4, с.62] – указано у И. Вашари [5, р.43]. Имя пожелательное „Будь героем как Алпамыш”.

2. Манастър – главный воевода царя Калояна (1197-1207) при осаде Солуна в октябре 1207 г. и предполагаемый его убийца. Имя во форме Манастрас принято еще Константином Иречеком [Варианты этого имени: Манастър, Манастра, Манастрас. 1, S.191; 6, с.126-132 и особено с. 131-132; 7, с. 283-284] и как Манастър встречается во всех болгарских историях [8, с. 255, с. 585-586; 9, с. 277; 10, с.147; 11, с. 347; 12, с.250; 13, с.180-181]

В современном турецком языке имя значит „1. Монастырь, обитель. 2. Старое имя города Битоля.” [14, с.350; 15, с.602], но это не дает удовлетворительный ответ на эго происхождения. В книге А. К. Курышжанов [16, с.71] „манас” означает „диал. бучук, определенная доля от чего-нибудь”, а в Турецком толковом словаре „манас” означает какой-то вид крилатый растительный вредитель [17, S.985]. И оба значения не являются непохожие за человеческих имен. „Манас” называется киргизкият героически епос [18, с. 12-16; 3, с.308-352 (текст), с.561-564 (коментар и речник); 19, с.98. В горепосочените текстове името не е обяснено като этимология, както и в електронното издание на Киргизката академия на науките „Манас”. Эпизоды из киргизского народного эпоса. М., 1960 и коментара към него. Этимологията на Манас като производно от Манаси(й) 20, с.126 не ми изглежда вероятна – поне за края на XII - началото на XIII в.], който вероятно е бил разпространен и сред другите тюркски племена. Името на предполагаемия убиец на цар Калоян е именно Манас. Формата Манастър е резултат от разговор, който е звучал примерно така: „- Как е името ти?” „- Манастър.” (= „Манас е.”) [21, S.122]. Причината за появата на това име сред куманите се дължи или на известността на киргизкия епически герой и сред тях, или на родствени отношения между киргизи и кумани. Името е

пожелателно: „Бъди юнак/герой като Манас”. Под формата Манастра то се среща още у Ана Комнина [22 с.76, 99, 105, 112, 117-119. Той е византийски военачалник, за когото е отбелязано, че е „полуварварин” (пак там, с.117), а в коментара на с.76, бел.1 се предполага, че е „от куманско потекло”. Вероятно коментарът е бил повлиян от името на главния военачалник на цар Калоян.]. Тук е моментът да изкажа своята благодарност към колегата от Казахстан Нуркен Кузембаев, който ми посочи неизвестен за мен текст, в който се посочва, че киргизкият епос „Манас” (името се среща у казахите) е от къпчашки произход [23, с.211-217].

3. Карач е един от тримата „куманските главатари” - участници в бунта срещу цар Борил с център Бдин (Видин) през 1213 г. [24. с.133; 25, с.93-94. Вж. и 13, с.92, с.185 (един от военачалниците на цар Иван Шишман също се наричал Карач), както и 22, с.63, 112 - един от узите на византийска служба носел името „Караджа”]. Единствената етимология, която е предложена за това име до момента е на Ласло Рашоньи [26, S.128.], според когото същинското му име е било „Караджа”. В съвременния турски език на това име съответстват „1. Сърна. 2. Черничък, мургав.” [14, с.281; 15, с.512]. При първото значение името е пожелателно – „(Да бъде бърз като) сърна.”, а при второто показва цвета на кожата на новороденото дете.

4. Клеопа „скита” (= „куманина”). Името се среща у Теодор Скутариот [1, S.161; 27, с.294 и в писмо на император Теодор II Ласкарис(1254-1258)]. Втората му част лесно се свързва с общотюркското аба/оба/апа/опа, което показва близки роднински връзки – „баща; дядо; майка; кака”, а, освен това, значи и „род; племе” [2, с.54-58, 400-401; 21, SS.77-78]. За тюркските езици обаче изобщо не е характерно натрупването на съгласни в началото на думата, поради което първата му част изобщо не може да е „Кле”. Как е било в същност името откриваме лесно в руските летописи: Кайопа/Кайапа в различни разновидности се среща доста често в тях. В превод името гласи „(Човек) от рода/племето кай” (= „рода/племето змии”) [Варианти на името: Аепа, Айапа, Каепа, Аепак, Кайапа, Каепичи. 28, с.161-162, с.202; 29, с.250, 282-283; 30, с.141; 31, SS.53-55; 21, S.78 – при него има и вариант Клепа, който вероятно идва от Теодор Скутариот, S.111; 32, р.115, pp.336-339 и бел. №91 на с.396, №101 на с.397 и №110 на с.339, pp.368-369; 33, с.111-124. Баскаков -34, с.80 дава различни етимологии на името Аепа: чичо от бащина страна; като го свързва с „луна” или с „мечка”. Cf. also 35, 1929, passim]. Грешката при изписването на името ще да е произлязла от евентуална замяна на гръцкото алфа (а) с гръцкото ламбда (л) (ръкописно двете букви стоят твърде близо една до друга), а вероятно и поради доста известното име Клеопатра. Етимологията не е ясна, може би името произлиза от легендарен родоначалник – змия.

5. Дърман и Куделин: двама братя от кумано-български произход, които управляват Браничевската област през последната четвърт на XIII в. В края на 1239 г. куманският хан Котян начело на 7 племена/рода (6 са кумански, 1 - аланско) помолил унгарския крал Бела IV да се засели с хората си в пределите на Унгарското кралство и получил разрешение за това. През пролетта на 1241 г. хан Котян и голяма част от семейството му били убити от

унгарските благородници, които обвинили хана, че именно той е довел татарите в Унгария. Куманите отмъстили жестоко за смъртта му и избягали в България [36, с.186].

При връщането на папския легат Плано Карпини от Каракорум през Унгария в 1247 г. той предупредил крал Бела IV, че монголите готвят ново нашествие срещу Унгария. Кралят повикал куманите обратно в Унгария. От 7-те рода обаче се завърнали само 5; другите два останали в България [37, с.355; 38. pp.313-333, specialy, pp.313-321; 39, с.629-637] и били приети от нея поради военната си мощ. Управлението им във Видинската и Браничевската области и включването им сред българската аристокрация било скрепено с бракове: видинският владетел деспот Шишман (вероятно от рода на хан Котян, т.е. от Тертеровци) бил женен за внучка на цар Иван II Асен, от смесен брак били и братята Дърман и Куделин [За тях вж. най-подробно 40, с.43-64; 41, 182-190]. По всяка вероятност по-големият от тях е бил Дърман – унгарските източници споменават само неговото име, докато това на брат му се среща като поставено на второ място – след това на Дърман – в сръбските извори. [7, №52 на с.329 „contra Dormanum et Vulgaros” в грамота на унгарския крал Владислав IV от 8.I.1285 г. за магистър Георги. Срв. и 25, с.135].

Името Дърман съответства на българските „Стоян/Стойко” и „Траян/Трайко”, т.е. то е пожелателно и означава „Да живее/Да стои дълго/Да трае.” [Варианти на името: Дорман, Дръмни, Родман, Дърман. 21, S.103; 26, с.121-123, 126; 42, с.194-196. За Дърман: 12, с.104-106].

6. Куделин: името на по-малкия от двамата братя пък е с предпазно значение. То означава „прокуден” [43, с.159. За Куделин: 12, с.104-106, с.235] и се е използвало в смисъл „Остави го/Не го закачай, той и без друго е злочест (= „прокуден”)”.

7. Тертер. Двама български царе носят тази фамилия: Георги I Тертер (1280-1292) и внукът му Георги II Тертер (1321-1322). [За тях: 12, с.74-76; 76-77]. Струва ми се, че е погрешно името на рода да се свързва с река, която е приток на река Кура в Южен Кавказ. Съвсем приемлива е етимологията на Л. Рашонъи: „Терт-ер-оба” означава „Родът/племето на четиримата (терт = дьорт) мъже” [За формите на името: Тертер, Тертьробичи – Тортробичи – Тертьоба, Дурут вж.: 1, SS. 306-307; 44, с.147, 179, 183-184, 189-191, 194, 196, 200; 218, 222-225; 45, с.137; 21, S.130; 32, р.338 и №106 на нея; 33, с.122-123, 143-144; 34, с.78-80 сочи и формата „Дурут” и дава етимология „племе, състоящо се от четири рода”. и е пожелателно в смисъл: „Бъди достоен мъж”].

8. Елтимир, брат на цар Георги I Тертер, управител на Крънската област с титла деспот [За него вж.: 10, с.193, 242, 259, 294, 298-302, 304-305; 11, с.364-365; 9, с.333-336]. Името му се среща в различни варианти в България, Унгария и Влашко [За тях вж.: 1, S.124; 44, с. 190-191, 200, 203-204, 206-207. Алдимир - 25, с.307, а е имало и влашки воевода със същото име; Олдамур превождал куманите при битката им срещу унгарците на езерото Ход през 1280 или 1282 г. Вж.21, S.104]. Обикновено името се тълкува като „ръка желязна” и, според Л. Рашонъи, спада към славните, прославящите имена [2,

с.260-261, с.267-268; 26, S.119]. Но в тюркските езици правилното подреждане на „Желязна ръка” е „Демирел” („Темирел”, „Тимирел”). Поради това по-приемлива за мен е една друга етимология на Рашонъи: „Желязото на държавата” („Ел-Тимири”), в смисъл „Желязно управление на държавата” или пък да е от тюркското „елт-” (Елт-темир; с течение на времето двете „т” са започнали да се възприемат като едно) – „нося”, т.е. „Носи желязо” = „Бъди воин” [2, с.260-261, 267-268; 26, S.119]. Последните две форми на името Елтимир са пожелателни.

9. Басараба/Бесараба. Румънските историци изписват много упорито фамилията на първите владетели на Влашко като „Басараб”. Само дето не е съвсем така - името е от кумански произход и е Басараба/Бесараба. То също е пожелателно и означава: „От рода/племето газитъпчи (= управлявай) мъжете”. Оттам е и името Бесарабия. [За формите на името вж.: 21, S.88; 46, с.161; 47, pp. 10-16]. В тази връзка предложената етимология от „бяс, бесен” [43, с.102 с препратка към публикация във вестник на Николай Ковачев] ми се струва неудачна. Според мен, с този род е свързан и т.нар. „Бесаров пръстен” (златен с изобразен на него орел) от края на XIII-началото на XIV в., открит в църквата „Св. 40 мъченици” във Велико Търново [48, с.56-57; 12, с.33].

10. Йолберли [Форми на името: Йолберли, Оберли, Оберлюеве, Отперлюеве. За тях вж. 21, S.80; S.122; 32, р.339 и №111 на нея; 33, с.138-148. Срв. и 2, с.139. 34, с.79 предпочита формата Отперлю, която извежда от „йоптюр” (= заставям да целуне, да почита”), откъдето идва собствено мъжко име, което от своя страна дава названието на родовото обединение по името на основателя на рода. Според мен, етимологията на Л. Рашонъи „Алп-ер” = „Мъж-герой” е съвсем точна, а Йолберли в превод ще даде „(Родът/племето) С мъже-герои” [21, S.80, S.122]. Името също е пожелателно: „Бъди мъж-герой”.

От десетте разгледани кумански имена 8 са пожелателни. Имаме по едно цветово, предпазващо, родово и прославящо име. Така броят на имената става повече от 10; причината за това е, че при някои от тях има по повече от една възможна етимология.

Последни думи: при куманите е съществувало двойно управление (съуправление). Първоначално водещият клан (род) е бил този на Каи (каганите са били от него; това е родът, от който произлизат братята-царе Петър, Иван I Асен, Калоян (Йоаница = Иванчо), а съуправителят е бил от рода Тертероба). Около 1117 г. настъпват промени: каганът е от рода Йолберли, а съуправителят – от рода Каи. Към 1223 г. настъпило ново изменение: каганът продължавал да е от рода Йолберли, но съуправителят е отново от рода Тертер. По времето от 1186 до 1421 г. средновековна България с кратки прекъсвания е била управлявана от куманските (от западното крило) родове Каи и Тертер. На практика две от трите върховни кумански династии са управлявали нашата държава. Третата - Йолберли - идвала от „къпчашкото” (източното) крило на куманския свят, имала своите резиденции по Волга и за нея България е била твърде отдалечена.

СЪКРАЩЕНИЯ

ИБИ: Извори за българската история

ГИБИ: Гръцки извори за българската история

ЛИБИ: Латински извори за българската история

Сб. БАН = Сборник на Българската академия на науките

Сп. БАН = Списание на Българската академия на науките

БЕЛЕЖКИ

1. Moravcsik, Gyula. Byzantinoturcika. Bd.2. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1958.

2. Севортян, Эрванд Владимирович. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

3. Героический эпос народов СССР. Т.2. М., 1975.

4. Мифы народов мира. Т.1. (А-К). М., 1982.

5. Vasary, Istvan. Cumans and Tatars Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185-1396. Cambridge University Press, New York, 2005.

6. Йоан Ставракий. Похвално слово за чудесата на великия мироточец Димитър. – ИБИ. Т. XXII (= ГИБИ. Т. X.) . С., 1980.

7. Иречек, Константин. История на българите. С поправки и добавки от самия автор. С., 1978.

8. Златарски, Васил. История на българската държава през средните векове. Т. III. Второ българско царство (1187-1280). С., 1972.

9. Мутафчиев, Петър. История на българите. С., 1986.

10. История на България. БАН. Т.3, С., 1982.

11. История на българите. Под редакцията на професор Георги Бакалов. Т. I. От древността до края на XVI век. С., 2003.

12. Андреев, Йордан, Иван Лазаров, Пламен Павлов. Кой кой е в Средновековна България. С., 1994.

13. Павлов, Пламен. Бунтари и авантюристи в Средновековна България. Велико Търново, 2000.

14. Турско-български речник. С., 1962.

15. Турецко-русский словарь. М., 1977.

16. Курьшжанов, Абжан Курьшжанович. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – „Тюркско-арабского словаря”. Алма-Ата, 1970.

17. Türkçe sözlük. C.2 (K-Z). Ankara, 1988.

18. Героический эпос народов СССР. Т.1, М., 1975.

19. Мифы народов мира. Т.2 (К-Я). М., 1982.

20. Ковачев, Николай. Честотно-тълковен речник на личните имена у българите. С., 1987.

21. Rasonyi Laszlo. Kuman Özel Adları. – Türk Kültürü Araştırmaları. III-VI, Ankara, 1966-1969.

22. Ана Комнина. Алексиада. – ИБИ. Т. XV (= ГИБИ. Т. VIII). С., 1971.

23. Р.А. Абдуманопов. О кыпчакских корнях кыргызского эпоса "Манас". – Четвертые востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица. Материалы IV региональной конференции. Барнаул. 26 апреля 2002 г. - Барнаул: Изд-во БПГУ, 2002.

24. Ников, Петър. Цар Борил под светлината на един нов паметник. Сп. БАН. №3, С., 1912.
25. Петров, Петър, Васил Гюзелев. Христоматия по история на България. Т.2. Същинско средновековие (краят на XII – XIV в.). С., 1978.
26. Rasonyi L. Tuna Köprüleri. Ankara, 1984.
27. Теодор Скутариот. Обзорна хроника. – ИБИ. Т.XV (= ГИБИ. Т.VIII). С., 1971.
28. Повесть временных лет. Текст и перевод. Подготовка текста. Д. С. Лихачева. – М.-Л., 1950, Ч.І.
29. Полное собрание русских летописей. Т.І.
30. Полное собрание русских летописей. Т.ІХ.
31. Marquart, Josef. Über das Volkstum der Komanen. – Bang, W., J. Marquart. Osttürkische Dialektstudien. Berlin, 1914, SS.53-55.
32. Pritsak, Omelian. The Polovcians and Rus. – Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. II, Wiesbaden, 1982.
33. Стоянов, Валери. Куманология. Опити за реконструкция. С., 2006.
34. Баскаков, Николай Алексеевич. Тюркская лексика в „Слово о полку Игореве”. М., 1985.
35. Pelliot, Paul. Les formes avec et sans q- (k-) initial en Turk et Mongol. – T'oung Pao. Vol.37, 1929, passim.
36. Рожер. Жална песен. – ИБИ. Т.XXIV (= ЛИБИ. Т.IV.). С., 1981.
37. Юхас, Петер. Тюркобългари и маджари. С., 1985.
38. Paloczki-Horvath, Andras. L'immigration et l'établissement des Comans en Hongrie. – Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т.XXIX. Budapest, 1975.
39. Павлов, Пл. По въпроса за заселванията на кумани в България през XIII в. – Втори международен конгрес по българистика. Доклади, 6. С., 1987, 629-637.
40. Ников, Петър. Към историята на северозападните български земи. – Сп. БАН, №16, С., 1918, 43-64.
41. Idem. Българо-унгарски отношения от 1257 до 1277 година. Историко-критично изследване. – Сб. БАН. Т.XI. С., 1920.
42. Стоянов, Валери. История на изучаването на Codex Cumanicus. Кумано-печенежки антропоними в България през XV век. Bulgaro-Turcica 3-4. С., 2000.
43. Иванова, Недялка. Пенка Радева. От „А” до „Я”. Имената на българите. С., 1985.
44. Георги Пахимер. За Михаил и Андроник Палеолог. – ИБИ. Т.XXII (= ГИБИ. Т.X.). С., 1980.
45. Никифор Григора. Византийска история. – ИБИ. Т.XXV (= ГИБИ. Т.XI). С., 1983.
46. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка. Т.І (А-Д). М., 1986.
47. Rasonyi, L. Contributions a l'histoire des premieres cristallisations d'Etat des Roumains. L'origine des Basaraba. – Etudes sur l'Europe centre-orientale. 3. Budapest, 1936.

48. Попов, Атанас. Средновековни надписи, монограми, букви и знаци от търновската „Велика Лавра”. – Царевград Търнов. Т.4. С., 1984.

КЫПЧАКСКАЯ ГВАРДИЯ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРАТОРОВ КИТАЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ИМПЕРИИ ЮАНЬ В 1307 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ КИТАЙСКОЙ ДИНАСТИЙНОЙ ИСТОРИИ «ЮАНЬ-ШИ»).

Кадырбаев А.Ш.

Россия, Москва ИВ РАН

Конец XIII - начало XIV в. можно считать завершающим этапом монгольских завоеваний, начало которым было положено еще Чингиз-ханом. Правящая верхушка империи Юань, монгольского государства в Китае, основанного в 1260 - 1270 г. г. внуком Чингиз-хана Хубилай-ханом после распада единой мировой Монгольской державы, после прихода к власти Тимур-хана (китайское храмовое имя Чэньцзун), к началу XIV в. обращает внимание, главным образом, на решение проблем внутривластного характера, в частности на укрепление своего господства в Китае. (1, с.294)

После смерти Хубилай-хана Юаньская империя вступает в полосу глубокого политического и экономического кризиса. Как писал конфуцианский ученый Чжан Янь-хао: «В период правления Хубилай-хана назначали чиновников на должности по их деловым качествам и способностям, а ныне не соблюдают этого правила и присваивают людям чины и звания в нарушение закона. В период Хубилай-хана не наказывали тех, кто делал хану представления, а ныне казнят их, не разбираясь в причинах. В период правления Хубилай-хана выпускали бумажные деньги на установленные суммы, а ныне их выпускают в любое время и столько, сколько требуется. В период правления Хубилай-хана налоги и повинности были фиксированными, а ныне (с налогоплательщиков) берут их в любое время и (отбирают) все дочиста». (2, с.72) При юаньском дворе обострилась борьба между различными группами правящего юаньского класса, в котором тон задавали монголы и все более выходявшие на первые роли в юаньской политике кыпчаки, служившие монголам в Китае. Как подчеркивается в китайских источниках, преемники Хубилай-хана вели разгульную жизнь, тратили огромные суммы из государственной казны на свои прихоти. После Хубилай-хана ухудшение ситуации в стране, громоздкость придворной администрации, несоблюдение законов, нарушение порядка избрания на юаньский трон, разбазаривание и расхищение казенных средств, стали серьезными проблемами, подрывающими сами основы монгольского государства в Китае.

Во внешнеполитической деятельности преемники Хубилай-хана главное внимание уделяли борьбе с враждебными юаньскому трону Чингизидами, правителями монгольского государства Чагатаидов в Средней Азии, которые оспаривали власть Юань над Монголией и Восточным Туркестаном. Война с Чагатаидами, начатая еще в правление Хубилай-хана, длилась до XIV в. в течение 40 лет и была завершена в правление Тимур-хана, преемника Хубилая на юаньском троне. Прекращение войны привело к возобновлению международной торговли по Великому Шелковому пути, что

благоприятствовало экономической ситуации в Юаньской империи. Торговые пути вновь стали безопасны, организованы и находились под контролем монгольского государства в Китае, создавшего режим наибольшего благоприятствования для иноземной торговли, при этом, предоставляя льготы и напрямую финансово поддерживая своих купцов и производителей. К числу других достижений Тимур-хана можно отнести издание кодекса юаньских законов «Да-дэ люй-лин» - «Законы и распоряжения периода правления Да-Дэ». Однако экономическая ситуация в годы его правления ухудшалась. Общие бюджетные расходы по-прежнему превышали доходы. «Хотя каждый год поступает золота 19000 лян, серебра 10000 лян и бумажных денег 3600000 ассигнаций, но, все же, их не хватает на удовлетворение потребностей. Кроме того, позаимствовано 200000 ассигнаций из суммы бумажных денег выпуска правления Чжи-Юань. Прошу бережно расходовать и экономить», - докладывал Тимур-хану его сановник. (2, с. 47)

К этому времени выходцы из «сэму», привелегированного юаньского сословия, сформированного по этническому принципу из представителей стран, лежащих к западу от Китая, играли все более важную политическую и военную роль в системе монгольского владычества в Китае и стали одним из немаловажных факторов, оказывавших влияние на политику юаньского двора. Этому прежде всего способствовало то, что учрежденные еще при Хубилай-хане отборные части императорской гвардии были сформированы в значительной степени из тюркских воинов - уроженцев Великой Степи – кыпчаков и канглы, тангутов и асов - выходцев с Кавказа. Создание этих войск усиливало влияние тюрков, особенно кыпчаков и канглы, вследствие назначения их представителей на высшие командные посты в гвардии. Преемники Хубилай-хана продолжали уделять большое внимание укреплению сформированной из «сэму» гвардии, видя в ней надежную опору трона. Так, в 1295 г., сразу после вступления на трон Тимур-хана, была учреждена гвардия «сэму», где были части кыпчаков и канглы. В течение 1297 - 1307 гг. численность кыпчакской гвардии, учрежденной еще при Хубилай-хане, выросла на 6 тысяч воинов. В 1308 г. кыпчакская гвардия была разделена на гвардии правого и левого крыла, а в 1310 г. была переформирована и усилена дополнительным контингентом войск гвардия канглы. Все воины канглы, служившие в других войсках, были отобраны для службы в гвардии. (5, цзюань 99, с.27188/1236)

Влиятельными политическими и военными деятелями этого времени при юаньском дворе были кыпчаки Чжанур, его сын Яньтимур, канглы братья Иналтото и Асанбука. Чжанур начал службу еще при жизни своего отца Тутуха и принял активное участие в войнах Хубилай-хана и его преемников на северо-западных границах империи. Отличился во время похода на Бадахшан, за что был назначен командующим правым крылом кыпчакской гвардии. В 1297 г. возглавил кыпчакскую гвардию. На следующий год нанес поражение войскам Дувы, предводителя антиюаньской коалиции монгольской знати. В 1299 г. Чжанур был вызван в столицу и удостоился особых почестей со стороны императора Тимура. Тогда же выступил в поход

на Западную Монголию под началом наследника юаньского престола Хайсана. В 1301 г. в горах Цзеганшань воины Чжанура истребили войско Дувы. Хайсан, наблюдавший за этим боем, сказал: «О таких жестоких битвах я не имел представления».(5, цзюань 128, с.27442/1490)

В 1303 г. Чжанур вернулся в столицу и был принят императором. Тимурхан высоко оценил воинские заслуги Чжанура: «Ты, Чжанур, обеспечил безопасность северных границ и добился великих побед. Золота не хватит для оценки твоих заслуг». Чжанур остался главой кыпчакской гвардии и был назначен на новую должность заместителя главы Шумиюань, Тайного Совета, учреждения, ведавшего тайными военными операциями и внешней политикой. Были также награждены 10 тысяч воинов, воевавших под командованием Хайсана и Чжанура.(5, цзюань 128, с.27442/1490) Современник этой эпохи, персидский историк Рашид-ад-дин в свою очередь отмечал, что среди эмиров, «сидящих с войсками на границах для охраны государства, был Чункур, он же Чжанур, сын Токтака, т.е. Тутуха, одного из великих эмиров».(4, т.3, с.184-185)

Вместе с Чжануром под началом Хайсана воевал и канглы Иналтото. В 1301 г. он отличился в сражении с Хайду, предводителем среднеазиатских монголов. В бою всегда находился рядом с Хайсаном, обеспечивая его безопасность. Иналтото начал службу с 14 лет еще при Хубилай-хане и не утратил свой высокий статус при дворе его преемника Тимур-хана. Его брат Асанбука пользовался расположением наследника трона Хайсана. Хайсан сказал об Асанбуке: «К таланту Асанбуки как полководца и государственного деятеля нельзя относиться с пренебрежением». Асанбука отличился в сражениях с Хайду на Алтае и Ханхае.

Среди ближайшего окружения наследника трона, будущего юаньского императора Хайсана, чье китайское храмовое имя как высочайшей особы было Уцзун, находился молодой Яньтимур, которому суждено было впоследствии сыграть важную политическую роль в империи Юань. «Когда Уцзун умиротворил Шофан, т.е. Западную Монголию, участвовал в формировании гвардии».(5, цзюань 136, с.25518/1566; цз.138, с.27533/1581)

На службе у Хайсана был найман¹⁰ Наньцзятай, прославленный полководец Хубилай-хана, с чьим именем связан разгром монголами китайской империи Сун. Он занимал высокий пост темника, командира 10 тысяч воинов. В 1307 г. накануне решающих событий оставил службу и поселился в Хуайчжоу, где вошел в доверие к Аюрбарвада, брату Хайсана, имевшего виды на юаньский престол.

В 1307 г. умер Тимур-хан и трое представителей правящей в Китае ветви Чингизидов выступили претендентами на юаньский трон. Одним из них был Хайсан, находившийся в это время со своими войсками в районе Алтайских гор. Узнав о смерти Тимур-хана, Хайсан направился в Каракорум, старую столицу некогда единой Монгольской империи, а ныне провинцию империи Юань, где созвал курултай Чингизидов, чтобы законным образом обосновать свои притязания на юаньский трон, а не выглядеть узурпатором подобно своему предку Хубилай-хану.

Вторым претендентом был Ананда, внук Хубилай-хана, и последний назначал его наследником, но затем склонился в пользу Тимур-хана. Ананда был мусульманином, что вызвало сильное противодействие его кандидатуре не только со стороны монголов, уйгуров, тибетцев и тангутов, исповедовавших буддизм и христианство, занимавших как «сэму» высокое положение при дворе, но и со стороны китайской знати, сотрудничавшей с монгольским режимом.

Третий претендент Аюрбарвада был внуком сына Хубилай-хана Джингима, который до своей смерти в 1285 г. был наследником трона. Отцом Хайсана и Аюрбарвада был второй сын Джингима Дармабала. Аюрбарвада обладал более весомой поддержкой среди членов правящей династии Чингизидов и юаньской бюрократии, нежели Ананда. Но, тем не менее, Ананда, обладавший титулом Аньси ван, т.е. «князь, покоритель Запада», претендовал на юаньский трон. В «Юань-ши» так говорится об этом: «Аньси ван, воспользовавшись моментом, замыслил стать продолжателем великого дела».(5 цзюань 136, с.27519/1567)

В своих притязаниях на престол Ананда был поддержан вдовствующей императрицей Бурхан, женой умершего Тимур-хана, и высокопоставленными чиновниками во главе со вторым лицом в юаньском правительстве Чжуншушэне, цзочэнсяном, т.е. левым министром, Ахутаем. Пользуясь отсутствием в столице Дайду после смерти Тимур-хана Хайсана, Аюрбарвада и их матери-императрицы, Ананда попытался захватить власть. Но его заговор был раскрыт доверенными людьми Хайсана Иналтото и Асанбукой, которые в это время находились в Дайду. Несмотря на попытки заговорщиков задержать Иналтото, ему удалось покинуть столицу и информировать обо всех событиях Хайсана: «Быстро доложил Уцзуну, чтобы помочь государству... Мать, т.е. императрица, обеспокоилась. Для определения судеб двух своих детей, Хайсана и Аюрбарвада, позвала гадать астролога. Спросила его, кого посадить на трон. Тот ответил, что предвидится великий беспорядок и бедствие, и им обоим будет трудно. Эти слова астролога посеяли сомнения в душе матери, вдовствующей императрицы. Послала приближенного сказать Уцзуну: «Вы старший и младший братья и рождены мной. Неужели вы не чувствуете родственной близости и так далеки друг от друга? Слова астролога предсказывают, что наша судьба недобрая. Это наводит тоску». Уцзун выслушал и помолчал. Подойдя к Тото, сказал: «Я усердно охраняю границу уже 10 лет и соответственно занимаю высокое место. Кому должна отойти святая утварь? (т.е. трон.) Кому ясно, сомнений нет». Императрица гадала и получила ответ: «Пути Неба неисповедимы. Кто заранее знает, что будет, что я сделаю? Эти помыслы Неба свыше надо совмещать с желаниями народа внизу. И тогда станет ясно, кого Небо хочет императором. Если я, Уцзун, буду править, то дня моего правления будет достаточно для славы на 10 тысяч лет. Можно ли, полагаясь на астролога, отречься от воли предков? Это, наверное, сановники вершат дела, захватили власть и убивают. Боятся, что я когда-нибудь раскрою их преступления. Поэтому замышляют измену и подрывают

мощные корни государственности. Тото, ты тот, кто тайно сообщает императору о всех пороках...» (5 цзюань 138, с.27531/1579)

Асанбука остался, чтобы предупредить направлявшихся в Дайду Аюрбарвада и мать-императрицу. По прибытии они уже знали о заговоре Ананда. 20 марта 1307 г. сторонники Аюрбарвада, среди которых был Наньцзятай, схватили Ананда, императрицу Бурхан, Ахутая и других заговорщиков. За участие в аресте Ананда Аюрбарвада пожаловал Наньцзятаю богатое поместье. Через два дня от Хайсана в столицу прибыл представитель, чтобы потребовать от Ананда объяснения его действий. Но к этому времени следствие по делу, которое вел Асанбука, было закончено и Ананда, судя по данным «Юань-ши», в 1307 г. был казнен, «пожалован смертью». (5, цзюань 138, с.27532/1580) Именно поэтому его биография оказалась за пределами династийной истории «Юань-ши».

Таким образом, падение Ананда было организовано кликами Хайсана и Аюрбарвада, которые сплотились в борьбе против общего врага. После ухода Ананда с юаньской политической арены, Хайсан медлил с возвращением в столицу, так как не питал доверия к намерениям Аюрбарвада. Посол Аюрбарвада к Хайсану по возвращении сказал, что тот будет вести переговоры по вопросу о наследовании престола только при посредничестве своего доверенного лица Асанбуки. Императрица Тарги, мать Хайсана и Аюрбарвада, склонялась к поддержке Аюрбарвада. По совету Чжанура, который официально просил Хайсана вернуться в столицу, «решить великие дела и взять управление Поднебесной в свои руки», Хайсан во главе войск двинулся на Дайду. Вперед был послан Иналтото. Он прибыл в столицу и вступил с императрицей и Аюрбарвада в переговоры, предоставив им требования Хайсана. Тем временем Хайсан и Чжанур продвинулись со стороны западной и восточной дорог, ведущих к столице. В подчинении каждого из них находилось 10 тысяч воинов. Иналтото и Асанбуке после длительных переговоров удалось убедить Аюрбарвада и императрицу признать новым юаньским императором Хайсана, а его наследником объявить Аюрбарвада, чье китайское храмовое имя было Жэньцзун. После возвращения Иналтото из Дайду в ставку Хайсана и обсуждения результатов его миссии, Хайсан во главе войск вступил в Шанду или Кайпин, летнюю столицу юаньских Чингизидов, где его торжественно, воздавая почести как императору, встречали Аюрбарвада и императрица в сопровождении высокопоставленных чиновников. Как пишет «Юань-ши», только после этого «сомнения Уцзуна в отношении Жэньцзуна рассеялись и он официально объявил его своим наследником». (5, цзюань 138, с.27531/1579)

Таким образом, Аюрбарвада был вынужден отказаться от своих притязаний на юаньский трон в пользу Хайсана. Решающую роль в этом сыграла поддержка Хайсана со стороны войск, с которыми он воевал в Монголии и на Алтае. Ударной силой этих войск были части императорской гвардии, сформированные из кыпчаков и канглы, которые возглавляли закаленные в боях и преданные лично Хайсану военачальники Чжанур, Иналтото, Асанбука, Яньтимур. Поэтому Аюрбарвада без сопротивления уступил трон Хайсану, но при этом добился условия, согласно которому

наследником должен быть Аюрбарвада, а не сын Хайсана. В Шанду курултай правящей династии в Китае подтвердил решение Чингизидов в Каракоруме о возведении на юаньский престол Хайсана. В указе по поводу восшествия на трон Хайсан особо подчеркнул свое законное право, так как известно, что сам основатель Юаньской империи, Хубилай-хан, столь чтимый потомками, тем не менее, не избирался на курултае Чингизидов великим ханом.

По восшествии на трон Хайсан раздарил 3,5 млн. дин, что составляло $\frac{3}{4}$ суммы денег, поступивших в течение года в юаньскую казну. В 1311 году в последний год его правления из 11 млн. государственных денег, 3 млн. дин были розданы в качестве даров. В этом проявился менталитет монгольских ханов, демонстрировавших подданным свою щедрость и презрительное отношение к богатству, поскольку традиция обмена дарами, привнесенная еще от степного образа жизни, по сути, от доиндустриального общества, была универсальным средством установления отношений между индивидами. Символический обмен подарками, как между равными, так и между государем и подданными, позволял преобразовывать обмен материальными ценностями в отношения психологической зависимости, что, в свою очередь, давало возможность императорам Юань получать новые ресурсы и, раздаривая «подарки», увеличивать свой престиж. Наиболее важными добродетелями, которыми должен был обладать правитель, во всяком случае, среди правящих сословий империи Юань, считались щедрость и справедливость. Его щедрость в их представлении выражалась в раздаче земель, титулов и богатых даров, в организации пышных пиров, в народном сознании – в устройстве праздников и зрелищ, в раздаче обильных подаваний. Таким образом, повышение общественного статуса императоров Юань осуществлялось через механизмы «престижной экономики»: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых накопленные богатства демонстративно раздаривались, а с другой – через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответное подношение. «Престижная экономика» была одной из причин прихода императоров Юань к власти. Без уяснения сущности ее механизмов трудно определить особенности властных отношений у средневековых монголов, а также понять причины возникновения и расцвета Юаньской империи. (3, с.291-295)

Хайсан предпринял меры по укреплению своей власти. Прежде всего, он назначил наиболее преданных себе людей на посты, контролировавшие государственный аппарат и императорскую гвардию, ударную силу юаньской армии. Иналтото и Асанбука, сыгравшие важнейшую роль в возведении Хайсана на трон, были назначены на высокие посты в государственном аппарате. Иналтото возглавил Тайный Совет, а затем занял пост левого министра, второй по значимости в юаньском правительстве. Асанбука стал ючэнсяном, т.е. правым или главным министром правительства, а также главой реорганизованной гвардии канглы. Чжанур, как лицо особо близкое к Хайсану, еще в 1301 г. за победу над Дува получил в жены девушку из правящей в Китае династии Чингизидов и был назначен командующим кыпчакской гвардии. В отличие от Иналтото и Асанбуки он

сделал свою карьеру исключительно на военном поприще. Ему «был пожалован большой императорский шатер и другие вещи. Стал чиновником, сохранив свои прежние посты в Шумиюань и должность главы кыпчакской гвардии». (5, цзюань 128, с.27442/1490) Его сын Яньтимур также был фаворитом Хайсана, «служил в охране императора. Уцзун особо выделил его и приблизил к себе. Его дети служили империи в степях и охраняли ее границы...» (5, цзюань 138, с.27533/1581)

Среди приближенных императора Хайсана были не только выходцы из тюркских степняков - кыпчаков и канглы, но и монголы, представители господствующей этнической группы в империи Юань, тангуты. Так, членами клики Хайсана были монгол из племени меркитов Байань или Баян, впоследствии сыгравший заметную роль в юаньской истории, тангут Читайбуши и его сыновья Ерчини и Лиджи. Ранее они сражались под началом Хайсана в Монголии. Читайбуши и его сыновья возглавляли части императорской гвардии, сформированные из тангутов, а Байань - гвардию асов. Среди сторонников Хайсана были выходцы из оазисов Восточного Туркестана и Семиречья, степей Внутренней Монголии, тюркоязычные уйгуры Ерантимур и Ильчей, карлук Тахай, онгуты Мацзучан и Чаошиянь. Тахай был военачальником карлукских частей гвардии и подчинялся Чжануру. Ерантимур, Мацзучан и Чаошиянь, являясь высокопоставленными чиновниками, способствовали восшествию на трон Хайсана, действуя в тесном контакте с Асанбукой и Иналтото. Ильчей, он же Ванцзэ китайских источников, в 1311 г. стал правой рукой главного юаньского министра. (5, цзюань 122, с.27380/1428; цз.124, с.27399/1447; цз.142, с.27577/1625; цз.180, с.27945/1993)

После вступления на трон Хайсана, Иналтото предложил ему укрепить власть, изменив порядок наследования. Как указывалось выше, в 1307 г. Хайсан и Аюрбарвада пришли к соглашению, согласно которому наследником Хайсана должен быть Аюрбарвада, а последнему в свою очередь должен наследовать сын Хайсана. Для укрепления позиций своего ставленника Хайсана, его ближайшее окружение потребовало пересмотра этого соглашения и советовало Хайсану назначить наследником своего сына. Особенно активно за отмену соглашения выступал Иналтото: «Сын государя мало-помалу растет, а государь сильно устал от трудов последнее время, надо заранее установить, кто будет трон наследовать. Делая великие дела в интересах государства, нельзя не быть осторожным. Раньше братья императора почтительно вершили великие дела, заслуги приносили алтарям предков, а сами находились в Восточном дворце. Всему был определен порядок: от старшего младшему, от дяди племяннику из поколения к поколению наследовали трон. Так было. Кто может усомниться для той эпохи в справедливости такого порядка вещей? Я, Иналтото, такие слуги государя, как мы, не имеем права высказывать официально своего мнения о государственных постановлениях. Как можно нам покушаться на их совершенство? Но можно ли сохранить порядок ныне, когда сегодня трон старший передает младшему, а завтра дядя племяннику? Пусть другие забывают о своем долге. Небо все видит как есть в действительности. Я

ничего не могу изменить, когда другие нарушают свой долг». Хотя государь не согласился, но опровергнуть слова Иналтото не смог. Ведь он награждал и не соблюдавших верность, и повышал не соблюдавших законы. Так, богатства уменьшались, а титулов жаловалось через край. А ведь награды и чины это то, с помощью чего можно использовать людей на службе. С помощью рангов оценивают добродетель, под наградами понимают заслуги. А как это использовать, когда здесь крайности, медлительность или спешка, и поэтому нет пользы. Чжуншу, т.е. правительство, ведало деньгами и хлебом, общественными работами, законами, казнями и тюрьмами. И ко всему еще дюжина всяких дел. Если следовать сказанному Вашим слугой, то надо искренне придерживаться старинных установлений и Ваш покорный слуга готов вместе со всеми отдать все свои силы для пользы дела. И если нет, то какая польза может быть от Вашего слуги? (т.е. ухожу в отставку)». (5, цзюань 124, с.27532/1580)

Недолгое правление хана Хайсана характеризуется углублением кризиса в стране. Непомерные растраты и оргии, устраивавшиеся при юаньском дворе, сильно расстроили государственные дела, важные государственные должности стали предметом торговли. По свидетельству китайских источников, даже монахи их буддийских монастырей становились вторыми по важности чиновниками в империи Юань. Проверка чиновников для повышения по должности превратилась в формальность. Так, при правлении Хайсана в течение лишь одного года свыше 880 человек попали на высокие государственные посты с помощью взяток и «зверствовали, как тигры». Сообщается о 40 лицах, выдававших себя за родственников жен императора и пользовавшихся властью. (2, с.56)

Но попытки ближайшего тюркского окружения Хайсана, прежде всего кыпчаков и канглы, самым влиятельных из которых был Чжанур, глава кыпчакской гвардии монгольских императоров Китая, закрепить свои позиции при дворе, завоеванные при возведении его на трон, не увенчались успехом. В 1311 г. после смерти Хайсан-хана на юаньский трон взошел Аюрбарвада, который царствовал недолго. После его смерти соглашение было нарушено и на юаньский трон взошел не сын Хайсана, а сын Аюрбарвады, что послужило почвой для дальнейших дворцовых переворотов. Но, это тема для другого рассказа.

1. Бокщанин А.А. Попытки монголо-китайского вторжения в страны Юго-Восточной Азии. –Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
2. Далай Ч. Монголия в XIII-XIV вв. М., 1983.
3. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.
4. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952.
5. «Юань-ши» (История Юань), серия Соинь-бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории), Пекин-Шанхай, 1958.

MOĞOLLARIN ÇİNCE TARİHİNDE KIPÇAK KELİMESİ

Konuralp ERCİLASUN
Gazi Üniversitesi, Doç. Dr.

Kıpçaklar, kaynaklarda tespit edildikleri zamandan itibaren geniş yayılma ve faaliyet sahalarıyla Türk ve dünya tarihinde önemli bir rol oynamıştır. Kaynaklarda 8. yüzyılda Kıpçak adı geçmesinden itibaren Çingiz devrine kadar, bugünkü Kazakistan'ın güney doğusundan bugünkü Ukrayna'nın batısına kadar uzanan geniş sahada bazen dağınık bazen toplu hâlde faaliyet göstermişlerdir. Bu sebeple de, geniş bir coğrafyaya isimlerini verdiler ve Deşt-i Kıpçak ismi Rus yayılmasına kadar yukarıda belirtilen bölgenin adı olarak kullanıldı. Çingiz devri ve devamında ise başta Altın Orda olmak üzere Kazak ve Şiban hanlıkları gibi hanlıklarda halkın büyük bir bölümünü oluşturmakla kalmadılar, aynı zamanda Çingiz soylu hanlık yöneticilerini de Türkleştirdiler veya bir başka deyişle Kıpçaklaştırdılar. Ayrıca âdeta bir insani güç ihracı yoluyla nüfus olarak azınlıkta olmalarına rağmen Batı Asya ve Kuzey Doğu Afrika bölgesinde de çok önemli bir rol oynayarak Mısır Memlûklüleri hâkimiyetini kurdular. Kıpçak adı bugün Kazak, Kırgız, Özbek ve Başkurların alt boyları arasında görülmektedir (Togan, 1981:29). Terimin varlığı olarak değil de köken olarak bakıldığında ise bugün, doğu Türklerinin önemli bir bölümü Kıpçak menşelidir.

Bu araştırmada Moğolların Çin'de kurmuş oldukları hanedanın tarihini konu alan *Yüen Tarihi (Yüen Şi⁴⁸)* adlı kaynaktaki Kıpçak kelimesi üzerine bazı düşünceler ortaya konulacaktır. Yazıda, öncelikle *Yüen Tarihi* hakkında bilgi verilecek ve dolaylı da olsa bu kaynaktaki Kıpçaklara temas etmiş araştırmalardan bahsedilecektir. Sonra Kıpçak kelimesi ve bu kelimenin Çincedeki şekli üzerinde durulacak; üçüncü olarak *Yüen Tarihi*'nde Kıpçak kelimesinin geçtiği yerlerin bir tasnifi yapılarak önemli olanlarının tercümeleri verilecektir. Nihayet, bu kayıtların bize ne gösterdiği hakkında bir sonuca ulaşılmaya çalışılacaktır.

Yüen Tarihi: Çin'deki Moğolların Devlet Tarihi

Bilindiği gibi, Çinliler tarihlerine tek devlet ve bu tek devlette hüküm süren farklı sülâleler nazarıyla bakar. Bu bakış, Çin tarih yazımının da geleneklerini oluşturur. Bu bakış açısına göre M.Ö. 221'den M.S. 1912'ye kadar Çin'de farklı sülâleler kurulmuş ve bunlar devleti kendi hâkimiyetlerinde birleştirmek için çabalamıştır. Her sülâle kendi meşruiyetini kanıtlamak için bir önceki sülâlenin tarihini yazmış ve olayların yeni bir sülâlenin kurulmasını gerektirdiğini ispatlamak istemiştir. Bu şekilde yazılan sülâle tarihleri için ülkemizde Çin Resmî Hanedan Kayıtları, Çin (Hanedan) Yıllıkları veya benzeri terimler kullanılmaktadır. Çin'de genel olarak bu külliyyatın 24 sülâlenin tarihini kapsadığı

⁴⁸ Çince'nin yazımında bugüne kadar tam anlamıyla bir birlik sağlanamamıştır. İngilizce yazan dünyada en yaygın iki transkripsiyon sistemi, Wade-Giles sistemi ile Pinyin sistemidir. Ülkemizde de ağırlıklı olarak, birbirine benzemeyen ve Türkçeye de uymayan bu iki sistem kullanılır. Bunun yanında Fransa'da, Almanya'da ve Rusya'da Çince sesleri ifade etmek için her ülkenin kendi diline uygun sistemler kullanıldığı görülür. Buradan hareketle bu makalede Çince kelimelerin yazımında w eklentili Türk alfabesini kullandım. Böylece kelimeler nasıl yazılıyorsa o şekilde telâffüz edilecek, okuyucu aynı işaretleri farklı seslerde okumak zorunda kalmayacaktır. Söz konusu kelimelerin diğer transkripsiyon sistemleri ile yazılışlarını ve Çince şekillerini ise makalenin sonundaki ekte listeledim. Bakınız: Ek – Çince Kelimeler Tablosu.

kabul edilir⁴⁹. Makalede temel kaynak olarak kullanılacak *Yüen Tarihi* işte bunlardan biridir.

Yüen Tarihi, başlangıçta Temuçin'in atalarından başlayarak büyük bir hâkimiyet kuruluşunu, Ögeday, Kiyuk ve Möngge devirlerini anlatır. Kubilay devri ile birlikte Çin'deki Yüen devletinin tarihini anlatmaya geçer ve bu devletin son hükümdarı Togan Temür'ün ölüm tarihi olan 1370'e kadarki olayların dökümünü verir. *Yüen Tarihi*, klasik Çin hanedan tarihlerinde alışılan şekilde bir tarih yazıcılığı yapmıştır. Buna göre kaynaktaki ilk ana bölümü Hükümdar Biyografileri oluşturur. Bu ana bölüm hükümdarlara hasredilmiş olmasının yanında, aynı zamanda söylediğimiz devir içerisinde meydana gelen olayların kronolojik bir sıralamasını da içermesi bakımından önemlidir. İkinci ana bölüm, Kayıtlar olarak adlandırılabilir. Bu ana bölümde astronomi, takvim, coğrafya, ekonomi ve hukuk gibi çok çeşitli konular işlenmiştir. Üçüncü ana bölüm Tablolar adını taşır. Bu bölümde hanedan ailesi mensuplarının ve önemli devlet memurlarının buldukları görevler ve bunların tarihleri tablolar hâlinde listelenir. Son ana bölümün başlığına ise dilimizde Biyografi ve Monografiler demek uygun düşecektir. Burada büyük ölçüde sülalenin başlangıcından sonuna kadar önemli görevlerde bulunmuş veya çeşitli yararlıklar göstermiş kişilerin hayat hikâyeleri anlatılır. Sonlara doğru ise Çin'in komşu memleketlerindeki halklar hakkında bilgiler verilir.

Kaynağın yazılış sürecini incelediğimizde ise 1368'de Yüen devletinin yıkılmasıyla yerine kurulan Ming sülalesinin ilk hükümdarı tarafından yazılması emri verilmiş olduğunu görürüz. Bunun üzerine o devir edebiyatçılarından Song Lien, tarihçi Wang Yi'yi de yanına alarak toplam 210 bölüm (4678 sayfa) tutan bu kaynağı 1369-1370 yıllarında yazar (Orsoy, 2002: 570). Dikkat edildiği takdirde kaynağın yazımının aceleye geldiği görülecektir. Çin tarihçiliğinde genel olarak bu kaynağın hızlıca yazılıp bitirildiği söylenir ve bu sebeple içinde birçok yanlış ve eksikliklerin bulunduğu belirtilir. Nitekim, Sema Orsoy'un da değindiği üzere kaynak kitaplaştırılırken çok sayıda bölüm hatalı olmasından dolayı çıkarılmıştır (2002: 570). Mançu devrinde de (1644-1912), saray entellektüelleri arasında *Yüen Tarihi*, yazımı açısından çok tutulmayan bir kaynaktır (T'ang, 1970:I). Nitekim, bu düşünce Çin'in cumhuriyet devrine de sirayet etmiş ve nihayet Çin Cumhuriyetinin ilk yıllarında *Yeni Yüen Tarihi* adlı bir başka kaynak eser kaleme alınmıştır. Her ne kadar eleştiriler olsa da, *Yüen Tarihi*, yazıldığı devrin bilgi birikimi, bakış açısı ve psikolojisini yansıtmaktadır ki bizi de bu makalede daha çok bu konular ilgilendirmektedir. Diğer yandan, yeni yazılanı değerlendirecek olursak *Yeni Yüen Tarihi*, 20. yüzyılın ilk çeyreğinde yazılmış olması hasebiyle dönemin ortamından çok uzakta kalmıştır. Ayrıca, artık bu kaynak yazıldığı tarihte birçok modern kaynak da Çin entellektüelleri tarafından bilinmektedir. Dolayısıyla modern Batı terminolojisinin yeni yazılmış esere sirayet etmesi gibi bir tehlike mevcuttur. Bu

⁴⁹ Çin'in devlet tarafından yazılmış kayıt ve kaynakları bunlardan ibaret değildir. İlk zamanlardan başlayarak sarayda tutulmuş birçok kayıt vardır. Meselâ, Tang devri (618-905) gibi erken bir zamandan beri sarayda belgelerin toplandığı Gerçek Kayıtlar adı verilen bir arşiv türü oluşmuştur (İ. Togan, 2008:25). Geç devirlere gelindikçe bu kayıtlar çoğalır ve çeşitlenir. Ülkemizde, Çin kaynakları denince ilk akla gelen bu Resmî Hanedan Kayıtları ise her sülale zamanındaki bu farklı kayıt ve belgelerden önemlileri toplanarak oluşturulmuş ve özetlenmiş kaynaklardır. Yazıda da belirttiğim gibi külliyatta genel olarak 24 hanedan tarihi olduğu kabul edilse de farklı tasniflerde başka kaynakların da bu külliyat içinde düşünülerek bu sayının 25 veya 27 olarak kabul edildiğine rastlamak mümkündür.

sebeple, bu yazıda kaynakları suni olarak çeşitlendirmeden doğrudan doğruya 14. yüzyılda yazılmış olan *Yüen Tarihi*'ni esas aldım.

Kendi tarihimiz açısından baktığımızda, *Yüen Tarihi*'nin kapsadığı devrin, Türklerin ana kütlelerinin batıya doğru kaydığı ve tarihimizdeki temel olayların daha batıda cereyan ettiği bir döneme denk geldiği görülür. Esasında, 10. yüzyıldan itibaren gerek nüfus hareketleri sebebiyle, gerekse kaynakların çeşitlenmesi sebebiyle Çince kaynakların üzerinde o kadar durulmaz. Bir başka deyişle eski çağ tarihimiz için âdeta tek yazılı başvuru kaynağı olan Çince kaynaklar, özellikle 9-10. yüzyıllardan itibaren bu özelliğini kaybederek birçok kaynaktan biri hâline dönüşür. İslam medeniyeti ile karşılaştığımız ilk dönemlerden neredeyse Osmanlı'nın kuruluşuna kadar gerek bizim kendi bıraktığımız kaynaklar, gerekse Arapça ve Farsça kaynaklar ön plana geçmiştir. Bunların yanında Rusça, Ermenice ve Gürcücede de bizim hakkımızda yazılmış eserler verilmeye başlanmıştır. Böylece İslâmî dönem için Çince kaynaklar biraz daha arka planda kalmış ve onlardan faydalanış sınırlı olmuştur. İşte bu makalede, başka dillerdeki kaynaklar vasıtasıyla artık daha net bildiğimiz bir tarihin Çin'den nasıl görüldüğü ve orada nasıl algılandığı üzerinde de durmuş olacağım.

Yüen Tarihi üzerinde bugüne kadar yapılan araştırmalara gelince bu kaynaktan bazı bölümlerin çeşitli vesilelerle Batı dillerine tercüme edildiği görülür (Gaubil, 1739; Remusat, 1829; Bretschneider, 1888; Ratchnevsky, 1937-85; Cleaves, 1956; Schurmann, 1956; Hsiao, 1978). Bunlardan konumuzla ilgili birkaç kaydı ilk farketmiş olan Bretschneider'in eseri üzerinde durmak faydalı olacaktır. Bretschneider iki ciltlik eserinde 13-16. yüzyıllarda Asya ve Avrupa'nın çeşitli bölgeleriyle ilgili Çince kaynaklardan seçme tercümeler yapmış ve bunları Batılı seyahatnameler ve İslâm kaynakları ile karşılaştırmıştır. Bunlar arasında Kıpçaklarla ilgili tercümeler de bulunmaktadır (Bretschneider, 1888, II: 68-73).

Ülkemizde ise Bahaeddin Ögel'in *Sino-Turcica* adlı eserinde *Yüen Tarihi*'nin Biyografiler bölümünün detaylı olarak incelediğini ve bu bölümden yeri geldikçe parça parça çeviriler yaptığını görürüz (Ögel, 2002). Ögel'in amacı, Moğolların Çin'de kurmuş oldukları devletin bürokrasisinde görev alan Türkler hakkındaki bilgileri bir araya toplayabilmektir. Bu sebeple, kaynağın Biyografiler bölümüne yoğunlaşmakla kalmamış, ayrıca yine Yüen devri hakkında Çin'de yazılmış ve kaynak niteliği taşıyan birçok eski eserle de karşılaştırma yapmıştır. Bu sayede, Yüen devletinde görev yapmış Uygur, Karluk, Kanglı, Kıpçak, As, Öngüt, Kara Hıtay ve Müslümanlardan 130'dan fazla kişiyi tespit etmiş ve bunların kökenlerini araştıran bilgiler vermiştir. Bunlardan 10 kişinin Kıpçak olduğunu görürüz. Konumuzla ilgili diğer bir kayda değer eser T'ang Ch'i'nin eseridir (T'ang, 1970). T'ang Ch'i, yine Çince kaynaklara dayanarak Çingiz devletinde görev yapan yüksek dereceli memurların biyografileri üzerinde durmuştur. Yazar, Ögel'den farklı olarak Türk soyluların yanında Moğol soyluları da incelemiştir. T'ang Ch'i, Kıpçak soylu 12 kişinin biyografisini tercüme etmiş olup bunlardan beşi Ögel'in tespit etmiş olduğu kişilerdir. Ögel, eserinde daha çok kökenle ilgilendiği için biyografilerin genellikle kökenle ilgili kısımlarını tercüme etmiştir. T'ang Ch'i ise Ögel'in tercümelerinden de faydalanmış, ancak biyografileri bir bütün olarak tercüme etme yoluna getmiştir. Makalede yeri geldiğinde her iki araştırmacının verdiği bilgiler de değerlendirilecektir.

Kıpçak Kelimesi ve Çincenin Yapısı

Kıpçak boyundan tarihte net olarak ilk bahis, 9. yüzyıl Arap kaynaklarındadır (Buharalı, 1995:744; Şeşen, 1998:184). Ancak, bunlardan önce 760 tarihinde dikilmiş olan Şine-Usu yazıtında geçen, harfleri silinmiş bir ifadeyi Klyaştorını “Tür(k) (Kı)bcak” olarak restore etmiştir (Ercilasun, 2010: 135). Kelime elimizde bütünüyle mevcut olmasa da Klyaştorını’nın bu restorasyonu birçok araştırmacı tarafından kabul görmüştür. Ahmet B. Ercilasun, Şine-Usu’daki metni Arapça kaynaklarla karşılaştırarak Kıpçakların Doğu Gök-Türklerinde hâkim boy olması ihtimali üzerinde ciddi bir şekilde durmuş ve bu konuda güçlü deliller getirmiştir (Ercilasun, 2010: 355-356). Bu durumda Kıpçak boy adının ilk yazılışına 760 yılında rastlandığını söylemek yanlış olmayacaktır.

Bilindiği üzere Çince ne bizim, ne de Batı’nın dillerine benzemeyen bir şekilde heceye dayanan bir dildir. Bu sebeple, yabancı dilden Çinceye giren kelimelerin telaffuzu bazen ciddi ölçüde farklılaşır. Çincenin neredeyse tek kaynak olduğu en eski tarihimizi araştırırken bu durum büyük zorluklar yaratır. Neyse ki, İslami dönemden itibaren kaynakların çeşitlenmesiyle bu Çince telaffuzların önemli bir kısmının tespiti daha rahat bir şekilde yapılabilmektedir.

Bugünkü Çince Kıpçak kelimesi karşılığı olarak “Çin-ça” kullanılmaktadır. İşin ilgi çeken ve biraz da beni bu araştırmaya iten yönü ise Altın Orda Hanlığının Çince “Çin-ça Han-guo”, yani Kıpçak Hanlığı olarak anılmasıdır. Görünüşe göre Çin tarihçiliği, sınırlı sayıdaki Moğol yöneticiyi dikkate almamış, hanlığın genel halkını, yapısını ve idaresinde yer alan topluluğu daha önemli görmüştür. Araştırmamda bu sebeple 14. yüzyılın ikinci yarısında yazılmış olan *Yüen Tarihi*’nde “Çin-ça” kelimesinin incelenmesi üzerine odaklandım. Genel olarak söylemek gerekirse kaynakta Kıpçaklardan bu telaffuzla bahsedilmektedir. Ancak, Kıpçak Hanlığı diye bir tabir yoktur.

***Yüen Tarihi*’nde Kıpçak Kelimesi**

Kaynakta geçen Kıpçak kelimesinin temelde, dört tür kullanıma işaret ettiğini söylemek mümkündür. Birinci kullanım Kıpçak boy adı ile ilgilidir. Genellikle baş kısımlarda geçer ve batı seferi sırasında Kıpçaklarla olan savaşları ve onların itaat altına alınışları ile ilgili cümleler bu kavramı anlatır. İkinci tür kullanım Çin’deki özel Kıpçak askerî birliğini ve bu boydan olanlara hasredilmiş memuriyetleri ifade eder. Üçüncü tür bu boydan olan insanları ifade eder. Dördüncüsü ise Kıpçak kelimesinin kişi adı olarak kullanılmasıdır. Bunların yanında 1322-1349 yılları arasında Kıpçaktay isimli bir kişiden de sık olarak bahsedilmiştir. Burada Kıpçak kelimesinin dört farklı kullanımı üzerinde durulduktan sonra Kıpçaktay ile ilgili yorumlar da yapılacaktır.

Kıpçak Boy Adı

Kıpçak boyunu ifade eden kullanım, genellikle erken tarihlerdeki batı seferi anlatılırken kullanılmıştır. Kaynakta Kıpçak kelimesi ilk olarak karşımıza Ögeday Biyografisindeki kısa bir kayıtla çıkar. Buna göre Mönğge, Kıpçak boyuna sefer yapmış ve onları yenerek liderleri Ba-çı-man’ı (Baçman) esir etmiştir (*YT*, 1370:35; Bretschneider, 1888, I:310).

Mönğge’nin biyografisinde ve Coğrafya Bölümünde Kıpçakların hâkimiyet altına alınması, daha ayrıntılı anlatılır. Burada anlatılanlara göre Çingiz orduları, 1237’de Hazar Denizi kıyısına ulaşır ve Kıpçaklara saldırır. Kıpçak lideri

Baçıman, kaçarak bir adaya sığınır. Bu sırada büyük bir rüzgâr çıkmıştır. Mönğge Biyografisine göre bu rüzgâr Hazar'ın suyunu sığlaştırmışken, Coğrafya Bölümündeki kayıta, deniz suyunun tamamen çekildiği ve adaya doğru kuru bir yer açıldığı yazılmıştır. Mönğge bu duruma sevinerek “Gök, yolu açarak bana yardım etti” der. Böylece Baçman canlı olarak yakalanır ve diz çökmesi emredilir. Ancak Baçman “ben bir ülkenin lideriyim, nasıl olur da hayatım kurtulsun diye yalvarabilirim, ayrıca deve değilim ki bir insana karşı diz çökeyim” diye karşı koyar. Bunun üzerine hapsedilir. Bu sırada Baçman, kendisini yakalayanlara “benim denize kaçmamın balıktan bir farkı yok, ancak şimdi yakalandım, kader buymuş; bugün su eski yerine gelecek, ordunun erken geri dönmesi daha kolay olur” der. Mönğge bunu duyunca hızla geri döner. Ancak su artık yükselmiştir. Bu sebeple arkada kalan askerlerin bir kısmı yüzmek zorunda kalır (YT, 1370:43, 1570; Bretschneider, 1888, I:311-312).

Kıpçaklar üzerine yapılan diğer bir sefere ait kayıtlar, Subutay'ın biyografisinde bulunmaktadır. Kaynak Subutay'ın kökenini Moğol Urenghaylardan diye verir. Subutay, 1219'da Merkitlerle yapılan savaşta Merkit liderinin Kıpçaklara sığınması üzerine onu takip ederek Kıpçaklarla da savaşmış ve onları mağlubiyete uğratmıştır. Bu, belki de Çingiz ordularının Kıpçaklarla ilk çatışmasıydı. Daha sonra 1223'te Subutay'ın kumandasındaki bir ordu Kıpçaklar üzerine sefer yapar. Ordunun ilerleyişi şu şekilde anlatılır:

Subutay, Kıpçak seferi için izin istedi ve izin verildi. Ordularının başında Guan-ding-ci-sı Denzinin (Hazar Denzinin – KE) etrafından dolaştılar, daireler çize çize Tay-hı Tepesine (Kafkaslar – KE) ulaştılar, kayaları oyup yol açtılar. Oradan çıkmak kolay olmadı (YT, 1370:2976).

Bu sefer sonucunda Kıpçaklar mağlubiyete uğratılır ve bazı beyleri kaçar. Ordu, devamla her ikisi de Mstislav adını taşıyan Kiev ve Galiç knezleriyle, ayrıca As'larla da çarpışarak hepsini yener. Bu arada, Kıpçakların köleleri gelip kaçmış olan beyleri ihbar eder. Subutay onları azat etse de dönüşte Çingiz Han “kendi sahibine sadık olmayan köleler başkasına nasıl sadık olur!” diyerek hepsini idam ettirir (YT, 1370:2976). Görüldüğü üzere burada öncesi ve sonrasıyla birlikte Kalka Savaşı anlatılmaktadır. Uzaktaki bu savaşla ilgili Çin kaynağındaki bilgiler, bu şekilde sınırlıdır. Dolayısıyla savaşın ayrıntılarını anlatan daha geniş bilgiye ancak Rus kaynakları vasıtasıyla ulaşılabilmektedir (Kurat, 1972:92-96).

1223 seferi sonrası Çingiz Han, bir fermanla yeni itaate alınmış Merkit, Nayman ve Kıpçak gibi boyların komutanlarının kumanda etmeleri için ordular kurmuştur (YT, 1370:2976). Subutay'ın biyografisinde geçen bu tek cümlelik kayıt, Çingiz Han'ın savaşarak ele geçirse de Moğol ve Türk boylarını devlet ve asker sistemine nasıl entegre ettiğini göstermesi bakımından önemlidir. Bir savaşla itaat altına alınan boy, süratle galiplerin bir ordusu hâline getirilmektedir. Bozkırda bu entegrasyonu başarıyla uygulayan liderler, büyük hâkimiyetler kurabilmişlerdir.

Kıpçaklar hakkında ilginç kayıtlardan biri, Tutkak (Tuk Toka)'ın⁵⁰ biyografisidir. Tutkak'ın soyuyla ilgili ilk satırlar şu şekildedir:

⁵⁰ Çince olarak Tu-tu-ha şeklinde kaydedilen bu ismi Ögel, Tuq Toqa; T'ang Ch'i ise Tutqaq olarak restore etmiştir. Ögel, bu kişinin biyografisinin başından itibaren önemli bir kısmını neşretmiş, T'ang Ch'i ise baş kısımdaki Ögel'in neşrini de alarak biyografiyi kalan kısmıyla birlikte tamamen neşretmiştir (Ögel, 2002: 275-281; T'ang, 1970:343-354). T'ang Ch'i, eserini daha sonra yazmış ve Ögel'in eserinden de faydalanmış olmasına rağmen ismin restorasyonunu farklı yapmıştır. Bu sebeple, T'ang Ch'i'nin restorasyonunun her ne kadar açıklanmasa da belli bir temele dayandığı düşünülebilir.

Tutkak'ın ilk soyu Wu-ping'in kuzeyinde Cı-lien (T'ang Ch'i'de Cilagun) Nehrinin yanındaki An-da-han Dağı boyları soyundandır. Çü-çu (T'ang Ch'i'de Köçü) zamanında kuzey batıya göç ederek Ü-li-bay-li Dağında oturdular. Bu sebeple (bu dağın adı) onların aile lakabı oldu. Kendi memleketlerine Kıpçak adını verdiler. Onların yerleri, Çin'den 30.000 *li*'den fazla (yaklaşık 15.000 km veya daha fazla – KE) uzaklıktadır. Yazın geceler çok kısadır. Güneşin batmasıyla çıkması bir olur. Köçü'den Somona, ondan da İnas doğdu. Nesillerce Kıpçak memleketinin reisi oldular (Ögel, 2002:275; T'ang, 1970:343; *YT*, 1370:3131).

Tutkak'ın atalarını konu eden bu efsanevî metinde âdeta Kıpçakların ortaya çıkış hikâyesi anlatılmıştır. Metnin dönemin anlayışıyla yazılmış olduğunu kabul etmek gerekir. Ögel, Kıpçakların ortaya çıkışının bağlanmaya çalışıldığı bölgenin Moğol boylarının bölgesi olduğunu dikkate alarak hikâyeyi gerçekçi bulmaz (Ögel, 2002:277-278). Bu konuda İslâm kaynaklarında verilen bilgiler daha gerçeğe yakın olmalıdır. 11. yüzyıl kaynağı olan Gerdizî, Kıpçakların kökenini Kimeklere bağlamıştır (Şeşen, 1998:73; Buharalı, 1995:737-739). Diğer yandan, *Yüen Tarihi*'nde göç sonrası yerleşilen yerle ilgili bilgiler ise Kıpçak memleketi ile bağdaştırılabilir. Yaklaşık 15.000 km'lik uzaklık, şüphesiz ki çok abartılıdır; ancak ifade göç sonrası Kıpçak ülkesinin Çin'den çok uzak olduğunu göstermektedir. Ayrıca yazın gecelerin kısa olması da memleketin kuzeyde olduğunu belirtir.

Bu giriş kısmından sonra biyografide yukarıda da değinilen 1219 olayları anlatılır. Merkit liderinin İnas'a sığınması üzerine Moğol ordularıyla Kıpçaklar karşı karşıya gelir. İnas'ın oğlu Çurusman elçi göndererek teslim olacağını bildirir. Gelen orduyu Çurusman'ın oğlu Balduça karşılar ve tâbi olur. Balduça'nın kendi isteğiyle bağlanması, etkisini gösterir ve Balduça Çingiz ordularında komutan olarak görev alır. 1252'de Kubilay'ın komuta ettiği bir seferde yüzbaşısıdır. Daha sonra Song devletine karşı yapılan taarruzda cesaret ve kahramanlığıyla ün kazanır. Böylece yükselen Balduça, sarayda at işlerine bakmaya memur olarak tayin edilir. Ögel, bu memuriyetin adını Agtaçı şeklinde vermektedir:

[Bu görevde iken] her yıl imparatora at sütü sundu. Bu sütün rengi berrak, kokusu da çok güzeldi. İsmi hey-ma-ru idi. Bu sebeple ona mensup olup bu işe bakanlara Karaçı dendi (Ögel, 2002:276; T'ang, 1970:344; *YT*, 1370:3132).

Hey-ma-ru kelimesinin sözlük anlamı “kara atın sütü”dür. Balduça'nın yaptığı görevin yağız atlara bakmak olduğu ve Karaçı unvanının buradan geldiği düşünülebilir. Metindeki ifade de bunu çağrıştırmaktadır. Bunun yanında Ögel, hey-ma-ru sesinin kırmızı sesi ile benzerliğine de dikkat çekmiş, ancak bu konuda kesin bir yorum yapmamıştır. Buradan itibaren bu biyografinin başlığındaki Tutkak'ın hayatı ve faaliyetleri anlatılır. Balduça oğlu Tutkak'la ilgili bilgilere yeri geldiğinde tekrar dönülecektir.

Kıpçak Askerî Muhafızlığı

Çingiz Devleti, diğer bozkır hâkimiyetlerinin de yaptığı gibi, kendisi ile ittifak kuran boylardan veya savaşla itaat altına aldığı boylardan askerî bir güç olarak faydalanıyordu. Türk boylarından da başlıca Uygur, Kanglı, Kıpçak ve

Karluklardan faydalandığını söylemek mümkündür⁵¹. Nitekim devlette görev alan memurlar arasında önemli mevkilere yükselen Türklerle ilgili bilgiler, Ögel (2002) ve T'ang Ch'i'de (1970) bulunmaktadır.

Yukarıda Subutay'ın biyografisinde değinildiği üzere daha çok erken zamanda Kıpçak komutanlarından yararlanma yoluna gidilmişti. Zaman içerisinde Kıpçak asker ve komutanları, önemli hâle gelecek ve belli bir sistem dâhilinde Kıpçak birlikleri kurulacaktır.

1261-64 arasında Kıpçak komutan ve askerlerin çeşitli yerlerde garnizon kurdukları ve onlara imparator tarafından çeşitli ihsanlarda bulunulduğu görülür (YT, 1370:70, 71, 88, 90, 95, 97, 99, 100).

1284'te sistemleştirme çalışmaları başlar. Bu tarihte 2000 kişilik bir birlik oluşturmak üzere Kıpçak ve Kanglılardan gönüllüler toplanır (YT, 1370:266).

Nihayet 1286'da Kıpçak Muhafızlığı kurulur ve bununla ilgili bir bürokrasi oluşturulur (YT, 1370:288). Yukarıda Balduça adlı bir Kıpçak'ın sarayda önemli bir mevkiye kadar yükseldiğine, imparatora her yıl kırmızı sunduğuna değinilmişti. Balduça'nın oğlu Tutkak, Kıpçak Muhafızlığının ilk Muhafızbaşı olur. O zamana kadar emri altında olan subayları ve akrabalarını bu muhafızlığın kadrolarına getirmesine izin verilir. Onun 1296'daki ölümüyle yerine oğlu Çongur geçer (YT, 1370:3133-3136).

Kıpçak Muhafızlığındaki asker sayısı zamanla artınca 1322 yılında Sol ve Sağ Kıpçak Muhafızlığı olmak üzere ikiye ayrılır. Sağ Kıpçak Muhafızlığında yaklaşık 20.000 asker vardır. Bunların 18.000'i binerli gruplar hâlinde Çin'in 18 yerinde mevzilenmiştir. Sol Kıpçak Muhafızlığında ise yaklaşık 12.000 asker bulunur ve bunun 10.000'i yine binerli gruplar hâlinde 10 yerde mevzilenir. Bu birime bağlı bin asker ise şehir muhafızı olarak görev yapar. Her iki kolda da birer askerî çiftlik vardır ve diğer askerler buradadır (YT, 1370:2176).

1328'de Hassa Ordusu Muhafızbaşılığı kurulur ve Sol Kıpçak Muhafızlığından 9.000 asker buraya aktarılır. Ayrıca yine bir askerî çiftlik oluşturulur (YT, 1370:2177). Kıpçakların dışında Karluklar için de Tümenbaşılık seviyesinde bir birlik kurulduğu görülür (YT, 1370:2177).

Böylece Kıpçaklar için en seçme birliklerin Hassa Ordusunda olduğu üçlü bir yapı meydana gelmiştir. Hassa Ordusu Muhafızbaşılığı ile Sağ ve Sol Kıpçak Muhafızlığının her birine bağlı askerî çiftliklere de değinmek faydalı olacaktır. İki Kıpçak askerî çiftliği aslında binbaşılık düzeyinde daha 1287'de, yani Kıpçak Muhafızlığı oluşturulduğunun ertesi yılı kurulmuştu. 1329'a gelindiğinde ise bu askerî çiftliklerin sayısının bürokrasideki gelişmeye paralel olarak üçe çıktığı görülür. Bunlar her ne kadar binbaşılık düzeyinde ise de burada bulunan askerlerin sayısı bini bulmaz. Hassa Ordusuna bağlı askerî çiftlik yaklaşık 1600 hektar genişliğindedir ve burada 800 asker bulunur. Sağ Kıpçak Muhafızlığına bağlı askerî çiftliğin genişliği ise yaklaşık 1200 hektar civarındadır ve burada 437 asker bulunur. Sol Kıpçak Muhafızlığının askerî çiftliğinde bulunan 705 askere ise yaklaşık 750 hektarlık arazi ayrılmıştır. Bu askerî çiftliklerin hepsi başkentlik yapan Pekin civarında bulunmaktadır (YT, 1370:2561).

⁵¹ Çin'de Kıpçaklardan kurulan askerî birliklerin diğer Türk soylu askerlere göre daha ön plana çıktığı anlaşılmaktadır. *Yüen Tarihi*'nde Kıpçak Muhafızlığına sık sık vurgu yapılması bunu gösterir. Çin'deki memuriyetleri tarihî bir süreç içerisinde inceleyen Hucker da (1995:61, 66) ordudaki güçler arasında özellikle Kıpçakları vurgulamaktadır.

Kıpçak Muhafızlıklarında bulunan askerlere bakıldığında daha kuruluş aşamasında Kanglıların da toplanmasından anlaşıldığına göre Muhafızlık sadece Kıpçaklardan oluşmuyordu. Burada Kıpçaklar belki de büyük çoğunluğu ve yönetici makamları elinde tutuyordu. Ancak burada diğer boylardan da asker ve memurların bulunduğu görülmektedir. Kanglılardan Yesudar bunlardan biridir (YT, 1370:298, 304). 1291'de ise Kubilay, Kıpçak Muhafızlığı Kayıt Memurlarının sayısını bir tane arttırdı ve bu yeni Kayıt Memurluğu için Çinlileri kullandı. Kaynak, bunun başka örneği olmadığını söylemektedir (YT, 1370:298, 346). Bu sözü, genel olarak devletin üst düzey makamlarında hiç Çinli kullanılmadığı şeklinde yorumlamak mümkündür.

Merkezdeki Kıpçak Muhafızlıkları ve Hassa Ordusu dışındaki ordularda da Kıpçak asker ve komutanlarını görmek mümkündür. Pekin civarındaki ve Çin Seddi üzerindeki geçitlerde aralarında Kıpçakların da bulunduğu güvenilir boylardan oluşturulan ordular devriye gezmekteydi. 1311 yılına gelindiğinde bu devriyeler Kıpçak ve As komutanların emrinde 43 yerde mevzilenmişti ve asker sayısı da 3.693 idi (YT, 1370:2162). Askerlerden 3.000'i Kıpçak ve As'lar ile Sibiryaya ve Türkistan'daki diğer boylardan oluşmaktaydı; kalan 693 asker ise Çinliydi. Nihayet 1312'de Hassa Orduları Taktik Savunma Komiserliği kurularak bu devriyeler için de bir bürokrasi oluşturuldu (YT, 1370:2528). Diğer yandan, 1330 yılında Doğu Yolu Moğol Askerî Kumandanlığı, Doğu Yolu Kıpçak Tümenbaşılığına çevrilmiştir (YT, 1370:298, 759).

Kıpçak Muhafızlığındaki veya diğer birliklerdeki Kıpçak askerler, buldukları bölgelere aileleri ile birlikte yerleşmişlerdir ve asker sayısına bağlı olarak bazıları zamanla askerlikten ayrılıp sivil hayata geçmiştir. Nitekim Tutkak, emri altına verilen Kıpçakların sayısının gereğinden fazla olduğunu belirterek bir kısmını sarayın izniyle sivil hayata geçirmiştir (YT, 1370:3168). 1328'de Kıpçak ve As'lara görevleri dolayısıyla düzenli olarak aynî maaş bağlandı (YT, 1370:723). Ayrıca zaman zaman aynî veya malî taltifler verilirdi. 1318 ve 1323 yıllarında Kıpçak Muhafızlarına bu tip taltiflerin verildiği görülmektedir (YT, 1370:585, 631). Bazen de Kıpçak ailelerinin yerleştiği bölgelerde kıtlık olur, bunun üzerine kendilerine hazineden yardım yapılırdı. Bu tip yardım kayıtlarına 1302 yılında ve 1330-32 arasında rastlanmaktadır (YT, 1370:452, 758, 793, 813). 1330-32 arası üç yıl boyunca kıtlık dolayısıyla yardım yapıldığına bakılırsa bu yıllar ciddi bir kuraklık devresine denk gelmiştir.

Görüldüğü gibi Kıpçak Muhafızlığı, Çin'deki Moğol devletinde üst düzey bir makama işaret etmektedir. Bunların içinden seçilen birlikler, başlangıçtan beri başkent ve çevresini korumakla yükümlüydü. 1328'de ise bunlardan muhtemelen en seçmeleri alınarak doğrudan imparatoru korumakla görevli Hassa Ordusu oluşturuldu. Bu Kıpçaklar, aileleri ile birlikte çeşitli bölgelere yerleşti ve bir kısmı sivil hayata geçti.

İmparatorluktaki Kıpçak Soylular

Bu bölümde ilk olarak bir imparatoriçeden bahsedilecektir. Kıpçaklardan Tutkak ve soyunun başarılı hizmetlerinin ve imparatorlara yakınlığının bir neticesi olarak Çin'deki son Moğol imparatoru Togan Temür'ün eşinin Kıpçak Da-na-şı-li olduğu görülür. Da-na-şı-li, Tutkak'ın torunu olan El-Temür'ün kızıdır. Ancak, Da-na-şı-li'nin imparatoriçe konumu uzun sürmez. 1335'te ağabeyinin isyan planladığı için

öldürülmesiyle bir erkek kardeşi imparatoriçenin sarayına kaçtı. İmparatoriçe de bu erkek kardeşini kıyafetlerle sakladı. Bu sebeple saraydan çıkarılarak sürgün edildi (YT, 1370:2878).

İmparatoriçe Da-na-şı-li'nin dışında Kıpçaklara mensup birçok kişi Çin'de Moğollara üst düzey memur olarak hizmet etmiştir. Ögel (2002) ve T'ang Ch'i (1970) çeşitli kaynaklar kullanarak bunlardan 15'ini tespit edip biyografilerini kısmen veya tamamen yayımlamışlardır. Bunlar Tutkak, Çongur, El-Temür, Kutuz, Bay Şiang, Tay Buka, Ölcey Batur, Tosun, Ku-çı Batur, Bay Temür, Ketay, Ögöday, Sangcar Batur, Şikdur ve Oros'tur.

Bunların dışında Yüen Tarihi'nde iki isim hakkında şüpheli ifadeler bulunmaktadır. Bu iki kişi ile ilgili verilen bilgi de çok az olduğundan kesin bir sonuca ulaşmak kolay değildir. Bunlardan biri Guo Gou-gou adını taşımaktadır. Kaynakta mensubiyeti belirtilmemiş olup babasının Kıpçak Öncü Kuvvetleri Şefi olduğu yazılmıştır (YT, 1370:4442). Bu durum, Guo Gou-gou'un Kıpçak olma ihtimalini gündeme getirmektedir. Ancak, yukarıda da belirtildiği gibi Kıpçak birliklerinde farklı mensubiyetten insanlar da bulunabiliyordu.

Diğer bir isim kadın olup Ye-şien Hu-du'dur. Kendisi hakkındaki kayıt şöyledir: “Ye-şien Hu-du, Moğol Kıpçak soyundandı. Da-ning Yolu Darugacısı Temür Buka'nın eşiydi. Eşine Yün-cong ilinin beyliği ihsan edilmişti” (YT, 1370:4506). Görüldüğü gibi ifade problemlidir. Bu ifadeye göre Ye-şien Hu-du, Kıpçak olmalıdır. Ancak mensubiyetin “Moğol Kıpçak” olarak ikili verilmesi kafaları karıştırmaktadır. Bu terim hakkında birkaç fikir yürütülebilir. Birinci ihtimal siyasî hâkimiyetin Moğollarda olması dolayısıyla Moğol'un bir üst kimlik olarak kullanılmasıdır. İkincisi, kocası Temür Buka'nın Moğol olması ihtimali ve bu sebeple Ye-şien Hu-du için de çifte nitelime kullanılmış olmasıdır. Üçüncü ihtimal de kaynağı kaleme alanların yazım veya bilgi hatası yapmış olmalarıdır.

Kişi Adı olarak Kıpçak

Kıpçak kelimesinin tarihte şahıs adı olarak da kullanıldığı görülmektedir. Sümer, Çingiz devrinden önce de bu kelimenin şahıs adı olarak kullanıldığını tespit etmiştir. Çingizoğulları zamanında ise hanedan mensupları arasında da bu kelimenin şahıs adı olarak kullanıldığını yazmaktadır (Sümer, 1999:425). Bundan da anlaşılmaktadır ki, Kıpçak adını taşıyan şahıslar, çeşitli boylardan olabilir. Diğer şahıs-kavim adı ortaklıklarında görüldüğü gibi şahıs ismi, kişinin kökenini belirtmek zorunda değildir.

Yüen Tarihi'nde Çin'deki Moğol devletinde görev yapan ve Kıpçak adını taşıyan kişilere rastlanmaktadır. Buna göre Kubilay Han'ın güney Çin'deki Song hanedanını ele geçirme savaşları sırasında ve sonrasında 1259-1266 arasında Güney Seferi Başkomutanı olarak Kıpçak adlı bir kumandan bahsedilmektedir (YT, 1370:3777-78, 3792-93, 3873). 1274-1278 yılları arasında bu sefer Asayiş Komiseri unvanıyla görülen Kıpçak, muhtemelen aynı kişidir (YT, 1370:153, 207, 2539). 1293 yılında Liao-yang'daki komutanlar arasında yine Kıpçak isimli biri görülmektedir (YT, 1370:371).

1307'de Kıpçak adlı bir kişinin Yardımcı Yöneticilik gibi bürokraside önemli bir mevkide bulunduğu görülür (YT, 1370:2812). 1319 yılından itibaren ise yine Kıpçak adlı bir kişinin aynı makama yükseldiği ama kısa bir süre sonra daha düşük bir makam olan İlim Eserleri Akademisyenliğine atandığı kaydedilir (YT,

1370:591, 602). Yine 1322'de Kıpçak adlı bir kişi Yang-zı Nehri güneyindeki bölgelere yönelik Baş Denetçilik görevinden Siyasî İşler Muavinliğine yükseltilir. Bu kişinin Siyasî İşler Muavinliği makamında 1324'e kadar kaldığı kayıtlardan anlaşılmaktadır (YT, 1370:620, 2825-2826). 1307'den itibaren çeşitli makamlarda bulunan Kıpçak ismini taşıyan bir memurla ilgili bu kayıtların tek bir kişiyi göstermesi muhtemeldir. Her ne kadar kaynakta verilen bölük pörçük bilgilerde bulunduğu makamlar, bazen çelişki yaratsa da geleneksel Çin idare sisteminde bir kişi birden çok makama ve uzun unvanlara sahip olabiliyordu. Moğolların da Çin'deki idarî sistemlerinde bazı geleneksel Çin metotlarını adapte ettikleri malumdur.

Kıpçak adlı bu kişinin yönetime karşı bir itaatsizlik göstermiş olduğu anlaşılmaktadır. Çünkü kaynakta 1328'de komutanlar arası bir çarpışmadan kısaca bahsedilmektedir. Bu çarpışmanın ne sebeple çıktığı hakkında kaynağımız bir bilgi vermiyor. Ancak bu kısa kayıta çarpışma sırasında Kıpçak'ın öldürüldüğü yazılıyor. Nitekim bir yıl sonraki bir kayıta da evinin müsadere edildiğinden ve bu yüzden oğlunun zor duruma düştüğünden bahsediliyor (YT, 1370:706, 728).

Bütün bu kayıtlardan, biri Kubilay Han'ın Çin'deki hâkimiyetini sağlamlaştırması ve Song'a karşı savaşları sırasında yararlıklar göstermiş olan, diğeri de 14. yüzyılın ilk çeyreğinde önemli görevlerde yer almış, ancak sonra itaatsizliğinden ötürü öldürülmüş olan Kıpçak isimli iki ayrı kişinin mevcudiyetinin mümkün olduğuna hükmedilebilir.

Kıpçaktay

İçinde Kıpçak tabiri geçmesi sebebiyle burada Kıpçaktay isminden de bahsetmek uygun olacaktır. Kıpçaktay adını taşıyan bir kişi, 1320-1349 yılları arasında devlette çeşitli görevlerde bulunmuştur (YT, 1370:604, 626, 737, 749, 885). Kıpçaktay da bir önceki örnekte olduğu gibi eş zamanlı olarak birden çok makamı elinde tutmuştur (YT, 1370:742, 745). Bulduğu makamlardan en önemlisi 1328-1333 yılları arasındaki Siyasî İşler Muavinliğidir (YT, 1370:2829-2841). 1349 yılında bu makama bir kere daha getirilmiştir (YT, 1370:2850).

14. yüzyılın ilk yarısında devlette görev alan Kıpçaktay'ın kim olduğu Barçuk Art Tigin ve soyunun biyografisinden anlaşılmaktadır (YT, 1370:3000-3002). Bilindiği üzere Çingiz hâkimiyetini kendi isteğiyle erken bir zamanda kabul eden Uygur Idukkutu Barçuk Art Tigin ve onun soyundan gelenler, Çingiz devletinde önemli bir rol oynamışlardı. Barçuk Art Tigin neslinden gelenlerin Çin'deki Moğol hâkimiyetinde de görev aldıkları görülüyor. Barçuk Art Tigin ve nesli biyografisinin büyük bir kısmını Ögel neşretmiştir (Ögel, 2002:10-25). Biyografiye göre Kıpçaktay, Barçuk Art Tigin neslinden gelmektedir. Nitekim Ögel de biyografiye dayanarak düzenlediği şecerde Kıpçaktay'ı Barçuk Art Tigin'in beşinci göbekten torunu olarak göstermektedir (Ögel, 2002:28). Kendisi hakkında müstakil bir biyografi yazılmamış olan Kıpçaktay'ın kimliği hakkında bu şekilde bilgi sahibi olunabilmektedir.

Sonuç olarak, tarih sahnesinde adları görüldüğü andan itibaren Kıpçaklar, sadece Türk tarihinde değil, bütün Asya tarihinde önemli bir rol oynamıştır. Kıpçakların esas sahaları olan Asya bozkırlarındaki ehemmiyeti malumdur. Çeşitli sahalardaki araştırmalar sonucu Kıpçakların Batı Asya ve Güney Asya'da da

önemli siyasî ve askerî olaylara sebep oldukları birçok araştırmacı tarafından ortaya konmuştur. Bu çalışma ise Çingizoğullarının Çin hâkimiyeti döneminde Kıpçakların Doğu Asya'da da faaliyet göstermiş olduklarını *Yüen Tarihi*'ne dayanarak ortaya koymaktadır. Belki de bu faaliyetlerden en önemlisi, Kıpçak Muhafızlığı adı altında İmparatorun yakın koruma kuvveti olarak gösterdikleri etkinliktir. Ayrıca Kıpçak boyuna mensup bir çok yetenekli insanın da yönetimde yükseldiği ve devlet işlerinde söz sahibi olduğu görülmektedir.

KAYNAKÇA

- Bretschneider, E., (1888), *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, 2 Cilt, Londra: Trübner & Co.
- Buharalı, Eşref, (1995), "İrtiş Nehri", **Türk Kültürü**, XXXIII, 392: 737-747.
- Cleaves, Francis-Woodman, (1956), "The Biography of Bayan of the Barin in The Yuan Shih", **HJAS**, XIX, 3-4 (Aralık): 185-303.
- Ercilasun, Ahmet B., (2010), *Türk Dili Tarihi*, Ankara: Akçağ.
- Gaubil, Antony, (1739), *Histoire de Gentchiscan et Toute la Dynastie des Mongols, tiree de l'histoire chinoise*, Paris.
- Hsiao Ch'i-Ch'ing, (1978), *The Military Establishment of the Yuan Dynasty*, Cambridge, Mass.: Harvard University.
- Hucker, Charles O., (1995), *A Dictionary of Official Titles in Imperial China*, Taipei: SMC Publishing.
- Kurat, Akdes Nimet, (1972), *IV-XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri*, Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları.
- Orsoy, Sema, (2002), "Çin'in Resmi Hanedanlık Kayıtlarında Türk Kavimlerine ait Monografiler", **Türkler**, 1. Cilt, 555-572.
- Ögel, Bahaeddin, (2002), *Sino-Turcica: Çingiz Han'ın Türk Müşavirleri*, İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık.
- Ratchnevsky, Paul, (1937-85), *Un Code des Yuan 1-4*, Paris.
- Remusat, A., (1829), *Nouveaux Melagnes Asiatiques*, Paris.
- Schurmann, Herbert Franz, (1956), *Economic Structure of the Yuan Dynasty: Translation of Chapters 93 and 94 of the Yuan Shih*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Sümer, Faruk, (1999), *Türk Devletleri Tarihinde Şahıs Adları I - II*, İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı.
- Şeşen, Ramazan, (1998), *İslâm Coğrafyacılarına göre Türkler ve Türk Ülkeleri*, Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları.
- T'ang Ch'i, (1970), *Moğol Sülâlesi Devrinde Türk ve İslâm Dünyası ile Teması Bulunan Şahsiyetler*, İstanbul: İstanbul Üniversitesi Umumî Türk Tarihi Kürsüsü Doktora Tezi.
- Togan, İsenbike, (2008), *7. ve 8. Yüzyıllarda Çin ve Türk Resmi Tarih Anlayışına Farklı Yaklaşımlar*, Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi.
- Togan, Zeki Velidi, (1981), *Bugünkü Türkili Türkistan ve Yakın Tarihi*, İstanbul: Enderun.
- Yüen Tarihi*, (1370), Pekin: Zhong-hua Shu-ju baskısı.

EK – ÇİNCE KELİMELEK TABLOSU

TYRKZE OKUNUC	WADE-GILES	PINYIN
<i>Yben IOə (Yben Tarihi)</i>	<i>Yban Shih</i>	<i>Yuan Shi</i>
Song Lien	Sung Lien	Song Lian
Wang Yi	Wang I	Wang Yi
3in-3a (Kəp3ak)	Ch'in-ch'a	Qin-cha
Han-guo	Han-kuo	Han-guo
Ba-3ə-man (Bazman)	Pa-ch'e-man	Ba-che-man
Guan-ding-ci-sə (Hazar Denizi)	Kuan-ting-chi-ssu	Guan-ding-ji-si
Tay-hə Tepesi (Kafkaslar)	T'ai-ho	Tai-he
Wu-ping	Wu-p'ing	Wu-ping
Cə-lien (Cilagun) Nehri	Chih-lien	Zhi-lian
An-da-han Dapə	An-ta-han	An-da-han
3b-3u (Kı3b)	Ch'b-ch'u	Qu-chu
b-li-bay-li Dapə	Yb-li-pai-li	Yu-li-bai-li
Tu-tu-ha (Tutkak)	T'u-t'u-ha	Tu-tu-ha
Hey-ma-ru	Hei-ma-ju	Hei-ma-ru
Da-na-ıə-li	Ta-na-shih-li	Da-na-shi-li
Bay Ciang	Pai Hsiang	Bai Xiang
Ku-3ə Batur	K'u-ch'e	Ku-che
Guo Gou-gou	Kuo Kou-kou	Guo Gou-gou
Ye-eien Hu-du	Yeh-hsien Hu-tu	Ye-xian Hu-du
Da-ning	Ta-ning	Da-ning
Ybn-cong	Ybn-chung	Yun-zhong
Song hanedanə	Sung	Song
Yang-zə Nehri	Yang-tse	Yang-ze

КЫПЧАКИ В ПАФЛАГОНИИ

Коробейников Д.А.

*Центр истории Византии и
восточно-христианской
цивилизации,*

*Институт Всеобщей истории РАН,
Москва, Российская Федерация;
Research Center for Anatolian
Civilizations, Koç University,
Istanbul, Turkey*

Тюркское население Малой Азии состояло из двух больших групп: огузов, которые составляли большинство, и кыпчаков. Если огузский «пласт» в Малой Азии довольно легко «прочитывается» [1], то кыпчакский «след» едва обозначен. Причиной этого является не только малочисленность кыпчаков в Малой Азии, но и общая неразработанность проблемы: как ни странно, именно лингвисты, а не историки, первыми обратили внимание на наличие кыпчакских черт в современных диалектах Турции [2, р. 188; 3, р. 179; 4, р. 238; 5, с. 410-411; 6, с. 170-171].

Кыпчаки могли появиться в Малой Азии уже в XI в., во время великих Сельджукских завоеваний, когда волна огузов, перемещавшихся на запад, могла увлечь за собой и «осколки» кыпчакских племен, тем более что конфедерация огузов Средней Азии включала в себя и какую-то часть кыпчаков [7, с. 89]. Среди современных турецких диалектов Малой Азии именно диалекты бывшей византийской провинции Пафлагония, на черноморском побережье Турции напротив Крыма, демонстрируют кыпчакское влияние. Это, прежде всего, диалект Баргына (визант. Парфения [8, р. 258-259]) возле Амасы (визант. Амастрида) [9, р. 129-133; 10, р. 162-164, 170-174, 177-178; 11, р. 206; 12, р. 258] и, в меньшей степени, диалект Кастамону [13, с. 550-554].

В нашем распоряжении есть два источника, касающиеся кастамонийского диалекта. Один из них – запись разговорного языка Кастамону, произведенная в XX веке [14, с. 81], другой – комментарий к Корану, составленный во время правления «Абу'л-Фатха Исфендияра», т.е. Мубаризеддина Исфендияра (1391-1440), сына Баязида Кётюрюма (1361-1385) из династии Джандаров, правителей Синопа и Кастамону с начала XIII в. до 1461 г. [15, р. 180-181]. Этот источник удобен тем, что арабская графика в нем дана с огласовками.

Современный кастамонийский диалект отличается следующими чертами [14, с. 81, текст № 42]:

1) озвончение k- → g-: *garşısında* вместо *karşısında* («напротив»), *galbur* вместо *kalbur* («решето»);

2) переход -ğ- → -v-: *bovurmak* вместо *bağırnak* («кричать»), *çuvurmak* вместо *çağırnak* («звать»);

3) переход -ñ → -у (в аффиксе): padişahiy (род. падеж) вместо padişahin («падишаха»), парасасу вместо не уарасаксан («что хочешь сделать») [6, с. 20].

4) в области грамматики - употребление формы на -а (-la), выступающей эквивалентом формы настоящего времени на -jog литературного турецкого языка: geliya вместо geliyor, çivuyala вместо çağınyorlar [14, с. 81].

Эта форма -а (-la), по всей видимости, родственна туркменской форме настоящего времени. Последняя, в отличие от турецкой формы на -jog, закрепила в качестве литературной нормы широкий гласный: туркм. gelyar вместо тур. geliyor [6, с. 158]⁵². Что касается озвончения к- → г-, то это общая огузская черта, характерная для большинства диалектов турецкого языка Анатолии [6, с. 25]. Переходы -ñ → -у и -ğ- → -v-, скорее всего, следует признать обусловленными кыпчакским влиянием [2, р. 188; 3, р. 179; 16, р. 341]. Однако я не склонен объяснять это явление связями Пафлагонии с Крымом; вероятно, переходы -ñ → -у и -ğ- → -v- суть рудименты общего огузкыпчакского языкового «пласта», когда огузы и кыпчаки еще не разделились на две самостоятельные ветви (X в.). Возможно также, что какая-то группа кыпчаков откочевала вместе с племенами тюрк-огузов в Анатолию, в силу чего в диалекте удержались кыпчакские черты.

Зейнеп Коркмаз полагает, что среди поселившихся в Анатолии тюркских племен именно огузские племена кайы, кынык, авшар, салур, чепни, байындыр, баят, алаюндлу и эймир сыграли основную роль в становлении анатолийских диалектов [2, р. 191; 3, р. 182]. Из этих племен кайы, баят, алаюндлу и чепни селились в Западном Понте и Пафлагонии [2, р. 190-198; 3, р. 182-187; 10, р. 175-178]. Однако необходимо допустить, что реальная картина заселения тюрками этого региона была значительно сложнее. Коркмаз, к сожалению, не рассматривает детально интересующую меня историю четырех племен, ее исследование касается только племенных объединений кынык, авшар и салур. Но анализ расселения племени салур показывает, что оно оставило следы своего местопребывания по всей Анатолии, включая такие области и города, как Кочхисар, Конья, Нигде, а также Кастамону (возле Кюре, к югу от Инеболу), Чанкыры, Синоп, Болу [2, р. 195-197; 3, р. 185-186; 16, р. 349-350]. Это перечисление племенных групп⁵³, на мой взгляд, подтверждает информацию византийского историка XIV в. Никифора Григоры, что основным центром тюркской экспансии на оставшиеся византийские владения в Анатолии служила, наряду с Памфилией, Пафлагония [17, vol. I, р. 137-138; 18, р. 17-18; 19, р. 115-117]. Сведения о большом количестве тюрк в Пафлагонии подтверждают Ибн Са'ид (XIII в.) и Абу'л-Фида (XIV в.) [20, р. 185-186; 21, р. 393].

Для греческого населения Пафлагонии, кстати, это имело фатальные последствия. По данным XIX века, в вилайете Кастамону на 992679

⁵² Пользуясь случаем, приношу свою благодарность Эльвире Александровне Груниной за очень интересную и полезную консультацию по этому вопросу.

⁵³ В самом деле, из десяти оставших наибольший след во всей Малой Азии племен, на территории Пафлагонии и Западного Понта упоминаются пять.

мусульман приходилось всего 21507 христиан, преимущественно греков (в это число не включены армяне). Для сравнения: в Никомидии (Измид), некогда завоеванной османами, в это же время проживало 129715 мусульман и 40795 православных христиан [22, р. 447]. Можно предполагать, что бóльший процент христиан в Измиде обусловлен процессами, которые происходили в Османской империи уже после завоевания Константинополя: могли быть переселения греческого населения с балканской части державы в Анатолию, тороговые контакты и т.п. Однако, на мой взгляд, заслуживает внимания следующее обстоятельство. Ричард Докинс, исследовавший диалекты греческого языка в Анатолии, отметил, что в Вифинии, возле Брусы и Никомидии, сохранилось несколько греческих деревень, население которых говорит на греческом языке, имеющем анатолийское, а не балканское происхождение (в частности, их говор близок к каппадокийскому диалекту; это деревни Ираклион (Гюрекле), Демирташ (возле Брусы), Абулионд, Башкёй) [23, р. 37; 24, с. 215-216]. В Кастамону и даже Синопе греческий диалект не сложился – иными словами, его современное греческое население почти целиком обосновалось здесь позже, в эпоху Османской империи. Это тем более поразительно, что к востоку находился (до начала XX века) обширный ареал грекоязычного населения Понта с особым диалектом.

Что касается комментария к Корану, составленного, по всей видимости, в начале XV века, то он производит противоречивое впечатление. Его простой язык, а также употребление сокращений (n'-oldı вместо ne oldı, نولدی [15, р. 180]) показывают, что, вероятно, в какой-то степени здесь получили отражение элементы разговорного языка. Но в области грамматики употребляется ряд форм, которые уже в XV веке были анахронизмами:

1) будущее время на -IsAr: alisar – «он (обязательно) возьмет», gideser (گدسر) – «он (обязательно) придет» [15, р. 181]. Эта форма для данной эпохи (XV-XVI вв.) сохранилась в качестве обозначения только в маргинальных областях, например, в языке армяно-кыпчакских документов XVI века. Ее достаточно часто употребляли и в документах Золотой Орды [6, с. 170-171].

2) причастие на -AsI: gelesi zamanda (گلسی زمانده) – «в то время, которое придет; в будущем» [15, р. 182]. Эта форма для западно-огузского ареала редка, сохранилась в туркменском и азербайджанском [6, с. 134-135].

3) в качестве формы аориста I лица ед. числа употребляется форма на -Am: ederem (ادرم) – «я буду»; varıgam (واررم) – «я пойду» [15, р. 181]. Эта форма отражает влияние Восточной Анатолии и сохранилась в азербайджанском [6, с. 165].

В остальном язык этого памятника не выходит за рамки традиционного литературного языка той эпохи (с восточно-анатолийскими нормами).

В целом предварительное изучение кастамонийского диалекта показывает, что в нем проявляется туркменское влияние. Существуют и кыпчакские формы, как в современном диалекте, так и в памятнике XV века (форма на -IsAr). Однако их можно было бы объяснить не связями с Крымом, а сохранением рудиментов языка общего огузо-кыпчакского ареала, тем более что они не носят определяющего характера. При этом, однако, остается

открытым вопрос, почему кыпчакские черты смогли сохраниться на столь большом временном промежутке. Поэтому неизбежно обращение к историческому материалу.

Кастамону стал сельджукской территорией ок. 1143 г. [19, р. 90-94]. В то же время известно, что в начале XIV в. Амастрида находилась под византийской властью: до 1307 г. византийцы еще не потеряли свои малоазийские владения. Более того, византийские порты Западной Пафлагонии продержались необыкновенно долго: Ираклия Понтийская (совр. Бендерели) пала под натиском тюрок (не османов!) только 4 июля 1360 г. [8, р. 211; 25, р. 143, § 66]. Предполагают, что Амастрида перестала быть византийской в это же время [8, р. 163], но она не стала вполне и тюркской: довольно скоро, между 1374 и 1378 гг. генуэзцы, по данным Массарии Каффы (1381 г.), основали свою факторию в Амастриде (которую они прозвали Самастро). По-видимому, генуэзская колония, означавшая на деле власть над всем городом, была основана еще раньше, до 1363 г.: одна генуэзская надпись из Амасры несет на себе следы герба дожа Симоне Бокканегра (1339-1344; 1356-1363) [26, vol. i, р. 130]⁵⁴. Это, скорее всего, означает, что сам город, находившийся де-юре под властью местного тюркского эмира [28, с. 109]⁵⁵, де-факто был генуэзским с 1360 по 1459 гг.

Следы кыпчакского влияния, исторически предполагающие наличие соответствующего населения, фиксируются, таким образом, по обе стороны границы – как на византийской стороне, в Бартыне, так и на сельджукской, в Кастамону, причем различия между «византийской» и «сельджукской» областями не могли сразу исчезнуть после того, как и Византия, так и Румский султанат сошли со сцены в Малой Азии в начале XIV в. При этом диалекты Бартына и Кастамону, несмотря на сходные черты, не идентичны: согласно Коркмаз, туркменский «след» в диалекте Бартына – поздний, и обусловлен миграцией носителей диалекта с четко выраженными туркменскими чертами из Кастамону. Таким образом, кыпчакские черты диалекта Бартына относятся к более раннему времени [10, р. 177]. Исторический материал полностью подтверждает ее точку зрения.

Осенью 1459 г. армия и флот султана Мехмеда II Фатиха (1444-1446; 1451-1481) принудили к капитуляции генуэзскую Амастриду [32, р. 177-179; 33, vol. ii, р. 738-741; 34, р. 44-45]⁵⁶. Большая часть горожан была переселена

⁵⁴ Ср. [27, с. 71-72], где предпочтение отдано более поздней дате (1378 г.) основания генуэзской колонии в Амастриде.

⁵⁵ Известия византийских источников – «Истории» Халкокондила и хроники Псевдо-Сфрандзи, компиляции XVI в., приписываемой Макарию Мелиссину, – об Амастриде в Колхиде, т.е. расположенной много восточнее на Понте, вряд ли относятся к Амастриде в Западной Пафлагонии. Эта колхидская Амастрида была взята султаном Баязидом I Йылдырымом (Молниеносным) (1389-1402) около 1400 г.; он же и покорил тюрок племени чепни неподалеку. Известно, что чепни обитали на Понте, а не в Пафлагонии [29, vol. ii, р. 59; 30, р. 220-222; 13, с. 562, 565-566, 572-578; 31, с. 152-168].

⁵⁶ Все османские источники указывают в качестве даты падения Амастриды или 863 г.Х. (8 ноября 1458 – 27 октября 1459), или 864 г.Х. (28 октября 1458 – 16 октября 1460). Верная дата – сентябрь 1459 г. – находится в [35, р. 77, § 59; 27, с. 76; 36, с. 431]. Другие

в Стамбул (пополнив, таким образом, христианское население столицы), а в Амастриде/Амасре было размещено тюркское население из глубин Пафлагонии, в частности, из Эфлугана/Эфляни [29, vol. ii, p. 217-218; 33, vol. ii, p. 740-741; 38, p. 146-147; 39, p. 131; 40, p. 103]. Это означало испомещение кочевого населения горной части Пафлагонии, где, как мы видели, был силен туркменский элемент, на черноморском побережье Турции. Вряд ли эти «туркмены» появились в Амасре и Бартыне до 1459 г. Во-первых, в этом случае многочисленные генуэзские документы как-то отразили бы приход нового населения; и, во-вторых, по данным латинской рукописи начала XV в. из Мюнхена, озаглавленной «Нынешние земли греков и их мирские и духовные владения» («Terre hodierna Grecorum et dominia secularia et spiritualia ipsorum»), горожане Амастриды говорили по-гречески и «по-татарски, как в Каффе», причем для письма на «татарском» использовался греческий алфавит: «Tamen locuntur grecum et thartarescum, sicut in Capra, litteras grecas habentes» [41, p. 34; 27, с. 71]. Исторически термин «татары» означал применительно к данной эпохе именно потомков кыпчаков: *Codex Cumanicus*, главный источник по половецкому языку, в первой своей части, созданной ок. 1294 г., и записанной до 11 июня 1303 г., определяет язык как *comanicum* от *chomanico*, а во второй, более поздней части кодекса тот же язык назывался уже «*tatar tib*» [42, fol. 1 (1.5), 35v (1.2), 61v (1.25), 81v (1.32); 43, p. 1, 77, 160, 229 (p. 1, 69, 122, 162); 44, с. 14-18]. Отсылка к Каффе не была случайной: ее мусульманское население в конце XIV в., и до османского завоевания 6 июня 1475 г., было по преимуществу татарским [45]. Недалеко от Каффы находился Судак (Сугдея, Сурож, Солдайя), чье православное татарское население оставило нам свои имена, записанные греческими буквами, в Сурожском Синаксаре [46, p. 266-271].

Все эти данные позволяют предположить поселение какой-то группы кыпчаков в византийской части Пафлагонии в XIII-XIV вв. Физические черты Пафлагонии с ее труднопроходимыми горами вряд ли позволяют считать, что эти кыпчаки пришли с востока. Логичнее предположить, что их расселили (и смогли обучить греческой письменности!⁵⁷) сами византийцы в правление Иоанна III Ватаца (1221-1254), когда в 1237 г. многотысячная половецкая орда, спасаясь от монголов (которые к тому времени захватили Волжскую Булгарию⁵⁸) пересекла Дунай, вторглась во Фракию и опустошила земли вдоль р. Гебр (Марица) [50, vol. i, p. 53-54; 51, с. 72; 52, p. 199-200; 53, p. 63-64, 67]. Иоанн III смог привлечь их на свою сторону. Он расселил их частью во Фракии и Македонии, и частью в Малой Азии, во Фригии и на землях вдоль р. Меандр (Буйюк Мендерес) ок. 1242 г. [17, vol. i, p. 36-37; 54,

греческие хроники дают разброс в датах от осени 1460 г. до лета 1461 г. [37, vol. i, p. 476 (16), 536 (46), 581 (12)].

⁵⁷ Это дополнительный аргумент в пользу того, что кыпчаки Амастриды пришли с запада или переправились морем из Северного Причерноморья. Если бы они пришли из земель Ислама, будучи мусульманами и уже владея арабской письменностью, вряд ли бы им потребовались «греческие письмена».

⁵⁸ Монголы завоевали Волжскую Булгарию до конца 634 г.Х., т.е. до 23 августа 1237 г. [47, vol. i, p. 668; 48, vol. ii, p. 326-327; 49, vol. ii, с. 37-38].

р. 949-954]. Мое исследование показывает, что половцы поселились и в других частях Никейской империи, в частности, в окрестностях Смирны, в феме Фракисий [55]. Поэтому, на мой взгляд, допустимо предположение, что кыпчаки были поселены (или поселились сами) и в византийской части Пафлагонии, тем более что источники молчат о других миграциях куманов через Балканы в Западную Малую Азию. 1242 год остается единственной датой *массового* расселения кыпчаков в византийских владениях в Малой Азии.

Что касается кыпчаков Кастамону, то здесь проблема состоит в том, что наиболее вероятный вариант – приход и поселение кыпчаков из Средней Азии – не подтверждается источниками. Известно, что после смерти последнего Хорезмшаха Джалал ад-Дина Манбурны (1220-1231) командующие остатками его армии под руководством Хусам ад-Дина Кыр-хана перешли на службу к сельджукскому султану Рума Ала ад-Дину Кай-Кубаду I (1219-1237). Они получили пожалования в виде *икта*: Кыр-хану достался Эрзинджан, его заместителю Баракат-хану – Амася, другие командующие, Кушлу (Кючлю) Сенгум и Йылан Нугу были назначены в Ларанду и Нигде соответственно [56, р. 190-192; 57, р. 183-184; 58, р. 433-436]. Все эти области находятся довольно далеко от Кастамону. Хотя преемник Кай-Кубада I султан Гийас ад-Дин Кай-Хосров II (1237-1245) изгнал хорезмийцев из пределов султаната в Сирию (где их в 1246 г. окончательно разбили Айюбиды) [56, р. 209-211; 57, р. 201-202], он вскоре раскаялся в своей ошибке и пригласил их обратно [56, р. 220-221; 57, р. 211-212]. Часть из них все-таки вернулась, и мы встречаем в 1249 г. в составе войск Румского султана хорезмийских, курдских и кыпчакских гвардейцев и наемников (*mafārida wa ijrā'-i kh^wār*), «которые ранее вернулись из Сирии» (...*Qifjāq ki az ʔaraf-i Shām rūy ba-dīn tamālik nihāda būdand*) [56, р. 264; 58, р. 584]. Но где были расслены вернувшиеся кыпчаки – неизвестно.

Единственный источник, который упоминает кыпчаков в Пафлагонии – османский перевод исторического сочинения Ибн Биби, главного источника по истории сельджуков Рума, который в правление султана Мурада II (1421-1451) осуществил Языджыоглу (или Языджызаде) Али. Перевод содержит множество дополнительных подробностей. В частности, повествуя об известном военачальнике султана Ала ад-Дина Кай-Кубада I эмире Хусам ад-Дине Чобан-бее, который в 1221-1222, 1225 или 1227 г. [59] совершил свой знаменитый поход в Крым и подчинил сельджукской власти Судак, Языджыоглу Али добавляет: «Потом (был) бейлербей правого крыла⁵⁹ Хусамеддин Чобан,- да смилуется над ним Господь! - который (происходил) из рода кайы. И не родилось бея более великого и богатого войском, чем он. И он был из древних родов и беев султанского двора. И вместе с щедростью и храбростью и с совершенной мудростью и мужеством он был из беев особенных и выдающихся. И в городах и странах мира, подобно солнцу, он был причиной всякого спокойствия, подобно Марсу,- всякого величия и,

⁵⁹ Имеется в виду традиционное для огузских племен разделение на правое и левое крыло. Племена правого крыла занимали север, левого - юг.

благодаря справедливости, от него проистекала милость. И со всех четырех сторон населенного мира к порогу его (дворца) каждый год с надеждой на подарки и благодеяния приходили ученые и поэты, люди искусства, герои (*alp*), богатыри (*bahādurlar*) и доблестные воины (*yigitler*). И его щедроты и поощрения достигали знатного и незнатного. И собрав сильных воинов из родов кайы и баят и взяв кыпчакских рабов, он велел (их) обучать⁶⁰ искусству войны. И умоляя Всевышнего Бога⁶¹ об одобрении, он послал их на священную войну. И сам он постоянно вел газават в пограничной стороне. И все, что было из дар ал-харба⁶², он посылал (в земли Ислама). Ежегодно он посылал в Мекку, Медину, и Иерусалим милостыню потомкам Али (*sādāt*)⁶³, суфиям (*mutaṣawwifa*) и мюджавирам (*mujāwir*)⁶⁴. И его потомки вплоть до близкого времени, владея бейликом Кастамону и следуя этим великим путем, положенного отцами, оказывали милость» [63, р. 320-321 ; 64, р. 443-444]. Это трафаретное описание Хусам ал-Дина Чобана, которому приписаны все традиционные добродетели мусульманского правителя, заслуживает самого пристального внимания. Оно не только связывает племенную генеалогию одного из лучших сельджукских военачальников с ранними османами (через огузское племя кайы, к которому османы возводили свое происхождение), но и, что гораздо более правдоподобнее, отмечает смесь огузского, т.е. кочевого «туркменского» (племени кайы и баят) и кыпчакского населения в Кастамону. Для Языджыоглу Али было несомненным именно крымское происхождение этих кыпчаков. «Литературный» характер свидетельств Языджыоглу Али очевиден, но те элементы реальности, которые содержатся в его повествовании, подтверждают лингвистические наблюдения Коркмаз.

Исследование истории кыпчаков в Малой Азии еще ждет своего исследователя, но даже этот небольшой материал показывает, насколько неожиданными были пути их проникновения в Малую Азию и насколько сложным был этногенез турок.

Список литературы

1. Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler): tarihleri, boy teşkilatı, destanları. İstanbul, 1992
2. Korkmaz Z. Die Frage des Verhältnisses der anatolischen Mundarten zu ihrer ethnischen Struktur // Eadem. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. T. I-II. Ankara, 1995. T. II. S. 188-198
3. Korkmaz Z. Anadolu Ağızlarının Etnik Yapı ile İlişkisi Sorunu // Eadem. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. T. II. S. 179-187

⁶⁰ В тексте: t'alim etirirdi - понудительный залог.

⁶¹ Досл.: «Господина Господ».

⁶² [60, с. 56]: «Дар ал-Харб ("территория войны") - немусульманские страны за пределами дар ас-сулх ("территория мирного договора"), которые рассматривались... как находящиеся в состоянии войны с мусульманами, а отсутствие военных действий считалось перемирием».

⁶³ *Sādāt* означал потомков четвертого праведного Халифа Али (656-661) от его прочих жен, исключая Фатиму, дочь Пророка Мухаммада [61, р. 1026].

⁶⁴ «Те, кто живет в келье при мечети или гробнице пророка, проводя жизнь в молитве»: [62, s.v. *mujāwir*; 61, р. 1745].

4. Brendemoen B. Greek and Turkish language encounters in Anatolia // Language Encounters Across Time and Space / Eds. B. Brendemoen, E. Lanza, E. Ryen. Oslo, 1999. P. 353-378
5. Грунина Э.А. [Параграф 2.7.0] Диалекты / Кононов А.Н. Турецкий язык // Языки мира. Тюркские языки / Под ред. В.Н. Ярцевой, В.М. Солнцева, Н.И. Толстого. М., 1997. С. 410-411
6. Грунина Э.А. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991
7. Грунина Э.А. Огузский язык // Языки мира. Тюркские языки / Под ред. В.Н. Ярцевой, В.М. Солнцева, Н.И. Толстого. М., 1997. С. 81-89
8. Belke K. Paphlagonien und Honorias [Tabula Imperii Byzantini, 9]. Wien, 1996
9. Korkmaz Z. Bartın ve Yöresi Ağızları Üzerine // Eadem. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. T. II. S. 128-149
10. Korkmaz Z. Bartın ve Yöresi Ağızlarındaki Lehçe Tabakalaşması // Eadem. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. T. II. S. 162-178
11. Korkmaz Z. Anadolu Ağızları Üzerindeki Araştırmaların Bu Günkü Durumu ve Karşılaştığı Sorunlar // Eadem. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. T. II. S. 199-248
12. Korkmaz Z. Anatolian dialects // Eadem. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. T. II. S. 249-273
13. Коробейников Д.А. Северная Анатолия в XI-XV вв.: наследие Византии в эпоху тюркских завоеваний. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М. 1997.
14. Векилов А.П. Турецкая диалектология. Л. 1973. Том I.
15. Huart C. Un commentaire du Qorân en dialecte turc de Qastamoûni (XVème siècle) // Journal Asiatique. 1921. T. 18. XIe série. P. 161-216
16. Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin. 1974. N 5.
17. Nicephorus Gregoras. Historia Byzantina / Ed. L. Schopen and I. Bekker. Vol. I-III. Bonn, 1829-1855
18. Wittek P. Das Fürstentum Mentesehe. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13.-15. Jahrhundert. Istanbul, 1934
19. Korobeinikov D.A. The Revolt in Kastamonu, c. 1291-1293 // Byzantinische Forschungen. 2004. Band XXVIII. S. 87-117.
20. Abū al-Ḥasan ibn Mūsā ibn Saʿīd al-Maghribī. Kitāb al-Jughrāfiyā. Beirut, 1970
21. Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié... par M. Reinaud. Paris. 1840.
22. Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, Los Angeles, London, 1971
23. Dawkins R. Modern Greek in Asia Minor. Cambridge. 1916
24. Korobeinikov D.A. How 'Byzantine' were the early Ottomans? Bithynia in ca. 1290-1450 // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910-1973) / Изд. И.В. Зайцев и С.Ф. Орешкова. М., 2010. С. 215-239

- 25.Lampros S.P. Ἐνθυμήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογὴ πρώτη // Νέος Ἑλληνομνήμων. 1910. Т. 7. P. 113-313
- 26.Balard M. La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Vol. I-II. Rome, Genoa, 1978
- 27.Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М., 1990
- 28.Клавихо Рюи Гонсалес (Clavijo Ruy Gonzales). Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403-1406 гг. (Itinéraire de l'Ambassade Espagnole à Samarkande en 1403-1406) / Изд. И.И. Срезневский [Сборник Отделения русского языка и словесности РАН, Т. 28]. СПб., 1881
- 29.Laonicus Chalcocondylas. Historiarum demonstrationes / Ed. E. Darcó. Vol. I-II. Budapest, 1922-1927
- 30.Georgios Sphrantzes. Memorii 1401-1477. În anexă Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos, Cronica 1258-1481 / Ed. V. Grecu. Bucharest, 1966
- 31.Коробейников Д.А. Восточные источники Лаоника Халкокондила. Эпизод 1: Походы Баязида I Йылдырыма в Малой Азии // Византийские Очерки. М., 1996. С. 152-168.
- 32.Ibn Kemal. Tevârih-i âl-i Osman: VII Defter (Tenkidli transkripsiyon) / Ed. Ş. Turan. Ankara, 1957
- 33.Neşri Mehmed. Kitâb-ı Cihân-nümâ (Neşri Tarihi) / Ed. F.R. Unat, M.A. Köymen. Vol. I-II. Ankara, 1987
- 34.Tursun Beg. The History of Mehmed the Conqueror / Ed. H. İnalçık, R. Murphey. Minneapolis, Chicago, 1978
- 35.Mioni E. Una inedita cronaca byzantina (dal. Marc. gr. 595) // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. 1981. Т. 1. P. 71-87
- 36.Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007
- 37.Die byzantinischen Kleinchroniken / Ed. P. Schreiner. Vol. I-III. Wien, 1975-1979
- 38.Die altosmanische Chronik des 'Āšīḳpāšāzāde / Ed. F. Giese. Leipzig, 1928, reprint: Osnabrück, 1972
- 39.Critobuli Imbriotae Historiae / Ed. D.R. Reinsch. B., N.Y., 1983
- 40.Zoras G.T. Χρονικὸν περὶ τῶν Τούρκων σουλτάνων κατὰ τὸν Βαρβερῖνον ἑλληνικὸν κώδικα 111. Athens, 1957
- 41.Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XV-e siècle. IV-ème série (1453-1476). Bucarest, 1915
- 42.Codex Cumanicus, MS Marc. lat. 549, Fondo antico, Coll. 1597
- 43.Codex Cumanicus / Ed. G. Kuun, with the prolegomena to the Codex Cumanicus by L. Ligeti. Budapest, 1981
- 44.Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата, 1987
- 45.Пономарев Л.А. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги - массарии казначейства за 1381-1382 гг. // Причерноморье в Средние века. М.; СПб., 2000. С. 317-443.

46. Vásáry I. Orthodox Christian Qumans and Tatars of the Crimea in the 13th-14th centuries // *Central Asiatic Journal*. 1988. T. 32. P. 260-271.
47. Rashīd al-Dīn. Jāmi' al-tawārīkh / Ed. M. Rawshan, M. Mūsawī. Vol. I-IV. Tehrān, h.sh. 1373 / 1994
48. Rashududdin Fazlullah. Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles / Trans. W.M. Thackston. Vol. I-III. Harvard, 1998-1999
49. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. А.К. Арендса, Л.А. Хетагурова, О.И. Смирновой, Ю.П. Верховского. Т. I-III. М.; Л., 1946-1960
50. Georgius Acropolites. Opera / Eds. A. Heisenberg et P. Wirth. Vol. I-II. Stuttgart, 1978
51. Георгий Акрополит. История / Перевод, вступительная статья, комментарии и приложения П.И. Жаворонкова. СПб., 2005
52. George Akropolites. The History / Translated with an Introduction and Commentary by R. Macrides. Oxford, 2007
53. Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental military in the pre-Ottoman Balkans, 1185-1365. Cambridge, 2005
54. Savvides A. Οἱ Κομάνοι (Κουμάνοι) καὶ τὸ Βυζάντιο (11^{ος} – 13^{ος} αἰ. μ.Χ.) // *Byzantina*. 1985. T. 13. P. 937-955.
55. Коробейников Д.А. Кыпчаки на восточных границах Никейской (Византийской) империи в XIII в. // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы / Сост. Н.Д. Барабанов. Волгоград, 2012.
56. Histoire des Seldjoudes d'Asie Mineure, d'après l'abrégé du Seldjouknāme d'Ibn-Bībī: texte persan / Ed. M.Th. Houtsma. Leiden, 1902 [Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoudes, iv]
57. Duda H.W. Die Seltschukengeschichte des Ibn Bībī. Kopenhagen, 1959
58. İbn-i Bībī. El-Evāmirü'l-'Alā'iyye fī'l-umūri'l-'Alā'iyye / Önsöz ve fihristi hazırlayan A.S. Erzi. Ankara, 1956
59. Peacock A.C.S. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2006. Vol. 16/2. Series 3. P. 133-149
60. Ислам. Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. М. 1991
61. Redhouse J.W. A Turkish and English Lexicon, Shewing in English the Significations of the Turkish Terms. Constantinople, 1890, reprinted Istanbul, 2006
62. Kélékian D. Dictionnaire turc-français. Constantinople. 1911
63. Histoire des Seldjoudes d'Asie Mineure d'après Ibn-Bībī: texte turc / Ed. M.Th.Houtsma. Leiden, 1902 [Recueil des textes relatifs à l'histoire des Seldjoudes, iii]
64. Yazıcızâde Ali. Tevârîh-i Âl-i Selçuk (Oğuznâme-Selçuklu Tarihi) / Hazırlayan A. Bakır. Istanbul, 2009

КУМАНИИ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ В СВЕТЕ ИСТОРИИ МИГРАЦИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В XI ВЕКЕ

И.О. Князький

Россия, Москва РГТЭУ – РЭУ

им. Г.В. Плеханова

Первая половина XI в. была для народов евразийских степей временем больших перемен, вызванных миграцией тюркских кочевых народов. Их движение из глубин Центральной Азии в Восточную Европу до некоторой степени напоминало эпоху Великого переселения народов. В этот период в степях Евразии стали возникать новые народы, образовывались новые державы. Эти события были зафиксированы историками соседних с кочевым миром евразийских степей государств.

Одним из звеньев великого движения тюркских народов, простиравшегося от Китая до Руси, было появление в южнорусских степях половцев. Результатом прихода половцев в степи Северного Причерноморья явилось образование там Половецкой земли. Половцы были ведущей силой в южнорусских степях в течение почти двух столетий, вплоть до монгольского нашествия, сыграв немаловажную роль в истории народов юго-востока Европы. С ними связаны многие важнейшие события русской истории, истории Венгерского королевства, истории Византии, Второго Болгарского царства, Латинской империи крестоносцев, Грузии. Половцы сыграли большую роль в истории мамелюкского Египта.

Каково же было происхождение половцев, их путь в степи Северного Причерноморья, что представляла собою Половецкая земля южнорусских степей?

Половецкий народ был западной ветвью кипчаков, с середины XI в. занявших огромные пространства евразийских степей. С этого времени степное пространство от Нижнего Дуная до Иртыша носит название Дешт-и-Кипчак – Кипчакская степь.

Вопрос происхождения половцев является одной из сложнейших проблем истории тюркских кочевых народов. Как справедливо отмечал в свое время известный русский ученый, специалист по истории тюркских народов Д.А.Расовский, «для того, чтобы правильно понять прошлое половцев, недостаточно начинать следить за ними со времени появления их в поле зрения европейских оседлых государств, как это обычно делалось, а необходимо постараться проследить их судьбы еще в Азии, начиная с прародины всего тюркского народа» [1, с. 9].

Попытки проследить историю половцев (кипчаков) с древнейших времен уже неоднократно предпринимались исследователями. Если обобщить имеющиеся мнения о ранней истории кипчаков, то получается следующая картина: кипчаки являются западной ветвью динлинов, проживавшей в бассейне Иртыша, и впервые упомянуты в числе племен, покоренных хуннами, в 205-203 гг. до н.э. [2, с. 9]. Западные динлины-кипчаки – потомки носителей андроновской культуры (2000-1200 гг. до н.э.) [3, с. 9]. Древние

кипчаки упоминаются в 110-й книге «Исторических записок» Сыма Цяня (145-87 гг. до н.э.) под именем цюйше (кюеше), которое реконструируется как «кипчак» [4, с. 9]. Следующее упоминание о кипчаках имеется в Селенгинской надписи, составленной уйгурским ханом в 759 г. н.э., в сочетании «тюрки-кипчаки властвовали над нами» [5, с. 9]. По мнению Л.Н. Гумилева, очевидно, что кипчаки были в числе народов, подвластных тюркютам. Кипчаки занимали пространство степи между течением Сыр-Дарьи и Черным Иртышом. Там они смешались с кочевым тюркским народом канглы (кангарами), в результате чего и образовался народ, известный на востоке под названием «кипчаки», в Европе – «команы», а в России – «половцы». Народ канглы (кангары) – это печенеги, само название которых было «кангар» [6, с. 9].

Некоторые из приведенных сведений, к сожалению, трудно признать достоверными. Гипотеза о том, что древние кипчаки упомянуты в китайских источниках под именем цюйше (кюеше), основана лишь на частичном сходстве реконструируемой формы с этнонимом и малоубедительна хронологически. Чем объяснить тысячелетнее молчание об этом народе? Важно и то, что китайцы впоследствии никогда не называли кипчаков подобным именем [7, с. 9].

Слова «тюрки-кипчаки» на Селенгинском камне являются конъектурой Г.И. Рамстеда, которую безоговорочно принять нельзя [8, с. 9]. Что же касается близкого родства между кипчаками и кангарами (канглы), то оно, по мнению В.В. Бартольда, не подлежит сомнению. Мусульманские писатели XII и начала XIII вв. употребляли слова «канглы» и «кипчак» почти как синонимы [9, с. 9].

Исторически достоверные сведения о кипчаках относятся лишь к периоду начала их миграции на запад в XI в., когда распалось государство кимаков, существовавшее в IX-XI вв. в Прииртышье и в северо-восточном Семиречье. Кипчаки входили в состав населения государства кимаков. «Историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный народ, который первоначально был лишь одним из племен кимаков (кипчаки, называемые в Западной Европе команами, а у русских – половцами)» [10, с. 9].

Несомненна также историческая связь половцев-кипчаков с древними тюрками. В пользу этого говорит наличие у половцев обычая устанавливать на курганах каменные изваяния. Половецкие каменные изваяния существенно отличались от ранних тюркских статуй более тщательной отделкой и детальной трактовкой лица и одежды. Поскольку культовое назначение тюркских и половецких статуй было одинаковым (изображение умерших представителей рода), то справедливо заключение, что половцы успешно развивали культурное наследие Тюркского каганата [11, с. 9]. Оно прослеживается и в «волчьих обычаях» половцев. Для древних тюрков, как известно, название «волк» имело огромное значение. В двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице. Китайские авторы считали понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами, опираясь, скорее всего, на воззрения самих тюрков. Имя первого вождя

древних тюрок – Ашина – переводится как «благородный волк». Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах [12, с. 9]. «Волчьи обычаи» половцев упоминаются и в «Слове о полку Игореве», о них говорили и византийские писатели. В древнерусской былине «Тугарин в Киеве» Тугарина, скачущего к Киеву, сопровождают два серых волка. Известно, что прототипом Тугарина был половецкий хан Тугоркан. Половецкий хан Боняк перед битвой с венграми в 1097 г. «обращается к волкам»: «и яко быс полуночци и встав Боняк отъеха от рати и поча выти волчьски и отвыся ему волк и начаша мнози волци выти» [13, с. 9].

И так, народ половцев-кипчаков начал складываться со времен Тюркского каганата, хранителем и продолжателем многих культурных традиций которого он явился. Занимая часть степного пространства между Сыр-Дарьей и Черным Иртышом, предки кипчаков смешались с кангарами (канглы). Результатом этого смешения и явилось образование народа кипчаков. В IX в. кипчаки вошли в состав государства кимаков, с распадом и гибелью которого и связан их самостоятельный выход на историческую арену.

Миграция тюркских кочевых народов, приведшая половцев в степи Северного Причерноморья, началась в 30-е гг. XI в. Ее непосредственное начало связано с гибелью государства кимаков. Падение державы кимаков было вызвано удельно-племенными раздорами и социальными противоречиями. Начало миграции положили племена каи, вышедшие из подчинения хакану кимаков и начавшие движение в западном направлении из степей Прииртышья. Название народа каи обозначает «змеи», если к нему подойти с позиции монгольского языка [14, с. 9]. Каи первоначально обитали в Центральной Азии, по соседству с державой киданей и были известны под китайским названием «хи». В среднекитайском диалекте оно произносилось как «хай» или «каи». На рубеже VIII-IX вв. каи частью переселились на запад, где заняли долину Иртыша и прилегающие к нему степные территории. С этих пор каи известны под именем кимаков и входили в состав государства кимаков вплоть до 30-х гг. XI в. [15, с. 9]. Поскольку кипчаки также вышли из государства кимаков, то возможна родственная связь между каи и кипчаками-половцами. Народ каи упоминает ал-Бируни: «Шестой климат начинается с обиталища восточных тюрок: каи, кунов, кыргызов, кимаков, токуз-гузов, страны туркмен, Фараба, страны хазар». Следовательно, народы каи и кун были соседями на своей прародине. Сирийская карта 1150 г. также упоминает народы каи и кун как соседей. Именно столкновение этих соседствовавших народов и послужило толчком новой великой миграции тюркских народов из Центральной Азии в Восточную Европу.

В сочинениях сельджукского придворного врача Марвази (около 1120 г.) четко описано движение тюркских народов, закончившееся в Причерноморье. Марвази сообщает о народе кун, покинувшем свои исконные кочевья из-за «тесноты пастбищ», но главная причина движения кунов на запад была внешняя: «Их преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех новых пастбищ. Тогда куны переселились на земли сары, а сары ушли в земли Туркмен. Туркмены переселились на восточные земли гузов, а гузы ушли в страну печенегов

поблизости от берегов Армянского моря» [16, с. 9]. (Армянским морем на Востоке тогда часто называли Черное море).

С сообщением Марвази согласуются известия еще одного источника – хроники Матвея Эдесского: «В 1050 г. (499 г. армянской эры) какой-то «народ змей» разбил «светловолосых», а те разбили узов и печенегов, после чего все вместе выступили против страны ромеев» [17, с. 9].

«Народ- змей» – это каи, «светловолосые» же, очевидно, сары. Слово «сары» переводится с тюркского как «желтый», «светлый». В древнетюркском языке сходное значение имело и слово «кун». Возможно, поэтому в рассказе Матвея Эдесского сары и куны слились в один «светловолосый» народ.

Обратимся теперь к известным историческим событиям на востоке Европы в середине XI в., кои могли явиться результатом движения тюрков на запад, описанного Марвази, завершившегося нападением, согласно Матвеем Эдесскому, кочевников на владения Византии.

В 1048 г. печенеги, теснимые торками, переходят Дунай, вторгаясь в пределы Византийской империи. На короткое время господство в южнорусских степях переходит к торкам (гузам у Марвази). В 1055 и 1061 гг. русская летопись отмечает приход к рубежам Руси половцев. Под давлением половцев торки также переходят Дунай в 1064 г. С этого времени и вплоть до монгольского нашествия господствующей силой в степях Северного Причерноморья становятся половцы. В 1078 г. они по примеру печенегов, торков также совершают нападение на владения Византии к югу от Дуная.

Следовательно, поскольку за печенегами и гузам и (торками) шел народ сары, то именно сары и были половцами-кипчаками. Этот факт в настоящее время не вызывает сомнений у историков [18, с. 9]. Относительно же того, кем были куны, единого мнения у исследователей нет. И. Маркварт высказал предположение, что куны – это половцы, которые под этим именем и стали известны в Европе. Венгерские источники часто называют половцев кунами [19, с. 9]. Половцами считает кунов русский ученый И.Г. Добродомов [20, с. 9], Б.Е. Кумекон и С.М. Ахинжанов не склонны считать кунов отдельным народом и полагают, что кипчаками был только народ сары» [21, с. 9].

На наш взгляд, есть достаточно оснований полагать, что куны – никто иные как восточная ветвь половцев, западной же ветвью были половцы-сары.

В пользу этого мнения говорят следующие факты: то, что половцы получили в Западной Европе известность под именем кунов, едва ли может быть случайным совпадением; в древнетюркском языке слово «кун» имеет такое же значение, как и «сары» – светлый, желтый [22, с. 9]. Следовательно, это могли быть названия двух ветвей одного народа; в «Слове о полку Игореве» половцы фигурируют и под именем «хинов». Лингвистический анализ, проведенный И.Г. Добродомовым, показал тождественность наименований кун-хын-хин [23, с. 9]; в русских летописях половцы порой именуется «саракине», «сорочины». Эти названия могли произойти от слияния слов «сары» и «кун», поскольку русские рассматривали половцев как один народ.

Как единую страну Половецкую землю, образовавшуюся в южнорусских степях во второй половине XI в., описал знаменитый арабский географ ал-Идриси в своем сочинении, созданном после 1138 г., когда он обосновался в Палермо при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II (1130 – 1154 гг.).

Трактат носил название «Отрада страстно желающего пересечь мир» [24, с. 9]. По сведениям Идриси, Кумания находилась в степях в пространстве между Днестром и Волгой, прилегая на юге к Черному морю [25, с. 9]. В то же время Идриси упоминает о городах, носящих названия Черная и Белая Кумания [26, с. 9], а также о некоей «Внешней Кумании». Точность последнего упоминания в новейшей арабистике подвергается сомнению, трактовка же понятий Черная и Белая Кумания остается дискуссионной [27, с. 9].

В настоящей статье предлагается попытка объяснения понятий Черная и Белая Кумания с точки зрения прибытия половцев в южнорусские степи двумя волнами, особенностей географии Половецкой земли, а также с точки зрения возможных трактовок терминов Кара (Черный) и Ак (Белый) с позиций специфики их семантики в тюркских языках. Напомним, что и самоназвание «половцы» имело цветное значение – «светлый», «желтый».

Многие историки (Д.А. Расовский, М.И. Артамонов, Л.Н. Гумилев и др.), исходя из того, что самоназвание половцев означало «светлые», «желтые», предполагали, что половцы-кипчаки были светловолосым народом. Мнение это, однако, данными письменных источников не подтверждается. Ни русские, ни венгерские, ни византийские источники ничего не говорят о подобных внешних особенностях половцев. Также и путешественники Петахья, Плано Карпини, детально описавшие быт половцев, ничем не выделяют их среди прочих тюркских народов, которым «белокурость» вовсе не была свойственна. Скорее это самоназвание может быть связано с тюркскими географическими представлениями, согласно которым термин «желтый» мог означать «центральный», «срединный». Действительно, на своей прародине половцы проживали в самом центре кочевого мира Евразии. К западу от них кочевали карлуки, торки, печенеги, к востоку – киргизы, монгольские племена.

Приход в южнорусские степи двух волн половцев отмечен в русских летописях. Первое появление половцев датируется 1055 годом. «То же лета приходи Блуш с Половци и сотвори Всеволод мир с ними и возвратишася восвояси» [28, с. 9]. По другим сведениям, «возвратишася Половци вспять откуда же пришли» [29, с. 9]. Уход половцев вспять скорее всего следует понимать как отход от рубежей Руси в степи. Едва ли это мог быть уход кочевников в земли, откуда они пришли в Северное Причерноморье. Через несколько лет (в 1061 г.) последовал второй приход половцев на Русь: «В лето 6568 придоша Половци первое на Руськую землю воевать. Всеволод же изыиде противу им... и бившимся им. Победиша Всеволода и воеваша отидоша. Се быс первое зло на Руськую землю от поганых безбожных враг. Быс же князь их Сокал» [30, с.10]. Возможно, что не столь многочисленные половцы-сары, появившись у рубежей Руси, не рискнули вступать в конфликт

с русскими и предпочли отойти в степь. Когда же через несколько лет в южнорусских степях появилось более сильное объединение половцев-кунов, то их предводитель Сокал (по другим данным – Искал) и совершил первый успешный поход половцев на Русскую землю.

Поскольку народ сары шел впереди кун, то скорее всего именно он образовал западную ветвь половецкого народа, кочевавшую в степях Белой Кумании. Этим можно объяснить ее название. Название Белая Кумания относится к землям западных половцев. Цветообозначения «белый» (ак, сары) в тюркских языках использовались для обозначения запада, западной стороны света [31, с.10]. Оправданным поэтому будет предположение, что именно западная часть половецкого поля и получила название Белой Кумании. Возможно, однако, и другое предположение. Прилагательное «белая» может быть калькой с прилагательного «сары» – бледный, светлый. Следовательно, не исключено, что название Белая Кумания связано с появлением в степях между Днепром и Днестром народа сары, чье имя и могло дать название этой части Половецкой земли.

Тот факт, что первой волной половцев в южнорусских степях были половцы-сары, возможно, отразился в библейской версии происхождения половцев в русской летописи. О происхождении сарацын (половцев) летописец сообщает: «а Срацини от Измаила и творятся Сарины и прозваша имя себе Саракине, рекше Сарины есмы» [32, с. 10]. Название появившегося в 1055 году у рубежей Руси народа сары и могло вызвать у русского летописца, стремившегося найти библейское обоснование происхождения половцев, ассоциацию с «Саринскими детьми». Как потомки Измаила, половцы еще дважды фигурируют в летописи. В первом случае – как «безбожнии сынове Измаилевы, лущении на казнь християном» [33, с.10]. Во втором случае воздается хвала победителю половцев великому князю киевскому Владимиру Мономаху, «погубившему поганья Измальтяни, рекомья Половци» [34, с.10].

Населенная потомками кун восточная часть Половецкой земли получила название Черная Кумания. В этом названии могла отразиться калька соответствующего тюркского термина «кара» (чёрный). Этот термин в тюркских языках может употребляться в значении «чистый, несмешанный, единственный». В пользу этого предположения говорит факт наличия у восточных половцев обычая, который выделял их, по сравнению с западными соплеменниками и другими тюркскими народами южнорусских степей. Речь идет о половецких каменных изваяниях. С.А. Плетнева, посвятившая этим изваяниям специальное исследование, сумела определить их ареал, соответствующий в основном и ареалу расселения народа, в обычае которого было ставить на курганах подобные статуи. Ареал распространения половецких каменных статуй и, соответственно, ареал расселения половцев, которым они принадлежали, совпадают с границами Черной Кумании. Согласно исследованиям С.А.Плетневой, к западу от Днепровской Луки половецкие каменные изваяния распространены не были [35, с. 10], ареал распространения половецких «каменных баб» простирался до Волги. Кипчаки заволжских и зауральских степей оставили иной тип каменных изваяний [36, с. 10].

Половцы же Белой Кумании, кочевавшие с середины XI в. в степях между Днепром и Днестром, а во второй половине XII в. занявшие и степи Нижнедунайской низменности, каменных статуй в этих местах не оставили. Следовательно, половцам, потомкам народа сары, обычай ставить на курганах каменные изваяния не был свойствен. Это может говорить о том, что половцы-куны, оставившие на курганах в степях восточной части Половецкой земли каменные изваяния, были особой, «чистой», «единственной» ветвью кипчаков, что, вероятно, и объясняет происхождение названия Черная Кумания.

Иногда термин «кара» в тюркских языках мог означать «великий» [37, с. 10]. Именно это его значение и дало имя династии среднеазиатских правителей XI в. илек-ханов Караханидов. Собственно, это означало «великие ханы». Кубанские степи, населенные «черными болгарами», носили название «Великая Болгария», земли монгольского племени «черных татар» назывались «Великой Монголией». Большая часть Половецкой земли лежала в пределах Черной Кумании, где проживало основное ядро половецкого населения. Возможно, поэтому восточная Кумания противопоставлялась западной как «великая».

Противопоставление Черной Кумании Белой как «чистой», «несмешанной» могло вызываться и этнической пестротой западной части Половецкой земли. Помимо пришедших в степи между Днепром и Днестром во второй половине XI в. половцев-сары там, в Поросье, проживали печенеги, торки и берендеи, составившие с середины 40-х годов XII в. у рубежей Киевской Руси Черноклобуцкий Союз [38, с. 10]. В Северо-Западном Причерноморье по соседству с половцами проживали также в небольшом количестве ираноязычные племена алан [39, с. 10]. Венгерские документы сообщают о сопредельной Венгрии и Кумании стране бродников. Для кочевников, составивших в степях Поднестровья и Побужья объединение так называемых «диких половцев», было свойственно такое же смешение обычаев и обрядов, как и для Черных Клобуков [40, с. 10]. Это дает возможность предполагать этническую неоднородность кочевого объединения «диких половцев».

Этническую неоднородность населения Белой Кумани подтверждают и данные археологических исследований. Изучение курганных памятников в степях Северного Причерноморья позволило выявить особенности половецкого погребального обряда. Он отличается следующими особенностями:

- 1) курганные насыпи сооружены с применением камня;
- 2) погребения человека совершались в неглубокой яме. Головой тело покойного было ориентировано на восток;
- 3) рядом с человеком погребался полный остов коня, ориентированный головой на восток, реже на запад.

Что же касается погребений кочевников печенежско-торческого периода, то для них характерна ориентировка тела покойного головой на запад, отсутствие захоронений цельных остовов коней, наличие лишь отдельных конских костей. Торческие погребения отличаются от печенежских наличием

перекрытий из деревянных плах над могилами и усложненными формами самой могильной ямы – наличие приступок, «плечиков», присыпок.

Раскопки Каменского половецкого могильника в западном Поднепровье показали, что около трети погребений в нем относится к смешанному типу [41, с. 10]. Помимо половецких, в этих погребениях прослеживаются печенежские и торчские черты. Археологические исследования кочевнических памятников XI-XIII вв. в Северо-Западном Причерноморье также свидетельствуют в пользу мнения о смешанном характере тюркоязычного населения этих территорий в интересующий нас период. «Хронологические и этнические определения находятся в противоречии друг с другом»: печенежские и торчские погребальные обычаи сохраняются и в период господства половцев. Характерно изменение печенежского обряда половецким влиянием [42, с. 10].

Возможно, что передовая волна половцев (половцы-сары) первоначально потеснила на запад печенегов, торков и берендеев, а затем смешалась с ними, результатом чего явилось образование в степях между Днестром и Днестром конгломерата тюркоязычных народов, возглавляемого половцами. Такой конгломерат, судя по всему, являло и объединение «диких половцев», кочевавших в междуречье Днестра и Южного Буга, а также объединение подунайских половцев, образовавшееся в степях Нижнего Подунавья и частью в Северо-Западном Причерноморье во второй половине XII в. Следует отметить, что образование подобных конгломератов было характерно для тюркоязычных народов южнорусских степей. Торки (гузы), пришедшие в Северное Причерноморье незадолго до половцев, «представляли собой конгломерат племен различного происхождения» [43, с. 10].

Д.А.Расовский отмечал, что часто название кочевого народа зависит от того, какая из групп данного народа является в нем господствующей. Половцы были ведущей силой в степях Белой Кумании, куда были оттеснены покоренные ими печенеги, торки и берендеи. В таких случаях закономерным представляется явление, когда кочевая орда, покорившая иные кочевые народы, «быстро растворяется среди покоренного ею племени, не внося в его основную массу серьезных этнических и языковых изменений, но зато давая свое имя покоренному народу. Классическим примером подобного рода может служить история половцев» [44, с. 10]. Образование в степях Белой Кумании конгломерата кочевых народов во главе с половцами облегчалось и их этнической и языковой близостью к печенегам, торкам и берендеям. Византийская писательница Анна Комнина отмечала, что половцы и печенеги говорили на одном языке [45, с. 10].

Указанные особенности истории тюркских народов и создаваемых ими объединений, а также данные археологических исследований делают обоснованным предположение, что основу населения Белой Кумании составлял конгломерат тюркоязычных народов во главе с западной ветвью половцев. В донецких же степях, бывших центром Черной Кумании, кочевало, в основном, однородное половецкое население. Торки и печенеги, обитавшие там до появления половцев, в начале XII в. были вынуждены откочевать к рубежам Руси. Как свидетельствует летопись, «в се же лето

(1116г.) бишася Половци и с Торкы и с Печенегы оу Дона и секошася два дни и две ноци и придоша в Русь к Володимиру Торци и Печенези» [46, с. 10]. Вскоре, в 1117г., переселились на Русь и жители Белой Вежи, «В се же лето придоша Беловежьци на Русь» [47, с. 10]. Основу населения Белой Вежи в то время составляли русские, смешанные с остатками прежнего населения Саркела, состоявшего из двух этнических групп торческопеченежской и салтовской [48, с. 10]. Единственными «иногородцами» в донецких степях близ городов Сугрова, Шарукани, Балина оставались аланы (ясы), возглавляемые своими «яськими князьями». В летописи говорится: «в сеже лето (1116г.) посла Володмир сына своего Ярополка, а Давид сына своего Всеволода на Дон [49, с. 10] и взяша три грады Сугров, Шарукань, Балин. Тогда же Ярополк приведе собе жену красну велми, яського князя дщерь полонив» [50, с. 10].

Результатом присутствия алан в донецких степях явилось наличие там особого погребального обряда в домонгольский период, в котором соединены черты салтовского и кочевнического (половецкого) обрядов [51, с. 10].

Таким образом, проведенный анализ особенностей сложения Белой и Черной Куманий позволяет высказать предположение, что название западной части Половецкой земли Белая Кумания может происходить от кальки с названия народа сары или же от тюркского географического обозначения «сары» (западный). Название Черная Кумания возможно объясняется противопоставлением более многочисленных восточных половцев, потомков народа кун, населявших пределы «Великой Куманий» и оставивших на курганах в южнорусских степях половецкие каменные изваяния, половцам Белой Кумании, смешавшимся с другими тюркскими народами (печенегами, торками и берендеями), как «чистых, несмешанных, единственных».

Общая картина миграции тюркоязычных кочевников в XII в., приведшая половцев в степи Северного Причерноморья, представляется теперь следующим образом: к 30-м годам XI в., разъедаемая изнутри удельно-племенными раздорами и социальными противоречиями, ослабляется держава кимаков, в результате чего племена каи выходят из подчинения хакану кимаков и начинают движение в западном направлении [52, с. 10]. Каи теснят кипчакское племя кунов, которые незадолго до этого из-за тесноты пастбищ обосновались на новых свободных землях, где в результате начавшегося в XI в. процесса увлажнения степей образовались обширные свободные пастбищные угодья. Поскольку за век до этого кочевое население территории современного Казахстана из-за миграции печенегов, торков и карлуков, вызванной происшедшим в то время частичным усыханием степей, значительно сократилось [53, с. 10], то появление новых богатых пастбищ на малозаселенных землях, несомненно, стимулировало передвижение кочевников на эти территории в первой половине XI в.

Куны, двигаясь под давлением каи на юг и юго-запад от Прииртышья в северо-восточное Семиречье, вынуждают покинуть свои кочевья обитавших там кипчаков-сары. Кипчаки-сары под давлением кунов теснят в присырдарьинских степях карлуков (туркмен по Марвази), которые, заняв восточные земли гузов (торков русских летописей), заставляют их двигаться в

западном направлении. В 1030 г. персидский историк Байхаки отмечает кипчаков как соседей Хорезма. С этого времени «степь гузов», как она именовалась в мусульманских источниках, начинает превращаться в Дешт-и-Кипчак - Кипчакскую степь.

С этим движением гузов и кипчаков связано окончательное падение Хазарского каганата, так как 1030 годом датируется последнее упоминание в письменных источниках о хазарах (Ибн ал-Асир) [54, с. 10]. В XII в. на месте бывшей хазарской столицы Итиля был город Саксин, населенный гузами, смешанными с остатками хазар [55, с. 10]. К XIII в. в Нижнем Поволжье образуется локальный вариант половецкой культуры, лежащей на границе двух групп кипчакского населения: половцев южнорусских степей и кипчаков заволжских и зауральских степей [56, с. 10].

Продолжая движение на запад, кипчаки сары и куны теснят торков, которые, в свою очередь, вытесняют из южнорусских степей основную массу печенегов. Поэтому в 1048 г. печенеги, теснимые торками, переходят Дунай, вторгаясь в пределы Византии. Вслед за торками в Северное Причерноморье двумя волнами приходят кипчаки. В 1055 году сары, одним из предводителей которых был хан Блуш, в 1061 г. куны, совершившие первое успешное нападение на Русь под предводительством хана Сокала (Искала). Потерпев ряд поражений от русских и половцев, торки, вслед за печенегами, переходят Дунай, в результате чего в 1064 г. в византийских пределах появляется торческая орда. Через некоторое время, в 1078 г., вторжение во владения ромеев осуществляют половцы, обосновавшиеся в южнорусских степях.

Результатом прибытия двух ветвей половцев, сары и кунов, в Северное Причерноморье явилось образование там двух Куманий: Белой западной и Черной «Великой», которые и составили в южнорусских степях собственно Половецкую землю. В XII в. в Половецкой земле сформировались основные союзы половцев: Приднепровский, Донской, Лукоморский, Северокавказский. В степном пространстве между Бугом и Днестром кочевали так называемые «дикие половцы», в степях Нижнего Подунавья сложилось объединение подунайских половцев. Эти союзы, однако, не носили формы государственных образований. Своей государственности половцам создать не удалось.

Помимо Черной и Белой Куманий, у ал-Идриси упомянута Внешняя Кумания. Б.А. Рыбаков и С.А. Плетнева отождествляли Внешнюю Куманию с одной из орд «диких половцев», которые кочевали близ Рязанской земли к северу от Половецкой земли. Орда эта, однако, едва ли была столь многочисленна и занимала столь обширную территорию, чтобы ее можно было рассматривать наравне с Черной и Белой Куманиями, в состав которых входило по несколько половецких объединений. Скорее, под Внешней Куманией можно понимать кипчаков заволжских и зауральских степей.

Подведем итоги развития половецкого общества в степях Северного Причерноморья в середине XI в. и до нашествия монголов.

Половецкие союзы в южнорусских степях с середины XI в. и до монгольского нашествия прошли значительную эволюцию от племенных объединений, затем временных военнополитических союзов во главе с тем

или иным ханом, до сравнительно устойчивых территориальных объединений, носящих предгосударственный характер.

Историю половецких союзов необходимо проследить со времени миграции половцев из Центральной Азии в южнорусские степи, поскольку движение половцев двумя волнами (первая племенной союз половцев сары, вторая – половцы-куны) определило и особенности исторической географии, сложившейся в Северном Причерноморье Половецкой земли. Первоначально Половецкая земля подразделялась на два больших племенных союза: Белая (Западная) Кумания и Черная (Великая) Кумания.

Для половцев в конце XI – первой половине XII вв. характерно образование временных военно-политических союзов во главе с тем или иным ханом. В этот период половецкое общество находится в стадии военной демократии. Половецкие кочевки носят «таборный», «куренной» характер.

В середине XII в. половцы переходят от куренного (таборного) способа кочевания к айльному (наличию постоянных веж). Это означает, что в половецком обществе происходит переход от родоплеменных отношений к раннефеодальным. В это время при переходе от куренного способа кочевания к айльному и образуется «степная аристократия» и зарождается своеобразная кочевническая «земельная собственность», выражающаяся в появлении определенных рубежей кочевий и в регулировании кочевок вновь образующейся «степной аристократией».

С зарождением и развитием в половецком обществе определенных отношений и связан процесс образования относительно устойчивых территориальных половецких союзов. Ко времени монгольского нашествия в южнорусских степях существуют следующие половецкие союзы: в Приднепровье и на правом берегу Днепра объединение половцев во главе с ханом Котьяном; на левобережье Днепра, в донецких и донских степях крупнейший половецкий союз во главе с ханом Юрием Кончаковичем; в степях Нижнего Подунавья союз «подунайских половцев»; союз половцев в степях Северного Кавказа; в низовьях Волги союз так называемых «половцев-саксинов». Процесс перерастания половецких союзов в раннегосударственные образования был прерван монгольским нашествием.

Примечания:

1. Расовский Д.А. Половцы. Происхождение половцев. – Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н.П. Кондакова. Прага, 1935, с.248.

2. Гумилев Л.Н. Динлинская проблема. – Известия Всесоюзного Географического общества, N 1, 1959, с.19.

3. Там же.

4. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962, с.420.

5. Там же, с.421.

6. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967, с.266-267.

7. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. Тюркологический сборник 1975. М., 1978, с.115.

8. Там же.

9. Бартольд В.В. Сочинения, т.5. М., 1968, с.272.
10. Там же, с.549.
11. Артамонов М.И. История хазар, с.425.
12. Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.23.
13. Полное собрание русских летописей. II, стб.
14. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. – Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с.47.
15. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 128.
16. Там же, с. 125.
17. Там же, с.126.
18. Ахинжанов С.М. Из истории движения..., с.48.
19. Бартольд В.В. Новый труд о половцах. Соч., т.5, с.394.
20. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах..., с. 126.
21. Ахинжанов С.М. Из истории движения..., с.48; Кумеков Б.Е. Государство кимаков..., с. 125.
22. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах..., с. 126.
23. Там же.
24. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006, с. 7.
25. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999, с. 180-181.
26. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы, с. 118-121.
27. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси, с. 118-121.
28. ПСРЛ, II, стб.151.
29. ПСРЛ, I, вып.1, стб. 162.
30. ПСРЛ, II, стб.152.
31. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. – Тюркологический сборник 1975. М., 1978, с.176.
32. ПСРЛ, II, стб. 224.
33. Там же.
34. ПСРЛ, II, стб.716.
35. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974, с.17,18,21.
36. Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV веках. – Древности Восточной Европы. М., 1969, с.253.
37. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений..., с.162.
38. Плетнева С.А, Древности Черных Клобуков. М., 1973, с.24.
39. Брун Ф.К. Черноморье. II. Одесса, 1881, с.408.
40. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков, с.28.
41. Плетнева С.А. Половецкая земля. – Древнерусские княжества. X-XIII вв. М., 1975, с.275.
42. Добролюбовский А.С., Дзигевский А.М. Памятники кочевников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей. Материалы к археологической карте.

– Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981, с. 136.

43. Артамонов М.И. История хазар, с.419.

44. Расовский Д.А. Половцы. Происхождение половцев, с.252.

45. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, с.236.

46. ПСРЛ, II, стб.284.

47. ПСРЛ, II, стб.285.

48. Артамонов М.И. История хазар, с.448-449.

49. «Дон» русских летописей – это современный Северский Донец. См.: Плетнева С.А. Половецкая земля, с.270.

50. ПСРЛ, II, стб.284.

51. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. – МИА, No 62. М.-Л., 1958, с.226.

52. Кумеков Б.Е. Государство кимаков, с.128.

53. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. – История СССР, 1967, N 7, с.62.

54. Бартольд В.В. Сочинения, т.5, с.395.

55. Там же, с.396.

56. Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв., с.253.

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ В ПРЕДЕЛАХ БАШКОРТОСТАНА. К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ВРЕМЕНИ РАССЕЛЕНИЯ КЫПЧАКОВ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ЮЖНОГО УРАЛА

Гарустович Г.Н.

Россия, Уфа ИИЯЛ УНЦ РАН

Памяти коллеги и друга – В.П. Костюкова посвящаю

Конь так конь, - Мой сын – батыр удивлялся.

Муж так муж, - Драгоценный конь восхищался (Маадай-Кара, 311).

Уже сам факт принадлежности башкирского языка к большой группе носителей «кыпчакских» языков в составе современных тюркских народов, является убедительным свидетельством той значительной роли, какую «сыграли» племена кыпчаков в процессе этногенеза башкир. Как справедливо отметил еще в конце XIX века Н.А. Аристов: «В составе башкир играли преобладающую роль роды Малой орды и племя кыпчак, но попадали к ним и столь далекие племена, как киргизские» [1, с. 406]. Позднее, эта проблема была основательно рассмотрена в работах известного отечественного этнолога – Р.Г. Кузеева [2, с. 113-118].

При всем многообразии компонентов, одним из крупнейших «вливаний» эпохи средневековья может считаться вхождение в состав башкирского народа кыпчаков, разбитых в начале XIII века наступающими монголами Чингисхана. Среди башкирских племен переселенцы получили наименование «кипсяков». В наши дни башкиры-кипсяки живут в южной части Башкирского Предуралья, на территории Оренбургской области, и на юге зауральской предгорной лесостепи. Пограничные рубежи, традиционно разделявшие земли башкир-кипсяков и степняков-казахов пролегал по руслу реки Урал.

Сразу же отметим, что далее мы будем говорить лишь о памятниках кочевников Предуралья, не останавливаясь на рассмотрении погребений в зауральских районах Башкортостана. По нашему мнению, эти курганы требуют особого рассмотрения в контексте степных древностей юга Западной Сибири.

В ближайшем соседстве предуральские башкиры и кыпчаки оказались в XI веке (а зауральские башкиры, еще ранее этого срока). В то время кыпчаки вытесняют огузов на юг (в пределы Средней Азии) и на запад (в Причерноморье), а восточноевропейские степи получают наименование «Дешт-и-Кыпчак». По всей видимости, именно к племени кыпчакского союза относится сообщение Ибн ал-Асира (1160-1234) о приобщении к исламу осенью 1043 г. тюркского народа в 10 000 шатров (у Абу-л-Фида – 5 000 шатров) [3, с. 100]. О данном племени сообщается лишь то, что лето они проводят возле земель болгар (на Волге), а зимой откочевывают к Баласагуну. По мнению С.М. Ахинжанова «здесь нужно иметь в виду, прежде всего, кыпчаков» [4, с. 186].

В преданиях об Огуз-кагане (мифическом предке уйгурских племен) сказано: *«Он послал род кипчаков, чтобы они поселились между ит-бараков (печенегов – Г.Г.) и Яиком (р. Урал)... с той поры там и находятся летние и зимние кочевья кипчаков»* Позднее, дождавшись возмужания Кипчака, Огуз-каган послал его против взбунтовавшихся народов, среди которых были названы маджары и башкиры [5, с. 498].

По мнению С.М. Ахинжанова, кыпчаки прочно занимали области в востоку от Уральского хребта еще в XI веке [4, с. 161-162], а их степные территории уходили далеко на запад. Перечисляя тюркские племена с запада на восток, Махмуд Кашгари упоминает рядом с башкирами йемеков (племена родственные кипчакам – Г.Г.), то есть где-то вблизи Предуралья [6, с. 64], там же их фиксируют русские летописи под именем половцы-емякове [7, с. 389; 8, с. 9].

К сожалению, мы совсем немного знаем о взаимодействии степняков с северными народами – волжскими булгарами и башкирами, в XI веке и позже. В тюркских преданиях об Огуз-хане, в передаче Абу-л-Гази хана (в «Родословной туркмен»), содержится глухая информация о столкновениях башкир и кыпчаков: *«Хан (Огуз-хан – Г.Г.) вырастил этого ребенка (т.е. Кыпчака – Г.Г.) в своих руках. После того как он стал джигитом, Урусы, Олаки, Маджары и Башкурды возмутились (здесь и далее выделено мною – Г.Г.). Дав Кыпчаку много илей и нукеров, [хан] послал его в те края, на берега Тина и Итиля (т.е. рек Дона и Волги – Г.Г.). Триста лет царствовал Кыпчак в тех местах. Все кыпчаки – его потомки. Со времен Огуз-хана и вплоть до времен Чингиз-хана на Тине, Итиле, Яике, на берегах этих трех рек, других илей, кроме кыпчакского, не было... Поэтому те места и называются Деит-и-Кыпчак – Кыпчакская степь»* [9, с. 43-44].

Теми же легендарными данными пользовался Рашид ад-Дин Фазлаллах, когда писал в «Огуз-наме» о том, что Огуз-хан поставил цель кыпчакам: *«достигнуть берегов Атиля и Йаман-Су (т.е. Волга и Сиваш – Г.Г.) и поселиться там, превратив тамошние края в свои юрты... С этой поры кыпчаки расположились там юртом и эта страна была закреплена за ними»* [10, с. 62-63].

Согласно «Тарихы» Гази-Бараджа, период со второй половины XI и до тридцатых годов XIII века был тяжелым временем для двух союзных народов – болгар и башкир [11, с. 115-168]. Восточные и южные границы Волжской Булгарии в то время «ощетинились» оборонительными валами и рвами, башкирская лесостепь практически опустела, а племена полукочевников частично сдвинулись к северу, в лесные районы Прикамья (см. могильники Селянино Озеро и Усть-Кишерть). Кыпчаки более столетия совершали регулярные грабительские набеги в лесостепную зону Урало-Поволжья, но заселять эти территории они даже не пытались. Степные кочевники явно не стремились покинуть свои пастбища, и начинать новую жизнь в непривычной им лесостепи. Однако, с приходом монголов ситуация в регионе начинает в корне меняться...

По словам Абу-л-Гази хана: *«Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Деит-и-Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла*

битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (т.е. к башкирам – Г.Г.). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков (выделено мною – Г.Г.). Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тинном, рассеялись на [все] четыре стороны. Большинство из них ушло в юрт Черкесов и Туманов. Джучи-хан, взял в плен [всю] кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской [страны] он переселил сюда свою семью и все или, которые дал [ему] отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт... В те времена узбеков называли моголами» [9, с. 44, 76]. Не менее определенно о поражении кыпчаков говорит Плано Карпини: «Команов (т.е. кыпчаков – Г.Г.) перебили татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним...» [12, с. 72].

Для нас особенно важны сообщения самих кыпчаков, включенные в состав башкирских шежере: «Чингиз-хан в период своего нашествия... убийством и грабежом совсем уничтожил кыпчакские племена. Оставшиеся в живых разбрелись в разные стороны. Некоторые спасли свою жизнь, присоединившись в качестве воинов к орде татарского хана» [13, с. 95]. Такую же мрачную картину в Дешт-и-Кыпчаке конца первой половины XIII в., обрисовал итальянец Марко Поло: «Команы (кыпчаки – Г.Г.) потеряли свои земли и были разогнаны по свету; а те, что остались на месте, были в рабстве у этого царя Саина (т.е. Бату – Г.Г.)» [14, с. 227-228].

Покорение кыпчаков и башкир монголами в XIII веке растянулось на несколько десятилетий, и завершилось после 1236 г. (т.е. после великого монгольского похода на запад). В монгольских источниках (в «Сокровенном сказании») говорится: «Посланные (в 1236 г. – Г.Г.) в помощь Субеетая царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевичи, покорив народы канлин, *кибчаут* (кыпчаков) и *бачжигит* (башкир), разрушили города Эчжил (р. Итиль=Волга), Чжаих (р. Яик=Урал) и Мегет, а также совершенно разгромили... население городов Белерман (г. Биляр), Керман-кива (г. Киев) и прочих городов, поставили даругачинов и тангачинов и возвратились на родину» [17, с. 194]. Однако характер подчиненного положения двух названных народов оказался различным. Башкиры обязаны были платить дань, но остались хозяевами своих земель. А кыпчаки не просто подверглись разгрому, они, во многом, утратили суверенитет над собственными кочевьями, занятыми победителями (монголами) и пришлыми вместе с ними восточными этническими группами. Поэтому, многие «осколки» разбитых кыпчакских племен искали спасение к северу от Дешт-и Кыпчака, в башкирской лесостепи. К слову сказать, по мнению современных исследователей, и в Зауралье кыпчаки пытались расселяться в лесостепи и южно-таежной зоне: «Какая-то часть кыпчаков откочевала в северном и западном направлениях, проникла в лесные районы Уральских гор, Прииртышья и Приобья» [18, с. 107]. Правда, реалии западносибирских направлений кыпчакских миграций изучены еще далеко не достаточно.

Нет необходимости повторяться, в связи с тем, что вопрос о трагедии и мытарствах - кыпчакских племен в степях Восточной Европы, после их

поражений в столкновениях с монголами, достаточно подробно рассмотрен И.В. Антоновым [15, с. 13-30, и др.]. Выделим лишь одну важную тенденцию, отмеченную в башкирском предании «Бурзяне* во времена ханов»: «*После Чингиса и Батыя кыпчаки опять размножились и превратились в воинственный народ*» [16, с. 94]. Видимо, вторая половина XIII и начало XIV вв. стало для кыпчаков временем внутренней стабилизации и определенного восстановления сил (правда, не под главенством своих «племенных» ханов, а под руководством монгольской элиты).

Приведенные данные позволили Р.Г. Кузееву сформулировать важный исторический вывод: «Земля иштяков или башкир в XIII в. действительно наводняется племенами из Дешт-и-Кыпчака» [2, с. 464]. Однако нам кажется, что в данном случае мнение выдающегося башкирского этнолога базировалось не столько на научных фактах, сколько на логических построениях.

О времени кыпчакизации Башкортостана авторы средневековых нарративов не говорят ничего определенного. В этой связи, И.В. Антонов справедливо заметил: «Джужджани, окончивший свое сочинение около 1260 г., мог и не знать о кыпчакской миграции в Башкирию, если ее основной поток пришелся на более позднее время. Но Абу-л-Гази, живший в XVII в., очевидно, знал об этой миграции, но не знал когда именно она имела место» [15, с. 25-26]. По нашему мнению, что бы изменить ситуацию, необходимо обратиться к рассмотрению археологических источников по теме. Как нам представляется, лишь анализ всего комплекса археологической фактологии позволит приблизиться к научно-обоснованному решению рассматриваемой проблемы.

Итак... Наши этнические построения основаны на том факте, что кочевнические древности (а это, в первую очередь, курганные захоронения и каменные изваяния) степняков резко отличаются от погребальных памятников башкирских племен того времени (это были грунтовые могильники). К тому же, башкирам не было свойственно изготовление и установка культовых каменных изваяний. Анализ источников объективно показывает, что в домонгольское время на юге Башкортостана (без учета зауральского региона Республики и областей Оренбуржья) совершенно нет памятников, которые можно было бы сопоставить с кыпчакскими курганами степной полосы (т.е. из пределов Оренбуржья и Западного Казахстана). Ни одного погребения (!?). И это не случайные показатели. Кыпчаков в лесостепном Башкортостане в XI – начале XIII вв. просто не было... А местные башкирские общины проживали значительно севернее, за р. Белой (данная ситуация возникла вследствие регулярных кыпчакских грабительских набегов на башкирские кочевья).

Подобная расстановка сил начинает резко меняться после 1236 г., то есть после завоевания Башкортостана монголами. Всего на сегодняшний день на юге Республики выявлен 21 памятник (одиночные курганы и курганные

* Бурзяне – одно из древних башкирских племен, живущее в горнолесной зоне Южного Урала.

могильники) кочевников эпохи Золотой Орды (XIII – XIV вв.). Все они локализируются у кромки степной части Республики. Поскольку археология - наука конкретная, мы ниже приводим таблицу с первичными характеристиками привлекаемого материала (см.: Таблица №1), чтобы любой желающий мог составить свое представление - о чем ниже будет идти речь.

Свыше двадцати памятников – это достаточно представительная выборка (особенно на фоне нулевых показателей предыдущего времени), но называть все эти курганы (погребения)

Таблица №1. Перечень кочевнических могильников на юге Башкортостана:

П/ №	Могильник	Район РБ	Автор раскопок / Год	Курган	Погр.	При меч.
1.	Ильчигуловский - I	Миякинский	Малиев Н.Л. / 1876 г.			Языч . / Мус.
2.	Сорайса	Стерлибашевский	Случ. нах. / 30-х г. XX в.			Мус.
3.	Резяповское погребение	Чекмагушевский	Случ. нах. 40-х г. XX в.	?	один очное	Языч .
4.	Батыровский	Федоровский	Случ. нах. / 1959 г.		Впускное	Мус.
5.	Сынтыштамак	Благоварский	Васюткин С.М./ 1966 г.	Всего 13 кург.		Языч . / Мус.
6.	Башкир-Беркутовские	Кугарчинский	Мажитов Н.А./ 1968 г.	№1-2		Языч .
6-а.	Башкир-Беркутовские	Кугарчинский	Мажитов Н.А./ 1969 г.	№3		Языч .
7.	Акимбетовский	Кугарчинский	Мажитов Н.А./ 1969 г.	№1		Мус.
8.	Аккулаевский	Давлекановский	Мажитов Н.А./ 1969 г.	Одиночный		Мус.
9.	Чулпан	Миякинский	Пшеничнюк А.Х./ 1969 г.	№1-2	три погр.	Мус.

10.	Бикечево –VIII	Кугарчинский	Исмагилов Р.Б. / 1975 г.	№1		Мус.
11.	Сыртлановский	Мелеузовский	Обыденнов М.Ф./ 1977 г.	№1	№3 впуск	Мус.
12.	Ново-Ильчигу- ловский -IV	Миякинский	Гарустович Г.Н. / 1986 г.	№2		Мус.
13.	Каран-Кункас	Миякинский	Акбулатов И.М./ 1989 г.	Одино чный		Мус.
14.	Бала-Чатыр- манский -III	Фёдоровский	Яминов А.Ф. / 1994 г.	Всего 5 кург.		Языч . / Мус.
15.	Азнаевский -II	Ишимбайский	Иванов В.А. и др./ 1998 г.	№1-4		Языч .
16.	Арсеновский (?)	Зиянчуринский	Савельев Н.С./ 2001 г.	Случ. нах.		Языч .
17.	Хитровский -I	Фёдоровский	Васильев В.Н./ 2002 г.	№3		Мус.
18.	Хитровский -II	Фёдоровский	Васильев В.Н./ 2002 г.	Одино ч ный	Впус к ное	Мус.
19.	Удрякбашевски й	Благоварский	Случ. нах. / 2004 г.			Языч .
20.	Тукмак-Каран	Туймазинский	Гарустович Г.Н./ 2005 г.	Погр. 1-2	Впус к ные	Языч .
21.	Юшатырский -I	Куюргазинский	Тагиров Ф.М./ 2006 г.	№1	Погр. 1 и 2	Мус.

Обозначения: Случ. нах. – случайная находка; Впуск. – впускное погребение; Языч. – языческое захоронение (первого периода: XIII – начала XIV вв.); Мус. – мусульманское захоронение (второго периода: середина XIV – начало XV вв.). «кыпчакскими» мы, к сожалению, не можем. Прежде всего, курганы объективно делятся на две культурно-хронологические группы: а) языческие погребения; б) мусульманские захоронения. Специалисты давно подметили, что в Улусе Джучи погребения указанных групп имеют различия в датировках, соответственно: первый (языческий)

золотоордынский период: приходится на время XIII – начало XIV в.; второй (мусульманский) золотоордынский период: середина XIV – начало XV века. Статистика у нас получается такая: всего могильников – 21 (100%); языческая группа – 7 мог. (33,3 %); мусульманская группа - 11 мог. (52,4 %); смешанные некрополи, содержащие как языческие, так и мусульманские погребения – 3 мог. (14,3 %). Как видим, в регионе преобладают поздние комплексы, хотя они и не образуют крупных скоплений курганов. Пожалуй, значительными размерами отличаются лишь смешанные памятники, такие как Ильчигуловский –I (к сожалению, он плохо изучен в XIX веке), Бала-Чатырманский, и, особенно, Сынтыштамакский могильники. Группу переходных (языческо-мусульманских) памятников мы датируем первой половиной XIV века. Ранние могильники также не были большими, и здесь выделим языческие захоронения Азнаевского –II (каменные насыпи) и Башкир-Беркутовского (земляные насыпи) некрополей. Подчеркнем, что в нашей выборке погребений выявлено больше, нежели могильных групп, за счет наличия серии впускных захоронений.

Если взять только ранние (языческие) захоронения, то и здесь хорошо заметна неоднородность рассматриваемой группы. Не смешанность, а именно изначальная неоднородность. Прежде всего, четко выделяются черты ритуальной практики Азнаевского комплекса, который датируется периодом монгольского нашествия, и аналогии которому уводят нас в области Центральной Азии. Похоронная обрядность Азнаевского могильника находит явные параллели в аскизской культуре в верховьях Енисея (могильник Хемчик-Бом -6, и др.) [19]. Возможно, этот памятник оставлен этническими монголами, поскольку специалисты соотносят с ними каменные курганы в Саянах. Схожих памятников в пределах Башкортостана больше не выявлено, но они известны в соседних степных областях: в Оренбуржье (Новый Кумак, кург. №1 (1972 г.), в Челябинской области (Симбирка; Бутак - III, кург. №2; Большое Озеро -I, кург. №11 [20, с. 181-185; 21, с. 233-234]), и в зауральской Башкирии (Сукраково -II, кург. №3), и др.

А вот другой памятник ранней группы – курганы у дер. Башкир-Беркутово, заслуживает нашего самого пристального внимания. Здесь под земляными насыпями выявлены захоронения в деревянных колодах, с разнообразным заупокойным инвентарем. Умершие, расчищенные археологами в Башкир-Беркутово, явно основательно «поварились» в степном этническом «котле» Золотой Орды. Шапочки-бокки, серьги в виде знака вопроса и «монгольские» зеркала, не оставляют сомнений в этом. Однако, западные (ЗЮЗ) и восточные (СВ) ориентировки головы, долбленые колоды, и кочевнические аксессуары над костяками (стремена), все эти черты заставляют нас вспомнить кыпчакские черты домонгольского времени, в степной полосе региона. К тому же, место расположения Башкир-Беркутовских курганов полностью согласуется с местом современного расселения башкир-кипсяков.

Далее, посмотрим на курганы могильника Сынтыштамак [22, с. 115-126]. К этому памятнику примыкают такие археологические объекты, как Урякбашевское погребение и, возможно, Ильчигуловский некрополь.

Насыпи курганов в Сынтыштамаке земляные, ориентировки костяков - головами на ЮЗ, здесь встречаются как языческие, так и безинвентарные погребения. Некоторые языческие элементы в могилах весьма показательны в научном плане. Скажем, размещение седел под головой умерших, отмечено также в Азнаевском –II некрополе. Считать эту черту исключительно монгольской - преждевременно, но именно так она трактуется в курганах Саянского каскада (Аймырлыг –II; Сарыг-Хая –III; и др.) [23, с. 161-166]. И еще один элемент уводит нас на восток, в круг древностей монгольских племен. Речь идет о пластинчатых человеческих фигурках, называемых бурханами или онгонами (кург. №2). И все же, мы считаем могильник не монгольским, а скорее, кыпчакским, испытавшим влияние монгольской обрядности.

Скорее всего, это был памятник, оставленный восточными кыпчаками, живших в степи по соседству с монгольскими народами (меркитами, каракитаями, и др.). Земляные насыпи курганов, ЮЗ ориентировки головы умерших, исламские черты в некоторых захоронениях могильника – все эти элементы мы связываем с кыпчакским наследием. Мусульманская религия начала проникать к кыпчакам еще в домонгольскую эпоху, особенно это касалось племен, живших у границ Хорезма и Семиречья. Разгромленные монголами, а затем попавшие в зависимость от Джучидов, кыпчаки в XIII веке утратили суверенитет над своими кочевьями.

Именно, в это время (около середины XIII в.; Башкир-Беркутовский могильник) начинается проникновение кыпчаков в лесостепную зону Южного Урала, и вхождение осколков их родоплеменных групп в состав башкирского народа. Массовое расселение здесь кыпчакских родов произошло в XIV веке, поэтому мы фиксируем преобладание мусульманских (безинвентарных) погребений (54,5%). Как известно из истории, в XVII – XVIII вв. этнические группы калмыков просились в состав башкир Зауралья, и получили согласие лишь при одном условии – принятия ими ислама [2]. Мы предполагаем, что в XIV веке было то же самое. К тому же, отсутствие крупных могильников в поздней группе кочевнических захоронений, и их разбросанность на юге Башкортостана, позволяет думать то, что на Урал приходили небольшие разрозненные скотоводческие аилы. В разное время, но на протяжении промежутка начала – середины XIV столетия...

Рассматривая характер взаимоотношений кочевников с представителями местного лесостепного населения, обратим внимание на то, что от случая к случаю, степняки проникали достаточно далеко на север, вглубь лесостепной зоны. Скажем, Резяповское погребение обнаружено в Чекмагушевском районе РБ, а Аккулаевский курган раскопан в Давлекановском районе Республики. Причем, Резяповское захоронение было языческим, поскольку содержало вещи: бронзовое зеркало с изображением ящериц (?), наконечники стрел и копьё [24, с. 124-125]. При общей археологической датировке по вещам: XIII – XIV вв., языческий характер погребения позволяет считать его ранним, предполагая совершение захоронения в XIII веке.

В то время, взаимодействие разных народов на просторах Предуралья не было простым. В этом плане особенно показательны находки 2005 г. на

территории могильника Тукмак-Каран (Туймазинский р-н РБ). Здесь, в пределах грунтового некрополя чияликской археологической культуры (принадлежащего предкам башкир) нами было расчищено захоронение под небольшой каменной выкладкой. Захоронение лошади (погр. 1) было разрушено местными жителями в поисках клада, но соседнее погребение человека (погр. 2) осталось нетронутым. Погребальный инвентарь (колчан с металлическими накладками, наконечники стрел, и т.д.) относится к XIII – XIV вв., но для нас более интересно то, что воин был убит сильным ударом тяжелого предмета (возможно – сукмара) в правый висок. Погибший кочевник был захоронен на территории местного грунтового могильника (но по своему обряду), причем вне погребального ряда; и так, что при этом едва не было разрушено чияликское захоронение женщины-мусульманки (погр. 3). Видимо, вооруженные столкновения победителей-степняков с покоренными ими башкирами, на ранней стадии существования Улуса Джучи, были достаточно заурядным явлением. Эта мысль находит полное подтверждение в многочисленных легендах и преданиях самих башкир [25, с. 41-44].

Корпус археологических источников Башкортостана, связанных с историей кыпчакских племен, не исчерпывается одними лишь курганными погребениями. Историками и археологами в южной части Башкирского Предуралья была выявлена серия каменных изваяний. До сих пор, данный тип памятников изучен еще очень слабо. И все же... Специалисты обосновывают появление здесь каменных баб, с непосредственным расселением в регионе кыпчакских племен. Резная каменная скульптура эпохи средневековья напрямую связана с культовой практикой тюркских племен языческой эпохи. В пространстве данная традиция перемещалась исключительно вместе со своими носителями.

Таблица №2. Находки каменных изваяний в Башкирском Предуралье:

П/ №	Населенный пункт	Район РБ	Река	Наличие кургана или ЖПК
1.	Мурадымово	Аургазинский	Уршак	Курган (?)
2.	Столяровка	Мелеузовский	Барча	?
3.	Ишмухаметово	Федоровский	?	?
4-5.	Акимбетовский - II	Кугарчинский	Ик	Кург. №1, два изваяния
6.	Ямаши-Тау	Кугарчинский	Ик	Кург. №2, над погр. 1
7.	Русское Тангирово	Кугарчинский	Утарка	Курган (?)

Из шести известных нам пунктов раскопки проводились лишь на двух объектах, тогда как остальные четыре памятника были уничтожены. В 1968 году Н.А. Мажитов произвел раскопки в Кугарчинском районе РБ: у дер. Акимбетово в кургане №1 выявлены сразу две каменные бабы; и обломки еще одного изваяния были расчищены в кургане №2 могильника Ямаши-Тау [26, с. 30-35, 158]. Несомненно, то, что ранее подобных объектов в регионе

было на порядок больше. Об этом позволяют судить местные предания и распространение топонимов типа «сынташ» («каменная фигура»). Самым северным пунктом в Башкортостане, где была обнаружена каменная баба, является гора у дер. Мурадымово (Аургазинский р-н), хотя у нас записана непроверенная информация о каменной скульптуре в предгорной зоне еще более северного - Архангельского района РБ (!?).

Лишь в двух случаях мы можем составить представление о половой принадлежности скульптурных изображений: мужчины (Ишмухаметово) и женщины (Акимбетово). В целом, предуральская выборка слишком мала для того, чтобы составить реальное представление об особенностях ритуальных кыпчакских изваяний региона. А если посмотреть на проблему шире, с привлечением материалов Оренбургской и Челябинской областей, выясняется такая «картина»: а) кыпчакская резная скульптура сильно стилизована; б) на Южном Урале преобладают изваяния стелловидного типа, выполненные в технике низкого рельефа; в) здесь обнаружено больше женских фигур, меньше – мужских; г) «каменные истуканы» связаны не с погребальными, а с жертвенно-поминальными объектами (ЖПК). Большой частью - каменными; д) скульптуры устанавливались на краю насыпи ЖПК, лицом к востоку; е) ЖПК иногда объединены в крупные святилища (например, Макан-третий в Башкортостане), но чаще они представлены одиночной насыпью; ж) одиночные ЖПК локализуются не на вершинах, а у подножия холмов. Или на площадках надпойменных террас; з) формы каменных ЖПК: 1. с округлой насыпью, 2. в виде круглой оградки, и 3. в виде квадратной выкладки. Причем, в западной части региона преобладают округлые ЖПК, а на востоке – квадратные (прямоугольные) выкладки. Условная граница между круглыми и квадратными (прямоугольными) ЖПК пролегла примерно по линии Уральского хребта; и) в насыпях ЖПК попадаются зольники, встречаются кости животных, куски дерева, но нет датирующих вещей; к) на каменных изваяниях заметны следы преднамеренных повреждений. Отметим также, недостаточную изученность этих интересных ритуальных объектов в Волго-Уральском регионе, и их массовое разрушение.

Что касается этнической принадлежности носителей рассматриваемой нами камнерезной традиции, следует сказать: в регионе, пока еще, преобладает количество сторонников традиционного мнения о том, что резные погрудные статуи создавались кыпчаками, и, поэтому, их иногда называют «половецкими» [27, с. 144; 28, с. 20-21. Рис. 5-6]. При этом имеется в виду, что «половецкие» («кимако-кыпчакские») изваяния относятся к домонгольскому времени (IX – XII вв.). Однако В.П. Костюков, рассматривая группу поминальников и изваяний, обнаруженных восточнее русла р. Урал, по-иному расставил акценты «этнической проблемы». По его мнению, «вопрос о том, каким этносом оставлены оградки, является, пожалуй, единственным, не вызывающим дискуссии. Здесь исследователи практически единодушны: поминальные оградки – отличительный знак заупокойных обрядов древних тюрков (именно: тугю)» [29, с. 63].

Нам представляется, что нет особых противоречий в приведенных выше точках зрения, поскольку на Южном Урале фиксируется наличие двух культурных (этнических) групп тюркских ЖПК и каменных скульптур. Как уже говорилось выше, граница между двумя поминальными комплексами пролегла, примерно, по линии Уральских хребтов (руслу р. Урал; и рубежам, разделяющим Башкортостан и Челябинскую область). Отметим важнейшие признаки, отличающие обе группы: а) на западе – округлые поминальники с женскими изваяниями; б) на востоке – квадратные оградки с мужскими скульптурами.

Не имея здесь места для детального сравнения двух поминальных систем, отметим лишь возможность принадлежности памятников западной группы кыпчакам. Дальнейшие исследования покажут, насколько данная концепция близка к истине. А пока лишь констатируем, близость изваяний и жертвенников уральской «западной» группы, не столько близ лежащим памятникам юга Западной Сибири и северного Казахстана, сколько объектам Мерке (Жамбылская обл. Казахстана) [30, с. 36-103]. Видимо, подобное сходство возникло далеко не случайно, особенно если учитывать контекст фразы Ибн ал-Асира о событиях осени 1043 г. (процитирована выше).

К рассматриваемым нами памятникам непосредственное отношение имеет также проблема хронологии. В последние десятилетия в стадии разработки находится теория, суть которой связана с продлением хронологических рамок бытования скульптуры с домонгольского времени - до XIII – XIV вв. Нам весьма импонируют подобные представления, хотя следует признать то, что научно обоснованных фактов подтверждающих такое датирование выявлено, пока еще, не достаточно. Реальную попытку поиска доказательств подобного «омолаживания» предпринял В.П. Костюков [29, с. 61-81]. Его выводы можно сформулировать так: «Доживание древнетюркского ритуала поминаения умерших до XIII – XIV вв., т.е. до той поры, когда он, видимо, под интенсивным воздействием иных религиозных систем видоизменился и утратил своеобразие, археологически столь выразительное, кажется нам весьма вероятным. Южноуральские оградки, ...должны быть отнесены к финальному этапу существования обычая» [29, с. 73]. Важными представляются также выводы В.Д. Кубарева, считающего, что время бытования на Алтае одной из групп тюркских поминальных объектов с каменными бабами, приходится на промежуток X – XII вв., и допускающего вероятность продления даты до XIV вв. [31, с. 46]. Автору статьи, также являющемуся сторонником омолаживания хронологии тюркского культового камнерезания, хочется высказать надежду на выявление в будущем дополнительных доказательств, подтверждающих данную теорию. Для нашей темы, вопросы датирования вообще имеют принципиальное значение, поскольку четко отражают время появления кыпчаков в лесостепной зоне.

Завершая рассмотрение кыпчакских древностей в Предуралье, выскажем необходимое уточнение: объем источниковой базы по теме значительно больше, нежели мы сейчас рассматриваем. За пределами нашего внимания остался комплекс курганов и изваяний с территории Оренбургской области.

Но в степном Оренбуржье эти памятники есть и должны быть по определению, а нас интересовали археологические объекты из более северных (лесостепных) пределов в Башкортостане. Поэтому мы обратились к территориям, на которых в XIII – XIV вв. лесостепные полукочевники (башкиры) контактировали с ярко выраженными степными скотоводами – кыпчаками.

Выводы. Анализ археологических источников позволяет нам сформулировать несколько важных положений. 1. Мнение о кыпчакизации территории южной Башкирии в домонгольское время следует признать ошибочным. 2. Монгольские воинские контингенты, от случая к случаю, появлялись в лесостепи Предуралья (Азнаево –II), но не селились здесь. 3. Отдельные кыпчакские племена оказались в лесостепной зоне не ранее середины XIII в., но в массовом порядке переселение произошло еще позже, в XIV веке. Для них это была вынужденная миграция. Можно лишь предполагать, что причиной «объемного» переселения кыпчаков в пределы Башкортостана были внутренние столкновения в степях Улуса Джучи. Возможно, это произошло в годы «великой замятни» в Золотой Орде (60-80-е годы XIV в.). 4. Одним из интересных видов памятников археологии, непосредственно связанных кыпчакским этносом, следует считать каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы. В Башкирии каменные изваяния появляются уже на «излете» бытования данной культовой традиции у кыпчаков. К этому времени обрядовая практика политеизма уже изжила себя, и её место занимала система ритуалов новой передовой монотеистической религии – ислама. Продиктованная нормами шариата, каноническая похоронная обрядность мировой религии, способствовала изживанию традиции тюркского камнерезания, связанного с древними народными верованиями. 5. Переселившиеся в лесостепную зону кыпчакские этнические группы очень быстро отказались от исконного курганного способа захоронения, переняв башкирскую похоронную обрядность (грунтовый способ погребения; крупные некрополи; и т.д.). Мощным фактором, способствующим быстрой ассимиляции степных скотоводов в лесостепной этнической среде была мусульманская ритуальная практика. 6. С другой стороны, кыпчаки «передали» своим новым соплеменникам – башкирам, очень важную культурную субстанцию - тюркский язык кыпчакского типа. Это привело к тому, что наиболее близкими современному башкирскому языку являются «кыпчакские» языки их ближайших соседей: татар и казахов.

Список литературы:

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – Вып. III и IV. – СПб., 1896.
2. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М., 1974.
3. Бартольд В.В. Сочинения. -Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 1968.

4. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1989.
5. Материалы по истории туркмен и Туркмении. -Т. 1. –М., 1939.
6. Махмуд Кашгари. - Т. 1. –Алматы, 1997.
7. Полное собрание русских летописей. -Т. 1. –М., 1963.
8. Полное собрание русских летописей. -Т. 10. –М., 1965.
9. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. -М.-Л., 1958.
10. Рашид ад-Дин Фазлаллах. Огуз-наме. –Баку, 1987.
11. Гази-Барадж Тарихы // Джакфар Тарихы. -Т. I. –Оренбург, 1993.
12. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. –М., 1957.
13. Башкирские шежере. –Уфа, 1960.
14. Книга Марко Поло. –М., 1955.
15. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). –Уфа, 2006.
16. Башкирские предания и легенды. –Уфа, 1985.
17. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. – М., Л., 1941.
18. Худяков Ю.С. Западная Сибирь в составе Улуса Джучи // Золотоордынское наследие: материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII - XIV вв.)». 17 марта 2009 г. –Вып. 1. –Казань, 2009.
19. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X – XIV вв. // САИ. –Вып. ЕЗ-18. –М., 1983.
20. Иванов В.А., Любчанский И.Э. Новые памятники средневековых кочевников в степях Южного Зауралья // УАВ. –Вып. 4. –Уфа, 2003.
21. Любчанский И.Э. Поминальный каменный комплекс монгольского времени у с. Симбирка Челябинской области // Курганы кочевников Южного Урала. –Уфа, 1995.
22. Васюткин С.М. К этнической истории Южного Приуралья в XIII – XIV вв. // Материалы по археологии Южного Урала. -Уфа, 1992.
23. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. –СПб., 2007.
24. Ахмеров Р.Б. Новые археологические находки в Башкирии // КСИИМК. –Вып. XXXIX. –М., 1951.
25. Гарустович Г.Н. Завоевание Южного Урала монголами в XIII веке // Вестник АН РБ. -2012. –Т. 17. -№1.
26. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. –М., 1981.
27. Чариков А.А. Две разновременные группы каменных статуй Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. –Уфа, 1986.
28. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII – XIV вв.). –М., 1988.
29. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII – XIV вв. –Казань, 2010.

30. Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. –Тараз, 2002.

31. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. –Новосибирск, 1984.

Список сокращений:

АН РБ – Академия наук Республики Башкортостан

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

РБ – Республика Башкортостан

САИ – Свод археологических источников

УАВ – Уфимский археологический вестник

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КИПЧАКСКИХ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И КИПЧАКА И СУДЬБЫ КИПЧАКСКОЙ ЭЛИТЫ В СОСТАВЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Кузембаев Н. Е.

Республика Казахстан, Павлодар

ПГУ имени С.Торайгырова

Кипчакские племена занимали огромную территорию от Иртыша на востоке до Дуная на западе. Эта территория получила у восточных авторов название «Дешт-и Кипчак» (Степь кипчаков). Естественной границей между Восточным и Западным Дешт-и Кипчаком выступала р. Волга [1]. Многочисленность и воинственность кипчаков позволила им значительно расширить территориальные владения и удерживать их в течение нескольких веков от посягательств могущественных соседей в лице Хорезма, Киевской Руси, государственных образований огузов, карлуков, Караханидов, каракитаев, найманов, киреитов.

Кипчакские племена были наследниками древнетюркских государственных традиций. Это прослеживается по наличию династийного рода ельбори у кипчаков (ашина у древних тюрков), разделению Восточно-Кипчакского государства на центр и крылья [2], идентичностью в древнетюркской титулатуре кимеков и кипчаков (шад-тутук, байгу, хакан) [3].

В начале XIII века политическая ситуация резко изменилась в связи с возросшим могуществом племенного союза монголов во главе с Чингиз-ханом. Успехи монголов по завоеванию соседних территорий неизбежно приближали границы Монгольской империи к границам Восточного Дешт-и Кипчака, и столкновение в дальнейшем было неизбежным.

Первое появление монголов на границе кипчакских владений относится к 1211 г., когда монголы во главе с Хубилай-нойоном появились в Семиречье. Предводитель карлуков Арслан-хан перешел на сторону монголов. Однако многолетняя война в Китае помешала Чингиз-хану продолжить движение на восток [4]. В 1216 г. старший сын Чингиз-хана Джучи направил свои войска в Тургайские степи [5] преследуя отступавших меркитов, злейших врагов монголов. Меркитов поддержали кипчаки, однако Джучи удалось разбить их. На р. Иргиз произошла случайная встреча монгольских войск Джучи и войск хорезмшаха Мухаммеда [6]. Джучи располагая меньшими силами и не получивший указаний вступать в войну с Хорезмом, избегал сражения. Но хорезмшах вынудил его сразиться. Сражение не выявило победителя, Джучи под покровом ночи скрылся, оставив в недоумении и растерянности Мухаммеда [7]. В 1218 г. монголы во главе с Джэбэ нойоном изгнали из Семиречья хана найманов Кучлука, узурпировавшего каракитайский престол [8].

Дальнейшие исторические события показывают неизбежность столкновения двух крупнейших для своего времени государств Хорезма и

Монгольской империи. Столкновение Джучи и хорезмшаха Мухаммеда не привело к объявлению войны. Это было связано, на наш взгляд, с незнанием военного потенциала соперников. С целью разведки стороны обменялись посольствами и заключили мирный договор с целью беспрепятственной и безопасной торговли. В этом договоре было прописано, что Чингиз-хан называет хорезмшаха Мухаммеда «своим сыном», т. е. вассалом [9].

Вслед за этим Чингиз-хан отправил торговый караван во главе с Омар-Ходжой Отрари, Джамалом Мараги и другими купцами. Всего в караване насчитывалось 450 человек. Летом 1218 г. караван прибыл в Отрар. Правитель Отрара Гайир-хан Инальчик [10] заподозрил купцов в шпионаже, приказал их убить и разграбить караван. Чингиз-хан возмущенный действиями Гайир-хана потребовал его выдачи. Однако хорезмшах не выдал хана и велел убить монгольских послов. Это и стало поводом к войне [11].

На наш взгляд у Гайир-хана не было иного выхода, как убить купцов, так как те, безусловно, получили задание собрать разведанные о состоянии армии, обороноспособности, экономике, социальном положении городов Хорезма. Хотя мусульманские источники обвиняют Гайир-хана в жадности и считают его основным виновником в развязывании войны, И.П. Петрушевский придерживается мнения, что караван служил для сбора информации о силах Хорезма и Гайир-хан не без оснований убил купцов [12]. Можно с уверенностью назвать караван монголов провокационным. Чингиз-хан к тому времени уже располагал достаточными сведениями для планирования военных действий путем привлечения на свою сторону купцов и перебежчиков из Хорезма. Тогда как хорезмшах находился в полном неведении и довольствовался полуфантастическими слухами распространяемыми монголами и бежавшими от них меркитами, найманами, кирейтами.

Выдать Гайир-хана Мухаммед был не в состоянии, так как его поддерживала мать хорезмшаха — Теркен-хатун, представительница знатного кипчакского рода и приходившаяся родственницей Гайир-хану, предводителю кипчаков перешедших на сторону Хорезма [13]. Кипчаки занимали ведущие позиции в Хорезме, составляли военную элиту государства, охраняли его рубежи от родственных кипчаков, не принявших ислам и враждовавших с хорезмшахами.

Для похода в Среднюю Азию Чингиз-хан собрал огромную армию [14]. Вся эта армия была сосредоточена весной 1219 г. на р. Иртыш. В сентябре 1219 г. началось движение к Сыр-Дарье. Основная армия Чингиз-хана наносила удары с севера, а корпус в 20000 воинов Джебе нойона наносил удары с востока отвлекая значительные силы армии Хорезма на себя [15]. Хорезмшах Мухаммед обладая превосходящей армией, обеспеченным тылом и укрепленными городами, принял роковое решение вести оборонительную войну в надежде, что это измотает противника, и он покинет Хорезм. Рассредоточенные войска, не имевшие централизованного руководства, теряли боевой дух и терпели одно поражение за другим. Монголы с помощью вспомогательных сил в лице местного населения и инженерных сил китайцев брали один город за другим.

Героической по своему масштабу и продолжительности обороны, почти пять месяцев, является оборона города Отрара под руководством Гайир-хана, в городе было сосредоточено от 20 до 50 тысяч воинов. Основу гарнизона Отрара составляли кипчакские воины, именно на их долю выпала героическая оборона города от монголов. По сведениям персидского автора Джувейни монголы обложили Отрар несколькими кольцами войск и продолжали осаду днем и ночью. Предательство Карача-хасс-хаджиба посланного с десятью тысячами воинов в поддержку гарнизона, открывшего ворота монголам ускорило гибель оборонявшихся. 20000 тысяч воинов во главе с Гайир-ханом укрылись в цитадели. Оставшись с двумя друзьями он сражался пока не был взят в плен и доставлен к Чингиз-хану, который подверг его мученической казни [16].

Семь дней и ночей длилась осада Сыгнака – центра присырдарьинских кипчаков. Джучи перебил всех его защитников. На этом сопротивление кипчаков не закончилось. В 1221 г. Джучи во главе многочисленного войска отправился в степи Казахстана к северо-востоку от Аральского моря, где «кыпчакский народ собрался и произошла битва. Джучихан победил и перебил всех попавших ему в руки кыпчаков» [17]. Видимо, кипчаки были вынуждены сплотиться перед лицом всеобщей опасности и оказать сопротивление врагу. Объединенные силы были собраны к северо-востоку от Аральского моря, по всей видимости, это территория Центрального Казахстана в районе Улытауских гор. Однако перевес сил был на стороне монголов, и кипчаки потерпели очередное поражение.

Первый удар основных сил Чингиз-хана был нанесен по г. Отрару и затем Сыгнаку не случайно, именно здесь располагался политический центр кипчаков составлявших костяк армии Хорезма. Уничтожение наиболее боеспособной части войск хорезмшаха предопределило закат государства Хорезм.

В источнике сообщается, что Джучи полюбил вольные кипчакские степи, идеальные для кочевой жизни и пожелал остаться в Дешт-и Кипчаке, наслаждаясь охотой на куланов [18]. До сих пор остается неясной причина смерти Джучи. Еще при жизни Чингиз-хан выделил сыновьям улусы. Джучи достались земли Восточного Дешт-и Кипчака. Эта территория получила в исторической науке название Улус Джучи, Улуг Улус и начиная с XVI в. – Золотая Орда.

Блистательные переходы монгольской армии во главе с Чингиз-ханом и корпусов Джебе нойона и Джучи не давали возможности соединиться силам хорезмшаха для генерального сражения, их разбили поодиночке. Хорезмшах Мухаммед окончил свои дни в конце декабря 1220 г. на островке у юго-восточного побережья Каспийского моря. Его мать Теркен хатун сдалась вместе членами семьи летом 1220 г. и была угнана в Монголию в качестве пленницы, где влачила жалкое существование и умерла спустя несколько лет. Сын хорезмшаха Джелал ад-Дин до последнего вздоха боролся с монголами, был выдан предателями и убит в августе 1231 г. в горах Курдистана [19]. Так бесславно закончилась история правящей династии Хорезма.

Кипчаки составляли костяк армии хорезмшаха. Героизм кипчаков при обороне Отрара и Сыгнака, в сражениях с монгольскими войсками показывают высокий боевой дух и патриотизм кипчакских воинов. Бездарность хорезмшаха Мухаммеда, отсутствие плана ведения войны, нерешительность и недоверие к собственным полководцам привело Хорезм к катастрофе [20]. Примечательно, что хорезмшах так и не дал ни одного крупного сражения монголам. Многие города и села были стерты с лица земли. Население частью убито, частью угнано в рабство. Таковы были результаты недальновидной политики хорезмшаха.

Сопrotивление кипчаков монголам продолжалось на протяжении длительного времени даже после завоевания Восточного Дешт-и Кипчака.

Поход Джебе-нойона и Субудей-багатура 1220-1223 гг. сопровождался покорением новых территорий и череды побед. В 1223 г. произошла битва на р. Калка объединенных сил русских и кипчаков против монголов. В результате трехдневной битвы русские и кипчаки были разбиты наголову и бежали. Ободренные успехами монгольские полководцы направились домой через Волжскую Булгарию. Однако болгары дали достойный отпор пришельцам, устраивая засады используя превосходное знание местности и заманивая монголов вглубь страны [21]. Поражение Джебе и Субудея не остановило монгольское продвижение на запад. Собранные сведения были впоследствии использованы при подготовке и проведению западного похода Бату. В монгольском источнике «Сокровенное сказание монголов» поход Бату именуется не иначе как «Кипчакский поход» [22]. В «Юань Ши» поход Бату также получил название «Кыпчакской кампании». Это дало основание Т.Т. Олсену прийти к выводу, что покорение кипчаков, а не завоевание Руси было главной целью западной кампании начавшейся в 1236 году [23]. Это указывает на важность кипчаков в политических планах Монгольской империи. Дальнейшие исторические события покажут, что преследование и завоевание кипчаков продолжилось на Северном Кавказе, в Венгрии и Болгарии.

Арабский писатель Ибн Васил сообщает, что «В 627 (1229-1230) году вспыхнуло пламя войны между Татарами и Кипчаками» [24]. Тридцатитысячный корпус Субудея Кукдая и отряды Улуса Джучи отправились в прикаспийские степи. Русские летописи датируют этот поход 1229 г. и сообщают, что под натиском монголов кипчаки-половцы и саксины (хазарское население на Нижней Волге) бежали в пределы Волжской Болгарии. В 1230 г. войска Улуса Джучи вновь вторглись в степи между Яиком и Волгой. Военные действия в прикаспийских степях продолжалось и в 1232-1235 гг., причем передовые отряды монголов проникали даже на правобережье Волги [25].

Следовательно, с падением государства Хорезм часть Восточного Дешт-и Кипчака оставалась еще свободной и вела борьбу за независимость от монгольских захватчиков.

Перед подготовкой Бату, сыном Джучи-хана, похода на Запад, его двоюродные братья Гунок и Мунке отправились против кипчаков, буртасов и мордвы (мокши) со значительным воинским контингентом. Персидский

историк Джувейни сообщает о покорении земель болгаров, асов, аланов, русских и кипчаков «...эти земли были освобождены от смутьянов, и те, кому удалось избежать меча, склонились свои головы и повиновались. Тем не менее одному из вождей поверженных кипчаков, человеку по имени Бачман, удалось уйти от преследования с отрядом кипчакских воинов, и к нему присоединились другие беглецы» [26]. Вокруг Бачмана сплотились все пострадавшие от монголов и приняли активное участие в антимонгольском сопротивлении. Рашид ад-Дин говорит о том, что Бачман происходил из знатного кипчакского племени ольбурлик [27]. Рашид ад-Дин, Джувейни, говорят о крупной военной акции направленной на поимку и уничтожение восставших: «Менгу каан приказал изготовить 200 судов и на каждое из них посадить по 100 человек монголов в полном вооружении. Он же (сам) с братом своим Бучеком шли облавой по обоим берегам реки» [28]. Удача отвернулась от Бачмана, его семья и родные попали в руки монголов, его отряд был уничтожен, а сам он казнен рукой чингизида Бучека. Интересно, что Джувейни видит в этой казни священный смысл «Когда Бачман был приведен к Менгу-каану, он умолял, чтобы последний убил его собственными руками. Однако Менгу-каан велел своему младшему брату разрубить его надвое. Эти знаки указывали на причину передачи власти и ключей империи Императору мира Менгу-каану...» [29]. Рашид ад-Дин считал, что это событие произошло в 1236-1237 годах [30].

Если версии Джувейни и Рашид ад-Дина схожи, то версия китайских источников иная. В «Юань Ши» и «Тхун-цзянь-ган-му» сообщается, что Угедей-хан специально направил против Бачмана чингизида Бату и в помощь ему дал Субудей-багатура. Угедей-хан высоко оценил ловкость и храбрость предводителя кипчака. Бачман (кит. Бачимань) попав в руки Менгу не был убит, а был взят в плен. После поимки он сообщает будущему хану, что необходимо покинуть остров иначе войско может утонуть. Менгу последовал совету пленника, отвел войско на берег, и на самом деле вскоре прибыла вода. Далее ничего не сообщается о смерти Бачмана. Е.И. Кычанов отмечает со ссылкой на «Юань Ши», что он перешел на сторону монголов и даже позже некоторое время правил русскими и асами [31]. По-видимому, силы восставших были очень значительные. Иначе, зачем направлять 20000 тысяч монгольских воинов и дополнительные силы для покорения одного отряда?

Совместно с Бачманом против монголов воевал вождь асов Качир-укулэ (Качир-улэ). Возможно, под асами здесь именуются не предки современных этносов на Северном Кавказе, а кипчакское племя ас [32] (ал-арс/ал-ас) входившее в родоплеменной состав кипчаков Восточного Дешт-и Кипчака [33].

Бачман, как законный правитель кипчаков из династийного племени ельбори, собрал под своими знаменами значительные силы кипчаков. Возможно, к восставшим присоединились кипчаки Западного Дешт-и Кипчака. Интересно, что Бачман избегал прямого столкновения с монголами в степи, а напал неожиданно и так же бесследно исчезал в пойме Волги или в лесах. Эта тактика была единственно эффективной против врага привыкшего воевать в открытой местности.

По сведениям арабиста К. Саки в междуречье Урала и Волги в 1225 г. родился будущий султан мамлюков Байбарс. Племя Байбарса просило помощи у болгарского хана Анара с просьбой разрешить переправиться через крымский Судак и воспользоваться тамошними землями. Хан любезно предложил межгорную котловину, а во время их перекочевки вероломно напал на них, многих поубивав, а многих пленив. В числе пленников оказался и Байбарс, которому в то время было около четырнадцати. Пленников погнали на невольничий рынок в Сивасе. Переправив через Черное море, пленников повезли на невольничий рынок в Алеппо (Дамаск) [34].

Часть кипчаков покорила монголам добровольно, и впоследствии принимали участие в политической и культурной жизни государств Чингизидов. В «Юань Ши» приводится подробная биография потомков кипчакского хана Инасы вассалов Хубилай-хана. Это биографические сведения о внуке Инасы-хана Баньдуча, его правнучке Тутуха и третьем сыне Тутуха – Чжуануре [35]. Из этих сведений следует, что потомки Инасы-хана путем усердной службы добились больших высот в карьере при дворе монгольских ханов, создали и возглавили гвардию из кипчаков и канглы. Более того все завоеванные или отчужденные владения с кипчаками и канглами были отданы в их ведение. Армия Тутуха насчитывала 10000 конных всадников, они использовались в основном при подавлении восстаний поданных, например енисейских кыргызов или в междоусобицах Чингизидов [36].

Политическую карьеру сделал второй сын Тутуха – Темур-Буга, а сын Чжуанура, Эль-Тимур, стал вторым человеком в империи после императора, он тайно руководил дворцовыми переворотами в 1230 г. и 1328-1330 годах. В 1335 г. произошло подавление кипчакской дворцовой клики и прекращено господство Эль-Тимура при императорском дворе. Однако это не покончило с кипчакским присутствием в Китае [37]. Среди высокопоставленных военачальников и государственных деятелей в китайских источниках упоминаются еще кипчаки Сидур, Ульчебадур, Кучебадур, Хасан, Бакан и Катан. Среди известных деятелей юаньской культуры называются имена кипчаков – Тайбука, Бобохуду, Яньтимура, Хасана и его сына Боланьи [38]. По расчетам сделанных на основе изучения китайских источников И. де Рахевильца в Юаньской империи на службе у монголов на высоких должностях в период 1200-1368 гг. состояло 60 кипчаков. В основном они были военачальниками [39]. Все это в целом указывает на факт значительного присутствия и роста влияния кипчаков в Монгольской империи.

Среди кипчаков на службе у монголов были не только военачальники и деятели культуры. Рашид ад-Дин упоминает кипчаков принимавших участие в дипломатическом посольстве: «Главою кипчаков во времена Чингиз-хана был эмир из племени кипчак по имени Кунджек, бывший старейшиной [михтар] зонтикодержателей Чингиз-хана. Он имел сына по имени Кумурбиш-Кунджи; он был искусный охотник. Как-то раз его посылали с посольством к государю Ислама, — да длится его царствование! [Оба] они,

[отец и сын], принадлежат к роду государей кипчаков. Впрочем, Аллах лучше знает и мудрее!» [40]. Возможно, впоследствии именно кипчаки сыграли важную роль в установлении международных связей между Золотой Ордой и Мамлюкским Египтом [41].

Некоторым представителям кипчакской элиты удалось бежать в соседние страны. Джузджани приводит сведения о Улуг-хане, известного как «хан ельбори и шах имеков», который юношей бежал от монголов с территории Казахстана в Делийский султанат [42]. Часть кипчаков, как упоминалось ранее, были проданы в рабство.

Территория Восточного Дешт-и Кипчака была поделена между сыновьями Чингиз-хана. Джучи достались земли к западу от Иртыша вплоть до Волги, Чагатаю были отведены территории от Южного Алтая до Амударьи включая Восточный Туркестан, большую часть Семиречья и Мавераннахр. Северо-восточная часть Семиречья отошла к Угедю [43]. Большая часть Восточного Дешт-и Кипчака досталась Джучи и его потомкам. При его сыне Бату эта территория будет значительно расширена на запад за Волгу и получит наименование в исторических источниках «Золотая Орда». Степное население вошло в состав Улуса Джучи и приняло активное участие в завоевательных походах монголов.

Потерпев поражение от монголов, кипчаки сохранили свой этнический облик и традиции материальной и духовной культуры, которая была выше культуры монголов. В течение нескольких поколений завоеватели были ассимилированы местным населением и утратили свой язык, традиции и обычаи. Это заметил арабский писатель аль-Умари: «В древности это государство было страной кыпчаков, но, когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кыпчаки, как будто бы они одного [с ними] рода, от того, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и остались жить на земле их [кыпчаков]» [44].

Таким образом, завоевание Восточного Дешт-и Кипчака не было единовременной акцией, а продолжительной по времени и огромной по территории целенаправленной политикой Чингизидов. На первом этапе монголы разгромили соседние с Восточным Дешт-и Кипчаком – Найманское ханство, меркитов, государство каракитаев и Хорезм. На втором этапе произошло завоевание самой территории Дешт-и Кипчака войсками Джучи, а затем продолжено при его сыне Бату. На третьем этапе были подавлены ряд крупных восстаний и очагов сопротивления кипчаков в союзе с другими племенами и народами. Именно завоевание кипчакских племен стало главной целью монголов в походе на запад. Монголы в первую очередь стремились уничтожить властную элиту кипчакского общества путем физического уничтожения, как это было в случае с Гайир-ханом, либо привлечением к себе на службу в качестве вассалов, что прослеживается на примере потомков Инасы-хана.

В результате завоевания Восточного Дешт-и Кипчака было приведено в покорность все кипчакское население, были осуществлены

крупномасштабные этнические миграции тюркских и монгольских племен, изменены и ликвидированы границы многих государств Евразии. Разрушение городов, уничтожение очагов земледелия, массовый угон скота, обложение населения тяжелыми налогами и поборами негативно сказалось на экономическом развитии местного населения. Городские оазисы Южного и Юго-Восточного Казахстана были разрушены, население частью убито, частью угнано в плен. Оставшиеся в живых были вынуждены служить новым аристократам Чингизидам. Часть кипчаков была призвана платить налог «кровью», т. е. служить в монгольской армии, участвовать в покорении новых земель. Многие кочевники были вынуждены покинуть родные края и бежать на чужбину. Оказывавшие сопротивление были перебиты монголами.

Однако потерпев политическое поражение от монголов, кипчаки сумели сохранить материальную и духовную культуру, язык и фольклор. Монголы в скором времени восприняли кипчакскую культуру, позабыв свои собственные культурные особенности, освоили кипчакский язык, который оставался языком международного общения. Постепенно породнившись с кипчаками, монголы растворились в местной этнической среде.

Кипчаки играли важную роль в Монгольской империи, они служили верными проводниками политики ханов династии Юань, в качестве военной силы подавляли внутренние смуты и восстания, возможно, были послами в Мамлюкский Египет, что позволило быстро наладить международные связи ханов Золотой Орды и султанов мамлюков. Важно заметить, что роль кипчаков в качестве военных и дипломатов на этом не ограничивается, они также прекрасно проявили себя в качестве культурных деятелей.

Список литературы

1 По Т.И. Султанову границей между Восточным и Западным Дешт-и Кипчаком была р. Урал. Границы Восточного Дешт-и Кипчака на востоке – р. Иртыш, на западе – р. Урал, на севере – р. Тобол, на юге – оз. Балхаш и местности, примыкавшие к среднему течению р. Сыр-Дарьи (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. *Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье*. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004: 2-е изд., исправл. и доп. с. 218).

2 Восточное Кипчакское ханство, располагавшееся в Восточном Дешт-и Кипчаке, разделялось на центр в Торгайских степях Центрального Казахстана, восточную часть в г. Сыгнаке на Сырдарье и западную часть со ставкой на Жайке (Урал) (Кумекон Б.Е. *О древнетюркских государственных традициях в Кимацком каганате и Кипчакском ханстве* // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан Известия НАН РК. – Сер. обществ. наук. – 2003. – № 1. с. 74-77). По мнению С.М. Ахинжанова оно разделялось на три кипчакских владения. Первое, в районе Мангышлака, которое в середине XII в. попало под власть хорезмшаха. Второе располагалось в Западном Казахстане севернее Аральского моря, во главе его стояли ханы из племени ильбари (ельбори). В начале 30-х гг. XII в. поход хорезмшаха Атсыза и внутренние беспорядки привели к приходу к власти в этом объединении племени байаутов на место ильбари (ельбори). Третье объединение находилось на территории Сыгнака, оно возникло после

разгрома Атсызом племени ильбари (ельбори) и вобрало в себя территории кимекской области Андар аз-кифчак. Во главе объединения стояли представители племени кимеков, известного в источниках как уран (Ахинжанов С.М. *Государственное объединение кыпчаков // История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней)*. В пяти томах. Т. I. – А.-А.: Наука КазССР, 1977. с. 66-67; Ахинжанов С.М. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана*. Издание исправленное. – А.: Гылым, 1999. с. 282-285).

3 Кумекон Б.Е. *Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам*. – А.-А.: Наука, 1972. с. 129; Кумекон Б.Е. *О древнетюркских государственных традициях // Известия НАН РК. – Серия общественных наук. – 2003. – № 1. с. 74-77*; Кумекон Б.Е. *Арабские источники по истории кыпчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII вв.*: диссертация в виде научного доклада на соискание научной степени доктора исторических наук: 07.00.09. – СПб: Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук, 1994. с. 34-35.

4 Султанов Т.И. *Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть*. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. с. 136.

5 По сегодняшний день в Тургае компактно проживают крупные родовые группы кыпчаков из среды казахского народа (Мұқанов М. *Қазақ жерінің тарихы*. – А.: Атамұра – Қазақстан, 1994. с. 60-61).

6 По сведениям Джузджани хорезмшах Мухаммед в 1218-1219 гг. совершил поход в Восточный Дешт-и Кипчак на кыпчаков Кадыр-хана, сына Сакафтана Йемекского. В походе он столкнулся с армией Джучи и дал сражение (*Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan, from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and ... from Original Persian Manuscripts. Volume 2. Translated by H. G. Raverty. This Elibron Classics book is a facsimile reprint of a 1881 edition by Gilbert & Rivington, London. Delhi: Low Price Publications, 2010. p. 1096-1097*). По ан-Насави это произошло в 1215-1216 гг. на р. Ирғиз и Джучи преследовал не меркитов, а найманов Кучлук-хана (Перевод извлечений из «Сират ал-Султан Джалал ад-Дин Манкубирти» ан-Насави // Из истории казахов / Составитель Е. Аккошкарон. А.: Жалын, 1997. с. 246). В.В. Бартольд считал, что поход был начат зимой 1215/1216 г. и столкновение с монголами произошло в 1216 г. (Бартольд В.В. *Сочинения. Том I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. с. 436). Относительно места сражения в исторической литературе существует несколько мнений. Дискуссия отражена в публикации С.М. Ахинжанова, который считал, что сражение произошло в междуречье Кумак и Джарлы в окрестностях Уральских гор (Ахинжанов С.М. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана*, с. 233-235).

7 *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Ответственный редактор М.Х. Абусейтова. Переработанное и дополненное издание. Подготовка к новому изданию, введение, перевод, комментарии, составление указателей*

М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. – А.: Дайк-Пресс, 2006. с. 39; Султанов Т.И. *Завоевание монголами территории Казахстана* // История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том II. А.-А., «Наука» КазССР, 1979. с. 116; Кадырбаев А.Ш. *Войны и военная организация народов древнего и средневекового Казахстана (II тысячелетия до н.э. – XIV век н.э.)* // Исторический опыт защиты Отечества. Военная история Казахстана: Учебное пособие для курсантов военных училищ и студентов гражданских учебных заведений / Составители: П.С. Белан, Т.Б. Балакаев. - А.: «БОРКИ», 1999. с. 41; Ахинжанов С.М. *Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами)* // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – А.-А.: Наука, 1989. с. 326-335.

8 Д Оссон К. *От Чингисхана до Тамерлана* (Перевод и предисловие проф. Н. Козьмина) 2-е издание. - А.: «Санат», 1996. - 256 с. с. 94; Груссе Р. *Чингисхан: Покоритель Вселенной* / Рене Груссе; пер. с фр., вступ. сл. Е.А. Соколова; послесловие А.С. Железнякова; прил. - 4-е изд. - М.: Молодая гвардия, 2008. с. 167.

9 Султанов Т.И. *Завоевание монголами территории Казахстана*, с. 116-117

10 Он был предводителем кипчаков, находился на службе у хорезмшаха и приходился ему родственником по материнской линии (Ахинжанов С.М. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана*, с. 219-222). Это родство сыграло свою роковую роль в развязывании войны между Хорезмом и Монгольской империей.

11 Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, с. 466-467; Султанов Т.И. *Завоевание монголами территории Казахстана*, с. 117; Д Оссон К. *От Чингисхана до Тамерлана*, с. 109; Владимирцов Б.Я. *Чингис-хан* // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б.Я. Владимирцов; Редколлегия: В.М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Г.И. Слесарчук. – М.: Восточная литература, 2002. с. 187

12 Петрушевский И.П. *Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия* // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. Издание 2-е, перераб. и дополнен. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1977. с. 113-114.

13 Ахинжанов С.М. *Кыпчаки в истории средневекового Казахстана*, с. 227-228; Хартог Л. *Чингисхан. Завоеватель мира* / Лео де Хартог. - М.: Олимп: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. с. 129; *Перевод извлечений из «Сират ал-Султан Джалал ад-Дин Манкубирти» ан-Насави*, с. 252.

14 Историк Э. Хара-Даван приводит цифру в 230000 человек. А.Ш. Кадырбаев считает, что численность армии была 150000 человек, вместе с тюркскими союзниками. Так или иначе не оставляет сомнений факт высокой подготовки монгольских войск. Большинство их составляли конники с 5-6 заводными лошадьми, вспомогательные войска в лице покоренных народов и племен, китайцев, уйгуров, туркмен (Хара-Даван Э. *Чингис-хан как великий полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XIII–XIV веков.* - А.-А.: Изд-во «КРАМДС – Ахмед Яссауи», 1992. с.

138; Кадырбаев А.Ш. *Войны и военная организация народов древнего и средневекового Казахстана (II тысячелетия до н.э. – XIV век н.э.)*, с. 41).

15 Хара-Даван Э. *Чингис-хан как великий полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XIII–XIV веков*, с. 140; *Перевод извлечений из «Сират ал-Султан Джалал ад-Дин Манкубурти» ан-Насави*, с. 253.

16 *История Казахстана в персидских источниках* / Ответственный редактор М.Х. Абусейтова, сост. М.Х. Абусейтова. – А.: Дайк-Пресс, 2007. Том V. Извлечения из сочинений XIII – XIX веков. с. 25-27.

17 Кадырбаев А.Ш. *Войны и военная организация народов древнего и средневекового Казахстана (II тысячелетия до н.э. – XIV век н.э.)*, с. 42.

18 *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным* / Отв. редактор М.Х. Абусейтова., с. 40

19 Петрушевский И.П. *Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия*, с. 128, 130.

20 В.В. Бартольд пришел к мысли, что у Мухаммеда не было иного выхода как рассредоточить свои силы в гарнизонах Мавераннахра и отступить, так как он не мог рассчитывать на верность своих подданных, особенно после ссоры с матерью Теркен хатун. Среди населения хорезмшах также не пользовался популярностью. Соответственно сбор войск в одно целое мог повлечь роковые последствия для династии хорезмшахов в целом (Бартольд В.В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, с. 472-473).

21 *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова*. с. 48

22 Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. – Элиста: Калмыкское книжное издательство, 1990. с. 258.

23 Оллсен Т.Т. *Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217-1237 годах* // *Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Сб. науч. работ* / Гл. ред. А.В. Евглевский; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т – Т. 6. – Донецк: ДонГУ. 2008. с. 360; Allsen T. *Prelude to the Western campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural region, 1217-1237* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. – 3. – 1983. pp. 5-23.

24 *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова*. с. 83.

25 Султанов Т.И. *Золотая Орда. Государство Чингизидов в Евразийской степи*. – А.: Мектеп. 2004. с. 31

26 *История Казахстана в персидских источниках* / Отв. редактор М.Х. Абусейтова, сост. М.Х. Абусейтова. – А.: Дайк-Пресс, 2007. Том V. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. с. 45.

27 Ольбурлик – ведущее, элитарное племя, из которого из поколения в поколение происходили кипчакские ханы. Возможно, семантика термина «борили» связана со значением «волк». В исторической и этнографической литературе широко известны культ волка, как легендарного родоначальника ряда тюркских этносов и тотемическая роль волка на ранних ступенях развития тюркских племен. Борили (ельборили) были древнетюркским племенем центральноазиатского происхождения. По мнению Б.Е. Кумекова генеалогическим родоначальником ханского рода ельбори был Аббар-хан (Табар-хан по Махмуду аль-Кашгари) (Кумеков Б.Е. *Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII вв.*, с. 34). По мнению П.Б. Голдена этимология этого слова остается неизвестной, а этимология: < бери «волк» невозможна. Об Ольберли, см. Golden P.V. *Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi* (1985 [1987]), pp. 5-29. По мнению С.А. Плетневой Бачман происходил из племени бурджоглы и возможно был потомком хана Боняка (Плетнева С.А. *Половцы*. - М.: Наука, 1990. с. 178). Это ошибочно, так как у кипчаков были два разных племени ельборили и бурджоглы, а Бачман по сведениям Рашид ад-Дина относился именно к ельборили.

28 *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным* / Отв. редактор М.Х. Абусеитова., с. 84.

29 *История Казахстана в персидских источниках* / Отв. редактор М.Х. Абусеитова, сост. М.Х. Абусеитова. – А.: Дайк-Пресс, 2007. Том V. Извлечения из сочинений XIII – XIX веков. с. 46; Korobeinikov D. *A broken mirror: the Kipchak world in the thirteenth century // The Other Europe in the Middle Ages Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans* Edited by Florin Curta with the assistance of Roman Kovalev. - Leiden – Boston: Brill, 2008. с. 405.

30 (См. *История Казахстана в персидских источниках* / Отв. редактор М.Х. Абусеитова, сост. М.Х. Абусеитова. – А.: Дайк-Пресс, 2007. Том V. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. с. 45-46; *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным* / Отв. редактор М.Х. Абусеитова., с. 84-85). Основываясь на этом П. Пельо выдвинул дату – зима 1236-1237 годы (Pellio P. *A propos des comans // Journal Asiatique*. – 1920. – Ser. 11. – Vol. XV. с. 161). Возможно, П. Пельо основывался на переводе слова «Бачман» с персидского как январь-февраль (*Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувайни* / Пер. с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на англ. яз. Дж. Э. Бойла. С предисловием и библиографией Дэвида О. Моргана. Пер. текста с английского языка на русский Е. Е. Харитоновой. М.: Магистр-Пресс, 2004. с. 408, 658). Эта дата не может быть принята нами хотя бы по той причине, что при описании поимки Бачмана не идет речи о зиме, напротив, отмечаются отсутствие льда на реке и прилив. Е.П. Мыськов считает, что дата поимки Бачмана весна-лето 1237 г. указанная Рашид ад-

Дином неверная, в действительности эти события происходили между весной 1238 г. и осенью 1240 года. Р.П. Храпачевский предлагает дату 1238-1239 годы (Мыськов Е.П. *Политическая история Золотой Орды (1236-1313)*. - Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2003. с. 27-28; Храпачевский Р.П. *Военная держава Чингисхана* / Р.П. Храпачевский. - М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. с. 353-354).

31 (См. Кычанов Е.И. *О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши»)* // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие / Редкол. т.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. – М.: Вост. лит., 2002. с. 79-80). К сожалению, мы не располагаем сведениями из «Юань Ши» о переходе Бачмана на сторону монголов и его правлении русскими и асами.

32 Аль-арс, ал-ас – пятое племя в родоплеменной иерархии кипчаков Восточного Дешт-и Кипчака, тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта обитавшие по соседству с Аральским морем. (Кумекоев Б.Е. *К анализу этнического состава кыпчаков XI – начала XIII вв. по данным арабских источников*. // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20-23 ноября 1988). - М.: АН СССР, 1988. с. 74-75; Кумекоев Б.Е. *Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII вв.*, с. 26).

33 *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным*. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. с. 35; Кумекоев Б.Е. *Об этническом составе кыпчаков IX – начала XIII вв. по арабским источникам* // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Выпуск 11. История и археология. Отв. ред. Б.А. Литвинский, Т.А. Жданко. – М.: АН СССР, 1990. с. 122; Кумекоев Б.Е. *Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – нач. XIII вв.*, с. 26.

34 Саки К. *Юрта на пирамиде, или о Байбарсе со слов средневековых летописцев* // <http://www.arba.ru/article/726>.

35 Сведения о кипчаках на службе у юаньской династии представлены в работе (Dardess J.W. *Conquerors and Confucians. Aspects of Political Change in Late Yüan China*. New York: Columbia University Press, 1973 – 245 p.).

36 Кычанов Е.И. *Сведения в "Юань-ши" о переселениях кыргызов в XIII в.* // Известия Академии наук Киргизской ССР. - Фрунзе, 1965 – Серия общественных наук - том V - вып.1 - С. 59-65, с. 62-63; *Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері*. V том. Әулеттік тарихы жылнамалар. 3 бөлім. - Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 256 с., с. 193-204.

37 Halperin C.J. *The Kipchak connection: the Ilkhans, the Mamluks and Ayn Jalut* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. – Vol. 63. – №. 2 (2000). с. 240.

38 Кадырбаев А.Ш. *Тюрки (кыпчаки, канглы, карлуки) в Китае при династии Юань*: автореф. ... канд. истор. наук: 07.00.03 – Всеобщая история. – Л.: Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, 1984. с. 12, 15.

39 Halperin C.J. *The Kipchak connection: the Ilkhans, the Mamluks and Ayn Jalut*, с. 240.

40 Рашид-ад-Дин *Сборник летописей. Том I. Книга первая.* / Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. Редакция и примечания проф. А.А. Семенова. – М.-Л.: АН СССР, 1952. с. 151.

41 Исследователь Ч. Гальперин отмечает важную роль кипчаков во взаимоотношениях между Золотой Ордой, Ильханидами и Мамлюкским Египтом (Halperin C.J. *The Kipchak connection: the Ilkhans, the Mamluks and Ayn Jalut*, с. 245).

42 *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan, from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and ... from Original Persian Manuscripts. Volume 2.* с. 961, 1097; Кумеков Б.Е. *Об этнонимии кыпчакской конфедерации западного Дешт-и Кыпчака XII – начала XIII века* // Известия НАН РК. – Серия общественных наук. – 1993. – № 1. с. 62-63.

43 Султанов Т.И. *Образование улусов. Золотая Орда* // История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том II. - А.-А., «Наука» КазССР, 1979. с. 120-121.

44 *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном.* Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. с. 174.

ДЕШТ-И КИПЧАК И ВНЕШНИЙ МИР. ТИПОЛОГИЯ КОНТАКТНЫХ ЗОН МЕЖДУ КУМАНО- КИПЧАКСКОЙ ОБЩНОСТЬЮ И ВНЕШНЕГО МИРА

*д-р Константин Голев,
Болгария, София
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского*

То, что кумано-кипчаки, доминирующие в Евразийских степях в XI – XIII веков, являются бесписьменной общностью, известно давно. Поэтому основной корпус источников об их динамичной истории (за редкими исключениями, такими как «Гайная история монголов») составлен из сведений представителей оседлых обществ, с которыми кумано-кипчацкие племена граничат. По этой же причине контакты этой кочевой общности с их оседлыми соседями гораздо лучше освещены в источниках, чем само внутреннее развитие группировок в Дешт-и Кипчаке. Эта характеристика базы источников вместе с актуальной в последние десятилетия тенденции исследования зависимости между кочевниками и *Внешнего мира* в целом [см. напр.: 1; 2; 3; 4;] выразились в сравнительно большое число исследований проблем, связанных с взаимодействием обитателей Дешт-и Кипчака с окружающими этого степного пространства оседлыми обществами [см. напр.: 5; 6; 7; 8; 9, с. 34-61; 10; 11; 12, с. 38-40; 13, с. 97-115, 129-130; 14, с. 216-256, см. так же с. 257-290; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35;].

Накопленная на сегодняшний день научная литература по этому вопросу позволяет синтезировать установленные характеристики контактов кумано-кипчаков с их различными оседлыми соседями. В этом исследовании представлены в рамках единой относительной типологической схемы взаимоотношения кумано-кипчацкой общности с седентарными обществами, населяющими обширную зону контакта *Внешнего мира* с Дешт-и Кипчаком. Такая структура изложения призвана подчеркнуть некоторые сходства в развитии этих отношений, которые в некоторой степени обусловлены конкретными географическими особенностями контактной зоны со степью, населенную описанными обществами. Не имея определяющей роли для контактов кочевников с оседлыми обществами, вне всякого сомнения, географическое расположение, физический облик и размер контактной зоны оказывают существенное влияние на траекторию их развития.

Необъятная степная периферия и разнообразные общества, ее населяющие, разделены на три типологические категории, две из которых представляют параллели между отношениями участвующих в них обществ с кумано-кипчаками, а третья описывает только одну самостоятельную зону, характеристики которой отличаются от тех для остальных категорий контактных зон. Проведенные параллели в разных типологических категориях предлагаемых контактных зон раскрывают некоторое сходство в

протекающих процессов несмотря на факт, что рассматриваемые общества могут обитать весьма отдаленных друг от друга контактных зон.

Для обозначения границы между Дешт-и Кипчаком и *Внешним миром* используются термины „контактная зона” и „границная полоса“ не только потому, что о линейной границе между двумя ареалами в физическом смысле этого слова не всегда можно говорить, но прежде всего потому, что ясной разделительной линии между самих граничных сообществ обычно не существует. Кочевники часто инфильтрируются в соседние седентарные государства и находят возможности для карьерного развития в них, но этот процесс обратим и случаи, когда степные элементы снова возвращаются в Дешт-и Кипчак, отнюдь не редки. Это явление придет граничной зоне дополнительную текучесть. С другой стороны, сами оседлые общества в степной периферии находятся под сильным влиянием своего соседства с этой зоной и отличаются по ряду характеристик от своих классических седентарных соседей.

Дополнительную интенсивность контактов между двумя мирами дает оживленный торговый обмен, происходящий в значимых городских центрах под контролем степных вождей или их ближайших соседей, напр. города Крыма, Сыгнак и т.д. К этим формам контакта между *Внешним миром* и степи следует добавить и масштабную транзитную торговлю, пути которой пересекают Дешт-и Кипчак в разных направлениях.

Разумеется, контакты кумано-кипчакской общности с *Внешним миром* иногда выходят далеко за пределы непосредственно граничащих со степью обществ. Известны напр. самостоятельное нападение куман в Польше на границе XI и XII столетия [36, с. 154-155; 12, с. 38] или проникновения куманских отрядов на службу венгерского короля в таких отдаленных европейских регионах как Италия в 1132-1133 г. и Тюрингия в 1203 г. [37, с. 37-38, 46-47; 38, с. 253, 294; 32, с. 416; 39, с. 56-57]. В эпоху крестовых походов куманские отряды и отдельные представители этой общности, возможно, доходили даже до войск Айюбидов в Святой земле [38, с. 268 и приведенные там данные источников]. Со своей стороны, оседлые государства, находящиеся далеко за пределами кумано-кипчакских пространств, тоже иногда наносят удары по интересам куманской элиты на контролируемой ей территории, как в случае морской кампании сельджуков Румского султаната в Крыму в конце второго или в начале третьего десятилетия XIII века [40; 31, с. 275-277; 42]. Хотя эти случаи взаимодействия с *Внешним миром* часто являются интересными эпизодами в истории кумано-кипчакской общности, их последствия для нее и для затронутых седентарных государств слишком эфемерны, чтобы оказать существенное влияние на протекающие там исторические процессы. Поэтому именно продолжительные контакты между кумано-кипчаками и широкой периферии степи оказываются решающими для развития обществ на периферии и для самих кочевников, формируя целостный облик отношений между кумано-кипчакской общности и *Внешним миром*.

В первой категории, которой условно можно назвать „На степном пограничье“ обособлены русские княжества, Хорезм и – насколько позволяет

очень скудные письменные источники – Волжская Болгария. Эти государственные образования поставлены в одной типологической единице, так как они расположены вдоль обширной контактной зоне со степью, которая предполагает взаимодействие с более чем одной группировкой и активное вмешательство кумано-кипчаков в их развитии. Это вмешательство может выражаться в обычном предоставлении военных контингентов на прибыльной службе в армии соседних владетелей, что дополнительно помогает для их завоевательной экспансии. Но протяженные границы степи в сочетании с отсутствием централизованной власти в самом Дешт-и Кипчаке и милитаристской культуры его жителей предполагают и регулярные организации набегов кочевников на территорию таких оседлых соседей. Другой типичной чертой кумано-кипчакского сожительства с ними является готовность, с которой кочевники реагируют на возможность поддержки претендента на престол или вмешательства в фракционную борьбу своих соседей. Для них все эти сценарии являются более или менее равносильными вариантами приобретения благ *Внешнего мира*, которые они применяют к конкретным обстоятельствам [20, с. 71-73; 21, с. 82-83, Т. Нуунан дополнительно детализирует спектр разных активностей, через которые кочевники успевают получить необходимые товары от своих оседлых соседей, 25, с. 319-320]. Все они в принципе характерны для взаимоотношений кумано-кипчаков с обществами *Внешнего мира* в целом, но обширная граница и длинный период сожительства с государствами первой категории придают довольно динамичный характер постепенно установившемуся равновесию, часто характеризующееся нервными пиками номадной военной активности. В то же время, даже когда кумано-кипчакские элементы устанавливаются в рамках оседлых обществ этой категории – таков пример Хорезма – наличие прямого контакта с остальными кочевниками в степи через обширное степное пограничье содействует более трудному и сопровождаемому с некоторой обратимостью интегрированию в оседлом обществе, так же и заметной нестабильности, вносимой присутствием кочевников во внутреннем климате страны [24; 43; 44]. Такое беспокойное и противоречивое сожительство с динамичной кумано-кипчакской общностью приводит и к попыткам седентарных сил в этой категории – по крайней мере для русских княжеств и Хорезма – проводить крупномасштабных военных кампаний глубоко в степи. Поэтому не удивительно, что именно эти политики несут ответственность за наиболее систематических и эффективных попыток проникновения внешних армий в Дешт-и Кипчак во всем периоде кумано-кипчакского господства на этом огромном пространстве [примеры успешных степных кампаний русских князей см. в: 45, стб. 277-279, 283-284; 46, стлб. 289, 291, 339-340, 394-396, 414, 418, 420, 425; 47, стб. 252-255, 260, 264-268, 284, 460, 532, 538-541, 629-633, 637, 659; 48, с. 66; Хорезм также не колеблется войти в степь: 49, с. 69, 284, 286, 349-350, 357, 370-373; 44, с. 22, 26; 24, с. 211; 50, с. 237, 267-270, 1096-1097; 51, с. 346-347; 52, с. 7-8; 53, с. 206-207; 54, с. 48-49; 55, с. 34, 36 и карты №17 и №18 на с. 35 и с. 37] .

В следующую типологическую группу – назовем ее „По ту сторону гор“, можно поставить отношения Грузии и Венгерского королевства с кумано-кипчакской общностью до вторжения монголов в Восточную Европу. Общая черта двух стран является то, что они отделены от своих кочевых соседей и прямого контакта со степью обширной цепью гор – в первом случае Большого Кавказского хребта, а во втором – Карпатских гор. Эта характерная географическая особенность значительно ограничивает опасность проведения кочевых набегов на территорию этих монархий, хотя не удаляют ее полностью. С другой стороны, местные династии имеют возможность привлекать кочевых контингентов в своих армиях, когда в них есть нужда. Поэтому кумано-кипчаки, населяющие Дешт-и Кипчак, являются иногда досадным, иногда полезным трансальпийским соседом, но не является основным фактором в развитии этих стран. Их значение резко меняется, когда кумано-кипчакские группировки устанавливаются постоянно на основной территории Грузии и Венгрии вследствие миграции через горные хребты, вызванной катастрофическими обстоятельствами [для Венгрии см., например, сведение Рогериуса, 56, с. 136-141; а для Грузии – Ипатьевскую летопись, 47, стлб. 716; К'арт'лис ц'ховреба и комментарии исследователей, 57, с. 166-167; 19, с. 58, 68-72; 58]. Устанавливаясь на основную территорию своих соседей, кумано-кипчакские группировки начинают играть очень важную роль в их развитии [19, 22, 46-51, 59, 60, 28]. Несмотря на то, что исторические примеры и в обеих странах явно показывают, что контакты проникших за горами кумано-кипчаков с их степными родственниками сохраняются и возможна даже обратная миграция в степях [61, §75, с. 154-159; 59, с. 81; 60, с. 254-255; 62, с. 43-44; 47, стлб. 716; 19, с. 65, 72; 22, с. 48], динамика этих контактов не может сравниваться с аналогичными процессами в Хорезме, где обширная степная граница легко пересекается мятежными степными вождями, скоро снова отмечаемые источниками на видных административных позициях. Горный барьер, который блокирует доступ к степи, гораздо легче контролируется седентарным государством-хозяином. Так горы играют роль буфера, который несколько снижает острые пики в отношениях с кочевниками, характерных для обществ, что в непосредственной близости от них.

Следует отметить и любопытный опыт Венгерского королевства и католической церкви для экспансии в области непосредственно за Карпатами, который записал одну из крайне редких в средние века попыток седентарной силы в аналогичных географических условиях утвердиться на территориях, находящихся под постоянным контролем кочевников, будь то и в пределах только периферийной части Дешт-и Кипчак [63, 62, 64, 65, 38, стр. 291-294, 299-301, 33, стр. 146-148, 152-158, 32, 39, стр. 56-64]. В истории куманской доминации региона этот случай латинской экспансии практически уникален.

Последней из рассмотренных контактных зон является северная периферия Балканского полуострова. Географические особенности ее границ со степью очень характерны. Балканы контактируют со степью на самом западном конце Евразийского степного коридора – узкой степной зоне между

восточным склоном Карпатской дуги и северном побережье Черного моря, которое открывает доступ к относительно маргинальной для кочевников Валашской равнине в сочетании с наличием полноводного Дуная, за которым простираются территории фактического *Внешнего мира*. Этот географический облик контактной зоны и процессы, происходящие в ней в течение XI - XIII веков, не позволяет мне выявить достаточно близкие параллели для нее среди остальных граничащих со степью обществ. Именно поэтому эта зона представлена самостоятельно в предложенной типологической схеме. Будучи однако единственной из рассмотренных зон, в которой во время куманского господства в степи меняются последовательно две разные государственные формирования – Византийская империя и Второе болгарское царство – то взаимоотношения ее обитателей с кумано-кипчаками можно разделить на два отдельных этапа. Существование прямого контакта с кумано-кипчакской общностью неизбежно предопределяет проведение грабительских набегов в этой территории, так же как и везде по обширной граничной полосе Дешт-и Кипчака с *Внешним миром*. После первоначальной „героической эпохи” овладения степного пространства и проверки его границ с оседлым миром по всем направлениям, [П. Голден ставит условно верхнюю границу этого активного периода около 1120 – 1125 г., 22, с. 41; 21, с. 99-100; 20, с. 79] куманы как будто серьезно уменьшают интенсивность своей активности на Балканах. До конца византийского присутствия в Паристрионе они напоминают о себе одной серией из трех нападений в рамках чуть больше одного десятилетия около и после середины XII века, которые по существу не являются более чем типичными куманскими набегами с целью грабежа, хотя и организованы в соответствующем масштабе [66, 226-228, 247, 48, стр. 11, 12, 67, стр. 226-227, 228-229, 68, стр. 108, 13, 104-107, 69, 70, 117-121 р, 38, стр. 263-264, т. 33, стр. 128-130, 71, стр. 384-386, 394-396].

Вероятным объяснением снижения куманского интереса следует искать в относительно узкой контактной зоне со степью и относительной маргинальности региона с точки зрения самых кочевников, но главным образом в том, что в XII веке они получают достаточно возможностей для удовлетворения потребностей ресурсов от *Внешнего мира* на территориях с разнообразными возможностями, расположенных гораздо ближе к основным центрам кочевых концентраций. Прежде всего, внимание куман обусловлено чрезвычайно динамическими процессами в русских княжествах, с которыми кочевники непосредственно соседствуют по длинной в сотни километров полосе. В то же время относительно узкий коридор степи в современной Молдове и нижнего течения Дуная отнюдь не является серьезным препятствием для кумано-кипчаков, чей образ жизни требует свободного преодоления больших водных преград [48, с. 12; 67, с. 139, 165, 272; 36, с. 154-155; 72, с. 263; 73, с. 1012; 33, с. 115;]. Вот почему при наличии достаточно сильных стимулов массовое появление куманских отрядов на Балканах вполне ожидаемо, а узкая контактная зона не препятствует поддержанию постоянной связи с куманскими центрами, также как и ежегодный приход и уход куманских военных отрядов. Именно такие

стимулы предлагают Асеневи и этим объясняется резкий пик куманского присутствия к югу от Дуная в двух десятилетиях между 1186 и 1208 г. [6; 26; 74; 75; 34; 29; 31, с. 13-68; 38, с. 272-289; 33, с. 138-146; 76;]. Хотя союз с куманами, несмотря на некоторые перерывы, продолжал и потом до самого монгольского нашествия, активность кочевников на полуострове вне сомнения затухает. Итальянский исследователь Франческо Далалио абсолютно прав, когда отмечает среди причин, которые отвлекают куманское внимание от полуострова наряду с очевидным воздействием Монгольского нашествия и тот факт, что после поражения Борила при Пловдиве в 1208 г. организация крупномасштабных военных кампаний со стороны Асеневицей сильно уменьшается [34, с. 52], а вместе с этим уменьшаются и возможности для обогащения куманских союзников. Вскоре монгольский удар снова посылает большие массы кумано-кипчаков на территориях в соседстве со степью, в том числе и на Балканах. Но на этот раз кочевники не просто ищут возможности обогащения за счет *Внешнего мира*, но и убежище, и новый дом для себя и своих семей. Это внезапное изменение обстоятельств вызывает после себя и изменение характеристик их поведения.

Предлагаемые параллели между процессами, которые характеризуют отношения кумано-кипчак со своими соседями из разных типологических категорий, ни в коем случае не преследуют выделение статически детерминированных моделей поведения кочевников. Следует отметить, что существует множество параллелей между контактами кумано-кипчаков с обществами, поставленными в разных типологических единицах, которые отражают некоторые общие закономерности взаимодействия кумано-кипчаков с оседлыми обществами [см., например, сравнительное исследование Ал. Николова заселения куман в Венгрии и Болгарии, 39]. Представленные здесь параллели предназначены скорее для обозначения относительно схожих траекторий развития отношения кочевников с окружающими кочевых обществ *Внешним миром* под влиянием схожих внешних факторов, таких как географическое положение зоны контакта. Этот аспект отношений между кумано-кипчаков и их соседей не был бы достаточно освещен при рассмотрении их контактов только с одной конкретной общностью или при самостоятельного изучения самого кумано-кипчакского общества.

Но какова бы ни была конкретная специфика отношений кумано-кипчаков с окружающими их седентарных обществ в периоде их господства в Западной Евразии, можно повсюду отчетливо проследить одну общую тенденцию. Либо медленно и непоследовательно, либо легче и быстрее, но неизменно с ходом осваивания захваченного пространства кумано-кипчаки устанавливают устойчивый баланс в своих отношениях с окружающими седентарными странами [20, с. 79-81; 21, с. 99-101;]. Первоначальный захват Дешт-и Кипчака в XI век ведет к непосредственному контакту с *Внешним миром* по протяжению всей огромной граничной зоны. Этот прямой контакт является новым и шокирующим опытом для части племен, участвующих в расширении, а устойчивость новых соседей постоянно подвергается испытанию до конца первой четверти XII века.

После этого кумано-кипчаки постепенно выстраивают равновесные отношения с окружающими обществами, иногда одна и та же группировка может поддерживать контакты с более чем одно граничное общество [как, например, противоречивые отношения Котьяна с Русью и венграми в первой половине XIII века, 47, стлб., 746, 760-761, 770-771; 56, с. 136-141; 38, с. 301], а в других случаях один и тот же седентарный правитель способен поддерживать контакты с различными кочевыми группировками [например, попытки русских князей вести переговоры параллельно с двумя куманскими группировками, отмеченные в источниках под 1169 и 1193 г., 46, стлб. 357-361; 47, стлб. 555-559, 765-676; 16]. Этот баланс далеко не всегда гарантирует отсутствие взаимных набегов и даже проведения широкомасштабных кампаний, но они также являются частью динамичным и иногда очень противоречивым на первый взгляд сожителства.

Одной из основных причин широкого распространения практики создания такого равновесия является комбинация значительного куманского интереса к ресурсам *Внешнего мира* в сочетании с почти полным отсутствием желания покинуть степные районы и обосноваться на постоянное жительство на территориях этого *Внешнего мира* (за исключением сравнительно короткого эпизода пребывания группировки Отрок в Грузию). Такая констелляция факторов в сочетании с широкими возможностями приложения временно предоставляемых куманами „услуг” среди управляющих кругов самого *Внешнего мира* ведут в перспективе к неизбежному установлению равновесных отношений, а резкие флюктуации в контактах кочевников с окрестным миром не должны вводить в заблуждение исследователя о сущности их истинного характера – постепенно установленный баланс.

С приходом монголов все меняется – как и везде в Евразии.

1. Khazanov, A. M. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Second edition, 1994.

2. Barfield, T. J. *The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China*. Cambridge MA – Oxford UK: Blackwell, 1989

3. Golden, P. B. *Nomads and Sedentary Societies in Medieval Eurasia*. Washington, D. C.: American Historical Association, 1998.

4. Golden, P. B. *Central Asia in World History*. Oxford-NewYork: Oxford University Press, 2011.

5. Голубовскій, П. Половцы въ Венгріи (Историческій очеркъ). Кіевъ: Типографія Императорскаго Университета Св. Владимира, 1889, с. 1-28 (= Кіевскіе Университетскія Извѣстія, № 12 (1889 – декабрь), с. 47-72).

6. Расовскій, Д. Роль половцев в войнах Асенеи с Византийской и Латинской империи в 1186 – 1207 г. Списание на Българската Академия на Науките, № 58 (1939), с. 203-211.

7. Расовскій, Д. А. Русь, Черные клобуки и половцы въ XII векъ. Известия на Българско историческо дружество, № 16-18 (1940) = Сборник в памет на проф. П. Ников, с. 369-378.

8. Попов, А. И. Кипчаки и Русь. Учение записки Ленингр. Госуд. Университета. Серия исторических наук., Вып. 14, № 112 (1949), 94-119.
9. Каргалов, В. В. Внешне-политические факторы развития феодальной Руси (Феодальная Русь и кочевники). Москва: Высшая школа, 1967.
10. Мургулия, Н. П. К вопросу переселения половецкой орды в Грузию. – В: Из истории украинско-грузинских связей. ред. А. Д. Скаба и др., Киев, 1971, с. 40-54.
11. Острогорски, Г. Још једном о пронијарима Куманима. – В: Зборник Владимира Мошина. Београд, 1977, стр. 63-74.
12. Tryjarski, E. “Some Early Polish Sources and their Importance for the History of the Altaic Peoples” *Journal of Asian History*, 3 (1969), pp. 34-44.
13. Тъпкова-Заимова, В. Долни Дунав – гранична зона на византийския запад. София: Издателство на Българската академия на науките, 1976.
14. Федоров, Я. А., Федоров, Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. Москва: Издательство Московского университета, 1978.
15. Diaconu, P. *Lez Comans aus Bas-Danube aux XI-XII siecles*. Bucuriesti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1978.
16. Pritsak, O. “Non-‘Wild’ Polovcians” in: *To Honor Roman Jakobson: essays on the occasion of his seventieth birthday, 11 October 1966*. Vol. II. The Hague – Paris: Mouton, 1967, pp. 1615-1623; reprinted in: Pritsak, O. *Studies in Medieval Eurasian History*. London: Variorum Reprints, 1981, article XIII.
17. Pritsak, O. “The Polovcians and Rus” *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, II (1982), pp. 321-380.
18. Golden, P. B. “The Polovci Dikii” in: *Harvard Ukrainian Studies III/IV (1979-1980), Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students*. Part I, eds. O. Pritsak, I. ev enko, F. E. Sysyn, Cambridge, MA: Ukrainian Research Institute, 1980, pp. 296-309; reprinted in: Golden, P. B. *Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs (Variorum Collected Studies)*. Aldershot: Ashgate, 2003, article X.
19. Golden, P. B. “Cumanica I: The Qipčaq in Georgia” *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, IV (1984), pp. 45-87. reprinted in: Golden, P. B. *Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs (Variorum Collected Studies)*. Aldershot: Ashgate, 2003, article XI.
20. Golden, P. B. “Nomads and Their Sedentary Neighbors in Pre-Činggisid Eurasia” *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, VII (1987-1991), pp. 41-81.
21. Golden, P. B. “Aspects of the Nomadic Factor in the Economic Development of Kievan Rus” in: *Ukrainian Economic History: Interpretive Essays*. ed. I. S. Koropeckyj, Cambridge MA: Harvard Ukrainian Research Institute, 1991, pp. 58-101.
22. Golden, P. B. “Nomads in the sedentary world: the case of the pre-Chinggisid Rus’ and Georgia” in: *Nomads in the Sedentary World*. eds. A. M. Khazanov and A. Wink, Richmond: Curzon Press, 2001, pp. 24-75.
23. Σαββίδης, Α. Γ. Οι Κομάνοι (Κουμάνοι) και το Βυζάντιο, 11ος - 13ο αι. μ.Χ. Βιζαντινά, № 13.2 (1985), σελ. 938-955.

24. Ахинжанов, С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алмааты: Гылым, 1995.
25. Noonan, T. S. "Rus', Pechenegs, and Polovtsy: Economic Interaction along Steppe Frontier in the Pre-Mongol Era" *Russian History*, Vol. 19, Nos. 1-4 (1992), pp. 301-326.
26. Павлов, Пл. Средновековна България и куманите: военнополитически отношения (1186-1241). Трудове на Великотърновския Университет „Св. Св. Кирил и Методий”, Исторически факултет, Т. XXVII, № 3 (1992), с. 8-61.
27. Павлов, Пл. Куманите във Византийската империя (1237 г. – първата четвърт на XIV в.) *Епохи*, № 1-2 (1997), с. 37-53.
28. Berend, N. "Cuman integration in Hungary" in: *Nomads in the Sedentary World*. eds. A. M. Khazanov and A. Wink, Richmond: Curzon Press, 2001, pp. 103-127.
29. Stoyanov, V. *Kumans in Bulgarian History (Eleventh-Fourteenth Centuries)*. – in: *The Turks. Vol. 1, Early Ages*, eds. H. C. Güzel, C. C. Oğuz, O. Karatay, Ankara: Yeni Türkiye, 2002, pp. 680-689.
30. Nikolov, A. "Cumani Bellatores in the Second Bulgarian State (1186-1396)" *Annual of the Medieval Studies Department*, 11 (2005), CEU, Budapest, pp. 223-229.
31. Vasary, I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185-1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
32. Spinei, V. "The Cuman bishopric – genesis and evolution" in: *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars and Cumans*. ed. F. Curta, Leiden – Boston: Brill, 2008, pp. 413-456.
33. Spinei, V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Laiden – Boston: Brill, 2009.
34. Dall'aglio, F. "The Military Alliance between the Cumans and Bulgaria from the Establishment of the Second Bulgarian Kingdom to the Mongol Invasion", *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, XVI (2008-2009), pp. 25-54.
35. Узелац, А. Кумани у средњевековној Србији. *Гласник – Историјски архив Ваљево* 43 (2009), стр. 5-17.
36. Gallus, Anonymus. *Gesta principum Polonorum. The Deeds of the Princes of the Poles (Central European Medieval Texts, Vol. 3)*. Translated and annotated by P. W. Knoll and F. Schaer, with a preface by T. N. Bisson and with editorial corrections, Budapest – New York: Central European University Press, 2003.
37. Расовский, Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. *Seminarium Condacovianum. VI Сборникъ статей по археологii и византиновѣдѣнiю*. Прага, 1933, с.1-66.
38. Spinei, V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute, Center for Transylvanian Studies, 2003.
39. Николов, А. Куманското заселване в Унгария и България (XII-XIII): паралели и различия. – рукопись.

40. Якубовский, А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. – Византийский временник, № 25 (1927), с. 53-76.
41. Пашуто, В. Н. Внешняя политика Древней Руси. Москва: Наука, 1968.
42. Peacock, A. C. S. “The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of ‘Alā’ al-Din Kayqubād” *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series, Vol. 16, No. 2 (Jul., 2006)*, pp. 133-149.
43. Akhinzhanov, S. M. “Kipcaks and Khwarazm” in: *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. eds. G. Seaman and D. Marks, (Ethnographics Monograph series, Monograph, No. 2). Los Angeles: Ethnographics Press, University of Southern California, 1991, pp. 126-131.
44. Бунятов, З. М. Государство хорезмшахов Ануштегинидов, 1097-1231. Москва: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1986.
45. Полное собрание русских летописей. Том I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Издание второе. Ленинград, 1926
46. Полное собрание русских летописей. Том I. Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Издание второе. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1927.
47. Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись. Издание второе. С.-Петербург, 1908.
48. Гръцки извори за българската история. Том XI, София: Издателство на Българската академия на науките, 1983.
49. Juvaini, Ala-ad-Din Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Vol. I-II. Trans. J. A. Boyle, Manchester: Manchester University Press, 1958
50. al-Juzjani *Tabaqat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan; from A.H. 194 (800 A.D.) to A.H. 658 (A.D. 1260) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. Vol. I-II. Transl. H. G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970 (First published in 1881, in the Bibliotheca Indica Series by Asiatic Society of Bengal).
51. Бартольдъ, В. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія. Часть вторая, изслѣдованіе, Санкт-Петербургъ: Типографія В. Киршбаум, 1900.
52. Тизенгаузен, В. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды. Том I (арабски извори), Санкт Петербургъ, 1884
53. Ibn al Athīr. *The Cronicle of Ibn al Athīr for the Crusading Period from al-Kāmil fi'l-ta'rikh. Part 3. The Years 589-629/1193-1231: The Auūbids after Saladin and the Mongol Meance*. trans. D. S. Richards, Aldershot – Burlington, Ashgate, 2008
54. ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Издание критического текста, перевод с арабского, предисловие, комментарий, примечания и указатели З. М. Бунятова. Москва: „Восточная литература” РАН, 1996.
55. Bregel, Y. *An Historical Atlas of Central Asia*. Leiden – Boston: Brill, 2003.

56. Anonymus and Master Roger. *Gesta Hungarorum*. The Deeds of the Hungarians. Edited, translated and annotated by M. Rady and L. Veszpremy. *Epistola in miserabile Carmen super destructione Regni Hungarie per tartaros facta*. Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars. Translated and annotated by J. M. Bak and M. Rady. *Central European Medieval Texts Vol. 5*. Budapest – New York, Central European University Press, 2010.

57. Biro, B. M. “The Kipchaks in the Georgian Martyrdom of David and Constantine” *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eotvos nominatae, (sectio linguistica)* 1973, pp. 161-168.

58. Мургулия, Н. П. К вопросу переселения половецкой орды в Грузию. – В: Из истории украинско-грузинских связей (ред. А. Д. Скаба и др.). Киев, 1971, с. 40-54.

59. Pálóczi-Horváth, A. *Pechenegs, Cumans, Iasians*. Budapest: Corvina, 1989.

60. Berend, N. *At the Gate of Christendom. Jews, Muslims and “Pagans” in Medieval Hungary c. 1000 – c. 1300*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

61. Simon of Kéza. *Gesta Hungarorum*. The Deeds of the Hungarians. Edited and translated by László Veszprémy and Frank Schaer, with a study by Jenő Szűcs. Budapest – New York, Central European University Press, 1999.

62. Параска, П. Ф. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства. В: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 33-52.

63. Пашуто, В. Т. „Половецкое епископство” in *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen: Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag*. W. Steinz, P. N. Berkov, V. Suchodolski and J. Dolansky (eds.). Berlin, 1966, с. 33-40.

64. Шушарин, В. П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века. *История СССР*, 1978, № 2, с. 38-53.

65. Kovács, Sz. “Botrz, a Cuman Chief in the 13th Century” *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. 58 (3), 2005, pp. 255-266.

66. Гръцки извори за българската история. Том VII, София: Издателство на Българската академия на науките, 1968.

67. Гръцки извори за българската история. Том VIII, София: Издателство на Българската академия на науките, 1972.

68. Гръцки извори за българската история. Том X, София: Издателство на Българската академия на науките, 1980.

69. Бибииков, М. В. Византийские хроники и локализация половецко-византийской войны 1148 г. В: *Летописи и хроники*. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописоведение. Москва, 1976., с. 17-22;

70. Бибииков, М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII – XIII вв.). В: *Древнейшие государства на территории СССР*. (1980), Москва, 1981, с. 5-151.

71. Златарски, В. История на българската държава през средните векове. Том 2. България под византийско владичество /1018-1187/. София: Академично издателство „Марин Дринов”, Второ фототипно издание, 1994.

72. Три еврейских путешественника. пер. П. В. Марголин, Москва, „Мосты культуры”, 2004, (первое издание в 1881 г., Санкт Петербург).

73. Гаркавец, А. Н. Великая степь в античных и византийских источниках. Сборник Материалов. Алматы, изд. „Баур”, 2005.

74. Павлов, Пл. Куманите във военната история на средновековна България (1186 г. – края на XIII в.). Научни трудове на ВНВУ „Васил Левски”, II. Военна история и история на България. Велико Търново 1988, с. 179-185.

75. Павлов, Пл. За ролята на куманите в българската военна история (1186-1241 г.) В: Военноисторически сборник, 1990, № 6, с. 14-23.

76. Malingoudis, Ph. “Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des zweiten bulgarischen Staates” Byzantina, 1978, 10, S. 49-148

КӨНЕ ҚЫПШАҚ ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Сабыр М. Б

*Батыс Қазақстан облысы
инженерлік-гуманитарлық
университеті*

Еліміздің басты рухани дамуының көзі – қазақ тілінің тарихын зерделесек көне қыпшақ жазба ескерткіштеріне барып сүйенеміз. Елбасы Нұрсұлтан Назарбаев «Тарих толқынында» атты кітабында «Егер біз мемлекет болғымыз келсе, өзіміздің мемлекеттігімізді ұзақ уақытқа меңзеп құрғымыз келсе, онда халық руханиятының бастауларын түсінгеніміз жөн» деді[1,10б.]. Халқымыз мекендеген ұлан-ғайыр аймақтағы руханияттың алты мың жылдық тарихи дамуын 12 кезеңге бөліп көрсетті. Осы кезеңдердің ішіндегі жетінші, сегізінші кезеңдердің мәні зор. Жетінші кезең – XI ғасырдан бастау алып, түркілердің тұңғыш сопысы Қожа Ахмет Яссауидің ілімімен өрнектеледі. Сегізінші кезең - XII-XIV ғасырлар. Бұл -тарихтағы қарахандықтар дәуірі, Қыпшақ конфедерациясының қалыптасуы, Монғол шапқыншылығы, Алтын Орданың өркендеуі сияқты елеулі оқиғаларға толы кезең. Осы кезеңдерде телегей теңіз біртұтас түркі тілінен қазақ халық тілінің даралану үрдісі басталады. Тіл халықтың, ұлттың анасы дейміз. Қазақ тілінің, қазақ ұлтының бастауларын көне түркі заманынан бастау алып, орта түркі заманында дәуірлеген қыпшақтар қауымдастығынан іздейміз. Қыпшақтар қауымдастығы, олардың тарихы мен мәдениеті туралы соңғы кездерде жазылған тарихи, лингвистикалық еңбектер қыпшақтану саласының түркітанудан бөлініп шыға бастағанын көрсетеді. Қыпшақтану – түркітанудың құрамдас бөлігі болғанымен, өзіндік бағыт-бағдары, мақсат-мүддесі бар сала. Қыпшақтану – далалық көшпелі өркениеттің қыпшақтық тарихын, ділін, тілін, этнографиясын, мәдениетін т.б. қырларын тұтас зерттеуді көздейді. Бүгінгі қыпшақ тектес этностардың арғы тегін, түп-тамырын бүгінгі қалпымен салыстырып, тарихи жалғастық сабақтастық ізін ашып көрсетуді мақсат етеді.

Араб ғалымдарының ғылыми еңбектеріне сүйенсек, қыпшақтар IX ғасырда белгілі болған. «Қыпшақ» сөзі ең алғаш Селенга өзенінің бойынан табылған Элетміш Күл Білге қағанының (747-757) басына қойылған құлпытаста кездеседі. Онда «түрк қыбчак еліг йыл ол дурмысын» (түрік қыпшақтар бізді елу жыл басқарғанда) деп жазылған [2]. XI ғасырларда қыпшақ тайпалары өсіп-өркендеп, оғыздарды ығыстырып, тарих сахнасына шықты. Гегемондық жағдайда қыпшақ қауымдастығына басқа тайпалар да қосылып, қыпшақтанып, қыпшақ тілінің шеңбері кеңейе түсті. IX-XIII ғасырлардағы Еуразиялық куман қыпшақтары мен Дешті-и-Қыпшақ мәдениетінің таралу өрісі ғылымда белгілі. XI-XIII ғасырларда Шығыс Дешті-и-Қыпшақ даласында қыпшақтардың негізгі этникалық кеңістігі қалыптасты. Бұл кеңістік қазіргі Қазақстан аймағын толығымен қамтыды. Кейін монғол үстемдігі кезінде құрылған Алтын Орда қыпшақтардың негізгі

отаны болды. Алтын Орда және мәмлүктер билігі тұсындағы Мысыр мен Сирия жерлерінде негізгі қатынас тілі қыпшақ тілі болып, халықаралық тіл дәрежесіне көтерілді. Қазақ тілінің қалыптасуына негіз болған көне қыпшақ ауызекі тілі және көне қыпшақ әдеби тілі осы тұста өркендеді. Орта ғасырларда қыпшақ тілінде көптеген грамматикалық еңбектер, сөздіктер, әдеби шығармалар жазылды. «Қыпшақтанудың» негізгі теориялық бағыттарын профессор Б.Көмеков былай белгілейді:

1. қыпшақтар және көшпенділік өркениет;
2. көшпенділік және отырықшылық өркениеттердің өзара байланысы және өзара әсерлесуі;
3. қазақ халқының этникалық, тарихи және мәдени қалыптасуы;
4. Еуразия және Жерорта теңізі аймақтарындағы қыпшақтардың көне және орта ғасырлардағы тарихы;
5. қыпшақтануға байланысты жазба дерекнамаларды толықтыра түсу;
6. Орта Азия және Шығыс Еуропа халықтарының қалыптасу ерекшеліктерін айқындау және т.б.[3].

Біздің бұған қосарымыз, орта ғасырларда көне қыпшақ әдеби тілінде жазылған шығармаларды лингвистикалық тұрғыдан кешенді зерттеу қажет. Олардың тілін бүгінгі жекелеген қыпшақ тілдерімен салыстыра зерделей отырып, көне қыпшақ әдеби тілінің бүгінгі мұрагері қай тіл екендігін анықтау. Орта ғасырлардағы «қыпшақ тілінің» тілдік заңдылықтары бүгінгі 10 шақты қыпшақ тілдерінің ішінен қазақ тіліне әлде қайда жақын, ұқсас келетініне дәлел көп. Мағжан ақын сөзімен айтсақ, «қыпшақтардың бір кезде дәуірлеп жасаған жазира даласының қара шаңырағының мұрагерлері де сол қазақтар». Яғни, қазіргі қазақ тілі - көне қыпшақ тілінің жаңа заманға сай өзгерген, дамыған, түрленген түрі. Қыпшақтану проблемасы ең әуелі тілге байланысты өріледі.

Көне қыпшақ тілі туралы ең алғаш мәлімет берген автор – М.Қашқари. «Диуан лұғат ит – түрік» атты еңбегінде қыпшақ тілінің кейбір грамматикалық, лексикалық ерекшеліктерін талдап көрсетеді. М.Қашқари түркі тілдерін зерттей келе XI ғасырда жеке қолданылған “қыпшақ тілі” болғандығын атап көрсетеді. Сонымен қатар, ол “қырғыз, қыпшақ, гуз, тухси, яғма, чығыл, арғу, йаруқ тайпалары – бәрі бірдей түрікше бір тілде сөйледі” деп жазады. Белгілі ғалым Н.Т.Сауранбаев осы деректерге сүйене келіп “бұл аталған тайпалар тілдері өзара бірігіп кетіп, бірегей тілге айналған да, ортасынан бір топтан қыпшақ тілін шығарған” дейді[4,186]. Шынында да XII ғасырларда қыпшақ тайпаларының салмағы саяси аренада арта түсті. Қыпшақтардың мемлекеттік одағына әр алуан тайпалар бірікті. Қыпшақ тілі сондықтан аралас тіл болды. Бірақ басқа тайпалардың тілінен гөрі үстем тайпа қыпшақтардың тілі гегемондық роль атқарды.

М.Қашқари түркі тілдерінің лексикалық ұқсастықтарын айта отырып, олардың дыбысталу жүйесіндегі кейбір айырмашылықтарды ашып көрсетті. Қыпшақ тілінің мынадай басты фонетикалық ерекшеліктерін назарға ұсынды:

й дыбысының орнына дж(ж) дыбысын қолданады: *йанджу* емес *джанджу* (шуда).

ш дыбысының орнына с дыбысын айту: *талыс, қысыр*.

д дыбысының орнына т дыбысын қолдану: *дәуә емес тәуә* (түйе), *бүгде емес бүкте* (қанжар).

д дыбысының орнына й дыбысын қолдану: *қадық емес қайық*.

ғ дыбысының айтылмай түсіп қалуы: *чумғақ емес чумуқ* (шымшық торғай, кара торғай), *тамғақ емес тамақ*.

Демек, XI ғасырдың ортасында қолданылған қыпшақ тілінің фонетикалық негізгі көрсеткіші – *дж(ж), с, т, й* дыбыстарының қолданылуы мен *з(з)* дыбысының айтылмай түсіп қалуы болып отыр.

Осы фонетикалық ерекшеліктер бүгінгі қазақ тілінің бойында сақталған.

Көне қыпшақ жазба ескерткіштерін жүйелеу де маңызды мәселе. Көне қыпшақ тілінде жазылған ескерткіштер негізінен XI-XII ғасырлар аралығын қамтиды. Оларды жазу үлгісіне қарай бес топқа бөлінеді:

- 1) Готикалық көне шрифтімен жазылған ескерткіштер (XIII – XIV ғасырлар).
- 2) Араб әрпімен жазылған мұралар (XI -- XIV ғасырлар).
- 3) Армян жазуымен берілген мұралар (XV – XVI ғасырлар).
- 4) Орыс әліпбиімен жазылып қалған деректер (XI—XIII).
- 5) Шығыс Еуропа аймағын мекендейтін кейбір халықтардың тілінде сақталып қалған және сол елдердің өзіндік жазу үлгілерімен берілген сөздер (адам аттары мен жер-су аттары т.б.).

Сонымен қатар ескерткіштер белгілі бір саяси - әкімшілік орталықтарда туып, солардың талап-тілектеріне сай жазылып отырғандықтан, қазақ ғалымдары (Айдаров Ғ., Құрышжанов Ә., Томанов М.) шартты түрде мынадай топтарға бөліп қарастырады: куман қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, половец қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, Орта Азия қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, Алтын Орда қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, Мамлюк қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, Армян колониясының тілінде жазылған ескерткіштер.

Біз осы айтылғандарды ескере отырып, ескерткіштерді XX ғасырда жеке –жеке болса да зерттеп, құнды пікірлер айтқан ғалымдардың тұжырымдарын басшылыққа алып, мынадай екі үлкен топқа бөліп қарастырамыз:

- 1) Көне қыпшақ ауызекі сөйлеу тілінде жазылған ескерткіштер.
- 2) Көне қыпшақ жазба ескерткіштері.

Көне қыпшақ ауызекі тілінде жазылған ескерткіштері тобына өз заманының ауызекі сөйлеу тілінің элементтерін бойына жинақтаған, қыпшақтардың тарих сахнасына шығып, гегемондық рөл атқарып тұрған кезінде XII – XIV ғасырларда жазылған «Кодекс Куманикус» (Кумандардың кітабы), «Терджуман турки уа араби» (Түркіше – арабша тәржіма), «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» (Түркі тілі туралы жазылған түсіндірме кітап), «Китаб ат-туһба аз-закия фи луғат ат-туркийя» (Түркі тілі туралы жазылған ерекше сыйлық), «Китаб-бұлғат әл-муштақ фи-луғат ат-түрік вал-қыпшақ» (Түрік пен қыпшақ тілдерін жақсы оқып үйренушілер үшін жазылған кітап), «Әл-каванин әл-күллия ли-дабт әл-луғат ат-түркия» (Түркі тілдерін үйрену

үшін жазылған толық құрал), «Китаб ад-дурра ал-мудия фил-луғат ат-түркия алат-тамам вал-камал» (Түркі тілі туралы жан-жақты және толық аяқталған інжу-маржан кітабы), «Аш –Шудур ад-даһабия вал-қита ал-ахмадия фил-луғат ат-түркия» (Түркі тілдері туралы жазылған алтын тізбе»). т.б. жәдігерліктерді жатқызамыз.

Көне қыпшақ жазба ескерткіштері қатарына Алтын Орда дәуірінің құнды әдеби мұрасы, Низамидың парсы тілінде жазған осы аттас поэмасының еркін аудармасы, Құтып ақын жырлаған «Хұсрау мен Шырын» поэмасын жатқызуға болады. А. Зайончковский «Хұсрау мен Шырын» поэмасының тілі қыпшақ диалектісінде жазылған деп тұжырымдаған. Ескерткіштің тілінде қыпшақ элементі өте айқын көрінеді деген пікірді А.М.Щербактан да кездестіреміз. Алтын Орда әдебиетінің ХІҮ ғасырдағы аса көрнекті өкілдерінің бірі Сайф Сарайидың «Гүлстан бит-түрки» поэмасы да осы топқа кіреді. Белгілі түріктанушы Э.Н.Наджип ақын өз шығармаларын қыпшақ тілінде жазғанын айта келіп, әрі оның қазақ халқының негізін құраған ру тайпаларынан шыққанын ерекше атап көрсетеді. Алтын Орда дәуірінде ХІҮ ғасырда дүниеге келген құнды жәдігерліктің бірі Хорезмидің «Мұхаббат наме» поэмасы да осы қатарда. Аталмыш поэма қазақ тіл білімінде аз да болса зерттеліп көне түркі жазба ескерткіштерінің тіліне, жалпы тіл тарихына арналған кітаптарда біраз пікірлер жинақталды. Ал өзбек әдебиетінің тарихында өзбек әдебиетінің көркем туындыларының бірі ретінде қарастырылды. Ғылымда бұл поэманың тілі туралы сан түрлі пікірлер орын алған. Мәселен, Кюпрюлюзаде алтынордалық-шағатай тілі десе, А.Н.Самойлович Хорезм мен Алтын Ордадағы Жошы ұлысының әдеби тілі дейді. Ал Э.Н.Наджип ұйғыр, оғыз тілдерінің әсеріне ұшыраған қыпшақ тілі десе, С.А.Аманжолов А.Яссауи тіліне жақын, қазіргі өзбек және қазақ тілінің аралығындағы тіл деп таныса, А.М.Щербак ескі өзбек әдеби тілінің бір түрі деп топшылайды. Біздің пікірімізше «Мұхаббат-Наме» тілінде қараханидтік жазба әдеби тілінің азын-аулақ ықпалы байқалғанмен, көне қыпшақ тілінде жазылған. Бұл мұрағаттың қазақ тіліне жақындығы мен басқа түркі тілдермен байланысын анықтауда лексикалық, морфологиялық, фонетикалық белгілерге ерекше көңіл бөлген жөн.

Аталмыш топқа енетін құнды жәдігерліктің бірі-Махмуд бин Али ас-Сараидың “Нахдж әл-Фарадис” шығармасы. Біздің дәуірімізге бұл ескерткіштің бірнеше көшірмесі жеткен. Мұрағаттың лексикасы мен грамматикасында кейбір көне элементтердің, атап айтсақ тіс арасынан шығатын шуыл дыбыс *з* мен сөз соңындағы *г* дыбысы, көне жалғаулардың кездесуі өз дәуірінің заңдылығы. Шығарманың тілінің түсініктілігі оның басқа тілдерге қарағанда қыпшақ тіліне жақын екенін аңғартады.

Аталмыш ескерткіштердің тілін көне қыпшақ тілі деп тұтас алып қазіргі қазақ тілімен лексикалық деңгейде салыстыра зерттесек көптеген ортақтықтар мен сабақтастықтар айқын көрінеді. Негізінен Алтын Орда дәуірі тұсында жазылған әдеби шығармалардың дені аралас тілді болып келген. Б.Сағындықұлы жазба жәдігерліктер тіліндегі сөздерді үш топқа бөліп қарастырады: 1) оғыз тобындағы тілдерге тән сөздер; 2) қарлұқ-

ұйғыр тобындағы тілдерге тән сөздер; 3) қыпшақ тобындағы тілдерге тән сөздер.

Мысалы, Оғыз тобындағы тілдерге ғана тән сөздер: бағырсук (іш) Г, Мн; алын (маңдай) ХШ, НФ, Г; бул- (тал-) ХШ, НФ, Г, Мн; көлкө (көлеңке) ХШ, Г, Мн; кәндү (өз) ХШ; өртүклү (жасырын) ХШ, НФ, Г, Мн; соған (жуа) Г; утан- (ұял-) Г, Мн; чоғ (көп) ХШ, НФ, Г; қарынча (құмырсқа) ХШ, Г; курт (бөрі) Г; йарын (ертең) Г; йылдырым (найзағай) ХШ, НФ т.б.

Қарлұқ-ұйғыр тобындағы тілдерге тән сөздер: асиғ (пайда) ХШ, НФ; андағ (сондай) ХШ; белгүр- (білім-) ХШ, НФ, Г, Мн; пуш- (өкпеле-) ХШ, НФ; ишан- (нан-) ХШ; билә (көмектес септігінің мағынасын береді) ХШ, Г, Мн; ойағ (қырағы) ХШ, НФ, Г; кеслән (кесіртке) ХШ; көсә- (тіле) ХШ; сүчуг (тәтті) ХШ; сүркә- (сүрт-) ХШ, НФ; тегүр- (жеткіз-) ХШ, Мн; телур (ақылдан адас-) ХШ, Мн; уча (арқа) ХШ; йорут- (жарық ет-) ХШ, Мн; т.б.

Қыпшақ тобындағы тілдерге тән сөздер: бақлан (бағлан) ХШ; басын- (басын-) ХШ; бақыр (жез) ХШ; байағы (баяғы) Г; болмачы (болмашы) ХШ; ентик- (ентік-) ХШ; ем (ем) ХШ, НФ; ерик- (ерік-) ХШ; ен- (ен-) ХШ, НФ, Мн; енра- (еңіре-) ХШ, Мн; иркил- (іркіл-) ХШ, НФ; йимән- (имен-) ХШ; күң (күн) ХШ; кери (кері) ХШ, Г; сүңгү (сүңгі) ХШ, Г, НФ; чық (шық) ХШ; сал- (сал-) ХШ, Г, Мн, НФ; таңсұқ (таңсық) ХШ, Г; тый- (тый-) ХШ, Г; тәбрән- (тебірен-) ХШ, Г; талпы- (талпын-) ХШ, НФ; таңырқа- (таңырқа-) ХШ; тун (түн) ХШ, НФ; үрк- (үрік-) ХШ, Г; қавурт (қауырт) ХШ, т.б.

Бұл келтірілген деректерден байқағанымыздай ескерткіштердің тілінде оғыз, қарлұқ-ұйғыр, қыпшақ элементтері аралас келіп отырған. Бірақ қыпшақ элементтері басым, жиі кездеседі.

Қазіргі таңда түркі лексикологиясының алдында тұрған маңызды міндеттердің бірі жекелеген тілдерді синхрондық тұрғыдан да, диахрондық тұрғыдан да кешенді зерттеуге алу. Тарихи-салыстырмалы әдіске сүйенген зерттеу ғана бүгінгі тірі тілдің тарих қойнауында қалған жазба жәдігерлікке алыс-жақынын, туыс-жекжат екенін анықтай алады. Қандай да бір тілдің лексикасы басқа тілдік категориялардан қашанда бұрын сөйлейді, мол ақпарат бере алады. Көрнекті ғалым К.М.Мусаев “Когда говорят, что язык представляет собой кладовую истории народа – его носителя, прежде всего имеется в виду его лексика, которая непосредственно реагирует на все изменения в жизни народа” деп тұжырымдайды [5,23б]. Сондықтан да қазіргі қазақ тілінің байырғы сөздік қоры ұлт тарихымен, жалпы түркілік тарихпен сабақтаса қалыптасты. Қазақ тілінің лексикасы қазіргі қыпшақ тобындағы тілдермен, одан әрі жалпы түркі тілдерімен толық не ішінара лексика ортақтығымен ерекшеленеді. Қазақ жұрты жеке ұлт болып қалыптасқанға дейін түркі халықтарының ортақ арналарымен жүріп өтті. Қазақ лексикасы жалпы түркілік қабаттан өрістейді. Оның негізі, сөздік құрамы, фоно-морфологиялық құрылысы ежелгі түркі тілінен бастау алады.

Қазіргі қазақ тіліндегі жалпы түркілік қабат түбір және тарихи сөздерден тұрады. Олардың ата түркі дәуіріндегі жалпытүркілік ежелгі

түрін салыстырмалы-тарихи негізде жаңғырту арқылы байырғы қалпына келтіруге болады

Келесі қабат - қыпшақтық қабат. Қазақ тілінің лексикасы қазіргі қыпшақ тобындағы тілдермен толық не жартылай ортақтығымен, ұқсастығымен ерекшеленеді. Сонымен қатар қазақ тілінің қыпшақтық лексикасының сілемдерін қыпшақ тіліне тікелей қатысты орта ғасырлық жазба ескерткіштер тілінен де іздеген жөн. Жазба мұрағаттар лексикасын зерделей қарасақ қазіргі қыпшақ тобындағы тілдермен, қала берді қазақ тілімен ортақ, тұлғасы да, мағынасы да сайма-сай лексикалық параллельдерді оңай анықтаймыз.

Пікіріміз мәекті болу үшін ортақ сөздердің тізімін жасайық.

Зат есім сөздердің қатары:

Адым – адым. [НФ] Төрт миң адым йәргә араб мил теб айтур – Төрт мың адым жерді арабтар мил деп атайды.

Азық - азық. [НФ, ХШ] Пайғамбар Абубәкр бирлә ол ғарда үч күн турдылар соң чықыб Мәдинә тарафынға азм қылдылар азықлары түгәнды – Пайғамбар Абубәкірмен сол үңгірде үш күн тұрды, сосын одан шығып Мәдинаға қарай кетті, олардың азықтары таусылған еді.

Ай – ай. [ХШ, НФ, Мн, Г] Сафар айының йигирмә бешиндә - Сафар айының жиырма бесінде.

Алма – алма. [ХШ, НФ, Мн, Г] Қызыл алма дөңәлму дур фәрән қызы - Қызыл алма дөңгелек пе, о сұлу.

Алмас – алмас. [ХШ] Алмаз от андын соң лалга урды алмас – бұдан соң лағылға алмас қосты.

Ана – ана. [ХШ, НФ, Г] Пайғамбар алты йашқа йетмиш әрди қин анасы Аминә вафат болды – Анасы Әмина қайтыс болған кезде пайғамбар алты жаста еді.

Ант – ант. [ХШ, НФ, Г] Фариштә қоймас айтур, антны сақла – Антыңа адал бол, дейді періште.

Арық - арық. [ХШ, НФ] Йа шайх бу арық сувларыдын нишә ичмәзсиз – О шейх, сіз бұл арықтың суын неге ішпейсіз.

Арпа – арпа. [НФ, ХШ, Г] Әй тоқ көзүңгә арпа әтмәги көрүнмәс хуш, ликин мәним алтымда иззәтли мукаррамдур - Әй тоқ адам саған арпа наны ұнайма, ал мен үшін (ол) құрметті де сүйікті.

Арқа – арқа [ХШ, НФ, Г]. Йигит ол вақт уйанды ким күнәш ыссысы арқасына отты – Күн ыстығы арқасын қыздыра бастағанда жігіт оянды.

Ел – ел. [ХШ, НФ, Мн, Г] Қылуր Йусуфни Мисир елиндә султан - Ол Жүсіпті Мысыр еліне сұлтан қылып бекітті.

Балта – балта. [ХШ, НФ]. Тақы мәбәрак еликингә бир улуғ балта алды – және (пайғамбар) мүбәрәк қолына балта алды.

Жан – жан. [ХШ, НФ, Мн, Г]. Ким ош тән тәнгә жан жанқа улашты – міне тән тәнге, жан жанға қосылды.

Көз – көз. [ХШ, НФ, Мн, Г] Башындан көзүндән өпүб кучуб көп мал-у нимәт бериб азад қылды – Ол басынан, көзінен өбіп, көп байлық беріп және азат қылды.

Орман – орман. [НФ, Г] Карван түн қата йүрүб сахар вақтын келиб бир орман йанында қондылар – Керуен түн бойы жүріп, таң ата бір орманға келіп тоқтады.

Екі дәуір тіліне ортақ зат есімдер өте мол, ескерткіштер тілінде туынды, негізгі, деректі, дерексіз т.б. зат есімдер кең орын алған.

Сын есім сөздердің қатары:

Ала – ала. [ХШ, НФ] Бу түн күн ала ат-тек йүгрүр талмаз – бұл түн мен күн ала аттай талмай жүйткіді.

Арық - арық. [Г] Бир арық ақил адами айтты бир сәмиз аблаха, келиб қаршы негә болса тази от, бир тавилә эшәндән ол йахшы – Бірде бір арық дана семіз наданға айтты: арабтың пырақ аты арық болғанмен бір керуен есектен жақсы.

Ақсақ - ақсақ. [ХШ] Сабыр бирлә кечәр аз умр неткү, азақ ақсақ нетәк мәнзилә йәткү - Ұзақ өмірде үлкен сабыр керек, ақсақ адам үйіне жеткендей сабыр қажет.

Сары – сары. [ХШ, Г] Қарарсызлықта болмыш мензи сары – Тыныштықтың жоқтығына жүзі сары болды.

Кең - кең. [ХШ, НФ] Умми-Муид пайғамбарны тарифләйүр әйәси кең турур көзи ашаққа үкүшрәк бақар йергә бақар – Умми-Муид пайғамбарды сипаттайды: оның алақаны кең, көзі көбіне төменге қарайды, ол жерге қарайды.

Тар – тар. [ХШ, НФ, Мн, Г] Қачан ким болса тар ағзың шақар бир, саба гүл ғунчаның ағзыны йырттар – Сенің тар (кішкене) аузың шекер төккенде, роза гүл шоғынан таңғы самал жел соғады.

Қалың - қалың. [ХШ, Мн] Қалың өврәккә кирмши тек лачын - қалың жабайы үйрек тобына кірген лашындай.

Қара - қара. [ХШ, НФ, Мн, Г] Йумақ билән кетәрми лавны қара көмүрдән –жуғанмен қара көмірдің түсі өзгерер ме.

Қызыл - қызыл. [ХШ, НФ, Г] Йа хожа, йүк билән қызыл алтун алыб келүр, йа бахр ичиндә ғарқ болуб қын билән өлүр - Қожа не жүкпен бірге қызыл алтын алып келер, не теңіз түбіне батып азаппен өлер.

Ұзақ - ұзақ. [ХШ, НФ] Аташ хафыдан тутты ұзақ йол – Атасынан қауіптеніп ұзақ жолға аттанды.

Бұдан басқа да негізгі немесе туынды сын есімдер көптеп кездеседі: астыңғы, аталық, бойлы, малсыз, ақ, бай, көк, сынық, тамашасыз т.б.

Сан есім сөздер ескерткіштер тілінде көп қолданылады. Дені ішінара дыбыстық өзгерістерге бой ұрған, ал тұлғасы да, мағынасы да қазақ тіліне дәл келетін төрт сан есім ғана бар. Олар:

Төрт – төрт. [ХШ, НФ, Мн, Г] Бу китабны төрт баб үзә қылдық — Бұл кітапты төрт тараудан құрадық.

Алты — алты. [ХШ, НФ, Мн, Г] Қачан ким алты йашқа йетти ол шах, қамуғ йөнләрни аңлаб болды агах – Шахқа алты жас толғанда, ол барлық жөн-жосықты түсініп, аңғарымпаз болды.

Он – он. [ХШ] Йәтиб он йашқа кеш бағланды белгә - Он жасқа келіп беліне қорамсақ байланды.

Тоқсан –тоқсан. [НФ] Тақы пайғамбар аләйхи-с-сәлам тоқсан төвө нишан қылды – Пайғамбар алейхи-с-сәлам тоқсан түйені белгіледі.

Етістік сөздер қатары:

Айыр-айыр. [ХШ, Г] Тутуб мискин кишиниң пәнжәсиңи, айырмық күч билән айны хатадур – Байғұс, кедей кісінің қолынан ұстап, күшпен айыру - үлкен әділетсіздік.

Ал – ал. [ХШ, НФ, Г] Хидаят нұрыны көңлүмдин алма, йана мени қараңғулукқа салма – Жол көрсетуші нұрды көңілімнен алып, мені тағы қараңғылыққа тастама.

Ем – ем. [ХШ] Сүт әммәзмән бар ағызымда отуз тиш – Сүт ембеспін, аузымда отыз тісім бар.

Бар – бар. [ХШ, НФ, Мн, Г] Бир ким әрсә барды тақы Фатимақа хабар берди – Бір адам барып Фатимаға хабар берді.

Басын – басын. [ХШ] Қонақмән теб басынмаңыз бизни - Қонақпын деп бізді басынбаңыз.

Кет – кет. [НФ, Мн, Г] Көңүлдин сабр көздин уйқу кетти – Жүректен сабыр, көзден ұйқы кетті.

Көм – көм. [ХШ, НФ] Бардылар бир чуқур қаздылар ол этни анда көмдиләр – Барып бір шұңқыр қазып, етті соған көмді.

Күл – күл. [ХШ, НФ, Мн, Г] Бұл латифа сұлтанға хуш келди дағы күлди – Бұл әңгіме сұлтанға ұнады, ол күлді.

Ойна – ойна. [ХШ, НФ, Мн, Г] Кел әй сақи кетүргил, бада-и наб, күлә ойнайу ичсүнләр бу асхаб – О шарап құюшы, әкел мөлдір шарапты, мейлі достар күліп, ойнап ішсін.

Орна – орна. [ХШ, НФ] Тамуғнуң хайбаты көңлүмдә орнады – Тамұқтың қорқынышы көңілімде орнады.

Өл - өл. [НФ, Г] Ирақдан тирак келгинчә йылан захмлы ер өләр – Ирактан дәрі келгенше, жылан уымен уланған ер өлер.

Сайра – сайра. [ХШ, Мн, Г] Чечәксән банда сайрар бұлбұл үндур – Сен гүлсің, ал сенің үстінде сайраған бұлбұл – сенің құлың.

Табыл – табыл. [Мн, Г] Табылғай мақсудум табқуңда – Сенің қызметінде менің мақсатым табылғай.

Қайна - қайна. [ХШ, НФ, Мн] Тақы от чибчук кувәч ичиндә қайнаса әт тақы харам турур – Егер сол шымшық қазан ішінде қайнаса, ол етті жеуге болмайды.

Қана - қана. [НФ] Тақы йүзи қанады – оның беті қанады.

Ескерткіштер тілінде қазақ тілімен толық лексикалық параллель бола алатын етістіктер өте көп. Олар негізгі және туынды, көмекші, салт, сабақты, болымды, болымсыз тұлғаларында ұшырасады.

Үстеу сөздердің қатары:

Ең - ең. [Г] Ең әксүк – Ең кедей.

Аз – аз. [ХШ, НФ, Мн, Г] Жүмлә сахабалар қондылар ол йәрдә сув аз әрди – Барлық сахабалар қонды, ол жерде су аз еді.

Былай – былай. [ХШ] Сәңә хукм етиб аймазмән былай қыл – Саған бұйрық бере алмаймын, былай қыл.

Көп – көп. [XIII, НФ, Мн, Г] Көңүл бахрында көп гөвхәрларинң бар – Сенің жүрегіннің теңізінде көп гауһарлар бар.

Тағы – тағы. [Мн] Қылур Аайубны михнәт бәлә йар, тағы от ичрә Азар отдын асрар – Ол Айюбиді азаптың досы қылды, ол Азарды тағы оттан құтқарды.

Қайра - қайра. [XIII, НФ] Тақы жумла қайра Мадинаға қайыттылар – Және бәрі қайра Мәдинаға қайтты.

Бұл мәліметтерден байқағандай ескерткіштер тілінде күшейткіш, мөлшер, сын-бейне үстеулері орын алған.

Есімдіктер қатары:

Анда – анда. [XIII, НФ, Г] Үч күндин соң анда кәлгәйсән - Үш күннен соң анда келерсің.

Мұнда – мұнда. [XIII, НФ, Мн, Г] Мухаббат-нама сөзин мұнда биттим – Мухаббат-наме поэмасын мұнда бітірдім.

Ол – ол. [XIII, НФ, Мн, Г] Ол йазуклы сөкти йарамас сөзләр сөзләди – Ол жазықты сөкті сұлтанды, жарамас сөздер сөйледі.

Мен – мен. [XIII, НФ, Мн, Г] Мен асру бенава – Мен өте бақытсызбын.

Сен – сен. [XIII, НФ, Мн, Г] Ичим күйди сениң чаксыз назындын – Сенің шексіз назыннан ішім күйді.

Қайсы - қайсы. [Г] Бир залим хаким бир алим ергә сорды ким ибадатлардан фазилрәж қайсы туруп – Бір залым хаким бір ғалымнан сұрады: құдайға құлшылық қылудың қайсы дұрыс.

Бұл деректерден байқағандай жәдігерліктер тілінде сілтеу, жіктеу, сұрау есімдіктері қолданылған.

Көмекші есімдер қатары:

Ара – ара. [XIII, НФ, Г] Тикәнләр арасында гүл төрәтти – Тікендер арасында гүл жаратты.

Арт – арт. [XIII, НФ, Г] Ол йигит бир карван артына түшүб кетти – Ол жігіт бір керуен артына түсіп кетті.

Аст – аст. [XIII, НФ, Г) Сениң атақ ағыр таш астындан тәрбренгинчә кәрәк мәним атам жәннәткә кирмши болғай – Сенің әкең ауыр тастың астынан қозғалғанша, менің әкем жаннатқа кіріп болады.

Маң - маң. [XIII] Йақын бу маңда бар бир йахшы бағым, бүтүн ол бағда тиккәйләр отағым – Осы жақын маңда менің жақсы бағым бар, шатырды сонда тігейік.

Орта – орта. [XIII, НФ, Мн, Г] Тәкмә бир ай ортасында үч күн руза тутғыл - Әр айдың ортасында ораза тұт.

Мұндай ортақ сөздер қазақ халқының, оның тілінің пайда болуына негіз болған этногенетикалық, глоттогенетикалық құбылыстарының тамыры. Көне қыпшақ жазба ескерткіштерін зерттеудегі өзекті мәселе жекелеген сөздердің тарихын, этимологиясын қазіргі тілдік деректер негізінде зерделеу болмақ.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Назарбаев Н.Ә. Тарих толқынында. - А., 1999.
2. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М.-Л., 1959.

3. Кумеков Б.Е. Некоторые итоги и проблемы кипчаковедения. Евразийское сообщество. - А., 1997.
4. Сауранбаев Н.Т. Қазақ тіл білімінің проблемалары. –Алматы: Ғалым, 1991.
5. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1975.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КЫПЧАКОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Жумалиева С.Ч.

*Кыргызский национальный
университет им. Ж.Баласагына
г. Бишкек, Кыргызстан*

Кыргызстан – горная страна на северо-востоке Средней Азии, отличающаяся не только богатством и разнообразием природы, но и своеобразием протекающей здесь жизни, соединившей традиции и современность, живое фольклорное творчество профессиональные формы нового искусства, возвращенные на эпической мощи и таланте народа создателя героического эпоса «Манас».

Как известно, кыргызы – один из древнейших народов Азии, и его история уходит в глубину тысячелетий. Этноним «кыргыз» встречается в письменных китайских источниках в III в. д.н.э. он является наследником и приемником культур многих народов, некогда населявших огромную, территорию от Тянь-Шаня до Центральной Азии и Южной Сибири.

Процесс формирования племен, образовавших кыргызскую народность, протекал в течение длительного времени на огромной территории, хронологические и географические координаты, связанные с их именем, исключительно широкие.

После обретения независимости Кыргызской Республики с усилением национального самосознание кыргызского народа, особую актуальность приобрела проблема этнической истории кыргызского народа, а именно этнические связи кыргызов с другими народами Средней Азии и Южной Сибири.

Сегодня исследования древней и средневековой истории кочевников приобретают важное значение в связи с предложением Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева в 1994 году о концепции интеграции и политического обустройства государств, существующих на постсоветском пространстве, по модели Евразийского Союза [9]. В этом отношении Президент Кыргызской Республики Алмазбек Атамбаев также поддерживает идею Евразийского Союза путем создания единого экономического пространства с Россией, Казахстаном, Беларусью и другими бывшими советскими республиками [3]. В этом контексте исследование проблем кочевой цивилизации Центральной Азии является важным аспектом отечественной истории древних и средневековых этносов Евразийского континента.

В связи с вышеизложенным особую актуальность приобретает изучение особое внимание уделяется вопросам взаимоотношений кыргызов с кыпчаками племенами. Установлено, что среди кыргызских племен встречаются множество племен кыпчакского происхождения, тогда как, среди кыпчаков роды кыргызского происхождения, встречаются весьма редко.

Исторический путь пройденный кыргызским народом был труден и порой трагичен, но глубокие корни народа позволили ему сохраниться.

Советский период и его политика интернационализации также способствовали нивелированию национального самосознания. “Следствием этого явилось неприятие собственно изначальных принципов кочевого бытия, духовных ориентиров, что привело к снижению национального достоинства народа” [5, с. 89].

Негативные изменения, происходящие в обществе сегодня, экономическая и социальная нестабильность, рост бедности, снижение культуры ведет к трагедии многовековой культуры кыргызов, влечет за собой конфликт традиционного типа мышления и нового уклада жизни. У молодежи проявляется тенденции к смене нравственных ориентиров. Поэтому, когда рушатся нравственные устои кыргызской культуры, с особой актуальностью встает вопрос о возрождении духовных, исторических ценностей кыргызов.

Единственным выходом из сложившейся ситуации является стремление найти ответы на вопросы современности через обращение к своим национальным корням и мудрости предков. Полное забывание прошлого, по мнению нашего великого писателя Чингиза Айтматова, может привести к “духовному манкуритизму”. Память, по убеждению писателя, - это мира человеческой личности, ее духовности.

Человек, у которого нет памяти, нет истории, нет духовной биографии, запечатленной в образах искусства – древних мирах, легендах, классике, языке обречен на духовную нищету, он не готов к воприятию сложнейшей современной жизни [6, с.52].

Поэтому важно сегодня осознать свою идентичность. В этом отношении исследование и идентичности кыргызов актуально в связи с национальным возрождением, становлением суверенного государства, масштабами социальных изменений, которые в настоящее время претерпевает наша страна.

В этом контексте этнические связи кыргызов с кыпчаками были отражены в трудах известных исследователей этнической истории кыргызов так как С.М. Абрамзон, Я.Р.Винников, Н.А. Аристов, В.В. Радлов, В.В. Бартольд, Л.Гумилев, Ч.Ч. Валиханов и др. С.М. Абрамзон и Л.Гумилев отмечают взаимодействиях различных факторов: культурных, экономических, политических для создания ядра будущего народа. Так С.М. Абрамзон отмечает что этническая история кыргызов складывалась в многообразных связях с этническими процессами, протекавшими в Центральной Азии на степных просторах современного Казахстана; она не может рассматриваться без учета этих связей [1, с.25]. Таким образом, история кыргызов, связана с племенами союзами саков, усуней, гуннов, тюрков.

Диссертационная работа Мехмет Кылдыроглу [8] посвящена комплексному исследованию основных этапов становления и развития этнополитических связей кыргызов и кыпчаков во второй половине IX-XVI вв. В диссертации обстоятельно исследована роль кыпчакских племен в

процессе становления кыргызского народа и выявлены кыпчакские компоненты в родоплеменном составе кыргызов. В результате сопоставительного анализа более шестидесяти этнонимов кыпчакского происхождения в этническом составе кыргызского народа установлено, что межэтнические связи кыргызов и кыпчаков начинаются еще в IX в., когда на политическую арену Центральной Азии вышли Кыргызский и Кимакский каганаты, и завершились, в основном, в эпоху Золотой Орды и государства Моголистан.

Труды этих исследователей внесли большой вклад в изучение истории кыргызов и кыпчаков. Несмотря на изучение различных аспектов истории кыргызского народа, отдельные проблемы этнических связей кыргызов с другими народами и племенами до сих пор остаются недостаточно разработанными. Проблема участия кыпчакских племен в становлении кыргызского народа до настоящего времени не стала предметом специального исследования. Отдельные аспекты языковых и этнических связей кыргызов и кыпчаков были рассмотрены в статьях отечественных и зарубежных тюркологов. По мнению большинства тюркологов в результате длительных кыргызско-кыпчакских связей, язык древних кыргызов испытал сильное влияние кыпчакского языка. Однако это заявление вызвало дискуссию со стороны видных историков Кыргызстана и России.

Тесные взаимосвязи между кыргызскими и кыпчакскими племенами начались в эпоху древних тюрков и достигли своего пика в период Золотой Орды и государства Моголистан. В гуще ранних народов, таких как гунны, скифы, усунь и множество других населявших огромные территории центра Евразийского континента, образовались и племя кыпчаков тюркоязычного происхождения. Они были, как и многие другие народы, кочевниками. Кыпчаки были известны как отличные воины. Легионы из них служили в войсках Чингисхана, в армиях завоевателя Тамирлана. Отдельные народы во время междоусобных войн заключали договоры с племенами кыпчаков и те принимали участие во многих сражениях.

С середины VII века, со времени падения в 745 году Второго Восточного тюркского каганата, в бассейн реки Иртыш начинается формирование кимако-кыпчакского союза племен – это Срошкинская культура и в это же время на данные территории начинается проникновение значительной группы енисейских кыргызов. Наиболее активный период проникновения древних кыргызов – это вторая половина IX века, когда ставка перемещается из Отукена в район Тану – Ола.

Происходит мирное проникновение и постепенная интеграция, происходит формирование новой этнической общности. Ближе к Алтаю и Джунгарии – древние кыргызы, ближе к Иртышу – кыпчаки. Этноним новой общности «кыргыз» объясняется стремлением выделиться из кимако-кыпчакских племен.

Последствия Кыргыз в связи с ослаблением Могольского государства и тимуридских государств, начинают заселять предгорья Тянь-Шаня и Восточного Туркестана в период XVI века.

В XV веке они уже проникают в Фергану. На этот этап приходится заселение кыргызами земель в Кыргызстане и Восточном Туркестане. Так, по мнению ученых исследователей складывалась судьба Восточных кыпчаков и их потомков – кыргызов и алтайцев. Необходимо отметить, что в 1926 г. когда проводилась перепись населения, народностей кыпчаки не были выделены отдельно. Это же случилось и в последствии в 1989 г., когда проводилась Всесоюзная перепись населения. Кыпчаки в числе различных национальных меньшинств, проживающих в Кыргызстане, так и не были зарегистрированы. Кыпчаков сегодня можно найти среди других местных народов: узбеков, казахов, уйгуров и др. в которых они «растворились» после упадка своего государства о чем свидетельствует заключение в своих исследованиях Ч.Ч. Валиханова о племенах: кыпчак, мундуз, кытай. Исследователь справедливо их относил к древним этнокомпонентам в формировании кыргызского народа. Предложения ученого Ч.Валиханова сегодня подкрепляются положениями современных исследователей о южносибирском и центрально-азиатском происхождении этих племен и их участии в формировании кыргызского народа.

Кыргызско-кыпчакские взаимосвязи рассматриваются также народных эпосах и сказаниях. В современной исторической науке широко используются эпосы в изучении истории народов, у которых письменность была слабо развита.

Труды исследований С.М. Абрамзона на материалах фольклорных памятников тюркских народов доказывающей, что у кыргызов и кыпчаков существовали тесные этнополитические связи. То что, имя кыпчак встречаются в таких эпосах как «Огуз-наме» и «Манас», говорит о том, что кыпчаки играли немаловажную роль в истории многих народов Центральной Азии. Как показывают материалы письменных источников и устного народного творчества, в результате длительных и интенсивных этнических контактов между кыргызами и кыпчаками многие племена и роды кыпчакского происхождения вошли в состав кыргызского народа.

Сведения о кыргызах и кыпчаках можно встретить и в сочинении XVI века «Хан-Наме», написанные на персидском языке. В этом сочинении Буян-хан показан предводителем монгольских племен, под которым, как правило, подразумевались тюркоязычные племена Средней Азии.

Сегодня роды древних кыпчаков перемешались с различными тюркоязычными народами. Кыпчаки по национальности принадлежать к титульной нации того государства, где проживают с давних исторических времен, но свой род они называют “кыпчаками”.

Роды кыпчаков встречаются среди кыргызов, казахов, узбеков, туркменов, каракалпаков и некоторых других народностей с тюркоязычными корнями. Больше всего их проживает в современном Кыргызстане. Многие из них обосновались в южных областях: Джалал-Абадской, Ошской, Баткенской.

Племя кыпчаков с давних пор делится на свои “внутренние” роды. Винников Я.Р. перечисляет родо-племенной состав и расселение кыпчаков на территории Южной Киргизии. Кыргызы имели десять основных подразделений: тору айгыр, ходжа-шукур, омонок, джаманан, кармыш, ширден, ахтачи, жартыбаш, таз-кыпчак, алтыке, кызыл-аяк. Компактными группами они расселены в трех пунктах: 1. в северо восточной части территории Баткенского района; 2. на территории сельсоветов Джида, Чокатюбе и Беговот Сузакского района Джалал-Абадской области и территории кишлаков Кызылтокой Аимского района и Фазылман, Дехканчек, Коштепе, Ходжашукур, Кампыррават, Абдуллаби Ворошиловского района Андижанской области Узбекской ССР; 3. На территории Кишлаков Джекенды, Чолок, Карамык, Батманкуль, Шве, в долинах Кульдуксу Беркесу Чон Алайского района Ошской области[4, с.59].

Абрамзон С.М. отмечает что, среди северо-кыргызских этнических групп, связанных происхождением с племенами, локализовавшимся на территории Южной Киргизии представлена группа кыпчак. В настоящее время кыпчакцами по происхождению называют несколько больших групп, проживающих в Чуйской долине, Прииссыкулье и Тянь-Шанской области. Большинство представителей этих групп кыпчакцев уже не помнят своих подразделений[2, с.86].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что кыпчаки, как этнос не сложились, и в дальнейшей этнической консолидации как период не сформировались. Это произошло вследствие потери политического влияния после присоединения Туркестанского края к России и они, зависимость от расселения, были ассимилированы с казахами, кыргызами, узбеками.

Список литературы:

1. Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990.
2. Абрамзон С.М. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т.IV. – М., 1956.
3. Атамбаев А.Ш. У нас общее прошлое, и я вижу будущее Кыргызстана в Евроазиатском союзе. // Известия 17.11.2011.
4. Винников Я.Р. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т.I. – М., 1956.
5. Жоробекова Э.Ж., Токтосунова А.М., Токтосунова Г.И. «Наследие кыргызов в контексте культурного разнообразия». – Бишкек. 2008.
6. Мурат Аджи «Европа, Тюрки, Великая степь». – Москва; 2004.
7. Мурат Аджи «Полынь половецкого поля». – Москва, 1994.
8. Мехмет Кылдыроглу. Этнополитические связи кыргызов и кыпчаков во второй половине IX-XVI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Бишкек – 2007.
9. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – М., 1994.

KIPÇAKLARIN ANADOLU'DAKİ İZLERİ

Yrd. Doç. Dr. Mehmet KILDIROĞLU
Ardahan Üniversitesi İnsani Bilimler
ve Edebiyat Fakültesi Tarih Bölümü
Öğretim Üyesi Kırgızistan-Türkiye
Manas Üniversitesi
Misafir Öğretim Üyesi

Kıpçaklar Türk halkları içinde önemli bir yere sahiptir. Bugün tarih sahnesinde bir devletleri olmamasına rağmen dil bakımından Türk halkları üzerinde büyük etkileri vardır. İki büyük Türk lehçesinden birisi Kıpçak lehçesidir. Bugünkü Türk halklarının önemli bir kısmı Kıpçak lehçesinde konuşmaktadırlar. Anadolu'da çoğunlukla Oğuz boyları yerleşmiştir. Ancak bu başka boyların Anadolu'yu mekân tutmadığı anlamına gelmez. Tarihin değişik dönemlerinde doğudan (Gürcistan, Azerbaycan, Ermenistan üzerinden) üzerinden, batıdan (Balkanlardan) ve güneyden (Mısır, Suriye üzerinden) Kıpçak boy ve oymakları Anadolu'ya gelmişler ve bazı bölgeleri mekân tutmuşlardır. Bildirimizde Kıpçakların Anadolu'ya gelişleri ilk yerleşim yerleri, bugünkü izleri hakkında tarihi kaynaklardan, yer adaları ve etnik adlardan yola çıkılarak bilgi verilecektir.

Anahtar Kelimeler: Kuman, Kıpçak, Çortan, Kubasar, Balta, Kongur, Ciğe, Durut, Uzun

Kıpçaklar Türk toplulukları içinde önemli bir yere sahiptir. Türk toplulukları genelde iki lehçede konuşurlar, bunlardan biri Oğuz Türkçesi diğeri de Kıpçak Türkçesidir. Kuzeyde ve Orta Asya'da yaşayan Türk topluluklarının büyük çoğunluğu Kıpçak Türkçesi konuşmaktadır. Türk halkları üzerinde bu kadar etkili olmalarına rağmen bugün belli bir coğrafyayı vatan edinmiş bir Kıpçak grubundan bahsedilemez. Tarihte de Mısır Memluk Devleti, Delhi Türk Sultanlığı, Gürcistan ve Doğu Anadolu'nun bir bölümünde kurulmuş Kıpçak Atabekler Hükümeti⁶⁵ dışında bir devlete sahip olamamışlardır. Fakat hemen hemen bütün Türk boyları içinde Kıpçakları görmek mümkündür. Kıpçakların eski dönemlere ait tarihleri karanlıktır. Çünkü onlardan ne Yenisey ne Orhun Yazıtları ne de Çin kaynakları bahseder. Kıpçaklarla ilgili malumatlar IX-XI. yüzyıllarda hâkimiyet kurmuş olan Kimekler hakkında verilen bilgilerde yer almaktadır(20;21). O bilgilerde Kimeklerin batıdaki bir kolu olarak zikredilirler. Kimekler de tıpkı Kıpçaklar gibi Çin kaynaklarında ve Yazıtlarda geçmez. Onlarla ilgili ilk somut kaynak İbn Hurdadbih'in eseridir(24, 268; 34, 365). Ancak Rus âlimi S.G. Klyaştorny Uygurlara ait Şine Usu Yazıtındaki bir ifadeden (17,79-80) yola çıkarak Göktürkler zamanındaki Sir Tarduşların Kıpçaklar olduğunu iddia eder. Bununla birlikte Sir Tarduşların yok olduklarına dair Çin kaynaklarında yer alan bilgi bu görüşü zayıflatmaktadır (27, 111,140-141). A.N. Berştam da onların Çin kaynaklarında Hunlar tarafından hâkimiyet altına alındıkları kaydedilen *Kyueşeler*

⁶⁵ 1118'de Gürcü Kralı II. David'in daveti üzerine Kafkaslara gelen Kıpçaklar kendi beyleri idaresinde İlhanlılara tabi ve Bagratlılar'dan ayrı bir Ortodoks Atabekler Hükümeti kurdular. Bu hükümet Bayburt, İspir, Tortum, Livana (Yusufeli-Artvin), Oltu, Ardaneç gibi Yukarı ve Orta Çoruk boyları ile Kür boyunun Göle, Ardahan, Ahıska ve Ahılkelek ile Azgur kesimlerini içine alıyordu. (Gökbel A., Kıpçak Türkleri, İstanbul 2000, s.311.

olduğunu ileri sürer (6, 154). M.Ö. 336 yılına ait Gürcü kroniğinde *Buntürki* ve *Kıpçaklar* birlikte zikredilirler (9,33). Aynı devirde Pliny Kıpçakların bölgede yaşadıklarına dair bilgi vermektedir. Makedonyalı İskender'in zamanına ait bilgilerde de Derbent *Kuman Geçidi* olarak kaydedilmiştir. Gene bu dönemde Merv'in kuzeyinde bulunan Kafkas Dağlarında *Kuman* adlı bir halkın yaşadığı zikredilmiştir (22, 359-373). Bu bilgilerden başka o dönemde Kuman ve Kıpçaklarla ilgili kayıt yoktur. Kısacası Kıpçakların IX. asırdan önceki durumları ile ilgili bilgiler tartışmalıdır, bu konuda net bir bilgi şu ana kadar elde edilememiştir. Onlarla ilgili bir başka bilinmez ise Kıpçak/Kuman meselesidir. Kıpçaklar son zamanlara kadar Kumanlarla aynı halk olarak sanılıyordu. Değerli Hocamız Prof. Dr. Kumekov'un çalışmalarıyla Kuman ve Kıpçak etnik gruplarının ayrı olduğunu öğrenmiş olduk (22, 62-75; 4,39-55). Ayrıca onları başka milletler dış görünüşlerine göre kendi dillerindeki sözlerle tanımlamışlardır. Mesela: Ruslar *Polovets*, Bizanslılar *Koman/Kuman*, Almanlar *Walven*, Ermeniler *Kharden*, Arap ve Farslar *Kıfçak*, *Hıfçak* gibi. Bizim bildirimizin konusu ise Anadolu'ya gelen Kıpçaklar veya Anadolu'da onlara ait izlerdir.

Anadolu'ya hem Kuman hem de Kıpçak boy ve oymakları gelmişlerdir. Ancak onların boy ve oymaklarının hangisine ait olduğunu ayırt etmek son derece güçtür. O dönemin kaynakları onları hem *Kuman* olarak hem de *Kıpçak* olarak tasvir ediyorlar. Kuman ve Kıpçakların bugünkü Anadolu topraklarına geliş güzergâhı Gürcistan, Balkanlar üzerinden Kıpçakların ise Mısır ve İran üzerindedir. Kumanlar Gürcistan'a Kafkasya üzerinden gelmiştir. 1118 yılında 45.000 ailelik bir Kuman kitlesinin Gürcü Kralının hizmetine girdiği ve 1118–1124 yılları arasında Kuman Hanı *Atrak* zamanında *Ardahan*, *Göle*, *Oltu*, *Tortum*, *Şavşat*, *Ardanuç*, *Yusufeli* bölgelerine yerleştikleri bilinmektedir. Kumanların Gürcülerle kurdukları akrabalık ilişkileri Gürcistan başta olmak üzere Azerbaycan, Ermenistan, Doğu Anadolu ve Doğu Karadeniz'deki siyasi yapıyı değiştirmiştir (28,120). Bölgeye Kıpçak göçü sonraki zamanlarda da devam etmiştir. Gürcistan, Doğu Anadolu ve Doğu Karadeniz'e ikinci büyük göç Kuman başbuğu *Sevinç*'in idaresinde yapılmıştır. Latinlerin Bizans'ı işgal ettiği dönemde Kumanların büyük bir kitlesi aileleriyle birlikte Trabzon civarında askeri bakımdan önemli yerlere yerleştiler. Bu göç hareketi yerleştirme politikası Anadolu'nun batı taraflarına kadar yayıldı. Mesela, Bafra bölgesindeki *Kumanos* ve civar köyler Kumanlar tarafından kurulmuştur. Kuman göçü Batı Karadeniz'de bulunan Kastamonu ilinin ilçesi Tosya ve çevresine kadar yayılmıştır. Bugün Tosya'da *Ciğe* adlı bir köyle *Cığa* soyadını taşıyan bir aile bulunmaktadır. Bu *Ciğe* ve *Cığa*'nın Kuman boylarından birisi olduğu sanılmaktadır (7,36, 143-144). Bunlardan anlaşılıyor ki Kumanlar Artvin'den Kastamonu'ya kadar Karadeniz bölgesinin önemli bir kısmına ve az sayıda olmak üzere İç Anadolu, Güneydoğu Anadolu ve Ege bölgesine yerleşmişlerdir. Anadolu'nun değişik yerlerinde Kuman adlı kasaba ve köyler vardır. Mesela: Diyarbakır Silvan'da *Goman*(Kuman) köyü, Tunceli'nin Mazgirt ilçesinin *Koman/Kuman* köyü, Siirt'in Garzan ilçesinde *Coman/Kuman* köyü, Ordu'nun Ulubey ilçesinde *Kumanlar* köyü, Bartın Merkez İlçede, Kayseri Pınarbaşı, Osmaniye Bahçe'de, Sivaz Yıldızeli gibi yerleşim birimleri ve Kahraman Maraş'ın Göksun ilçesi yakınındaki *Koman Dağı* Kuman adını taşımaktadır. Sivas'ın Hafik, Doğanşar İlçelerinde ve Hakkarinin Sıvın kasabasının

da birer Kıpçak adlı köyü bulunmaktadır. Malatya'nın Pötürge İlçesinin bir köyünün adı da Kimek'tir (25, 237, 242, 376). Ayrıca Trabzon ve çevresinde değerli araştırmacı Mehmet Bilgin'in tespit ettiği Kumanlarla ilgili şu yer adları bulunmaktadır: Aşağı Kumanit (şimdi Aşağıçavuşlu/Sürmene), Yukarı Kumanit (şimdi Yukarıçavuşlu/Sürmene), Kumanit (şimdi Kumludere/Of) (7, 172, 187; 1,130), Kumanondo Mahallesi(12,375)/Yaylası (Tonya Kalınçam köyü güney doğusunda), Komana Deresi (Vakfikebir'in doğusunda), Komandere Vamenli (şimdi Ortaköy/Vakfikebir), Komandere Raşî (şimdi Rıdvanlı/Vakfikebir), Komandere Kadahor (şimdi Akköy/Vakfikebir), Komandere Habel (şimdi Açıkalan/Vakfikebir), Kumnovacık Yaylası (Espiyeye), Kumanyurdu Yaylası (Tirebolu), Koman Deresi/Alucra Koman Tepesi ve Koman Köyü(12, 374).

Kıpçakların adı da Anadolu'da birçok yerleşim yerinde yaşatılmaktadır: Adana, Aksaray, Akşehir, Ankara, Aydın, Sivrihisar, Yozgat, Çankırı (Kıvçak), Çorum, Bursa, Afyon, Karaman, Kadirli, Kalecik (Kıvçak) Kayseri, Kırşehir, Konya, Kütahya, Maraş, Manisa, Sivas, Tekirdağ illerinde Kıpçak adı yer adı olarak muhafaza edilmiştir.

Kastamonu ve çevresinde çok sayıda Kıpçak boy ve kişi adına rastlanmaktadır: Tay Boga, Aday, Alperi (Elböri), Bugay/Buğay, Bucuray/Bucuru/Bucura, Bulağu, Bolağu, Bolaçu, Canbay, Çoray, Derenay, Dolay, Munay, Manay, Somay, Somatay, Semetey, Daday/Tatay, İt-oğlu, Kapaklı, Oraklı, Taraklı, Kara-berk, Kay-apa, Kıpçak/Kıvçak, Köçet/Küçet/Göçet, Mamu, Mama, Saru Boğa, Taman, Targılca ve Targıllu, Taysı, Uran/Oran/Ören(33, 106-115).

Yukarıda zikredilen Kay-apa adı Rus yıllıklarında Kayaepiçi biçiminde yer almaktadır. Kayapa adı Edirne bölgesinde de yer adı olarak tespit edilmiştir. Saru Boga ismi de Kıpçak çevresinde yoğun olarak kullanılmaktadır. Saru, Kırgız boyları arasında yer almaktadır. Aynı zamanda Isık-Göl'ün kuzeyinde bir yerleşim biriminin adı Saru'dur. Saru veya Sarı Kıpçakların diğer bir adıdır. Çünkü Mervezi ve Gerdizi'nin eserlerinde bu ad Şarı biçiminde geçmiştir.

Kimekler ve Kıpçaklar alanında değerli çalışmaları olan Hocamız Sayın Prof. Dr. Bolat Kumekov onların boyları hakkında Arap ve Fars kaynaklarında yer alan bilgileri ortaya çıkarmıştır (21). Bu boylardan özellikle Batı Deşt-i Kıpçak boylarının izlerini Anadolu coğrafyasında görmek mümkündür.

Bunlardan Curtan (Çorton, Krg./ Şortan, Kazak./ Djurtan Arb./ Çortan) boyu Altay Türklerinden başlayarak Kazak, Kırgız, Başkurt, Macar(2,11-20, 133-142)⁶⁶ halklarının içinde de yer almakla birlikte Gürcistan üzerinden Anadolu'ya kadar gelmiştir. Bugün bile bu boya mensup kişiler Gürcistan'da bulunmaktalar. Gürcistan'da kalan Çortanlar Hristiyanlık dininde kalmışlar, Anadolu topraklarına geçenler ise Müslüman olmuşlardır. Bunlardan bir grubun da mübadele yıllarında Yunanistan'a göç ettikleri bilinmektedir. Çortan/Çoron/Cordon boy adı Anadolu'da bazı yer adlarında da muhafaza edilmiştir. Erzurum'un en eski mahallelerinden birisinin adı Çortan'dır. Artvin'in Arhavi ilçesinde Cordan köyü,

⁶⁶ Macarlar içinde Tuna-Tisza (Tisa) arasında yerleşmiş olan Csértán(Çertán) boyu vardır. ("A kunok eredete", Halasi Téka 18, Adatok Kiskunhalas történetéhez, Szerkesztette: Szakál Aurél, Kiskunhalas 1996: 11-20, Emine Yılmaz, "Kumanların Kökeni" (Çeviri), Bir, Türk Dünyası İncelemeleri 9-10, Prof. Dr. Kemal Eraslan Armağanı, İstanbul 1998: 133-142.

Cordan Yaylaları, Cordan deresi Çaykara Dağönü köyü Cordanlı Mahallesi, Gümüşhane Yağmurdere Bucağı Güngören Köyü Cordan tarlalarının(7, 173) isimleri Cordan boyunun izlerini taşır. Cordan boyunun sözü edilen yerlere sahip olduğunu veya buralarda yaşadıklarını gösterir. Tapu Tahrir Defterlerinde Yusufeli-Demirkent (Erkinis) Bucağında Osmanlı fethi öncesi Cortan/Yortan Beğ'e ait mülklerden söz edilmekte ve bunların Tımar sahiplerine gelir olarak verildiği kaydedilmektedir(7,143). Batı Karadeniz'de Çortan/Cordan boyu Yortan biçiminde Kastamonu ve çevresinde boy ve yer adı olarak da bulunmaktadır (33,202)⁶⁷.

Trabzon ve Rize çevresinde Gürcistan Kumanlarının lideri olan ve Tamara zamanında Genelkurmay başkanlığı yapmış olan Kubasar'ın boyunun yaşadıkları yerlerle onlara ait mülk isimleri de mevcuttur. Kubasar Beyin torunları İkizdere'ye bağlı Cimil başta olmak üzere Pazar, Çamlıhemşin, Rize ve Sürmene'nin Cimilit köyünde yaşayanlar ve Osmanlı döneminde de tımar ve nüfuz sahibi oldukları bilinen Kumbasaroğullarıdır. Ayrıca Gümüşhane'nin Yağmurdere kasabasına bağlı Buğalı veya Boğalı köyünde bulunan *Kubasar Tepesi* de bu sülalenin bıraktığı yadigârlardandır. Bugün de Kubasar ailesi *Kumbasar* olarak bilinmekte ve bölgenin köklü ailelerinden biridir. Sürmenenin Yağmurlu / Cimilit köyünde bir mahallenin adı da Kumbasar Mahallesi'dir. Bu mahallenin sakinleri 2-3 yüzyıl önce İkizdere ilçesine bağlı Cimil köyünden gelmişlerdir (7, 163,173).

Kongur veya Konguroğlu boyu da Kumanların Doğu, Batı Kuman ve Kıpçakları içinde çok yaygın olarak bulunmaktadır. Kongur'a Altaylarda Kazaklarda, Kırgızlarda, Özbek ve Türkmenler içinde rastlanmaktadır. Kongur etnik adı yer adı olarak da oldukça geniş bir coğrafyada yayılmıştır. *Kongur* ya da *Konguroğulları* ismini taşıyan aileler Trabzon'un doğusunda denize dökülen Değirmenderesi koyağında bulunmaktadır(7, 144). Erzurum'un Hınıs İlçesinin bir köyü Kongur adını taşımaktadır. Kongur adına Doğu Karadeniz ve Doğu Anadolu'da rastlanmaktadır.

Bulgarların önemli sülalelerinden olan Şişman⁶⁸'a da Doğu Karadeniz'deki Kuman boyları arasında rastlanmaktadır. Şişman Bulgar hanlarından birinin adıdır. Bugünkü Bulgarların içinde de bu etnik ada rastlamak mümkündür. XV ve XVI. Asırlara ait Trabzon bölgesi Osmanlı Tahrir defterlerinden Başbakanlık Osmanlı Arşivi Tapu Tahrir 52 numarada bulunan 1515/16 tarihli Trabzon Sancağı Mufassal Tapu Tahrir Defterinde yer alan kayıtlarda Sürmene nahiyesine bağlı Zavli köyünde 9 hanenin Kuman olduğu belirtilmiştir(7,166,169). Bunlardan biri Şişman'dır. Şişmanoğulları ise Rize'den Samsun'a kadar geniş bir sahada yayılmışlardır(7, 175).

Kumanların Batı Deşt-i Kıpçak'taki tespit edilen boylarından bir diğeri'nin adı Durut/Türüt/Türütoğlu'dur(7,141-142)⁶⁹. An-Nuveyri(30,540-541) ve İbn Haldun eserlerinde Türüt'ü Durut biçiminde zikrederler. Hatta İbn Haldun Durutların Türklerden Tatarların Moğollardan geldiğini kaydeder(29,451,542).

⁶⁷ Yortan Cemaati (Tosya-Araç) Yortan Köyü (Araç-Borlu-Boyovası-Çerkeş) Yortancık Köyü (Sinop) Yortan Divanı ve Köyü (Yenice) Yortan Yaylağı (Tosya) Yortan-ı Aluç Köyü (Boyovası) Cevdet Yakupoğlu Kuzeypati Anadolu'nun Sosyo-Ekonomik Tarihi. Ankara 2009. s.202)

⁶⁸ Bu sülale 1330-1686 yılları arasında hüküm sürmüştür.

⁶⁹ Ünlü halk müziği sanatçısı İsmail Türüt bu boydandır.

Durut boyu mensuplarına da özellikle Trabzon'un doğusundaki Değirmendere koytağında rastlanmaktadır. Rus yıllıklarında yer alan Durut-aba etnik adı da bu Türüt/Durut'la ilgilidir(23,382).

Balta etnik adı da Doğu ve Batı Deşt-i Kıpçak boyları arasında bulunmaktadır. Bu boyun mensuplarına Kazak, Kırgız, Başkurt, Özbek ve Türkmen boy ve oymakları arasında rastlamak mümkündür. Doğu Karadeniz bölgesinde Balta adlı sülale ve yer adları da vardır(7, 178). Sivas'ın Şarkışla İlçesinde bir köyün adı Balta'dır.

Artvin'in Zeytinlik Bucağına bağlı köylerde Terteroğlu aile adı vardır. Bunlar Kuman Beyi Terter'den ismini almışlardır(7, 176-177).

Sarallar da bölgede yaygın olarak bulunan bir başka Kuman oymağıdır. Bölgede genellikle Artvin, Rize ve Trabzon illerinde yerleşmişlerdir. Günümüzde Of ilçe merkezi, Solaklı deresi koyağında ve Sürmene ilçesinde Saral adını taşıyan çok sayıda aile yaşamaktadır. Saral sözünün Sarı etnik adından geldiği görülmektedir. Sarılar bilindiği gibi başta Altay, Kırgız, Kazak, Türkmen, Başkurt boyları olmak üzere hemen hemen bütün Türk boyları arasında bulunan bir boydur. Mehmet Bilgin bu sözü Sarı + el / il> Sarı'nın İli> Sarıali'nin il'i biçiminde anlamlandırmıştır. Bize göre de böyle olmalıdır. Ardeşen / Işıklı Ortaalan köyü halkının tamamı Saral ailesinin mensuplarından oluşmaktadır. Artvin Zeytinlik Bucağı Yukarı Maden (Yukarı Hod) köyünün güney doğusunda da Saralet mezarı, Manisa Gördes'de de Sarallar köyü vardır (8,16,28).

Doğu Karadeniz bölgesinde Kuman boylarından ismini alan bir yerleşim yeri de Borçka 'dır. Borçka ismini bir Kuman boyu olan Borçoğlu (Macar kaynaklarında Borçsol, Rus kaynaklarında Burceviçi) den almaktadır(7.177). Ortaçağ Arap kaynaklarında An-Nuveyri'nin eserinde Burçoğlu(30,540-541) biçiminde bu boyun adı yer almaktadır. Burç aynı zamanda bugünkü Kazak boyları arasında da bulunmaktadır. Borçka da Kuman yerleşim yerlerindedir.

Kuman adı ve Kumanlarla ilgili yer ve su adlarına Karadeniz'in büyük bir kesiminde rastlamak mümkündür. Özellikle Trabzon ve Rize çevresi ile Giresun, Ordu ve Samsun'da Kuman adı yaygındır.

Dağıstan, Yukarı-Kür Çıldır ve Çoruk boylarında adına rastlanan Kuman oymaklarından biride Kumar ya da Komar oymağıdır. Bölgede bulunan Komarit (Komarlar anlamında, şimdi Barış köyü / Of), Komara (şimdi Yalıncağ köyü / Trabzon) köy isimleri bu oymağın bir kolunun da Trabzon bölgesinde yerleşmiş olduğunu göstermektedir(7,177). Bu boya Kumar ve Kamar biçimlerinde Anadolu'nun değişik yerlerinde boy ve yer adı olarak da rastlanmaktadır.

Değerli araştırmacı Mehmet Bilgin bölgede rastlanan Kuman kökenli yer ve aile adlarını şöyle sıralamaktadır: Ayaz/Ayazoğlu, etnik adına Kırgız boyları içinde de rastlanmaktadır.

Balaban / Balabanoğlu, etnik adı ve sülale adı da Oğuzlar ve Kıpçaklar arasında yaygındır. Memluklar tarafından kurulan Delhi Türk Sultanlığının en güçlü hanlarından birisi Balaban(1266-1290)'dır. Balaban Anadolu'da Türkmen oymakları içinde oldukça yaygındır. Ancak bu Balabanların Doğu Karadeniz ve Doğu Anadolu'da bulunanlarının Kıpçaklarla ilişkisi bulunabilir. Balaban Sivas'ın Darende ilçesinde, Edirne'de, Kırklareli'nde ve Mardin Merkez İlçeye bağlı köylerin adıdır.

Barkan, Buğa / Boğalıoğlu, Çakan, Çora, Kaba / Kabaoğlu, Kaban / Gabanlar, Kaçmaz, Kara, Karaca, Karaduman, Kepenek, Koç, Koçali/Koçalioğlu, Koçkar, Kolbas, Külünkoğlu, Tepret / Tepretoğlu, Tolun, Toruntay, Ulaş, Yulaç (7,178) gibi Kumanlarla ilgili sülale ve yer adları da Karadeniz'deki diğer isimlerdir.

Yakın dönemde Kafkaslardan Anadolu'ya göçlerle 1859 Ağustosundan 1861 Ağustosuna kadar iki yıllık dönem içinde Kırım Tatarları ve Nogaylarla birlikte onların içinde bulunan Kıpçak boyuna mensup çok sayıda kişi gelmiştir(5,50-539)⁷⁰.

Balkanlara inen ve Bizans'a saldıran Peçenekleri Bizans'ın daveti ile yenip dağıtan Kumanların bir grubu 1094 de Edirne'ye kadar bütün Balkanları istila etmiş ve daha sonra da Bizans'la savaşmış ve Bizans'a yenilmişlerdi. Kuzeyde ise iki yüzyıl kadar yaşayan Kumanlar,1238-39 kışında Moğollara yenilmiş ve dağılmak zorunda kalmışlardır. Bu tarihlerde Balkanlara inen Kumanlar Bizans tarafından tımarlar ve askeri görevler verilerek Trakya'da, Makedonya'da ve Anadolu'da Menderes vadisinde iskân edilmişlerdi. Dağılan Kumanların bir kısmı Macaristan'a geçerken bir kısmı da ya Moğollara katılmış ya da Moğolların sürüklediği doğulu Kumanlar ve diğer Türk unsurlarına katılmıştır. Batıda Bizans, Macaristan, Bulgaristan, Romanya ve Rusya hattında önemli roller oynayan Kumanlar doğuda da Gürcistan'ın altın çağını yaşamasını temin etmiş, Trabzon Krallığında ve Mısır'a kadar uzanan sahada etkinliklerini sürdürmüştür.

Bu kavimler ard arda ve batıya doğru olan göçlerinde Doğu Avrupa da ve Balkanlarda günümüze uzanan birçok milletin oluşmasına katkıda bulunurken, Bizans ile olan mücadelelerinde Bizans tarafından çeşitli oyunlarla birbirlerine kırdırılmış yenilenlerin bakiyeleri Balkanlar da ve Anadolu da çeşitli yerler iskân edilerek Hıristiyanlaştırılmış ve askeri hizmetlerde kullanılmıştır. Moğol tehdidinin başladığı yıllarda Eflak ve Buğdan da oturan Kumanlar arasında Katolikliği yayma çalışmaları başlamış ve 1227 de Kumanların hakanı Borç ve 15.000 Kuman Hıristiyan olmuştur.

1088-1091 yılları arasındaki olaylarda Peçenekler'in; İpsala, Enez/Meriç Ağzı, Hayrabolu, Babaeski, Çorlu, Çatalca'da oldukları ya da bu civarda Bizans ile savaştıkları bilinmektedir. Bunun yanı sıra Kuman-Kıpçaklar ise Enez'de saptanabilmektedir(18, 213-258). 1189-1242 yılları arasında Kuman-Kıpçaklar'ın farklı yıllar arasında Dimetoka kalesi ve kentine, Filibe ve Edirne'ye -her biri kısa süreli de olsa- hükmettikleri görülmektedir. Yine aynı dönemde Kuman-Kıpçaklar'ın özellikle Ulahlar ve Bulgarlar'la işbirliği hâlinde Makedonya ve Trakya'ya seferler düzenleyip Çorlu ve İpsala'da Bizans'a karşı savaştıkları -hatta İstanbul surları önlerine kadar geldikleri- belirlenmiştir. O dönem kuzeyden gelen Moğollar'ın baskısıyla kaçan Kuman topluluğu, Bizans hizmetine alınmıştır. Trakya'da ve Teselya'da göçebe olarak yaşayan 10,000'lerce Kuman'ın varlığından söz edilmektedir. Hatta 1241/1242 yılında (bir kısmı Hristiyanlaştırılıp) bir bölümü Trakya ve Makedonya'ya, geri kalanlarıysa

⁷⁰ Osmanlı Tahrir defterlerindeki kayıtlara göre 23 Ağustos 1859'da Kırım'dan Kıpçak kabilesinden 47 hane 183 kişi, 25 Ekim 1859'da Kıpçak kabilesinden 116 hane ve 618 kişi, 26 Ekim 1859'da Kıpçak kabilesi Hoca Ahmet oymağından 12 hane 53 kişi, 2 Şubat 1861'de gelen ilk kafilede Minkat ve Peştun kabileleri ile birlikte Kıpçak kabilesinden de 215 hane ve 1191 kişi Anadolu'ya Adana ve çevresine iskan edilmiştir.

Anadolu'da Frigya Bölgesi'yle Menderes Vadisi'ne köylü olarak yerleştirilmişti. Menderes'e yerleştirilmelerinin nedeni herhâlde Selçuklular'ın Menderes Havzası'na yönelik akımlarının durdurulmasıydı ki bu formülün etkili olduğu söylenmektedir (32,13;31, 78-79;3,9,11).

Kıpçakların Kırım-Sinop yoluyla Kastamonu'ya getirilip çevreye yerleştirildiğini tarihi kaynaklar kaydetmiştir. Çobanoğullarının Kıpçak Türkleri ile olan münasebetleri de yine etnik ve ağız özellikleri açısından önemli bir yer teşkil eder. Moğolların Kırım ve bu bölgedeki Kıpçak ilini istila etmesi sonucu bölgede büyük bir karışıklık çıkmış bunun neticesinde önemli bir liman şehri olan Sudak Rusların eline geçmiştir. Selçuklu Sultanı I. Alâddin Keykubat bu durum karşısında Kırım'a yapılacak sefer için Hüsameddin Çoban Bey'i görevlendirmiştir. Deniz aşırı bir sefer olması ve Selçukluların Sinop'ta kurduğu deniz kuvvetlerinin ehemmiyetini göstermesi bakımından bu savaşın ayrı bir önemi daha vardır. Hüsameddin Çoban Bey'in büyük bir başarıyla gerçekleştirdiği bu sefer, Sudak'ın alınmasıyla bitmemiş Rus Meliki ve Kıpçak Hanını vergiye bağlanmasıyla neticelenmiştir. Hüsameddin Çoban daha sonra beraberinde kıymetli hediyeler ve Kıpçak köleleri ile önce Sinop'a oradan da Kastamonu'ya dönmüştür (36,38-39).

İşte bu gelişmeler Kastamonu ve yöresi ile Kırım'da yaşayan Kıpçakların ilişkilerinin geliştirilmiş olabileceğini gösterir. Ayrıca Kastamonu'ya hâkim Türklerin birçok ülkeyle denizcilik münasebetlerinde bulunması Evliya Çelebi'nin H.1050'de yaptığı Karadeniz gezisinde de not alınmıştır.

Zeynep Korkmaz'ın tespit etmiş olduğu Bartın ve yöresindeki Kıpçak dil unsurları ile Kastamonu'nun özellikle kıyı kesimlerindeki Kıpçakça özellikler, bölgeye Mısır ve Kırım Kıpçaklarının yerleşmiş olabileceğini göstermektedir(19).

Kıpçaklar 1250 yılında Mısır Memluk Devletini kurduktan sonra Anadolu'daki beyliklerle ilişkilere girmişler, zaman zaman beyliklerin daveti zaman zaman da kendileri Anadolu'ya girmişlerdir. Güneydoğu Anadolu, Akdeniz ve İç Anadolu'da Memluklar tarafından yapılan ve tamir ettirilen birçok eser bulunmaktadır. Mısır Memluk Devletinin 1517'de Osmanlı Padişahı Yavuz Sultan Selim tarafından yıkılmasından ve Halifeliğin Osmanlı'ya geçmesinden sonra Anadolu topraklarına özellikle Kilis ve çevresine Kıpçak yerleşmeleri olmuştur. Kilis'in Musabeyli İlçesinin Gündeğer Köyünün eski adı Kaman'dır(37). Kaman bilindiği gibi Kuman boylarından biridir. Hatta bazı araştırmacılara göre Kuman adının bir başka söyleniş biçimidir. Kazak, Kırgız, Özbek boyları arasında yaygındır. Beş Kaman ve Közkaman biçiminde Manas Destanında ve Kırgız boyları arasında da yer almaktadır. Anadolu'da Kırşehir ilimizin büyük ilçelerinden birinin adı da Kaman'dır. Bundan başka Kayserinin Pınarbaşı, Bartın Merkez, Osmaniye'nin Bahçe, Sivas'ın Yıldızeli ilçerinde de Kaman adlı köyler mevcuttur.

1333'te ölen Arap yazarı En-Nuveyri Kıpçakların on bir boyu arasında Kara Börklü kabilesinden bahseder. Karabörklü bilindiği gibi Karakalpak ve Karapapak adalı ile özdeştir. Bugünkü Özbekistan'ın özerk bölgesi olan Karakalpakistan halkı bunlardır. Karapapak veya Karabörklülere Anadolu'nun özellikle Kars ve çevresi, Ağrı, Erzurum, Muş, Amasya ve Tokat'ta rastlanmaktadır. Sivas'ın Ulaşlı ilçesi Acıyurt Köyü sakinlerinin tamamı Karabörklü veya Kapapapaktır.

FAYDALANILAN ESERLER

1. Albayrak H., Of ve Çaykara, C.I, İstanbul 1986.
2. Arapad B., "A kunok eredete", Halasi Téka 18, Adatok Kiskunhalas történetéhez, Szerkesztette: Szakál Aurél, Kiskunhalas 1996./ Emine Yılmaz, "Kumanların Kökeni" (Çeviri), Bir, Türk Dünyası İncelemeleri 9-10, Prof. Dr. Kemal Eraslan Armağanı, İstanbul 1998.
3. Ayönü Y., (Katalanların Anadolu ve Trakya'daki Faaliyetleri (1302-1311), İzmir 2009.
4. Babkine A., Les Comans. Contribution à l'histoire du Moyen Age Russe, Etudes Slaves et Est-Européennes / Slavic and East-European Studies, Vol. 17 (1972).
5. Bayraktar H., Kırım Savaşı Sonrası Adana Eyaletine Yapılan Nogay Göç ve İskanları(1859-1861), Bilig Dergisi, Bahar, 2008.
6. Bernştam A.N., Drevneyşiyeye tyurkskiye elementi v etnogeneze Sredney Azii //SE, No:6-7, 1947.
7. Bilgin M., Doğu Karadeniz-Tarih,Kültür, İnsan, İstanbul 2007.
8. Bilgin M., Doğu Karadeniz'de bir derebeyi ailesi, Trabzon 2006.
9. Brosset M., Histoire de la Georgie I, s. 33; Chronique Georgienne, Paris 1831.
10. Eröz M., Atatürk Milliyetçilik Doğu Anadolu, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayını: 24, İstanbul 1987
11. Gökbel A., Kıpçak Türkleri, İstanbul 2000.
12. Karşlıoğlu Y., Doğu Karadeniz Tarihi: otokton halkları ve etnik yapısı, İstanbul 2009.
- 13.Kıldıroğlu M., IX.asrın İkinci Yarısından XV. Asra Kadar Kırgız-Kıpçak Etnosiyasi İlişkileri, Yayınlanmamış Doktora Tezi, Bişkek 2007.
14. Kırzıoğlu F., Yukarı Kür ve Çoruk Boylarında Kıpçaklar,TTKY, Ankara 1992.
15. Kırzıoğlu F., Dağıstan-Aras-Dicle-Altay ve Türkistan Türk Boylarından Kürtler, TKAE, Ankara, 1984.
16. Kırzıoğlu F., Ahıska-Ardahan-Artvin ve Oltu'da Hristiyan Atabekler Hükûmeti, www.bizimahıska.org
17. Klyaştorıny S.G., Drevnetyurkskie plemenniye soyuzı i gosudarstva Velikoy Stepi, Sank-Peterburg 1994.
18. Kommena, A., Alexiad-Anadolu'da ve Balkan Yarımada'sında İmparator Alexias Kommenos Dönemi'nin Tarihi-Malazgirt'in Sonrası, (çev. Bilge Umar), İstanbul 1996.
19. Korkmaz K., Bartın ve Yöresi Ağızları, TDK Yayınları, Ankara 1994.
20. Kumekov B.E., Gasudarstvo Kimekov. Alma-Ata 1972.
21. Kumekov B.E., Arabskiye i persidskiye istoçniki po istorii kıpçakov. VIII-XIV.vv. nauçno-analitiçeskiy obzor. Alma-Ata 1987.
22. Kumekov B. E., Kazahi i vengrı: obşçie istoriçeskie korni//Nauçny mir Kazahstana. Astana-Şımkent, 2008, No:1.
23. Kumekov B.E., XII-XIII. Asrın Başında Deşt-i Kıpçak'taki Boy Birliklerinin Etnonimi Hakkında, (Çeviri: Mehmet Kıldıroğlu, Çıngız Samudinuulu), KTMÜ Sosyal Bilimler Dergisi, Sayı:1, Bişkek 2000.

24. Le livre des routes et de provinces, par Ibn Khordadbeh, publié, traduit et annoté par C. Barbier de Meynard, **JA**, 6e série t.V. 1865.
25. Önder A. H., Türkiye'nin Etnik Yapısı, halkımızın kökenleri ve gerçekler, İstanbul 2008.
26. Pliny, Nattural History II. Loeb Classical Library (January 1, 1942).
27. Taşağıl A., Çin Kaynaklarına Göre Eski Türk Boyları (M.Ö. III-M.S. X. Asır), Ankara, 2004.
28. Tellioglu İ., Osmanlı Hakimiyetine Kadar Doğu Karadeniz'de Türkler, Trabzon 2004.
29. Tiezengauzen, Sbornik matarealov, atnosyaşcihsiya k istorii Zolotoy Ordı, T. I, Spb.,1884.
30. Tiesengauzen, Sbornik matarealov, atnosyaşcihsiya k istorii Zolotoy Ordı, T. II, Spb., 1887.
31. Vasary, I., Kumanlar ve Tatarlar-Osmanlı Öncesi Balkanlar'da Doğulu Askerler (1185-1365), (çev. Ali Cevat Karakoyunlu), İstanbul 2008.
32. Wittek P., Menteşe Beyliği, (çev. O. Ş. Gökyay), TTK Yayınları, Ankara 1999.
33. Yakupoğlu, Kuzeybatı Anadolu'nun Sosyo-Ekonomik Tarihi, Ankara 2009.
34. Yakubovskiy A., İbn-i Bibi'nin XIII. Asır Başında Anadolu Türklerinin Sudak, Polovets (Kıpçak) ve Ruslara Karşı Yaptıkları Seferin Hikâyesi (Kıpçak Sahrasında Cereyan Eden Ticari Hayattan Bazı Safhalar), Çev: İsmail Kaynak, DTCF Dergisi, XII, Ankara 1954.
35. Yörükkan, Y.Z., Müslüman Coğrafyacıların Gözüyle Ortaçağ'da Türkler, İstanbul, 2004.
36. Yücel Y., Anadolu Beylikleri Hakkında Araştırmalar-I, TTK Yayınları, Ankara 1991.
37. www.ziza.net/web/arge/tk/article60.htm

* Âdem Işık / Antik Kaynaklarda Karadeniz Bölgesi

- Ahmet Vefik Paşa / Lehçe-i Osmanî
- Ali Araslan / Tarih Boyunca Balkanlardan Kafkaslara Türk Dünyası Semineri, Birinci Dünya Savaşında Batum'un Statüsü
- Ali Gündüz / Hemşinliler
- Ali Tayyar Önder / Türkiyenin Etnik Yapısı
- Artvin İl Yıllığı / 1973
- Bilal N. Şimşir /
- Büyük Sovyet Ansiklopedisi, "Hemşinliler" maddesi
- Claude Cahen / Pre Otoman
- Dimitri Kitsikis / Türk Yunan İmparatorluğu
- Evliya Çelebi Seyahatnamesi
- F. U. Uspensky / Trabzon İmparatorluğu tarihinden Görüşler
- Fahir Armaoğlu / Siyasi Tarih
- Faruk Sümer / Oğuzlar
- G. Hovsepyan / Konular ve Araştırmalar
- Georges Dumezil /
- Hale Soysu / Kavimler Kapısı
- Halit Özdemir / Artvin Tarihi

- Hilmi Uran / Hatıralarım
- İ. Kayabalı – C. Arslanoğlu
- İbrahim kafesoğlu / Türk Milli Kültürü
- İkdam Gazetesi / Anavatana İlhak, 17 Ağustos 1334
- Kemal Karadenizli / Trabzon Tarihi
- Laszlo Rasony / Tarihte Türklük
- M. Adil Özer / Artvin ve Çevresi Savaşları
- M. Adil özer / Çoruh İli İle Bir Arada Bugünkü Şavşat
- M. Fahrettin Kırzioğlu / I. Selim Çağında Hopa ve Arhavi Köyleri
- M. Fahrettin Kırzioğlu / Kıpçaklar
- M. Fahrettin Kirzioğlu / Osmanlıların Kafkas Ellerini Fethi
- Mehmet Bilgin / Doğukaradeniz
- Micharl T. Mecker / Karadeniz Türkleri Irksal ve Kültürel Geçmişlerine Bir bakış
- N. Berdzenişvili – S. Canaşia / Gürcistan Tarihi
- Nihat Erim / Devletlerarası Hukuk ve Siyasi Tarih
- Nimet Kurat Akdes / Peçenek Tarihi
- Osman Turan / Trabzon Tarihi
- Tatarlar Tarihçisi Hetum
- Tayip Gökbilgin / XVI. Yüzyıl Başlarında Trabzon Livası ve Doğukaradeniz Bölgesi
- Tuncer Baykara / Anadolunun tarihi Coğrafyasına Girişi
- Veysel Atacan / Hemşin Bölgesi Osmanlı Mezar Taşları
- Yurt Ansiklopedisi, Artvin Maddesi
- Yurt Ansiklopedisi, Rize Maddesi
- Zeki Velidi Togan / Sakalar

HURŞİT SARAL

Saruhanlı Kıpçaklar

Bilindiği kadarıyla, Saruhanlı Beyliği'ni kuran göçebe Türk boyları 13. yüzyılın başlarında, sınırları sonradan belirlenecek olan Manisa, Menemen, Demirci, Gördes, Gördük, Nif, Tarhaniyat, Akhisar gibi yerleşim yerlerini kapsayan bölgeyi (eski Lidya) istila ederek ele geçirmişlerdir. Bu bölge kuzeyden Karasi, doğudan Germiyan, güneyden Aydınolu beylikleriyle aylanmıştır (Uzunçarşılı, 1984: 1937; Sevim & Yücel, 1989; Emecen, 1989, 2001). Bölgeye ilk giren Türk konat (band: DLT) beylerinden birinin adı Alp-ağı'dır. Alp, savaşçılığı imlerken, ağı, zenginliği verir. Oğlunun adını Saruhan koymuştur; han oğlu olduğu için değil, atalarından birinin adını yad etmek için. Aslında bu adı hak etmiştir de. Nitekim circa 1305 tarihinde Almugavar tarafından zaptedilen Magnesie'yi (Schlumberg, 1924) 1313 yılında Bizans'tan geri alıp, Saruhanlı Beyliği'ni kurmuştur. Saruhan'ın Çuğa ve Ali Paşa adında iki kardeşi vardır (Sevim & Yücel).

Buraya nasıl gelinmiştir? Saruhanlıların geçmişi neydi?

1- Yukarıda ilgili bölümde Anadolu'ya gelişlerine dair bilgilerin yer aldığı Kimeklerle ilgili tarihi kayıtlar ansızın kesilir. Ancak, demek değildir ki, federasyonun bütün üyeleri de yok olup gitmişlerdir.

Hayır. Özellikle bir kısım Kıpçak, geçmişte olduğu gibi gelecekte de hayatlarını sessizce doğu ve batı Anadolu'da Türklerle beraber devam ettireceklerdir.

2- Şimdi 11. yüzyılın sonlarına (1097) dönüp, Marvazi'yi okuyalım (Şeşen, 1975, s. 97).

Türklerin bir kısmına Kun derler. Bunlar Nestori mezhebindedir. Kitan Ham'nın meralarını ele geçireceğinden korktuklarından illerinden göç etmeye başladılar. Onları, daha kalabalık olan Kaylar izlediler ve Kunları yeni otlaklarından sürdüler. Ancak, her ikisinin önünde Şaru boyları vardı. Bunlar göçün baskısıyla Oğuzlara çullandılar. Oğuzlar da Peçeneklere...

Hemen söyleyeyim ki, bu olgu Kaşgari'nin not ettiği büyük göçten önceki Türk boylarının batıdan doğuya doğru sıralanışlarına uygundur: Kitan, Kay Basmil, Oğuz, Peçenek (DLT, I). Dikkat edilmişse iki ayrı sırada bulunan Şaru ile Basmil boyları eşleşmiştir. Ayrıca bu eşleşmeyi Marvazi de doğrulamıştır. Diyor ki:

Sancu'dan Kitan'a (Kansu) doğru yola çıkan bir yolcu on beş günlük bir mesafeden sonra, başbuğlarının adı Basmil olan Şaru öbeklerine rastlar (Kljasthornyj & Sultanov, 2003).

Ruslar, Saru/Şaru boylarına polotovskiy derler. Latince pallidi, Almanca valani, Ermenice hartaş'dır. On üçüncü yüzyıl Kıpçak- Oğuz Türkçesinde ise şaru'dur (kayısı gibi). (Golden, 2000). Sözü'nün kısası Basmiller açık renklidir.

3- Barthold (1977, s. 296), 1030 yıllarında Kıpçakların alt-boyları olan Küçet ve Çuğraklarla (Köprülü, 1944) birlikte Harzem'de görüldüklerini söyler. Altmış yıl sonra Kıpçaklar (ki Rubrouck onları Kumanlarla bir tutar: 1985), Kitan göç dalgalarının savurduğu Basmil boylarıyla beraber artık Ponto-Hazar'dadır (1055). Ruslar bunlara "Yaban Kumanlar" derler. Yaban Kumanlar asleniki oğuş tarafından yönetilir: Ölberli ve Toksuoba. Ölberliler Moğol asıllıdır (Golden, op cit) Toksuoba ise Dokuzoba ya da Tuxhsoba olmalıdır. Ölberli oğuşunun başında ünlü Bönek/Bönjek/Böcek/Benek vardır. Dokuzobalılardan başında ise Şaruhan oğullarından üç kişi var: biri Böcek, biri Taz, öbürü Sevinç. Taz'ın sonradan Türkmenleşmiş bir boy adı olduğunu biliyoruz (Sümer, 1980: Ekteki listeler). Şaruhan küçük oğlu Etrek (et renkli, pembe-beyaz anlamına gelir), oğlu Könçek, kızı Gürcistan Kralının karısı Bahram Duxth'dur vs.

4- 1118 tarihinde Selçuklu-Oğuz saldırılarından yılan Gürcü Kralı David IV. Ağmaşenebeli, damadı Etrek'e, kendine bağlı Kıpçak konatlarını yanına alarak Gürcistan'a gelmesini teklif etti. Amacı orduya dayalı güçlü bir devlet kurmaktı. Gelenler hem soylu, hem savaşçı, hem de kendi dünürleriydi. Gürcüler güneydoğudaki Oğuz tehdidini ileri sürerek Kafkas derbentlerinin koruyucuları olan As'ları ikna edip Kıpçakların Kafkasya'dan geçişlerini sağladılar. Gelenler kırk bin savaşçıydı. Aileleri ile birlikte iki yüz, iki yüz elli bin kişi olmalıydılar. Bir kısmı Hıristiyandı.

Şaruhan'ın oğlu Etrek'in Kafkasya'da ikamet tarihi, Rus-Kıpçak-Kuman düşmanlığının başlangıç günlerine dek sürer (1150). Bu tarihten sonra Etrek yurduna döner. Akıbeti belli değildir. Oğullarından Könçek hapse atılmış, kardeşi Eltut öldürülmüştür (Golden, 2003). Onunla olan, kalabalık bir Kıpçak topluluğunun bir bölümü Ani, Erzurum, Çıldır'da yerleşmişler, bir kısım öbekler

de Kür ve Çoruh ırmakları dolayları ile Dağ Eli denilen yaylalarda savaşçı-göçebe hayatlarını sürdürmüşlerdir (Kırzıoğlu, 1992; Bilgin, 2000).

5- Yeni Kıpçak denilen göçe gelince (Golden, ibid): Gürcistan'da 13. yüzyılın ortalarına kadar süren hanedan kavgaları siyasal istikrarı ancak soyluların Kuzey Kafkasya'dan Yeni Kıpçak ve As savaşçılarına yardıma çağırılmalarıyla son buldu. Bu Kıpçaklar arasında iki kişi önemlidir: Biri Kraliçe Tamar'ı tutan yaşlı ordu komutanı Kubasar, öteki soyluların tarafında olan Kutlu Arslan'dır. Her ikisi de bundan böyle, Kıpçakların gittikçe siyasete katıldıklarını ve yerleşik düzene geçme niyetinde olduklarını gösterir. Ancak, Gürcüler Moğol istilası sırasında Kıpçaklar'dan Moğollara karşı direnmelerini isteyince, bir kısmı bu görevi karşılıksız yapmayacaklarını, ancak kendilerine bir yurt verildiği takdirde savaşacaklarını bildirmişlerdi. Bu durum Gürcülerle Kıpçakların arasını açmış, Çanları yanlarına alan Kıpçaklar Gence halkının daveti üzerine bu yöreye gelip yerleşmişlerdir (Galtsyan, 2005 s. 41). Bir kısım Kıpçak ise Moğol tehlikesini karşılamak üzere (Spuler, 1957, s. 485) soydaşları Harzemşahlara yardıma koşmuştur (1220). Bu tarih, Deşt-i Kıpçak'dan yardım için gönderilen Alp Kara emrindeki Kıpçak Uran alt-boyunun Harzem'e geliş tarihiyle çakışır (Kafesoğlu, 1956 s. 94).

6- Cengiz Han'ın Çin seferinden önce Ortadoğu'daki savaş ateşini yakmaya niyetli olduğu anlaşılıyor. Mazereti, İran'a doğru kaçan Harzemşah Celaleddin'i yakalamaktır. Han, bu seferin başına Cebe Noyan ile Oğlu Sübetay Noyan'ı atar. Emirlerinde 25.000 süvari vardır. Ordu hızlı bir yürüyüşle Hazar'ın güneyinden dolanır (1221). Bu tarihte Gürcülerin Kralı III. Giorgi'dir. Yanına Kıpçak Türklerini almış, büyük bir gururla Azerbaycan, Ermeniye, Erran, Şirvan ve Mugan illeri üzerinde hüküm sürmektedir (Ata Malik Juvaini, 1977; Grousset, 1982, p. 307). Giorgi, buna güvenerek bütün komşu askerlerini kubratmıştır. Alanlar (Aslar), Ermeniler, Sarırlar (Çerkezler gibi Kafkas halkları), Lazlar, Çanlar, Sivanlar, Aphazalar, Süryaniler ve Rumlar birleşerek büyük bir ordu kurdular. Bu arada, Kıpçakların başbuğu Kotan, dünürü olan Rus Mstislava'ya ulak göndererek Moğol saldırganına karşı askeri destek istedi. Oysa savaş başlamıştı bile. Bir aralık, tepeden savaş meydanına bakan Sübetay, sallanan tuğlar arasındaki Kıpçak tuğunu gördü. Hemen onlara haberci göndererek bir zamanlar babası Cengiz Han'ın onlara yaptığı iyiliği hatırlattı ve çarpışmadan çekilmelerini istedi. Kıpçaklar nankör değildi, o anda 20.000 Kıpçak atlısı muharebe meydanını terk etti. Zaten Rus kuvvetleri de geç kalmışlardı. Savaş Moğolların utkusuyla bitti (1225).

7a- İbn Bibi, Sultan İzzeddin ile asi kardeşi Rükneddin Kılıç Arslan arasındaki Afyon Karahisar yakınlarında bulunan Düz Ağaç mevkiinde yapılan savaşta (circa 1254) Sultanın, apar topar Arap, Kürt, Yiva, Gence ve Kıpçak halklarından asker devşirdiğini yazar (1996, s. 140-141). Öte yandan, Bizans İmparatoru Vatatzes'in aşağı yukarı aynı tarihte, sayıları 10.000'den fazla Kuman'ı (Kıpçak'ı) Trakya'dan kaldırıp Menderes Vadisi'ne yerleştirdiğini biliyoruz (Witteck, 1944, s. 13). Her iki belge de, o dönemde Anadolu'da hatırı sayılır bir Kıpçak nüfusunun yaşadığını berkitir. Ayrıca şunu da ekleyeyim: Gürcistan savaşında Moğolların yirmi bin Kıpçak atlısının (aileleri ile birlikte yüz bin kişi eder) çarpışmalardan çekilmesini

istememesi üzerine oradan uzaklaşan, Gürcüler bakımından vefasız sayılan Kıpçak konatları nereye gidebilir? Sanırım, önce Sultan İzzeddin'in kişisel emrine girerler (circa 1254). Sonra da Bizans İmparatoru Vatatzes'in aynı tarihte Trakya'dan alıp getirdiği boydaşları on bin Kuman'ın (Kıpçak) yerleştiği Menderes Vadisi'ne göçerler (Afyon ile Denizli iki komşu ildir). Bence Şaruhan Beyliği'nin ilk halkı Türkmen boylarını hiç unutmadan, işte bu Kıpçaklardır. Zaten, bu iddia harita üzerinde de gösterilebilir.

Şimdi, Afyon Karahisar'ın kuzeyindeki şu yer adlarına bakalım: Kumartaş (Kuman), Eski Eymir (İmi > Emir < Eymür), Eylet, Tatar-mutat (Tatar soyu). Ayrıca Bayındır (Şaruhan ve Aydın dolayısı). Bu boylar içinde Kuman/Kıpçak, Eylet, Eymür, Tatar ve Bayındır boylarının hepsi Kimek federasyonundandır. Nitekim Hududa'l-Alam (1982) ya da Gardizi (1982) bu boyları teker teker saymıştır.

7b- Mamafih, Kıpçakların Menderes Vadisi'ne geçmelerini sağlayan olaylar onlardan bağımsızca gelişmiş olabilir. Bu konuyu irdelemek için önce Menderes Vadisi'nin 13. yüzyılın ortalarındaki (1240-1256) iktisadi ve siyasi durumuna bakmalıyız. Bilindiği gibi, 1206 yılında Latin başatlığından beznen Bizans, Konstantinopolis'ten vazgeçmemek kaydıyla, İznik'te Laskaris devletini kurdu. Sultan Keyhüsrev onu hemen tamdı. Böylece, bir süre için hem Selçuklular Bizans'ı unutup, ülkenin doğusunu çatırdatan iç sorunlarına döndüler, hem de Bizans Türkleri unutup, Ege'de Latinlerin çevirdikleri dolapları durdurmaya çalıştılar. Bu yumuşamadan yararlanmasını bilen bir kişi vardı. Küçük Asya'nın ünlü Rum askeri soylularından olan Comnenus sülalesinden Alexis, bu gevşemeyi fırsat bilerek Trabzon Comnenus Devleti'ni kurdu (1204). Selçuklular, bu oluşuma ses etmediler. Böylece, Konya ile İznik barışmış oldu. Bu süreç, her iki toplumda radikal değişmelere yol açtı. Özellikle, Rum soyluları arasında Türkleşme eğilimleri artıyordu (Vryonis, 1986). Bunlardan biri, kendisi de önemli bir Commeneai olan Emir Comnenus Maurozomes'dir (Bayram, 2003 s. 132- 140). Mehmet Bey diye de anılır. Hem Gıyaseddin Keyhüsrev'in kaynatasıdır, hem Alexis'in akrabasıdır. Ayrıca, Denizli ve Honas uçbeyidir. Ve bundan dolayı, Menderes Vadisi denize kadar ona dirlik olarak verilmiştir. Koca bir pronoia olan bu topraklarda sırtını bir yandan Selçuklu sultanına, öte yandan Trabzon krallığına dayamış olan Maurozomes'in bu topraklarda "reaya" bulmak gibi herhangi bir sorunu olamazdı. Zira köylü-savaşçı yaratmak üzere bölgeye getirilip yerleştirilen on bin Kuman gibi, iki kardeş savaşından sonra Düzağaç'da serbest kalan Kıpçakları da zorla ya da iyilikle Menderes Vadisi'ne getirmiş olmalıdır.

8- Aşağıdaki çizelge 2'de Ponto-Hazar (sütun-I) ve Kafkas-Çoruh (sütun II) Kıpçakçasından derlenen boy ve bey adlarına ait örnekler, dipnot 6'da belirtilen 15. yüzyıl ve sonrası Saruhanlı Beyliği ile ilgili Osmanlı belgelerinde bulunan bey ve boy adlarıyla eşleştirilince ortaya çıkan sonuç (sütun-III) sevindiricidir. Burada, handiyse tıpatıp bir benzeyiş söz konusudur. Aşağıdaki çizelgeden şu sonucu çıkarabilir miyiz? "Ponto-Hazar ve Kafkas-Çoruh bölgelerinden derlenen Kıpçakça örnekler, Ege-Saruhanlı ilindeki örneklerle eşleştiğinden bir zamanlar bu topraklarda, sayısına bakmaksızın, güçlü bir Kıpçak topluluğunun yaşamış olduğu anlaşılıyor". Bu iddianın doğruluğu onun çürütülmesine kadar geçerlidir.

9- 15. yüzyıl Şaruhan belgeleri o dönemde yaşayan halkın içinde, hem Harzem, hem de Cungarya kökenlilerin bulunduğunu ima ediyor. Metinlerde dört kez Harzem köyü ve ekinliği geçmektedir. Sanırım, bunlar Moğol istilasını önünde oradan kaçan göçmenlerdir (Germiyanlar gibi). Belgelerde zikredilen Cungarya adı ise üç tanedir: Cungarya Cemaati, Congara ve Congarili. Yukarıda verdiğim iğerişmiş (adduced) belgelere göre ben, özellikle Cungarya'dan gelenlerin Kıpçaklarla birlikte buralara göç ettiklerini sanıyorum. Yukarıda da söylediğim gibi bunlar arasında Basmiller olabilir. Bu konuyu şöyle kapatmak istiyorum:

10- İbn Bibi, Selçukname'sini (1996, cilt I. s. 430) 1233-1234 tarihinde yazdı. Bu kitabın 430. sayfasında Sultan Alaaddin Keykubat'ın Moğolların yenilgisine uğramış Kırhan, Bereket, Yılan Boğa, Can Birdi, Şaruhan, Küçlühan gibi Harzemli emirleri hizmetine aldığı yazılıdır. Sultan her birine birer ıkta vermiş, onları onurlandırmıştı. Aralarında tek istisna Saruhan'dır. O unutulmuşu benzer, adı bir daha anılmaz. Çünkü Kıpçakların atası Şaruhan çoktan ölmüş, İbn Bibi sayesinde sanal olarak yeniden yaratılmıştır.

Anlattığımız tarih sadece Saruhanlı uruğuna aittir. Ancak, şunu da göz ardı edemeyiz: 12. yüzyıldan itibaren Anadolu yoğun bir Oğuz/Türkmen istilasına uğramıştır. Sümer'in verdiği bilgiler çerçevesinde (1967) Şaruhan ili de bu göçlerden nasibini almıştır. Bölge, ne çapta olduğunu bilmediğimiz Kayı, Bayat, Avşar, Salgur, Karkın, Kınık, Bayundur, Eymür ve hele Ala Yundlu alt-boylarının ya da kesillerinin köy ve ekinlik yerleşmelerine açılmıştır. Oğuz boylarının Lidya bölgesine yığılmaları buralarda yurt tutmuş olan Kıpçak nüfusunun erimesine önayak olmuştur.

Sütun I	Sütun II	Sütun III
Şaruhanlı	Kıpçak	Saruhanlı
Ponto-Hazar	Kafkas-Çoruh	Kıpçak
Çan Çan	Çan(sa)	
Sir(çan)	-	Sir(Aİİ)
Tokuzoba	Tokuzoğul	Dokuzlar
Çuğrat	ÇoğraÇuğa	
Beğlik	Beylik	Belik
Böcek	-	Böcek
Sevinç	Sevinç	Sevinç
Kubasar	Kubasar	-
Terteroba	Terteroba	-
Burçoğlu	Burçoğlu	-
Sabır Sabir	-	
Kasar Kasar	Kasar	
-	Kapaklı	Kapaklı
Ulga	-	Ulganlı
Temürçü	Demirci	Demirci
-	Otar	Otamış(Ödemiş)
Bahram	-	Bahram
-	Tarkanlar	Tarkaniyat
Balaban	Balaban	Balaban
	Yağmurlar	Yağmurlu

Kuman Kuman Kumarlar
Salar Salar -
Terek - Terek(Kumuk)
Sığır - Sığır
Yund57 - Yund
Gürgen Gürgen -
- Çaparlı Çaparlar
Durut Durut Durut
- Yortan Yortan

Bilindiği gibi Türle diller içinde at'a Yund diyen tek toplum Anadolu Türkleri ve Kıpçaklar'dır. Bu eski kelime hâlâ Yund Dağı ve Yundiyan Mezrası olarak Manisa'da yaşamaktadır. (Bakınız: Clauson, 1972; Eren, 1999; Toparlı, 1983). Ayrıca, Anadolu'ya gelen Oğuz Alayundlu tirelerinin dördünün Saruhan'da, ikisinin Canik'de yerleştiklerini biliyoruz (Sümer, 1980). Her iki bölge bir zamanlar Kıpçaklar'ın mekân tuttıkları yerlerdir.

11- Tarihler, 13. yüzyılın sonuna doğru Selçuklu-Bizans pax'ına rağmen, Burdur-Honas-Menderes bölgesinde bazı kıpırdamaların başladığına işaret ediyor: Oğuz boyları, Kıpçak muhacirleri, Türk uçbeyleri (Karaman, Aydın, Menteşe), Rum toprak ağaları ve çeteleri, ara sıra yöreye uğrayan Bizans birlikleri ve Moğol kolluk güçleri, ayrıca da, Müslüman ve Hıristiyan din adamları, hepsi birden aralarındaki it dalaşını sürdürerek varolmak için didişiyorlardı. Rum çeteleri arasından biri vardı ki, hem Türklerin hem de Rumların katında saygı ve sevgi görüyordu. O eski bir Bizans subayı idi, istifa etmiş eşkıyalığa sıvanmıştı. Adına Alexius Philanthroponus, yani iyiliksever Alexius derlerdi. Zenginlerden haracını alır, Türk ve Rum ayırmaksızın gasp ettiği ulcayı fakir köylülere üleştirirdi. Sanırım, Saruhan'ın babası Alp-ağı böyle bir ortamda yetişti. Tıpkı Ertuğrul'un oğlu Osman Bey gibi.

Kaynakça

Kitap: Sekiz Türk Boyu Üzerine Bazı Gözlemler

Yazar: Sencer Divitçioğlu

ATABEKLER

Kaynak: Yunus ZEYREK

Kıpçaklar ve Atabek Hükûmeti:

Kıpçaklar, 1068'de Rus knezlerinin müttefik kuvvetlerini yenerek güney Rusya sahasına yerleştiler. 1080'lerde Balkaş gölünden Tuna nehrine kadar uzanan topraklara Kıpçak Eli/Komania deniliyordu.

Kıpçakların bir kısmı Kırım'da yerleşirken diğer bir kısmı da daha güneye, Kafkaslara doğru indiler. Kıpçak Eli'nde daha sonraları Altunordu devleti kurulmuştur.

Gürcü Kralı II. David, Selçuklulara ve İranlılara karşı savaştığı ordu olmadığından, Kıpçak Türklerini ülkesine davet etti (1118-1120). Azak Denizi doğusu ve Kafkaslar kuzeyinden gelen 45.000 Kıpçak ailesi, Çoruh-Kür ırmakları boylarına yerleştiler ve güçlü bir ordu kurdular.[11] Gürcistan, bu ordu sayesinde canlandı hatta Tiflis'i Selçuklulardan geri alarak topraklarını Erzurum yakınlarına kadar genişletti.

Zamanla Gürcistan'da Kıpçak/Kuman unsuru arttı. Bu topraklara yerleşen ve Gürcülerle din birliği bulunan Kıpçak Türkleri, devletin ordu, siyaset ve maliyesinde çok etkili konuma geldiler. Zamanla güçlenen Kıpçak Atabekleri, 1267 yılında Tiflis'e baş kaldırarak bağımsızlık mücadelesi verdiler. Onların bu faaliyeti İlhanlı Hükümdarı Abaka Han tarafından da desteklendi. Bugün Posof'ta kalıntıları bulunan Cak/Caksu kalesi onların hatırasıdır.

Atabek Ailesinin siyasî faaliyetlerinden Gürcü kaynakları bahsetmektedir: Gürcistan'a gelen Moğollara karşı savaşmak üzere 1266 tarihinde Tiflis'e giden Kıpçak Beyi Caklı Sargis, Gürcü Kralı David tarafından tutuklandı. İlhanlı Kağanı Abaka Han, David'den Sargis Beyi serbest bırakıp kendi yanına göndermesini istedi. Sargis Bey, Abaka Hana, artık Gürcü yönetiminde yaşayamayacaklarını ve bağımsız olmak istediklerini bildirdi. Böylece Abaka Hanın desteğini alan Atabek ailesi, Gürcistan'dan ayrı bir hükûmet oldu.[12]

Ahıska Atabekleri hükûmet olduktan sonra Osmanlı Devleti ile iyi münasebetler kurmuşlardır. 1500/1516 yıllarında Artvin, Ardahan, Ahıska Beyi olan Kıpçak Atabeki Mirza Çabuk, 1508'de Trabzon Sancak Beyi Şehzade Yavuz Selim'e kendi askeriyle öncülük etmiş; Batı Gürcistan'ın Osmanlı'ya itaatini sağlamıştır. 1514'te Çaldıran Seferi'nde de Osmanlı ordusuna sefer sırasında, sürülerle etlik koyun, yüzlerce yük yağ, bal ve un vererek yardımcı olmuştur. Onun bu siyaseti, Gürcü kaynakları tarafından eleştirilmektedir.

Atabek Hükûmeti, 310 yıl yaşamış, Anadolu'nun en uzun ömürlü Türk Beyliğidir.

Osmanlı fethinden sonra 1595 yılında yapılan sayım sonucu hazırlanan Ahıska Tahrir Defteri'ndeki vergi mükellefi köylü isimlerinden bölge halkının Türklüğü açıkça anlaşılmaktadır: Arslan, Ayvaz, Bayındır, Bekâr, Çabuk, Devletyar, Elaldı, Elalmaz, Emirhan, Gökçe, Kanturalı, Korkut, Murat, Nuraziz, Piralı, Şahmurat, Temür, Ülkmez, Yaralı, Yusuf...[13]

MÖ. VIII. ve VI. yüzyıllarda Kafkasların kuzeyinden güneye geçip Yukarı Kür ve Çoruh boylarına yerleşerek 300 yılında Hristiyan olan Kıpçaklara İlk Kıpçaklar; bu bölgeye XII. yüzyılda gelenlere de Son Kıpçaklar denilmektedir.[14]

Bu bilgiler, Ahıska ve çevresinin, ne kadar eski bir Türklük tarihine sahip olduğunu göstermesi bakımından fevkalâde önemlidir.

XVI. yüzyılın başlarında Ahıska Atabekleri Hükûmetinin sınırları Azgur'dan Kars, Artvin, Tortum, İspir ve Erzurum'a kadar uzanıyordu. Bugünkü halk kültüründen de anlaşılıyor ki, Ahıska Türkleri ile Posof, Ardahan, Artvin, Ardanuç, Şavşat, Yusufeli, Tortum, Narman ve Oltu halkı aynı köktendir.[15]

Bu bölgede Ortodoks-Hristiyan Kıpçak Atabeklerinden kalan dinî yapılara Gürcüler sahip çıkmakta, bölgeyi de eski toprakları olarak tanıtmaktadırlar.

ATABEKLER

Kıpçaklı Atabek sülâlesi, 1267 yılında, -bugün Posof'ta bulunan- Caksu'da Kıpçak Atabek Hükûmeti'ni kurarak bu bölgenin hakimi oldu Atabek Hükûmeti, 310 yıl yaşamış, Anadolu'nun en uzun ömürlü Türk beyliğidir. 1268 yılında Tiflis-Gürcü Krallığına karşı bağımsızlık kazanarak Ahıska, Posof, Ardahan, Oltu, Artvin ve Ardanuç çevrelerine yüzyıllarca hakim olan Caklı Kıpçak Atabekleri ailesinden bilinen Atabek, Beylerbeyi/Vali ve önemli devlet adamları tarih sırasına göre şöyledir:

Cakli Sargis (1268-1285):

Ilhanli Abaka Han zamaninda Tiflis'e karsi ilk bagimsizlik hareketini baslatmis ve Mesketya Atabek Hükümetini kurmustur.

I. Baka (1285-1308):

Sargis'in oglu. Gürcü Krali taç giyme törenine katilmayi reddetmistir. Babasi gibi Ilhanli'ya tâbiydi.

II. Sargis (1268-1285):

I. Baka'nin oglu. Zamaninda ülkesinin bagimsizligi elinden alinarak Tiflise tâbi kilindi.

I. Gorgora (1334-1361):

II. Sargis'in oglu. Parlak V. Giorgi tarafından 1334'te Atabek unvani verilerek Tiflis'e tâbi kilindi.

II. Baka (1361-1391):

I. Gorgora'nin oglu Karakoyunlulara tâbi oldu

Ivane (1391-1444):

II. Baka'nin oglu. Karakoyunlulara tâbi oldu.

Akbugra (1444-1451):

Ivane'nin oglu. Karakoyunlulara tâbiydi

II. Gorgora (1451-1466):

II. Baka'nin oglu. Gürcü Krali VIII. Giogri'yi maglup ederek hapse atmis, ülkesini bagimsizliga kavusturmustur.

Bahadir (1466-1475):

II. Gorgora'nin oglu. Mesketya kilisesini Gürcistan katolikoslugundan ayirdi ve kilise mülklerine el koydu.

Manuçahr (1475-1487):

II. Gorgora'nin oglu. Uzun Hasanin saldirilarina maruz kaldi.

III. Gorgora (1487-1498):

Akbugra'nin oglu. Zamaninda, Akkoyunlu hücumlariyla ülkede birlik kalmamisti.

I. Keyhüsrev (1498-1500):

III. Gorgora'nin oglu. Iki yil ülkeyi idare etti. 53 yasinda öldü.

Mirza Çabuk (1500-1516):

Keyhüsrev'in oglu. Atabek yurdu'nda birligi sagladi. Yavuz Selim'le isbirligi yaparak Bati Gürcistan'i Osmanli'ya Ezdirdi.

IV. Gorgora (1516-1545):

Keyhüsrev'in oglu. Safevilere bagli olan bu Atabekin, Osmanli kuvvetleriyle Çoruh boyunda savasip Sah Ismail'e kactigini, sonra imeret Kralina tutsak duserek hapisnede öldüğü belirtilmektedir.

II. Keyhüsrev (1545-1573):

IV. Gorgora'nin oglu. Atabek olmadan Önce on yil Istanbul'da kalmistir.

V. Gorgora (1573-1578):

II. Keyhüsrev'in oglu. Osmanli Fethiyle 1578'de kendisine Oltu Sancakbeyligi verildi.

II. Manuçahr/Mustafa Pasa (1578-1582):

II. Keyhüsrev'in oglu. Çildir Eyaletinin ilk Beylerbeyisi Mustafa Pasa. Sonra bir iftira yüzünden kaçip Safevilere sigindi. Manuçahr/Mustafa PAsanın azliyle

Bagratli Ailesinden Giogri/Yusuf Sinin Pasa, 1582'de Ahiska Beylerbeyligine tayin edildi.

III. Manuahr(1614-1625):

II. Manuahr'in oglu. ildir-Ahiska Beylerbeyisi ve ilaveten Kars Muhafizi.

III. Baka/Sefer Pasa (1625-1652):

II. Manuahr'in oglu. Evliya elebi'nin ziyaretinde, ildir Beylerbeyisi bulunan Sefer pasa'nin trbesi Ardanu'tadir. Onun zamaninda Atabek Yurdu'nda Trklk fikri ve Islam dini kuvvetlendi. Evliya elebi, Ahiska'yi ziyaretinde onunla grst. mer Pasa:

II.Keyhsrev'in oglu. 1652'de Ahiska VALisi olmus ve azledilmistir.

I. Yusuf Pasa (1635-1647):

Sefer Pasa'nin oglu olup ildir Beylerbeyisidir.

Rstem Pasa (1647-1663):

mer Pasa'nin oglu ildir Beylerbeyisidir. Grc kaynaklarinda verilen son Atabektir. Onun Beylerbeyliginde Atabek lkesinin halki topluca mslman olmustur. Grc kaynagi, "bundan sonra Mslman olan Ahiska pasalari, Ahiska'da 1829 Rus istilasina kadar oturdular" demektedir.

2 БӨЛІМ. ТҮРКІТАНУ
РАЗДЕЛ 2. ТҮРКОЛОГИЯ
SECTION 2. TÜRKÖLOGİSTS

СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ (К СПЕЦИФИКЕ ФЕНОМЕНА)

Кумеков Б.Е.
Казахстан, Астана
академик НАН РК,
профессор ЕНУ

Кардинальный скачок в развитии степных обществ на обширных просторах евразийской аридной зоны произошел с переходом к кочевому скотоводству. В эту эпоху наблюдаются существенные изменения в уровне общественного развития и материальной культуры, позволяющие связать кочевое общество с понятием цивилизация. Между тем, основные параметры цивилизации оседлого ареала большинство исследователей сопрягают с институтом государства, городами, письменностью и культурой. Это понимание дефиниций главных составляющих цивилизации проистекало из закономерностей развития оседло-земледельческих культур, где формировались основы урбанизма и первых цивилизаций.

Впрочем, парадигмы цивилизации оседлых культур имеют проявления и в степной цивилизации, которая была наделена самобытной спецификой. Без выявления специфики кочевых обществ невозможно объективное понимание закономерностей их развития.

Зарождение государственности на территории Казахстана связано с сакским обществом (VIII-III вв. до н.э.), основным видом деятельности которого было кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство. Очевидцы характеризуют их как доблестных воинов, богатых конями, великолепных наездников и самых искусных стрелков из лука в мире. Саки находились на стадии формирования раннеклассового общества, с рельефным выделением трех сословий во главе с элитой, с тенденцией развития по пути военного аристократического политогенеза. Верховный вождь (царь) считался избранником богов, посредником между небом и землей. Принципиально новым явлением в культурном творчестве саков стало изобразительное искусство, получившее наименование «звериный стиль», который сложился как выражение их мировоззрения, как воплощение в художественной культуре их мифологии, как особая знаковая система для выражения идеологии кочевников. Это и свидетельство высокого уровня знания технологии металла и развитости художественного мышления.

В IV-III вв. до н.э. у саков появляется письменность - важный атрибут государственности. Судя по всему, ход становления государства и появления письма у саков был процессом взаимосвязанным, одновременным.

Специфика кочевого быта породила характерные особенности в социуме. В условиях номадного общества наибольшее значение имела не земля, а население. Кочевники могли подвинуться, передвинуться, более того

мигрировать, чего нельзя сказать о земледельческом населении, привязанном к земле. В кочевой среде действовал принцип – будет народ, найдется земля. Приоритет населения в Великой степи по отношению к земле является одним из важнейших методологических принципов в понимании степной цивилизации как важного явления в мировой истории.

Вместе с тем специфика степной цивилизации нашла отражение и в культуре основополагающей скотоводческой деятельности, доминанте развития производительных сил.

С эпохи ранних кочевников, как мне представляется, в развитии производительных сил происходит радикальная трансформация. После перехода к всадничеству, оснащения конской упряжи и вооружения, рассчитанного на кочевника, скотоводы Великой степи ступили на биологический путь развития производительных сил вместо технологического характерного для оседлых культур. Знаменем эпохи стало генеральное направление, связанное с выведением пород и мастей скота. Гунны разводили лошадей лучших пород. Конница гуннов, как отмечается в китайской летописи, делилась на четыре армии, различавшиеся мастью коней, при этом десятки тысяч воинов восседали на одной масти: на белых, серых, вороных и рыжих конях. Хорошо обученные и выносливые, они были основой армии и могущества государства. В эпоху раннего средневековья арабский путешественник Тамим ибн Бахр (IX в.) видел царя кимеков и его войско, восседавших на лошадях «с тонкими копытами», по всей вероятности, он имел в виду стройную породу лошадей. Вследствие высокой специализации лошади Дешт-и Кипчака были всегда востребованы в сопредельных и отдаленных странах и ценились высоко.

Наряду с этим в источниках имеются описания пород овец. У тюрков, сообщает арабский географ X в. Ибн аль-Факих, «овца дает приплод не менее четырех, а бывает, что и пять и шесть ягнят. Если же приплоду бывает два или три, то только в единичных случаях». Вместе с тем одна порода овец была с маленьким хвостом и короткой шерстью, приспособленная покрывать большие расстояния. Другая, очень крупная с большим хвостом (курдюком), который волочился по земле. Иногда такие курдюки клали на маленькие тележки.

Выведение пород скота, способного к сезонному кочеванию, выработка методов использования пастбищ и водных ресурсов территории позволили создать экологическую материальную основу развития степной цивилизации. При отсутствии внешних воздействий такая цивилизация вела к интенсификации производства без ущерба экологического фонда.

Процесс зарождения государственности, начавшийся в сакском обществе, получил дальнейшее развитие в обществах кыргызов, кипчаков, усуней, канглы и, в особенности, крупном военно-политическом образовании гуннов, создателей первой кочевой империи, а вскоре тюркских преемников в Центральной Азии. Политегенез гуннов служит во многом моделью для последующих государственных образований. Специфика верховной власти гуннского общества заключалась в том, что государством правил династийный род во главе с верховным правителем. Конфедерация гуннов

состояла из 24 племен, структура которой была строго регламентирована в соответствии с династийным, социальным и политическим уровнем каждой из этнических единиц. Строгая иерархия родов и племен в кочевнических государствах Великой степи была основополагающим принципом общественного и государственного развития. Своеобразие динамики этносоциальной общности степной цивилизации обнаруживает атрибуты развитой государственности с родоплеменными структурами, существующими как активно действующие социальные и социально-психологические факторы.

Армия гуннов строилась по десятичной системе исчисления, для поддержания в ней строго порядка и дисциплины. Военно-административная система в кочевом обществе составляла единое целое в отличие от оседло-земледельческой полосы, где они были разделены. Все высшие администраторы одновременно являлись и военачальниками. Военной организации и военно-административной системе придавалось исключительное значение, ибо они отражали специфику кочевого быта и были наиболее органичными и удобными для кочевого способа существования.

Государственные традиции гуннов стали реальным прообразом государств кочевников евразийских степей.

В VI в. начинается новый этап в развитии государственности кочевников, связанный с первой евразийской империей – Тюркским каганатом. Китайская историография связывает историю тюрков с распадом гуннской державы. По представлениям тюрков, средоточием их государственности, лицом, воплощавшим в себе государство, являлся каган. Тюркские каганы правили по воле Неба, которое они чтили и понимали в двух ипостасях – в материальном смысле и как верховное божество. Они верили, что каганы обладают «небесной харизмой», особой силой и качествами, дарованными им Небом.

Традиционная форма военно-административного управления включала разделение на центр, восточную и западную части, обеспечивая стабильность управления и обороны.

Племена в социальном плане делились на аристократические, подчиненные и вассальные, связанные между собой строго установленными иерархическими отношениями.

Одним из высших достижений эпохи стало создание и широкое распространение в Центральной и Средней Азии, Восточной Европе древнетюркской письменности, которая обладала двумя существенными и неоспоримыми достоинствами – автохтонностью и аутентичностью. Древнетюркская письменность была наиболее приспособленной для передачи фонетических закономерностей тюркских языков и диалектов. Очевидно, необходимость в письме возникла из нужд административной, хозяйственной и дипломатической практики, из потребности фиксации государственных актов и традиций. Древнетюркское письмо стало важным атрибутом духовности кыргызов на Енисее и в Семиречье. Арабский путешественник Абу Дулаф (Xв.) свидетельствовал о наличии письменности

и у кимеков. Археологические находки двух бронзовых зеркал из Прииртышья и Тарбагатая с древнетюркской надписью были прочтены С.Г.Кляшторным и атрибутированы как кимекские. Впрочем Джанаха ибн Хакана ал-Кимеки, пожалуй, можно считать первым известным нам писателем, уроженцем Восточного Казахстана, жившего, по всей вероятности, в X- XI вв, написавшего книгу на арабском языке о своем народе и государстве.

Разнообразно собственно кипчакское письменное наследие XII-XVII вв., охватывающее хроники, юридические документы, ярлыки, лингвистические труды, агиографические сочинения, военные трактаты, художественные произведения в прозе и лирике.

Этнополитические объединения IX-XII вв. огузов, карлуков, кыргызов, кимеков, кипчаков продолжили государственно-административные, военные и социально-культурные традиции тюркских каганатов. Схожесть общественного устройства, политической организации, их этнокультурное родство позволяет рассматривать время их существования как относительно цельный историко-культурный период степных империй.

Исследование степной цивилизации периода ее расцвета в особенности значимо на материалах по Кипчакскому ханству (XI-нач.XIII в.), так как именно оно явилось последним государством с наиболее развитой системой цивилизацией, приспособленной к условиям хозяйствования в аридной зоне. В этой связи необходимо выработать новые подходы к изучению цивилизации степного населения Евразии, сумевшей создать возможности для освоения человеком аридных зон, недоступных для других способов хозяйствования. Номадная цивилизация, основанная на применении биологических объектов в качестве предмета и орудия труда, вела к максимально возможному использованию экологического потенциала степной зоны, что имеет не только актуальное теоретическое, но и большое прикладное значение.

Описание в древней и средневековой иноземной историографии тюркоязычных народов и племен Великой степи как кочевников, не знающих других занятий, кроме скотоводства и охоты, стало обязательным трафаретом. Однако, в этом же блоке письменных памятников совершенно другие сведения сообщают независимые друг от друга средневековые авторы IX-XII в.в. об освоении кочевниками городской культуры. В частности, Тамим ибн Бахр, лично видевший кагана кимеков, свидетельствует, что около ставки кагана имеются селения и возделанные земли. Большую информацию о городской культуре огузов, карлуков, кыргызов, кимеков, кипчаков приводит ал-Идриси. Их города располагались по берегам озер, рек, неприступных горных районах, местах разработок полезных ископаемых. Значительная часть городов и поселений находилась на торговых трассах. Характерной чертой этих городов было то, что все они были хорошо укреплены, в каждом из них располагалось войско с наместником.

Сильная каганская власть и запросы элитарной кочевой знати стали атрибутами социального заказа, стимулировавшего развитие высоких

образцов ремесел и изготовление престижных предметов повседневного быта. Так, в кимекском городе Гагане имелась мастерская по изготовлению одежды из красного и желтого шелка, которую носили только знатные люди. «Из железа тамошние мастера делают предметы необычайной красоты», сообщает ал-Идриси. Поэт ал-Джахиз (IX в.) воздает хвалу кимекской деревянной посуде, которая наряду с китайской посудой повсюду пользовалась популярностью.

Тесная взаимосвязь городской и степной культур в кочевом обществе привела к новации в сфере урбанизации, к появлению ремесленно-торговых городов, специализирующихся на производстве экспортных товаров. В том же городе Гагане делали искусные меховые одежды, а «купцы развозили их во множестве в другие страны» (ал-Идриси).

В целом наметившийся симбиоз степной и городской культур составил подвижную структуру, определивший сравнительно высокий динамизм степной цивилизации.

Благодаря межпоколенной адаптации к географической среде и доминирующему скотоводческому хозяйству кочевые племена развивали традиции степной культуры, наиболее устойчивый блок которой был связан с особым феноменом, со степным образом жизни. Его глубинные истоки берут начало в бронзовом веке, стандарты утверждаются в сакской историко-культурной общности, дальнейшее развитие по линии преемственной связи наблюдается в тюркский период. В целом высокая степень преемственности характерна для степного образа жизни во времени и пространстве. При всех этнических и локальных вариантах были выработаны стереотипы в культуре, сохранившиеся в течение длительных исторических периодов. Особенно рельефно они проявились в материальной и духовной культуре, в нравственных и поведенческих нормах тюркских этносов.

В то же время степная цивилизация была обществом открытым, находилась в постоянном взаимодействии с земледельческими оседлыми цивилизациями, пользуясь их достижениями и обогащая их своими. В недрах степной цивилизации зародились такие мощные идеологические течения, как зороастризм, тенгрианство и ислам. Во многом еще предстоит исследовать процессы распространения этих учений и верований и выявить их заметное влияние на развитие духовной культуры человечества.

Вместе с тем, на просторах Великой степи создается информационное поле повышенной коммуникабельности, приведшей к высокой степени преемственности хозяйственных, социальных, культурных и политических институтов, возникавших в разное время и сохранявшихся в течение длительных исторических периодов. Сложившееся в степной цивилизации историко-культурное наследие стало бесценным достоянием и неуязвимой сокровищницей как тюркских, так и в целом народов Евразии.

МАХМУД ИБН СУЛАЙМАН АЛ-КАФАВИ И ЕГО СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

А. К. Муминов

Институт востоковедения им.

Р. Б. Сулейменова

(Алматы, Казахстан)

Koç University's Research

Center for Anatolian

Civilizations (İstanbul, Turkey)

Введение

История Золотой Орды (623-907/1226-1502) и Крымского ханства (1441-1773) в последнее время стала разрабатываться с новой силой. Исследователями устанавливаются неизвестные доселе авторы, выявляются новые сочинения и документы. В этих исследованиях историк XVI в. Махмуд ибн Сулайман ал-Кафави перечисляется среди тех «крымских авторов, которые всегда испытывали интерес к истории, причем не только всеобщей (которая в исламе часто равна истории его распространения), но частной – региональной (в том числе и истории Золотой Орды и Крыма как такового)». ⁷¹ В прошлом веке известный библиограф Мехмед Тахир Бурсалы (Bursalı Mehmed Tâhir; 1861-1926) привел биографию ал-Кафави в ряду историков (müverrihîn), сформировавшихся в Крыму в османскую эпоху. ⁷² Современные турецкие исследователи рассматривают ал-Кафави в качестве составителя историко-биографического словаря. ⁷³ За это время сформировался стандартный набор фактов по биографии ал-Кафави, который плавно кочует из одних известных книг справочной литературы и каталогов описаний восточных рукописей в другие. ⁷⁴

В современной научной литературе жизнеописание ал-Кафави сложено из сведений двух групп источников: 1) реже всего, они извлечены из разнообразных списков его объемистого сочинения «Ката'иб а'лам ал-ахйар мин фукаха' мазхаб ан-Ну'ман ал-мухтар»; 2) или большей частью, они

⁷¹ *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV-XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. Москва: Восточная литература, 2009, с. 67.

⁷² *Бурсалы, Мухаммад Тахир.* Идара-йи 'усманийа заманында йетишен Кырым му'аллифлери. Истанбул: Матба'а-йи Урханийа, 1335/1916, с. 34. См. также новое издание этого труда: *Bursalı Mehmed Tâhir.* Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Mü'ellifleri. Kırmımlı meşâyih, 'ulemâ, şu'arâ, müverrihîn, etibbâ ve riyâziyyûnun terâcim-i ahvâl ve âsârından bâhistir / Hazırlayan Mehmet Sarı. Ankara: Gaye matbaası, 1990 (Kültür bakanlığı yayınları, 1155; Kaynak eserler disizi, 41), s. 34.

⁷³ *Özel, Ahmet.* Kefevî, Mahmûd b. Süleyman (ö. 990/1582). Hanefi fukahasının biyografisine dair eseriyle tanınan osmanlı âlimi // Türkiye Diyanat Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Cilt 25. Ankara, 2002, ss. 185-186; *Şimşek M.* Mahmûd b. Süleyman El-Kefevî'nin (v. 990/1582) Ketâ'ib Adlı Eserinde Hz. Peygamber'in Konumu, Fazileti, İdari ve Kazaî Tasarrufları İle İlgili Görüşlerinin Yer Aldığı Bölümün Tahkiki // İslam Hukuku Araştırmaları Dergisi, sy. 14 (2009), ss. 375-390.

⁷⁴ *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Litteratur. Band II. Weimar-Berlin, 1902, S. 434; Supplementband II. Leiden, 1937-1942, S. 288, 645.

взяты из сочинений био-библиографической литературы – «Хада'ик ал-хака'ик» Нау'и-зада 'Ата'и (ум. вскоре после 1044/1634-35 г.), «Кашф аз-зунун» Хаджжи Халифа (ум. в 1657 г.) и др.⁷⁵ Эти данные характеризуются краткостью и шаблонностью, что в итоге препятствует реальному пониманию личности ал-Кафави, хода его работы над составлением и процесса редактирования этого сочинения.

Новые источники по биографии ал-Кафави

В ходе наших научных поездок по городам Турции и работы в рукописных фондах страны в 2012-2013 гг.⁷⁶ были выявлены новые источники, которые предоставляют возможность пересмотреть целый ряд устаревших положений по вышеупомянутым вопросам и по достоинству оценить труд ал-Кафави в качестве ценного источника по истории и культуре Дашт-и Кипчака.

Новые источники представляют перспективу взглядами его учеников проследить за жизнью и деятельностью ал-Кафави начиная с 977/1569-1570 г., когда он прибыл в Кафу (нынешняя Феодосия, Республика Украина) в качестве *кади (касаба кадысы)*, по конец его жизни. Первое сочинение принадлежит перу Хусайна Эфенди ибн Ибрахима ал-Кафави (ум. в 1010/1601 г. в Мекке), ученика Махмуда ал-Кафави.⁷⁷ Его труд «Саваних ат-тафа'ул ва-лава'их ат-таваккул» на турецком языке был завершён в 985/1577 г. в городе Кафе. Он включает в себя 139 нравоучительных рассказов (*хикайа*) из жизни различных исторических персонажей (большой частью суфиев-аскетов из прошлого) или современников автора. Жизнеописанию ал-Кафави посвящен рассказ под номером 124.⁷⁸ В нем отмечается что, несмотря на занимаемую в то время высокую должность (*мартаба*), Махмуд ал-Кафави был скромным, доступным человеком, часто организовывал научные собрания (*маджалис*), где велись академические беседы (*сукхбат*). Часть таких собраний присутствующие посвящали суфийским радениям (*зикр Аллах*).⁷⁹ Перед научными беседами Махмуд ал-Кафави накрывал богатый стол, щедро угощая своих гостей-ученых, праведных людей (*муташарри' ва мутадаийин*). На таких собраниях, продолжавшихся до полуночи (*нисф ал-*

⁷⁵ Нау'и-зада 'Ата'и. Хада'ик ал-хака'ик фи такмилат аш-шака'ик / Neşre Hazırlayan Doç. Dr. Abdülkadir Özcan. İstanbul: Çağrı Yayınları, 1989, ss. 272-273; Flügel G. Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib. Leipzig-London, 1935-1958, № 1472, 1473

⁷⁶ Данная работа была выполнена при поддержке исследовательского гранта Университета Коч (сентябрь 2012 г. – июнь 2013 г.) в его подразделении «Научно-исследовательском Центре анатолийских исследований» (Koc University's Research Center for Anatolian Civilizations). Мы благодарны Центру и его директору проф. С. Рэдфорду (Scott Redford) за организацию научных поездок и работы в фондах и библиотеках Турции.

⁷⁷ Akınar, Cemil. Kefevî Hüseyin Efendi (ö. 1010/1601). Osmanlı kadısı, müderris ve edip // Türkiye Diyanat Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Cilt 25. Ankara, 2002, ss. 186-188. Интересно, что *тиром* Хусайна Эфенди был накшбандийский шайх Х^ваджа Ахмад Садик Ташканди.

⁷⁸ Хусайн Эфенди ибн Ибрахим ал-Кафави. Саваних ат-тафа'ул ва-лава'их ат-таваккул. Рукопись Reisülküttab 821 [Süleymaniye Kütüphanesi Koleksiyonu], лл. 158^а-161^б.

⁷⁹ Эвлия Челеби (1611-1682) зафиксировал в Кефе суфийские общины Халватийа, Джелветийа, Кадирийа, Гулшанийа. Здесь не было Маулавийа: *Evliyâ Çelebî. Günümüz Türkçesiyle Evliyâ Çelebî Seyâhatnâmesi / Hazırlayanlar: Yücel Dağlı, Seyit Ali Kahraman. 7. Kitap, 2. Cilt. 3. Baskı. İstanbul, 2011, s. 576.*

лайл), поднимались и обсуждались ученые вопросы, посвященные толкованию Корана, комментированию *хадисов* и т.д. Хусайн Эфенди также отметил склонность Махмуда к стихосложению и его любовь к стихам (*газал*).

Во втором своем сочинении «Раз-нама фи манакиб ал-‘улама’ ва-л-маша’их», законченном в 993/1585 г., Хусайн Эфенди расширил свой предыдущий труд, доведя количество рассказов до 192. Даже после этой даты составитель долгое время не прекращал своей работы над сочинением, занимаясь его дальнейшим редактированием: последний по времени его автограф датирован 998/1590 годом.⁸⁰ Во втором сборнике биографий Махмуду ал-Кафави посвящен раздел под номером 42. Сличение рассказов из «Саваних» и «Раз-нама» показывает, что в них производились небольшие изменения. Отличие между ними состоит в констатации факта кончины Махмуда ал-Кафави: раздел во втором сочинении имеет заголовок – «Байан-и хал-и Муфти-зада-йи мархум».⁸¹ В другой его редакции этот заголовок имеет более удлиненную форму – «Хикайат-и маулана ал-мархум Махмуд Эфенди ал-Кафави».⁸² Отмечена информация персонального характера: Хусайн Эфенди ал-Кафави в большей части своего времени брал уроки у Махмуда в различных отраслях науки, среди которых выделены дисциплины по арабской филологии (*фунун-и ‘арабийя*).

Из «Ката’иб» мы узнаем, что в 980/1572-1573 г. Махмуд ал-Кафави, получив отставку, возвращается из Кафы в Стамбул.⁸³ С 980/1572-1573 г. по 983/1575-1576 г. он живет в столичном городе, где, видимо, собирал материалы для будущей своей книги и покупал книги для своей домашней библиотеки. По расположению медресе «Гюранийе», соборных мечетей «Кадыаскер ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Али» и «Чиви-заде», объектов, где бывал ал-Кафави, можно определить, что его деятельность протекала на территории современного района Стамбула «Фатих» (*Fatih Belediyesi*).

Следующий источник – сочинение «Захр ал-‘арифин фи йаум ад-дин» составлено другим учеником Махмуда ал-Кафави. Им является Муслих ад-дин Мустафа ибн Хасан ибн Рамадан ибн Фатхаллах ал-‘Арифин ас-Синуби (ум. в 1018/1609-1610 г.), близко знавший ал-Кафави начиная с 983/1575-1576 г. – момента его назначения на пост *кади* города Синопа. «Захр ал-‘арифин» составлено на турецком языке и пока известно в шести списках.⁸⁴ Книга

⁸⁰ Хусайн Эфенди ибн Ибрахим ал-Кафави. Раз-нама фи манакиб ал-‘улама’ ва-л-маша’их. Рукопись Fatih 3892 [Süleymaniye Kütüphanesi Koleksiyonu], л. 73^a.

⁸¹ Хусайн Эфенди ал-Кафави. Раз-нама. Рукопись Hacı Mahmud Efendi 5011 [Süleymaniye Kütüphanesi Koleksiyonu], л. 43^b.

⁸² Хусайн Эфенди ал-Кафави. Раз-нама. Рукопись Ali Emiri Efendi SRY 1086 [Millet Kütüphanesi Koleksiyonu], лл. 53^a-56^a.

⁸³ Махмуд ибн Сулайман ал-Кафави. Ката’иб а’лам ал-ахйар. Рукопись Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент), № 2929, л. 353^b.

⁸⁴ Мустафа ибн Хасан ал-‘Арифин. Захр ал-‘арифин фи йаум ад-дин. 1) Рукопись Hacı Mahmud Efendi 607 [Süleymaniye Kütüphanesi Koleksiyonu] состоит из 182 листов; 15 строк на листе; размеры бумаги: 207 x 145 мм; размеры текста: 150 x 80 мм. Переписана почерком *наسخи*. Впереди текста имеется *фихрист* (лл. 01^b-03^b); 2) рукопись той же библиотеки, Hacı Mahmud Efendi 631 состоит из 112 лл.; 23 строки на листе; размеры бумаги и текста 187 x 190; 137 x 65 мм.; почерк *наسخи*; имеется *фихрист*; 3) рукопись Serez 1649 [Süleymaniye Kütüphanesi Koleksiyonu], состоит из

представляет собой сборник *хадисов* на суфийскую тематику, организованный в алфавитном порядке по начальной букве первого слова из текста (*матн*) *хадиса*. В каждом разделе (*бaб*), соответствующем отдельной букве арабского алфавита, имеется по 10 *хадисам*. В конце раздела «Лам-алиф» («Бaб ал-лам-алиф») приведена обширная по объему биография ал-Кафави, который составителем представлен как передатчик (*рави*) *хадисов* в данном сборнике и его наставник (*устаз*).

Уточнения в жизнеописании ал-Кафави

Ал-‘Ариффи сообщает несколько примечательных дат и фактов для биографии ал-Кафави: 1) уточненная дата рождения ал-Кафави (926/1519-1520 г.);⁸⁵ 2) год, когда он начал выполнять обязанности *кади* Синопа (983/1575-1576 г.); в эту же дату он приступил к работе над своим сочинением; 3) год получения отставки от должности *кади* Синопа (985/1577-1578 г.), когда фактически была завершена авторская работа (*джам‘ ва та‘лиф*) над «Ката‘иб» со стороны ал-Кафави;⁸⁶ 4) проблемы Махмуда ал-Кафави со здоровьем – ревматическая болезнь суставов, от которой поднималась температура тела (*хумма*);⁸⁷ 5) точная дата кончины ал-Кафави (3 *рамадан* 989/11 октября 1581 г., в воскресенье, в возрасте 63 лет) и место его погребения (в городе Синопе).⁸⁸

Последний факт также подтверждается погребальной надписью (*китаба*), исполненной на арабском языке на могиле (*кабр*) ал-Кафави в г. Синопе (Турция).⁸⁹ Погребение находится во дворе (*харим*) соборной мечети

326 лл. (лл. 1^б-326^б); переписана почерком *наسخи*; имеется *фихрист* (лл. 01^б-02^б). Мы пользовались вышеперечисленными тремя списками. Также имеются сведения о наличии трех других списков этого сочинения: 4) рукопись Edirne Bad. 2572; 5) Milli Kütüphane 4975 (Milli Kütüphane Yazmalar Koleksiyonu), переписана в 1058/1647-1648 г.; состоит из 259 лл.; 17 строк на листе; размеры бумаги и текста: 205 x 145; 160 x 85 мм.; 6) рукопись Ankara Adnan Ötügen İl Halk Kütüphanesi 4156 (Milli Kütüphane Yazmalar Koleksiyonu), состоит из 166 лл., имеется *фихрист* (лл. 04^б-1^а); 17 строк на листе; размеры бумаги и текста: 202 x 155; 132 x 86 мм. При упоминании данного сочинения обычно в электронных каталогах оно называется «Зухр» вместо «Захр».

⁸⁵ ал-‘Ариффи. Захр ал-‘арифин. Рукопись Serez 1649, лл. 166^б-167^а.

⁸⁶ Эту же дату сообщает сам автор (*ал-Кафави*, Ката‘иб, рукопись № 2929, л. 442^а). Дата окончания работы также устанавливается по хронограмме «а‘лам ал-ахйар», что дает 985/1577-1578 г. (*ал-Кафави*, Ката‘иб, рукопись № 2929, л. 442^а). Эта хронограмма (*та‘рих*) нами впервые была прочитана при помощи афганиста В. В. Кушева (1927-2001). Ал-Кафави посвятил свое сочинение султану Мураду III (982-1003/1574-1595): *ал-Кафави*, Ката‘иб, рукопись № 2929, л. 4^б. В одной части списков «Ката‘иб» отдельно, чаще всего на ее титульном листе, подчеркивается, что выражение «а‘лам ал-ахйар», выделенное самим автором, содержит в себе «та‘рих», сообщающий дату окончания сочинения и начала его редактирования – 985/1577-1578 год (Âşîr Efendi 263 [Süleymaniye Kütüphanesi Koleksiyonu], л. 01^а; Hâlet Efendi 630 [Süleymaniye Kütüphanesi Koleksiyonu], л. 524^а; Emânet Hazînesi 1201 [Торкарı Sarayı Müze-Kütüphanesi Koleksiyonu], л. 010^а).

⁸⁷ Данная болезнь типична для части людей, приезжающих в Стамбул из других стран на долгий срок пребывания. Она прекращается сразу после их переезда из города в континентальную часть страны (устная информация профессора Абдулвахаба Кара [Prof. Dr. Abdulvahab Kara], декабрь 2012 г., г. Стамбул). Пользуясь случаем, мы благодарим его за его активное содействие нашим исследованиям в Стамбуле.

⁸⁸ ал-‘Ариффи. Захр ал-‘арифин. Рукописи Serez 1649, Hacı Mahmud Efendi 607, л. 171^а.

⁸⁹ Нам удалось ознакомиться с надгробными надписями (*китаба*) и поработать с памятниками на месте в ходе научной поездки в город Синоп совместно с группой исследователей под руководством проф. Скотта Рэдфорда (16-18 ноября 2012 года).

(джами́) «Кефеве» в десяти метрах от нее в сторону *Кыблы* (юга).⁹⁰ Над могилой установлены два обелиска из камня. На головном камне имеются надписи на обеих его сторонах – южной и северной. На южной поверхности написано: «Он перешел в мир своего спасения, и удостоился встречи со Своим Господом. Почивающий в этой лучезарной могиле – *маула*, знаток, познавший Аллаха аш-шайх Махмуд Челеби Эфенди ал-Кафави». На северной поверхности следует продолжение надписи: «Да помилует его Аллах Всевышний и да поместит его в раю наивысшем! Он скончался [в ранге] *муфтийа* в городе Синубе третьего числа священного месяца *рамадана* 989/11 октября 1581 года». На камни в нижней части могилы имеется надпись только на одной его стороне – северной, которая гласит: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха! О Боже, воздай нам добро в этом мире и исход на том свете, и отведи от нас мучения Огня!»

Фотография одного фрагмента этой надписи (на южной стороне головного камня с именем усопшего) без набора оригинального текста и его перевода была воспроизведена на обложке книги, изданной в 1991 году.⁹¹ К сожалению, эта публикация осталась вне внимания исследователей из числа академических кругов.

Как показывают сведения из «авторитетной» (стамбульской) группы источников, ключевые события в биографии ал-Кафави (обстоятельства его жизни в провинциальных городах Кафе и Синопе, работа над единственным своим сочинением, его кончина и погребение в городе Синопе) остались недоступными для известных столичных историков. В результате, составители этой группы источников произвели на свет три умозрительных предположения по дате смерти ал-Кафави: 1) по ориентировочным данным ‘Ата’и, это случилось около 990/1582-1583 г.;⁹² 2) Катиб Челеби принял предположение предыдущего автора за точную дату – 990/1582-1583 г.;⁹³ 3)

⁹⁰ Соборная мечеть «Кефеве», находящаяся за воротами «Майдан» в Синопе, упомянуто Эвлией Челеби (*Evliyâ Çelebî. Günümüz Türkçesiyle Evliyâ Çelebî Seyâhatnâmesi / Hazırlayanlar: Yücel Dağlı, Seyit Ali Kahraman. 2. Kitap, 1. Cilt. 3. Baskı. İstanbul, 2011, s. 90*). Ныне же соборная мечеть располагается в центре города в квартале «Кефеве» (*Kefevi Mahallesi*), находящемся в нескольких сотнях метров к востоку от Дома правительства (*Hükümet Dairesi*). Современное здание соборной мечети возведено на месте старой, пришедшей в негодность, в 1312/1894-1895 г. со стороны губернатора Бекир Пашой (*Mutasarrıf Bekir Paşa*). Оно имеет размеры 13.30 x 10.26 метров. Над входом в соборную мечеть (*Кефеве джамии’у*) имеется строительная надпись от имени этого самого Бекир Паша, выполненная в 1312/1894-1895 г. при султанине ‘Абд ал-Хамиде Хане (1891-1907) Мухаммадом Хамди ал-Кастамунуви.

⁹¹ *Pekmezci, Bayram Ali. Sinop’da Medfun Alim ve Fâzıl Şeyh Mahmud Kefevi (926-989 H.)*. [İstanbul]: Bayrak Yayıncılık, Matbaacılık: Ağustos 1991. По свидетельству автора книги, писателя, любителя местной истории, он в течение 1981-1983 гг. по собственной инициативе вел поиски сведений об этом ученом, погребенном в Синопе. Затем сведения из сочинения ал-‘Ариффи «Захр ал-‘арифин» привели его и его отца Касыма Пекмезджи (*Kasım Pekmezci*) к могиле ал-Кафави во дворе этой соборной мечети (*Pekmezci, Sinop’da Medfun Alim, ss. 5-6*).

⁹² *Нау’у-зада ‘Ата’у. Хада’ик ал-хака’ик, с. 273.*

⁹³ *Flügel G. Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib. Leipzig-London, 1935-1958. Vol. V, p. 173.*

Мехмед Тахир Бурсалы почему-то посчитал, что великий поэт и писатель умер в Стамбуле в 997/1588-1589 году.⁹⁴

Таким образом, два вида разнородных источников (нарративный и эпиграфический) «провинциального» происхождения позволяют исправить неверные даты рождения и кончины ал-Кафави, точно локализовать место его кончины и погребения. Это нам дает возможность опираться на достоверные исходные данные при дальнейшем исследовании его творческой биографии. Вновь установленные факты представляют важность и тем, что с их помощью исправляются и уточняются данные всей существующей справочной литературы без исключения.

Связи ал-Кафави с Золотой Ордой

В среде трех вышеназванных источников, исходящих от учеников ал-Кафави, сочинение ал-‘Ариффи «Захр ал-‘арифин» выгодно выделяется тем, что оно зафиксировало несколько рассказов, услышанных (*масму‘*) автором непосредственно из уст самого учителя. Первое повествование касается происхождения (*асл*) отца Махмуда ал-Кафави: Сулайман ибн ‘Абд (сын раба Божьего) относился к племени (*та’ифа*) шеркеш, обитавшему на территории Золотой Орды.⁹⁵ Во время неурядиц и войн в этом государстве он попал в плен (*асир*) к воинам крымских татар (*‘асакир-и татар*), которые продали его в рабство на невольничьем рынке Кафы, в провинции Румели. Он был куплен анонимным ученым-правоверным мусульманином, который научил Сулаймана основам исламской религии и, в конце концов, дал ему свободу (*и’так*). После своего освобождения Сулайман удачно завел свое дело, став купцом (*таджир*). Он побывал во многих странах и, в *хаджже* в Мекке в том числе. Став богатым, он женился (имя и происхождение его супруги не приведены). От этого брака появился на свет Махмуд. Таким образом, этот рассказ вносит важное уточнение в вопрос о происхождении ал-Кафави и объясняет тот особый интерес, который в последующем был проявлен автором этого важного сочинения к истории культуры Золотой Орды. Установление точной даты рождения ал-Кафави (926/1519-1520 г.) позволяет нам также определить приблизительную дату пленения Хаджжи Сулаймана, отца ал-Кафави – начало XVI в., когда происходил развал Золотой Орды.

Второй аллегорический рассказ ал-‘Ариффи посвящен изложению сновидения Хаджжи Сулаймана, имевшего место еще до рождения Махмуда. Сон для составителя этого сочинения играет роль организующего начала при построении жизнеописания Махмуда (торговые поездки его родителя из Кафы в Малую Азию через Синоп, последующая женитьба ученого на дочери синопского купца, назначение ал-Кафави *кадием* в Синоп, выбор им Синопа для местожительства после получения отставки, возведение им соборной мечети в городе, достижение всеобщего уважения и признания

⁹⁴ Мухаммад Тахир Бурсалы. Османлы мў’еллифлери. Истанбул: Матба‘а-йи ‘Амира, 1333/1914, т. 2, с. 19.

⁹⁵ ал-‘Ариффи. Захр ал-‘арифин, рукопись Насі Mahmud Efendi 607, л. 166^a. Немаловажное значение имеют золото-ордынские корни Махмуда ал-Кафави. Черкесское племя может быть интерпретировано широко и разнообразно: его можно понять как племя (*пу*) «Шеркеш» в составе племенного союза «Байулы» из Младшего Жуза.

знати, жителей Синопа и т.д.). Ключевым моментом стало обращение отца для предсказания сна к Салах ад-дину Х^Ваджа, праведнику из числа жителей Синопа (*ахали*), временно проживавшему (*сакин*) в то время в Кафе. Сообщается, что Салах ад-дин Х^Ваджа впоследствии возвратился в свой родной город и после своей кончины был похоронен в Синопе на территории будущей соборной мечети «Кафави».⁹⁶ Этот праведник интерпретировал сон Хаджжи Сулаймана в таком духе: у него родится сын, судьба которого будет связана с Синопом, где он станет почтенным человеком. Хотя подход ал-‘Ариффи к изложению биографии ал-Кафави часто носит форму мистификации (вещие сны, предсказание судьбы, восхваление и идеализация таких черт жизни людей, как крайний аскетизм, жизнь праведника и т.д.), тем не менее, его сведения имеют определенную ценность, например, для исследования темы исторических связей Дашт-и Кипчака с Малой Азией. На примере жизни ал-Кафави, его семьи и контактов мы можем видеть, как тесны были связи между Кафой и Синопом, и оба эти города, вместе взятые, являлись воротами Малой Азии в Золотую Орду.⁹⁷

Следующее важное сведение, сообщаемое ал-‘Ариффи, это – проблемы ал-Кафави со своим здоровьем. Болезнь ревматизма суставов, от которого резко поднималась температура тела (*хумма*), появилась у Махмуда в Стамбуле в годы учебы (*мадраса талаби-да*).⁹⁸ В причине усиления этой болезни ал-‘Ариффи пытается объяснить смену профессии со стороны своего учителя с должности *мударриса* на деятельность в качестве *кади*: врачи после долгих лет неудачных попыток ее лечения посоветовали ал-Кафави сменить местожительство. Однако автор не учитывает одного важного фактора: когда Махмуд начал работать во втором своем медресе, он женился на дочери купца ал-Хаджжи ‘Али из числа знатных лиц (*а ‘йан*) города (*мадина*) Синопа по имени Халиса.⁹⁹ Начало карьеры ал-Кафави в качестве *кади* и дата начала его семейной жизни почти совпадают. Тем более, ал-‘Ариффи лично свидетельствует о тяге и любви ал-Кафави к преподавательской и научной деятельности, даже о его нежелании заниматься администраторской деятельностью (*рийаса-йи кабира*). Однако советы (*панд-у насихат*) шайх ал-

⁹⁶ Там же, л. 166^а.

⁹⁷ Роль ворот Анатолии к Золотой Орде играл Синоп при бейлике Перванеогуллары (1276-1323). В этом городе при дворе правителей этого бейлика вел свою деятельность ученый, выходец из золотоордынского города Джанда – Абу ‘Абдаллах Му‘аййад ибн Махмуд ибн Са‘ид ибн Мухаммад ал-Хатими ал-Джанди (ум. в 700/1301 г.): *Bayram, Mikâil*. Pervaneoğulları zamanında ilmi çalışmalar // Birinci Tarih Boyunca Karadeniz Kongresi Bildirileri: 13-17 Ekim 1986. Samsun: Ondokuz Mayıs Üniversitesi Eğitim Fakültesi, 1988, pp. 383-387; *его же*. XIII. Asır Başlarında Maverâünnehr’de Faaliyet Gösteren Bir Bahşi İle İlgili Bir Haber // *Bayram, Mikâil*. Türkiye Selçukluları Üzerine Araştırmalar. 2. Baskı. Konya: Kömen Yayınları, 2005, ss. 133-137. В Синопе ал-Джанди составил свое персоязычное сочинение «Асар-и ахад ва асар-и (ма‘ариф-и) ахмади», посвятив его местному правителю Му‘ин ад-дину Мухаммаду Перване. О нем см. подробно: *DeWeese, Devin*. Bābā Kamāl Jandī and the Kubravī Tradition among the Turks of Central Asia // *Der Islam*, 71 (1994), pp. 64-65; *Uludağ, Süleyman*. Cendî, Ebû Abdillâh Müeyyidüddîn b. Mahmûd b. Sâid el-Cendî (ö. 691/1292 [?]). *Fuşûşü’l-ḥikem’in ilk şârihi, mutasavvıf-şair* // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm ansiklopedisi. Cilt 7, İstanbul, 1993, ss. 361-362.

⁹⁸ ал-‘Ариффи. Захр ал-‘арифин, рукопись Наси Mahmud Efendi 607, л. 167^б: *аййам-и сайф олмагла ‘афуна-йи хава джисми-на та ‘сир идун хумма-йа мубтала олду*.

⁹⁹ Там же, л. 167^б; Halişa; рукопись Наси Mahmud Efendi 631 пишет: Khalisa

ислама Чиви-зада Эфенди, Закарийа Эфенди, кады 'аскер 'Абд ал-Гани Эфенди, Баха' ад-дин-зада Эфенди, учителя Султана Мурада – Маулана Са'д ад-дина Эфенди заимели эффект и ал-Кафави согласился перейти на работу в качестве *кади (манасиб ал-када)*.¹⁰⁰ Однако следует заметить, что везде, куда его направляли *кадием*, ему было некомфортно с его болезнью: города – Ливадийа,¹⁰¹ Гелиболу, Пир-Вади (Прувати),¹⁰² Ак-Кирман,¹⁰³ Синоп, Кафа,¹⁰⁴ являлись либо портовыми городами, либо находились близко к берегам морей.¹⁰⁵

Логика рассказов ал-'Ариффи свидетельствует о том, что после получения отставки ал-Кафави принял решение остаться и обосноваться в г. Синопе. Этому были свои причины. В рассказах ничего не говорится, что у ал-Кафави и Халисы были дети. Скорее всего, по причине отсутствия детей-опекунов, наступления старости и усиления болезни, ал-Кафави был вынужден принять решение провести конец своей жизни в Синопе – на родине жены. Для этого важно было укрепить свое социальное положение в городе. Поэтому ал-Кафави покупает участок земли к востоку от ворот города, в местности «Сизик Майдан куйуса» и на свои средства строит соборную мечеть (*джами'*) и кельи (*худжурат*). Эти затраты, видимо, ухудшили материальное положение ал-Кафави. Это видно из того, что предводители города обращаются с прощением к султану, чтобы ему была определена оплачиваемая (*ма'аш-и лазим*) должность *муфтийа* – преподавателя в центральном медресе, построенном Султаном 'Ала' ад-дином (1219-1237) в Синопе.¹⁰⁶ Как свидетельствует надпись на его надгробии, ал-Кафави скончался в этом чине *муфтийа* и был с почетом похоронен во дворе им же построенной соборной мечети.

О слабых общественных позициях ал-Кафави в последние годы своей жизни также свидетельствует его зависимость от шайха суфийского братства Халватийа Махмуда ибн Пир-'Али, известного как Мирза Эфенди, который был жив в пору работы ал-'Ариффи над «Захр» и проживал в Синопе. Под его руководством ал-Кафави изменил свое предпочтение перед «тихим» *зикром (мутакаддиман Накшбандийа-йа майил ва тарик-и ахфа ила зикр айламакла шагил эди)* в пользу громкого *зикра (зикр-и джахр-а машгул олду)*. Этот же Мирза Эфенди осуществил похоронную молитву (*джаназа намази-ни килди*) над телом ал-Кафави, когда тот скончался.¹⁰⁷

О редактировании сочинения ал-Кафави

¹⁰⁰ ал-'Ариффи. Захр ал-'арифин, рукопись Наси Махмуд Эфенди 607, л. 168^а.

¹⁰¹ ал-'Ариффи. Захр ал-'арифин, рукопись Serez 1649, л. 305^б. Ливадийа (Livadiye) – область (eуâlet), *санджак (sancak)*. Другое название – область Зейтюн (Zeytün), в данное время располагается на территории Греции вблизи Лариссы [Sezen, Tahir. Osmanlı Yer Adları (Alfabelik Sırayla). Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet arşivleri Genel Müdürlüğü, 2006, p. 349].

¹⁰² Превати (Provadi, Piri-vodi; Provadiya) – считался *каза (Kaza; 1851, 1864 гг.), санджак (Sancak; 1878), каза (Kaza; 1908)* [Sezen, Osmanlı Yer Adları, p. 425].

¹⁰³ Ак-Кирман (Akkirman; Belgorod-Dinestrouski) – *санджак* [Sezen, Osmanlı Yer Adları, p. 15].

¹⁰⁴ ал-Кафави, Ката'иб, рукопись 2929, лл. 338^а, 353^б; 'Ата'аллах ибн Йахйа 'Ата'и. Хада'ик ал-хака'ик. [б.м.], 1268/1852, с. 273.

¹⁰⁵ ал-'Ариффи. Захр ал-'арифин. Рукопись Serez 1649, л. 308^а.

¹⁰⁶ ал-'Ариффи. Захр ал-'арифин, рукопись Наси Махмуд Эфенди 607, л. 171^а.

¹⁰⁷ Там же, лл. 171^а-175^б.

В состоянии болезни и немощи ал-Кафави, конечно, не мог продолжать свою работу над «Ката'иб». Завершением и редактированием его сочинения в течение довольно долгого срока (985 – *раджаб* 987/1577-1579 гг.) занялся его ученик, автор «Захр ал-'арифин» Мустафа ибн Хасан ал-'Арифидин ас-Синубидин. Об этом свидетельствуют старинные списки «Ката'иб»: в рукописи от 1062/1651-1652 г. (Murad Molla Kütüphanesi 1463, л. 425^a) сохранился колофон (*хатима*) авторской рукописи, законченной в месяце *раджаб* 987/сентябре-октябре 1579 года. В нем ученик ал-Кафави – Мустафа ибн Хасан ал-'Арифидин ас-Синубидин после окончания своей работы заявлял, что в эту дату были завершены редактирование этого сочинения (*тахрир джуз'ан джуз'ан*) и его переписка в чистовик (*китаба; баййадту ма' тасвидих шатран шатран*) в городе Синопе, прославленном как «Остров влюбленных [в Бога]» («*Джазират ал-'ушшак*»). Этот же колофон воспроизведен в списке Emânet Hazînesi 1201, переписанном Мухаммадом ибн Камал ад-дином Хасаном ал-Ансари в дату 22 *джумада* I (год читается неуверенно:¹⁰⁸ Emânet Hazînesi 1201, л. 425^a). Факт редактирования (*джам', тартиб, тахрир*) сочинения со стороны ученика (*тилмиз*) составителя – ал-'Арифидина, подтвержден также на лицевой странице еще одного списка «Ката'иб» (Âşîr Efendi 263, л. 1^a). В рукописи «Дар ал-кутуб ал-мисрийа» утверждается, что она переписана в 998/1589-1590 г. непосредственно из копии, которая была выполнена одним из учеников автора сочинения – ал-Кафави в 997/1588-1589 г. [может быть 987 г.?, М.А.]¹⁰⁹

Интересно, что именно списки, связанные с медресе Рюстем Паша, сохранили этот колофон. Действительно, Мустафа ибн Рамадан ал-'Арифидин ас-Синубидин (ум. в 1018/1609-1610 г.), ученик ал-Кафави и редактор его сочинения, некоторое время проработал преподавателем (*х'аджа*) в этом медресе Рюстем Паша (Emânet Hazînesi 1201, л. 09^b). Также списком Hâlet Efendi 630, переписанным 12 *ша'бана* 1108/6 марта 1697 г., в 1129/1717 г. владел *ал-факир* 'Абд ар-Рахим, *мударрис* в медресе Рустам Паша (Hâlet Efendi 630, лл. 1^a, 524^a).

В дальнейшем ал-'Арифидин стал распространителем «Ката'иб» в Стамбуле. Он в *ша'бане* 987/октябре-ноябре 1579 г. из Синопа отправился в Стамбул, где прожил довольно долго. Здесь ал-'Арифидин проработал в один-два срока в качестве *мулазима* 'Азми Эфенди¹¹⁰ в его медресе. Затем, получив отставку (*ин'изал олуб*) от своей должности, в *раджабе* 1001/1592-1593 г. он уехал в Табриз и Багдад, откуда он в 1005/1596-1597 г. вернулся в Синоп.

¹⁰⁸ Составитель каталога этого фонда датирует рукопись XVII веком: Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Arapça Yazmalar Kataloğu / Hazırlayan Fehmi Edhem Karatay. Cild III. Akaid, Tasavvuf, Mecalis, Ediye, Tarih, Siyer, Teracim, Bilimler. No. 4680-7487. Istanbul: Topkapı Müzesi, 1966 (Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi Yayınları, No 15), с. 573.

¹⁰⁹ Фихрист ал-махтутат ал-мусаввара, ал-джуз' 2, ал-кисм 4. ал-Кахира, 1970, с. 332.

¹¹⁰ ал-Маула Пир-Мухаммад 'Азми, известный как 'Азми Эфенди – *мулазим* 'Али Кинали-зада, *мударрис* в медресе Рюстем Паша в Родосчуке/Текирдаге. В *раби*' II 987/мае-июне 1579 г. преподавал в медресе Сюлейманийе (*халка-йи буста-йи ифада*). В *шаввале* 988/ноябре-декабре 1580 г. стал преподавателем (*му'аллим*) принца (*шах-зада*) Мухаммад-хана. Скончался в *раджабе* 990/августе 1582 г. (*Нау'и-зада 'Ата'и*. Хада'ик ал-хака'ик, сс. 267-268).

Здесь же ал-‘Ариффи составил свое сочинение.¹¹¹ В нем автор констатирует, что сочинение «Ката’иб» в данный момент (в 1005/1596-1597 г.) превратилось в книгу, одобренную и широко распространенную (*макбул ва матбу’*) среди почтенных ученых (‘улама’-и кирам) Стамбула.¹¹²

Сравнение идеологических позиций составителя (ал-Кафави) и редактора «Ката’иб» (ал-‘Ариффи) выявило умеренное отношение к суфизму у одного (ал-Кафави) и пристрастность к нему у другого (ал-‘Ариффи). Например, ал-‘Ариффи игнорирует учебу ал-Кафави в свои молодые годы в конфессиональных учебных заведениях Кафы. Вместо этого он в «Захр ал-‘арифин» обращает преимущественное внимание на получение своим учителем суфийского воспитания. В отличие от самого ал-Кафави, который в «Ката’иб» упоминает исключительно свои ханафитские пути (‘ан‘ана) по передаче традиций *мазхаба*, ал-‘Ариффи склонен к выпячиванию суфийской *силсилы* Махмуда, восходящей к нескольким суфийским братствам (Кубравийа, Кадирийа, Халватийа).¹¹³ Это позволяет нам высказать предположение о том, что части «Калб» («Сердце») в составе сочинения «Ката’иб», где приводятся биографии суфиев, может быть интерполированы частично или большей частью со стороны ал-‘Ариффи, редактора сочинения. Это предположение подкрепляют несколько моментов. Во-первых, редактор располагал достаточной суфийской биографической литературой: о нем известно, что он сам перевел «Рашахат ‘айн ал-хайат» Сафи ‘Али Кашифи (ум. в 1539 г.) с персидского на турецкий язык.¹¹⁴ Во-вторых, в одной части списков «Ката’иб» (Kılıç Ali Paşa 728; Âtif 1807) переписчиками сознательно опускаются биографии суфиев из раздела «Калб» последней 22-ой *катибы*. Вероятно, составители этой редакции посчитали ненормальным наличие в словаре *факихов* биографий суфиев. Поэтому они решили закончить книгу биографией учителя ал-Кафави в ханафитском *мазхабе муфти* Мухйи-д-дина Мухаммада ибн ‘Абд ал-Кадира Ма‘лул Эфенди, известного как ас-Саййид Мухаммад (ум. в 959/1552 г.) и текстом его завещания (*васийа*) своему сыну Мухаммаду Челеби, будущему *муфти* Османской империи (988-993/1580-1585). В-третьих, в разделы «Калб» из «Ката’иб» были включены много биографий суфиев, принадлежавших к иным *мазхабам*, чем ханафитский. Этого такой знаток, как ал-Кафави, конечно, не мог допустить. Однако, из-за отсутствия черновика (*савад*) ал-Кафави наши предположения пока остаются догадками.

Сведения ал-Кафави о периоде подъема в Золотой Орде

45 списков сочинения ал-Кафави выявлены в различных фондах мира. В настоящее время идет работа по подготовке издания «Ката’иб».¹¹⁵ В отличие

¹¹¹ ал-‘Ариффи. Захр ал-‘арифин, рукопись Serez 1649, лл. 2^б-3^б.

¹¹² ал-‘Ариффи. Захр ал-‘арифин, рукопись Наси Mahmud Efendi 607, л. 170^б.

¹¹³ Там же, лл. 171^а-175^б.

¹¹⁴ ал-Кафави. Ката’иб, рукопись Emânet Nazînesi 1201, л. 09^б.

¹¹⁵ Три группы исследователей сейчас работают над подготовкой текста к изданию: 1) группа профессора Сафдет Косе (Saffet Köse), университет Неджметтин Эрбакан (Necmettin Erbakan Üniversitesi), Конья; 2) группа профессора Муртеза Бедир (Murteza Bedir), университет Истанбул (İstanbul Üniversitesi); 3) группа доктора Адила Кариева, Институт востоковедения, Ташкент, Узбекистан.

от многих биографических словарей сочинение ал-Кафави содержит в себе значительную информацию по интеллектуальной истории Золотой Орды. Оно зафиксировало устойчивую тенденцию переселения научных сил на территорию Золотой Орды для большей части XIV века. В этот период в Сарай, столицу Золотой Орды, приехали работать ведущие ханафитские ученые той эпохи – представители ведущей семьи *шайх ал-ислама* Самарканда ‘Абд ал-Аввал ибн ‘Али ал-Фаргани (ум. после 813/1410-1411 г.; ученик Джалал ад-дина ибн Шамс ад-дина ал-Х^варазми ал-Гурлани),¹¹⁶ его родственник ‘Исам ибн ‘Абд ал-Малик ал-Маргинани (ум. после 814/1411-1412 г.),¹¹⁷ а также ведущий ученый Хорезма той эпохи Хафиз ад-дин Мухаммад ибн Мухаммад ибн Шихаб ал-Х^варазми ал-Кардари (ум. в 1424 г.).¹¹⁸ Это были лучшие научные силы той эпохи. Например, «ал-Фатава ал-базазийа», сочинение ал-Кардари, стало одним из четырех сборников *фетв*, изучаемых в османской системе конфессионального образования.

Сюда же перевели свою деятельность ведущие шафи‘итские ‘улама’ – Кутб ад-дин Мухаммад ибн Мухаммад ар-Рази аш-Шафи‘и ат-Тахтани (ум. в 766/1364-65 г.), его ученик Са‘д ад-дин Мас‘уд ибн ‘Умар ат-Тафтазани ан-Наса‘и ал-Хурасани аш-Шафи‘и (ум. в Самарканде в 792/1390 г.) и др.¹¹⁹ Са‘д ад-дин ат-Тафтазани в 753/1352-53 г. в туркестанском городе Гулистане составил труд по методологии мусульманского права (*усул ал-фикх*) «ат-Талвих ‘ала-т-таудих», а другое свое сочинение – «Шарх ат-талхис» посвятил правителю Золотой Орды Джанибек-хану.¹²⁰ Ученик Хафиз ад-дина ал-Кардари – Шараф ад-дин ибн Камал ад-дин ал-Кырыми составлял комментарии (*шарх*) на «ал-‘Ака’ид» Абу Хафса ан-Насафи (ум. в 1142 г.) и «ат-Талвих» Са‘д ад-дина ат-Тафтазани. Другой туркестанский ученый Ахмад ибн Махмуд ал-Джанди в 751/1350-51 г. прокомментировал «ал-Мисбах» ал-Мутарризи (ум. в 1210 г.).¹²¹

Невероятный подъем интеллектуальной жизни в Золотой Орде наблюдается при ханах Гийас ад-дине Мухаммаде Узбек-хане (712-742/1312-1341), Джанибек-хане (742-758/1341-1357) и Тохтамыш-хане (778-797/1376-1395). Другие деятели той эпохи – Ибн Баттута (ум. в 1377 г.), проехавший по Золотой Орде в 1334 г., и Ибн ‘Араб-шах (ум. в 854/1450 г.) отмечали высокую активность купцов по той части Великого Шелкового пути, которая принадлежала Золотой Орде.¹²² Таким образом, мы можем заметить свидетельство ал-Кафави о переходе первенства в экономической жизни от

¹¹⁶ *ал-Кафави*, Ката’иб, рукопись 2929, л. 319^б.

¹¹⁷ Х^ваджа ‘Абд ал-Аввал представлял 7-е поколение, а Х^ваджа ‘Исам ад-дин – 8-е поколение знаменитой фамилии Бурхан ад-дина ал-Маргинани (ум. в 1197 г.). Эта династия в течение почти четырех веков, то есть вплоть до 906/1500 г., занимала должность *шайх ал-ислама* в Самарканде [Ando, Shiro. The Shaykh al-Islām as a Timurid Office: a Preliminary Study // Islamic Studies, 33 (1994), сс. 253-280; текущая цитата – с. 259].

¹¹⁸ *ал-Кафави*, Ката’иб, рукопись 2929, лл. 357^б, 368^а; *ал-Марджани*, *Шихаб ад-дин ибн Баха’ ад-дин*. Китаб мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва-Булгар. ал-кисм 1-2. Казань, 1897-1900 (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları, 155; Ankara Üniversitesi Basımevi, 1997), т. I, сс. 88-89.

¹¹⁹ *ал-Кафави*, Ката’иб, рукопись 2929, л. 351^а.

¹²⁰ *ал-Марджани*, Китаб мустафад, т. I, сс. 86-87.

¹²¹ Там же, т. I, сс. 85-86.

¹²² *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. Москва: Наука, 1988.

монголов Ирана к Золотой Орде в условиях тех беспорядков и хаоса, которые наступили в государстве Хулагуидов (1261-1353) после смерти Абу Са'ид Бахадур-хана (1317-1335). Это дает нам возможность объяснить другое явление – распространение ислама в Золотой Орде, повышение уровня культурной жизни в этом государстве, в первую очередь, экономическими причинами.

Конец «Золотого века» Золотой Орды

Для конца XIV в. сочинение ал-Кафави отражает уже другую тенденцию – массовую эмиграцию ученых теперь уже из Золотой Орды. Тот же Хафиз ад-дин ал-Кардари, оставив Сарай и Астрахань, переехал в Крым, где некоторое время преподавал. Затем при наступлении временной стабилизации в Золотой Орде он вернулся к себе на родину. Однако вскоре ему вновь пришлось покинуть пределы своей страны. В Малой Азии он соревновался с Шамс ад-дином ал-Фанари (ум. в 1431 г.), которого одолел в дискуссиях в области практической юриспруденции (*фуру' ал-фикх*). Особенность известность в Анатолии приобрело его сочинение «ал-Фатава ал-баззазийа», превратившее в один из четырех пособий в османской системе конфессионального образования.

Его ученики также были вынуждены переехать в другие страны. Из их среды Шараф ад-дин ибн Камал ад-дин ал-Кырыми (IX/XV в.), Сирадж ад-дин ал-Кырыми ал-Хаджитархани (IX/XV в.), Мухаммад ибн Сулайман ал-Кафийаджи (ум. в 879/1474 г.) и др. стали ведущими учеными Анатолии.¹²³ Еще один из них, Ахмад ибн 'Абдаллах ал-Кырыми (ум. в 862/1457-58 г.), стал *мударрисом* в Мерзифоне.

Из учеников 'Абд ал-Аввала ибн Аби Бакра ал-Маргинани, Мухаммад ибн Ахмад ал-Кырыми оставил территорию Золотой Орды и перенес традиции своего учителя в Малую Азию.¹²⁴

После Илйаса ибн Йахйа ар-Руми, ученика X^в аджа Мухаммада Парса ал-Бухари (ум. в 1420 г.), *мударрисом* в медресе города Мерзифон был назначен выходец из Золотой Орды Ахмад ибн 'Абдаллах ал-Кырыми.¹²⁵ Он стал впоследствии учителем Йусуфа ибн Джунайда ат-Тукати, известного под именем «Ахи Челеби».¹²⁶ Массовое переселение ученых из территорий Золотой Орды к пределам Анатолии, отраженное в сочинении ал-Кафави, можно объяснить разрушительными походами Амира Тимура (1370-1405) против государства Тохтамыш-хана. Уничтожение государства привело к коллапсу экономики и угасанию интеллектуальной жизни.

Перед наступлением периода изоляции

Третья группа информации ал-Кафави по Золотой Орде касается XVI в., когда в результате возникновения государства Сефевидов (1502-1736) в Иране и ведения им ши'итской политики становятся затруднительными через его территорию контакты между Центральной Азией и странами Ближнего

¹²³ ал-Кафави, Ката'иб, рукопись 2929, лл. 357^б, 368^а; ал-Марджани, Китаб мустафад, т. I, с. 87-88.

¹²⁴ ал-Кафави, Ката'иб, рукопись 2929, л. 337^б.

¹²⁵ Там же, л. 381^б.

¹²⁶ ал-Марджани, Китаб мустафад, т. I, с. 89.

Востока, с Малой Азией в том числе. Многие паломники и ищущие знания (*туллаб ал-‘илм*) могли попасть в центральные регионы мусульманского мира через пути, проходящие через территорию Золотой Орды. К их числу принадлежат наставник самого ал-Кафави – Мухаммад ибн Йусуф ас-Самарканди ал-Фарканди. Он был воспитанником ‘Абд ал-Латифа ал-Махдума ал-Джами (ум. после 960/1552-53 г.), авторитетного шайха братства Кубравийа в Малой Азии. По пути в *хаджж* ок. 960/1552-53 г. ал-Джами приехал в Стамбул. Шайх был хорошо принят султаном Сулайманом I (1520-1566). Этот же шайх еще один раз приезжал в Стамбул через этот маршрут.¹²⁷ Ал-Кафави упоминает знаменитого суфийа – Хусайна ал-Х^варазми, побывавшего в Стамбуле после 950/1542-43 г. по пути в *хаджж*. Ал-Х^варазми в это время был уже глубоким старцем, *муриды* несли его на паланкине: он скончался в Дамаске при возвращении из Мекки.¹²⁸

Определенный интерес представляют рассказы ал-Кафави, описывающие его встречи в Стамбуле после его возвращения в город в 980/1572-1573 года. Он зафиксировал интересную сцену встречи гостей в доме могущественного авторитета Абу-с-Су‘уда ал-‘Имади (ум. в 982/1574 г.).¹²⁹ Угощение в доме этого могущественного шайх ал-ислама Османской империи (952-982/1545-1574) было организовано в честь уважаемого гостя из Мавараннахра, вернувшегося из *хаджжа* Мухаммада ибн Камал ад-дина ат-Ташканди. Ал-‘Имади и ат-Ташканди являлись внучатыми племянниками известного мавараннахрского ученого ‘Али Кушчи (ум. в 879/1474 г.) и соответственно приходились родственниками друг другу.¹³⁰ В завязавшейся беседе была поднята тема дискуссии, случившейся в Самарканде между Са‘д ад-дином ат-Тафтазани (ум. в Самарканде в 792/1390 г.) и ас-Саййидом аш-Шарифом ал-Джурджани (ум. в 1413 г.). По исходу богословского поединка мнения присутствующих разделились: шайх ал-ислам считал, что на поединке победил ал-Джурджани, ат-Ташканди – ат-Тафтазани. Каждая из сторон обосновала свое утверждение. В этом обществе избранных ал-Кафави сидел шестым по левую сторону от шайх ал-ислама, что посчитал для себя честью.¹³¹

Данное сведение ал-Кафави представляет определенный интерес для золотоордынской историографии, так как Хафизу Мухаммаду Ташканди приписывается пока же не обнаруженное, однако важное историческое сочинение «Тарих-и Ал-и Чингиз». Это сочинение стало источником для целого ряда историков: «Таварих-и Дашт-и Кипчак» ‘Абдуллы ибн Ризвана,

¹²⁷ *ал-Кафави*, Ката’иб, рукопись 2929, л. 437^б.

¹²⁸ Там же, л. 436^б.

¹²⁹ Там же, л. 353^{а-б}.

¹³⁰ У ‘Али Кушчи был младший брат по имени Мустафа ал-Искилиби, который впоследствии стал дедом Абу-с-Су‘уда (*Devḥatü l-Meşāyih* / Einleitung und Edition von Barbara Kellner-Heinkele. Band 1. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005, S. 175).

¹³¹ *ал-Кафави*, Ката’иб, рукопись 2929, л. 354^а. Данное сообщение ал-Кафави («Махмуд Челеби» у ‘Ата’и, *Нау‘и-зада ‘Ата’и*. Хада’ик ал-хака’ик, с. 216) послужило основой Нау‘и-зада ‘Ата’и для составления статьи «Мухаммад ибн Камал ад-дин аш-Шаши ал-Фаркади аш-шахир би-Х^ваджа Хафиз ал-Какхахи [Кухаки] ат-Ташканди» (Там же, сс. 216-218).

Султан Мухаммада, Джаннаби, Мунаджжим-баши, «Ганких-и таварих-и мулук» Хусайн Хезарфенн, Нешри и др.¹³²

Жизнь и творчество Хафиза Ташканди остается малоисследованной темой. В фондах Турции хранятся списки нескольких его сочинений:

1) «ал-Хашийа ‘ала шарх ал-Кафийа» или «ал-Хашийа ‘ала-л-Фава’ид ад-дийа’ийа ли-л-Джами» (Şehid Ali Paşa 2370; Beyazıd 6501; Naci Selim Ağa 1101; Kayseri Raşid Efendi 27183; Samsun İl Halk Kütüphanesi 434; Kılıç Ali Paşa 908/II, лл. 11^б-123^а). Эта работа по грамматике арабского языка представляет собой глоссы на труд ‘Абд ар-Рахмана Джами (ум. в 1492 г.), известный в Центральной Азии под названием «Шарх-и Мулла». Этот объемистый (от 77 до 125 листов) труд ат-Ташканди обычно помещался в один отдельный том (*джилд*).

2) Трактат «Аквал мута‘аллика би-‘илм тафсир ‘ала Тафсир ал-Кади ал-Байдави ва би-‘илм ал-усул ‘ала ава’ил ат-Талвих ва би-‘илм ал-фуру‘ ‘ала ава’ил Шарх ал-викайа ли-Садр аш-Шари‘а ва би-‘илм ал-мантик ‘ала ава’ил Шарх аш-Шамсийа ли-Маулана ли-Кутб ад-дин ар-Рази» является краткими комментариями Хафиза ат-Ташканди на фрагменты из четырех сочинений по различным отраслям богословских наук (*тафсир, усул ал-фикх, фуру‘ ал-фикх* и логика). Оно известно также под сокращенным названием – «Макалат» (Pertevniyal 902/II, лл. 9^а-23^а; Reisülküttab 1196/XVIII, лл. 122^б-124^а).

3) от его сочинения «Ма‘арик ал-ката’иб» сохранились одни фрагменты (Mehmed Nuri Efendi 186/II, лл. 2^б-4^б; Şehid Ali Paşa 1626/IV, лл. 29^б-35^а; Esad Efendi 246/IX, лл. 16^б-22^а).

Эти списки сочинений Хафиза ат-Ташканди кроме занятий и интересов их автора в богословских науках свидетельствуют также о подробностях его биографии. Упоминание в его имени элементов «*х’аджа*» и «*султан*» говорят о благородном происхождении его носителя. По аналогии с его родственником Абу-с-Су‘удом можем рассуждать о его происхождении от пророка Мухаммада. Его *нисбы* «Ташканди», «Шаши», «Фарканди» показывают его родину – область, город Ташкент, его населенный пункт Паркент. Составители электронного каталога Турция считают, что ат-Ташканди скончался в 980/1572-1573 году. Однако в рукописи Pertevniyal 902, переписанной в Стамбуле, отмечается, что в год его переписки (982/1574-1575 г.) автор был жив (л. 23^а). В другой рукописи (Reisülküttab 1196), переписанной в 996/1587-1588 г., об ат-Ташканди говорится как о скончавшемся лице (л. 125^б). Наконец, рукопись Naci Selim Ağa 1101 содержит ценную информацию: Маулана Хафиз ад-дин Мухаммад ат-Ташканди был похоронен в главном стамбульском кладбище «Аййуб-Султан» за могилой (*халфа маркад*) святого Абу Аййуба Халида ал-Халиди (л. 1^а). Вышеприведенное позволяет нам утверждать, что Хафиз ат-Ташканди скончался в период между 982-996/1574-1588 гг. в Стамбуле и был похоронен в столичном кладбище знати и улемов.

¹³² Зайцев. Крымская историографическая традиция, сс. 84-85, 87-88, 95, 178, 216-217, 241.

Сочинение ал-Кафави свидетельствует о важном изменении, произошедшем в XVI в.: невозможность прохождения паломников через северные берега Каспийского моря. Это случилось, вероятно, в результате ликвидации Казанского и Астраханского ханств Российской империей. Как показывает последняя биография, люди, оказавшиеся в Османской империи, не смогли вернуться в Центральную Азию и были вынуждены остаться на чужбине.

Заключение

Сочинение ал-Кафави отражает три разных периода в истории Золотой Орды: 1) период активизации транзитного торгового пути (1330-1370-е годы); 2) период его разрушения под влиянием внешнего фактора (1370-1390-е годы); 3) активное использование торгового пути учеными и паломниками (1500-1550-е годы). Последующее уничтожение Российской империей постзолотоордынских государств – Казанского (1438-1552) и Астраханского (1460-1554) ханств, ограничение влияния Крымского ханства (1441-1783) привели к изоляции центральноазиатского региона от западных регионов мусульманского мира. Именно в этот период происходит консервация учебного процесса в системе конфессионального образования в Центральной Азии.

Отмеченная в последние годы исследователями ценность «Ката'иб» в качестве источника по истории региональных центров ханафитского *мазхаба* сделала актуальной задачей его издания. Применение при этом современных подходов к изданию памятников (учет максимально большего количества списков, следование самому древнему списку, создание критического текста сочинения на основе учета нескольких редакций и др.) станет гарантией того, что оно станет доступной, достоверной и удобной настольной книгой для исследователей.

XIII Ғ. СОҢЫ МЕН XIV Ғ. БАСЫНДАҒЫ ШЫҒЫС ДЕШТІ ҚЫПШАҚТЫҢ ЭТНОСАЯСИ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӨНІНДЕ

Б.Б.Кәрібаев

Қазақстан, Алматы

әл-Фараби атындағы Қазақ

Ұлттық Университеті

Ортағасырлық Қазақстан тарихындағы әрбір кезеңнің өзіндік алатын орны ерекше және маңызы зор. Сондай кезеңнің біріне - XIII ғасырдың басы мен XV ғасырдың ортасы аралығы жатады. Бұл кезең саяси тарих тұрғысынан алып қарағанда Алтын Орда, Ақ Орда, Ноғай Ордасы, Әбілқайыр хандығы секілді мемлекеттердің тарихымен тікелей байланысты болса, этникалық тарих тұрғысынан қарағанда, алғашқы кезеңде қыпшақтану үдерісінің жүруімен, ал одан кейін ұлттық сипаттағы этностардың тарих төріне көтерілуімен ерекшеленеді.

Жалпы алғанда осы кезеңдегі Шығыс Дешті Қыпшақ аумағындағы саяси тарихтың бағыты мен барысы біршама белгілі. Ал ондағы кейбір жекелеген мәселелерге нақтырақ қарар болсақ, шешілген мәселелерден гөрі шешілмеген мәселелердің көп екенін, шынайы, ғылыми негіздегі дұрыс жауаптарды қажет ететін сұрақтардың көп екенін байқаймыз. Сондай мәселелер Шығыс Дешті Қыпшақ аумағында моңғолдар үстемдігінен кейінгі кезеңде жергілікті этникалық негізде құрылған алғашқы мемлекет – Ақ Орда мемлекетінің тарихында жетіп артылады. Тіпті тарихтың басқа салалары мен аспектілерін айтпағанның өзінде, бір қарағанда көзге жеңіл, оңай болып көрінетін саяси тарихтың өзінде көмескі тұстар өте көп. Әрине, оның ең басты себебі – деректердің, оның ішінде жазба дерек мәліметтерінің тапшылығынан болып отыр. Дей тұрсақ та, ондай мәселелер бәрібір де өз шешімін табуды қажет етеді. Ол үшін тарихи мәселелерді зерттеу барысында белгілі ғылыми тәсілдермен қатар, жаңа жолдар мен әдіс-тәсілдер түрлерін іздестіріп, оларды тиімді қолдана білу керек. Біз де осындай жолмен осы жұмысымызда XIV-XV ғасырлардағы Ақ Орда мемлекетіндегі саяси тарихтың кейбір мәселелерін шешіп көруге тырысамыз.

Тек қана Ақ Орда мемлекетінде ғана емес, сонымен бірге біз қарастырып отырған кезеңде бүкіл Дешті Қыпшақ аумағында өмір сүрген мемлекеттердің бәрінің саяси тарихында зерттеушілер назарына іліне бермейтін бір мәселе бар, ол – жоғарғы билікті мұрагерлену мәселесі. Басқаша айтқанда, бірнеше ұлы және бірнеше інілері бар ресми хан қайтыс болғаннан кейін оның орнына кім отырады деген мәселе. Бұл сұраққа дұрыс жауап табылған кезде біз, XIV-XVI ғасырларда бүкіл Дешті Қыпшақ аумағында өмір сүрген мемлекеттердің саяси тарихындағы маңызды бір мәселе – тақ үшін болған күрестердің себептерін анықтауға жол таба аламыз. Бізге бұл мәселелерді дұрыс шешуге жазба дерек мәліметтерінің аздығы қол байлау болғанымен, этникалық тарихтағы оң шешімін тапқан мәселелер жәрдемдесе алады. Ол

мәселеге - Дешті Қыпшақ аумағында XIII-XIV ғасырларда болған қыпшақтану үдерісінің барысы мен нәтижелері жатады. Қарастырып отырған кезеңдегі саяси мәселелерді этникалық тарих тұрғысынан, яғни қыпшақтану тұрғысынан қарастырсақ, билікті мұралануға байланысты кейбір сұрақтардың жауабының шеті көріне бастайды.

Қарастырып отырған тарихи уақыт ішіндегі Шығыс Дешті Қыпшақ аумағында өткен саяси мәселелерді шешу үшін алдымен осы аумақтағы болған этникалық мәселелерге, оның ішінде қыпшақтану үдерісіне тоқталалық.

XIII ғасырдың басы мен XIV ғасырдың бірінші жартысы аралығындағы Жошы ұлысының тарихына этникалық тарих тұрғысынан қарасақ, осы кезеңнің ең басты ерекшелігіне – монғол жаулап алушылығына дейінгі Дешті Қыпшақ аумағындағы этнопроцестердің қайта жандана бастауы мен жаулап алу барысында аумаққа келген түрік және монғол тілдес тайпалардың қыпшақтануы үдерісінің жүруі мен аяқталуы жатады. Бұл ерекшелік Жошы ұлысының сол қанаты болып саналатын Шығыс Дешті Қыпшақ аумағына да қатысты.

Біз бұған дейінгі зерттеулерімізде XIII-XIV ғасырлардағы Жошы ұлысы аумағындағы монғолдық этнотоптардың қыпшақтық этноортаға сіңісуі мәселесіне, яғни қыпшақтану үдерісі мәселесіне кеңірек тоқталғанбыз[1]. Соған байланысты бұл жерде оны қайталап жатпай, тек сол зерттеу негізінде қол жеткізген негізгі тұжырымдар мен қорытындыларды ғана атап өтелік.

Қыпшақтану үдерісінің бір ғасырдай уақыт ішінде жемісті жүруіне біздің көрсетуіміз бойынша мынадай факторлар мен алғышарттар әсер етеді.

Біріншіден, монғолдардың жаулап алуы мен одан кейін Ұлыстардың құрылған кезінен бастап XIV ғасырдың бірінші жартысына дейінгі аралықта Жошы Ұлысында Шағатай, Үгедей Ұлыстарына қарағанда саяси тұрақтылықтың сақталуы мен ішкі саяси жағдайдың біршама қалыпты дамуы, сондай-ақ Жошы Ұлысындағы хандардың бағындырылған халықтарға қатысты жүргізген саясатында жергілікті халықтармен жақындасу, олардың өкілдерін мемлекеттік билікке араластыру, саудасаттыққа қолдау көрсету сияқты бағыттың үстем болуы бұрынғы этникалық процестердің қайта жандануына, сондай-ақ аз санды монғолдық этнокомпоненттердің қыпшақтық этноортаға тез араласып, сіңісіп кетуіне қолайлы жағдайлар жасайды.

Екіншіден, жаңадан пайда болған Ұлыстарда мемлекеттік басқару-әкімшілік жүйесінің әскери-әкімшілік негізде құрылуы, соның негізінде Ұлыстардың ондық, жүздік, мыңдық, түмендік деп аталатын әкімшілік бірліктерге сай бөлінуі аз санды монғолдарды қалың қыпшақтар ортасына тарыдай шашып жібереді. Көшпелі өмірдің заңдылығына сай бір-бірінен оқшау орналасқан әкімшілік бірліктердегі монғолдар бір-бірінен оқшауланып, әкімшілік бірліктердің басым бөлігін құраған жергілікті қыпшақ тайпаларымен араласады. Бұл жағдай да монғолдардың тез сіңісіп кетуінде басты факторлардың бірі боп есептеледі.

Үшіншіден, Жошы Ұлысының сол қанаты боп саналатын Орда Ежен Ұлысында өмір сүрген арғын, қыпшақ, қоңырат, найман, керей, уақ, меркіт

және т.б. тайпалар мен рулар арасында туыскандық-қудалық секілді байланыстардың дамуы, Ұлысты билеген әулет өкілдерінің аталған ру-тайпалармен туыскандық байланыстар орнатуы монғолдық этнокомпоненттердің қыпшақтануында басты роль атқарып, қыпшақтану үдерісінің жылдам жүруіне толық мүмкіндіктер жасайды.

Төртіншіден, моңғолдар жаулап алуына дейін бүкіл Дешті Қыпшақ аумағында өмір сүрген тайпалардың ортақ тілі болған қыпшақ (куман, половец) тілі өзінің негізгі функциясын жоғалтпай, XIII-XIV ғғ. Алтын Орданың негізгі ресми тілі болып қала береді. Ауыз әдебиетінің үлгілері, жазба әдебиет туындылары, халықаралық сөздік, ресми құжаттар қыпшақ тілінде айтылып, жазылады. Қыпшақтық этностың монғолдық этноэлементтерді жұтып қойғаны секілді қыпшақ тілі де монғол тілінің қолдану аясының шеңберін тарылтып, жойып жібереді. Тіл факторы да монғолдардың қыпшақтану процесінде басты рольдердің бірін атқарады[1,141-153].

Қыпшақтану үдерісіндегі аса маңызды фактордың бірі – ислам факторы болды. Осыған байланысты біз төмендегідей тұжырымдарды өз жұмысымызда алға тартқан едік.

Біріншіден, ислам дінінің қыпшақтану барысында маңызды роль атқаруына ең алдымен, Алтын Орда хандарының исламға қолдау көрсетуі, оның кең түрде таралуына жағдай жасауы жатады. Батый ханнан Өзбек ханға дейінгі Алтын Орда хандарын діни көзқарастарына қарай шартты түрде екі топқа бөліп, бірін – мұсылмандықты қабылдасамаса да, ислам дініне зиянын тигізбегендер, екіншісін – мұсылмандықты қабылдап, исламға кең қолдау көрсеткендер деуге болады. Бірінші топқа – Батый, Мөңке Темір, Тулабұқа, Тоқтай хандарды, ал екінші топқа – Берке, Тудамөңке, Өзбек хандарды жатқызуға болады.

Екіншіден, ислам діні биліктің жоғарғы деңгейінен қолдау тапқаннан кейін, Алтын Орданың қоғамдық өмірінің барлық жағына тереңдеп енеді, әсіресе этникалық үдерістердің руханилық факторына негіз болады. Этникалық процестерге қатысушы барлық этнокомпоненттер үшін ортақ рухани кеңістік пен ортақ құндылықтарды қалыптастырады. Нәтижесінде әрбір этноэлемент ислам діні арқылы басқа этноэлементтермен іштей жақындасады, өздерін ортақ бір рухани кеңістіктің мүшесі ретінде сезінеді.

Үшіншіден, ислам дінінің бүкіл Алтын Ордада ресми дінге айналуы - оның сонда толық және түпкілікті жеңіске жеткендігін, сонымен бірге қыпшақтану үдерісінің өз мәресіне жеткендігін және рухани негізі ислам діні болған жаңа типтегі этностың қалыптасқандығын көрсетеді.

Төртіншіден, Алтын Ордадағы секілді оның сол қанаты немесе шығыс бөлігі болып саналған Орда Ежен ұлысында да ислам діні ұлыс билеушілері тарапынан зор қолдауға ие болады. Ол әсіресе, Өзбек ханның тұсында ұлыста билік құрған Ерзен ханның кезінде қатты байқалады. XIII ғасырдың ортасынан XIV ғасырдың ортасына дейінгі Жошы ұрпақтарының шежіресіндегі жеке тұлғалардың есімдеріне бұрынғы түріктік-монғолдық атаулармен бірге мұсылманша есімдер көбейе бастайды. Бұл дерек исламның билеуші әулеті арасында да кең таралып, мұсылмандық дәстүр олардың өмір

сүру заңына айналғандығын дәлелдейді[1,153-166].

Қыпшақтану үдерісінің аяқталған кезеңі жөніндегі мәселеге келсек, жазба деректерге, оның ішінде араб тілді авторлардың еңбектеріндегі мәліметтерге терең талдаулар жасау арқылы біз, бұл процесті XIV ғасырдың басында толық және түпкілікті аяқталған деп есептейміз.

Енді этникалық үдерістердің Шығыс Дешті Қыпшақ аумағындағы саяси дамуларға қалай әсер еткені жөніндегі мәселелерге тоқталсақ.

Қыпшақтану үдерісіне саяси факторлардың қалай әсер еткенін жоғарыда атап өттік. Өз кезегінде саяси даму барысына бүкіл Жошы ұлысындағы қыпшақтану үдерісі де әсерін тигізе бастайды. Біз оны мемлекеттік билікті мұралану барысындағы қыпшақтық және моңғолдық дәстүрлер арасындағы күрестен байқаймыз. Қыпшақтану үдерісі тек қана моңғолдық этноэлементтердің жергілікті этноортаға сіңісуі ғана емес, сонымен бірге барлық моңғолдық дәстүрлердің де бірте-бірте жойылып, оның орнына жергілікті немесе қыпшақтық дәстүрлердің қоғамдық өмірдің барлық саласына таралуы болып табылады. Егерде XIII ғасырдың соңына дейін билікті мұралануда Шыңғысхан тұсында үстем болған моңғолдық дәстүр жеке дара қолданылып келсе, ғасырдың соңынан бастап қыпшақтану барысының тереңдеуімен билікті мұралану дәстүріндегі қыпшақтық бағыт күш ала бастайды. Сөйтіп, көп жағдайда XIII-XV ғасырлардағы Жошы ұлысындағы ішкі саяси оқиғалардың көпшілігі билеуші әулет өкілдері арасындағы тақ үшін таластармен сипатталса, олардың бәрінің себебіне – екі дәстүр арасындағы күрестер жатады. XIII ғасырдың соңы мен XIV ғасыр басындағы Шығыс Дешті Қыпшақ аумағындағы шиеленіскен ішкі саяси оқиғалардың себептеріне ордаежендік әулет өкілдерінің тақ үшін алғашқы күрестері дәлел бола алады.

Енді осы күрестер барысына тоқталсақ.

Шығыс Дешті Қыпшақтың саяси тарихындағы алғашқы тақ үшін таластар Ордаеженнің шөберелері – ресми тақта отырған Баян хан мен тақтан үміткер Құбұлық арасында басталады. Бұл туралы ең алғаш мәлімет беруші парсы тарихшысы Рашид ад-дин (1247-1318) оқиға барысын былайша баяндайды: «...Қазіргі кезде Баян әкесі Қонышаның орнында отыр... Оның алдында Темірбұқаның ұлы Құбұлық мынадай оған былайша қарсылық білдірді: «Ұлысты бұрын менің әкем басқарды, сол себепті ол (ұлыс) мұрагерлік бойынша маған тиесілі», деп жасақ жиды және Хайду мен Дувадан әскер алып, Баянға кенеттен бас салды»[2]. Одан әрі «Джамиг ат-тауарихтың» авторы Баянның Құбұлықтан жеңіліс тапқанын, сөйтіп Алтын Ордадағы Тоқтай ханға барып, көмек сұрағанын, Тоқтай хан мен Ноғай арасында соғыстың жүріп жатқанына байланысты және Газан хан тарапынан қауіптің барлығына байланысты Алтын Орда ханының жылы сөзден басқа ешқандай көмек бере алмағанын, тек Баян ханға ұлысты басқару туралы жарлық бергенін баяндайды[2].

Алтын Орда мен Ақ Ордадағы хандардың билік құрған кестесінде Баян хан 1301-1309 жылдар аралығында билік құрған деп көрсетіледі де, ескертпеде Баянның әкесі Қонышаның 1301 жылдан бірнеше жыл бұрын қайтыс болғаны айтылады[3,454]. Рашид ад-диннің мәліметтеріне тереңірек

үңілсек, Ордаежен шөберелері арасындағы тақ үшін күрестің Қоныша қайтыс болған кезден басталғанын көреміз. Ал Қонышаның кенеттен, түнде ұйқыда жатып о дүниелек болғанын парсылық автор тайға таңба басқандай айтады[2,42]. Айтпай келген ажалдың салдары сонда, Қоныша тақ мұрагеріне кімнің лайықты екенін өсиет етіп айтуға үлгірмей кетеді. Ал тақтан үміткер ордаежендік сұлтандардың, яғни Ордаежен шөберелерінің саны сол тұста – 32 болған екен. Оның 4-еуі үлкен ұл Сартақтайдың немерелері, 18-і - екінші ұл Құлидың, ал 10-ы - жетінші ұл Хұлағудың немерелері[2,41-48]. Көріп отырғанымыздай, Қонышаның кенеттен болған өлімінен кейін таққа үміткерлер саны жетіп артылып отыр. Баян – Ордаеженнің үлкен ұлының әулетінен болса, Құбұлық – Ордаеженнің ең кіші ұлының әулетінің өкілінен тарайды. Екеуі де билеуші әулеттің өкілі болғандықтан екеуінің де тақтан үміттенуі заңдылық.

Тақ үшін таластың XIII ғасырдың соңы – XIV ғасырдың басында болуы жоғарыда атап өткен қыпшақтану үдерісінің аяқталуымен қатар келіп отыр. Бұл кез – моңғолдық этноэлементтердің қыпшақтануымен бірге қыпшақтанған ру-тайпа жетекшілерінің саяси өмірге белсене араласа бастаған кезі болатын. Таққа үміткерлердің жеңіске жетуі көп жағдайда оларды қолдаушылардың санына тікелей байланысты еді. Моңғолдарға дейінгі Шығыс Дешті Қыпшақ аумағында өмір сүрген тайпалардың ертефеодалдық мемлекеттілігінде хандық билікті мұралануда билеуші әулет өкілдері арасында үлкендік принципі басты орында болған, яғни билікке әкеден соң ұлы емес, әкенің бауырларының бірі келген[4,282]. Ал моңғолдарда болса керісінше, Шыңғысхан заманынан бері билікке әкенің ұлдарының бірі отыратын болғаны белгілі. Моңғол империясының негізін қалаушының үлкен ұлдарының бәрі жаулап алынған аумақтарда билік құрса, ең кіші ұл –Төленің Моңғолияда қалып, ата жұртты иеленуі принциптің басқаша болғанын көрсетеді. Тіпті, XVI ғасырдың басында Мауереннахр аумағында жеңіске жетіп, темір әулетінің орнына жаңа – Шайбанилық әулеттің негізін салып берген Мұхаммед Шайбани хан мемлекетті басқару мен билікті мұралануда бұрынғы шыңғыстық дәстүрді қалпына келтірмек болғаны белгілі. Ол үшін улемдер мен білікті адамдардың арнайы жиыны бірнеше рет Герат, Бұхара қалаларында өткізіліп, бұл мәселе қайта-қайта талқыға түседі. Сол жиындарға қатысқан Фазлаллах Рузбихан Исфакхани билікті мұралануда шариат заңы бойынша атаның мүлкі немересіне емес, ұлдарына тиесілі деген пікірді қолдайды[5,59-61]. Басқаша айтқанда, хандық билік атадан соң оның немересіне емес, атаның үлкен ұлдарының біріне берілуі тиіс. Шынында да Мұхаммед Шайбани хан қаза тапқаннан кейін Мауереннахрдағы билік Шайбани ханның ұлына емес, түрік халықтарының дәстүрі бойынша шибанилық сұлтандардың сол тұстағы жас жағынан ең үлкені – Көшкінші ханға өтеді[6,270-271].

Баян ханның шығу тегіне қарасақ, оның ата-бабаларының бәрі де тұңғыштар екенін көреміз. Шыңғысханның бәйбішеден туған төрт ұлының үлкені Жошы хан, ал оның көптеген ұлдарының ең біріншісі – Ордаежен. Ол туралы деректе былай делінеді: «Орда - Жошы ханның үлкен әйелі Сартақтан туды. Әкесінің тірі кезінде және одан кейін де үлкен құрметте және сыйлы

болды. Жошының мұрагері екінші ұл - Бату болса да, Менгу қағанның оларға жазған жарлықтары мен ясаларында Орданың есімі алдына қойылып тұрды»[2,41]. Ордаеженнің тұңғышы – Сартақтай, оның әйелдері көп болғанымен деректе бір ғана ұлының есімі айтылады, ол – Қоныша. Рашид ад-дин бойынша Қоныша ұзақ жылдар бойы әкесінің ұлысын басқарған [2,42]. Өз кезегінде Қонышаның төрт ұлы болғандығы және олардың ең үлкені - Баян екендігі белгілі[2,43].

Ал енді Баянның қарсыласы Құбұлыққа келсек, ол да Ордаеженнің ұрпағы болып келеді. Ордаеженнің жетінші ұлы, яғни ең кенже ұлы – Хұлағу. Хұлағудан Темірбұқа, ал оның алты ұлының бірі – Құбұлық[2,47]. Біз келтіріп отырған шежірелік салыстыру үлкендік принцип бойынша биліктің Баян ханға тиесілі екендігін дәлелдейді. Бұл дегеніміз – сол жылдары Шығыс Дешті Қыпшақта басқа дәстүрлермен бірге билікті мұралануда қыпшақтық дәстүрдің де жеңіске жете бастағанын көрсетеді. Ал Құбұлық болса, бұрынғы дәстүрге негіздеп хандық билікке таласып отыр.

Біз бұл күресте ішкі және сыртқы саяси факторлардың болғандығын теріске шығармаймыз. Мысалы, Құбұлыққа Хайду мен Дува хандардың тікелей әскери көмек бергенін Рашид ад-дин атап өтеді[2,43-44]. Біздің басты мақсатымыз Шығыс Дешті Қыпшақ аумағындағы этникалық үдерістер барысының саяси оқиғаларға тигізген әсері болғандықтан саяси факторларды талдауға бармаймыз. Оның өзі жеке, арнай түрде қарастыруды қажет етеді.

Рашид ад-дин екі үміткердің арасындағы күрес барысы мен оның нәтижелерін ғана айтып өтсе, қыпшақтану үдерісі арқылы біз, күрестің туу себептері мен тақ үшін күресушілерді жергілікті тайпалардың қайсысы қолдағанын түсіндіруге мүмкіндік аламыз. Баян ханды қолдаушылар жергілікті және қыпшақтанған тайпалардың жетекшілері де, оның қарсыласы жағында әлі де болса моңғолдық дәстүрді жақтаушылар болған секілді. Дерек мәліметінде жазылғандай, Баян хан күрестің алғашқы кезеңінде жеңіліске ұшырайды. Бірақ ол ішкі күрестің салдарынан емес, сыртқы күштердің – Хайду мен Дува хандардың Құбұлыққа тікелей әскери қолдауы нәтижесінде болған.

Осылайша, қыпшақтық және моңғолдық дәстүрлердің тақты мұралануға байланысты қайшылықты тұстарын анықтай келе, біз XIII - XIV ғасырлар шенінде Шығыс Дешті Қыпшақ аумағында болған билеуші әулет арасындағы күрестердің басты себептерін анықтай аламыз. Дәл осындай жолмен тек Ақ Орда аумағындағы ғана емес, сонымен бірге Алтын Ордадағы ішкі саяси оқиғалардың себептері мен барысын анықтауға болады деген жалпы қорытындыға келеміз.

Әдебиеттер тізімі:

1. Кәрібаев Б.Б. Қазақ хандығының құрылу тарихы. Тарих ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның қолжазбасы. Алматы, 2009.- 341 бет.
2. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Мына жинақта: Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. II. Извлечения из

- персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскеевичем и С.А.Волиным. М.,- Л. 1941.
3. Лэн-Пуль Стэнли Мусульманские династии. Мына жинақта: Абуль-Гази-Багадур-хан.Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли Мусульманские династии. Москва-Ташкент-Бишкек, 1996.-544 с.
 4. Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Издание исправленное.- Алматы: Ғылым, 1995. - 296 с.
 5. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман наме-йи Бухара(Записки Бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р.П.Джалиловой. Под редакцией А.К.Арендса. Москва, 1976.
 6. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга II. – Душанбе: Ирфон, 1989.

ХАРАКТЕР БРАЧНО-СЕМЕЙНОГО ПРАВА В УЛУСЕ ДЖУЧИ

Жумаганбетов Т.С.

Казахстан, Актюбе

*Актюбинский государственный
университет им. К.Жубанова*

Специфика экономики основанного на пастбищном животноводстве наложила отпечаток на форму брака и семьи у кочевников. Исследователи-историки в отличие от этнологов, часто соотносят как нечто аналогичное, реалии «большой патриархальной семьи» эпохи бронзы с обобществленными средствами производства, едиными родовыми обрядами и традициями с родом и семьёй в средневековом кочевничестве. Действительно род и семья у кочевников имеет много параллельных черт, но это явления совершенно разных социально-экономических, таксономических отношений. Нормой для кочевничества стали экзогамные браки, парная семья в основном виде моногамии, но для богатой части общества не исключалась полигамия. Эти формы семьи и брака мы застаем в Золотой Орде как традиционные. Такая семья во многом характерна и для торгово-земледельческой части этого общества, но в древних центрах земледелия Хорезме, Юге Казахстана развиты эндогамные способы заключения браков.

Такая семья, в основном состоящая из двух поколений (и немощных родителей), являлась основным собственником семейного стада, доли общинной земли и полученного по наследству или приобретенного движимого и недвижимого имущества.

Общины, объединяющие новые семьи в обеих секторах аграрной экономики группируются на основе близкого родства, но при этом принцип хозяйственной целесообразности является приоритетным. Поэтому разные виды общинных объединений на основе интеграции семейных хозяйств, в том числе и в животноводческой части социума, по способу скрепления, могут считаться по своему характеру не кровнородственными, а соседскими общинами. Однако идеология обще родовой сплоченности и единства поддерживается на базе группового характера расширенного воспроизводства в скотоводстве, в виде идеи «большой семьи», члены которой связаны не чисто генеалогическими, а более широкими, патронимическими связями. Данный момент можно проследить в целом ряде социальных явлений и, особенно, в процедуре усыновления или удочерения, как отдельных индивидуумов, так и целых семей или групп семей, исходя из той же хозяйственной целесообразности. Это обуславливало, порой, проникновение в племенное объединение на низовых уровнях патронимической иерархии, чужеродных к данному объединению семейных и родовых групп.

Брак. Брак, как мы знаем, - это способ соединения мужчины и женщины в семью для осуществления воспроизводства рода и общества. Способ

рождения новой семьи – хозяйственной и социальной ячейки общества, на которой строятся все остальные органы самоуправления и управления обществом.

В правовом отношении брак у изучаемых нами номадов Золотой Орды по характеру заключения можно подразделить, как и в предыдущие исторические периоды, на три вида: первичный, вторичный и конкубинат. В степной зоне господствующим был экзогамный брак на основе табуирования близкородственных половых и брачных связей, а в оазисах Сырдарьи и Хорезма приоритет отдавался эндогамным бракам, которые характерны как для заросрийских, так и для мусульманских общин.

Парная семья, господствующая у кыпчакского населения Золотой Орды, в правовом плане не препятствовала в некоторых случаях полигамии, которая наблюдается, как правило, в богатых семьях. Одной из главных причин полигамии была большая потребность в женском обслуживающем труде. Другая причина полигамии для богатых хозяйств, помимо престижности это возможность для внутренней структурной сегментации большого хозяйства. Таким путем появлялась возможность расширить эффективность и емкость отдельного базовоопределяющего хозяйства.

Инициаторами первичного брака у кумано-кыпчакских и монгольских этносов, как правило, были родители жениха и невесты, которые сговаривались друг с другом и заключали между собой устный брачный договор, охватывающий вопросы не только калыма и приданого невесты, но часто вопросы межсемейных и межродовых отношений. По обычному праву в кумано-кыпчакских родах, брачующих соединялись в очень юном возрасте. У монгольских родов брак так же заключался в юном возрасте, например Темуджин сосватал Борте в 10 летнем возрасте. Этот момент обычного права был переподтверждён Яссой Чингис кагана [1. с.8]. Различие состояло только в том, что по обычному праву монголов, жених был обязан «отработать» невесту прожив у родителей невесты определённое количество лет, почти в качестве батрака. Ясса предлагает жениху альтернативу, - выкупить невесту у родителей [2. с.187], норма, явно перенятая из шариата. У тюрко-монгольских народов обычное право предполагает, что невеста входила в дом мужа после сговора родителей. Брак был экзогамным, т.е. межродовым, поэтому в процессе переговоров участвовали представители как семьи, так и руководители рода - аксакалы и карасакалы. Чем больше был общественный статус главы будущей семьи, тем большее значение придавалось заключаемому браку. Поэтому на этапе подбора и сговора сторон брака учитывался широкий спектр вопросов межродовых и межсемейных отношений. В дальнейшем этот принцип широко применялся при заключении брачных договоров между первыми ханами улуса Джучи и знатными семьями кыпчакского народа, т.е. в период формирования и консолидации нового кыпчакско-монгольского общества. Мы уже отмечали, что наличие у Джучи, Бату, Берке и др. большого количества жен, - это не только элемент престижа, а способ налаживания отношений с крупными родовыми объединениями подчиненного монголам кумано-кыпчакского средневекового этноса.

Ясса так же предполагает, что брак должен быть экзогамным, но родство ограничивается тремя поколениями, а так же расширяет сорорат возможностью быть женатым на двух сестрах [3. с.187].

В этнологии зафиксировано множество историй о том, как многолетняя и кровавая вражда останавливалась при помощи договорного брака между родами. Договорной брак продлевал союз двух родов и мог решить другие межродовые и межклановые вопросы. Таким образом, у всех подданных Золотой Орды брак уже на низовом общественном уровне выходил за рамки только воспроизводительного процесса и был внутрисоциальным и политическим регулятором внутри общества.

Инициатива родителей и рода при создании семьи объясняется еще тем, что сами субъекты брака при заключении первичного брака, как правило, были подростками, детьми. Они были в имущественном, правовом отношении совершенно бесправными, а в эмоциональном плане не достигшие определенного развития. Тезис о раннем созревании людей в этот период ничем не подкрепляется. Однобокая структура питания, сезонные голодовки не создавали условий для акселерации детей. Особенно это остро сказывалось по такому показателю, как высокая материнская и детская смертность. Несовершеннолетние девочки, часто были неспособны выносить ребенка и массово погибали при родах. Это основная причина того, что во всех аграрных обществах существует значительный количественный перевес мужчин над женщинами. Из-за этого, не только для кочевников, но и для всех социумов средневековья, ценным военным трофеем считались молодые женщины и дети.

Браки в столь раннем возрасте, т.е. практически детьми были вызваны так же небольшой продолжительностью жизни людей в тот период. Люди в условиях больших рисков военного, природного и прочего характера пытались как можно быстрее выполнить свои долг по воспроизводству социума.

Таким образом, не торжественные мероприятия, не свадебные пиры, а официальная договоренность, достижение консенсуса между представителями двух семей, в которые входили не только близкие родственники жениха и невесты, но и представители рода, делал этот институт законным, легитимным, а будущую семью полноценным членом общины и общества и принятых в нем правовых отношений [4. с.147-148]. Успешное завершение переговоров отмечалось обменом взаимными подарками и жертвоприношением домашнего животного светлого цвета (обычно это белая овца).

В южных исламизированных регионах сговор скрепляли в мечети, а при отсутствии такого учреждения приглашали муллу для проведения обряда «неке».

Необходимо отметить такой монгольский институт, как «гостеприимный гетеризм». Этот институт присущ малочисленным северным народам с целью пополнения генофонда отдельного рода. Был ли такой инструмент у тюркоязычных этносов в доисламский период трудно подтвердить достоверными фактами. Такими материалами мы не располагаем. Историк

права В.П.Рязановский подтверждает данную норму у хоринских монголов [5.с. 76], т.е. у монголов данная норма сохраняется и в период после крушения «Йеки монгол улуса».

В монгольской семье «ребёнок гостя», наряду, с детьми, прижитыми от наложницы имели равные права с другими законными детьми. Данная норма отразилась и в Яссе. Биография хана Джучи показывает возможное бытование данной нормы у монголов, пришедших в Центральную Азию. Но, вероятность сохранения данной нормы на новой территории минимальна. За счет обменных браков с кыпчаками объем генофонда общины присланных на службу монголов увеличился естественным путем, что делало норму гостеприимного гетеризма бесполезной.

Специфические, суровые условия ведения хозяйства предопределили усложнение форм законного брака такими аспектами, как левират и сорорат. Данные формы брачных отношений могли охватывать мужчину на уровне как первоначального, так и вторичных браков. При левирате не учитывается возрастная разница. То, что было описано в Чжоу шу относительно этого правового института у кок-тюрок, почти слово в слово повторяется Яссой Чингис кагана, т.е. в случае смерти у общинника отца все его жены, кроме родной матери, становились женами старшего сына покойного или распределялись по другим близким семьям [6. с.186]. Мнение вдов учитывалось, и, если был выбор, исполняли. Х.А.Аргынбаев отмечал, что левират делает семью покойного объектом собственности родственников мужа и рода. Однако это относится, прежде всего, только к имуществу. Сама вдова (или вдовы) теоретически сохраняла свободу выбора нового мужа как внутри рода покойного мужа, так и вне. При этом вдова продолжала оставаться объектом опеки со стороны родственников прежнего рода. В случае ухода вдовы из рода мужа, она лишалась практически всего имущества, а другой род должен был возратить отданный при заключении первого брака калым [7. с. 95]. Однако такие случаи были крайне редки. После окончательного утверждения в Золотой Орде ислама, левират не стал частью исламского права, так и остался нормой адата.

Варианты левиратного брака являются доказательством того, что весь семейный скот имел условное разделение между всеми членами семьи, в том числе между женщинами и несовершеннолетними детьми. В данном институте обычно-правовой системы, мы видим два момента: во-первых, продолжающаяся в течение брака, опора женщины на силы своего рода, семьи, клана; во-вторых, стыковка двух несовпадающих юридических обычаев. Левиратные отношения могли влиять на отношения в сфере власти. Известно, что когда хан Берке обратился с предложением брака к вдове Тулуя Суркектени хатун он опирался на обычное право и тюрок и монголов, которые предполагают в отношении вдовы левират. Однако, логический, получается, что таким образом он хотел расширить границы своей политической власти. Интересным в этой связи выглядят отношения между ханом Берке и вдовой хана Бату – Буракшин хатун [8. с.169-170; с.354.]. Казнь этой женщины можно преподнести так же, как наказание за пренебрежение законов «отцов и дедов».

Сорорат имел меньшее социальное значение, чем левират, однако в правовом отношении этот институт является доказательством и фактом заключения соединительного договора, прежде всего, между семьями. Этнологические источники позволяют говорить о древних алтайских корнях данного правового явления. Таким образом, можно предположить, что у кыпчаков Золотой Орды младшие незамужние сестры жены также могли рассчитывать на покровительство рода зятя.

С принятием ислама, в Золотой Орде, действие сорората ограничивалось периодом между сговором и официальным религиозным скреплением договора. Этот период мог быть в отдельных случаях длительным (например «бель куда»)

Вторичный брак осуществлялся уже по инициативе мужчины и при соучастии родственников. В этом случае, основная полнота решения оставалась за мужчиной, так как он в этот период являлся полнолетним, совершеннолетним членом рода, собственником семейной собственности, в т.ч. скота. В данном виде брака не исключается эмоциональная сторона. Вторичный брак может заключаться после смерти первой жены и при начале формирования семьи полигамного характера. Как правило, полигамная семья формируется богатыми скотоводами в престижных целях, а также для лучшего обслуживания и управления большим хозяйством. Вокруг каждой жены и ее детей организуется отдельная ячейка общего хозяйства. Количество животных в стадах не могут расти бесконтрольно. Вместимость пастбищ так же имеют границы. Большие стада, особенно коней, трудно контролировать ограниченными силами простых животноводов. Поэтому эти стада разбивают на отдельные хозяйства и группируют вокруг отдельной жены и её детей. Происходит внутренняя сегментация большого семейного хозяйства, но при этом семья не теряет своей целостности.

Законность вторичных браков обеспечивалась так же, как и при официальном первичном браке, сговором представителей двух семей.

Конкубинат осуществлялся в результате создания семьи вне официального сговора, т.е. если это происходило внутри социума путем похищения невесты у другого рода вследствие чувств молодых, не достижения согласия при сговоре, враждебных отношений между родами и т.д. Впрочем, во многих случаях, сторона невесты после данного шага становилась сговорчивее и соглашалась на примирение на основе признания вины молодыми. Таким образом, похищение невесты в средневековье не являлось уголовным деянием или даже «плохим поступком», а относилось к области гражданского права, и такой брак при соблюдении определенных правил приобретал черты полной правоспособности и дееспособности.

Мусульманское право не поощряло браки с представителями других конфессий. Конкубинат в таких случаях становится основным способом соединения разноконфессиональных семей. Девушек похищали с согласия родителей или приобретали жену в результате набега. Если сравнивать условия, то конкубинат у кумано-кыпчаков был во много раз мягче традиционного римского конкубината.

Семейные отношения. В созданных, таким путём, моногамных и полигамных семьях в пределах минимальной общины отсутствовало детальное разделение по степеням родства, и основное разделение шло по поколенчатому признаку. Все родственники внутри одного поколения были друг для друга братьями и сестрами и различались по возрасту.

Каждый в отношении друг друга был старшим или младшим братом или сестрой. На правах старшинства кыпчак мог повелевать младшим сородичем. Представители одной общины, являющиеся одногодками, придавали этому гораздо большее значение, чем европейцы, т.к. они были равны по индивидуальным правам, что порой больше сближало, чем прямое родство.

Данная система родства известная в исторической науке как удельно-лествичная, являлась отражением частых военных (и не только) потерь, а также большой смертности от болезней, периодического голода и других причин. Взрослый, семейный, кыпчак-общинник, - Эр, при такой системе родства был всегда уверен, что в случае его смерти его дети автоматически, с сохранением всех гражданских и имущественных прав, станут детьми брата или других родственников и будут равны в правах с собственными детьми опекуна.

Со вступлением в брак женщина полностью становилась подвластной мужу и его семье. Прелюбодеяние жены или прелюбодеяние с законной супругой другого мужчины по всем этическим нормам и правовым обычаям каралось смертью. На первый взгляд, в этом законе превалирует эмоциональная сторона. У скотоводов за смерть очень близких людей принято получать установленный для этого случая материальный откуп и удовлетворяться этим. Однако суровость наказания за данный «плохой поступок» вполне объяснима и имеет причину в самой главной базовой позиции. Внебрачные половые отношения путают генеалогию и тем самым разрушают самую главную, основу данного общества – патронимическую организацию. Особенно сурово, данная сторона прослеживается в земледельческих обществах.

Все добуржуазные общества, в т.ч. средневековые тюркоязычные социумы, объединены одной общей чертой - корпоративностью (замкнутостью) всех социальных групп и подразделений вне зависимости от размера. На корпоративности (закрытости) социумов базируется правовые отношения социума. В экономическом аспекте данная черта является отражением натурального хозяйства, но подлинные причины данной проблемы лежат гораздо глубже.

Внешние границы закрытости определенных общин проходят через такие социальные институты, как брак, семья и господствующие в обществе брачные нормы, регулируемые обычным правом. Все браки, как известно, подразделяют на две основные формы: эндогамные и экзогамные.

История знает немало, чисто привилегированных эндогамных, групп внутри общества. В этом отношении следует отметить формирование в золотоордынском обществе нового явления, - отдельных, генеалогический автономных социальных групп: джучидов и кожа-сейдов. В южных регионах страны привилегированные группы бывших миссионерских орденов уже

составляли замкнутые аристократические сообщества. Основной нормой брачно-семейного права для них становится принцип, по которой живут маленькой диаспоры внутри другого этнического организма: они не выдавали своих дочерей вне своего круга, но брали жен извне. Джучиды последовали их примеру. С увеличением числа джучидов уже во вт. пол. XIII в. в Золотой Орде формируется отдельная социальная группа «торе», задачей которого было сохранение джучидов, вне и над золотоордынским обществом.

Брак и брачные нормы, формы семьи обусловлены экономической жизнью общества и биолого-генетическими особенностями воспроизводства человека. Эти условия породили в центрально-азиатском регионе разделение эндогамных и экзогамных браков в региональном плане. Обнаруживается явная закономерность. В регионах преобладания животноводческого хозяйства основными являются экзогамные браки, в оседло-земледельческих областях - эндогамные, а в маргинальных зонах - смешанные браки. Корреляционная закономерность эндогамии и оседлости прослеживается достаточно явно, как в географической, так и исторической перспективе. Сущность этого явления мы объяснили в нашей монографии [9]. Реалии Золотой Орды в период с XIII по XV вв. не изменили генетические и социально-экономические причины бытования этих явлений.

Выводы. Брачно-семейное право отражает особенности воспроизводства человека в кочевом обществе. Основная цель этого права с одной стороны сблизить родовые взаимоотношения, усилить внутренние этнические связи, с другой, предусмотреть преемственность как семейно-родственных отношений, так и семейной собственности. В обществе, где неизбежны частые человеческие потери, система патронимии практически исключала понятие «вдовы» и «сироты» и в то же время этот институт являлся важным регулятивным звеном, особенно в сфере высшей власти.

В отношении бытовавших у кумано-кыпчаков и их соседей, эндогамных и экзогамных браков, стоит отметить, что причинами разделения этих форм брака по региональному признаку было, прежде всего, особенности ведения хозяйства, которые диктовали размеры общин-популяций и особенности наследования собственности в обществе. Оседло-земледельческие общества обладали механизмами нейтрализации неблагоприятных факторов близкородственных браков, но основным фактором, который поддерживал физическую дееспособность этих обществ, был постоянный приток со степной зоны новых геноносителей.

Монгольское обычное право (bfссеу), Ясса чингизидов не оказали существенного влияния на нормы брачно-семейного права. Исламизация общества существенно не отразилась на принципах и нормах формирования и существования семьи.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Эпосы, легенды и сказания. Сокровенное сказание монголов. М., 1941

2. Хара-Даван Э. Чингис-хан, как полководец и его наследие. Алматы, 1992

- 3.Хара-Даван Э. Указ раб
- 4.Лобачёва Н.П. К истории сложения института свадебной обрядности. //Семья и семейные обряды народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978.
- 5.Рязановский В.А Обычное право монголов. Харбин, 1936.
- 6.Хара-Даван Э. Указ раб.
- 7.Аргынбаев Х.А. О некоторых пережиточных формах брака у казахов. //Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978.
8. «Масалик ал-абсар...» аль Умари; “Икд ал-джуман” ал-Айни.// История Казахстана по арабским источникам. (далее ИКАИ) Алматы: Дайк-Пресс, 2005. - т.1. – 710 с.
9. Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI-XII вв. Алматы, 2003

«НЕИЗВЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА» (МАНИХЕИ, НЕСТОРИАНЕ, МИАФИЗИТЫ И ИУДАИСТЫ В ДЕШТ-И-КЫПЧАК)

*Пилипчук Я.В.,
Киев, Украина
Институт востоковедения
им. А.Ю. Крымского,
НАН Украины*

Одним из малоисследованных аспектов истории кыпчаков является история распространения среди них манихейства, несторианского и армянского миафизитского христианства среди тюркоязычного населения западноевразийских степей. Наверное более всего исследователей интересовала история несториан. Этой проблематике посвящено множество публикаций ученых [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]. В отличие от несториан интерес к миафизитскому армянскому христианству замечен у немногих исследователей [22; 23; 24]. Даже манихейство вызывало куда больше интереса [25; 26; 27; 28; 29]. Вопросам истории иудаизма в степях в постхазарское время посвящены немногие работы [28; 30; 31]. Задачей этого исследования является выяснить степень и формы распространения манихейства, несторианского и монофизитского христианства, иудаизма в степях.

Ал-Казвини упоминал о манавайя среди тюрков [28, с. 332]. В арабских источниках печенеги часто назывались „majusi”. Это термин обозначал как зороастрийцев, так и манихеев и язычников. Ал-Казвини сообщал, что среди тюрков были те, кто поклонялся огню. Но исповедование зороастризма в степных условиях было практически невозможным. Во время Абу Хамида ал-Гарнати зороастризм уже утратил многих верующих на своих коренных иранских территориях. На север от Ирана известно о исповедовании зороастризма среди жителей дагестанского государства Зарагерана (Кубачи). Зороастризм исповедовали только люди проживавшие в горах. К степи это не имело отношения [32; 28, с. 311, 332].

Но некоторое идеологическое влияние Ирана на кочевников таки было [33]. Дракон был характерным персонажем иранской мифологии. По преданиям от змеи вели свое происхождение скифы. Дракон находился на штандартах сарматов. Необходимо отметить, что манихейство было распространено в государстве токуз-огузов. Много токуз-огузов и после крушения каганата продолжали исповедовать эту религию. В государстве Кочо до принятия буддизма население исповедовало манихейство [27, с. 73-76]. В письменных памятниках токуз-огузов заметно соеденение в сознании тюркских кочевников традиционных языческих верований и манихейства. Одним из таких памятников является „Книга гаданий” [27, с. 75-89].

В Кимацком каганате влияние манихейства было заметным. Недаром арабские хронисты указывали, что большинство тюрков являются зиндиками (манихеями) [34, с. 109-112; 28, с. 311, 333]. Ю. Зуев отмечал, что в Внутренней Азии манихейство носило шаманистскую одежду. Эта религия достаточно

легко адаптировалась к степным обычаям. Уже правители сеяньто Ынан и Бачжо (Барс-чор, Бачжар) носили имена Йенчу и Йельбир, которые по мнению Ю. Зуева были манихейскими. Кроме того сюжет о Лунном Отце (Ай-Ата) записанный арабами был манихейским, поскольку Луна играла заметное значение в доктрине манихеев [33]. Манихейские аспекты можно найти и в скульптуре. По верованиям манихеев при помощи сосуда в руках статуи манихеи можно было попасть в рай. Л. Ермоленко связывает присутствие чаши в руках статуи с манихейством. Исследовательница также связывает с манихейством отсутствие одежды и оружия на статуях [35, с. 46]. По предположению Н. Мельника, манихейство было распространено и у печенегов. Печенеги могли познакомиться с манихейством еще в Средней Азии во время контактов с согдийцами. На Балканах печенеги познайомились с учением богумилов-павликиан. Эта ересь возникла под влиянием манихейства. Богумилы Лека и Травл поддерживали активные связи с печенегами [35, с. 213-222].

Манихейство также было распространено среди енисейских кыргызов. Распространение этой религии зафиксировано археологическими исследованиями. На Уйбатском городище был найден манихейский храм. Этот храм был культовым центром. На одной из эпитафий на Сунже было написано сирийское слово мар – учитель. Титул мара носил сын бойла. В манихейских школах енисейские кыргызы учились манихейской грамоте. Манихеи проповедовали свою религию на понятном для прихожан языке. Найдены рунические надписи, где заметно влияние манихейства. Там были написаны манихейские молитвы. Тюркское Тенгри было заменено иранским Худай. Манихеи были проводниками иранской культурной традиции. От манихеев более поздние буддисты заимствовали термины ном и супурган [36].

В Кимакском каганате, выходцами из которого были кыпчаки, одной из доминирующих религий было манихейство. Традиционные верования не мешали манихейству, а взаимно обогащали друг друга. Манихеи были идеологическими противниками православных христиан. То, что Боняк (манихейским его именем было Маниах) сжег Выдубицкий монастырь и напал на монахов, может свидетельствовать о накале религиозной враждебности между манихеями и православными [37, с. 223].

Относительно несторианства, то оно, как и манихейство, первоначально было распространено на землях Сасанидского Ирана. С падением этого государства несторианства получило распространение на востоке. Распространение несторианства было зафиксировано среди карлуков и тибетцев. В китайских документах зафиксирован факт того, что население Канцзюня исповедует веру в Йесу (Исуса) [1; 6; 7; 38; 39]. К этим сведениям нужно подходить очень осторожно, но присутствие некоторого количества несториан в этом государстве вполне реально. Среди токуз-огузов также был опеределенный процент несториан [8]. Абу Дулаф, описывая огузов, сообщал, что у них был христианский храм. Среди чигилей было много христиан и они жили в местности Бай (около Кучи). Ан-Надим сообщал, что жители Согда были дуалистами и христианами. Но результаты христианизации этого региона не были стойкими. Ислам пришедший с

арабами не оставил и следа от несторианства среди тюрок. Но благодаря фиксации фактов существования христианских храмов до ислама мы имеем возможность утверждать о распространении несторианства в Средней Азии. Мусульмане превратили в мечети христианские храмы в Таразе и Бухаре. Но В. Кольченко сомневается, что христиане Средней Азии были только несторианами. Он предполагал присутствие в регионе мелькитов, яковитов и миафизитов. Бируни, происходивший из Хорезма, не общался с несторианами и не знал о их учении и таким образом христиане среди огузов не были несторианами. При этом необходимо отметить, что среди православных епископий в Хазарии упоминалась Хвалисская то есть Хорезмийская епископия. Не исключено, что среди кочевников-огузов могли быть и такие, что придерживались греческого обряда. Это конечно не православные, а мелькиты. Логично предположить, что вблизи Хорезма большинство христиан были мелькитами [4, с. 171-173; 22, с. 68; 40].

В несторианских источниках упомянуто о обращении кагана тюрок с его войском в несторианство. О этом сообщается в „Житии митрополита Илии” из Мерва. Тогда же была основана Самаркандская митрополия. Во времена жизни католикоса Тимофея Шубхалишо из монастыря Бет Хобех несторианство проповедовалось среди язычников и манихеев. В письме самого католикоса упомянуто о обращении тибетцев. Амр б. Ата в тексте XIV в. сообщал о митрополии халлухов (карлуков). При Караханидах в Восточном Туркестане существовала Кашгарская митрополия. Яковиты и мелькиты находились в формальном подчинении у католикоса несториан. Мусульмане не были врагами несториан, а скорее покровительствовали им. Сообщения о обращении в несторианство тюрок, карлуков и тибетцев нужно воспринимать очень осторожно. Возможно, некоторое количество людей из этих народов и приняло несторианство, но это не было массовым явлением [4, с. 174-177; 39]. Аналогичная ситуация должна была сложиться среди онгутов, кереитов и найманов. Лишь часть кочевников исповедовала несторианство [18, р. 89-90]. Нужно сказать, что в Средней Азии в эту эпоху было распространено несколько религий До мусульман в этом регионе было распространено манихейство и христианство. Буддистское присутствие в Семиречьи зафиксировано в иконографии местных тюркских статуй [41; 42; 43].

Если обратить внимание на христианские храмы описанные у Бар Саумы и Мар Ябаллахи, то большинство несторианских храмов находились на торговых магистралях [45; 9]. На север от них действовали единичные миссии несторианских проповедников. Некоторые из них были успешными. Так часть кереитов приняло несторианство, а их правитель получил христианское имя Маркуз (Марк). Возможно один из странствующих монахов обратил кунов. О кунах как о несторианах сообщал Тахир ал-Марвази. Куны вместе с шары и кай приняли участие в переселении племен известных на руси как „половцы”. Но нужно иметь в виду, что несторианами была только часть кунов [20, р. 573-574; 44, р. 29-30; 14, р. 29-30].

Успех несторианства был обусловлен способностью несториан идти на компромиссы. Проповедники несторианства признавали „Небесный мандат”

кочевых правителей. Несколько языческих сюжетов были протрактированы в русле христианской веры. Среди монголов несколько влиятельных правителей были несторианами [2; 3; 4; 45, Главы 26, 36, 37; 46, с. 39-43]. Под влиянием несторианства у прозелитов трансформировался погребальный обряд. Умерших погребали в оссуариях, а вместо языческих символов использовали кресты. Но за границами Согда таких погребений не было обнаружено [39]. Многочисленные компромиссы привели к принятию несторианства кочевниками в очень упрощенной форме. Прибыв в Восточную Европу вместе с кунами несториане были оторваны от своих церковных центров и быстро растворились среди язычников.

Армянские миафизиты, как и несториане, начали довольно рано проповедовать христианство среди кочевников. В VI в. миссионер Кардост проповедовал христианство среди прикаспийских „гуннов”. Конечно он больше обслуживал пленных христиан чем самых „гуннов”, но проповедь дала результаты. После Кардоста действовал миссионер Мовсес. На момент миссии албанского епископа Исраэла в „Стране гуннов” уже был христианский храм в Верхнем Чир-юрте, а христианская символика распространилась среди жителей страны. Была издана Библия на „гуннском языке”, а местные жители соединяли веру в своих традиционных богов с верой в Иисуса Христа. Исраэл даже отважился предложить Алп-Илитверу (Алп-Эльтеберу) официально принять христианство от кавказских албан. По приказу епископа уничтожили священные лесные рощи. Это событие не понравилось соседям гуннов – хазарам, которые еще оставались язычниками и для которых подобное было святотатством. Хазары напали на „Страну гуннов” и Кавказскую Албанию. В дальнейшем христианские миссии в регионе пришлось свернуть. Но среди армянских гаваров (округов) появился Севордик (гуннов-савиров) [47; 48; 22; 49, Книга 2, Главы XL-XLV; 23, с. 13].

После миссии Исраэла было несколько столетий перерыва в миссионерской деятельности. Хазары враждебно относились к миафизитству. Сельджукская экспансия сделала самих армян зависимыми от турков и только походы грузинских царей против мусульман сделали возможными возобновление миссионерской деятельности миафизитов среди кочевников. В составе грузинских войск были кыпчаки, которые в Грузии формально приняли православие. Через несколько поколений кыпчаки окончательно ассимилировались и исповедовали православие наравне с грузинами [50; 51; 52]. В Армении находился монастырь Хпчаванк („кыпчакский монастырь”). В нем жили обращенные в миафизитство кыпчаки. Они были обращены в XII в., когда в Грузию прибыли кыпчаки Отрока Шарукановича. Конечно христианизация заняла некоторое время и наверно понадобилось несколько поколений чтобы кыпчаки осели и организовались в монастырскую общину [23, с. 8, 12-13; 24]. На основе тюркской лексики и армянского письма возник армяно-кыпчакский язык. Сам факт ее существования породил дискуссию среди ученых. Одни ученые считали носителей языка кыпчаками принявшими миафизитство, а другие ученые считали их армянами, перешедшими на тюркский язык. Исследователи в области армянологии пришли к выводу, что это армяне

которые пользовались кыпчакским языком для удобства операций на евразийских просторах [23, с. 11-12; 24, с. 5-12].

Еврейский путешественник Раби Петахья оставил после себя яркое описание обычаев кыпчаков. Нас же интересует описание быта иудаистов Крыма. Петахья Регенсбургский писал, что в земле кеदारов – Дешт-и-Кыпчак, нет настоящих евреев. Местных иудаистов он называл миним то есть еретиками. Он сообщал, что в вечер пятницы они нарезали хлеб, а в день субботний они весь день сидели и ели в потьмах. Источником знаний о иудаизме у крымских иудаистов были обычаи предков. Петахья говорил, что они не знают, что такое Талмуд [53].

И. Волков и А. Кадырбаев считают, что в стране кеदारов жили еврей-сектанты и караимы. Раббанистический же иудаизм был широко распространен на Северном Кавказе. Это были горные евреи в Дагестане. Между Шемахой и Дербентом находился город Самарон. Джиованни де Плано Карпини упоминал брутахиев, которые были иудаистами. Иудаистами-раббанитами были хазары из Тамани, которые были влиятельными людьми в Тмутараканском княжестве. В более позднее время правитель генуэзской Копы на Тамани был иудаист Захария Гвизольфи. Другим известным иудаистом был Схария, который был в свите Михаила Олельковича. В XVI в. адыги для контактов с внешним миром использовали иудаистов, которые писали на иврите. Иудаисты в Золотой Орде платили джизью и населяли города по торговым путям. Много иудаистов-раббанитов жило в Причерноморье и Приазовье. Также их присутствие зафиксировано в Азаке, Маджаре на Куме и Сарае. Одним из центров иудейской религии была Каффа. И. Шильтбергер упоминал о четырех городах около Каффы, где жили два рода евреев (возможно стоит читать два вида – караимы и раббаниты). Три из четырех городов это Солхат, Кырк-Ер, Мангуп. [30; 54, с. 387-390].

Караимы заключали браки с иноверцами. Синан Челеби провел у крымских караимов реформу религии. Он запретил им сочетаться браком с иноверцами. Синан Челеби приучил их учиться в училищах вместо того чтобы находиться на природе. В мире много караимов которые не являются тюрками. Только в Крыму религиозная идентичность стала еще и этнической. Язык караимов относится к кыпчакской группы. Памятником этого языка является "Караимский молитвеник". Нужно обратить внимание, что караимы, как и евреи, были исключительно городским населением. Кыпчаки же, когда они доминировали в степях, были кочевниками. Родиной караимов были предгорья Крымских гор. Они жили в Мангупе и Чуфут-кале. Этот регион когда-то находился на окраинах Хазарского каганата. При этом хазарская знать исповедовала раббанистический иудаизм, а не караимизм. Этногенез караимов был сложным и в нем приняли участие представители многих народов. Для караимов характерен средиземноморский тип европеоидной расы, а элита кыпчаков принадлежала к южносибирскому типу монголоидной расы. Караимы являются европеоидами. В. Алексеев связывал происхождение караимов с хазарами. У них сохранилось ряд тюркских традиций. До XVI в. информация передавалась из уст в уста, а язык был записан на письме только во

времена Синана Челеби. Бог назывался Танъры. В преданиях сохранилась память о дуализме верований – Улуг Ата (Большой Отец) и Каргавлы-Ата (Отец-Проклинатель). У караимов существовал двенадцатилетний календарный цикл и древние наименования месяцев. Существовал культ священных дубов на кладбище Балта-Тиймез. С. Шапшал, что караимы дома изгоняли бесов с помощью бубна, что свидетельствует о шаманистских пережитках в караимизме. К тюркским традициям сохранившимся у караимов исследователь относил культ предков, культ всадника, поклонение солнцу, культ Священных дубов [55; 56; 57; 58].

Критиком представлений относительно устоявшейся версии происхождения караимов является М. Кизилов. Он обвиняет С. Шапшала в фальсификации истории караимов и приписывании им тюркских традиций. Он считает, что у караимов не существовало обычая кровной мести, топоним Балта-Тиймез не упоминался в караимских документах для обозначения кладбища в Иосафовской долине в Чуфу-Кале. По версии исследователя, у караимов не существовало культа священных дубов. Он считает, что караимы появились в Крыму в эпоху монгольских завоеваний. Действительно, в караимских преданиях сохранилась память о переселении в Крым из Бухарии и Черкессии. В 1278 г. в Солхате достоялась дискуссия между караимами и раббанитами относительно того, когда начинается месяц Тишри. Караимов представлял Аарон бен Йосиф. Караимы жили в Солхате, Карк-Ере, Мангупе, Каффе. Караимская община Мангупа состояла из грекоговорящих караимов-романиотов эмигрировавших из Византии. М. Кизилов считает, что кыпчакский татарский язык был перенят караимами от татар. Караимы уже в XIII-XIV вв. в большинстве своем были тюркоязычными, но не были тюрками по происхождению. Караимская идентичность по мнению исследователя была иудео-еврейской, а не тюркско-хазарской. С. Шапшал, по его мнению, мифологизировал и тюркизировал караимскую историю. Кроме того, еврейское происхождение имеют крымчаки. Крымчаки исповедывают раббанитский иудаизм. Крымчаки являются потомками евреев переселившихся в Крым из разных стран мира. Их небольшие общины были в Мангупе и Кырк-Ере (Чуфут-Кале). Происхождение караимов и крымчаков до сих пор является предметом научных дискуссий. Ориентализация и следовательно переход на тюркский язык должен был произойти в эпоху существования Крымского ханства и Османской Империи [59; 60; 61; 62; 63].

Таким образом, манихейство, как и другие религии, имело у кыпчаков синкретическую форму и сосуществовало с язычеством. Манихейские элементы отобразились в иконографии каменных статуй. Манихейство у кыпчаков было имперским наследием от токуз-огузов и кимаков. Оно было связано с иранской культурной традицией. Результаты христианизации несторианами кочевников были поверхностными и нестойкими. Несторианство на раннем этапе исповедовало некоторое количество кыпчаков, но потом было вытеснено православным христианством и исламом. Несторианство также исповедовалось кочевниками в синкретической форме. Несториан и манихеев не всегда можно было выделить среди язычников. Миафизитское течение христианской веры

приняла часть кыпчаков, осевших в армянских владениях Грузинского царства. Это течение христианства не получило распространения в степях. Караимы и крымчаки были евреями перешедшими на тюркский язык. Носители армяно-кыпчакского языка в большинстве своем были армянами перешедшими на тюркский язык.

Литература

1. Бадер А., Гаибов В., Кошеленко Г. Мервская митрополия // Традиции и наследие Христианского Востока. М., 1996. // <http://krotov.info/history/03/2/merv1996.htm>
2. Бартольд В.В. Еще о христианстве в Средней Азии// Академик В.В. Бартольд . Том II (2). Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М., 1964 // <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=223>
3. Бартольд В.В. Мусульманские известия о Чингиздах-христианах// Академик В.В. Бартольд . Том II (2). Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М., 1964. <http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=lib&id=214>
4. Кольченко В.А. Заметки о христианстве в Чуйской долине в Средние века // Sosyal Bilimler Dergisi, 3. – Bishkek, 2002. // <http://yordam.manas.kg/ekitap/pdf/Manasdergi/sbd/sbd3/sbd-3-12.pdf>
5. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. – СПб., 2000. // http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mar_Yabalacha_III/frameset1.htm
6. Селезнев Н.Н. Ассирийская церковь Востока. Исторический очерк. М., 2001. http://east-west.rsuh.ru/binary/67105_83.1247816358.51254.pdf
7. Селезнев Н.Н. Несторий и Ассирийская Церковь Востока. – М., 2005. // http://east-west.rsuh.ru/binary/67105_86.1247990197.05016.pdf
8. Селезнев Н. Уйгуры-христиане и их религиозно-историческая судьба // Волшебная гора. Вып. XI. – М., 2005. http://krotov.info/libr_min/18_s/el/eznev_2005.htm
9. Budge W. The monks of Khubilai khan Emperor of China. – London, 1928. // <http://www.aina.org/books/mokk/mokk.pdf>
http://pages.uoregon.edu/sshoemak/324/texts/monks_of_kubla_khan.htm
10. Cameron N. Barbarians and Mandarins. Thirteen Centuries of Western Travels in China. Hong-Kong, Oxford, New York, 1989.
11. Divitçioğlu S. Nebulous Nestorians in the Turkish Realm (VIII century) // Central Asiatic Journal. Vol. 50/1. 2006.
12. Enoki K. The Nestorian christianism in China in medieval time according to recent historical and archaeological researches // L'Oriente Christiano nella Storia della Civiltà. Roma, 1964.
13. Fiey J.M. Le pelirinage de Nestoriens et Jacobites a Jerusalem // Cahiers de civilization medievale. X-XII siecles. XII Annee, № 2. Avril-Juin. Poitiers, 1969.
14. Halbertsma T.H.F. Early Christian Remains: Discovery, Reconstruction, and Appropriation/ Sinica Leidensia. –Vol. 88. – Leiden-Boston, 2008.
15. Hambis L. Deux noms chretiens chez les Tatars au Xie siecle // Journal Asiatique. T. CCLXI. Paris, 1953.

16. Hamilton J., Ru-Ji N. Deux inscriptions funeraires turques nestoriennes de la Chine Orientale // *Journal Asiatique*. T. CCLXXXII. Paris, 1964.
17. Khanbagi A. Fire, the Star and the Cross: Minority Religions in Medieval and Early Modern Iran. London, 2006.
18. Missick S.A. The Assyrian Church in the Mongol Empire as Observed by World Travelers in the Late 13th and Early 14th Centuries // *Journal of Assyrian Academic Studies*. – Vol. XIII. – № 2. – 1999.
19. Lassus J. Liturgies nestoriennes medievales et eglises syriennes antiques // *Revue de l'histoire des religions*. Tome 137. №2. 1950.
20. Obrusanszky B. Nestorian Christianity in Ordos // *Цирендоржиєвські читання – 2012 (V): Тибетська цивілізація та кочові народи Євразії: кроскультурні контакти*. – Київ, 2012.
21. Taylor W.R. Nestorian crosses in China // *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*. — Vol. 55. — № 1. — Chicago, 1938.
22. Бубенок О.Б. К вопросу о распространении христианства среди хазар // *Східний Світ*. – № 4. –К., 2011.
23. Осіп'ян О. Поширення християнства серед половців XI-XV ст. // *Київська старовина*. – №1. –К., 2005.
24. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том I. Каталоги и тексты памятников армянским письмом. – Алматы, 2011.
25. Ермоленко Л.Н. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск, 2004.
26. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб., 2003.
27. Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков: историко-культурный контекст древнетюркской литературы. –М., 2007.
28. Голден П. Религия кыпчаков средневековой Евразии // *Степи Европы в Эпоху Средневековья*. — Т.6.: Золотоордынское время.— Донецк, 2008.
29. Хосроев А.Л. История манихейства. СПб., 2007.
30. Волков И., Кадырбаев А. Иудеи в Золотой Орде // *История татар*. Том. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
31. Кизилов М. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.
32. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / Публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. — М., 1971.
<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext1.htm>
<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frametext2.htm>
<http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/framepos1.htm>
33. Zuev Yu.A. Se-Yanto Kaganate and Kimeks (Türkic ethnogeography of the Central Asia in the middle of 7th century) // *Shygys*. — №1.— №2. Almaty, 2004.
// <http://www.turkicworld.org/>
34. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам— А.-А., 1972.

35. Мельник М. Візантія і релігійні вірування печенігів // Проблеми гуманітарних наук: Наукові записки Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка. – Вип. 9. – Дрогобич, 2002. http://lnu.academia.edu/MykolaMelnyk/Papers/1300071/Vizantija_i_religijni_viruvannja_Pechenigiv

36. Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Древности Алтая. № 5. Горно-Алтайск, 2000. // <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2000/05/10.html>

37. Ипатьевская летопись // Полное собрание русскх летописей. – Т.2. – М., 1962.

38. Кюнер И.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/china.htm>

39. Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье). <http://krotov.info/history/05/01/nikitin.htm>

40. Толстов С.П. Новогодний праздник Каландас у хорезмийских христиан начала XI века // Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР . – №2. – М., 1946.// <http://groznejat.tripod.com/kalandas/index.html>

41. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписях) // Академик В.В. Бартольд . Том II (2). Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М., 1964.

42. Шер Я.А. Об одном древнетюркском изваянии из Чуйской долины // Советская археология. – №2. – М., 1963. // <http://kronk.narod.ru/library/sher-ya-a-1963a.htm>

43. Шер Я.А. Памятники орхонско-енисейских тюрков на Тянь-шане // Советская археология. – №4. –М., 1963.// <http://kronk.narod.ru/library/sher-ya-a-1963.htm>

44. Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. – London, 1942.

45. Джиованни де Плано Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. с лат. А.И. Малеина. Ред., вступит. ст. и примеч Н.П. Шастиной. М., 1957. <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/rubruk.htm>

46. Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII-XV вв. — СПб., 2006.

47. Гмыря Л.Б. Адаптационные поведенческие механизмы христианского населения (пленников и рабов) ”Страны Гуннов” Прикаспия // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Материалы научного симпозиума. Материалы научной конференции.– Ижевск, 2006.

48. Гмыря Л.Б. Внедрение христианской символики в систему языческих верований населения Страны Гуннов Прикаспийского Дагестана // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Материалы научного симпозиума. Материалы научной конференции. – Ижевск, 2006.

49. Калантакуаци Мовсэс. История страны Алуанк. – Ереван, 1984. // <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Kalank/frametext22.htm>
50. Жития царя-царей Давида // Символ. — №40. — (1998). <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XI/1080-1100/David/frametext1.htm>
51. История и восхваление венценосцев / Пер. и ред. Кекелидзе К.С. — Тбилиси, 1954. // http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Istor_vencenoscev/frametext1.htm
52. Жизнь царицы цариц Тамар / Пер. и введ. В.Д. Дондуа. Исслед. и примеч. М.М. Бердзенишвили; [Ред. кол. Ш.В. Дзидзигури, М.Д. Абашидзе, З.Н. Алексидзе и др.]; — Тбилиси, 1985. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XII/1140-1160/Tamar/frametext.htm>
53. Кругосветное путешествие Петахьи Регенсбургского. // Три еврейских путешественника / Перевод и примечания П.В. Марголина. М., 2004. // http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Petach_Regensburg/text.phtml?id=1083
54. Чхаидзе В. ”Жидове козарстии”. http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=1018
55. Алексеев В.П. о происхождении крымских караимов. <http://karai.crimea.ua/karai/etnogenez>
56. Дебец Г.Ф. о происхождении крымских караимов/ <http://karai.crimea.ua/karai/etnogenez>
57. Кропотов В.С. Специфика формирования этнической культуры крымских караимов и особенности ее проявления на различных исторических этапах развития общества. <http://karai.crimea.ua/karai/etnogenez>
58. Гаркавец А. Караимский молитвенник. Алматы, 2004. <http://www.qurchaq.unesco.kz/Docs/KaraiMol/KaraiMol.pdf>
59. Кизиллов М.Б. Караимы// Храпунов И.Н., Герцен А.Г. От киммерийцев до крымчаков : Народы Крыма с древнейших времён до конца XIII в. Симферополь, 2007. <http://www.krimoved-library.ru/books/ot-kimmeriytsev-do-krimchakov21.html>
60. Кизиллов М. Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий: кровная месть которой не было // Karadeniz Arařtırmaları. Cilt: 6, Sayı: 22, Yaz 2009. http://www.karam.org.tr/Makaleler/26497205_kizilov.pdf
61. Кизиллов М. Яхудицер-Кырымча: крымские крымчаки-раббаниты. <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer39/Kizilov1.htm>
62. Кизиллов М. Крымчаки: современное состояние общины // Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008) <http://eajc.org/page70/news13498>
63. Ачкинази И.В. Крымчаки: историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000.

О НЕКОТОРЫХ ПЛЕМЕНАХ ЗАПАДНЫХ ТЮРКОВ И ТЮРГЕШЕЙ

Торланбаева К.У.

Алматы, Казахстан

Институт востоковедения

им. Р.Б. Сулейменова

Одним из интересных источников по истории дипломатических отношений между западными тюрками и римлянами являются сведения Менандра Византийца. В его «Продолжении истории Агафьевой» мы находим подробное описание причин и событий подписания договора «О союзе и мире» между тюрками и римлянами и последующие отношения между двумя сторонами. Посольство тюрков в Византию возглавил согдиец Маниах в 568 г. во время правления Истеми-кагана (*лат.* Дизавул) [1].

В представленной публикации для нас эти сведения важны с той точки зрения, что, наряду с другими письменными источниками, помогают восстановить сведения о племенном составе западных тюрков и затем тюргешей.

Ответное посольство римлян в Тюркский каганат состоялось в 576 г. во главе с Валентином Меченосцем. Во время визита римский посол вместе с Истеми-каганом «остановился в месте, называемом *Талас* и (они) здесь встретили посольство персидское» [1, с. 380]. Этот случай упоминания Таласа является единственным в византийских источниках.

Талас был той страной, которую тюрко-манихейская «Книга двух основ» (VIII в.) и «Словарь» Махмуда Кашгари (XI в.) называют Аргу-Талас, Алтун-Аргу-Талас, Аргу-Талас-Улуш [2; 3]. В стране Аргу были установлены четыре манихейских храма в Чигиль-балыке, Кашу, Орду-кенте и Йигян-кенте [4, с. 48-50]. Все эти названия известны у персидских и арабских авторов X – XVI веков под теми же названиями, указывающие на Талас как центр в Западном Семиречье, вокруг которого располагались города Чигиль, Кашу, Орду-кент и Йигян-кент.

В 576 г. эти края находились под управлением Турксанфа: «Римляне проехали многими трудными дорогами и непроездными местами, и, наконец, достигли того края, где были военные знаки Турксанфа, одного из князей тюркских (т.е. тюркских). Те, которым досталось в удел управлять племенем тюркским, разделили владения его на восемь частей. Старейший единоподержец Турков называется Арсила (т.е. Арслан)» [1, с. 418]. Верховным каганом Тюркского каганата во время этого римского посольства был Тобо-каган (572–581 гг.) [5, с. 237-239]. Турксанф, судя по этому источнику, был одним из тюркских правителей Таласской области. Разные источники о нем сообщают следующие сведения:

1) По византийским источникам, Турксанф – один из тюркских правителей области Талас, военным знаком и титулом которого, вероятно, и был Арсила/Арслан – Лев [6, с. 47].

2) По согдо-тюргешским монетам, Турксанф – тюргешский правитель, чеканивший монету с надписью: $\text{t}^{\text{u}}\text{w}\text{s}^{\text{n}}\text{n}^{\text{k}}\text{u}\text{w}\beta\text{w}$ – тухсан хубу «государь тухсский» [7, с. 405-410; 8, с. 190].

3) По китайским летописям, Турксанф – это удельный тюргешский князь, обозначенный в летописях под именем Тухосянь, этимология имени которого может быть восстановлена по-тюркски как Тухсан (< $\text{t}^{\text{u}}\text{o}\text{-xua}\text{-si}\text{a}\text{n}$ < tuxsan) [6, с. 46, 47; 8, с. 190].

4) По персидскому источнику «Худуд ал-‘алам», субстратное население тюргешского государства обозначалось в форме тухсиан, т.е. «тухсийцы» [9, с. 99, 300-304; 8, с. 190].

5) В «Словаре» Махмуда Кашгари упоминается сдвоенное название племени токсы-чигиль – $\text{to}\text{x}\text{s}\text{i} \text{ } \check{\text{c}}\text{i}\text{g}\text{i}\text{l}$ [3, с. 423], обозначенное в «Древнетюркском словаре» как этническое объединение тюркских племен, или родов [10, с. 578].

Все указанные сведения письменных источников относятся к Таласской области – важного центра караванной торговли и тюрко-согдийского взаимодействия. Известно, что обозначение имени правителя может указывать на название самого племени. В данном случае речь идет о правителе с именем Тухсан (*кит.* Тухосянь, *лат.* Турксанф), племя, которое он возглавлял, называлось *тухс* или *тухсийцы*. Это племя входило в 576 году в состав Западно-тюркского каганата, затем вошло в состав Тюргешского каганата, как его правопреемника и стало этническим субстратом тюргешского населения. Во время византийского посольства западных тюрков в этой области представляло племя тухс. Появление в «Словаре» Махмуда Кашгари через три века после этих событий этнического названия токсы-чигиль может также указывать на сохранение этнического субстрата тухс в Таласской области, однако уже в составе названием племени чигиль.

Название тюркского племени чигиль помимо «Словаря» Махмуда Кашгари встречается также в манихейских фрагментах из коллекции рукописей, обнаруженных в Турфанском оазисе А. фон Лекоком [2]. Л. Кларк дал классификацию манихейских текстов и датируют эти фрагменты VIII-XI вв. [11, с. 133]. Название чигиль также встречается в «Кудатгу Билике» [10, с. 145]. По исследованиям Ю.А. Зуева племя чигиль приняло манихейство и поэтому было выделено среди других тюргешских племен, затем вошло в состав карлуков [8, с. 191].

Народную этимологию названия чигиль приводит Махмуд Кашгари. В легенде говорится, что «Когда Зу-л-Карнайн (т.е. Александр Македонский) дошел до страны Аргу, тучи пролили потоки воды, и дорога стала грязной, отчего его постигли большие затруднения. Он сказал по-персидски: «Ин чигиль аст?» что значит: «Что это за грязь, мы никак не избавимся от нее?!». И приказал возвести здесь постройку. И была построена эта крепость, которая теперь называется Чигиль... Потом те из тюрков, кто поселился в этой крепости, стали называться «чигиль». Позже это название распространилось... И называли тех, кто одевался по-чигильски, т.е. всех тюрков, живущих от Джейхуна до Верхнего Китая, чигиль, и это ошибка» [3, с. 304; 12, с.22].

За внешне обыденным рассказом об основании города и народной этимологией слова «чигиль» кроется указание на важное положение учения Мани. В манихействе грязь – это материальный элемент (в том числе, человеческая плоть) всякого творения в области смешения Света и Мрака. Стремление к «избавлению от грязи» подразумевает освобождение души Живой из уз Материи, от грязи, оскверняющей чистоту Света. Постоянное очищение от грязи Материи и Мрака составляет содержание всего процесса вознесения души к царству Света, который в других текстах назван Йол-Тенгри [13, с. 3-5]. Чигильскую манеру одеваться, т.е. носить долгополую одежду (*uzun tonluq*), по мнению Дж. П. Асмуссена, было тюркским названием всех манихеев [14, с. 219].

В «Тан шу» Тухосян (по Н.Я. Бичурину: *кит.* Тухосян-Гучжо-хан) был правителем тюргешей и правил в Суябе – каганской ставке, тогда как катунская ставка располагалась в Таласе (*кит.* Хынлос). Упоминаемый в летописи «черный род» является калькой тюркского племени каратюргеш. Во время событий нападения кашгарских и ферганских войск во главе с Фумын Линча на Талас упоминается город Йигян, в качестве трофеев они захватывают вдову тюргешского Сюлюк-кагана (*кит.* Сулу, 716-738 гг.), хотанскую царевну и «Живэйеву ханьшу» [5, с. 305]. Город Йигян есть то же, что в арабских источниках Йигян-кент, слово «йегян» по-тюркски означает «племянник» [10, с. 253].

Во время первого визита византийского посольства к тюркам в 568 году, казалось, что Тюркский каганат выступает единым, однако уже с самого начала своего существования он имел два крыла: восточное и западное. Завоевания на западе, отношения с Сасанидским Ираном и Византией проходили через западных тюрков, которые считались «младшей» ветвью по отношению к восточным тюркам. Легенда о двух братьях Бумын-кагане и Истеми-кагане в начальных строках надписи Кюль-тегину отражает характерную для кочевого общества организацию родоплеменного деления с постоянным «отпочковыванием» выделявшихся родов. Объяснение такой организации имело идеологическое обоснование, связанное с образами старшего и младшего братьев, или братьев-близнецов в генеалогических мифах народов Центральной Азии. В геополитическом отношении Тюркский каганат никогда не был единым, а представлял собой два каганата, восточных и западных тюрков. Через сто лет в результате междоусобных войн по причине наследования верховной власти на Орхоне, а значит первенства в Степи, представления о легендарном единстве стерлись, и мы уже имеем дело с отдельными государствами-каганатами: правопреемником Западно-тюркского каганата становится Тюргешский каганат, правопреемником Тюркского каганата становится Восточно-тюркский каганат.

Основателем Тюргешского каганата (699 – 766 гг.) был Учжилэ (*тюрк.* Йузлик, 699–706 гг.), первые два иероглифа китайского имени, по мнению Ю.А. Зуева, означают «черная сущность» [7, с. 206], по-тюркски он носил титул Бага-таркан и был выходцем из племени хэлоши (*тюрк.* алач/халач), четвертого племени в составе левого крыла Западно-тюркского каганата. Первоначально он стоял во главе этносоциальной организации, называемой

сотня (*тюрк.* *yüz*), локализация которой находилась в Отрарском оазисе. Термин «йузлик» – предводитель сотни встречается в енисейских надписях [15, с. 38, 46, 87] и указывает на этносоциальную организацию сотенной дружины, которая выполняла функции разведки и воспитания подрастающего поколения в кочевых обществах, ее социальное место было определено и составляло обязательное структурное подразделение общества [16, с. 47-55]. Предводитель-наставник такой сотни мог носить титулы Карачор, или *өгя*; его образ восходит к иранскому витязю Рустему, наставнику Сиявуша, этот образ представлен и в турфанских манихейских фрагментах уже в качестве манихейского учителя с титулом *мар* [8, 202-203, 252].

По мере ослабления западно-тюркских каганов, тюргеши усиливались. В 699 году Учжилэ изгнал в Китай марионеточного кагана из ашина и установил свою власть на территории от Шаша до Турфана и Бешбалыка. В целях обретения законных прав на западно-тюркский престол по традиции тюргешский каган стал именоваться «каганом десяти фамилий он ок» (т.е. «народа десяти стрел»), сами тюргеши именуются народом он ок и даже западными тюрками [6, с. 89]. Йузлик перенес свою главную ставку в Суяб, его вторая, или Малая ставка, находилась в Кунгуге. Такого было рождение нового каганата и новой династии, был учрежден чекан собственной монеты, на легенде которой было записано: тухсан хубу «государь тухсский» [7, с. 405-410; 7, с. 190].

В 706 году на тюргешский престол сел сын Йузлик-кагана Сакал (*кит.* Согэ, 706-711 гг.), который до интронизации был тутуком приталасской области Улу [8, с. 143-144]. В китайских источниках находим характеристику этого термина: «Бороду они называют *согэ* (*тюрк.* сакал). Потому-то у них есть (звание) са-кал-тутунь» [17, с. 154, 156-157].

У Сакал-кагана был брат-соперник Чжэну, которому новый каган передает управление над Таласской долиной с центром в Таласе с тюркским и согдийским населением, занимавшими стратегическую позицию на Великом Шелковом пути. Положение Тюргешского каганата не было устойчивым, как из-за внутреннего конфликта двух братьев, так и грозившей военной опасности с претендентами ашина из Восточно-тюркского каганата.

В это время каганом восточных тюрков был один из сильнейших правителей Степи Капаган-каган (691 – 716 гг.) (*кит.* Мочжо; *тиб.* *hBug-chor*). Период тюрко-тюргешских отношений приходится на 706 – 711 годы и связан с известной тюргешской военной кампанией – самым грандиозным событием в имперской истории восточных тюрков, ее основная цель заключалась в утверждении господства ашина над тюркскими племенами на западе вплоть до Кюнгю и Тарбана на реке Жемчужной (Сырдарье). Причиной войны стало обращение Джэну к Капаган-кагану за помощью против Сакал-кагана, которого тот считал незаконным правителем. С именем Джэну и событиями 708 года связана тюрко-тюргешская война и упоминание в орхонских надписях каратюргешей и азов [8, с. 208].

Начало, ход военных действий и успешное завершение кампании против тюргешей описано в надписях Тоньюкука, Кюль-тегина и Бильге-кагана. Решающая битва между тюрками и тюргешами произошла при р. Болчу,

окончившаяся победой восточных тюрков. Согласно китайским летописям, это событие произошло в 708 году, доказательство которого представлены на русском языке Ю.А. Зуевым [8, с. 165-168]. Главным источником даты события является китайские летописи периода династии Тан, пересмотр которых по этой дате и этому событию был первоначально дан в переводах летописей китайским ученым Цэнь Чжунмянем, затем в переводах и монографии японской исследовательницы Наито Мидори «Ниси токкэцу си но кэнкю (История западных токкэцу-тюрков)» (1987 г.). Как пишет Ю.А. Зуев: «Наито Мидори так и назвала раздел в своем исследовании по истории западных тюрков «Тюргешский поход восточных тюрко-туцзюе во 2-м году периода Цзин-лун, 708 г. ... До нее китайский историк Цэнь Чжунмянь привел свидетельства, что обозначение периода С14299, 12272 Цзин-лун (707–710 гг.) в ряде случаев (в том числе в «Истории дин. Тан») было ошибочно заменено сходным по написанию С14299, 15095 Цзин-юнь (710–711 гг.)» [8, с. 166, 165-167]. Война с тюргешами происходила во 2-м году периода Цзин-лун, т.е. в 708 году: «В это время (708 г.) Мочжо всем народом напал на туциши», или «Мочжо всем народом напал на тюргешского Сакала», «земли на юге от пустыни Гоби опустели» [6, с. 281-282].

Сведения о сражении с тюргешами параллельно описаны в трех тюркских надписях. Приведём описание этого сражения по надписи Тоньюкука (стк. 39-40) в переводе С.Е. Малова [18]: «На второй день они пришли. Они пришли, пламеня как пожар (*örtçä qizip kelti*). Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленней. По милости Неба (*tengri*) мы боялись, говоря, что их много. Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, их ябгу и шада мы умертвили» (Тон, 39-40).

В надписи Кюль-тегину это же сражение с тюргешами описывается иначе: «Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину (*otça borça kelti*). Мы сразились, Кюль-тегин схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, тутука *азов*. Их кагана мы убили, его племенной союз (иль-эль; государство) покорили. (Но) масса тюргешского народа (*qara türgeş bodun*) откочевала вглубь (страны, т.е. подчинилась) (Надо: народ *каратюргешей* по большей части подчинился [12, с. 29]). Тот народ при *Табаре* (Таласе) мы поселили...» (КТб, 37-38).

В двух надписях привлекают внимание выражения *otça borça kelti* и *örtçä qizip kelti*, в которых слова *ot* и *ört* означают противоположные понятия о сущности огня в манихействе. Согласно этому учению, огонь дуалистичен, это два Огня: очищающий и созидающий божественный Огонь (*тюрк. ot tengri*) и его антиподобие – уничтожающий Огонь-Пожар мира Мрака (*тюрк. ört*). Представление об огне относится к зороастрийскому слою учения Мани. «К тому времени, – говорится в «Кефалайа», – когда Первочеловек вышел на врага, он вызвал пять Одеяний живых и смирил Мрак Одеядием Огня живого; в том Одеядии он погасил Пожар врага; низверг его суесловие и гордыню» [19, с. 127]. Подобное отмечено в надписях в эпизоде прихода каратюргешей к р. Болчу для сражения с восточными тюрками. При этом только в надписи Кюль-тегину единственный раз в камнеписных источниках употреблен этноним «каратюргеш». Бильге-каган уточняет, что речь идёт не

о тюргешах вообще, а именно о *каратюргешах*. Загадочное название *Табар* приведенного отрывка всегда вызывало сомнение у исследователей. В этой связи нами в специальном исследовании было показано, что под этим топонимом может скрываться центр тюркского манихейства – Талас (или страна Аргу-Талас тюрко-манихейского колофона) [12, с. 29-30].

Продолжением этой военной кампании были события, связанные с покорением согдакских, т.е. согдийских общин в бассейне р. Сырдарья, находившиеся под тюргешским протекторатом. Бильге-каган сообщает об этом весьма лаконично: «Вернувшись с целью устроить *согдакский* (*soydaq bodun*) народ, мы, переправясь через реку Йенчу, прошли с войском вплоть до Темир-капыга» (КТб, 39). Более подробные сведения этого похода, его причины и результаты содержатся в надписи Тоньюкука: «Когда я устраивал и собирал приходящих бегов и народ, то народ аза (?) убежал. Я повел войско народа он ок. Мы еще воевали и гнали их. Переправляясь через реку Йенчу, гору Бянглигяк – местожительство сына Тинэси... Я преследовал врагов до Темир-капыга. Мы заставили их оттуда возвратиться» (Тон, 43-45).

Указанием на этноним «аз» (в его руническом воспроизведении в надписи Тоньюкуку – аза? – или же следует воспринимать последний знак за возможный разделительный, или за ошибку резчика) является параллельное описание погони за *азами* в тексте памятника Кюль-тегину: «Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-кёле; Кюль-тегину шел (тогда) тридцать первый год. На своего белого коня героя Шалчы сев, он бросился в атаку, схватил эльтебера азов; народ азов тогда погиб» (КТб, 42-43).

Совокупные сведения письменных источников восстанавливают картину политических событий 708 года и племенной состав тюргешского общества.

1) Междоусобная борьба в Тюргешском каганате привела к войне с восточными тюрками в 708 г. Целью военного похода восточных тюрков было восстановление первенства династии ашина над тюркским народом, а также восстановление подчинения торговой артерии Таласской области, которая связывала их с Согдом и затем Ираном и Византией. Тюргешский каганат не переставал существовать и имел свою династию. После смерти Сакал-кагана его преемником стал Сюлюк-каган (*кит.* Сулу, 716–738 гг.), который был представителем каратюргешей.

2) В Таласской области находились согдийские центры, являющиеся составной частью каганата. В надписи Кюль-тегину название Талас было заменено, вероятно, преднамеренно на слово Табар, означающее «товар», а может было указанием на эту область как на торговый центр согдийской торговли, важный в политическом и экономическом отношении. Таласская область играла важную стратегическую роль и в религиозном отношении представляла собой синкретическую область манихейских и зороастрийских общин. Однако круг письменных источников наиболее часто указывает на манихейский центр этой области. Привлечение манихейских источников к пониманию исторических событий тюркского времени раскрывает многие непонятные строки орхонских памятников.

3) В надписи Кюль-тегина имеются ясные названия обозначения тюргешей, это, в целом народ тюргешей – это каратюргеша, а азы, вероятно,

главное племя среди них. Упоминание племени *аз* во всех орхонских надписях указывает на его особенную роль в Тюргешском каганате, это племя наряду с тухсами составляло субстратный этнический компонент тюргешей. Этимология названия племени «аз» восходит к зороастризму, и означало сущность демона, пожирающего Ахримана. Аз – принцип беспорядка, который вторгся в естественный порядок: он и излишек и нехватка в противоположность достаточному, одновременно это – желание, т.е. предварительное условие физической жизни, так же как и физической смерти [20, с. 49-51]. В манихейских текстах персидское слово «аз» стало переводиться на греческий язык со значением «материя», которая является началом смерти, эта она побудила Царя Тьмы начать войну с миром Света [21, с. 376]. Для манихеев «материя» и «вожделение» были взаимозаменяемыми терминами: они – и «беспорядочное движение, которое находится в каждой существующей вещи» и принцип, который препятствует вечной жизни. Поэтому, характеризуя тёмное начало в манихейских текстах, говорится о беспорядочном движении, беспорядке [19, с. 29].

Таким образом, на территории Таласской области, современной Чу-Таласской долины по письменным источникам просматривается преемственность в племенном составе западных тюрков и тюргешей. Племена тухс и аз были одним из этнических субстратов Западно-тюркского и затем Тюргешского каганатов. Название племени чигиль находит объяснение в круге манихейских представлений и впоследствии стало общепринятым названием для обозначения тюркского племени в персидских и арабских источниках.

Список использованных источников:

1. Менандр. Продолжение истории Агафьевой // Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуниса. – СПб., 1861. – 456 с.
2. Le Coq A. von. Türkische Manichäica aus Chotscho. Т. 1. // Abhandlungen der Preussische Akademie der Wissenschaften.– Berlin: Verlag der Königl. Akademie der Wissenschaften, 1919. – 67 S.
3. Туркий Сўзлар Девони (Девону Луэотит турк) / Таржимон ва нашрга тайёрлавчи С.М. Муллибов. – Тошкент, Узбекистон ССР Фанлар Академиясы нашриети, 1960. – Т. 1.
4. Кляшторный С.Г. Манихейские обитатели в стране Аргу // Туған өлке. – 2006. – № 1 (6).– С.48-50.
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. –Т. I.
6. Chavannes Ed. Documents sur les T`ou-kiue (Turcs) Occidentaux. – St.-Pb., 1903. – 348 p.
7. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. – М.: Наука, 1981. – 256 с.
8. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. –332 с.
9. Minorsky V. Hūdūd al-Alām “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. – London, 1937.
10. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.

11. Clark L. The Turkic Manichaean Literature // Emerging from Darkness. Studies in the Recovery of Manichaean Sources / Ed. P. Mirecki and J. BeDuhn. – Nag Hammadi and Manichaean Studies. – Leiden, New York, Köln: Brill, 1997. – P. 89-142.

12. Зуев Ю.А., Торланбаева К.У. Манихейство и Талас. К интерпретации древнетюркских надписей // Тамыр. – 2002. – № 1 (6). – С. 19-36.

13. Зуев Ю.А. Манихейское святилище под Таразом // Известия НАН РК. – 2003. – № 2. – С. 3-6.

14. Asmussen J. P. Xuastuanift. Studies in Manichaeism. – Copenhagen: Prostant Apud Munksgaard, 1965. – 292 p.

15. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 300 с.

16. Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). – Алматы: Евразия, 1998. – С. 49-100.

17. Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, Москва: Наука, 1998. – Вып. 2.

18. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л., 1951. – 448 с.

19. Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат / Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. – М.: Восточная литература, 1998. – 512 с.

20. Zaehner R.Ch. Dawn and Twilight of Zoroastrianism. The Pahlavi Books. – New York: Putnam, 1961. – 181 p.

21. Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2007. – 478 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ УРАНОВ И КЛИЧЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НОМАДОВ ЕВРАЗИИ И ДАШТ-И КЫПЧАКА

Кушкумбаев А.К.

Астана, Казахстан

Евразийский национальный

университет им. Л.Н. Гумилева

Использование боевых кличей в качестве сигнальных (специальных звуковых средств) и опознавательных значений (символов) воинских частей уходит в глубокую древность и было по всей вероятности тесно связано (или обусловлено) выступлением военного коллектива клана (род, племя) на боевую акцию и имевших общий для них уран (клич). Само слово «клич» (слав.) означает призыв, вызов, оглашение и употреблялось для того чтобы вызывать, объявлять что-либо. Интересно, что в старорусском языке даже имелось такое понятие – «кличанин» – охотник-загонщик или облавщик на охоте [1, с. 92], т.е. данное лицо издавало соответствующие голосовые звуки, например, для вспугивания зверей. Возможно, первоначально выкрикивание кличей, или подача необходимых звуковых сигналов способных напугать дичь, определялось именно потребностями охотничьего промысла, заимствованными, в свою очередь, из «охотничьей практики» окружающей фауны. Военно-этнографический материал по истории тюрков Саяно-Алтая косвенно это подтверждает. Например, хакасы во время сражения «применяли всеобщий боевой клич – «хуух». Они подражали клекоту ворона, увидевшего падаль. Священный клич (по-хонгорски – «ай-ураа») носил сакральный смысл – криком повергнуть врага, чтобы тот стал падалью для воронов. «Хусхун ит кӧрзе – хуухтапча» – когда ворон видит мясо, то он клекочет «хуух», – говорят в народе» [2, с. 21]. В тюркских языках¹³³ и в большинстве средневековых письменных источниках боевые кличи передаются термином *уран*¹³⁴, *уран* (военный клич, пароль для опознавания своих в бою) или *сүрән*¹³⁵, *сурен* (военный клич).

Несомненно, также, что в войсках древних и средневековых кочевников Евразии воинские подразделения, комплектовавшиеся, как правило, из одних и тех же родов и племен группировались и выделялись по своим боевым

¹³³ По В.И. Далю в русском языке употреблялось в нескольких значениях такое слово как «*ясак*», одним из которых было - «сторожевой и опознавательный клич, знак, маяк; уран, лозунг, отзыв, пароль; знак для тревоги; сигнал вообще. *Имети всякое бережение, и сторожи, и ясаки*, Ратн. уст. Дети боярские, галичане и костромичи, изменили, почали меж себя ясаком кликати, Акт. Грозный Царь закричал ясаком, подал условный голос» и т.д. [5, с. 680].

¹³⁴ В древнетюркском языке «*Uran*» – боевой клич, пароль: *kök böri bolsunıyl uran*, т.е. пусть будет боевым кличем «сивый волк» [6, с. 614]. В книге Бабур-наме, 245 примечании комментатор отметил, что «*уран* (тюрк.) — военный клич, пароль для опознавания своих в бою. Все тюркские кочевые племена имели передававшиеся из поколения в поколение, собственные ураны» [7, с. 120].

¹³⁵ В глоссарии древнетюркских языков встречается термин «*Sür*», со следующими значениями: «вести, гнать, заниматься, производить, исполнять, тянуть» [6, с. 517]. Более чем вероятно, что *сүрән* является производным от этого слова. Во всяком случае, очевидность такой трактовки не исключена.

уранам. Кроме того, вооруженные силы тюркских государств имели общевойсковой уран – единый боевой клич всего воинства.

Наиболее раннее упоминание голосовых позывных сигналов у монголов встречается в записках Пэн Да-я и Сюй Тина. По словам последнего, когда монголы разбивали походный стан, то «имя командира лагеря – это как раз ночной пароль» [3, с. 67]. В монгольскую эпоху военные кличи были введены для военачальников и войск возглавляемых ими в период правления Чингиз-хана. Рашид ад-Дин в специальном разделе о биликах Чингиз-хана сообщает, что монгольский владыка однажды повелел: «Старшие эмиры, кои суть начальники, и все воины должны, когда они выступают в поход, каждый установить свое имя и военный клич [āwāzē], подобно тому как они назначают свои имена, когда выезжают на охоту, всегда молясь всевышнему господу, привязавшись к нему [всем] сердцем, да просят устройства восьми сторон, дабы силою извечного господя охватить [все] четыре стороны [света] сразу» [4, с. 261]. Данный факт можно понимать так, что в монгольском войске присвоение боевых кличей было постановлено на системную основу, т.е. имело четкий военно-организационный порядок. Вместе с тем следует обратить внимание также на то, что «назначение» имен (уранов) для каждого командира и подчиненных им воинов, уподоблен отработанной до этого практике принятой у кочевников на охоте. Это опять дополнительно указывает на связь военных уранов с ранее используемыми охотничьими кличами. Скорее всего, здесь речь может идти о том, что в коллективных облавных охотах с участием большого количества людей каждое охотничье подразделение, задействованное в этом мероприятии, выдвигалось со своим заранее принятым кличем. По словам Г. Лэмба когда охотники сгоняли огромное количество животных в круг (или загон) выставлялись как на войне часовые (караулы), при этом использовался пароль характерный для периода военных действий [8, с. 183-184]. На облавных охотах было категорически запрещено разговаривать, и охотники могли объясняться только условными знаками. У каждой группы был свой пароль (чаще всего крик птицы). Название этого пароля зависело от видовой специфики объекта охоты.

По словам Бабура, среди тюркских племен ураны бывают двух родов (видов): «Один уран — особый у каждого племени; так, например, у одного племени уран — «дурдана», у другого — «туккай», у третьего — «лулу», а другой уран один для всего войска. На войне ураном устанавливаются два слова; во время битвы при встрече один человек говорит одно слово, а другой говорит второе назначенное слово, чтобы таким путем отличить друзей от врагов и распознать своего от чужого» [7, с. 120]. При приближении неизвестных (например, в ночной темноте) тюркские воины всегда кричали известный им уран (пароль) для определения того, кто перед ними находится. В походе Бабура на Фергану «условленными словами урана [т.е. пароля – А.К.] были «Ташкент» и «Сайрам»; скажут: «Ташкент», говори: «Сайрам», скажут: «Сайрам», отвечай: «Ташкент». Во время этой свалки впереди был Ходжа Мухаммед Али. Моголы подходили, крича: «Ташкент», «Ташкент»! Ходжа Мухаммед Али, человек из сартов, был сильно взволнован и в ответ тоже закричал: «Ташкент», «Ташкент»! Моголы

подумали, что это враг, подняли крик, забили в барабаны и стали пускать стрелы. Из-за этой ложной тревоги мы не остались стоять и разъехались. Задуманный план не удался, мы снова повернули назад и возвратились в Ош» [7, с. 121]. Знание военных уранов родов и племен, воинских частей, общевоинских кличей было обязательным для воинов, иначе могли происходить опасные казусы¹³⁶ как в выше приведенном случае. В средневековой период армии стран Восточной Европы также пользовались специальными паролями. Так, в польско-литовском войске во время знаменитой Грюнвальдской битвы паролем были слова: «Краков» – «Вильна», которые король Ягайло озвучил только перед самым сражением [9, с. 63]. Тем самым, сохранение своих паролей в тайне от противника имело серьезное значение для воюющей стороны.

Среди казахских родов позднего Средневековья и Нового времени ураном было имя общего (настоящего или мнимогенеалогического) прославленного предка (прежде всего батыра, родоначальника) в 7-10 колене, известного кланового авторитета (аксакала). Например, казахское племя найман имело общий уран – «*Қантағай*» (жил в начале XVII в.), у кара-керев – «*Қабанбай*» (знаменитый батыр XVIII в.), садыр – «*Алдияр*» (также батыр, жил в конце XVII- начале XVIII в.), кыпчак – «*Ойбас*» (потомок известного Қобыланды-батыра) и т.д. Безусловно, такие батыры были выдающимися воинами своего времени, память о которых жила очень долго и стала объединительным кличем ополчения рода. Общеказахским ураном считался – «*Алаш*». У ногаев (или точнее кундровских татар) рода мангыт был отмечен такой же уран – «*Алаш*» [13, с. 85], что, наверное, свидетельствует о близости их казахам в определенный период истории. По некоторым данным общим ураном ногаев был «*Ормамбет*»¹³⁷. Причем при выступлении против общего врага для казахов и ногаев объединяющим ураном был «*Алаш*» [14, с. 105-

¹³⁶ Отсутствие опознавательных паролей порой приводило к незапланированным боевым столкновениям даже между военными союзниками. Будущий основатель известного Касимовского ханства – Касим-султан совместно с братом Якубом двигаясь в поисках своего союзника великого князя Московского – Василия Васильевича Темного (внук Дмитрия Донского) случайно столкнулись с воинским подкреплением, идущим из Литвы навстречу этому князю. Как сообщает Софийская вторая летопись: «Сретошася с ними Татарове, и начаша межи себе стреляти, посем же начаша Татарове Руси кликати: «Вы кто есте?». Они отвещаша: «Москвичи, а идем со князем Васильем Ярославичем искати своего государя великого князя Василья Васильевича, сказывают его выпущена; а вы кто есте?». Татарове же рекоша: «А мы пришли из Черкасс с двема царевичи, Махметевыми детьми, с Касымом да с Ягупом; слышали бо про великого князя, что братия над ним израду учинили, и они пошли искати великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его было до нас». И тако же сшедшеся и укрепившеся межи себе и поидоша вкупе ищущи великого князя, како бы помощи ему...» [10, с. 177; 11, с. 120; см. также: 12, с. 15-16].

¹³⁷ Известный исследователь средневековой ногайской истории В.В. Трепавлов в отдельной консультации, изложенной по этому вопросу, считает, что общеногайский уран мог и не быть у них, т.к. уран - принадлежность племени (группы родственных родов), а ногаи - это совокупность разных племен, каждое из которых имело свой уран. Этническая консолидация шла очень медленно и во время существования Ногайской Орды не завершилась. Но если бы она завершилась, то «общенародный» уран уже не употреблялся бы, потому что племенная стадия развития со всеми ее архаичными атрибутами осталась позади. Уран «*Ормамбет*» наверняка употреблялся мирзами Ормамбет-улы («Урмаметевыми») и их подданными как имя родоначальника. Также, продолжает он, кажется сомнительным общеказахское (для всех трех жузов) употребление клича «*Алаш*». Нам же все же представляется, что и у ногаев и казахов общий (совместный) уран (для каждой этнической группы в отдельности) мог существовать и на это указывают устные предания этих степных народов. Другое дело, что время употребления таких «объединенных» уранов могло быть кратким в силу слабости надплеменной интеграции и внутриэтнической консолидации кочевников позднесредневекового Дашт-и Кыпчака.

108]. Это говорит о том, что когда-то предки казахов и ногаев участвовали в военных действиях вместе. Казахские Чингизиды-торе (ханы, султаны) имели единый уран «*Арқар*», который другие не могли употреблять [15, с. 313].

В военное время боевой клич выполнял функцию единения и сплочения воинского коллектива, поднимал военный дух, воодушевлял бойцов стойко выполнять свой долг¹³⁸, совершить смелый героический поступок. В бою противоборствующие стороны использовали как ураны, так и специальные пароли, служившие указателем местоположения войск и для различия своих воинов от чужих. Во втором столкновении армий Токты и Ногая битва продолжалась до поздней ночи, и какая-то часть войска последнего вынуждена была спасаться бегством. Сыновья Ногая, а также некоторые приверженцы «которые уцелели из войска их [т.е. Ногая – *А.К.*], ... скрылись под прикрытием ночи и тайком пробрались через массы войск Токты, окликаясь их лозунгом, чтобы они их принимали за своих. Лозунг же их как рассказывал один из очевидцев сражения, был Итиль – Йайик. Спаслись они в эту самую ночь, ночью же двинулись в путь и вернулись восвояси» [16, с. 103]. Таким образом, остатки войск Ногая используя знание вражеского пароля, сумели обмануть врага и вырваться из окружения и благополучно уйти от преследования. Примечательно, что окликающим лозунгом (призыв) войск Токты было название известных рек – «*Итиль*» (Волга) и «*Йайик*» (Урал) расположенных в восточной части правого крыла Золотой Орды. Использование в качестве опознавательных паролей имен местности, урочищ, рек, озер, населенных пунктов встречается и позднее в военной организации кочевых народов.

Один из достоверных рассказов Утемиша-хаджи – автора «Чингиз-наме» о гибели предка будущей династии казахских правителей – Урус-хана в бою замечателен также тем, что здесь упоминается использование боевых кличей воинами противостоящих сторон в ночном сражении. По данным хивинского сказителя, четыре эля – ранее принадлежавшие Токтамышу – *ширин*, *барин*, *аргун* и *кыпчак*, испытывая постоянные насилия со стороны Урус-хана и его приближенных, решили тайно отделиться от его улуса и бежать. Заранее сговорившись с Токтамышем «каждый глава семьи заложил в телегу пару коней, посадил своих детей», и бежал в направлении реки Идил [17, с. 115-116]. Урус-хан, узнав об откочевке мятежных элей только через два дня, приказал немедленно организовать погоню и настичь беглецов. Это «была пора, когда кони разжирели», а эли были рассеяны по летним кочевьям. В рассказе особо подчеркивается, что «войско дальних элей не успело к хану, а у ближних элей кони их также разжирели» и Урус-хану удалось собрать не более двухсот или трехсот воинов. С этими незначительными силами глава улуса сумел настигнуть ближе к ночи бежавшие эли о чем немедленно последним сообщили их караулы двигавшиеся позади. На совете

¹³⁸ Всем известный воинский клич русских войск – «ура» был криком восторженного одобрения, мужественного ободрения, общего поощрения («фразом, дружно, ударь»). Идти на *ура* означало - в штыки, на приступ или врукопашную [1, с. 321]. Скорее всего, русские заимствовали термин «ура» у тюркских кочевников (о слове «уран» и «ура» см. [18, с. 349, 350; 2, с. 21]). У японцев таким лозунгом был «*банзай*».

руководители взбунтовавшихся племен договорились принять неизбежный бой, предварительно отделив мальчиков привыкших «уже к жизни в седле», чтобы они двигались вблизи предстоящего столкновения. В случае «если врага одолеем мы, они узнают [это] по нашему урану и нагонят нас. Если враг одолеет нас, то это станет ясным из их урана. [И] пусть они попытаются [тогда] без промедления спастись бегством!» («*Әгәр йағыны біз бассақ, сүрәніміздің // біліб бізнің артымыздын калғайлар. Әгәр йағы бізні басса сүрәнідің мәлум // болғусы турур: турмай қача көрсүнлар*») [17, с.116, 142]. В свою очередь Урус-хан решил незамедлительно смело атаковать противника, не дожидаясь рассвета, и, тем самым скрыть малочисленность своего отряда. Хан сказал: «Так ночью же давайте и нападём [на них] с криком. Они не поймут, сколько нас, и побегут». И они напали с боевым кличем» («*Кечә бірлә-оқ шавқун // салыб тәгәлі. Азлы-көплүкімізні білмәс, қачар*», – *теді. Тақы сүрән салыб тәгділар*») [17, с. 116, 143]. Ночной бой использовался преследующей стороной, прежде всего как тактический прием по скрытию своей численности и, соответственно, собственной боеспособности. Начавшаяся атака, предпринятая воинами Урус-хана, была настолько сильной и ошеломительной, что ряды их более многочисленного врага были поколеблены и отошли назад. В ночной тьме раздался крик одного из сторонников Токтамыша – Урик-Тимура о помощи. Сын Токтамыша – Джалал ад-Дин и другие сыновья племенных вождей, внимательно прислушавшись к шуму боя, решили, что их отцы потерпели поражение, а некоторые попали в плен. Один из них – сын Урик-Тимура – Йахшы-Ходжа предложил поддержать отчаянной атакой своих отцов и если суждено то «умереть заодно» с ними. Отряд мальчиков подскочил «к основному отряду, каждый из них как отважный витязь выкрикнул боевой клич, [и все они] разом погнались коней в карьер (на врага)» («*Жәлал уд-Дин-султан тақы бу огланлар қолғә // тафа келіб һәр бірсі бір шірә-мәрд йігіт бәкін сүрән салыб бір йола ат салдылар*»). Малочисленный отряд Урус-хана был разбит наголову, а сам он погиб случайно в сражении от стрелы, выпущенной султаном Джалал ад-Дином или его юными бойцами [17, с. 116-117, 143]. Как видно из этого описания и «атакующие, и обороняющиеся в бою выкрикивали свои “ураны”, что сигнализировало о складывающейся ситуации и было формой связи», – справедливо замечает В.П. Юдин, анализируя это произведение степной устной историологии даштских кочевников [19, с. 81].

Из этого не вымышленного степными сказителями Восточного Дашт-и Кыпчака исторического повествования о полном драматизма ночном бое следует, что отряд мальчиков во главе с Джалал ад-Дином получил информацию «на расстоянии голоса» о «поражении» родных по раздающимся в ночной темноте вражеским боевым кличам, который по всей вероятности «погасил» ураны другой (их) стороны. Неожиданное нападение произведенное «зелеными юнцами» (*йаш огланлар*) в качестве неожиданного резерва введенного в сражение с одного из флангов сопровождалось громким выкрикиванием боевых кличей, что, в конечном счете, и решило исход боя. По-видимому, воины Урус-хана подумали «с перепуга», услышав громкие

неприятельские *сурены* (боевые кличи), что к противнику подошло сильное подкрепление, и они поспешили ретироваться с места сражения. В суматохе и паническом ночном бегстве джигиты кок-ордынского властителя даже не заметили присутствие Урус-хана среди них и только утром обнаружили его отсутствие и решились вернуться на место боя и забрать тело.

В целом панегирической книге персидского историка Шараф ад-дина 'Али Йазди «Зафар-наме» о деяниях Амира Тимура есть некоторое описание использования, как войсками среднеазиатского завоевателя, так и его врагами суренов (боевых кличей). В грандиозной битве на реке Кондурча (Кундузча) разразившейся 15 раджаба 793 г.х. / 18 июня 1391 г. между золотоордынской армией хана Токтамыша и военной армадой Тимура воины с двух сторон кричали боевые сурены. «Смельчаки и храбрецы, разрывающие (неприятельские) ряды войска, огласили свод небес криками своих благочестивых воззваний и подняли знамя могущества и стяги ислама до высшей точки созвездия Козла. С обеих сторон били в барабаны, бубны и литавры и заглушали слух времени воинственными криками (сурен)», – живо пишет автор [20, с. 321-322]. Тем самым воины при сближении боевого строя войск шли навстречу друг к другу со своими громко гласящими боевыми кличами. Выкрикивание боевых уранов и суренов было важнейшей частью военно-психологического противостояния двух сторон и со стороны напоминало рев «бушующего моря» надвигающихся друг на друга войск. Перекрикивание (буквально голосовое подавление) издаваемых кличей противника давало дополнительное (иногда решающее) военно-моральное преимущество той или иной стороне.

В битве на реке Терек весной 1395 г. приблизительно в середине ночи «Токтамыш-хан вознамерился произвести ночное нападение, (думая) что может быть сможет вызвать замешательство в высочайшей орде [Тимура – А.К.]. Когда он подошел близко, то ударил в барабаны и литавры, затрубил в рога и поднял военный клич (сурен). Войска, подобные судьбе, согласно приказанию, совершенно не обратили на них внимания и ни от кого не слышалось ни звука. Те [воины Токтамыша – А.К.], когда не ощутили никакой перемены, тревожно задумались об этом самообладании, не смели подойти и поневоле ушли назад» [20, с. 332]. Такая внешне эффектная громогласная военно-тактическая демонстрация отрядов Токтамыша должна была оказать мощное психологическое воздействие на противника (т.е. прямо говоря напугать его) и вызвать панику среди неприятельских солдат, но не получила ожидаемой реакции, т.к. противник заранее предвидел такую атаку и заблаговременно приготовился к ней.

Во время битв боевые кличи (пароли) степные военачальники и воины употребляли для узнавания (опознавания) своих. Приблизительно в 1427/28 г. по данным автора «Умдат ат-таварих» ал-Хаджж Абд ал-Гаффари Кирими сын Куйручака и внук Урус-хана – Барак-хан трагически погиб в борьбе с племенными беками Восточного Дашта. Битва произошла в районе речки «Кайнар-Сакыз» недалеко от р. Урал. Барак, пришедший к власти в восточном Даште с помощью Мансура б. Едиге, который затем стал при нем беклербеком, решил устранить своего благодетеля и убил его, по одним

сведениям во время вечеринки [21, с. 210]. Но по другим данным (видимо преданиям), записанным позднее П.И. Небольсиным, это произошло при следующих обстоятельствах: «В то время, когда в Ховарезме властвовал Барак-хан, Мансур-мурза сделал набег на Хиву, где и умер насильственной смертью, будучи ослеплен по повелению Барака» [13, с. 45]. Опасаясь репрессий со стороны Барака, братья Мансура – Гази и Науруз ушли к Кучук-Мухаммед-хану. Оставшиеся племена, принадлежавшие Мансуру и его братьям, испытывали жестокие притеснения со стороны Барака и стали постепенно уходить на запад к Мухаммед-хану. Барак, решив наказать непокорные эли (*ел, иль*), собрал внушительное войско и выступил в поход. Между тем «Айиас-бек кипчак, Магриб-бек курлаут, что были из людей Мансура, не смогли вовремя присоединиться к своим и вынуждены были оставаться в лагере Барака-хана. Беки заключили между собой уговор, что, когда обе рати сойдутся на поле битвы, они со своими людьми (числом около 30 человек) нападут на самого Барака и отомстят за кровь своего господина Мансур-бека. Однако Барак упредил их действия. Ополчения, оставшиеся от Мансура, он расформировал, а воинов распределил по отдельным отрядам, так что один не знал, где находится другой. Но когда передовые отряды противоборствующих сторон встретились лицом к лицу, Сайид-Али кытай, набросив на доспехи красную накидку, выступил из рядов и выкрикнул свой уран [боевой клич — *Т.С.*]. С противоположной стороны, в ответ на его призыв, тоже закричали и таким вот образом узнали кто из Мансурова племени, где примерно находится. Обе рати сошлись, смешались и запылали огнем сражения. Те 30 человек из бывшего Мансурова ополчения сумели все же собраться в группу и во исполнение уговора двинулись в сторону ставки Барака. Напали на хана; стрела, пущенная меткой рукой Магриб-бека из племени курлаут, поразила Барака» и тяжело ранила хана [изложено в переводе Т.И. Султанова см.: 21, с. 210-211]. В данном случае боевой уран, озвученный Сайид-Али кытаем в начальный момент схватки, был ориентиром для воинов из клана Мансура, по которому они более или менее точно определили местонахождение собственных ратников.

Совместный боевой клич вооруженных сил, выполненный с дополнением в форме музыкальной поддержки со стороны военного оркестра очень часто использовался в качестве сигнала к общей атаке по противнику и создавал потрясающий фоновый эффект. В 828 г.х./ 1424/25 г. армия Улугбека (внука Тимура) в бою против могулов, укрепив свои ряды, и выстроив центр, правый и левый фланги перешло к решительному удару по противнику. При этом «мирза Улугбек повелел, чтобы сыграли боевой призыв [*сурен*]. Поднялся рев больших и треск малых барабанов. От рева боевого барабана и стонов карная затряслись горы, а люди пришли в смятение. Победоносные войска разом ударили» [22, с. 167]. Безусловно, сигнал общего концентрированного натиска по вражескому войску сопровождался впечатляющей музыкально-оркестровой поддержкой поднимавшей боевой дух воителей. Все эти заранее отрежисированные демонстративные действия должны были возбудить ратную «дерзость» (смелость) сражающихся воинов

и одновременно деморализовать неприятеля и подавить его волю к сопротивлению.

Средневековые авторы в стихах выражали это состояние на поле брани так:

Стремительно взлетел боевой клич с обеих сторон [23, с. 72] или

От страха дракон стал похож на муравья.

Такой клич поднялся с обеих сторон

Что земля и время содрогнулись [23, с. 88]

Во время «рыцарских» поединков и спортивных единоборств, практиковавшихся у кочевников Евразии, степные бахадурсы всегда громко выкрикивали свои боевые ураны, тем самым, призывая на помощь силы духов своих предков и вселяя в себя уверенность в личной победе.

Как видно, вполне очевидно, что *ураны* и *сурены* в тюркских и монгольских войсках в период войны выполняли важнейшие визуально-опознавательные функции. С помощью боевых кличей степные военачальники получали необходимую текущую информацию о месте или изменении расположений отрядов в период схватки, могли определить направление хода и ситуацию проходившего боя, давали сигнал главной атаки, оповещали в целом воинские подразделения во время военных действий. Заранее установленные боевые пароли становились средством распознавания своих действующих частей от чужих, особенно в ночных операциях. Эффективность применения боевых кличей в качестве психологического оружия могло при некоторых обстоятельствах серьезно воздействовать как на собственных бойцов, так и на неприятеля и перетянуть чашу весов в свою пользу.

Список литературы

1. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2006. 348 с.
2. Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2004. 279 с.
3. Пэн Да-я, Сюй Тин «Хэй-да шилюэ (Краткие известия о черных татарах)», комментированные и исследованные Ван Го-вэем // Золотая Орда в источниках. Кит. и монг. источники (Собрание сведений, относящихся к истории Золотой Орды (улусу Джучи) из китайских и монгольских источников). Пер с кит., состав., ввод. статья и коммен. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. Т. III. С. 27-120.
4. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т.1. Кн.2. 315 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4.: Р-ү. 1999. 688 с.
6. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с. + III-XXXVIII.
7. Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье. 2-е изд., дораб. Ташкент: Главная ред. энциклопедий, 1992. 464 с.
8. Лэмб Г. Чингисхан. Властелин мира / Пер с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 301 с.

9. Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения 1410-1430. Очерки литовско-русской истории XV в. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1891. 349 с.
10. ПСРЛ. Т.VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1855. С. 115-276.
11. ПСРЛ. Т.VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. 312 с.
12. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб: Тип-я Императ. Акад. наук, 1863. Ч. I. (с четырьмя таблицами). 558 с. + III-XIII.
13. Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. 197 с.
14. Тынышпаев М. История казахского народа. Состав. и авторы предисл. проф. Такенов А.С. и Байгалиев Б. Алма-Ата: «Қазақ университеті», 1993. 224 с.
15. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. (Под общей ред. акад. М.К. Козыбаева). Алматы: Санат, 1996. 656 с.
16. «Из летописи Рукн ад-дина Байбарса» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. С. 86-116.
17. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Коммен. и указ. М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 87-145.
18. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Ответ. ред. А.Н. Кононов. Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1976. 444 с.
19. Юдин В.П. Неизвестная версия гибели Урус-хана (из политической истории Восточного Дашт-и Кыпчака XIV в.) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Коммен. и указ. М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 76-82.
20. «Из Книги побед» Шараф ад-дина Йазди» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II). Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. С. 283-360.
21. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: «Рауан», 1992. 376 с.
22. Абд ар-Раззак Самарканди. «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» (Пер. с перс. О.Ф. Акимушкина) // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: ГРВЛ Наука, 1973. Вып. 1. С. 150-171.
23. Фатх-наме // Материалы по истории казахских ханств (извлечения из сочинений персидских и тюркских). Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. С. 44-90.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ВОИНОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Кушкумбаев А.К.

Астана, Казахстан

Евразийский национальный

университет им. Л.Н. Гумилева

Подлинные (или настоящие) наименования боевых средств выраженные (переданные) на языке изучаемого этноса или реально существовавшего этнокультурного сообщества средневековой эпохи имеют большой познавательный потенциал для научного осмысления и исторической реконструкции оружия. В этом контексте значительный интерес представляют оригинальные названия и обозначения отдельных деталей наступательного и защитного вооружения золотоордынского воинства, составлявших основу вооруженных сил империи Джучидов XIII-XIV веков. От этого периода остались богатые по своему внутреннему содержанию историко-этимологические словари, которые сохранили и передали текущий для этого времени лексический запас монгольских и тюркских кочевников Евразии.

Оружие дистанционного боя.

Монголы XIII-XIV вв., по данным средневекового глоссария «Муккадимат ал-Адаб», называли лук термином «*numun*» или использовался его тюркский эквивалент «*yai*»¹³⁹ [1, с. 261]. В кратком монгольском словаре, приведенном в сочинении армянского автора Киракоса Гандзакеци, лук – «*нйму*» [2, с. 173], что, несомненно, подтверждает его монгольское название. Термин «*yai*» – производное от древнетюркского корня «*Ja*» [3, с. 221]. В известном средневековом словаре тюркских наречий Махмуда Кашгари значение лука передана также в форме «*йā*» [4, с. 903]; в языке египетских тюрков-мамлюков лук также назывался – «*йа*» [5, с. 118]. Составные детали монгольского лука, такие как рукоять – «*numuni bari'ūr*» («*yai tutgasī*» – тюрк.), внутренняя поверхность лука – «*eligen*» («*bayri*» – тюрк.), концы лука – «*qiçir*» («*yulayī*» – тюрк.). Основная конструкция лука из дерева называлась по-монгольски «*numunu modun*» («*yai yūyaçī*» – тюрк.) [1, с. 261], т.е. кибить. Лук и сопутствующие ему стрелы (вместе или отдельно) постоянно фигурируют в синхронных письменных и изобразительных источниках средневековых авторов и более поздних фольклорных материалах тюрко-монгольских кочевых народов.

Специалиста изготавливающего луки монголы называли «*numuçi*» (тюрк. эквивалент – «*yaiçī*») [1, с. 261], что подразумевает специализацию производство стрелкового оружия. Между тем каждый воин-кочевник мог сделать стрелковое оружие сам. Так, монгольские «мужчины, – сообщает Рубрук, – делают луки и стрелы» [6, с. 99]. В одном из разделов

¹³⁹ В дальнейшем при использовании словаря «Муккадимат ал-Адаб» вначале будет даваться монгольское название, а затем его тюркское соответствие.

«Жизнеописания знаменитых» обширной династийной хроники «Юань ши», отец Бучжира – некто Нюрге из рода татар «был прекрасным наездником и стрелком, умел делать луки и стрелы ... [Чингисхан] увидел, что он держит в руках очень красивый лук со стрелами, и спросил кто их сделал. [Нюрге] ответил так: «Подданный сам сделал их» [7, с. 243]. Возможно, этот Нюрге был таким мастером – *питуи́*, делающим луки и стрелы и этот факт привлек внимание и попал в официальную династийную летопись.

Такая органичная деталь лука как тетива – «*köbči, köbčin*» (монг.) или «*kiriš*» (тюрк.) [1, с. 219]. Тюркское обозначение тетивы параллельно прослеживается по другим средневековым текстам. В древних тюркских языках *kiriš* – тетива [3, с. 309]. В «Диван лугат ат-Турк» тетива – «*кириши*» [4, с. 352; см. также: 5, с. 146].

Метательная стрела по-монгольски называлась «*sumu*» («*оq*» – тюрк.) [1, с. 327]. У Киракоса Гандзакеци монгольская стрела передана также в форме «*сыму*» [2, с. 173], что подтверждает монгольское происхождение. В древнетюркском языке «*оq*» – отсюда «*оq jači*» – лучник, стрелок [3, с. 368-369]; «*ук*» – Махмуд Кашгари [4, с. 76]; «*оq*» – «Тюркско-арабский словарь» [5, с. 175]. В монгольском военно-историческом словаре приведены некоторые названия стрел: «*тумер булсуу*» – стрела с железным наконечником, «*джебэ*» – «бронестрела», «*гходоли*» – «тупая костяная стрела или стрела свистунка», «*учума*» – стрела (?), «*дагху-ту йор ийан*» – стрела из рога оленя, свистунка [8]. В «Сокровенном сказании монголов» можно найти различные названия монгольских стрел. Чжамуха обращаясь к молодому Тэмучжину (Чингиз-хану) и Тоорилу (Ван-хану) перечисляя свое индивидуальное вооружение упоминает стрелы «с зарубинами» [9, § 106, с. 37-38]. По все вероятности здесь имеются ввиду какие-то особые личные зарубки, ставившиеся на древке стрелы. Сведения о таких специальных зарубках имеются в источниках. Нижняя часть древка монгольской стрелы имела расширение, где делалась зарубка стрелы – «*honi*» [1, с. 186, 404] нужная для закрепления древка на тетиве.

В юности по монгольскому обычаю побратимства (анда) Чжамуха и Тэмучжин обменялись ценными подарками: Чжамуха дал Тэмучжину «*свистун-стрелу-йори*», а тот в свою очередь отдал ему «детской *стрелой-годоли* с кипарисовым лобком» [9, § 116, с. 42, см. также § 77, с. 25]. Назначая своих дружинников-разведчиков Чингиз-хан сравнил их с «**дальними стрелами-хоорцах да ближними – одора!**» [9, § 124, с. 47]. Чжамуха характеризуя боевой арсенал младшего брата Чингиз-хана – богатыря Хасара выделяет «стрелу *анхуа*», будто бы могла нанизывать «десяток-другой» людей (скорее всего в такой форме выражены ее бронестрельные качества). Другая стрела «*кейбур-ветряница*» по всей вероятности обладала свойствами быстро вращаться при дальнем полете [9, § 195, с. 90]. Давний противник дома кият-борджигинов меркитский Тохтоабеки был поражен в бою с монголами «метательной стрелой – *шибайн-сумун*» [9, § 198, с. 93]. От руки тысячника Чжурчеда «стрелой-*учумах*» получил ранение в лицо сын кераитского хана – Сангум [9, § 208, с. 104]. Возможно, что слово «*шибайн*» по происхождению связано с понятием

«*šiba'ün*» – птица или «*šiba'ūnu*» – птичья [1, с. 332, 447], т.е. монголы сравнивали или связывали данный тип стрел со стремительным полетом птицы. Этот термин (правда, в косвенной сокращенной форме) употребляют восточные источники и позднее. Хафиз-и Таныш, автор «Шараф-наме-йи шахи», в XVI в. писал, что «взявшись рукой за стрелы и луки, они [казахи – А.К.] показали высокое мастерство в стрельбе из лука (**шиба**)» [10, с. 281]. О чем именно здесь идет речь не совсем понятно: то ли о луке, называемом «*шиба*» или мастерстве стрельбы из лука?

Встречаются в источниках упоминание о бронебойных (боеголовковые) острых наконечниках, обладающих достаточной убойной силой. Возможно, об одном из таких наконечников называвшихся «тона» (*тунэ*) оснащенным тремя очень острыми выступами говорится в «Джами ат-таварих» [11, с. 187].

Упоминается в синхронном этому времени монгольско-тюркском словаре такое словосочетание как «*belge qarbuqu sumun*» – стрела для стрельбы в цель или, например, круглый наконечник стрелы – «*моулчаг башаг*» («*yumri bašaq*» – тюрк.) [1, с. 116, 238]. У Махмуда Кашгари «*баушак*» – «наконечник стрелы, острие копья» [4, с. 358]. Не трудно заметить, что в определенном контексте для обозначения понятия «наконечник стрелы» и в монгольском и тюркском варианте применен термин «*bašaq*», хотя отдельно это слово переводится как «колос».

Острые (лезвие) и края (ударные грани) стрелы в зависимости от конфигурации наконечника затачивались специальным бруском – напильником, который назывался «*qa'ūra[j]*» [1, с. 444] или «*хурэ*» и который обычно ложился стрелком в колчан.

Большое значение в подготовке стрелы имело оперение, по-монгольски – «*sumuni hödün*» («*оq yünги*» – тюрк.) [1, с. 327], как известно являющегося стабилизатором устойчивого полета выпущенного снаряда и содействуя попаданию в цель. Само перо называлось «*ödün*» [1, с. 443]. Средневековые монголы, что примечательно, называли мастера делающего стрелы – «*sumuč'i*» («*оqč'i*» – тюрк.) [1, с. 327], что еще раз дополнительно подтверждает специализацию изготовления важнейших компонентов стрелкового комплекса боевых средств (см. выше: «*numuč'i*» - мастер по изготовлению лука).

Влияние военного дела восточных стран, с которыми тесно соприкасались средневековые монголы, отразилось и на военной терминологии. Так, арабские стрелы стали называть «*'arabīn sumuni qadasun*» – древко арабской стрелы [1, с. 392].

Составной частью стрелкового комплекса вооружения был специальный футляр – колчан для стрел, имевших несколько названий – «*qobdu*» («*keš*» – тюрк.), «*qor*» или «*qorumsa [q]*» [1, с. 299, 445]. М.В. Горелик называет монгольский колчан «*хот-сумун*», а «комплект для стрельбы» одним термином «*хор*» [12, с. 18-19].

В кочевой степи золотоордынского периода работали мастера-колчанщики, по-монгольски «*qobduč'i*» или «*kešč'i*» (тюрк.) [1, с. 299], которые, непосредственно занимались изготовлением колчанов.

Весь стрелковый комплекс боевых средств (лук, стрелы и колчан) назывался «*qor*» или «*хор*», по-тюркски саадак, садак (позднее перешедший в русский язык в форме сайдак, сагайдак), а воины – вооруженные луками и стрелами – «*q(x)orci*», в восточных источниках – *хорчи*, *курчи*¹⁴⁰ (стрелки).

Оружие ближнего боя. Копья. Копья по-монгольски называлась «*jida*» («*süñü*» – тюрк.). Отсюда его производные: «*jida ökükcü*» – метатель копья, «*jidatu ere*» – мужчина, вооруженный копьем. Несмотря на внешнюю простоту конструкции, каждая деталь копья имела свое обозначение: «*jidayin dorado üye*» – нижняя часть (досл. «сустав») копья, «*jidayin hekin*» – острие копья, «*jidayin modun*» – древко копья, «*jidayin temür*» – железная часть копья (наконечник), «*jidayin temürtü oira üye*» – верхняя часть (досл. «сустав») древка, «*jidayin üye*» – часть копья. Другим названием этого оружия было «*jebe*» [1, с. 205, 204]. В древнетюркском словаре «*süñü*» – копье [3, с. 517]. У Махмуда Кашгари «*сунү*» – копье, пика [4, с. 1014]. В тюркско-арабском словаре – «*сунгү*» копье, пика. «*Сүнгүчи*» – копьеносец, мастер по изготовлению копья, пики» [5, с. 192].

Такое метательное оружие как дротик называли тюркским термином «*keibür*» [1, с. 404] (срав. выше монгольское название стрелы «*кейбур-ветряница*»). В словаре «Муккадимат ал-Адаб» зафиксировано такое понятие как «*хатту жид*» – копья с линиями [1, с. 384]. Что это означает не совсем понятно, т.к. неясно, где располагались эти линии на наконечнике или древке? Возможно это яркие полосы, нанесенные на древко копья в качестве украшения. По данным Лубсан Данзана некоторые древки копий украшались красной киноварью [13, с. 125]. По предположению В.Ф. Немерова такая раскраска должна была усилить поражающие свойства оружия и символизировала успех в бою [14, с. 221]. Предположительно, что удлиненные (острые) наконечники копий называли «*urtu başaq*» [1, с. 366].

В месте соединения втулки и древка, как правило, иногда ставился флажок, бунчук, сделанный обычно из шелковой материи и указывающий на военный статус хозяина. По Махмуда Кашгари такие копья у тюрков назывались «*батрак*», т.е. имеющие шелковую повязку «у наконечника, указывающее на отличившегося в битве» [4, с. 433]. Встречается такое понятие как «*jölen jida*» – мягкое копье [1, с. 209], по всей вероятности спортивное или легкое (облегченное?) копье, предназначенное для тренировок.

Воины-латники, вооруженные копьями, назывались «*jebeten*» (монг.) или «*jebelikler*» [1, с. 204].

Монгольская техника владения копьем остается неизвестной, но в монгольском словаре «Муккадимат ал-Адаб», есть такое выражение «*гууа жүра қабчиба жидайи*», т.е. – зажал (или зажать?) копье между ногами (бедрами) [1, с. 180]. Возможно, это косвенно может указывать на то, что при галопирующей атаке или просто езде верхом древко прижималось ногами к

¹⁴⁰ Подробно о происхождении и эволюции этого термина в примечании 6 1-го тома, кн. 1. «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина [15, с. 157-158].

седлу. Во время сражения, кто мог пронзить копьём врага («*qatquba tüni jidalā*») – букв. пронзил его копьём [1, с. 297]).

Ударное оружие. В монгольском словаре «Муккадимат ал-Адаб» этого периода «булава» передано в форме «*bulawū*», что является производной от «*bula'ū*» (тюрк. эквивалент – «*çumaq*» или «*çomaq*») – дубина [1, с. 434, 125, 403], что, несомненно, свидетельствует о восточной этимологии самого термина. Другим монгольским средневековым наименованием этого ударного оружия, принятым во многих современных работах, является «*гулда*» – булава с шарообразным навершием [1].

Наличие у средневековых монголов и тюрков деревянных палиц подтверждает лексика «Муккадимат ал-Адаб» – «*modun bula'ū*» (тюрк. «*yūyaç çomaq*»), т.е. «деревянная палица» [1, с. 237]. Создается впечатление, что и булава и палица это одно и то же. Но это не совсем так. В этой связи, необходимо подчеркнуть, что понятие «булава» и «палица» в других восточных источниках четко разграничиваются. В лексике «Тюркско-арабского словаря» XIII в., отражающим язык египетских мамлюков «*чоқмар*» или «*чомақ*» – дубина, дубинка [5, с. 221, 54]. Данное оружие по своему смысловому и функциональному содержанию было ближе к палице.

Монгольским названием такого ударно-рубящего оружия как топор было «*süke*» («*baltu*» тюрк.) или «*jemsek*», а его отдельные детали обозначается так: «*sükeyin bari'ūr*», («*baltu sapı*» тюрк.) – топориче, «*süke nüken*» – отверстие топора [1, с. 329, 439, 447]. Такая известная тюркская словоформа как «*балта*» сохранилась в русском языке в смысле топор вообще, под которым понимался «узкий, азиатский топор, втрое уже плотничьего; секира, дровяник» [16, с. 44]. В дореволюционной литературе, в частности, работе П. фон Винклера такой топор называли *топорок* или *балта*, украшенный насечкой из серебра или золота [17, с. 288].

Клиновое оружие (сабли, палаши, мечи). В средневековых словарях можно встретить следующие названия мечей (и сабель?): «*hildü*» (тюрк. «*qiliç*»), варианты – «*üldü*», «*yüldü*», «*yüldüt*» (во множест. числе – мечи), «*üldüyan*» – мечик (небольшой меч). Каждая деталь меча имела соответствующее название: «*hildüyin bari'ūr*» – рукоятка¹⁴¹ меча, «*hildüyin gewher*» – гемма меча (имеется в виду клеймо, печать), «*hildüyin keltegei*» – зубрина меча, «*hildüyin ni'ūr*» – лезвие меча, «*hildüyin qui*» – ножны меча, «*hildüyin uyāsar*» – ремень меча и т.д. Воин, вооруженный мечом, назывался «*hildütü ere*» – мужчина с мечом. Отдельно выделены, специальные мечи для фехтования (тренировки) – «*modun hildü*» – деревянный меч, «*moqadaq hildü*» – тупой меч [1, с. 184-185, 237-238, 449-450]. Последние мечи, использовались для учебных целей.

У Киракоса Гандзакеси приведено похожее слова названия меча – «*иолту*» [2, с. 173]. Есть и другие названия, например, «*мэсэ*» – прямой меч

¹⁴¹ По сообщению Матвея Меховского в «Татарии» и «Турции» используют клыки моржей «для выделки рукоятей мечей сабель и ножей, так как своим весом эта кость увеличивает силу и тяжесть нажима, к выгоде ударяющих, работающих, сражающихся и убивающих», добываемых в странах Севера – «Югра», «Корела» [18, с. 118, 83-84]. Насколько это соответствовало реалиям сказать трудно.

[8]. Интересно, что в адыгском фольклоре XIX в. упоминаются мечи – *маисэ* [19, с. 68].

В словаре Махмуда Кашгари «*килиж*» – меч [4, с. 342]. В «Тюркско-арабском словаре» «*қылыч*» это вообще и меч, шашка, сабля [5, с.161]. Позднее в тюркских языках «*қылыч*» или «*қылыш*» прочно закрепилось за саблей. Слово сабля встречается во всех славянских языках. Существуют версии, что это слово происходит от камско-булгарского *Sabja* или от мадьярского корня *Sab* – резать. В немецкий язык данный термин попал около 1500 г. из западно-славянских языков (польс. – *Säbel*). В древнерусском языке слово сабля, скорее всего, появилось в X в. а укоренилось к XII в., о чем свидетельствует «Слово о полку Игореве». Возможно, что сабля – происходит от тюрк. *Sab* 'ручка', *сабль* 'с ручкой' [20, с. 34-35]. Есть и другие версии. В конце XIX в. предполагали, что сабля производное от арабского *сейф*, санскритского *шубра*, что значит «сияющий», бактрийского *суфра* (*сувра*) – сабля ил греческого «согнутый» [21, с. 507].

Под понятием («*hildü*», *üldü*», «*yüldü*») у монголов по всей вероятности имелось в виду длинное клинковое оружие вообще, включая мечи, сабли и палаши, т.е. это обобщенное название выраженное одним термином.

Знакомы были монголы и со знаменитыми во всем мире индийскими клинками, о чем свидетельствует выражение «*hindustānu hildü*» – индийский меч [1, с. 185].

В средние века тюрки называли булатное железо – «*bulad temür*», а клинок, выкованный из него «*fülād qilič*» – булатный меч (сабля) [1, с. 403, 404]. В русском языке ранее использовалось понятие *харалугь*, для обозначения особого сорта доброкачественной стали (с особым черным отливом), впоследствии в новом русском языке был заменен более понятным термином – *булат*, *булатный*. Слово *булат* – широко известный тюркизм – один из видов доброкачественной стали [20, с. 36, 42]. У В.И. Даля *харалугь* – цветистая сталь, булат. *Харалужный* значит стальной [22, с. 542]. Для булата присущи такие качества как высокая твердость, упругость, вязкость с примечательным узором, образованным при обработке металла. Булат получается в результате сплава железной руды с графитом или чугуном.

Определенное место в арсенале боевых средств рукопашного боя занимало короткоклинковое оружие – кинжалы («*қанjar*» [1, с. 384]) и ножи. Популярностью у монгольских воинов пользовались боевые ножи. Они назывались «*qituyā*» (тюрк. «*pīčaq*») или «*kituyā*» – нож, «*kituyat*» во множ. числе – ножи. Отдельные детали: «*qituyayin niši*» («*pīčaq sapī*») – черенок (рукоять) ножа, «*qituyayin qui*» («*pīčaq qīnī*») – ножны ножа. Мастер – «*qituyāčī*» («*pīčaqčī*») – ножовщик, т.е. специалист, изготавливающий нож [1, с. 299, 440]. У Рашид ад-Дина нож по-монгольски – «*китуга*», «*хотуга*», «*хотага*» [15, с. 118], что близко к варианту «Муккадимат ал-Адаб». Такие ножи достигали в длину 40 см, как правило, имевшие рукоять «в виде бруска с обоймой внизу и навершием сверху» и ложились в деревянные ножны «*[modun]* «*qui*» [1, с. 445] или «*гэрд*» покрытые кожей с металлической оковкой и декором [12, с. 20].

Клинковое оружие хранилось в деревянных ножнах, обтянутых кожей и крепилось к специальному поясу-портупее, («*büse*» или «*qur*» – пояс [1, с. 434, 310]).

Защитное вооружение. В языке средневековых монголов по данным монгольского словаря панцирь назывался «*jebsek*»¹⁴² («*sayit*» тюрк.). Вместе с тем, вероятно, применялся такой термин как «*köhē*» (панцирь) имеющий, возможно, тюркские корни. Встречаются в средневековых глоссариях и производные словосочетания «*köhē ömüsbe*» – надел панцирь, «*köhētü ere*» – мужчина в панцире, «*toquba köhēyi*» – соткал панцирь, «*köhēçi*» – изготавливающий латы (в широком смысле защитное вооружение) [1, с. 204, 220, 351, 405]. Приведенные последние понятия со всей очевидностью могут свидетельствовать о производстве панцирных доспехов самими монголами уже в ранний период военной истории. По словарю Артак Малик-зода общим словом, обозначающим панцирь, у монголов был «*хуяг*». О разнообразии панцирных доспехов указывают такие термины как «*хатангу дэгэл*» – халат из мягких материалов, усиленными элементами типа зерцало, наплечники и т.д., «*хуус хуяг*» – панцирь из кожаных пластин, «*чаргах*» – собственно мягкий панцирь сделанный из органических материалов (кожа, мех), носившийся в сочетании с более надежными панцирями, «*худесуту хуяг*» – ламеллярный или ламинарный доспех. Отдельная набрюшная (большая?) пластина называлась «*кюрчэ*» [8]. Скорее всего, судя по всему, словарь Артака был создан на основе ранее подготовленных и изданных работ М.В. Горелика по монгольскому оборонительному вооружению, но, правда, даже без общих ссылок на этот источник.

Кольчуга. Именно по отношению к кольчуге в списке монгольских слов из глоссария Ибн Муханны использовано понятие «*quyaq*» [1, с. 446]. Возможно, это слово в целом обозначало защитное вооружение вообще, включая и кольчугу и ламеллярно-ламинарный (пластинчатый) панцирь. У В.И. Даля «*куяк*» одновременно это и шлем, каска (?), колпак (?). А в старину «щитковые, чешуйные или наборные латы, из кованых пластинок по сукну» [16, с. 230].

Наряду с хуягом широко использовались тюркские термины «*куба*», «*ярык*», «*ярак*», персидское слово – «*зирех*» [23, с. 185-186]. Действительно, в средневековых словарях часто встречаются такие термины обозначающие защитные доспехи, в том числе и кольчуги. Например, у Махмуда Кашгари «*сәй йарик*» – «панцирь, броня» [4, с. 858, 751]. В «Тюркско-арабском словаре» «*йарык*» – оружие, снаряжение, броня, кольчуга, панцирь, «*кубе*» – кольчуга [5, с. 124-125, 150]. Это слово можно сблизить с тюркским понятием «*кубе*» – кольцо кольчуги, кольчуга в целом [5, с. 150], хотя возможны и другие варианты объяснения. В словаре Махмуда Кашгари «*кубā*» – кольцо, «*кубā йарик*» – «кольчуга из металла» [4, с. 905], что подтверждает тюркское происхождение этого наименования. В том же

¹⁴² В оригинальной части «Чингиз-наме» Утемиша Хаджи словом «*жібә*» передано понятие кольчуги [24, с. 134].

словаре «Муккадимат ал-Адаб» приводится дополнительно список тюркских слов, в котором «*köbe*» означает кошму [1, с. 405].

Шлемы. Шлем по-монгольски назывался «*da'ūlya*» или *даулга, дуулга, дулга*. В параллельных средневековых тюркских глоссариях шлем или каска – *ашық*. Варианты: *йашық, йашық, ашық, йашық, ашық* [5, с. 89]. Указана там же и такая необходимая деталь оголовья как наглазник «*sarabčī*» [1, с. 403, 446]. Средневековые тюркские и монгольские боевые наголовья снабжались длинным шпилем, украшавшиеся на конце ярким цветным флажком «*йа(я)лав*», «*йалау*», «*жалау*» (срав.: старорусс. – «*яловец*»). Последнее может свидетельствовать о том, что термин «*яловец*» попал в славянские языки из тюркского военного глоссария, также как сам тип такого боевого шлема был заимствован у степных тюрков Евразии.

Щиты. Монгольское название щита – «*qalqan*» (из глоссария Ибн Муханны) и соответствующие производные: «*qalqan jasaqčī*» («*qalqan yasayučī*» тюрк.) – изготовляющий щиты, «*qalqan ügei ere*» («*qalqansız ere*» тюрк.) – мужчина без щита, «*qalqanla'ā saqiba öri'ēn*» – защищался от него щитом, «*qalqatu ere*» – вооруженный щитом мужчина [1, с. 444, 290]. М.В. Горелик по отношению к монгольским щитам применяет термин «*халха*» и объясняет его происхождение от монгольского глагола «*халхасун*» – сплести из прутьев. Монгольское *халха*, поясняет он, имел концентрическое прутьяно-нитяное плетение [25, с. 259-260; 26, с. 187]. В тюркских средневековых глоссариях понятие щит передается близким словом «*калкән*» [4, с. 412, 751, 1029] или «*қалқан*» [5, с. 156]. В разбираемом оружейном контексте, корень этого термина имеет, скорее всего, общие истоки, и не столь принципиально важно для нас какого он происхождения: тюркского или монгольского.

В осадах городов крепостных укреплений и при открытых боевых схватках в полевых условиях монголы применяли большие станковые прямоугольные щиты – «*чанар*», сплетенные с внутренней стороны из прутьев, а с внешней стороны имеющие деревянное покрытие обтянутых кожей. Другое тюркское название таких щитов – «*tura*» [1, с. 407].

Защитная попона коней. Как следует из дополнительного списка тюркских слов к монгольскому словарю «Муккадимат ал-Адаб» такое оборонительное оснащение коня средневековые тюрки называли «*kičim*» – конская кираса. Кроме того, существовало даже такое понятие как накрыть лошадь попоной – «*yapıq yapı atqa*» [1, с. 405, 408]. Из этого словосочетания понятно, что защитная попона боевого коня называлась по-тюркски «*yapıq*», поверх которой, видимо, одевалась конская кираса «*kičim*». Само понятие кираса, как следует из специальных оружейно-исследовательских исследований, подразумевает ламинарный тип панциря и сплошной покров доспеха.

Как видно из вышеприведенных сведений различных письменных источников восточного происхождения (сохранившиеся словари, глоссарии, словники) оригинальный язык тюркских и монгольских номадов евразийских степей обладал развитой военной терминологией и отражал разнообразные сведения по комплексу вооружения, его производству и применению.

Список литературы

1. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-Адаб / Труды института востоковедения XIV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Ч. I-II. 452 с.
2. Киракос Гандзакечи. История Армении. / Пер. с древнеар., пред. и коммен. Л.А. Ханларян. (Памятники письменности Востока LIII). М.: Наука, 1976. 357 с.
3. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с. + III-XXXVIII.
4. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер., предислов. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 288 с. + 2 с. вкл.
5. Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. 234 с.
6. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. А.И. Малеина. М.: Изд-во географ. лит-ры, 1957. 270 с.
7. «Жизнеописания знаменитых» // Золотая Орда в источниках. Кит. и монг. источники (Собрание сведений, относящихся к истории Золотой Орды (улусу Джучи) из китайских и монгольских источников). Пер с кит., состав., введ. статья и коммен. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. Т. III. С. 221-251.
8. Артак Малик-зода. Монгольский военно-исторический словарь // http://xlegio.enjoy.ru/pubs/mongol_voco/mongol_voco.htm
9. «Сокровенное сказание монголов». Пер. Козина С.А. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1990. 318 с.
10. Шараф-наме-йи шахи // Материалы по истории казахских ханств (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. С. 237-312.
11. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. III. 340 с.
12. Горелик М.В. Армии монголо-татар X – XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.
13. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ. коммен. и прилож. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
14. Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 212-227.
15. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т.1. Кн.1. 221 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т.1.: А-З. 699 с.
17. Винклер фон П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М.: «Менатеп», «Наука», 1992. 330 с.
18. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1936. 288 с.
19. Панеш Э.Х. Холодное оружие адыгов (к вопросу об эволюции) // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии,

Казахстана и Кавказа. Сборник музея антропологии и этнографии XLIII. Л.: Наука, 1989. С. 61-71.

20. Махмудов Х.Х. Тюркизмы в языке русских памятников XI-XIV вв. (1943 г.) // Русско-казахские лингвостилистические взаимоотношения. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. С. 9-78.

21. Военное дело. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Ред-сост. И.Е. Арясов. М.: Вече, 2006. 640 с.

22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Р-г. В 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т.4. 688 с.

23. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163-208.

24. Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости. «Чингиз-наме» / Факсим., пер., транскрип., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Комментар. и указат. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 87-145.

25. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 244-269.

26. Горелик М.В. Халха – Калкан (монгольский щит и его дериваты) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Под ред. А.А. Бурханова. Казань: «Фэн», 2004. Вып. 4. С. 182-195.

ПРИРОДА МИГРАЦИИ В СРЕДЕ ЕВРАЗИЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Оразбаева А.И.

Алматы, Казахстан

Институт дипломатии

Академии государственного

управления при Президенте РК

Мигрант – это беглец, покидающий местность, когда она исчерпала свои ресурсы.

Кочевник никуда не бежит, не хочет бежать: он срастается с этим гладким пространством, где лес редееет, а пустыня или степь разрастается.

Жиль Делез. Феликс Гвартари. Трактат о номадологии...

Несмотря на неоднозначность оценки исторической роли кочевников в мировой истории, взаимодействие евразийских кочевников с обществами Старого и Нового Света всех исторических эпох: древности, средневековья, во-временном, с Западом и Востоком в-пространственном, традиционными и современными типами обществ или культурами и цивилизациями, в социокультурном измерении - неоспоримый исторический факт.

Общеизвестно также, что ранние и поздние кочевники Евразии, рубежом между которыми по определению номадологов выступает сер. I тыс. н.э. активно вовлекались в миграционные процессы, охватившие территории с границ Китая до Западной Европы. Не вдаваясь в детали географии, хронологии, причин, одним словом параметров миграций и этнической принадлежности кочевых народов Евразии, в качестве примера достаточно было бы упомянуть об амплитуде передвижений западных гуннов, положившим начало Великому переселению народов и придавшим, тем самым, импульс миграционным процессам мирового масштаба.

Характерные для цивилизации кочевников евразийских степей (в дальнейшем употреблении сокр. - ЦКЕС) признаки воинственности, мобильности, динамизма, импульсивности (и как их последствие – специфика военно-стратегической организации, активизировавшая отдельных “личностных атрибутов” на неоднократные завоевательные походы в разные части Старого и Нового Света) привели, в конечном итоге, к созданию в лоне чужеродных цивилизаций ее трансплантированного вида. Примером тому служат империи гуннов в Восточной Европе и Передней Азии, созданные усилиями легендарного Атиллы (Едил), или же – государство мамлюков, всемерно насаждавшее на Ближнем Востоке культурные традиции Дашт-и Кипчака благодаря деятельности своего правителя – султана Бейбарса и других доблестных сыновей степи, оказавшихся на чужбине, о которых было сказано, что “Три или четыре азиатских кочевника, которые заставили нас распутывать сплетение истории, кажутся нам исключительно единственными, кто оставил свой след в

истории, но это происходит только из-за нашего собственного игнорирования их истории” [1, с.6].

В данном контексте необходимо учесть, что историческая личность, ее роль является результатом, по крайней мере, двух слагаемых: социальных условий и общественной потребности, с одной стороны, а с другой – качеств конкретной личности. Обретаемая исключительно вследствие синтеза социального фактора и харизмы, энергия дает возможность как определенной личности, так и целостному социальному организму мощный импульс к самореализации.

Главными фигурантами миграционных процессов, развернувшихся в рассматриваемом ареале выступали представители оседлого и кочевого миров, население степи и леса, носители традиционных и технотронных цивилизаций, обитатели различных антропоэкологических систем. Соответственно природа обсуждаемого предмета, причины возникновения, а также характер миграций имели здесь свои отличия. Приведем лишь один азбучный пример: при абсолютно идентичных параметрах населяемой площади и численности населения, в силу специфики вида жизнедеятельности, кочевые общества требовали территорий более внушительных размеров, нежели земледельческие; различны здесь также политические и экологические мотивации миграций. Следовательно, необходимо, прежде всего, выработать универсальный критерий измерения миграционных процессов, которые позволяют в одной системе оценок рассматривать историко-культурные реалии обозначенных социоприродных систем.

Разбор соотношения понятий «миграция» и «кочевой мир» подтверждает взаимообусловленность внутренней природы данных констант. Понятие миграция, берущее начало от латинского слова «migratio» [2, 309], обозначает переселение, перемещение населения., т.е. в тривиальном значении речь идет о движении какого-либо населения в определенном пространственно-временном отрезке. Однако здесь следует обратить внимание на отличие координации движения в традиционном кочевом обществе, имеющую собственную биологическую и социокультурную особенность и основания. У каждого народа есть свои привычные движения, связанные с тем или иным видом хозяйства или образом жизни. Изначальная характерность именно для евразийских кочевников – всадничества, преобладающая содержание в социогенотипе черт: воинственности, мобильности, динамизма, импульсивности объясняет суть ряда рассуждений зарубежных исследователей о том, что: “Кочевник, очевидно, движется, но движется сидя... Неподвижность и скорость, оцепенение и порывистость, “стационарный процесс”, неподвижность как процесс”[3, с.186–187].

Так, согласно мнению автора данного высказывания, известного французского исследователя Жиль Делеза, по сравнению с земледельцем кочевник владеет абсолютным движением или скоростью, поскольку :

- «...жизнь кочевника – это интермеццо. Кочевник не тоже самое, что мигрант: мигрант всегда перемещается из одного пункта в другой, даже если этот пункт еще ему неизвестен. Кочевник же движется из одного пункта в

другой только в силу фактической необходимости – в силу смежности этих пунктов на трассе, пункты – это связки его пути»;

- «...хотя маршрут кочевника может проходить по обычным дорогам, это не та дорога, которую знают оседлые народы. Та дорога делит пространство, предоставляя каждому определенную часть этого пространства и обеспечивая связь частей. Маршрут кочевника – полная противоположность дороги. Он делит людей в открытом пространстве – неочерченном и несвязном».

Ведь на самом деле, обладающие внутренней целостностью в восприятии кочевника, такие понятия, как: земля, путь, пространство, имеют несколько иное, нежели привычное в представлении земледельца предназначение и замысел. Отношение к Пути, как к собственной жизни, к Земле, как к источнику своего жизненного начала, обители своих предков, восприятие пространства «на слух и на ощупь» требуют изменение самой формы исторического измерения данной социальной действительности. То есть современные параметры теории миграции, их классификация не могут и не должны прикладываться в буквальном смысле, в виде единственной верной схемы к основе изучения своеобразия кочевого общества, поскольку: «Дух ландшафта обуславливает различия в пространстве, дух эпохи – различия во времени. Если бы не было (расообразующего) духа ландшафта, то люди одной и той же эпохи были бы везде одинаковы в своих основополагающих духовных качествах. Если бы не было (расоизменяющего) духа времени, то люди одной территории были бы в сути своей всегда похожими» [4, с.17].

В осмыслении природы миграции в кочевой среде особую значимость приобретает также характер связи кочевого организма с территорией. Так, по сравнению с фиксированными территориальными границами геосоциальных организмов, границы территории демосоциальных организмов обладали естественной пространственной структурой. Не затрагивая здесь сложную проблему о природной предначертанности контуров естественных территориальных границ кочевников Евразии, отметим, что в силу подвижности хозяйственной жизнедеятельности, они обладали большей степенью независимости от занимаемых ими территорий, нежели, напрямую зависевшие от изначально занятых определенных мест в пространстве, оседло-земледельческие хозяйства. Выражением такой самостоятельности демосоциальных организмов по отношению к территориальному фактору следует признать мобильность всего социального образования как единого целого.

Государственность кочевников евразийских степей отличало постоянное движение отдельных социальных организмов внутри одной целостности, которое в свою очередь определялось сущностными чертами цивилизационной структуры и исторически обусловленными внутренними и внешними импульсами. Именно по этой причине типичными признаками политико-потестарной системы кочевников выступали, выделяемые номадологами: эфемерность и временный характер; милитаризованность, нестратифицированность, экономическая автаркичность, двойственность природы степных империй – централизованных во внешних делах, но

консультативных и гетерогенных внутренне; отсутствие бюрократического аппарата, управленческо-редистрибутивной деятельности; отсутствие системы престолонаследия и т. д.

Социальная принадлежность любого уровня у кочевников имеет свойство реализации посредством гибкости собственной общественной организации через свободу перестройки их социальной структуры. Такая особенность трансформации кочевых организмов во временные, единые, гомогенные общности при возникновении экстремальных ситуаций обусловила концентрацию чиновничьего аппарата номадов в военной и судебной сферах. Следовательно, закономерным выглядит то, что управленческие структуры кочевых государств, стоявшие над традиционными социальными институтами, складывались у кочевников не в результате классовобразования, а на базе военной и родоплеменной организации, и государственная власть здесь исторически возникла через переход военно-демократических форм организации в военно-потестарные структуры, в вождества, а от вождеств уже в государственную структуру так называемым в государствоведении “аристократическим путем”. Такие системы общественных связей лежат как в основе военной организации номадов – “народа-воина”, и являются, прежде всего, знаком культурной традиции кочевников, так и в основе политической организации “народа вольного” (КАЗАХ!), независимого, свободолюбивого, выступающего также знаком своей культурной самоидентичности.

Характер территориальной организации кочевых народов евразийской степи обнаруживают очевидное присутствие в нем специфических особенностей, несводимых к традиционным западному и восточному аналогам, поскольку здесь заметную роль сыграл именуемый исследователем У. Айонсом географический “фактор своего поля” [5, с.26], в соответствии с которым механизмы и способы территориальной организации отличаются чрезвычайной мобильностью.

Государственность кочевников евразийских степей отличало постоянное движение отдельных социальных организмов внутри одной целостности, которое в свою очередь определялось сущностными чертами цивилизационной структуры и исторически обусловленными внутренними и внешними импульсами. Возможно, именно по этой причине наблюдаемые исследователями “перетекание”, “взаимопревращение”, “легкий переход” (по Шахматову), “текучесть”, “способность к перестройке” (по Хазанову), одним словом трансформация общественной организации номадов, на наш взгляд, объясняется все той подвижностью структурно-функциональной конституции социальных институтов ЦКЕС, обусловленной природой кочевой жизнедеятельности. Если в хозяйственно-экономическом аспекте такая трансформация кочевого социума предполагала приспособляемость кочевых общин к условиям окружающей среды, то в военно-политическом – мобилизацию социальных единиц соответственно внешнеполитическим условиям в военные подразделения по тем же родовым, племенным и жузовым признакам. На личностном уровне такая трансформация объясняет феномен категории “кочевник-воин-всадник”.

Или же другой пример, касающийся наблюдаемой на исторической сцене евразийских степей волнообразной смены кочевых конфедераций друг с другом: саки-гунны-тюрки-монголы-казахи, при которых изменению подвергается лишь внешнее их наименование, а неизменным остается “ядро” ЦКЕС, “состоящее из культурных смыслов, ценностей и норм или интересов, которые и служат причиной, целью и основой организации и функционирования этой социальной общности” [6,с.50], сущность самого кочевого образа жизни, органично продолжающего процесс совершенствования всех подразделений общества эволюционным путем.

Интересно было бы отметить тот факт, что в кочевой среде как таковая отсутствует дефиниция “тұрғын”, которая явилась бы эквивалентом статичной категории “население” в оседло-земледельческом обществе, тогда как более адекватно отражающим правовое соотношение между государством и общностью людей здесь служил термин “жұрт”[7, б. 251], который, с одной стороны, выступая одновременно синонимом слова “ел”, “халық” (государство, народ), отражал их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность, а с другой – определял более динамичное состояние этнической общности данного типа государства.

Проблемы познания природы миграций в кочевой среде касаются также особенностей социоритмов, т. е. периодических колебаний различных показателей социальной среды евразийских кочевников. В социологии обозначены присущие для различных этапов жизни социальных систем: маятниковые (в период становления), круговые (в период роста), спиралевидные (в период расцвета) и волнообразные (в период падения) типы циклов [8] их динамики. И если при этом маятник и круг представляют: “...два последовательных способа циркулирования элементов и процессов социальной системы, ее функционирования и воспроизводства”, то “...изменение ее элементов и их развитие” сконцентрированы в циклах по спирали и волне, что проливает свет на проблему ощущаемых в развитии ЦКЕС “волнообразных” исторических процессов. Скажем, это содействует, в частности, объяснению механизма “прилива” или “отторжения” социокультурным организмом кочевников из своей среды необходимых на настоящий момент социальных групп (ханов, акынов, жырау, биев, батыров, иначе говоря, представителей “интеллигенции” традиционного периода в политико-историческом уразумении значения данного понятия), способных безболезненно разрешить переживаемое обществом то или иное критическое состояние.

В качестве примера можно было бы привести наблюдаемую на исторической сцене евразийских степей волнообразную смену кочевых конфедераций друг с другом: саки-гунны-тюрки-монголы-казахи, при которых изменению подвергается лишь внешнее их наименование, а неизменным остается “ядро” цивилизации кочевников евразийских степей, “состоящее из культурных смыслов, ценностей и норм или интересов, которые и служат причиной, целью и основой организации и функционирования этой социальной общности” [9,с.50], сущность самого кочевого образа жизни, органично

продолжающего процесс совершенствования всех подразделений общества эволюционным путем.

Существующие же мнения о постоянном прерывании культурно-исторической традиции в Великой степи, представлявшие ее в виде остатков культурного ландшафта разновременных цивилизаций, с которыми современное население не имеет ничего общего, вызваны, скорее, не недопониманием исследователями характера динамики исторических процессов ЦКЕС, заключающихся в ее волнообразном развитии в зависимости от природно-климатических условий, что в частности объясняет связывание Л. Гумилевым возникновения скотоводческих степных империй с периодами увлажнения степи, а эпохой ее упадка с периодами усыхания степи.

Таким образом, выше обозначенные теоретико-методологические замечания по изучению природы миграционных процессов указывают на различие их специфики в среде кочевников евразийских степей.

Список использованной литературы:

- 1 Груссе Р. История степей. История Центральной Азии (с древности до тринадцатого века). Учебное пособие. – Алматы: Санат, 2003. – 224 с.
- 2 Словарь иностранных слов. – 17-изд., испр. – М.: Рус. Яз., 1988. – 608с.
- 3 Жиль Делез, Феликс Гварати. “Трактат о номадологии” //Наука и культура. – 1992. – №2. – С.183–187.
- 4 Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. – М.: Альманах “Русская идея” (вып. 3, 2-е исправленное издание), 2000. – 448 с.
- 5 Кочевая альтернатива социальной эволюции. – Т. 5. – М., 2002. – 260 с.
- 6 Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 556 с.
- 7 Қазақ тілінің сөздігі. Алматы: “Дайк-Пресс”, 1999. – 776 б.
- 8 Цикличность в социальных системах (“круглый стол”) //Социс. – 1992. – №6. – С.36–46.
- 9 Поиск новых методов в исторической науке //Новая и новейшая история. – 1995. – №4. – С. 248–250.

ТҮРКІ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ РУХАНИ ОРТАҚТЫҒЫН ТІЛ ДЕРЕКТЕРІ АРҚЫЛЫ ЗЕРДЕЛЕУДІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Боранбаев С.Р.

А. Ясауи атындағы ХҚТУ

*Түркология ғылыми-зерттеу
институтының бас ғылыми
қызметкері, ф.ғ.д., доцент*

Қай халықтың болса да тілі сол халықтың тарихымен тығыз байланысты бола тұра, тілдің кейбір ішкі даму заңдылықтарын, мәселен, фонетикалық, сондай-ақ грамматикалық формалардың даму заңдылығын тек тарихи тұрғыдан қарастырып, сонымен ғана байланыстырып шешу дұрыс болмаса керек. Халық тарихының өзіндік, тілдің даму тарихының өзіндік қырлары, қағидалары, заңдылықтары бар. Барлық сыртқы лингвистикалық факторларды қоршаған ортаға – географиялық жағдайға қатысты қарастырған Ф. де Соссюр сыртқы және ішкі лингвистиканың өзара өте тығыз әрі қарама-қайшылықты байланысына тоқтала отырып, "...поскольку географический фактор тесно связан с существованием языка, и все же в действительности географический фактор не затрагивает внутреннего организма самого языка" дейді [1]. Сондықтан да бұл тілдер қаншалықты өзгерістерге ұшыраса да көне тілдің элементтерін бойында сақтайтындығы, барлығы да негіз тілдің белгілі бір дәрежедегі мұрагері болып табылатындығы даусыз. Түркі тілінің және оны алып жүруші «түркі» этнонимінің тарихы өте көне дәуірлерде кездесетіні туралы А.Ходжаев мынадай пікір білдіреді: «В древнекитайских письменных источниках этноним тюрк встречается уже 4700 лет до наших дней. Эти же источники свидетельствуют также и о том, что уже в те времена на территориях от Каспийского моря до территории Маньчжурии проживали древнетюрские племена и народности» [2]. Бұған дәлел ретінде көне Тұран жерінен табылып жатқан мәдениет ескерткіштерін айтсақ та жеткілікті сияқты.

Түркологияда бірінші кезекте тіл тарихы сөз етілсе, ол сөз жоқ ұлт тарихымен өзектес өріледі. Түрітаным ғылымындағы тарихилық болмыс түркі халықтарының тарихына үңілу ғана емес, бүгінгі түркі халықтарының мәдени, рухани ортақтығын тіл деректері арқылы зерделеу болып табылады.

Жаңа ғасырда түркологияда тіл білімімен қатар этнологиялық және мәдениеттанымдық бағытта зерттеулер жүргізу міндеті тұр. Түркітануға осындай қоғамдық, этностық, мәдени мән беруіміз бүгінгі күн талабы. Тарихи тұрғыдан қарастырсақ тіл тарихы ол этностар тарихы, мәдениеттер тарихы, мемлекет пен мемлекетаралық, халық пен халықаралық байланыстардың тарихы. Тіл арқылы тайпалар бір орталыққа брігіп, тұтас ұлт ретінде қалыптасты, ел болды. Ел болу идеясы байырғы түркі заманынан бастау алып, өз салт-дәстүріңмен өмір сүріп, мәдениетінді сақтау, өз дүниетанымыңмен жүріп тұру есте жоқ ерте заманнан басталған [3].

Сыртқы факторлар лингвистикалық жүйені толық өзгерте алмағанымен этностың қалыптасу процесінде, оның тілінің қалыптасуына негіз болған

туыс тілдердің немесе диалектілердің ерекше белгілерін білдіретін дыбыстық өзгешеліктердің тілдік заңдылыққа айналуына арқау болады. Өзге халық тілдері сияқты түркі халықтары тілдері де ұзақ әрі күрделі тарихи даму жолынан өтті. Негіз тілдің ғасырлар бойы үздіксіз дамуының нәтижесінде түрлі фонетикалық, морфологиялық, семантикалық өзгерістерге ұшырап, өз құрамындағы этностар тілдеріне ыдырауы, өзара қайта тоғысуы, іргелерін қайта ажыратуы, туыстас немесе басқа жүйедегі тілдермен тығыз қарым-қатынаста болуы, әр тілдің өзіндік ерекшеліктерімен, ішкі заңдылықтарымен, өзіне ғана тән сипат-болмыспен қалыптасуына алып келеді.

Дыбыс сәйкестіктерінің барлық халықтар тілінде орын алуы, әсіресе әрбір этностың негізгі сөздік қорының дамуына тікелей әсер етіп, сөзжасам факторларымен астарлас болуы, оларды тіл онтологиясымен, яғни адамзат тілінің пайда болуымен байланыстыруға жетелейді. Жаңа ұғымның пайда болуы дүниетанымдық шеңбердің кеңеюіне қатысты құбылыс болғандықтан танымдық процестер де сырт қалмайды. Тілдің таңбалық қасиетімен тікелей байланысты жазу таңбаларының пайда болғаны туралы зерттеуші О. Сүлейменов семасиографиялық кезеңде сөздердің бастапқы мағыналары оның табиғатына да ықпал етіп, бір түбірден тараған сөздердің тұлғалық өзгерістерімен қатар мағыналық дамуына да себепкер болатын дыбыстардың жаңа сапаға ие болуы олардың сәйкестіктерінің қалыптасуына да әсер етуі мүмкін деген пікір айтады.

Көне қыпшақ бірлестігінде болған халықтардың тілінде сол дәуірдегі ортақ тілдік белгілер күні бүгінге дейін жақсы сақталғаны туралы ғылыми деректер сарапталып, бүгінгі қыпшақ тобы тілдерінің етістіктерінің көпшілігі көне түркі ескерткіштері тілінде де кездесетіндігі дәлелденуде. Сондай – ақ тілдік қарым-қатынастың жандана түсуіне қоғамдағы әсерін тигізетіндігін айта келіп, қыпшақ тілдеріне калька арқылы келген етістіктердің аса көп емес екендігі де ескертілуде. Түркі тілдерінде етістікті сөз тіркестерінің байланысу формаларына қарай қалай бөлінетін болса, түркі тілдерінің қыпшақ тобындағы етістіктердің грамматикалық құрылымы сол үлгіде қарастырылып жүр. Мұндай құрылымдар қыпшақ – бұлғар тобының татар, башқұрт, құмық тілдерінде кең қолданылатындығы байқалады. Осыларға байланысты ортағасырларда қолданыста болған (Китаб булғат ал-Муштах...) бірнеше етістікті қазіргі түркі тілдерімен салыстыра қарағанды жөн санап отырмыз.

Түркі халықтарының барлығына бірдей, ортақ кәсібі болғаны белгілі. Осыған байланысты түркі тілдерінде қолданылатын ортақ сөздер өте көп. Осындай етістік бірліктердің семантикасы, олардың түркі тілдеріндегі орнын салыстырмалы түрде зерттеу, келешек осы саладағы ауқымды зерттеу жұмыстарына арқау болатындығын айтқанымыз абзал. Ал бұл жерде қыпшақ тобына енетін тілдердегі бірнеше етістіктің ортақ белгілері нақты салыстырылып беріледі. Нәтижелер осы саладағы теориялық және практикалық болжамдар мен сұраныстарды үйлестіруге қабілеттілігі бағамдары тұрғысында анықталады және біртұтас бірлік іспетті. Осы кезге дейін дыбыстық, грамматикалық тұрғыдан сөз болып жүрген жақын туыстас тілдердің етістіктерін өзара салыстыра зерттелінуі, қазақ тіл білімінің тарихи

лексикология салаларын тың деректермен толықтырылуы, теориялық тұжырымдармен байыпталуы, қыпшақ тобы тілдеріндегі етістіктердің ортақтығына көңіл бөлініп, салыстырулардың нәтижесі анықтау.

Дур//тур, дурды (71(р-в) (тұрды, болды, пайда болды), дур//тур (вставать, подниматься, стоять, находиться, быть, иметься, пребывать, жить, обитать, останавливаться, т.т., ДТС, 586). Тас-турғыл (стоять); бақа турғыл (прислуживать, нянчить); тек турғыл (молчать, умалчивать); өрү турғыл (вскакивать с места, вставать, подниматься). Жалпы түркі тілдерінде – тур//дур//төр//тұр. өте көп тараған, барынша жиі қолданылатын (көбінесе көмекші сөз ретіндегі тұлға).к. дурғур//турғурды.

Дурғур//турғурды (23(в) (тұрғызды). өзгелі етсе: турғур (заставить встать; поднимать; возводить, строить, скоружать; т.б., ДТС, 587). Қ. Дур//тур.

Дүнледі (домалды). Бұл сөздің графикалық тұлғасында ң дыбысы «нун» мен «кяф»-тің қосындысы арқылы беріледі, бірақ олардың орындары ауысып кетіпті: «кяф» алдымен жазылып, «нун» одан кейін түсіп тұр. Оның өзінде де «секун» таңбасының орнына екі рет «фатха» жазылып, тағы бір жаңсақ жазылу фактысы орын алып отыр.

Түркі тілдерінде бұл форма-синкретикалық түбір: тын (дыхание, дух) және тын –(дышать, отдыхать, успокаиватсы, обретать покой, останавливаться, прекращаться, ДТС, 567). Тың деген түбір түркі тілдерінде басқа мағына береді: звучание, звук; слушание, ДТС, 568.

Осыдан барып тыңчы (шпион), тыңчы-савчы (доносчик), тыңла (слушать, прислушиваться), ортақ етіс формасы-тыңлаш, өзгелік етіс – тыңлат. Оның ұяң дыбыс арқыл келетін варианты (дын//дін//дуң//дүн) жоқ (ДТС-да көрсетілмеген). Шу баста қате жазылған осы сөздің фонетикалық (дыбыстың) құрамындағы «кяф» әрпі артық жазылған болуы мүмкін, сонда бұл сөз дүнледі болып келеді. Жоғары аталған д//т заңдылығын еске алатын болсақ, түн формасының қалыптасуы жолы оп-оңай еске түседі, оның үстіне бұл жерде тек у//ү мен ы//і - дыбыстарының өзара аямасып келіп айтыла беретін ерекшеліктерін де еске алып өткеніміз артық болмайды. Абу Х. Ат-Тухфатта-тын. Бұл түбір басқа түрлі ескерткіштер (Кк, МҚ) мен қазіргі қыпшақ тілдерінде де бар: тас, 202; түрікменше-тінлен (Зайончковский) сөздің арабша аудармасы – истраха (отдыхать, отдохнуть). А. Зайончковский осы сөзді поляк тіліне дәл аударып берген.

Бүкті (ііп бүкті, сырын ішіне бүкті) Арабша баламасы – тавам (складывать, свертывать) және тамиун (держат в тайне, скрывать) деген екі түрлі мағына береді. Тас. – бүккіл (загибать, складывать), МҚ., КК., Абу Х, Эт-Тухфа, Ибн М., ноғ. – бүк, тат., башқ. – бог, қара қалп., құмық – бюк.

Бүрді (бұрды). Арабша аудармалары: фатала (вить, сучить, закручивать глаза). Эт-Тухфа. – бүр (вить, закручивать, крутить), Абу Х.-да осылай. Тас. – бүргіл (шить со складками), ХТ. – бур (вертеть, вращать, поварачивать), КК., МҚ. – бүр, тат., башқ. – бөр, ноғ., қара қалп., – бүр, құмық. – бюр. А. Зайончковский – бур, бурар, бұрды (крутит, вертеть, скучивать, поварачивать, сворачивать). Бұл көрсетілген авторлардың (Жамал әд-Дин Абу Мухаммад Абдуллах ат-Туркий, М.Т. Хоутсма және А. Зайончковский)

қай-қайсысы болса да, осы бір сөздің дәл бір мағынасын топ басып, тани алмаған, бұра тартқан – бұр (бұра, бұрау) сөзінің ыңғайымен аударған. Сондықтан А. Зайончковский қарақалпақ тілінде – бұр (повёртывать, поварачивать, сворачивать, отворачивать) сөзі бар деп көрсетеді, бұр (делать, складки, сборки) тұлғасы туралы үндемейді, өйткені бұл лексема өте сирек қолданылатын кәсіби сөз, оны тек тігінші шеберлер ғана болмаса, басқалар біле бермейді. Дегенмен, бұл да ертеден бері жұмсалып жүрген сөз.

Вурды (ұрды). Тас. – урды (бить, побить, ударять), ХТ. – вур, КК., Абу Х., Ибн М., Эт-Тухфа, Пд., МҚ., түрік. – вур, тат., башқ. – ор. Қолжазбада «вав» (و) әріпі «дамма» (د) арқылы өрнектелген вурды // ұрды сөздерінің қай түрі болса да, бір түбірден жасалған аллафондар. Ежелгі түркі сөзі: ұр (бить, ударит, выбивать – ДТС., 614).

Дағлады (дағылады). Бұл өзі сирек ұшырайтын сөз болса керек. Арабша баламасы – каван (жечь, прижигать, ставить тавро, гладить бельё, причинять боль). Абу. Х. – тағла (выжигать клеймо, тавро, клеймить; отмечать чем-л.), А. Зайонч. – «ставить знак прижиганием, ставить пятно». Бұған қарағанда, бұл сөз ертеден бері мал шаруашылығымен айналысып келе жатқан халықтардың арасында кеңінен қолданылғанға ұқсайды. Оның қарақалпақ тіліндегі мағынасы – доғла (прям. и перен.: 1) запятнать, 2) перен.: оставлять горкое чувство, печалить, приносить горе)

Дозадур, қ.: тозатты.

Долдур (толтыр) қ.: тотурды, алдүрді.

Дөпеледі (төбелеп өлтірді). П дыбысы парсы тіліндегідей, астына үш нокат қойылып жазылған (پ). Сөз түбірі (үш әріп) «фатха» арқылы өрнектелген. Абу Х. – тепеле, Эт-Тухфа. – «өлтүр». Түркі тілдерінде т//д заңдылығы тұрақты қолданылады. ДТС. – төпү (темя, макушка, головка), төпүле (бить по голове, 580)

Екті (екті). Тас. – еккіл (сеять, возделывать), Аф., Абу Х., Ибн М., Эт-Тухфа., МҚ. – ек, экті, түрік. – тат. – экмек, тат. – игү, ноғ. – эк, башқ. – игеу, қара қалп. – ек, ДТС. – ек (сеять, сыпать, 167).

Бүкті (иіп бүкті, сырын ішіне бүкті) Арабша баламасы – тавам (складывать, свертывать) және тамиун (держат в тайне, скрывать) деген екі түрлі мағына береді. Тас. – бүккіл (загибать, складывать), МҚ., КК., Абу Х., Эт-Тухфа, Ибн М., ноғ. – бүк, тат., башқ. – бог, қара қалп., құмық – бюк.

Дағлады (дағылады). Бұл өзі сирек ұшырайтын сөз болса керек. Арабша баламасы – каван (жечь, прижигать, ставить тавро, гладить бельё, причинять боль). Абу. Х. – тағла (выжигать клеймо, тавро, клеймить; отмечать чем-л.), А. Зайонч. – «ставить знак прижиганием, ставить пятно». Бұған қарағанда, бұл сөз ертеден бері мал шаруашылығымен айналысып келе жатқан халықтардың арасында кеңінен қолданылғанға ұқсайды. Оның қарақалпақ тіліндегі мағынасы – доғла (прям. и перен.: 1) запятнать, 2) перен.: оставлять горкое чувство, печалить, приносить горе).

Дартты (тартты, таразыға тартты, өлшеді), қ. тартты.

Дегшүрді (ауыстырды). Тас. – дегшүргіл (менять обменять), арабша – «менять, изменять», А. Зайон. – «менять, изменять», Аф. – декшүр. «Каф» (ك) әрпін к – деп те, г – деп те оқи беруге болады. Г//к – түркі тілдерінде бола

беретін тұрақты фонетикалық заңдылық. ДТС. – тегшүт «замена», МҚ.; ДТС. 549), қ.: ыбырықты.

Дузлады (тұздады), қ.: тұзлатты.

Екті (екті). Тас. – еккіл (сеять, возделывать), Аф., Абу Х., Ибн М., Эт-Туһфа., МҚ. – ек, эқді, түрік. – тат. – экмек, тат. – игү, ноғ. – эк, башқ. – игеу, кара калп. – ек, ДТС. – ек (сеять, сыпать, 167).

Дүшті (түсті, жерге түсті). Жоғарыда аталып отырған жазбалар мен тілдерде де осылай: тас, 207-түш, дөш, төш, түс; Абу Х., - дүш; ат-Туһфа – түш; ққ. –дюш, тюс, тюш. Түркі тілдерінде бұл сөз көп мағыналы (полисемантиялық) лексема болып келеді: түс//түш (падать, вклиться на землю, вниз, ниспадать; слезать, сходить, спешиваться; останавиваться, делать остановку; падать, выпадать; попадать, оказываться, делать остановку; падать, выпадать; попадать, оказываться, т.т., ДТС, 600).

Ейледі (істеді, солай етті). Абу Х. – ейле; ат-Туөфа- ассы ейле (делать себе выгоду); кауанин-ейле. Ейлемек – вспомогательный глагол, выступающий как синоним қылмақ и етмек «делать». (Нәжіп). Бұл автор «сохранилось в совр. Тур. И азерб. Языках; в узб. Уйг, татар, каз.- вытеснено его синонимами» деп жазады (77 б.).

Түрік тілінде – ейлемек (вспомогательный глагол) «делать, производить, совершать» (Турецко-русский словарь, М., 1945,182).

Ейүрледі (байыды). Қолжазбада «алиф» бастапқы әрпі «фатха» арқылы берілген (яғни он ашық, езу дауысты дыбыс болып оқылуға тиісті), аудармасы – арабша мала (быть богатым, владеть чем-Л.; снабжать деньгами, финансировать т.б.). мұны Зайончковский ейүрле (н) деп жазады да, жақша ішінде үйленүр, арабшасы - деп ескертеді, оны өзі «склоняться; направляться, руководствоваться» деп аударды. Арабша аудармасы мала (склоняться, наклоняться), тамаййала (наклоняться, склоняться; гнуться) болып айтылуға тиісті. әрі қарай бұл автормынадай салыстырмалы мысалдр келтіреді: МҚ. - өдрүл, арабшасы – маииаза (отличать, различать; вделять; давать предпочтение, т.б.) және хара (выбирать предпочитать, т.б.); ат-Туһфа-ейіл, майрыл, амыт (тәржімасы-мала); Аф-амиті (арбшасы-мала деп жазады да «склоняться» деп аударды). Осы жерде бір түсініксіз жай бар. әңгіме болып отырған екі қыпшақ сөзінің кейінгісінде (үйрлену формасында) бастапқы «алиф» таңбасы «дамма» арқылы берілген, бірақ осы екі сөздің екеуінде арабтың мала деген бір ғана өзімен аударуға болады: ол бірде «быть богатым» деген мағына берсе, енді бірде «склоняться» деген ұғым тудырады (қараңыз: Арабско-русский словарь, М., 1958,986 және 990-беттері). Сонда А. Зайончковский бір жерге сиғызып, бір реестр есебінде беріп отырған екі сөзді екі бөліп, екі реестр етіп, әрқайсысын өз мағынасы бойынша беру керек: ейүрлді – «байыды» және үйрленүр – «белгілі бір жаққа қарай қисайып, бейімделе бастады» деген екі түрлі ұғым туады. Қазіргі қазақ тілінде «үйір» деген сөз бар, мысалы, үйір болу, бір үйір жылқы, үйірлес, үйірлесу, үйірлеу, үйірлі, үйірлік, үйірме, үйірмелеу, үйірмелету, үйірсек, үйіру, үйірету, үйірім, т.б. Бұл сөздің ескілеу түрі – угур (стадо, табун, стая), үгүрлен (присоединяться к стаду, табуну, стае), үгүрлүг (табунный, имеющий стадо, табун, стаю, ДТС, 623). О бастапқы түрі уд//уз//ут (следовать,

присоединяться, ДТС, 608-606) болуы да мүмкін, бірақ бұл-өз алдына этимологиялық бір мәселе болып қарлуға тиісті, болмаса біздің сөзіміздің ұзаққа созылып, барынша жайылып кетуі де ықтимал. Бізге иісті керек болып отырған ұғым мынау: бір нәрсеге үйір болып (үйірленіп) кеткен адам да, мал да сол бір жағына қарай бейім болып («склоняться»етіп) тұрады ғой. Қаралып отырған реестр сөздің беретін өзіндік мағынасын қазақ сөзінің көмегі арқында нақтылай түсу оншалықты қиын емес. Алғашқы (ейүрледі) сөздің мағынасын әлі де болса зерттей түсу керек сияқты. Ол өзі эндемик сөз (белгілі бір ортада ғана жұмсалатын тұлға) көрінеді. Біз өз тұрғымыздан бұл екі сөзді екі айырып, екі түрлі реестрге бөліп беріп отырмыз.

Тіл дамуының әр кезеңде сөзді құрам көлемі мен мөлшері әртүрлі деңгейде болады, нақтырақ айтқанда ол, бір жағынан, жаңа ресурстармен толығып жатса, екінші жағынан, кеміп, азайып жатады. Мұны қолдан реттеп отыру мүмкін емес. Оны сол тұста жарыққа шығарылып, хатқа түсірілген дереккөздердің маериалын сұрыптау арқылы анықтауға болады. Біз үшін маңыздысы – осындай жазба мұрағаттар деректері арқылы оларда қатталып қалатын сол кезеңдегі тіл ұстанушының санасында нық орын тебетін ғаламның концептуалды бейнесін жаңғырту мүмкіндігі. Осыған қол жеткізген сәтте біз бабалардың *білімдер жүйесіндегі* маңызды ақпараттың кілтін де иемденеміз. Демек, ғасырлар бойы тарих қойнауында жатқанымен, көмесіленбей, қайта жарқырай түсетінасылға біртабан жақындай түсеміз деген сөз [4].

Пайдаланылған әдебиетер

1. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Введение в языковедение. Хрестоматия. – М., 2000.
2. Ходжаев А. Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников). Ташкент: Tafakkur, 2010.
3. Сабыр М. Б. Түркі тілдерінің лесиикалық сабақтастығы // Ү. Халықаралық түркология конгресі «Мәдени ықпалдастық және өркениеттер бірлігі». Түркістан, 2013. 166-170 б.б.
4. Сүйерқұл Б.М. Хорезмидің «Мұхаббатнамесіндегі» (ХІҮғ.) лингвосемиотикалық кеңістік. Алматы: Дайк-Пресс, 2011

XVI-XVII ғғ. АРМЯН ӘЛПБИІМЕН ЖАЗЫЛҒАН ҚЫПШАҚ ТІЛІ ЕСКЕРТКІШТЕРІ: ЗЕРТТЕЛУІ МЕН ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Құдасов С.Ж.,

М. Әуезов атынд. ОҚМУ

*Н. Келімбетов ат. «Түркітану» ҒЗО,
Шымкент, Қазақстан*

Моңғол шапқыншылығына дейінгі кезеңде Шығысында Ертістен бастап, Батысында Дунайға дейінгі аралықта қыпшақ тілі халықаралық тіл болғанын сол кездегі жиһангерлер жазып кеткен. Бұл жағдай моңғолдардың шапқыншылығынан кейін де таралу аймағын кеңейтпесе, бұрынғы қалпын бұзбағаны белгілі. Моңғолдар қыпшақтардың саяси үстемдігін жойып, біртұтас болып қалыптасып келе жатқан қыпшақ мемлекетін ыдыратып жібергенімен қыпшақ тілінің үстемдігін жоя алмады. Қыпшақ даласын мекендеген қыпшақ тілдес түркі халықтарының арасына өздері де сіңісіп кетті.

Моңғол жаулап алушылығына және соның негізінде пайда болған мемлекеттік құрылымдарға байланысты қыпшақ тілінің қолданылу аясы ұлғайып, Мысыр, Шам, Үнді елдеріне таралады. Алтын Орда хандарының жарлықтары мен Мысыр сұлтандарының жазбалары, Үнді сұлтанатының жәдігерліктері, Хорезмдегі әдеби шығармалар мен армян-қыпшақтардың түрлі жанрадағы жазба мұралары қыпшақ тілінде хатқа түскен.

XIII ғасырда қыпшақтар Европа елдері мен моңғолдардың ордасы тұрған Қарақорым арасын жалғастырып жатқан “алтын көпір” болғаны аян. Алтын Орда жерін аттап басқан өзге ұлт өкілдеріне қыпшақ тілін білу қажеттігі туындап, олар өздеріне тілмаштар жалдаған. Тіл үйрену үшін сөздіктер мен тілашарлар жасауға мәжбүр болған. Қыпшақ тілдес әлеуметтік ортаға түскен өзге ұлт өкілдері тілдерін ұмытып, қыпшақ тілінде сөйлеуге көшкен. Бұл, әсіресе, Ұлы Жібек жолы бойымен сауда-саттық жасаушы саудагерлерге тән болды. Діндерін ұмытпаулары үшін христиан дінінің канондары мен уағыздарын қыпшақ тіліне аударып, пайдаланып отырды. Іс қағаздары қыпшақ тілінде жүргізілді. Қыпшақ тілі отбасылық қолданыстан бастап, мемлекеттік тіл деңгейінде қызмет атқарды.

XI-XVII ғасырлар аралығында Қырым, Подолия, Польша, Венгрия, Египет аумағында руна, латын, араб, армян, славян жазуларымен хатқа түсіп, бүгінгі күнге жеткен печенег, қыпшақ (половец, куман) тілдеріндегі жәдігерліктердің қазіргі түркі тілдері арасында алатын орны жайында айта келіп, белгілі ғалым-түрколог Э.Р. Тенишев бұл ескерткіштердің қазіргі қазақ, қарақалпақ, ноғай тілдеріне өте жақын екендігін, қыпшақ ескерткіштері қазақ тілі тарихының ерте дәуірін зерттеуде аса маңызды қайнар көз болатындығына, аталған кезеңдегі жазба мұраларды жан-жақты зерттеу қажеттілігіне ғалымдар назарын аударған еді [1].

Осындай маңызды мұралар қатарына, қолда бар деректер бойынша, XIV ғасырда қазіргі Украина, Молдова, Румыния жерлеріне қоныс теуіп, қауым (община) болып өмір сүрген, христиан дінінің армян-григориан бұтағын

тұтынып, қыпшақ тілінде сөйлеген этникалық топтың армян әліпбиімен қыпшақ тілінде жазып қалдырған, сипаты жағынан әртүрлі, көлемі мол мұралары – армян-қыпшақ жазба ескерткіштері жатады.

Қыпшақ тілінің XVI-XVII ғасырлардағы сипатынан мол мағлұмат беретін, әзірге белгілі, жазба деректер, негізінен, қазіргі Украинаның Каменец-Подольск, Львов қалаларында армян әліпбиімен қыпшақ тілінде хатқа түсірілген, сипаты жағынан әртүрлі, көлемі мол жазбалар түркітану ғылымында “армян-қыпшақ” ескерткіштері деген шартты атаумен белгілі.

Біздің дәуірімізге жеткен жазба ескерткіштер XVI ғасырдың 20 жылдары мен XVII ғасырдың аяғын қамтиды. Одан бұрынғы кезеңде жазылғандары жоғалған, әзірше тағдырлары белгісіз. Дегенмен, кейінгі кездерде табылып жатқан қолжазба кітаптарға қарағанда [2] бұл мол мұраның ерте дәуірінен хабар беретін жазбалардың бір жерлерде сақталып, табылып қалуы да мүмкін. Олай деуіміздің себебі, 2012 жылы Украинаға барған іссапарымызда, Каменец-Подольск Армян войттығы сотының 1572-1663 жылдарды қамтитын қыпшақ тіліндегі 28 акт кітабы мен Андрей Торосовичтің «Философия тасының құпиясы» (1631) атты шығармасы сақталған Киевтегі Украина мемлекеттік тарихи мұрағатының директоры И. Кисиль мырзадан Беларуссиядан тағы бір акт кітабының табылғанын, бірақ оның XIX ғасырда украин тілінде жазылған еңбек екенін білдік.

Армян-қыпшақтардың жазба мұралары олардың экономикалық, саяси-әлуметтік, мәдени өмірінен мол мағлұмат беретін, жанры мен стилі жағынан әр түрлі, көлемі үлкен жадығаттар. Осы саладағы кейінгі зерттеулерде бұл жазба мұралар алты топқа бөлініп қарастырылып жүр: 1) тарихи жазбалар; 2) құқық кодекстері мен акт құжаттары; 3) филологиялық еңбектер; 4) діни әдебиеттер; 5) көркем шығармалар; 6) жаратылыстану-ғылыми әдебиеттер [3, 2002, 12 б.].

Армян-қыпшақ ескерткіштері Украинаның Киев, Львов қалаларындағы мұрағаттарында, Арменияның Ереван қаласындағы көне қолжазбалар кітапханасы Матенадаран қорында, Мәскеу, Санкт-Петербург кітапханаларында, сондай-ақ Польша, Франция, Румыния, Нидерланды, Италия, Австрия елдеріндегі мұражайлар мен мұрағаттарда, жеке адамдардың қолдарында сақталған.

Бұл мұралар Арменияда емес, негізінен, қазіргі Украинаның Каменец-Подольск, Львов қалаларында жазылған. Матенадаранда сақтаулы “Қыпшақ тілінің грамматикасы”, армянша-қыпшақша сөздіктер, жыл қайыру, діни еңбектер Украина жерінде жазылып, Арменияға кейіннен әкелінген дүниелер. Қыпшақ тілінде сөйлеп, христиан дінінің армян-григориан бұтағын тұтынған, қауым (колония) болып өмір сүрген бұл этникалық топтың қай халықтың – армяндар әлде қыпшақтар - өкілдері екендігі ғылымда басы ашық қалып келеді. Осы мәселеге байланысты пікір-таластарда: “Егер олар қыпшақтар болса, онда христиан дінін қабылдаған күннің өзінде ұлттық, рулық менталитеттерін жоғалтуға не себеп болды? Армяндардың әлемнің жартысын билеген қыпшақтарға діни, саяси әсері ондай дәрежеде бола алмаған, сондықтан олар қыпшақтар емес, Қырымда ассимиляцияланған армяндар” [4; 5; 6] деген пікірлермен қатар, лингвистикалық, яғни тілдік

тұрғыдан зерттеушілер тарапынан: “бір халықтың тілін екінші бір халықтың армян-қыпшақтар сияқты терең меңгеруі мүмкін емес, сондықтан олар – қыпшақтар болуы керек” деген пікірлер бар. Бұндай пікір қайшылықтары түйіні қиын бұл мәселені әлі де түбегейлі түрде, жан-жақты - этнолингвистикалық, экстралингвистикалық, тарихи-этнографиялық тұрғыдан зерттеуді қажет етеді.

Осы орайда Кавказ өңірінде, әсіресе Грузия, Армения жерін мекендеген, аталған елдердің саяси өміріне үлкен ықпал еткен қыпшақтар жайындағы деректердің негізінде кейбір ойларымызды ортаға салмақпыз.

XI ғасырдың 60-шы жылдарында қыпшақтың Шары тайпасының (орыс жылнамаларында – шары) Дон өзені мен Азау теңізін жайлағаны, кейінірек Қырым, Солтүстік Кавказды уысында ұстағаны белгілі.

Сол кездегі соғыс тәсілін жете меңгерген жауынгер қыпшақтармен одақ құруға Европа мемлекеттері, әсіресе орыс князьдары мүдделі болды. Осыдан келіп, саяси-әскери одақтастық, құда-андалық қатынастар көбейіп, ол өз кезегінде қыпшақтар тарапынан шапқыншылыққа ұшырамаудың кепілдігі ретінде бағаланған және реті келген ұрымтал сәтте қыпшақ әскери күшіне арқа сүйей отырып, өздерінің ішкі саяси жағдайларын реттеуге де мүмкіндік беріп отырған. Мұндай жағдай Кавказ елдерінің басында да болғаны мәлім. Қыпшақтардың грузиндерді шапқандары жайындағы деректер араб тарихшысы Ибн әл-Асир еңбегінде айтылады.

Грузия патшасы Давид IV билікке келіп, 16 жасында тақты иеленген (1089 ж.) кезеңде көшпелілер тарапынан үнемі шапқыншылыққа ұшырап отырған Шығыс Грузияның жағдайы өте қиын, Картли (тарихи атауы Қарталы - Карталиния. - С.Қ.) мен Кахетияның көптеген жері қаңырап бос қалған болатын. “Мемлекет селжүк сұлтанына салық төлеп тұратын. Ел ішіндегі биліктегі феодалдар – дидебулдар бір орталыққа бағынған билікті – монархияны мойындамай, әрқайсысы өз қарауындағы елге биліктерін жүргізуді мақсат етіп, ауызбіршіліктен айрылған еді”, - деп жазады Грузия тарихында [7, 193 б.].

Бұл жағдайды ауыздықтау Давид IV билік құрған 1089-1125 жылдары ғана, белгілі дәрежеде, мүмкін болады. Билікке таласып өзара қырқысқан феодалдар елді жаулап алған селжүктерге қарсы күресуге дәрменсіз еді. Бір орталыққа бағынған біртұтас Грузия мемлекеттігін құру үшін патшаға сенімді, күшті әскери құрылым қажет болды. Мұндай күш сол кезде Солтүстік Кавказ бен Дон, Қобан, Азау бойын мекендеген қабырғалы қалың қыпшақ елінің қайтпас қайсар жауынгерлері еді. Оның үстіне Давид IV қыпшақтың атақты ханы Шаруқанның ұлы Атырақтың (орыс жылнамалары бойынша) қызы Гурандухт (тарихи әдебиеттердегі Турандохт – туран қызы) ханшайыммен отандасқан, қыпшақ жұртына күйеу болатын. Қыпшақтар бұдан бұрын да грузин әскерінің құрамында әлденеше мәрте қызмет еткен [7, 194]

Давид патша 1118 жылы, қасына кеңесшілері мен нөкерлерін ертіп, Солтүстік Кавказды жайлаған қыпшақтардан келіп көмек сұрайды. Сол жылы Шаруқанның ұлы Атырақ (Артық болуы мүмкін, ол жайында кейінірек баяндаймыз) бастаған 45 мың (кейбір деректерде 40 мың) үйлі қыпшақ

Грузия жеріне өтіп, орналасады. Грузия тарихында екі жылдан кейін ол қыпшақтардың 40 мың атты әскер шығарғаны, сондай-ақ патша мен оның отбасын қорғайтын, *монасна* деп аталатын, 5 мың адамдық ерекше гвардия құрылғаны айтылады [7, 194 б.].

Грузин-тарихшы-жылнамашысы жазғандай “сатқын”, “екі жүзді”, “басбұзар” дидебул-феодалдарға қарсы осындай күшке сүйенген Давид патша енді түрік-селжүктермен батыл шайқасқа шығады. Ширван патшалығы мен Арменияны селжүктерден азат етуде қыпшақ қосындары алмас қылыштай жарқылдап, біртұтас Грузия мемлекетін құруда ерекше рөл атқарады. Осы қызметтері үшін Давид патша оларды ел басқарудағы маңызды орындарға тағайындайды. Қыпшақтар Грузия мемлекетінде үлкен саяси күшке айналады. Давид IV патша өлгеннен кейін (1125ж.) таққа отырған оның баласы Деметре I (1125-1156ж.), немересі – Георгий III кезінде қыпшақтар грузин патшаларына үлкен сүйеніш болады.

Георгий III патшалық құрған (1156-1184ж.) кезеңнің 1177 жылы әмірсыпасалар Иванэ Орбели өзінің сыбайластарымен бірігіп, патшаға қарсы көтеріліске шығады. Бұлғақты қыпшақ әскерінің күшімен басқан патша Орбелидің орнына қыпшақ Құбасарды тағайындайды. Осындай үлкен қызметтер Апридон, Құтлы Арсылан, Чиабер сияқты сенімді адамдарына да беріледі [7, 211 б.].

Георгий III өлгеннен кейін, 1184 жылы патша сарайындағы күрес оты қайта тұтанады. Георгий III патша көзі тірісінде, ұлы болмағандықтан қызы Тамараны тақ мұрагері деп жариялаған болатын. Тамара үлкен дау-дамаймен, қыпшақтардың арқасында таққа отырады. Бірақ грузин дидебулдары Құбасар, Апридон сияқты, Тамараға сүйеу болған тұлғаларды мемлекеттік биліктен кетіруді талап етеді. Жас патшайым олардың тілегін орындауға мәжбүр болады.

Осы кезеңде қаржы министрі Құтлы Арсылан патшаға бағыныштылығы болмайтын қаржы мекемесін құру талабын қояды. Мұның өзі қазақтың “Айрылысар дос ердің артқы қасын сұрайдының” кері болатын. Бұған қарсы шыққан дидебулдардың талабы бойынша Тамара патшайым Құтлы Арсыланды тұтқынға алады. Құтлы Арсыланның жақтастары (қыпшақтар) оның аман-есен босатылуын, болмаған жағдайда күш қолданатындықтарын айтып, патшайымға шарт қояды. Тіресерге сенімді серіктерінен айырылған Тамара “ханталапайға” түсіп кетемін бе? деп сескенгендіктен, Шығыс халықтарының дәстүрін есіне алып, абыройлы, беделді екі әйелді елшілікке жібереді [7, 213-214 б.]. Нәтижесінде екі жақ та келісімге келеді.

Қыпшақ әскелерінің араласуымен Давид IV патша, оның ұрпақтары Грузияға ұзақ жылдар билік жүргізеді, жау қолында кеткен жерлерін қайтарады. Қыпшақтар мемлекеттің ішкі-сыртқы билігіне араласады, билік жүргізеді.

Армян тарихшыларының жазбаларында хундардан бастап, барлық түркі халықтарын кейде *һон* деген жалпы атаумен, кейде өздерінің атауларымен беріп отырған. “*Солтүстіктегі халықтар*” деп те атаған.

XIII ғасырда өмір сүрген Киракос Гандзакецидің “Армения тарихы” еңбегінің 12-тарауында [8, 139 б.] қыпшақтардың Грузия патшасы Лаша

Георгиден (1213-1222 жылдары патшалық құрған, Тамара патшайымның ұлы) қоныс сұрағаны, тілектері орындалмаған соң, олардың Гандзак қаласының маңына орын тепкендері, армяндардың оларды өздерін грузиндерден қорғайтын күш ретінде бағалап, оларға азық-түлікпен көмектескені туралы айтылады.

Грузин патшасы бұған наразы болып, қыпшақтарға қарсы Иванэ бастаған қалың қол аттандырады. Қыпшақтардан ойсырай жеңілген грузин әскерлерінің қырылғаны қырылып, қалғаны қолға түседі. Қолға түскендерін қыпшақтар құлдыққа сататыны бар.

Бұл қыпшақтар, жоғарыда айтылған, Тамараның кезінде наразылық білдірген қыпшақтар болуы әбден мүмкін. Және осы кезде Солтүстік Кавказға енген монғол әскерлерінің басты жаулары да қыпшақтар болатын. [Қыпшақтардың сағын сындырмай жеңіске ие болу мүмкін емес екенін монғол әскербасылары терең ұғынып, қыпшақтарды жою саясатын ұстанғанымен, уақыт өте келе олардың өздерінің қыпшақтанып кеткені тарихтан белгілі шындық]. Қыпшақтардың ығысуының басты себебі де осы болуы ықтимал. Қалай дегенде де қыпшақтар енді армяндармен қоян-қолтық араласа бастайды.

Армян тарихшыларының еңбектерінде қыпшақтар мен армяндар арасындағы соғыстар жайында деректер кездеспеуіне қарағанда, олар өзара тату тірлік кешкен деп ойлауға болады.

Тамара патшайымның әскери қолбасшысы ағайынды әмірсыпасалар Закария мен атабек Иванэ Арменияны селжүктерден азат етуде үлкен еңбек сіңірген. Жаудан босатылған өңірлерден жер сатып алып, онда қоныстар мен шіркеулер салдырғаны жайында армян тарихшыларының еңбектері [8, 139 б.] мен эпиграфиялық ескерткіштерде нақты деректемелер келтірілген. Солардың ішінде атауын сақтағаны *Ғыпчах* (1946 жылдан Һарич) ауылы мен 1206 жылы салынған *Ғыпчакаванк* – (*ғыпчақ+аванг (монастырь)*) шіркеуі.

Армения Республикасының Түркиямен шектесетін Ширақ облысының Артик (Артық) деген аудан бар. Аудан орталығы Артик (қазіргі атауы) қаласының күншығысында 2-2,5 шақырымдай жерде, таудың баурайына қоныс тепкен Қыпшақ деген шағын ауыл бар. Ауылдың атын 1946 жылы Һарич деп ресми түрде өзгерткенімен, жергілікті тұрғындар күні бүгінге дейін бұрынғыша *Ғыпчағ* деп атайтындарын көрдік. Бұл осы жерге қоныс тепкен қыпшақтар жайындағы нақты мысалдың көрінісі. Туф тасынан қаланған монастырдың қабырғасында әр кезеңде қашалып жазылған жазулардың арасынан қыпшақтар жайында деректер кездесіп отырады. Ең соңғы дерек 1696 жылы жазылған екен. Соның бірінде Хупасарандардан жүзім сатып алынғаны айтылған. Яғни Артық ханның қосынымен Грузияға келген қыпшақтардың Арменияға да қоныстанғанын көреміз. Бұл ойымызды соңғы жылдары Арменияның Қазақстандағы елшісі болып қызмет атқарған, қазақ-армян халықтарының тарихи-мәдени байланыстары жайында еңбектер жариялап жүрген Э. Хуршудянның “Хупсаренц” – “Хупсардан шыққандар”, яғни әмірсыпасалар болған Қубасардың ұрпақтары деген пікірі дәлелдей түседі [9, 42 б.].

Грузияда билік басында болған Кубасардың ұрпақтары аталарының атымен аталуын заңды құбылыс, қазаққа тән дүние деп қарасақ, онда ауданның Артық атауын да, кезінде Артық ханмен Дешті Қыпшақтан Грузияға өтіп, бір ғасырдан кейін (әлде ертерек?) Арменияға қоныс тепкен, қолбасшысының атымен аталып жүрген Артық ханның қосынымен байланысты қарауға негіз бар. Арменияны мекен еткен қыпшақтардың уақыт өте келе Түркияға қоныс аударып, кейіннен Украина жеріндегі армян-қыпшақ қауымдастығының құрамына енулері де әбден мүмкін. Сөзіміз жалаң болмауы үшін XVII ғасырдағы Львовтағы армян интеллигенциясының өкілі, тарихшы Симеон дпир Лехацидің пікірін келтіргенді жөн көрдік. Оның айтуынша: «Львовские рамяне не знают армянского языка, но говорят польски и по-кыпчакски, то есть на татарском языке. Говорили, что местные армяне переселились [сюда] из Ани; согласно историкам, они (анийцы) разделились на две группы: одна пришла в Кафу и Аккерман, и до сих пор их [потомки] живут в Сулуманастре и говорят по-армянски; другая – в Анкурию (Анкара) и оттуда в Польшу» [10, 248 б.]. Украина армяндары мен армян-қыпшақтардың тарихын зерттеуші Я.Р. Дашкевич те қыпшақ тілдес армяндардың бір бөлігінің Анкарадан келгендіктеріне назар аударады [11, 293 б.].

Армян-қыпшақтардың жазба мұралары олардың экономикалық, саяси-әлеуметтік, мәдени өмірінен мол мағлұмат беретін, жанры мен стилі жағынан әр түрлі, көлемі үлкен жадығаттар. Армян-қыпшақ ескерткіштерін жариялауда Г. Алишан, Ж. Дени, Э. Шютц, Э. Трыарски, И. Вашари, М. Левицкий, Р. Кон, Т.И. Грунин, А.Н. Гаркавец, И. Абдуллин, Я.Р. Дашкевич сияқты ғалымдар көп еңбек сіңірді. Бұл саладағы зерттеулердің библиографиясы Я.Р. Дашкевич, А.Н. Гаркавец [12; 3, 20-27 б.] еңбектерінде келтірілген. Бұл тақырып соңғы кезде Түркия ғалымдары Мехмет Куталмыш [13-17], Надежда Чирли [18-20], Ердоған Алтынкайнак [21] тарапынан да зерттеле бастады.

Армян-қыпшақ ескерткіштері тіліне қатысты Т.И. Грунин, Э.В. Севортян, Дж. Клосон, Ж. Дени, И. Абдуллиндер тарапынан құнды пікірлер айтылды. Мысалы, академик Э.В. Севортяның пікірінше: «Ценнейшим памятником разговорных кыпчакских языков или диалектов конца XIII – начала XIV в. по-прежнему остается «Codex Cumanicus» (CC). Судебные акты из Каменца составляют другой важнейший источник, из которого отныне можно черпать сведения об одном из старокупчакских разговорных языков более позднего по сравнению с CC времени. Другие армяно-кыпчакские тексты можно было бы отнести к памятникам армяно-кыпчакского литературного языка, в котором мы вправе различать язык чисто религиозных сочинений, язык судебно-правовых документов и начатков художественной литературы назидательно-апокрифического направления» [22, 14 б.].

Зерттеушілердің көпшілігі «Codex Cumanicus» тілінің армян-қыпшақ ескерткіштері тілімен сабақтас, негізі бір екендігін және кейінгісі «CC» тілі мен қазіргі қыпшақ тілдерінің арасын жалғастырып жатқанын айтады. Дегенмен бұлар жарияланған түпнұсқалардың алғысөздері мен кіріспелерінде немесе қысқаша грамматикалық очерктерінде айтылған

пікірлер, ал армян-қыпшақ ескерткіштері тілінің проблемаларын зерттеуде А.Н. Гаркавецтің монографиялық еңбектерінің қыпшақтану саласында өзіндік орны бар.

А.Н. Гаркавецтің 1979 жылы жарияланған еңбегінде славян тілдерінің қоршауында қолданыста болған қыпшақ (армян-қыпшақ) тілінің конвергенциялануы жан-жақты қарастырылған [23].

Армян-қыпшақ ескерткіштері тілін морфологиялық және графо-фонетикалық тұрғыдан қарастырған енді бір еңбегінде А.Н. Гаркавец таңбалардың әртүрлі позицияларда қолданылуына талдау жасай отырып, ескерткіштер тілінің фонетикалық құрамын анықтайды. Дегенмен, кірме элементтердің дұрыс айтылуын қамтамасыз ету үшін транслитерацияға жүгініп отырғанды жөн көреді [24]. Бұл принципті ғалым өзінің армян-қыпшақ ескерткіштерінің каталогы мен мәтіндерін транскрипциялап берген іргелі еңбегінде пайдаланған.

Келесі монографиясы [25] Украинадағы урум тілі мен армян-қыпшақ ескерткіштері тіліндегі етістік категорияларын салыстыра зерттеуге арналған.

Армян-қыпшақ ескерткіштерін жариялауда қазақстандық түрколог-ғалым, «Codex Cumanicus» пен армян-қыпшақ ескерткіштерінің үлкен маманы Александр Николаевич Гаркавецтің атқарған қызметі мен еткен ерен еңбегін қыпшақтану саласына қосылған зор үлес деп бағалаймыз. Оның 2002 – 2010 жылдар аралығында «*Кыпчакское письменное наследие*» деген жалпы атаумен жариялаған үш томдық іргелі еңбегі қыпшақтану саласында бұрын-соңды жасалмаған, баға жетпес құнды дүние болып табылады.

2002 жылы Алматыдағы “Дешт-и Қыпшақ” Евразиялық зерттеу орталығынан шыққан «*Кыпчакское письменное наследие. Т.1. Каталог и тексты памятников армянским письмом*» деген атпен көлемі 1084 беттік еңбекте [3] 1519-1628 жылдар аралығында жазылып сақталған 109 қолжазба мен 1618 жылы Львов қаласында қыпшақ тілінде армян жазуымен баспадан басылып шыққан “*Алғыш бітікі*” – христиан діні дұғалары кітабының мәтіндері транскрипцияланып, көпшілігі орыс тіліне аударылып берілген, акт кітаптарының мазмұндалған каталогы мен мәтін үлгілері көрініс тапқан.

Қыпшақ жазба мұраларының екінші томы (2007 ж., көлемі - 912 бет) «*Кыпчакское письменное наследие. Т.2. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков*» деген атпен жарық көрді [26]. Мұнда, негізінен, діни шығармалар латын әрпімен транскрипцияланып, кейбірі орысшаға аударылған. Қарайымдардың дұғалықтары қарайым тілінде және орысша аудармасымен берілген. «Codex Cumanicus» ескерткішіндегі христиан дінінің уағыздары мен қыпшақ жұмбақтары теріліп алынып, транскрипцияланып, орысша аударылып берілген. Кіріспе мақалада ескерткіштің зерттелуі, шығарма жайында әр кездерде айтылған ғылыми пікірлерге қысқаша шолу жасалған, мәтіннің соңында әдебиеттер көрсетілген. Армян-қыпшақша діни шығармалар, осы шығармаларды түсіндіруге арналған Еревандағы Матенадаран көне қолжазбалар институтында және Львов, Санкт-Петербург, Вена қалаларында сақталған армянша-қыпшақша сөздіктер бір жүйеге түсіріліп, армян сөздері армян

әліпбиімен, ал қыпшақ сөздері, оқырманға ұғынықты болу үшін, халықаралық транскрипциямен берілген.

Еңбекте қарайым, құман-қыпшақ және армян-қыпшақ тілдерінде бір жанрдағы материалдардың берілуі - оларды лингвостилистикалық, этнолингвистикалық және лексика-лексикографиялық тұрғыдан өзара және қазіргі заманғы тілдермен салыстыра зерттеуге мүмкіндік берері сөзсіз.

Үш томдықтың соңғысы – 2010 жылы жарияланған көлемі 1802 беттік «Қыпшақ сөздігі» [27]. Сөздік – алғашқы екі томдықтағы мәтіндердің лексикасы толық қамтылған бірегей лексикографиялық еңбек.

Бұлардың алдында А.Н. Гаркавецтің жариялауымен 2001 жылы “Армянша-қыпшақша Псалтырь” (1575-1580) екі нұсқасы мен оған арналған армянша-қыпшақша сөздік [28], 2003 жылы “*Армян төре бітігінің қыпшақ-поляк версиясы және армян-қыпшақ іс жүргізу кодексі,*” Львов, Каменец-Подольский, 1519-1594 жж. [29] деген еңбек қазақ және орыс тілдерінде жарық көрді.

Бұл еңбектердің құндылығы - әлемнің түкпір-түкпіріне шашылып кеткен, әр кезде, әр елде жарық көргені бар, әлі жарық көрмегені бар қыпшақ жазба мұраларын бір жерге жинақтап, зерттеушілерге екі ғасырға жуық мезгілді қамтыған, түрлі жанрдағы мол материалмен жұмыс істеу мүмкіндігін жасағандығында.

А.Н. Гаркавец жариялаған бұл мұралар қыпшақтану саласына қосылған зор үлес екендігі, сонымен қатар қыпшақтану саласындағы соны ізденістерге, тарихи-салыстырмалы зерттеулерге жол ашатын еңбек екендігі ақиқат.

Түрлі жанрларды қамтыған армян-қыпшақ ескерткіштерінің тілі өте бай. Оларда түркі халықтарының мәдени-рухани дүниесіне, материалдық мәдениетіне, қоғамдық-әлеуметтік өміріне, кәсібі мен тұрмыс-салтына қатысты сөздер мен сөз тіркестері кеңінен көрініс тапқан. Бұл тілдік материалдар сотқа келушілердің аузынан тікелей жазылып алынған акт кітаптарының жазбаларында молынан ұшырасады. Баламасы жоқ ұғымдар мен атауларды беру үшін қыпшақ тілінің грамматикалық заңдылығымен жаңа сөздер жасап отырған.

Ескерткіштерде көрініс тапқан тілдік фактілер қыпшақ тілі лексикасының барлық тақырыптық топтарын қамтиды. Негізгі сөздік қорын жалпытүркілік лексика құрайды. Тарихи даму мен сыртқы лингвистикалық әсерлерден сөз мағыналарының кеңеюі және жаңа ұғымдарды беру мақсатында қыпшақ тілінің негізінде жасалған жаңа сөзқолданыс байқалады. Бұл үрдіс кірме сөздерден сөзжасамдық жолмен, яғни жұрнақтар жалғау арқылы жаңа сөз тудыруда да қолданылған.

Ескерткіштер тілінде сол дәуірге тән түрлі құбылыстар мен заттар атауы, халықтың наным-сенімінен, мәдениетінен хабар беретін сөздер молынан қамтылған, қыпшақ тіліндегі баламасы жоқ болғандықтан түпнұсқа тілден қабылданған кірме атаулар да бар. Сөздік құрамда төл сөздермен қатар кірме сөздердің қамтылуы барлық тілдерге тән құбылыс болып есептеледі. Белгілі бір тілдің лексикасын зерттеуде “... халық өмір кешкен табиғи жағдайларды, халықтың негізгі кәсібін, шаруашылық, үй-тұрмыс ерекшеліктерін,

қоғамдық-саяси құрылымын, халықтың көне наным-сенім ерекшеліктерін айқындап-нақтылауды өзіне мақсат етіп қоюға болады” [30, 12 б.]. Ескерткіштер тілінің негізгі сөздік қоры қазіргі қыпшақ және басқа да түркі тілдеріне ортақ сөздер, яғни жалпытүркілік сипаттағы сөздерден тұрады. Көне дәуірлерден жеткен түркілік сөздердің үлкен бір тобы, қазіргі түркі тілдерінің өзіндік жүйесін құрайтын фонетикалық өзгерістерге ұшырағанымен, негізгі тұлғалары мен лексикалық мағыналарын сақтағанын көреміз. Жазба дереккөздерге сүйене отырып, көне түркіден бастап, кейінгі дәуір ескерткіштері тілінен көрініс тапқан бұл сөздердің тілдің даму нәтижесінде фонетикалық, семантикалық, тұлғалық өзгеріске түсу процесін белгілі дәрежеде бағамдауға болады. Жалпытүркілік сөздік қор – қазіргі түркі тілдеріне ұйытқы болған, олардың одан әрі дамуына негіз болған ортақ қазына.

XVI-XVII ғасырларды қамтитын бұл мол мұраның тілін қазіргі түркі, оның ішінде қыпшақ тілдерімен тарихи-генетикалық сабақтастық, диахрониялық тұрғысынан зерттеу, ареалдық белгілерін айқындау сияқты өзекті мәселелерге ғалымдар назарын аударуымыз қажет.

Әр тілдің өзіндік даму процесі барысында өзгерістерге ұшырап отыруы заңды құбылыс, оның үстіне салыстырылып отырған тілдердің арасын жүздеген жылдардың бөліп жатқаны тағы бар. Қалай болғанда да өз дәуірінде Еуразияның апайтөс даласында, Дунайдан Алтайға дейінгі аралықта халықаралық тіл қызметін атқарған қыпшақ тілінің аймақтық ерекшеліктері болғанымен, олардың негізі бір, тілдік құбылыстары ортақтығын және қазіргі қыпшақ тілдерімен генетикалық сабақтастығын тағдыр тәлкегімен түрлі дәуірлерде, түрлі әліпбилермен хатталып жеткен жазба дүниелерге жан-жақты, тиянақты зерттеулер жүргізу нәтижесінде нақтылап, айқындауға қол жеткізуге болады.

Жалпытүркілік сөздердің армян-қыпшақ ескерткіштері тілінде ауыспалы мағынада қолданулары және бұрыннан бар сөздің негізінде жасалған туынды сөздер арқылы жаңа ұғымдар мен атауларды берулері бұл жәдігерліктер тілінің өзіндік сипатты ерекшелігі болып табылады.

Ерекшелігі - ұзақ уақыт өзге (славян) жүйедегі тілдердің қоршауында болғандықтан, сөйлемнің құрылысы бұзылып, сөздердің орын тәртібі өзгеріске ұшырағандығы. Армян жазулы қыпшақ ескерткіштері тілінің өзіндік морфологиялық ерекшеліктерін сөз еткенде туыс емес тілдердің қоршауында екі ғасыр бойы тірлік кешкен тілдің өзге жүйедегі тілдік ортада конвергенциялану процесі де есте болғаны жөн.

Бүгінгі күнге дейінгі армян-қыпшақ ескерткіштерінің жариялануы мен зерттелу деңгейін ескере отырып, алда уақытта аталған басылымдарды түпнұсқаларымен салыстыра отырып, мынандай бағыттарда ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізуді қолға алуымыз керек:

- түркология мен арменистикадағы еңбектерге және осы саладағы жаңа бағыттағы зерттеулердің нәтижелеріне сүйене отырып, ескерткіштер тіліне графофонетикалық талдау жүргізу арқылы фонетикалық жүйесін саралау, ескерткіштер тілін қазіргі қыпшақ тілдерінің дыбыстық жүйесімен салыстыру;

8. Киракос Гандзакечи История Армении. Пер. с древнеармянского, предисловие и примечания Л.А. Ханларян. –М.: Наука, 1976. – 357 б.
9. Хуршудян Э., Муканова Д. Из истории Армяно-Казахстанских отношений. - Ереван, 1999.
- 10.Симеон Лехацци Путевые заметки. Перевод с армянского, предисловие и комментарии М.О. Дарбинян. – Москва, 1965. – 322 б.
- 11.Дашкевич Я.Р. Вірмени в Україні: дорогами тисячоліть. Збірник наукових праць. – Львів: Від-во Львівського музею історії «Логос», 2012. – 1328 б.
- 12.Дашкевич Я.Р. Армяно-кыпчакский язык: Библиография литературы 1802-1978 // Rocznik Orientalistyczny. - Т. 40, z. 2. 79-86 бб.
- 13.Mehmet Kutalmış, On the Armeno-Kipchak // Karadeniz Araştırmaları, No. 2, May. 2004, pp. 35-43.
- 14.Mehmet Kutalmış, Ermeni Kıpçakçasında Olumsuzluk Şekilleri // İlmî Araştırmalar Dergisi, No. 17, May. 2004, pp. 133-141.
- 15.Mehmet Kutalmış, Kıpçak-Ermeni Dil ve Kültür Münasebetleri // (Mehmet Kutalmış et all.) in Dünden Bugüne Türk Ermeni İlişkileri (2. Ed.), 01/06/2006, pp. 67-74.
- 16.Mehmet Kutalmış, Ermenice ve Ermeni Harfli Türkçe Eserlerin Türk-Ermeni İlişkilerindeki Yeri // Ermeni Araştırmaları Kongresi, S, Ermeni Araştırmaları, 1. Türkiye Kongresi Bildirileri III. Cilt, III, 1, pp. 127-135.
- 17.Mehmet Kutalmış, Die armenisch-türkischen Sprach- und Kulturbeziehungen // (Mehmet Kutalmış et all.) in Zapadoslovanske Jazyky, v 21. Storoci, 01/11/2005, pp. 91-99.
- 18.Nadejda Chirli, Ermeni Kıpçakça Dualar Kitabı, ALGIŞ BİTİĞİ, Sota Yayınları, Haarlem, Hollanda, 2005.
- 19.Nadejda Chirli, Ermeni Kıpçakçasında Slavca Alıntılar Üzerine // Çukurova Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, S.14, C.1. - Adana, 2005.
- 20.Nadejda Chirli, Ermeni Kıpçakçasında Edat Gibi Kullanılan İsimler // Karadeniz Araştırmaları (Balkan, Kafkas ve Anadolu İncelemeleri Dergisi), Ukrayna Özel Sayısı. S.12, 2007.
- 21.Erdoğan Altınkaynak. Gregoryan Kıpçak Dil Yadigarları. -İstanbul, 2006.
- 22.Документы на половецком языке XVI в. / Подготовил Т.И. Грунин. – Москва: Наука, 1967. – 430 с.
- 23.Гаркавец А. Н. Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI-XVII вв. – Киев, Наукова думка, 1979.
- 24.Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно кыпчакский. - Алма-Ата: Наука, 1987.
- 25.Гаркавец А. Н. Тюркские языки на Украине. – Киев: Наукова думка, 1988.
- 26.Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Т. II. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков. - Алматы: KASEAN; БАУР, 2007. – 912 б.
- 27.Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие: Кыпчакский словарь. По армянописьменным памятникам XVI-XVII веков. Т. III. -Алматы: БАУР; KASEAN, 2010. – 1802 б.

28. Armenian-Qurchaq Psalter written by deacon Lussig from Lviv, 1575/1580/
Edited by Alexander Garkavets and Eduard Khurshudian. - Almaty: Desht-i
Qurchaq, 2001. -656 б.
29. Төре бітігі. Армяно-кыпчакский Судебник 1519-1594 гг. / Составители:
А. Гаркавец, Г. Сапаргалиев, М. Капраль, М. Цимбал/.-Алматы:
Дешт-и- Кыпчак, Баур, 2003. -792 б.
30. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. - М.: Наука, 1984. – 228 б

**ОРТАҒАСЫРЛЫҚ «КОДЕКС КУМАНИКУС»
(XIII-XIV Ғ. БАСЫ) ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕРІ
МАТЕРИАЛДАРЫ ТАРИХИ-ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ
ДЕРЕККӨЗ РЕТІНДЕ**

*Анарбаев Қ.С., т.ғ.к.,
Қазақстан инженерлік педагогикалық
Халықтар Достығы университеті,
«Қазақтану» этнопедагогикалық
ғылыми зерттеу және білім беру
орталығының директоры*

Ұлы дала тарихының ерте кезеңі мен бүгінгісін жалғастырушы уақыт ортағасырлар деп қарасақ, бүгінгі қазақ халқы сол дәуірде әлемдік тарихында көп жағдайларда **«қыпшақтар»** деген ортақ атаумен көбірек белгілі болған.

Ертістен бастап, Дон мен Дунайға дейінгі аралықтың “Қыпшақ Даласы” аталып, қыпшақтардың нағыз дәуірлеп тұрған XI ғасыр ортасынан XIII ғасырдың басына дейін, бұл аймақта ғасырлар бойы қалыптасқан қыпшақ мәдениеті үстемдік етті. Аталған дәуірде қыпшақтар “әлемдік империялар” санасқан, ірі, саяси күшті ел еді. Шығыстан Батысқа, немесе кері бағытта, “Қыпшақ Даласын” басып өту үшін қыпшақ тілін білу өте қажеттіліктің басты бағытынан саналды. Батыс пен Шығыс елдері әралуан амалдар (елшілер, саудагерлер жіберу, жансыздар салу, жиһангездер аттандыру, уағыз таратушылардан діни тыңшылар жасақтау т.б.) арқылы қыпшақтарды жан-жақты тануды қолға алған. Кейін, монғолдардың саяси билігі тұсында да қалыптасқан қыпшақ мәдениетінің басым болғаны тарихи деректерден белгілі. Осындай түрлі қажеттіліктер арқасында ортағасырларда қыпшақ тіліне қатысты бірнеше сөздіктер жазылды. Олардың бүгінгі ғылымға айналымға түскендерінің ұзын саны онға тарта екені, ал “Кодекс Куманикус” (одан әрі “КК”) сондай жазба ескерткіштің бірі, әрі бірегейі.

Ғылымда үш ғасырдай уақыттан бері белгілі болған жазба жәдігердің зерттелу тарихына көз жібере отырып, негізінен, “КК”-тің филологиялық тұрғыдан зерттеу нысаны болғанын көреміз. Тек жекеленген авторлар тарапынан ғана тарихи дереккөз тұрғысынан қарастырылғанын атап өту керек [1]. Ескерткішке тарихи-этнографиялық тұрғыдан ғылыми сараптау жасаған сайын тек ортағасырлық жазба мұра тұрғысынан ғана емес, тарихи дереккөз ретіндегі маңызы да арта берері анық. Бұл бағытта жұмыстар жүргізіле бастады [2]. Сол жұмыстардың нәтижесінде “КК”-тің тарихи дереккөз ретіндегі маңызы айқындала бастады.

“КК”-тің ғылыми айналымға енген тұсынан бастап ескерткішті филологиялық тұрғыдан қарастырған зерттеушілердің бірқатары жазба мұраларды тарихтан тыс алып қарастырмаған. Жазба жәдігерге тек сөздік ретінде емес ортағасырлық қыпшақтардың (құмандардың АҚС.) ауызекі тілінің жазба көрінісі, әдебиетінің көрінісі т.б. сияқты бағалаулар берілгені белгілі. Ал сөздің тарихи дерек сақтаушылық қызметі бар екені қазіргі кезде ғылыми дәлелденген мәселе. Осы тұрғыдан алғанда “КК”-тегі

лингвистикалық материалдардың дереккөз ретіндегі маңызы айқындала түседі. Бізде өз зерттеуімізде жәдігерде орын алған термин сөздер мен сөз тіркестерінде және фольклорлық материалдардағы тарихи-этнографиялық деректерге назар аударуды мақсат етіп отырмыз.

Ескерткіште тарихи-этнографиялық тұрғыдан ең көп мағлұматтар беретін бөлігі және зерттеушілердің назарын ерекше аударатын дүниесі құман-қыпшақтардың жұмбақтары деп санауға болады. Өйткені, жұмбақтарға халық өмірінде маңызды орын алатын және санада толық ұғымы терең қалыптасқан дүниелер жасырылатыны белгілі. Зерттеуші ғалым Х. Махмудов “КК”-тегі жұмбақтардың барлығы дерлік нақты заттар мен құбылыстарды поэтикалық бейнелеуге құрылғанын, тек екі жұмбақтың шешуі ғана (“күс сүті” және “үш- ақыл, ес”) абстрактілі түсініктерге қатысты екенін айтады [3, с. 95].

Осы тұрғыдан алғанда ортағасырларда тарихи іздері шығыстағы Алтайдан батыстағы Карпатқа дейінгі аумақта орын алған түріктердің, оның ішінде қыпшақтардың жүріп өткен жолына, тарихына қатысты мағлұматтар беретін деректерде сақталғандай әсер қалдырады. Мысалы, “КК”-тегі құман жұмбақтарының Алтайдағы куманды-кижи халқы жұмбақтарымен қоса, түркі тілді бірқатар халықтардың (қазақ, татар, алтайлықтар) әдебиетімен ортақ тұстары байқалады. Мысалы, оның іздерін Ы. Алтынсарин жинақтаған қазақ халқының ауыз әдебиеті үлгілерінен де кездестіреміз. “КК”-те “*Bu bardı-izi uox. Ol, kema-dir*” немесе Ы. Алтынсаринде: “Әне барады өзі, көрінбейді ізі. Шешуі: “жел” деп берілген жұмбақтар осының дәлелі. Біз бұл жерде Шығыста, далалық аймақта шешуі “желге” қатысты жұмбақ, Батыста, өмір сүрген ортаның өзгерістеріне орай “кемеге” қатысты ойлармен байланысты жасырылған деп ойлауымызға болады (түркітанушы С. Құдасовтың ауызша кеңесі). “КК”-тегі “*Yazda yavli xayıs yatir. Ol, yılan-dir*”, яғни “жазықта майлы(семіз) қайыс жатыр. Ол, жылан”, “*ak kuumanin avzu uox. Ol, umurtqa*”, яғни “ақ құйманың аузы жоқ. Ол, жұмыртқа” деп келетін жұмбақтар мен Алтынсарин жинақтаған “жол үстінде - июлі қайыс. Шешуі: жылан”, “бір ақ үй бар: кірейін десең есігі жоқ. Шешуі: жұмыртқа” деген жұмбақтарда осы тарихи байланыс анық көрініс береді [4; 5]. Бұл арқылы құмандар және олардың Шығыста қалған этникалық туыс бөліктерімен арадағы тарихи байланысты ғана емес, олардың батысқа қарай жылжығанда бүгінгі Қазақстан территориясын басып өткенін көрсететін деректер ретінде де “КК”-тің тарихи құндылығы тағы бір қырынан көрінеді.

Ортағасырлық құман-қыпшақтар мен бүгінгі қазақ халқының арасындағы этнографиялық тұрғыдан сабақтастықтар бар екеніне дәлел боларлық бұндай материалдар өте көп. Құман жұмбақтарынан түрік тілдес, әсіресе қазақ халқының дүниетанымы мен салт дәстүрінің іздері де байқалады. “КК”-те “*Yazda yani kelin yuguna-dir. Ol, xamis basi-dir*” деген жұмбақты А.Н. Гаркавец: “молодая невеста на лугу на тюке своего приданого (сидит). Это метелка (цветок, колос, султан) камыша” - деп аударған [6]. Бұл жерде біршама қиғаш аударма жасалған сияқты. Біздіңше, жазба ескерткіштегі жұмбақ мазмұны бұл жерде қамыс басының сәукеле киген келіннің бас киіміне және қамыс басының иілуі иіліп сәлем салған келінге теңестіріліп тұр

деп ойлаймыз. Яғни жұмбақтағы “йугун”-жүгін, бас ұр деген термин, яғни бас иіп сәлем салады деген мағынаға ие деп санаймыз. Бұл жұмбақ құмандарда келіннің иіліп сәлем салу дәстүрінің болғандығына дереккөз бола алады. Құмандар өздерінде бар осы дәстүрді жұмбақ етіп жасырған деп есептейміз.

Жазба ескерткіштегі жұмбақтар қатары арқылы құман-қыпшақтардың көшпелі салты мен киіз үйлерде тұрғанын, мал шаруашылығымен, оның ішінде жылқыны қадір тұтқанына дерек боларлық мағлұматтар беретіндей жұмбақтар кездеседі. Олардың бірқатары туралы біздің бұрынғы зерттеулерімізде айтылған [2].

Жалпы халықтың этнографиясын зерттеуде сол халықтың жадында ұзақ уақыттар сақталатын жайттарға назар аударған дұрыс деп санаймыз. Өйткені, тарихи жағдайларға байланысты мемлекеттік құрылым өзгерсе де, діни сенімдерге өзгерістер енсе де кейбір сенімдерді халық өз жадында ұзақ уақыт өшірмей сақтап, керек болса «жаңа жағдайларға» бейімдей пайдалана береді. Осындай жайттарды біз қарастырып отырған ортағасырлық құман-қыпшақтар мұрасынан да байқауға болады. Жәдігерде дүниетанымдық маңызға ие терминдермен қатар, тотемдік сенімдерге тән сөз тіркестері, аңдар, құстар, төрт түлік атаулары мен діни наным-сенімдерге қатысты терминдер орын алған. Мысалы, «тәңірі», «қам», «бүгі», «су сығыр», «періште» т.б. терминдердің тарихи сабақтастықтарда жәдігерде көрініс беруі арқылы ортағасырлық қыпшақтардың төл дүниетанымы мен діни наным-сенімдеріне қатысты бірқатар жайттар айқындала түседі.

«Кодекс Куманикусте» діни терминдер арасында ең басты термин «Тәңірі» атауы екені анық. Бұл атаудың өзі ежелгі түркілердің «жоғарыдағы бір жаратушы туралы» ұғымдарымен тарихи сабақтастықта екені көрінеді. Тарихи деректерге қарағанда Түріктер өздерін «тәңіртекті халық санағаны» байқалады. Ал бұл сенімнің олардан да ерте кезеңдерге жататын сақ және ғұн дәуірлерімен сабақтастықтар тауып жататынын да байқауға болады. Мысалы, ежелгі дәуір тарихшысы Геродот жазбаларында келтірілген аңыздардағы скифтердің «тәңіртекті», яғни Зевстің баласы Тарғытайдан тарауы немесе сол аңыздардың бірінде скифтерді Геракл балалары ретінде түсіндіргені туралы айта кеткен жөн сияқты. Соңғы аңызда Гераклдың алыс жерлерге барғаны, онда пері қызымен үйленгені айтылады. Сол перінің қызынан туған үш баласының бірі Скиф болғаны, аңыз бойынша Геракл еліне қайтар мезгілде «оның мұндағы елінің билігіне кім иелік етуі керек»? деген сүйген жарының сұрағына «үш баланың қайсысы менің садағымды тарта алса сол иелік етсін» деген жауабы бар. Одан тараған елдің кейінгі ортағасырлық деректерде аталатын «садақшылар елімен» қаншалықты байланысы бар екенін зерттей түскен дұрыс болар еді деп санаймыз.

Осы орайда, аталған мәселелерді пайымдай түсуге көмек боларлық пікірлердің арасынан Байбота Серікбайұлының *«Геродот көшпелілердің сыйынған құдайын білмегендіктен (мүмкін алғашқы еуропацентризмнің ықпалымен әдейілеп тастап кеткен. Автор.) Тарғытайды грек құдайы Зевстен таратып отырғанын айта келіп, ежелгі ғұндардың санасындағы «Көк пен жерден жаратылып, Күн мен Айдың құдіретімен таққа отырған*

хуннудың *Ұлы шаньюі*» (Н.Я. Бичурин), ортағасырлық түріктердің де өздерінің «тәңіртекті» екенін сезінгенін немесе солай санағанын Күлтегін жазбасындағы *«Теңірі тег теңіріде болмыш»*, Білге қаған жазбасындағы *«Теңірі тег теңіріде йаратмыш»* деген жолдардағы сан ғасырлық сабақтастықтарға тоқталған [7, 368 б.]. Ассириялық жазбалар аудармалары бойынша алынған деректердегі «тиграхауда» атаулы сақтардың «құдайдың садақшылары» деген мағынаға ие екенін көрсеткен зерттеушілер бар [8, С.7]. Сонымен бірге зерттеушінің пікірінше корейлердің де ескі аңыздары бойынша ежелгі Чосон жұртын «шығыс садақшылар» деп аталуы, олардың да арғы аталары Аю әйел мен Көк тәңірінің ұлы саналатын Тангун атты ұлдан тарататыны ойландырады. Зерттеуші Тангун атауының өзін «Таң», яғни аспан және «гун», яғни адам деген сөздердің мағынасынан деп қарастырады [8, С.370]. Дегенмен автордың «шығыс садақшылардың» қатарында емәк тайпасының аталатыны туралы, оларды ортағасырлық кимектермен байланысты қарастырған мағлұматтары мен пікірлері келешекте арнайы түріктану ғылымы аясында мәселені тереңдете зерттеуді қажет ететін мәселелердің бірі деп санаймыз.

Шындығында да сол сақтардың, ғұндардың мирасқорлары саналатын **Түріктердің өздерін тәңірдің ерекше назары түскен жұрты ретінде санайтыны Күлтегін жазбаларындағы сөздерден анық байқалады.** *«Жоғарыда көк тәңірі, төменде қара жер жаралғанда, екеуінің арасында адам баласы жаралған. Адам баласын басқаруға ата-бабам Бумын қаған Істемі қаған отырған. Отырып, түркі халқының елілік, заңын ұстай берген, иелік еткен»* деген мәтіндер соның айғағы бола алатындай **(Күлтегін жазуы. 1-қатар Ғ. Айдаровтың нұсқасы.)**

Осы ұғым ислам діні кең тараған түріктер арасында да исламдық сипаттармен астаса көрініс береді. Мысалы Махмұд Қашқари жазбаларында: *«...Ұлы Теңірі: «Менің бір тайпа қосыным (әскерім) бар, оларды күншығысқа орналастырдым. Бір ұлысқа ашуланып, назалансам түріктерді соларға қарсы саламын»* депті » деген жолдар арқылы ортағасырлық түріктердің өздерін Жаратушының сардарлары ретінде санаған дүниетанымдық түсінігі болғаны байқалады [9].

Өзге жұрттарда да ежелгі ғұндарды және кейінгі түріктерді «Жаратушының жазалаушы қамшысындай қабылдағанын» көрсетететін тарихи деректер аз емес. Мысалы, ғұн патшасы Аттилаға «бич божий», яғни «құдайдың қамшысы» деген лақап атау берген ортағасырлық христиан елі жазбагерлері де «көшпелі тайпалар шабуылдарын» «құдайдың алдында өздері жасаған күнәлары үшін келген жаза ретінде» түсіндіретіні бар. Мысалы армян деректерінде де дәл осындай жағдайлар болғанын көрсететін мағлұматтар аз емес [10, 66; 125 бб.].

Жалпы түріктерде ортақ «Бір Жаратушы» туралы ойдың іздері болғаны байқалады. Ол «Көк Тәңірісі» деген ұғымға жинақталған сияқты. Ортағасырлық жазба ескерткіш «Кодекс Куманикусте де» құман-қыпшақтардың араларында тарай бастаған христиан дініндегі «Құдай» немесе «Бір Жаратушы» ұғымын «Тәңірі» деген атаумен беруі де осы сабақтастықты көрсететеді. Мысалы, “КК”-тегі “тәңірі” атауы, тек

христиандық *бог* сөзінің баламасы ретінде ғана емес, олардың бұрынғы діни наным-сенімдерімен сабақтастықтар ізін байқатады.

Тәңірі туралы сенімдер тек тілдік материалдарда ғана емес, таңбалық сипаттағы танымдарында да орын алған. Қазірге зерттеушілер көп назар аудара бермейтін таңбатану бағытындағы жұмыстарда ортағасырлық жазба мұраларды кешенді зерттеуге пайдасы тиер еді. Мысалы, таңбалар «күпиясын» зерттеуші ғалым Аманқос Мектептегі «Таңбатану ілімі және ұлттық идея» атты мақаласында көне түркілердің шеңбер таңбасы «Көк Тәңірілік таңбамен» байланыстыра қарай келе, қазақ халқындағы «тасбақаның» аузындағы шөпті алған адамның өмірде жолы болады, бағы жанады деген сенімдердің жұмбағы көп, сондықтан тамырларына терең үңілу керектігін және бұндағы тасбақаның «тәңірі» ұғымына байланысы бар деген пікірі бар [11, 81;88 бб.] Сондай нанымдар ортағасырлық құман-қыпшақтарда да болса керек. Себебі ортағасырлық жазба жәдігер СС – тегі қырық бірінші ретпен берілген “... tengirdan tusgen tokmacik, dort ayakli maumacik. Ol kirpi” (яғни «*Тәңірден түскен томпашық, Төрт аяқты маймашық*» шешуі: *кірпі* А.Қ.) деген жұмбақта да құман-қыпшақтардың наным-сенімдерінің осындай көне дүниетаным, сенімдермен сабақтастықтарының іздері байқалатын сияқты [4]. Тәңірлік таңбалармен кірпінің өзара ұқсастығы туралы олар білген нәрсесін жұмбақ етіп жасырып отыр деп ой түйіндеуге болатындай.

Жәдігерде *бақсы, шаман, қамлық* сияқты терминдер құмандардың монотеизмге дейінгі наным-сенімдері туралы мағлұматтар береді. Адамдардың құдайлық күштермен «қарым-қатынасындағы» аралық міндеттер қоғамдағы ерекше топтың — шамандардың қолында болды, ал шамандар ертедегі түрік мәтіндерінде *қам* деп аталған. Шамандар, сәуегейлер, емшілер, «құдайдың қалауын» жариялаушылар болған. “КК”-тегі *қам*, “*қам, ол қатын дір*” деген тіркестер бақсылық, шамандықты негізінен әйелдер жасаса керек деген тұжырымға әкеледі.

Наным – сенім салт-дәстүрмен қатар көрінетіні белгілі. Құмандардың салт-дәстүрінен хабар беретін “КК”-те “*сығыт*”-*қайғы, қасірет, “тул”-тұл* әйел мағынасында айтылған сөздерді осы тұрғыдан алғанда маңызды деп санауға болады [12, 118, 129 - бб.]. Көне түркіде Күлтегін ескерткішінде “*сығыт*” - жыры туралы айтылады [13, с. 505]. Бұдан оларда қайғы-қасіретте сығыттау немесе жоқтау айту дәстүрі, ал ері қайтыс болған әйел тұл атанғаны байқалады. Ортағасырлық Лаврентьев жылнамасында Игорь жорығы кезінде половец даласында “*құстар шулап, аңдар ақырып, аққудың қаңқылы естілгені*” туралы айтылған [14, С. 75]. Осы деректер олардың (құмандардың, қыпшақтардың - А.Қ.) тек тотемдік нанымдарынан ғана хабар беріп қоймай, жау шапқан елдің жылап-сығтағанын, яғни өлгендеріне жоқтау айтқанын байқатады. *Жоқтау айту дәстүрі* қазақ халқында осы күнге дейін сақталған. Бұл дәстүрдің Алтай халықтары арасында да бар екенін Л.П. Потапов еңбектерінен көреміз [15, С. 267].

Сонымен бірге ертедегі мифтерде жайдың түсуі «жаратушының қаһарымен» байланыстырыла түсіндірілген нанымдардың ізі ортағасырларда да болған және бүгінгі күнге дейінгі халықтық наным-сенімдерде қалмай келе жатыр. Ескерткіште көрсетілген *бүгі*-яғни әулие, *жай тасы, йақы*-

жайшы терминдері осындай ойларды одан ары бекіте түсетіндей [12, 56,88,89 - бб.]. Ортағасырлық тарихи деректер олардың арасында жай тасымен жаңбыр жаудырғандардың да болғанын көрсетеді. Мысалы, Абу Дулаф кимектердің аспан әлемін бақылап, жай тастарын қолдану арқылы қалаған мезгілдерінде жауын жаудыра алатынын және бұл әдіс түркілер арасында кең тарағанын жазады. Сириялық тарихшы және жағрафияшы Абу-л-Фида (1273-1331) өзінің “Таквим ал- будан” (Упорядочение стран) деп аталатын еңбегінде: “құмандар астрологиямен айналысады, жұлдыздарды бақылайды және оларға табынады” деп жазады [16, С.14;23]. “КК” - те “йай” - жай тасы мен “йакчы” - жайшы туралы айтылған [12, 68 б.]. Бұл деректер түркі тайпаларында кең тараған жай тасы арқылы жауын жаудыру жоралғысы “КК”-тің жазылу мезгілдерінде құмандарда қолданған деп санауға мүмкіндік береді. Бұл сенім мен әрекеттің тарихы Оғыз дәуірінен бастау алатыны және ХІХ ғасырдың соңына дейін кең түрде қазақ халқының өмір салтында да орын алғаны белгілі. Археологтар Отырар қаласының ХVІ-ХVІІ ғасырларға жататын қабатынан табылған ромбы пішімдегі алты тастың бетінде бақа, жылан, тасбақа бейнелері және жіп өткізетін тесігі бар екеніне қарап, жай тасын халықтың қасиетті санап, мойнына тағып жүргені туралы пікірлерін айтады [17, с. 203, 208]. Бұл жайттар көне түркілік мәдениеттің белгілерінің кимек, қыпшақ дәуірінен өтіп, қазақ халқы мәдениетінде ұзақ сақталған сабақтастық барын байқатады.

Қорыта айтқанда, “КК”-те кездесетін ондай этнографиялық дереккөз болып табылатын материалдардың барлығына қатысты бір мақала төңерегінде сөз қозғау мүмкін емес екені анық. Біз өз зерттеуімізде сол терминдердің, фольклорлық материалдардың бірқатарына зерттеушілер назар аударуды жөн санадық. Рухани тамырларға үңіле түскен сайын бұндай сабақтастықтар маңызына мән бермеуге болмайды деп санаймыз. Ортағасырлық құман-қыпшақтардың жазба мұрасы “КК”-тегі көрініс тапқан тілдік, фольклорлық материалдардың тарихи-этнографиялық дереккөздік маңызын зерделеу бүгінгі деректану саласының басты міндеттерінің қатарына кіреді деп санаймыз.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Голубовский П.В. Печеньги, Торки и Половцы до начествия татарь // Исторія южно-русских степей ІХ-ХІІІ вв. – Кіев: Университетская типография, 1884. – 735 + “Половцы въ Венгрии /исторический очерк/” – С. 28. Добродомов И.Г. О половецких этнонимов в древнерусской литературе // ТС. 1975. – Москва: Наука, 1978. – С. 102-129.; Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках // Turcologica, 1986. – Ленинград: Наука, 1986. – С. 153-164.; Плетнева С.А. Половцы. – Москва: Наука, 1990. – С. 208.; Golden P.V. Cumanica IV: the tribes of the Cuman-Qipcaqs // Archivum Eurasial Medii Awi. 9. (1995-1997). – Harrassowofz Verlaq. Wiesbaden, 1976. – P. 335.; Бушаков В.А. Термины, обозначающие селения и крепости, в топонимии Крыма // СТ. - 1985. № 2. – С. 28-37.

2. Анарбаев Қ.С. Ортағасырлық құман-қыпшақтар тарихының мәселелері (“Кодекс Куманикус” материалдары бойынша) // дисс.ж./ т.ғ.к./ – Алматы, 2009 ж.-150б.
3. Махмутов Х. Татарские параллели куманских загадок // СТ. 1971. – № 3. – С. 87-96.
4. Kuun G. Codex Cumanicus. Budapest, 1981. – 395 p.
5. Алтынсарин Ы. Үш томдық шығармалар жинағы /I том/. – Алматы: Ғылым, 1975. – 359 б.; Укачина К.Е. Алтай табышпақтар. – Горно-Алтайск: Солоны. – С. 159.
6. Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV вв. – Москва: Русская деревня, 2006. – С. 89.
7. Байбота Серікбайұлы Қошым-Ноғай. Тіл ұшындағы тарих. Алматы «Жазушы» 2003. -496 б.
8. Григорьев В.В. О народе саках // Евразийский народ САКИ. Сборник. - Алматы, 2006. -248с.
9. М. Қашқари. Түрік сөздігі. I том Алматы «Хант» 1997. - 408 б.
- 10.«Орталық Азия мен Қазақстан тарихына қатысты армян деректемелері» (С.Құдасов пен Н.Базылханның аудармасында) Алматы «Дайк-Пресс» 2010. –248 б.+8 б. жапсырма.
- 11.А. Мектептегі. Таңбатану ілімі және ұлттық идея // «Көне түркі жазуларының зерттелуі: бүгінгі мен болашағы» атты дөңгелек үстел материалдары. - Астана «Ер-Дәулет» 2004 ж. – 78-98 бб.
- 12.Құрышжанов Ә.Қ., Жұбанов А.Қ., Белботаев А.Б.. Куманша-қазақша жиілік сөздік. – Алматы: Ғылым, 1978. – 277 б.
- 13.Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – С. 676.
- 14.Кудряшев К.В. Про Игоря Северского, про землю Русскую /Историко-географический очерк о походе И. Северского на половцев в 1185 года. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерство Просвещения РСФСР, 1959. – С. 94.
- 15.Потапов Л.П. Умай-божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. - 1979. – С. 265-286.
- 16.Кумеков Б.Е. Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII-нач. XIII вв.: АДД. – СПб, 1994. – С. 40.
- 17.Акишев А.К. О культе “дождевого” камня (джада, яда) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. – Алма Ата: Наука, 1980. – С. 203-208.

СВЕДЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ О ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕНАХ КАЗАХСТАНА

*Р.Б. Кумекова,
научный сотрудник МИК
КазНУ им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан*

Наиболее информативным источником сведений по истории и культуре Казахстана IX-XII вв. являются арабские исторические и географические сочинения IX-XV вв., которые представляют один большой комплекс источников, на основании которых современная наука строит историческую картину для стран, входивших в круг влияния исламской культуры [1].

В IX в. кочевые тюркские племенные группировки сопредельные с завоеванным арабами Мавераннахром стали постепенно исламизироваться. Представителей торговли мусульманского мира и религии ислама привлекали не только пограничные земли Южного Казахстана, но и отдаленные земли Центральной Азии, Восточной Европы и Дальнего Востока. Торговые пути из исламских городов направлялись в Центры кочевых объединений – огузов на Сырдарье, кимеков на Иртыше, кыргызов на Енисее, болгар на Итиле. Необходимость закрепления арабами завоеванных земель в Южном Казахстане, на западе Жетысу и обеспечения внешней безопасности от воинственных кочевых племен казахстанской степной зоны способствовали изучению их средневековыми арабскими учеными и путешественниками.

Именно в период IX-X вв. в арабских письменных памятниках появляется свод сведений, отличающихся широкой осведомленностью и сравнительно высокой точностью сообщений о тюркских племенах Казахстана и прилегающих землях: кимеках, кипчаках, куманах, огузах, карлуках, чигилях, кыргызах, токузогузах. Появляются общие понятия о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих племен.

Десятый век является пиком развития арабской географической литературы, когда создается классическая школа оригинальной мусульманской географии. Яркими представителями данной школы являются Абу Зайд Ахмад ибн Сахл ал-Балхи, Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри, Абу-л-Касим Ибн Хаукал ан-Насиби. Их сочинения принадлежат к серии произведений, отражающих тип ал-масалик ва-л-мамалик («пути и государства»), в основе которых лежит описание мусульманских областей, каждая из которых сопровождается географической картой. В сущности, текстовая часть сочинений представляет описание этих карт.

У истоков арабской географической школы стоял Абу Зайд ал-Балхи (ок. 850-934 гг.), уроженец города Балха в Иране. В молодом возрасте он жил в Иране, где учился у знаменитого ученого ал-Кинди, занимаясь астрономией и философией. В течение восьми лет пребывания в Иране ал-Балхи приобрел широкие познания в различных науках. По возвращении он жил в г. Балхе,

где пользовался покровительством везира Саманидского государства ал-Джейхани, известного также своей ученостью, автора, не дошедшего до нас известного в то время географического сочинения.

Перу ал-Балхи принадлежало значительное число трудов по разным отраслям знаний. Около 920 г. Абу Зайд написал географическое сочинение «Сувар ал-акалим ас-саб'а» (Изображение семи климатов), в источниках встречаются и другие названия труда. До сих пор полагали, что эта книга до нас не дошла. Однако его сочинение вскоре было широко использовано и дополнено младшим современником ал-Истахри, около 951 г., написавшего собственное географическое сочинение «Китаб масалик ал-мамалик» (Книга путей стран). В свою очередь труд ал-Истахри лег в основу географического произведения Ибн Хаукаля. Именно этой плеяде арабских географов обязана арабская культура громадным расширением географического и этнографического горизонта. Охвачены были как страны, входящие в границы халифата, так и лежащие вне их, вплоть до Восточной Европы, Дальнего Востока и Южной Сибири. Соотношение географических произведений, в особенности ал-Балхи и ал-Истахри, оставалось невыясненным. Хотя до последнего времени изучение их продолжалось, сохраняют значение слова видного исследователя арабской географической литературы де Гуге: «Едва ли когда-нибудь существовала большая путаница, чем относительно трех арабских географов Абу Зейда ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукаля».

В Институте арабских рукописей Лиги арабских стран. (г. Каир, Египет) хранится арабская рукопись географического сочинения «Зикр ал-масафат ва сувар ал-акалим» (Упоминание о расстояниях и изображение климатов), чьим автором указан Абу Зайд Ахмад ибн Сахл ал-Балхи. Предварительное ознакомление с рукописью, связываемой с ал-Балхи, позволяет полагать, что мы имеем под рукой не редакцию труда ал-Истахри, как это раньше неоднократно обнаруживалось, а, скорее всего, оригинальное сочинение ал-Балхи. Сопоставительное источниковедческо-текстологическое исследование обнаружило известное отличие контекста произведения ал-Балхи от произведения ал-Истахри, во всяком случае, они не идентичны. Их различие также выявляется при сравнении географических карт, содержащихся в их произведениях. Карта ал-Балхи более насыщена этнонимическими деталями, чем карта ал-Истахри [2, с. 63-65]. Обнаружились дополнения, исправления, изменения, уточнения, внесенные ал-Истахри (издание на основе полных списков его труда: Каир, 1961 г.) при использовании им работы ал-Балхи. Так что, как и предполагали ученые ал-Истахри почти полностью включил труд ал-Балхи в свое сочинение.

Абу Зайд в «Зикр ал-масафат ва сувар ал-акалим» описывает только мусульманские страны, распределив их на двадцать климатов, представляющих не семь поясов следующих с юга на север, как это было до него, а географические округа - области, начиная с арабских стран и заканчивая Мавераннахром. Каждую область предворяет географическая карта, в сущности, текстовая часть сочинения представляет описание этих карт. С методической стороны важно помнить о необходимости

рассмотрения карт и текста как единого целого. В своем сочинении ал-Балхи приводит ценные сведения о тех тюркских племенах, которые находились во второй половине IX-первой трети X в. на вершине политической власти. В этой связи арабоязычный автор отмечает: «Что касается всех тюрков (таких) как токузогузы, хырхызы, кимеки, огузы и харлуки, то язык у них один, и каждый из них понимает друг друга». Из числа этих пяти этносов непосредственное отношение к территории Казахстана имеют огузы, карлуки и кимеки. Обращает внимание сравнительно высокая точность лингвистической характеристики тюркских племён Центральной Азии, которая сводится к общему понятию о генетическом родстве тюркских племён. Вместе с тем, «страны тюрков отличаются друг от друга», констатирует ал-Балхи. Эти отличия сводились, прежде всего, к различиям по территории их обитания. Из всех тюркских этносов наибольшая информация в географическом труде содержится об огузах. Пределы основных земель огузских племён, как отмечает ал-Балхи, «это то, что лежит между владениями хазар, кимеков, землей карлуков, булгарами и границами областей ислама – от Джурдана до Бараба (Фараба) и Исфиджаба». Город Джурдан находился близ современного Куня-Ургенча и является пограничной крепостью Хорезма с огузами. Отсюда начинался караванный путь в страну огузов. В X в. аридная зона, тянувшаяся на запад до страны Хазар, называлась Огузской степью. Фараб был известен как название области и города, расположенного в Южном Казахстане, идентифицируемый с развалинами Отрар-Тобе, близ впадения р.Арысь в Сырдарью. Вместе с тем к городам огузов ал-Балхи относит Кедер, Шавгар, Весидж, Сабран, Дженд, Янгикент (Кария хадиса), Хувара. Исфиджаб являлся пограничной областью между огузами и карлуками.

Другой представитель эпохи расцвета арабской географической литературы, арабский географ и путешественник Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри был уроженцем Центрального Ирана. О его жизни ничего неизвестно. Ал-Истахри принадлежит географическое произведение «Книга путей и государств» (Китаб ал-масалик ва-л-мамалик), законченное в 951 г. Сочинение ал-Истахри является обработкой и дополнением географического труда Абу Зайда ал-Балхи. Ал-Истахри полностью включил труд ал-Балхи в свое сочинение, применил ту же систему описания географических областей, вместе с тем несколько расширил объем сведений ал-Балхи за счет данных, полученных в результате собственных путешествий, во время которых он побывал в Сирии, Египте, различных областях Средней Азии [3].

Особый интерес представляет вводная часть труда, где содержится ценный материал о тюркских племенах к северу от Мавераннахра – карлуках, огузах, кимеках, булгарах, башкирах, печенегах, хазарах, кыркызах, токузогузах. При этом указывается на отличие стран тюрков друг от друга. Эти отличия сводились, прежде всего, к различиям по территории их обитания. Достаточно подробно обрисована картина местоположения тюркских племен относительно друг друга и соседних этносов и стран. Так, кимеков он располагает к северу от карлуков, между областями огузов и кыркызов. В научной литературе локализация карлуков, в рассматриваемое

время, определенно связывается с Семиречьем и частью Южного Казахстана, кыргызы обитали на Енисее, а огузы в основном расселялись в бассейне средней и нижней Сырдарьи и в Приаральских степях. Следовательно, кимеки согласно ал-Истахри занимали территорию между Иртышом и Приаральскими степями, что согласуется со сведениями других письменных памятников мусульманского круга [4, с. 58-68]. Область огузов по материалам «Книги путей» находилась между хазарами и кимеками, а также землей карлуков и болгар. Хазары в то время жили на Итиле и к западу от нее. Что касается основных кочевий болгар, то, как известно, они находились на среднем Итиле. Огузы были непосредственными соседями мусульманских стран от Джурджана на Каспийском (Хазарском) море до Фараба и Исфиджаба, равно как и карлуки от Ферганы до Тараза и Исфиджаба.

В разделе Бахр ал-Хазар (Каспийское море) ал-Истахри впервые упоминает гористый полуостров Мангышлак, под персидским названием Сиях-Кух (Черная гора). Согласно ал-Истахри Мангышлак ранее был необитаем, лишь незадолго до его времени какое-то тюркское племя, поссорившись с огузами, переселилось и обосновалось там, найдя источники и пастбища для своих стад [5, с. 128].

Оригинальной информацией ал-Истахри является тема переселения печенегов: «Разряд из тюрков, именуемый печенегами, изгнанный со своей земли, разместился между хазарами и Румом. Страна, где они находятся в настоящее время, не их старая родина, они пришли сюда и захватили (эту землю)» [6, с. 128].

На арабской почве продолжателем ал-Истахри явился его младший современник Абу-л-Касим Ибн Хаукал ан-Насиби. О его биографии известно немного больше, чем о его предшественниках. Судя по имени, происходил он из гор Насибина в Северной Месопотамии. За время своих путешествий Ибн Хаукал объездил почти весь мусульманский мир. Интерес к географии зародился у него рано; важным толчком послужила встреча с ал-Истахри, это же послужило непосредственным поводом для создания Ибн Хаукалем географического сочинения. Первоначально Ибн Хаукал предполагал ограничиться исправлением отдельных неточностей в картах и описаниях, данных в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» ал-Истахри, но впоследствии обилие нового материала привело к созданию им нового, вполне самостоятельного труда. Значительно измененными сравнительно с первой книгой оказываются в особенности части, посвященные странам западного региона Арабского халифата. В число основательно переработанных отделов входит раздел о Мавераннахре, содержащий ценные сведения о сопредельных тюркоязычных племенах, которые обитали на территории Казахстана [7].

Основой книги Ибн Хаукаля служат подробные дорожники. Такой тип описания был в X в. весьма хорошо разработан в арабоязычной географической литературе. Однако, помимо этого, Ибн Хаукал уделяет значительное внимание сюжетам экономическим, в чем, бесспорно, отразились купеческие интересы автора. Немалое место в его описаниях

занимают сведения по физической географии тех или иных областей (рельеф, растительность, животный мир, топография населенных пунктов).

Несомненно, что весьма значительную часть своих материалов Ибн Хаукал почерпнул из собственного жизненного опыта, приобретённого во время многочисленных путешествий. В то же время Ибн Хаукал определённо использовал и материалы своих предшественников - ал-Истахри и ал-Балхи.

Пограничные рубежи огузов и карлуков, судя по данным Ибн Хаукаля, проходили по Исфиджабской области. В пограничных землях войны велись между мусульманскими военными гарнизонами, находившимися в городах и укрепленных крепостях (рибатах) и кочевыми тюрко-язычными племенами. Наряду с этим в охране северных мусульманских областей принимали участие и отдельные группировки принявших ислам огузов и карлуков. С хазарами огузы граничили на западе. Хазарская держава в X в. достигла северо-восточного побережья Каспийского моря. Каспийское море в то время в мусульманской географической литературе было известно как море Хазар, по названию племён, живших на побережье. При описании Хазарского моря Ибн Хаукал со всей определённой указывает на расселение огузов на его восточном и северном побережье, которые были известны как «пустыня огузов».

Согласно Ибн Хаукалю, кимаки находились в сопредельных с огузами областях. Мощное государственное объединение кимаков занимало обширную территорию. Наиболее компактно они жили на среднем течении Иртыша, Центральном Казахстане и Северо-Восточном Семиречье. Резиденция кагана (царя) кимаков находилась на Иртыше.

Что касается сопредельной огузам страны карлуков, то последняя располагалась к востоку от Исфиджаба, занимая земли Жетысу (Семиречья). Карлукские племена жили в Таласской и Чуйской долинах, а также в Фарабской округе на юге Казахстана. Наряду с этим они обитали в Илийской долине, между озерами Иссык-Куль и Балхаш.

«Страна кимаков» находится между владениями огузов, кыргызов и областью, находящейся за владениями саклабов-констатирует Ибн Хаукал. (Под саклабами средневековые авторы имели ввиду славян). В рассматриваемое время кимаки прочно укрепились на значительной территории современного Казахстана. Определённые суждения о расселении огузов, кимаков и других народов можно вынести из информации о великой тюркской реке Итиле в «Китаб масалик-ал-мамалик». Об этом в тексте Ибн Хаукаля сказано следующее: «Что касается реки Итиль, то она, как дошло до меня, берет начало близ (земли) хырхызов и течёт между землями кимаков и огузов, представляя собой границу между кимаками и огузами, затем она течёт к западу позади болгар и возвращается на восток, пока не пройдёт через (землю) русов; далее протекает через (землю) болгар, затем через (землю) бургасов, пока не впадает в Хазарское (Каспийское) море». Исток и течение великой тюркской реки Итиль отражал состояние политического возвышения кимаков, огузов и кыргызов, завершившегося созданием трёх мощных государственных объединений в IX-X вв. Таким образом, историко-

этнографические сведения Ибн Хаукаля о тюркских племенах во многих случаях совпадают с сообщениями ал-Истахри.

В произведениях классических арабских географов имеется Круглая карта мира - Сураат ал-ард (Лик Земли), содержащая интересные географические и этнонимические сведения.

Специальный интерес вызывает круглая карта мира Абу Зайда ал-Балхи, которая несколько отличается от последующих карт ал-Истахри и Ибн Хаукаля. Для арабской картографии этого периода при показе стран и областей и изображений географических объектов характерен геометрический принцип кругов и прямых линий. Наряду с этим на картах нет координатной сети, не выдержаны масштабы, страны горизонта обратны современной ориентации. Следует отметить, что карта ал-Балхи в сравнении с картой ал-Истахри более насыщена этнонимическими данными и отличается по их местоположению. На карте ал-Балхи рельефно представлены Каспийское море (Бахр ал-Хазар) и Аральское море (Бахр Хорезм). Между этими морями и к северо-востоку от Каспия расположены огузы. С севера в Каспийское море впадает двумя большими рукавами река Атиль (Волга). Вполне возможно, что восточное русло Атиля соответствует р. Уралу. Между этими реками и к северо-западу от Аральского моря показаны кимеки.

Любопытно месторасположение печенегов (ал-Баджанак) к югу от кимеков и к северу от Аральского моря. Данное расселение печенегов позволяет наметить хронологические рамки событий. Известно, что во второй половине IX в. огузская военно-племенная знать в союзе с карлуками и кимеками вытеснила печенежские племена с бассейна Сырдарьи. Печенеги расселились к северу от Аральского моря. К концу IX в. огузы вновь одерживают верх над печенегами и вынуждают основные их группировки покинуть междуречье Урала и Волги и мигрировать на запад. Следовательно область расселения печенегов на карте ал-Балхи отражает, вероятнее всего, 2-ую половину IX в.

К северу от Джейхуна (Амударьи) показана область Мавераннахра, а севернее от последней расположены карлуки. В восточном направлении от карлуков указаны чигили и токузогузы, а на западе от карлуков значатся печенеги. Вызывает интерес упоминание чигилей, одного из карлукских племен. Очевидно, ал-Балхи отразил время усиления объединения чигилей в Жетысу, когда они оказались на гребне политической волны. Ни у ал-Истахри, ни у Ибн Хаукаля нет информации о чигилях, они не упоминаются на их географических картах. Что касается сведений о печенегах согласно ал-Истахри, то материал относится ко времени их пребывания по соседству с булгарами, башкирами, бургасами, расселявшимися к западу от Итиля (Волги). На географической карте ал-Балхи к северо-востоку от карлуков и к востоку от кимеков размещены кыргызы, расселявшиеся на Енисее.

Таким образом, ценные сведения плеяды классических арабских географов, относящиеся к концу IX-X вв., позволяют создать картину расселения тюркоязычных племенных объединений огузов, карлуков, кимеков, отчасти хазаров, кочевья которых занимали в сущности почти всю

территорию современного Казахстана. Этот период составляет важный этап в процессе формирования этнической территории казахского народа.

1. Об истории изучения арабской средневековой историко-географической литературы: Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Соч. Т.IX. Москва, 1977; Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. Т.IV. Москва-Ленинград, 1957; Rosenthal F. History of the Muslim Historiography. Leiden, 1952; Fück J. Die Arabischen studien in Europa (bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts). Leipzig, 1955; Гибб Х.А. Арабская литература. Классический период. Москва, 1960; Tarif Khalidi. Arabic historical thought in the Classical period. Cambridge, 1994; Şeşen R. Müslümanlarda Tarih-Coğrafya Yaziciliği. Istanbul, 1998; Idem. Islâm Coğrafyacilarına göre Türkler ve Türk Ülkeleri. Ankara, 2001; Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens. Wiesbaden, 2001 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaic, Bd. 54); Sezgin F. Islam'da Bilim ve Teknik. C.I-V. Ankara, 2007.

2. Кумекова Р.Б. Карта мира Абу Зайда ал-Балхи (X в.) как источник по истории Казахстана. Вестник КазНУ, серия историческая №3 (54), Алматы, 2009, С.63-65.

3. Ал-Истахри. Ал-масалик ва-л-мамалик. Каир, 1961.

4. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

5. Ал-Истахри. Ал-масалик ва-л-мамалик. Каир, 1961.

6. Там же.

7. Ибн Хаукал. Сурат ал-Ард. Изд. И.Крамерса. Лейден, ч.1, 1938; ч.2, 1939.

ТЕНГРИАНСТВО ДРЕВНЯЯ РЕЛИГИЯ ТЮРКСКОГО МИРА

Нуржанов А.А.

Алматы, Казахстан,

*Института археологии имени
А.Х. Маргулана МОН РК*

В культуре каждого народа мировоззрение существует в качестве умозрачительной картины мира и является частью духовной культуры. В основе его - соотношение человека и верховного начала, соотношения материи и духа. Исторически так сложилось, что древнетюрское духовное мировоззрение утратило свою самостоятельность в традиционной культуре и сохранилось в виде пережитков. Это странно в основе этого мировоззрение – древнетюрская религия «тенгиризм» или «тенгерианства», которая была государственной религией Тюркских народов (VI-VIII вв.). Сегодня пережитки духовной древнетюрской культуры являются реликтами тенгиризма. Тенгерианство реконструируется нами фрагментарно на основании данных памятников древнетюрской рунической письменности и взаимодополняющих интерполяций в области в древнетюрской археологии и этнографии тюркских народов Евразии.

Духовные ценности любой цивилизации обладают особой долговечностью существования и в несравненно большей степени запечатливают особенности эпохи своего создания и личности тюрков. Сохраняют черты элитности при общих эстетических и художественных вкусах общества. С духовными ценностями связаны интеллектуальная жизнь, накопленные знания, мораль, право, наука, художественные произведения. При этом особо важный аспект для изучения духовной культуры составляют религиозные системы, которые напрямую связаны с этническими и культурными процессами.

В древних верованиях всех тюркских народов важное место занимает культ великого Тенгри (Тангри, Тенгри, Танир, Хан Тенгри, Кок Тенгриси). Общетюрское его распространение говорит о его формировании в древнетюрскую эпоху, когда единство тюркского народа еще существовало как реальное социально-политическое и духовно-идеологическое явление. Об этом говорит и наличие слово «тенгри» в орхонских древнетюрских надписях с употреблением в смысле «бог», «небо».

Основной и ключевой категорией для понимания тенгерианства является Тенгри. Слово «Тенгри» в древнетюрских письменных памятниках и в «Диван лугат ат-тюрки» Махмуда Кашгари пишется как «Тэнгри» [1; с.49]. В разных культурных традициях, сохраняя свои основные смысл и значения, оно пишется и читается по-разному: у алтайцев - Теңри, монголов - Теңер, бурят - Тенери, тувинцев - Деер, якутов - Таңара, чувашей - Тура, проболгар - Таңра, в древних хунну по китайским источникам - Ченли, одно из имен - Авалокитешвары, тиветцев - Ченре-зиг.

Н.Г.Аюпов пишет: «Само слово «Тенгри» прототюркское, в последствии перешедшее в хуннский язык. Оно состоит из двух корней «Тэң» и рi, первый корень означает «Небо», второй «Человек». В современных тюркских языках слово «ер», «ір» означает мужчину. Термин «Таң» в хунском и древнетюркском означает зарю, восход, начало всего, «когда озаряет все », когда «все просыпается и начинает жить» [2; с.24]

В якутской традиции слово Таңара означает – 1)видимое небо, небо как божество. 2)Бог [3; с.25]

В Л. Дашням, развивая мысль о том, что у монголов слово тэнгэр вмещает все вещи и явления, пишет, что «Небо есть, великое бытие, великое мощь безмерное влияние, транслятор, из которого распространяются необычные сигналы, становящиеся человеческим достоянием» [4; с.2551]. М.Гантуая отмечает, что «прежде всего понятие монгольского слово «тэнгэр» в философском смысле означает трансцендентальное бытие, необычайная сила тарнссендентности» [5; с.182]

Тувинский исследователь О.Хомушку отмечает «в древности в традиционных верованиях народов Саяно-Алтая вырабатывалась идея Абсолюта, священного, божественного начала. Таким верховным божеством выступало небо. Небо в таком понимании имеет безграничное пространство, где имеется Малая медведица, Большая медведица, девять планет, девять небес и др. Подобная этажность трактовалась как иерархическая ступенчатая пирамида, аналогичная социальная лестница человеческого общества» [6; с.87]

В пантеоне богов религии тюрков каганата главное место занимал Тенгри, означавший культ неба. Поклонение культу небо-Тенгри было характерно для тюркских государств, особенно на начальных этапах их формирования, что подтверждается китайскими источниками. Поклонение небу служило объединению разрозненных племен в один народ (будун). Благодаря Тенгри, в представлении тюрков, каганы восходили на престол, народ избавлялся от тех или иных напастей, люди вылечивались от болезней.

Интересным представляется вопрос о происхождении культа Тенгри и о его функционировании как обряда. Известно, что слово «Тенгри» было выделено в 1893 году датским рунологом Вильгельмом Томсенем из орхонских надписей, Тюркское происхождение этого термина сегодня у исследователей не вызывает сомнений. Монгольский исследователь С.Пуэржав утверждает, культ неба возник в хунской среде. Что касается происхождения самого термина «Тэнгри», то М.Л.Хомонов относит его образование к периоду «общности алтайских языков».

Термин «Тенгри» принадлежит древнейшему мифологическому фонду народов Центральной Азии и, возможно был представлен еще в эпоху хунну (III в.до н.э. и раньше). Его сближают с хуннским ченли («небо»); предлагаются и более широкие параллели (кит.Тянь шум. Дингир. «небо»). Представление о Тенгри складывалось на основе анимистических верований о небесном духе-хозяине, причем небо мыслилось и его непосредственным проявлением, и местом его обитания. Тенгри, как неперсонифицированное мужское божественное начало, распоряжающееся судьбами человека, народа

и государства, выступает в древнетюркской мифологии. Возникший, возможно, еще в дотюркскую эпоху, в почти неизменном виде фигурирует Тенгри у средневековых монголов (Монхе-Тенгри) «Вечное небо». Поклонение персонифицированному божеству Тенгри-хану наблюдалось у западных-савиров (VIIв). Тенгри-хан представлялся человеком огромных размеров, что отражало космические масштабы небесного бога, тождественного самому небу, а титул «хан» указывал на главенствующее положение – во вселенной или пантеоне богов. Если распределение небесных богов по ярусам неба (более характерное для тюркской мифологии) в принципе иерархично, то связь с различными его областями (у монгольских народов) отражает дихотомию светлого и темного, благожелательного и демонического»[7; с.523].

Культ Неба – Тенгри на самом деле имеет весьма древние исторические корни. Во-первых, поклонение небу и небесному богу, носящее ярко выраженный монотейский характер, зафиксировано еще у древних обитателей Центральной Азии – саков, за которыми в европейской исторической традиции закрепилось название скифы. Согласно Геродоту, именно небо благославляет первочеловека и прародителя скифов Таргитая и его сыновей на царствование, после чего они обрели статус «царских скифов».

Один из древних народов – центральноазиатских степей-хунну поклонялись небу и называли себя «сыновьями Неба», а соседние народы нарекали их «небесными гордецами». Хунны ежегодно весной приносили жертву «своим предкам, небу, земле и духам». Ежедневно шаньюй дважды совершал поклонение: утром - восходящему солнцу, вечером - луне. Мероприятия начинались, «смотря по положению звезд и луны». Если вдобавок учесть титул шаньюя - «рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною», то будет ясно, что одним из объектов поклонения был космос; поскольку имели идола, изображающего его, космос был уже персонифицирован» [8; с. 97-98]

Первые те строки Большой надписи в честь Кюль-Тегина ясно и двусмысленно указывают на наличие в мировоззрении древних тюрков идеи о соотворенности Вселенной. Наряду со многими исследователями памятников древнетюркской рунической письменности на этот факт обращает внимание, в частности, И.Б.Стеблева, говоря, что «.. автор большой надписи в честь Кюльтегина начинает повествование с изображения времени мифологического прошлого народа тюрков: «Когда вверху голубое небо, (а) внизу бурая земля возникли (или были сотворены) между ними возникли (или были сотворены) человеческие сыны [9; с.51-52] Наряду с идеей о соотворенности Вселенной здесь также четко устанавливается и место человека в мироздании: вверху - небо – которое одновременно является и богом, и обиталищем бога; внизу - земля, а середине человек. «Для авторов орхонских текстов мир резко делится на божественный (божественная происхождение каганов, одобрение и милость неба во всех полезных для тюркского народа начинаниях кагана – войнах, походах усмирения

непокорных народов и человеческий (события реально происходившие и описанные)» [10; с.52]

Как показывают многочисленные исследования, взгляд на Тенгри, как на верховного бога творца и устроителя Вселенной, созидательными усилиями которого соотворены не только все мироздание и люди, но и другие божества, как единое целое, сохранился в религиозных воззрениях тюркоязычных народов. «Именно Тенгри, иногда вкуче с другими божествами распоряжаются в мире и, прежде всего, предопределяет судьбы людей; Тенгри распределяет сроки (жизни)»; Однако при этом рождением «сынов человеческих» ведаёт Умай, а их смертью-Эрклиг [11; с.123]

Авторы монографии «Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии» утверждают, что «Во-первых, Тенгри как Первоначало всего сущего и («не-сущего», т.е. «пустоты»), одновременно есть это начало «в небесном первочеловеке», Человек-Небо или Небесный человек есть Начало Всего. Во-вторых, первоначало, которое даёт жизнь всему - это жизненное первоначало, это сама Жизнь. Таким образом, понятие Тэнгри – это ни в коем случае не просто Небо, это не просто Небесный Бог и не просто Бог-творец. Тэнгри, скорее всего, это «Пра-начало», это недостижимая и непознаваемая Абсолютная Истина, Абсолютный Дух, он не поддается простому рациональному определению» [12; с.47]

Древние тюрки, оседая в согдийских, кангюйских, усунских городах и создавая свои, какое-то время оставались язычниками (шаманистами). Согласно надписям в честь Кюль-Тегина и Бильге кагана, вначале были соотворены «голубое небо» и «бурая земля», а затем между ними возникли «сыны человеческие». По космогоническим представлениям тюрков, «голубое небо» было крышей над миром, где ежедневно рождались солнце и луна. Особо почиталось солнце. Двери каганского шатра были открыты в сторону восходящего солнца. Среди особо почитаемых небесных объектов были и «семь планет». Земная твердь представлялась плоским пространством, ограниченным с четырех сторон и имеющим четыре угла. В древнетюркской «Книге гаданий» упомянуты «Три бытия», что соответствует верхнему среднему и нижнему мирам в мифологии тюркоязычных народов.

Верховное божество – Тенгри (Небо) принадлежало к верхнему миру. На востоке каганата культ его был связан с культом рек. Жертву духу неба ежедневно в средней декаде пятой луны на реке приносил сам каган. Предполагают, что божеству неба посвящали храмы, где молились о даровании победы тюркскому оружию. На западной окраине каганата божество Тенгри-хан представлялось в виде чудовищно громадного героя и «дикого исполина». Здесь культ его связывался с культом деревьев, посвящаемых Тенгри-хану, ему приносили в жертву коней. Кровью жертвенных животных поливали вокруг этих деревьев, головы и кожу вешали на сучья. В честь Тенгри-хана возводили капища.

Тенгри (Тэнгір) на протяжении веков оставался главным божеством и у казахов он управлял верхним миром, что зафиксировано в фольклоре, в жизненных ситуациях на уровне формул-сентенций. «Тэнгір жарылкасын» (Да

благословит небо!), «Тәңір ұрсын!» (Пусть покарает небо!).

Именем Голубого неба – Тенгра освящалась каганская (ханская) власть [13; с.131]. После того, как каган был избран, он становился первосвященником в государстве. Он почитался как сына Неба. Задача хана заключалась не только в том, что заботиться о материальном благополучии своего народа, его главной задачей являлось укрепление национальной славы и величие тюрков.

Ежегодно в государственном масштабе устраивались общественные моления - приношения жертвы [14; с.224]. В начале лета, в указанное время, в орду (столицу) съезжались племенные вожди, беки, знатные полководцы и нойоны и т.д. Вместе с каганом они восходили на священную гору, чтобы принести жертву Великому Тенгри. В этот день моления Тенгри проходили без женщин и камов, последние никогда не входили в состав священников (прорицателей) религии Тенгри, их роль заключалась в волховании, врачевании, в том числе гипнозом заговорами – их просто опасались [15; с.61]. Небесному Богу поклонялись, поднимая руки вверх и совершая земные поклоны, просили, чтобы Он дал хороший ум и здоровье, помогал в справедливом деле; другого не просили. Тенгри оказывал помощь тем, кто Его почитал и сам был активным, т.е. кроме молитвы совершал целеустремленное действие. Заканчивалось все праздничным пиршеством, весельем, различными играми, состязаниями, скачками.

Свою покорность Тенгри-хану степняки подчеркивали, используя древнейший символ, знак разностороннего креста «аджи»; его наносили на лоб краской либо в виде татуировки. Он символизировал понятие рум-мир, откуда берет все начало и куда все возвращается. Там есть небо и земля, верх и низ со своими покровителями. Рум плавает в безбрежном океане на спине огромной рыбы или черепахи, придавленной для большей устойчивости горой. У основании горы покоится змеи Бегша. Время от времени в руме вспыхивает, словно молния, крестообразная вадшра - «алмаз» по аналогии с буддизмом символ неуничтожимости [16; с.213]. При раскопках степного города Беленджера в Дагестане были обнаружены остатки храмов и сохранившиеся древние кресты. Такие же кресты археологии находили на могильных камнях от Байкала до Дуная – на земле исторического Дешт-Кыпчак». Археолог М.Магомедов, исследовавший остатки древних храмов кыпчаков, так описывает свои находки: они расположены в центре курганных групп и отличаются небольшими размерами. Ломанные внутренние очертания строения воссоздают в плане форму разностороннего креста [17; с.216]. Помимо прочности, неуничтожительности, крест, видимо, символизировал и перекресток, где сходятся пути мира. В противоположность правилам, принятым мировыми религиями, в тенгрианстве строили храмы в честь божеств или духов предков с одним внутренним помещением, предназначенным только для сохранения их символов. По представлениям древних тюрков, божества и духи посещали храмы лишь в дни религиозных празднеств.

В китайской летописи сказано «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимн на земле, поклоняются же единственно

тому, кто создал небо и землю и называют его Богом (Тенгре)». Свое почитание солнца они объясняли тем, что «Тенгри и его помощники Кун (солнце) руководят созданным миром; лучи солнца – нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем. Тюрки дважды в год приносили жертву солнцу-свету; осенью и в конце января, когда первые отблески солнца показывались на вершинах гор» [18; с.48]. Луна не являлась объектом поклонения. Ее почитание возникло значительно позже и входило лишь в число традиций, связанных по-видимому с лунным календарем. Культ огня у тюрков, как и монголов, был связан с верой в его могущественную очистительную силу от зла, дарованную Тенгри. Сохранились сведения византийского посла Земарха (568 г.) который прежде чем был допущен к кагану, прошел очищение огня. С культом огня связан погребальный обряд тюрков - обычай сожжения умерших. Среди глубоко почитаемых объектов природы у тюрков был металл-железо, из которого ковали оружие. Оно встречается во всех легендах, в которых древние тюрки излагали историю своего происхождения. Хунны первыми в Центральной Азии освоили промышленную добычу железа. По китайским источникам, развитие металлургии позволило роду Ашина перевооружить свою армию и создать отборные ударные части из латной кавалерии-фули, т.е.бури-волки [19; с.229]. «Хунны молились железу и символом его сделали клинок, который римляне называли мечом Марса. На границе тюркской империи византийские послы в VI веке присутствовали при религиозной церемонии, во время которой им поднесли железо» [20; с.818].

Таким образом, тенгрианство, будучи оформленной религией, на протяжении многих веков через систему духовных кодов культивировало и социализировало определенные устойчивые этнические константы народов. Степи, где сложился психологический тип, «небесных людей»: свободолюбивый тюрк - бестрашный воин, подвижный, темпераментный от природы, и владелица дома - женщина (мужу принадлежало только оружие). Во всех тюркских родах, племенах и ордах все они были объединены одной идеей. Единство через «стремление к Вечному элю» - гаранту порядка в Степи, рожденной еще Мете-шаньем во II веке до н.э. «При полной политической раздробленности идейное единство тюркских племен сохранялось; этническая традиция, она же наследственность, не была нарушена, незабвенные деяния предков вдохновляли и на подвиг» [21; с.145]

В результате тюрки создали много десятков империй и ханств. Часто война уносила их из родных мест на тысячи километров. Рождаясь в одном краю, тюрк умирал чаще в другом. Его родиной была Великая Степь.

1. М. Кашкари. Лугани-ат-тюрк. М. 1999. Стр. 49.
2. Аюпов Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение/ Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. МОН РК г.Алматы КазНПУ им. Абая 2004. Стр 24.
3. Там же стр 25.
4. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Москва АН СССР 1. IIIт. 1959г. стр 2551
5. Гантуяа М. Философское осмысление понятия «тэнгэр». (Тэнгэризм и

- монголы) Улан-Батор ИАЛИГ. 2011г. стр171-179
6. Хомушку Д.М. Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М: из-во ГЛГС 2005г. стр 87
 7. Мифологический словарь. М.1990г. 523
 8. Гумилев Л.Н. История народа хунну. СПб 1990г. Стр 97-98
 9. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.1976г. Стр 51-52
 10. Там же с 52
 11. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках СПб. 1977г. М.1981г. Стр 123
 12. Абаев Н.В., Аюпов Н.Г. Тенгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Абокан 2009г. стр 47
 13. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 2003г. Стр131
 14. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. М-Л1936г. стр264
 15. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. М.1983г. стр61
 16. Религии мира. Энциклопедия. М.1996г. Т.6.-2.1 стр 213
 17. Там же стр 216
 18. Попов А.А. Тавшийцы. М.Л. 1936г. стр48
 19. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.Л. 1950г. стр229
 20. Лависся Э., Рамбо А. Всеобщая история.М.1897г \ \ стр 818
 21. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия.Баку.1991г. стр 145

ҚЫПШАҚ ӨРКЕНИЕТІНІҢ ӘЛЕМДІК ӨРЕСІ

Е.З.Қажыбек

Алматы, Қазақстан

Халықаралық түріктану орталығы

Қазіргі кезде өзін Түрік деп атап жүрген ұлы ұлыс, көптеген халық пен мемлекеттер жиынтығы, ұланғайыр ұлттық өркениет – адамзат даму ерекшеліктеріне сәйкес басқа атау мен аттарға да ие болғаны тарихтан маман қауымына жақсы мәлім құбылыс. Скиф, сақ, массагет, ғұн деп аталатын, тағы да көптеген басқа этнонимдері мен ру-тайпа аттары, ықылым замандарда түрлі сипатта болған. Олардың бірі әрі бірегейі – қазақша (түрікше) *Қыпшақ*, орысша (славянша) *Половец*, византийша (европаша) *Құман*, мажарша (венгрше) *Құн*, арабша *Мәмлүк* деп аталатын көне түрік атауы жөнінде сөз өрбітелік.

Тілдік тұрғы. Бүгінгі компаративистік *тек-* (*proto-*) және *түп-* (*пра-*) тарихи-салыстырмалы зерттеулерде тектүрік пен түптүрік деңгейде негізгі байырғы диалекттерінің бірі ретінде тек- пен түпқыпшақ архетиптері – толық әрі жүйелі түрде қолға алынбаған тақырып.

Түпқыпшақ лексикологиялық – Т.М.Гарипов, А.А.Чеченов, көнетүріктік – С.Б.Байчоров, Дж.Клосон, Осман Ф. Сертқая, А.Рона-Таш, жалпы алтайлық – К.М.Мұсаев, К.С.Кадыраджиев, И.М.Қоңыр, текбұлғар – М.З.Закиев пен Н.И.Егоров, түп- пен текқазақтық – Ә.Т.Қайдаров, палео ортағасырлық – Э.Р.Тенишев, Э.Н.Наджип, Ф.Хәкімзянов, этно-топо-ономастикалық – А.Г.Шайхулов, ареалдық – Н.З.Гаджиева, т.с.с. сынды бастамалары болмаса, мынадай көкейкесті сұрақтарға:

- Тек- пен түпқыпшақ арасындағы грамматикалық (морфология – сөзжасам – синтаксис), лексикалық, фонетикалық, семантикалық, морфонологиялық айырмашылықтары;
 - Текқыпшақ (протоқыпшақ) пен алтай (тек-, түпалтай, оралалтай, жалпы алтай) тілдерінің арақатынасы;
 - Тек- пен түпоғыз, тек- пен түпқарлұқ және тек- пен түпчуваш пен түпсақа тілдерінде түп- пен текқыпшақ элементтері мен архаизмдердің жүйесі;
 - Тек- пен түп- – басқа тілдік топтарға жататын тілдерде (дравид, палеоазиат, қытай, үндіеуропа, иран, араб, картвел, армян т.б.) түп- пен текқыпшақ элементтері мен архаизмдердің жүйесі;
 - Ең байырғы тілдік жүйелерде тек- пен түпқыпшақ сарқыншақтары (шумер, этрусск, авеста, викингтер тілі т.б.) ж.б.
- әлі де көңілге қонымды монографиялық зерттеу немесе басқа типтес жанжақты ізденістер, не ғылыми мақалалар топтамасы жауап беріп көрген емес.

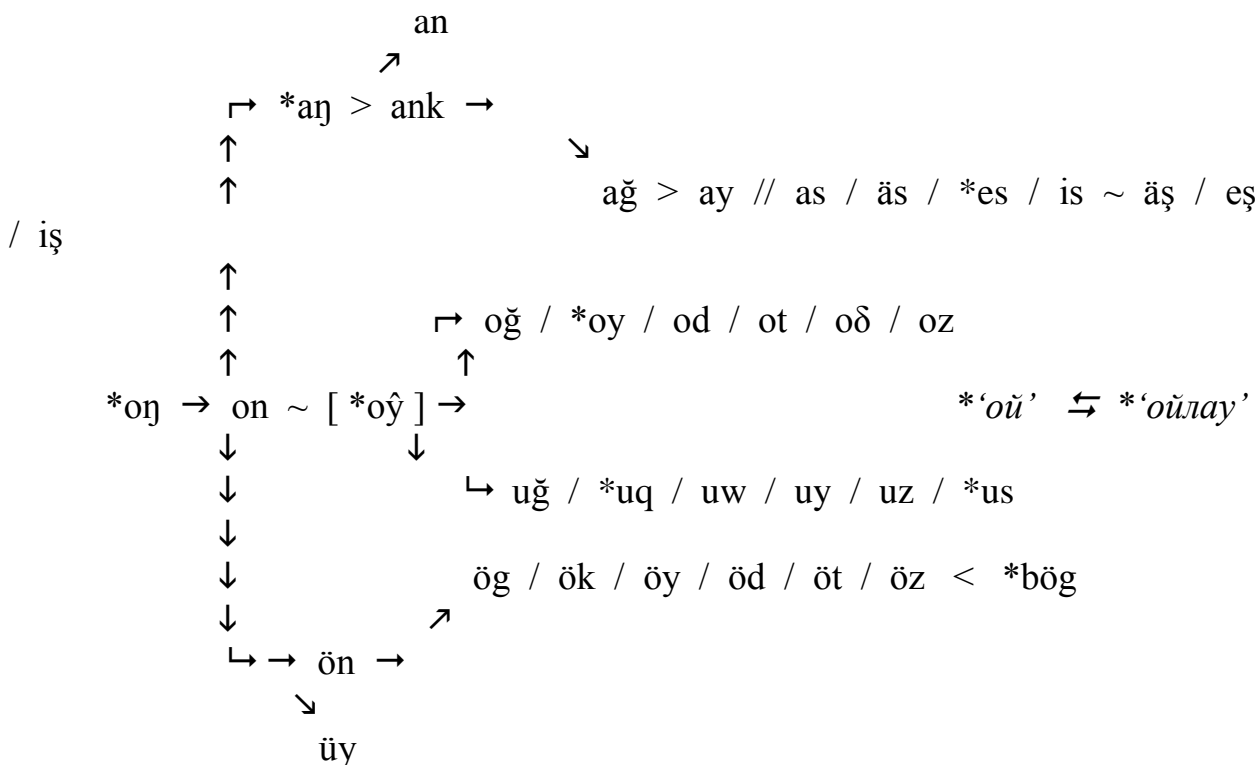
Ал, жоғарыда келтірілген сұрақтар сияқты мәселелерге уақытында тиісті өз жауабын бермей, яғни түп- пен тектүріктің ажырамас бір бөлшегі ретінде есептелетін тек- пен түпқыпшақтың табиғатына тән кешенді жанжақты

зерттеу жүргізбей, жалпы түп- пен тектүріктік те, тіпті, түп- пен текалтай реконструкциясы да толық болып шықпауы түсінікті.

Фоно-морфо-лексико-семантикалық гомогендік ұялар (түбірден өрбу кестелері) арқылы белгіленген түпнұсқа (праформа) бұтақтарын хронологияландыру – болашақтың үлесі.

Сөзімізді дәлелді ету мақсатымен, істің күрделілігін әрі түрленгендігін көрсету үшін тек бір ғана моносиллабтық *oŋ // *aŋ // *es // *uу ~ *uq / *us / *oŋ ~ *ou / *ög 'түсіну', 'ойлау', 'сезу' ⇔ 'түсінік', 'ой', 'сезім, сезік' ұя-қатарына тоқтала өтейік.

Аталмыш ұя-қатардың жалпы кестесі («ағашы»):

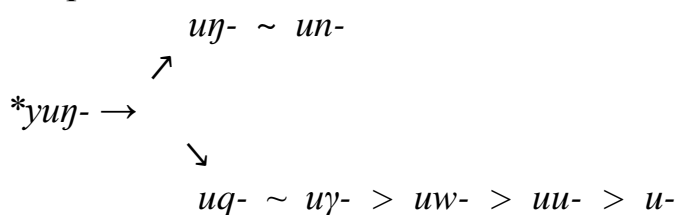

Аталмыш *oŋ // *aŋ // *es // *uу ~ *uq / *us / *oŋ ~ *ou / *ög 'түсіну', 'ойлау', 'сезу' ⇔ 'түсінік', 'ой', 'сезім, сезік' ұя-қатардың – тармақталған 5 бағытына («бұтағына») зер салалық.

1-ші бағыт: *aŋ ~ an / *oŋ ~ on ~ *ou / *uу 'ойлау', 'толғану', 'есте сақтау', 'еске түсіру', 'түсіну', 'есін жинау' ⇔ 'ақыл', 'сана', 'ес', 'түсінік', 'ой'. Тектүр. синкр. *aŋ 'толғану', 'ойлау', 'есте сақтау', 'еске түсіру', 'түсіну' ⇔ 'ақыл', 'сана', 'ой', 'түсінік', 'ес' – кең тараған түбір-сөз *Наджип I 123,250; ФЗ 267; ЮКЛ I 71; САГ 365; ЩФ 129; ЭСТЯ I 153-154, 756; ҚТҚЭС 39, 40* ж.б. 'Білу', 'түсіну' мағынасындағы хак. *oŋna-*, сол. алт. *oŋno-* және жалпы түр. *aŋla-* формасына қосымша *oŋga-* түрі *a:ŋ ~ aŋ ~ an* мен *oi* 'ой', 'ақыл' арасында тікелей байланыс бар екенін анық көрсетеді. Бұған қосымша дәлел ретінде – кәдуілгі *oiyan-* мағынасындағы ... *oŋdan-* 'ояну', 'ес жинау' формаларын қарастыруға болады *ЭСТЯ I 153-154*. Сал. мәндес: қыр. *ouğor-*, қаз. *uugar-*, хак. *oŋar-*, қаз., қарақ. *aŋğar-* ж.б. Түпнұсқа мағынасының күрделілігі жөнінде: *aŋ- ↔ *aŋ *САГ 421, Калужиньски I 11* т.т.

2-ші бағыт: *ou ~ *oğ / *od ~ *ot ~ *ođ ~ *oz / *on ~ *oŋ / *uy ~ *uz ‘ойлау’, ‘толғану’, ‘есте болу’, ‘ұйықтамау’ ⇔ ‘ой’, ‘сана’, ‘ақыл’, ‘түсінік’, ‘толғау’. Жалпы түр. *ou ‘ой’, ‘түсінік’ БСл I 162 ж.б. түбірінің етістік сыңары да тіркелген: ⇔ *ou- ‘терең ойлану’, ‘толғану’ РСл I 970. ЭСТЯ бойынша (I 428-432) реконструкцияланған қатарға назар салыңыз: *ou ~ *uy / *ot / *on ~ *oŋ (ou?) ‘ой’, ‘ақыл’, ‘сана’ ⇔ *ou- / *oğ- / *od- ~ *ot- ~ *ođ- ~ *oz- / *uy- ~ *uz- ‘ұйықтамау’, ‘ойлану’, ‘есте болу’. Тағы қ.: БМ 150 ж.б. Жоғарыдағы корреляттардың түпнұсқасы *oŋ < хак. oŋar-, қыз. oŋār-, тув. oŋğar- (жоғарыдағы 1-ші бағыттағы *aŋ ~ an / *uy ~ *uq / *oŋ ~ on ~ *ou құрамында кездескен түпқып. – кыр. ouğor-, қаз. uuğar- ж.б. сал.) ‘түсіну’, ‘ұғу’, ‘есін жинау’ және оңдан- ‘ояну’, ‘есін жинап алу’ Баскаков Туба 140.

3-ші бағыт: *ou ~ *oğ / *od ~ *ot ~ *ođ ~ *oz / *on ~ *oŋ / *uy ~ *uz ‘ойлану’, ‘ойлау’, ‘есін жоғалтпау’, ‘ұйықтамау’ ⇔ ‘ой’, ‘ақыл’, ‘сана’, ‘түсінік’, ‘толғау’. Түрік *uq- ‘түсіну’, ‘ұғу’, ‘тыңдау’, ‘білу’ түбірінің есім сыңары көне ұйғ. тілінде кездеседі – Р Сл I 1065: uq ‘пікір’, ‘мән’, ‘түсінік’. Жалпы “ұғу”, “тыңдау” және “түсіну”, “бабына бару” мағыналары бір ортақ түпнұсқаға саяды: ЭСТЯ I 584. Сондықтан хак. ux- ‘есту’ ⇔ ‘құлақ’, сөзсіз, *uq- ⇔ *uq кешенінің бір тармағы болып табылады. Кейбір ғалымдар uq- ‘түсіну’ (МК Dizin 687; қ. тағы: Battal 79) мен ö:k ‘ақыл’, ‘түсінік’ (МК Dizin 453; қ. тағы: Battal 54) формаларындағы дыбыс алмасудың өзінің сөзжасамдық (есім ~ етістік таптарға бөлу) қасиеті бар деп есептейді САГ 434-435. Яғни, нәтижеде uq- ‘түсіну’, ‘ұғу’ ДТС 613 және ög ‘ақыл’, ‘ой’ ДТС 378 – бір арнаға тоғыстырылады. Н.А.Баскаков кезінде көне түр. u- ‘шамаға ие болу’, ‘шыдау’, ‘күші жету’ ДТС 603 түбір сөзді uq- ‘түсіну’, ‘ұғу’ моносиллабпен салыстырған БМ 150-151: *uq- > *u-. Дж. Клосон, e- / i- < er- ‘бар болу’ сықылды, көне түр. u:- ‘ны да осылайша «қысқартылған» тұлға екенін мойындайды Clauson ED 2, 193. Сал.: u- ~ як. uy- ‘шамаға ие болу’ Ramstedt 135. Ұқтас ұстаным: u- ‘шама-шарқысы жету’ < түр. uy- / ж.-ұйғ. uq- ‘түсіну’ Котвич 15. وا ‘күшті болу’ түбірін Ибн әл-Мұханна ‘Өте күшті (Алла Тағала сипаттамасы ретінде)’, ‘Алла Тағаланың атауы, бір аты ретінде’ қолданылатын والغن сөзінде табады: وا + اغن есімше жұрнағы АФТ 051; П.М.Мелиоранский бұл салыстырудан күмәнданса да: “корень وا неизвестен» аталғ. еңб., бізше Ибн әл-Мұханна жорамалы шындыққа саятын сияқты – сал.: көне түр. есімше түріндегі iğān ‘барлығын билеп-төстеуші Алла Тағала’ Clauson ED 2 ж.б. Қорытынды *uiŋ- түпнұсқасы үшін Н.А.Баскаков екі фонетикалық әрі семантикалық даму жолын ұсынады:

– алғашқыда бір жалпы *‘түсіну’, *‘шамаға ие болу’ мағынасында, дами келе ерекшеленген екіленген түрде:

жету’

$un- \sim uy- > uw- > ui- > u-$ ‘шама-шарқысы’

↗
*уиη- →

↘

$uq- \sim uy-$ ‘түсіну’ БМ 150-152.

Және морфема *уиη- (етістік), Николай Александровичтың ұстанымы бойынша, жалпы түр. *аη ‘сана’, ‘ақыл-ой’, ‘ой, пікір’ (есім) сөзінің синкреттік сыңары болып табылады бұл да сонда. Осыларды ескере отырып, *аη ~ *иқ ж.б. ‘түсіну’ ⇔ ‘түсінік’ мағынасындағы гомогендік ұя-қатарлардың – бізге әзірге тек қана етістік мағынасына ие ‘шамаға ие болу’, ‘шама-шарқысы жету’ қолданымдардың да есім сыңары болуы ықтимал екенін “хабарлағандай” ақпар береді. Сал.: көн. түр. иқиш ‘ақыл’, ‘саналылық’, ‘зеректік’ ⇔ иқиш- ‘түсіну’ ДТС 613 сықылды дериваттарды ж.б.

4-ші бағыт: *us // *es ‘ойлау’, ‘білу, ұғу, түсіну’ ⇔ ‘білім’, ‘ой’, ‘пікір’, ‘ақыл’, ‘сана’. Түр. us- ‘ойлау’, ‘ұғу, түсіну’ ⇔ us ‘ой-пікір’, ‘ес’ бірер нұсқада жолықса да Clauson ED 240-241 ж.б., көбінесе бір ғана тілде немене бір ғана ескерткіште екеуі де бірден сирек кездеседі: us- ‘ойлау’ ДТС 616 және us ‘ақыл-ес’, ‘ой’, ‘сана’, ‘ақыл’ *Курьшжанов 210; Ибатов 223; سا us* – Махмұт Қашғарлыда *огыз* деген түсініктемесімен ‘жаман мен жақсыны айыра білетін адам, есті’, Әбу-Хайанда *صوا us* ‘ақыл, біліктілік’, Ибн әл-Мұханнада us- (*usmaq*) етістігі ‘ниеттену, талпыну’ ж.б., сал: *Наджип I 324-326; ЭСТЯ I 606-607*. Аталмыш түбірдің жалпы түр. *es нұсқасына жақындығын мойындай келе, Э.В.Севортян төркіні бір екі түбірдің қолданысына байланысты нақты салалануды, жіктелуді, бөлшектенуді ұсынады:

us – оңтүстік-батыс түрік тілдерінде

↗

*ортақ түпнұсқа →

↘

es – солтүстік-батыс түрік тілдерінде

және өзбек

пен ұйғыр тілінде

Оу- ‘ойлау’ ⇔ оу ‘ой, түсінік’ ұя-қатарында кездесетін кең қолданысқа ие түр. $uz-$ / $oz-$ және мамандарға жақсы таныс $y \sim d / t \sim \mathcal{J} \sim z / s$ дыбыс үйлесімі – бұл пікірге еш қайшы келмейді.

4-ші бағыт: *es ‘ұғу’ ⇔ ‘ақыл-ес’, ‘сана’, ‘сана-сезім’.

Қорытынды түйін: түпқыпшақ тіліне нұсқаның екеуі де – *us та *es те еңгізілсе, түпоғыз тіліне тек қана *us кіреді (орта ғасыр ескерткіштерде таралуын сал.: ЭСТЯ I 607).

Тарихи тұрғы. Қыпшақ тарихының хронологиялық классификациясын жасағанда, біріншіден, дәстүрлі қыпшақ кезеңі мен жалпы “қыпшақтық” этно-глоттогенізінің аражігін бір-бірінен ажыратқан жөн. Дәстүрлі “қыпшақ”

кезеңі ІХ-ХІІІ ғғ. аралығына тап келсе, қыпшақ этно-глоттогенез желісі бізді жазба пайда болу заманынан (“дописьменный”) әлдеқайда көне (“доисторический”) дәуірлерге жетелейді.

Ең байырғы скиф-сақ, массагет-савромат, шумер-этрусск деңгейінде “қыпшақ” атрибуттері, жұрнақтары болу мүмкін бе, әлде жоқ па? Мүмкін болса, олардың бүгінгі біз білетін қыпшақ сұлбасына, жобасына ұқсастығы мен алшақтығы неде? Түпқыпшақ тілі ғұндардан ежелгі заманға тән болса, онда текқыпшақ пен түптүрік тілі осы сақ пен скиф кезеңдерге тұстас келмей ме?

Сөзсіз, қыпшақтың ең байырғы, ең көне тұстарын зерттеп, жүйелеу – болашақта ғалымдардың қолға алатын ең қомақты ісі болып табылады. Олай болмаса, елтаңбамызға орналастырылған “Алтын адам” атрибуттері де, алтын адамның өзі де, басқасын айтпағанда және бүгінгі дәстүрлі ғылымда әлі де едәуір көпшілік “қолдаған”, ғылыми орта мақұлдаған пікірдің өзі – біздің төл тарихымызды, шынайы болмысымызды анықтауға бағытталмағаны айдан анық. Мен бұл жерде толып жатқан ғылымисымақ және ғылымнан тыс талай еңбектерді айтқым келіп отырған жоқ. Мамандар мойындамаса, мамандар мойындайтын тілде, сол деңгейде жазылған еңбек болмаса, оны еңбек деп те атаудың қажеті шамалы.

Бізге қазір “ура патриот”, көрінгенді қазақтан шығаратын сауаты төмен “сәуегейлерден” гөрі, инемен құдық қазғандай, тапжылмай тар, нақты бір салада жұмыс істейтін жоғары дәрежелі көп жас мамандар қажет: шумерологтар, индологтар, көне қытай мамандары, скифтік әлемінің әр саласы бойынша – мифологі, тілшісі, өнертанушысы, археологі, зергері, антропологі, т.т.

Бір ғана мысал келтірейік. Норвегия, Дания мен Швеция елдері өздерін аты шулы викингтерден таратады. Сол викингтердің шығу тегін анықтау – күні бүгінге дейін шешімін таппаған мәселе. Атақты Тур Хейердал дүниежүзін салымен де, атпен де, жаяу да аралаған басты себебі де осы сұраққа жауапты іздеуі еді: біз, викингтер, кімбіз, кімнен тараймыз, ата-бабаларымыз кім, қайдан келген елміз?

Өкінішке қарай, Тур Хейерал, көп елді араласа да, түрік халықтарына жетіп үлгірмеді. Мына фактілерге зер салып қараңызшы.

Тарихи-мифологиялық дәлел. Викингтердің ресми ата-бабаларының бірі – ғұндардың көсемі Аттила. Тіпті, керек болса, ол қаһраман ретінде олардың скандинав жырларында да бас кейіпкердің бірі болып орын алады.

Этнографиялық дәлел. Қайтыс болған викингті атпен бірге жерлейді екен, орнына үйіп қорған орнатады, қорған басына тасты қояды.

Палеографиялық дәлел. Викингтердің төл жазуы – біздің орхон-енісей жазбаларымыздың сыңары. Дат (Даниялық) Вильгельм Томпсеннің бірінші болып көнетүрік руна тілін дешифровка жасағаны кездейсоқтық жағыдай емес екені баршаға мәлім мәлімет: ол бірден өзіне жақсы таныс құдай аты “Тәңірі” деген викинг сөзін таныды. Бізде де тәңірі, оларда да тәңірі екен, айтылуы да, жазылуы да бірдей болып шықты.

Гастрономиялық дәлел. Викинг ұрпақтарының бүгінгі ұлттық тағамы – мүшеленген қойды пісіріп, қонаққа етті қойдың басымен бірге ұсыну.

Тілдік дәлел. Тіл ғылымында, компаративистикада мынадай заң бар. Сөздер түрлі тілдерде бір-біріне сәйкес келе беруі мүмкін. Оларды кірмелік немесе басқа бір ауыс-түйістің нәтижесі дей салуға болады. Алайда, грамматикалық ұқсастықтарға келгенде, яғни морфологиялық форманттардың сәйкесуіне – бұндай жағыдайда тілбілімінің үкімі өте қатал: бұлар, сөзсіз, туыс, тегі бір тілдер болып шығады.

Олай болса, бір ғана мысалды назарларыңызға ұсынайын. Қазіргі норвеж, дат, швед тілінде *-ter* деген жұрнақ бар. Кәдімгі көптік жалғау қызметіндегі аффикс. Мысалы: норвежше *biletter, toaletter* – яғни көп билет (сататын жер), көп әжетхана (орналасқан жер). Ең ғажабы – **-ter* жұрнағы мен “қойдың басын қонаққа ұсыну” палеорәсімінің ап-анық түпқыпшақтық сипатында болып отыр. Түптүрікте **-ter* жалғауы диалект ретінде (е. түпқып.) көрініс табу әбден мүмкін болса да, **“қойдың басын қонаққа ұсыну”* палеорәсімінің – түптүрік деңгейіне орнығуы мүлде мүмкін емес, өйткені, түпоғ. бен түпқарл. реликттеріне бұл рәсім (сырттан келген бір көршілес өңірлерде болмаса) етене, қанға сіңген, төл әрі тән ежелгі салт емес екені этнограф ғалымдарға жақсы таныс жәйт.

Түпқыпшақ тілдерінің текқыпшаққа (түптүрікке әлі жетпеген тұста) айнала бастаған кезеңнің – Ғұн империясының ең алғашқы бастауларынан бірәз ілгері (көне) орналасқанын ескерсек – тарихи-мифологиялық дерегінің жаны бар екенін мойындауымыз керек.

Алысқа бармай-ақ, тек қана осы ғұн тарихына бір көз жүгіртіп көргеннің өзінде – Еуропа елдерінің ұлыстық, ұлттық, мемлекеттіліктің ірге тасын қалаған өр өркениет – осы Еділ бабамыздың атымен тікелей байланысты екені нақты көрініс табады. Қаншама зерттеу жұмыстары, фильм, роман, пьесалар жазылды – еуропа тілдерінде, қытайша, орысша да. Өркениетті елдердің бәрі, байырғы Рим мен Грекия, Германия да, Франция да, тіпті, мына Ресей де ғұндарды кезінде иемденгісі келген. Бірақ, амал нешік, тайға таңба басқандай дәлелдерден ешкім аттап өте алмады. Ғұндар – түріктер, көне түріктер. Бұған қазір ғылымда дау жоқ. Шетелдіктер (өз қалаулары бойынша) шеттетілді, біздер ше, тікелей ұрпағы, түріктер – бір сүйем де тақырыпқа жақындай түспедік, бұл келелі мәселені келер ұрпақ үшін қолға алғанымыздың түгі жоқ, бұрынғы (надан) сарын, әсіре сөз бен бос бөспе тұжырымдар әлі де жалғасуда... Бұрынырақта да ынталы түрде жігерін сарп еткен Ерекең мен Саматтан басқа қоғамдық санада (проф. Ереңғайып Омаров пен тарихшы Самат Өтениязовты айтып отырмын) осы проблемаға байланысты кімдер танымал? Мемлекеттік тапсырыс, мемлекеттік қамқоршылық, мемлекеттік ғылыми саясатымыз қайда қалды?

Жарайды, тым ескіні қойып, дәстүрлі Қыпшақ дәуіріне көшелік. Ол, әлбетте, Қимақ заманынан бастау алады. Қимақ кезеңі – Қыпшақтықтың алғышарты.

Ұлы “Дешт” мемлекеті, ұлы қыпшақ мәдениеті, ұлы қыпшақ өркениеті – көнетүрік қағанаттары, ғұн империясының төл мұрагері, қарашаңырақ ұрпағы...

Осы ретте, бірінші, еске марқұм бауырымыз, мажар ғалымы Иштван Мандоки Қоңыр оралады... Сонау, фашист-коммунист, анти-түрік

идеологиясының қылышынан қан тамған уақытта, жарқын ағамыз жүрегін шүберекке түйіп, қуанышынан жасын тыймай, қыршын жас шақта елге қайтып халқымен қауышқаны әлі есімде... Сол келістен Қоңыр мажар еліне қайтпады, бізде қалды, мәңгі Кеңсай баурайына отауын тікті...

Еуропа тарихын, әсіресе, Австрия, Германия, Франция, Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Эстония, Босния мен Герцеговина, Македония, Сербия, Хорватия, Черногория, ж. көптеген б., Азия мен Еуразиядағы – Орта Азия мемлекеттері, Қытай, Монғолия, Кавказ тұтасымен, Балқан өңірі, Мысыр мен Сирия, Түркия мен Грекия, тіпті, Ресей мемлекеттілігінің тарихын, керек болса, Америка құрлығындағы маңызды тарихи оқиғаларды – Қыпшақтың ұйыстыру, біріктіру, қалыптастыру, орнықтыру, құрастыру рөлісіз елестету мүмкін емес.

Грузияның тарихында Қыпшақ факторы шешуші мәнге ие болған. Орта ғасыр заманынан бастап мың жылға жуық уақыт бүкіл Кавказда бір ортақ ресми, әдеби тіл болған. Осетиндер де, армян-грузиндер де, аварлар да – бәрі сол тілде іс қағаздарын жүргізген, сот үкімдерін, бұйрық хаттарын, ресми хаттасуды, салық есептесулерін осы тілде атқарған. Ол тіл – кәдуілгі қыпшақ тілі. Оны құмық тілі, қазақ тілі, ноғай, қарашай тілі десек те болады.

Ресей тарихындағы елбасыларының бірінші Иван Калиталарынан бастап (“Калита” сөзін де таза қыпшақша “карман” [< *qalta] деп аударып турады орыс ғалымдарының өзі; оғ. “карман” *jer*, қарл. *yançuk*) ХІХ ғасырдағы Шуйскийлерге дейін қыпшақ саясаты бұл алқапта басым болғаны тарихта жақсы зерттелген сала. Тіпті, атышулы Владимир княздігінің патшасы Александр Невскийдің өзі сол қыпшақ тілінде ана тіліндей сайрағаны туралы мәлімет сол тұстағы орыс билеушілеріне жат құбылыс болмағаны тарихшыларға аян [1, 80-81 б., ж.б.] мәселе.

Тоқетеріне келсек, қазақ халқының төл тарихын, қазақ мемлекеттілігінің тарихын, қазақ этногенезін осы Ұлы Қыпшақ Ұлысының тарихымен тікелей байланыстырмай зерттеу – бүгінгі ұлттық тарихимыздың ең осал жері.

Қазақ хандығының бастауын кешегі Жәнібек пен Керейдің бір көшкен әрекетінен емес – осы ұлы бағдардан, қыпшақтық сара жолынан бастау керек. Басқа тарих – жалған тарих, келте тарих, жұпыны тарих.

Соңғы жылдарда, еліміз егемендік алған соң, кейбір ғалымдарымыздың қытай, араб, парсы деректерін біраз ақтаруға мүмкіншілікке ие болғаны баршаға жақсы таныс. Осындайда табылған тың деректердің бірін ғана келтіре кетейін. Тегерандағы Қажы Хүсейін Мәлек кітапханасынан табылған құнды қолжазбалардың бірі «Тарих-и Сафавие» деп аталады. Бұл қолжазбаның авторы – атақты Ысмайыл Хүсейін Мараши Тәбризи. Ол өз ортасына Мір Мүләйім Бек деген атпен танылған. Сондай-ақ оның «Да‘уа» деген лақап аты да белгілі... Бұл қолжазба – 372 парақтан тұратын қомақты еңбек... «Тарих-и Сафавие» қолжазбасының бірнеше жерінде Қасым ханның аты аталады. Шығарманың авторы Қасым ханды қалай атайды екен? Осы мәселеге назарыңызды ерекше аударғым келіп отыр. Ысмайыл Хүсейін Мараши Тәбризи Қасым ханды атағанда – оны екі түрде айтады екен. Біріншісі, Қасым хан – Дешті Қыпшақтың ханы, екіншісі – Қасым хан Дешті Қыпшақтың патшасы [қ.: 2]. Яғни сол кездегі Қазақ хандығының

мазмұны – Дешті Қыпшақ көлемі болып табылады. Міне, Қазақ хандығының қыпшақ дәуіріне тән территориясы осындай болған. Кейін, Алтын Орда ыдыраған соң, солтүстік бөлігі бөлектеніп, Орта Азия мен бүгінгі Қытай жері жеке ірі ел болып қалады – тарихта оны Түркістан деп атаған. Міне, Қазақ хандығының – екінші тарихтан белгілі жері осындай кең аумақты болған. Бұлар әрдайым көптеген түрік халықтары мен тайпалары қоян-қолтық бірлесе өмір сүрген саяси-мәдени-тарихи бірлестіктер түрінде болған.

Қазақтың «Қасымхан салған қасқа жолы» мен «Есімхан салған ескі жолы» ұлттық дала кодексінің негізінде сол замандағы мемлекетімізге құрамдас қазақ, қырғыз, қарақалпақ, түрікпен, өзбек, тәжіктер – бәрі де Қазақ хандығының ішінде болғаны бесенеден белгілі. Керек болса, кезінде, Ғұн, Түрік, Қыпшақ сияқты, Қазақ сөзінің негізгі мағынасы да – ортақтықты, бірлікті, ұйымшылдықты білдіретін этноним. Қазақ деген ру жоқ, қазақ сөзі – мемлекеттің аты, елдің атауы, жердің қасиеті, ұлттың ұйысқаны, ерлік пен ердің белгісі.

Қыпшақ дәуірі – тікелей қазақтықты қалыптастырған, қазақ елдігінің іргесін қалаған батыр бабалар заманы, алтын тарихымыз, баға жетпес мемлекеттілігіміздің қайнар көзі.

Осыны ұмытпасақ деймін.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. *Белинский В.* Страна Моксель или открытие Великороссии. Киев, 2007
2. *Қамбарбекова Ф.* Иранда Қасым хан туралы қолжазба табылды. – Алаш айнасы, 26 наурыз, 2011

ҚЫСҚАРТУЛАР

е. түпқып. – ерте түпқыпшақ түптүр. диал.

диал. – диалект, диалекттік

жалпы түр. – жалпы түрік

ж.-ұйғ. – жаңа ұйғыр

көне түр. – көне түрік

көне ұйғ. – көне ұйғыр

қ. – қараңыз

қаз. – қазақ

қарақ. – қарақалпақ

қарл. – қарлұқ

қыз. – қызыл

қыр. – қырғыз

оғ. – оғыз

сал. – салыстырыңыз

синкр. – синкретті; әрі есім, әрі етістік (көне)

сол. алт.

текқып. – текқыпшақ (протоқыпшақ)

тектүр. – тектүрік, прототүрік

тув.

түпқарл. – түпқарлұқ

түпкып. – түпкыпшак (пракыпшак)

түпоғ. – түпоғыз

түптүр. – түптүрік (пратүрік)

түр. – түрік

хак.

як.– якут (сака)

АФТ – Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900

Баскаков Туба – *Баскаков Н.А.* Современные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М.: 1966

БМ – *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979

Battal – *Battal Aptullah. İbnü-Mühennâ lûgati. İst.*, 1934; Ankara, 1988

БСл – *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I-II. СПб., 1869-1871

ДТС – Древнетюркский словарь. Под ред. В.М.Наделяева, Д.М.Насилова, Э.Р.Тенишева, А.М.Щербака. Л., 1969

Ибатов – *Ибатов Ә.* Кутбтың «Хусрау уа Шірін» поэмасының сөздігі: XIV ғасыр. А., 1974

Котвич – *Котвич В. Л.* Исследование по алтайским языкам. Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1962

Курьшжанов – *Курьшжанов А. К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – «Тюркско-арабского словаря». А., 1970

ҚТҚЭС – Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. А., 1966

МК Dizin – *Divanü lûgat-it-Türk Dizini «Endeks».* Yaz. Besim Atalay. Ankara, 1943

Наджип I – *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I. М., 1979

Рамстедт – *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание: Морфология. Под ред. и с пред. Н. А.Баскакова. М., 1957

РСл – *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. I-IV. СПб., 1893-1911

САГ – *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962

Clauson ED – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972

ФЗ – *Фазылов Э. И., Зияева М. Т.* Изысканный дар тюркскому языку. Ташкент, 1978

ЩФ – *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Т. I-IV с указанием автора: Э.В.Севортян, т. V-VII – без. М., 1974-2003

ЮКЛ I – *Юнусалиев Б.М.* Киргизская лексикология. Ч. I: Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959

ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОКИ КИПЧАКСКОГО ТРАНСКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ

*Сулейманов И. М.
Алматы, Казахстан*

«Тюрки-кипчаки отличаются от других тюрков, то есть в первую очередь от кай-османов, отвагой, легкостью в беге, красотой, ростом, неутомимостью в походах и благородством». (Ибн Фадлаллах аль-Умари, цит. по Josef Marquart "Uber das Volkstum der Kumanen", 1910)

ВВЕДЕНИЕ

На международной конференции по проблемам методологии исторической науки (18.04.2013, Алматы, Ин-т истории и этнографии им. Валиханова) академик РАН А. Мартынов в своем докладе призвал к отказу от «европоцентризма». Полностью разделяя его точку зрения, в качестве введения предлагаем к рассмотрению один малоизвестный нарративный материал под названием «Описание Земли III» о происхождении северогерманских народов от тюрков. Отрывок из него приводим здесь в качестве антитезы «тройной» генеалогической версии Снорри Стурлусона. Сочинение содержится, в рукописи AM 764, 4° (XIV в.) – пергамент, 48 листов, листы 39-40 (ранее AM I eß 4°), перевод – Е. А. Мельникова, И. М. Сулейманов. Язык оригинала исландский: «Upphaf allra frasagna i Norrænni tungu þeirri er sanindi fylgia, hofz, þa er Tyrkir ok Asia menn bygdu nordrit. Þui er þat med sonnu ad segia, at tungan kom med þeim nordr hingat, er ver kollvm Norrænu, ok geek su tunga um Saxland, Danmork ok Suidiopl, Noreg, ok um nockurn hluta Einglanz. Hofud madr þessa folks uar Odin son Þors, harm atti marga sonu. Til Odins telia marger menn ættir sinar. Hann skipadi sonum sinum til landa, ok gerdi hofdingia eirm af sonum. Hann er nefndr Skiollldr, sa er land tok ser, þat er nu heiter Danmork. Enn þa uoro pessi lond, er Asia menn bygdu, kollud Godlaund, en folkid Godiopl (a). ... Ofin ok hans syner uoru storum uitrir ok fiolkunniger, fagrer ad aalitum ok sterker ad afli. Marger adrer i þeirra ætt uoru miclir af burdar menn med ymisligum algerleik, ok nuckura af þeim toku menn til at blota ok trua aa, ok kolludu god sin. ... J Europa er austaz Cithia, þat kollum uer Suiþiod hinu myclu» [1].

Перевод: «В начале всех достоверных рассказов на северном языке говорится, что север заселили тюрки и люди из Азии. Поэтому с уверенностью можно сказать, что вместе с ними пришел сюда на север и язык, который мы называем северным, и распространился этот язык по Саксонии, Дании, Свитьоду (Швеция – И.С.), Норвегии и по некоторой части Англии. Главой этого народа был Один, сын Тора, у него было много сыновей. К Одину возводят свой род многие люди. Он разделил землю между своими сыновьями и одного из них назначил главным. Звали Скъельдом того, который взял себе ту землю, которая называется Дания. И тогда те земли, которые заселили люди из Азии, были названы Годланд (Земля богов – И.С.), а народ – годиопа (божественные – И.С.). ... Один и его сыновья были очень мудрыми и сведушими в колдовстве, красивыми лицом

и могучими силой. Многие другие в их роду были замечательными людьми с различными совершенствами, и некоторым из них местные люди стали приносить жертвы, и верить в них, и называть своими богами ... В Европе самая восточная [часть] – Скифия, которую мы называем Великой Свитьод». В ряде произведений при изложении легенды о заселении Скандинавии из Азии земли, где асы жили до переселения, названы словом *Goðland* («Земля богов»), от *goð* – «бог». К примеру, у Снорри Стурлусона в «Саге об Инглингах» (*Ynglinga saga*) [2] говорится: «*Þessa Svíþjóð kölluðu þeir Mannheima, enina miklu Svíþjóð kölluðu þeir Goð heima*» («Эта Свитьод названа ими Маннхейм (т.е. «жилище людей» – И.С.), а Великая Свитьод названа ими Годхейм» («жилище богов» – И.С.). Отождествление первоначального места обитания асов с Великой Свитьод, или Скифией, противоречит «тройанской» теории их происхождения. Асы и ваны в «Саге об Инглингах» также как и вышеприведенном «Описании земли III» рассматриваются в качестве туранских (тюркских) и западноскифских (западнее Дона) вождей, которым местные племена, видя их мудрость и удачливость, стали приносить жертвы и обожествили их как «аруахов». Казалось бы, перед нами очередной генеалогический миф, ибо с позиций европоцентризма и автохтонизма какое отношение к «тюркам» могут иметь предки норманов, датчан и англосаксов? Однако не стоит от него легкомысленно «отмахиваться». И вот почему.

СВЯЗИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВ И КИПЧАКОВ ПО ДАННЫМ ГЕНЕТИКИ, ЭТНОГРАФИИ И ЛИНГВИСТИКИ

Среди кельто-германских народов Западной Европы, а также у басков на сегодняшний день доминирует Y-хромосомная гаплогруппа R1b, по данным «*Molecular Biology and Evolution*», Vol. 22, 2013, причем в модификации R1b1a2. Не углубляясь в проблему происхождения гаплогруппы R1b, лишь отметим, что высказанная несколько лет назад гипотеза о ее происхождении из Иберии на сегодняшний день подтверждения не находит. Дело в том, что «центральноазиатский» гаплотип R1b1a1, обнаруженный с высокой частотой у башкирских и казахских кара-кипчаков, у алтайских куманов (куманды кизи), у каракалпакских кипчаков-канжигалы и канглы, у уйгуров, дунган, у афганских и пакистанских хазара, хронологически гораздо древнее, чем его европейский «младший брат» R1b1a2. Последний гаплотип также присутствует у башкир, у казахских торы-кипчаков, толенгутов (теленгитов), у шорцев и у каракалпакских канглы. В целом, гаплогруппа R1b абсолютно доминирует у башкирских кипчаков (87%), казахских кипчаков (67%), у алтайских куманов (49%) и у каракалпакских канглы (60%). Примечательно то, что у каракалпакских кипчаков более распространена гаплогруппа R1a, нежели чем R1b, тогда как у канглы – наоборот. Интересен также факт присутствия «кето-селькупской» гаплогруппы Q у казахских кулан-кипчаков. По мнению большинства специалистов, сам факт значительного генетического полиморфизма по Y-гаплогруппе R1b в кипчако-кумано-канглийской среде указывает на ее зауральское, восточноевразийское, происхождение.

Исландский этнографический материал, свидетельствующий об азиатском «тюркском» происхождении северогерманской правящей элиты, «руководящего суперстрата», таким образом, вполне коррелирует с данными популяционной генетики. Что по этому поводу говорит казахский фольклор? У казахов существует своего рода императив, который гласит: «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майқы-би». Это, в образно-смысловом переводе, означает: «В целом у гуманитарного знания – истории, языкознания, правоведения – один источник, один корень. Этим источником знаний для нас является Майқы-бий». В конкретно-историческом аспекте в приведенной поговорке имеется в виду историко-философское учение Майқы-бия «Жасау-ізі» («Яссы») [3]. В нем говорится следующее: у праматери «Ал Бір-ана» было три сына – Кибирь, Сибирь, Ибирь, от которых пошло человечество. Обратим внимание на то, что по свидетельству Тацита древние германцы поклонялись Альбруне [4]. Фонетическое и лексико-семантическое тождество германской Альбруны и майқыбиевской праматери «Ал Бір-ана» очевидно. Далее говорится, что потомок Кибиря по имени Алтай вывел свою общину из горящих лесов на склоны гор, получивших в его честь название Алтай, научил копать искусственные пещеры «ін», т.е. землянки, за что получил прозвище-титул «Ін». Далее в преданиях он упоминается как «Арғы Ін», т.е. «Древний Инь». Это очень важный архетипический сюжет, его расшифровка будет приведена ниже, при рассмотрении феномена жилищ Ботайской культуры... Когда Инь охотился в алтайских горах, то встретил девушку из племени великанов-дэвов (каз. «дәу», «алп»), которая расчесывала волосы. Он с ней боролся, хитростью победил и она родила ему сына-богатыря, которого в честь материнского племени дэвов называли «Ді», по имени-отчеству – «Ін Ді» (Инь Ди, Инд). С тех пор, по преданию, пошла традиция соревноваться с невестой. Опять же сравним этот сюжет с «Песней о Нибелунгах», когда Зигфриду приходится бороться с королевой Исландии, сестрой Аттилы, чтобы посватать к ней Гунтара, братишку своей жены, применяя различные хитрости [5]. Реминисценция древнейшего сюжета налицо. Аналогичное генеалогическое предание есть и у алтайского племени «албат» (алмат), также возводящего свое родословие к охотнику и женщине-алпу. Родовая тамга алтайских албатов/алматов – левосторонняя свастика, которую они именуют словом «қас», переводя на русский как «гусь» [6]. Это, разумеется, народная этимология. Обратим также внимание на то, что башкиры своими предками считают народ «синд», но при этом сами себя именуют народом «хон» (каз. «кун», венг. kun, кит. 匈奴 пиньинь Хіōngnú). Фонетическая корреляция «синд» - «хинд» - «инд» вполне очевидна. Далее, у Майқы-бия говорится о двух сыновьях от Ди, старший из которых изобрел лук, стрелы, колесо и шанырак, за что получил прозвание «кыбчак», а младший изобрел телегу и повозку, за что получил титул «канглы». Это также важный момент, который пригодится нам далее, при рассмотрении этимологии «кипчак» (кыбчак). Отметим общность родовых тамг – одна вертикальная черта | у канглы и две вертикальные черты || у кипчаков. Отметим также, что в чингисхановскую эпоху этнонимы «кипчак» и «канглы» употреблялись как синонимы. Интеллектуальное наследие

Майкы-бия в Казахстане исследовалось академиком С. Зимановым и М.-Х. Сулеймановым. Единые корни казахской и древнегерманской мифологии проанализированы Кондыбаем Серикболом [7].

Рассмотрим теперь лингвистический и искусствоведческий аспекты в русле фонетических и визуальных архетипов. В 2010 году нами была опубликована монография «Праиндоевропейские корни в казахском языке. Краткий философско-лингвистический и историко-этимологический справочник» [8], где представлены результаты лексико-семантического и фонологического анализа 365 базовых лексем, классифицированных по разделам «субстанциональные категории», «животноводство», «домашнее хозяйство, ремесла» и пр., в сравнении с санскритом, хетто-лувийским, древнеиранским, древнегерманскими и др. ИЕ-языками. По ряду лексем обнаружили еще более древние, чем ПИЕ, а именно – ностратические корни. В ходе дальнейших исследований было выявлено, что в сложении т.н. «индоевропейской языковой общности» активное участие принимал и урало-алтайский языковой субстрат на территории Южной Сибири и Казахстана. То же и с «алтайской языковой семьей» – множество лексем имеют общие корни (с поправкой на эффект ресемантизации) с сино-кавказскими, индоевропейскими и др. языками. Процесс этот не был примитивно-линейным, как это пытаются представить сторонники «древовидной» схемы глоттогенеза. Имели место локальные дивергенции и конвергенции, затем вновь дивергенции и так далее. Имели место широкие экзогамные отношения на всем пространстве Великой степи. Эндогамия не была нормой для носителей R1b степной и лесостепной ойкумены. Наличие у индоевропейских мигрантов в эпоху урало-алтайского неолита-энеолита «катунской фратрии» из числа автохтонных протоугорских и самодийских общин охотников и рыболовов вряд ли станет сейчас отрицать любой исследователь ботайской, терсекской или афанасьевской культур. И здесь следует иметь в виду принципиальный методологический принцип: есть три разных лексических страта – субстрат, суперстрат и адстрат. Первый характеризуется т.н. «списком Сводеша». Если жены массово и длительное время берутся извне, к примеру из «катунской» фратрии, и инкорпорируются в «мужскую» фратрию, то эта лексика будет соответствовать лексике ассимилирующего языка, но с фонетикой ассимилянта, ибо языку ребенка учит мать и ребенок обязательно усвоит материнский акцент и особенности материнской фонетики, равно как и грамматику, и морфологию. Иначе как объяснить «древнебулгарский ламбдаизм» (чередование ш/л), ротацизм (чередование з/р) или образование множественного числа в чувашском через аффикс «-сем» вместо «классических тюркских» «-лар»/«-лер»? Так, к примеру, сложился и казахский язык, по меткому замечанию профессора С. Аманжолова с «кыпчакской лексикой и аргынской фонетикой». Действительно, кыпчаки и аргыны испокон веков поддерживают сватовские отношения по принципу «құда – мың жылдық» (сватья на тысячу лет) и даже трагический инцидент между Кобланды-батыром и Акжол-бием не смог этот принцип нарушить. Есть и обратная ситуация, когда ассимилянтами оказывается мужская фратрия, к примеру, дружина, мужской коллектив,

мигрировавшие в чужое этно-культурное пространство. В этом случае субстратная лексика из «списка Сводеша» окажется лексикой ассимиляторов, но суперстратный лексикон, относящийся к охоте, войне, мужским промыслам и мужским ремеслам, идеологическим и сакральным категориям, к политике и ряду др. аспектов – все это будет лексическим суперстратом завоевателей-мигрантов. Но и в этом случае он обязательно подвергнется «женскому влиянию» со стороны фонетики и грамматики. Примерами служат древнехеттский и современный арабский языки, несущие в суперстратной лексике ряд индоевропеизмов. В казахском языке при всей жесткой патрилинейной системе родства нет понятия «эке тілі» (отцовский язык), но есть понятие «ана тілі» (материнский язык). Казахи говорят: «Ананың ақ сүтімен келген тілі», т.е. «язык впитывается вместе с белым молоком матери». Более того, скорость нейронно-синапсных связей в мозгу программируется митохондриальной ДНК, которая, как уже отмечалось, передается только по материнской линии. Связь между «быстродействием» мозга, вербальным интеллектом и морфологией языка вполне очевидны. Это мы считаем важнейшим антитезисом господствующему сегодня, к сожалению, в гуманитарных науках (истории и языкознании) принципу «мужского шовинизма». Поэтому призываем коллег в качестве методологической инновации взять на вооружение принцип гегелевской диалектической логики «восхождение от абстрактного к конкретному», выражающийся в переходе от абстрактных, а потому примитивных, схем этногенеза в истории и глоттогенеза в языкознании, не учитывающих влияние «катунских фратрий» и роль женщины вообще. Сегодня это абстрагирование (=примитивизация), исподволь подразумевающее тотальное мужское доминирование в этно- и глоттогенетических процессах, на наш взгляд, являются главным тормозом развития как исторической науки, так и исторической компаративистики. Серьезный прорыв в этом направлении осуществил казахстанский востоковед Ю. Зуев в итоговом труде своей жизни «Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии» [9]. Этот аспект важен не только в вопросах языка, но и в таком важном вопросе идеологии и религии, как прикладное искусство, в частности – орнаментика. Очевидно, что постольку, поскольку в андроновской и предшествовавшей ей культурах изготовлением керамики, ткачеством и шитьем занимались женщины, то и носителями визуальных архетипов являлись женщины. Хранителями и ретрансляторами орнаментальных традиций в керамике, одежде, ковровых и войлочных изделиях являлись именно женщины. Не стоит забывать, что многие племена традиционно ведут свое родословие от праматери – достаточно вспомнить легенду о происхождении монголов от Алан-Гоа, которую оплодотворил луч света, или мундусов от кыпчакской женщины, которая съела три льдинки [10]. Схожесть геометрических орнаментальных мотивов американских индейцев с казахскими, ковровой цветосемиотики, эстетических канонов и совпадение ряда лексем, включая ономастические термины (к примеру, родо-племенные наименования), заставляет предположить гораздо более ранние этнические контакты предковых популяций в районе Алтая, откуда, как известно, начали миграцию кето-

селькупы и америнды. Y-ДНК тех и других характеризуется гаплогруппой Q. Эта же гаплогруппа имеется у казахских кулан-кыпчаков. Енисейские кеты, именуют себя «дэң» (букв. «тело», «человек» – ср. с каз. «дене»). Таким образом, на наш взгляд, ностратическая общность не была какой-то изначальной данностью, а формировалась в результате смешения восточно-евразийских и западно-евразийских мезо- и неолитических общностей. Это была нелинейная, волнообразная сложная конвергенция, где в одних случаях субстратом служили «праиндоевропейцы», а суперстратом «азиаты», урало-алтайцы, в других случаях – наоборот. Процесс конвергенции сменялся дивергенцией и, в ряде случаев, обратными миграциями.

ГДЕ НАЧАЛО КИПЧАКСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА?

Перейдем теперь к данным археологии. В качестве «реперных точек» отметим две соседние культуры – ботайскую и терсекскую. Первую подробно исследовал В. Зайберт [11], вторую – В. Логвин [12]. Первое, что бросается в глаза – это принципиальная разница в жилищах по форме, по конструкции и по гендерно-семейному концепту. Если у ботайцев жилище в плане практически круглое, то у терсекцев – прямоугольное. Далее, ботайское жилье снабжено уникальной конструкцией крыши в форме купола без столбовых опор. Это технологическое решение показывает особый инженерно-технический талант носителей этой культуры. Видимо, неспроста первого изобретателя этой архитектуры казахская народная память чтит как Древнего Иня (каз. «ін» – нора, землянка, пещера). У терсекцев, напротив – крыша дома двух- или четырехскатная, с опорными столбами. Наконец, терсекское жилище, будучи по сути прототипом раннего андроновского, разделено на две части, что академик Е. Кузьмина отмечала как «мужскую» и «женскую» половины [13]. Никаких намеков на гендерное деление в ботайском жилище – прототипе казахского зимнего жилища «шошала» и летней юрты – мы не находим. У всех народов очаг священен, но у иранских народов сакрализованы также опорные столбы, поддерживающие крышу, тогда как у туранских народов сакральным является «шанырак» (шангарак) – верхнее отверстие в крыше. Очевидно, что это напрямую связано с упомянутыми архитектурно-конструктивными особенностями жилища. Как подчеркивала Е. Кузьмина, жилище является одним из главных этнических индикаторов [там же]. Также обращает на себя внимание и различие в составе стада: если у ботайцев, по данным В. Зайберта, 99,9% составляли кони, то у терсекцев значительную часть стада составлял крупный рогатый скот, по данным В. Логвина. Причем комолость скота служит показателем высокого уровня развития селекции у терсекцев. Отсюда и различия в рационе питания: ботайцы питались в основном кониной и кумысом, тогда как терсекцы – говядиной и кашами из растений, сваренными в коровьем молоке, плюс разнообразная дичь. В рационе ботайцев значительную роль играла рыба, тогда как в рационе терсекцев рыбы было немного. В. Зайберт предполагает, что приручение коня произошло благодаря экстраполяции техники запруд для рыбы в технику загонов для лошадей при облавной охоте. Вопрос о том, была ли эта раса коневодов и технологов-изобретателей автохтонной или пришлой весьма полемичен. Как бы то ни было,

всадничество возникло в ботайской культуре и первыми всадниками, охотившимися на коне, отлавливавшими лошадей из табуна и укрощавшими диких жеребцов, были кипчаки-ботайцы, предки туранских, кельтских и германских народов. Ботайцев ряд ученых относит к распространителям культуры колоколовидных кубков на территории севера Европы. О терсекцах: они, вопреки мнению В. Логвина, этническими уграми не были – по мужской линии они были носителями гаплогруппы R1a, владевшими отщеповой техникой обработки камня, в отличие от туземной пластинчатой каменной индустрии. Первые терсекские неолитические иммигранты-скотоводы, судя по остродонной посуде, веревочному орнаменту и добавлению толченых раковин в керамическое глину с одной стороны, а также по наличию собачатины, лягушатины и человечины в меню с другой стороны, не были моноэтническим субстратом, а скорее всего представляли «микст» из мужчин днепро-донецкой и женщин среднестоговской культур. «Катунская фратрия» из местных женщин, вполне вероятно, могла быть протоугорской – они скорее всего и привнесли те культурные артефакты, на основании которых В. Логвин сделал свой вывод. Видимо, запрет на совмещение декоров зубчатым штампом и веревочным орнаментом у терсекцев отражает этническую дифференциацию изготавливавших керамику женщин. Весьма примечательно также отсутствие овцеводства и у ботайцев, и у терсекцев практически до середины 3-го тыс. до н.э. Одежду ботайцы делали из крапивы и льна, а шерсть стали использовать лишь после аридизации и резкого похолодания в указанный период. Общась с кельтеминарской и среднестоговской культурой, овец они выменивали, употребляли в пищу, но по принципиальным соображениям не разводили. Аналогичный конфликт «ковбоев» и овцеводов имел место в 19 веке среди колонистов США. Причина, на наш взгляд, в следующем: поедание овцами травы под корень и взрыхление почвы острыми копытцами. Примитивное земледелие было у тех и других, о чем свидетельствуют каменные серпы и мотыги. Вызывает интерес изображение колесницы у ботайцев в традиционном плане-развертке задолго до андроновской и срубной культур. Кроме того, похоже, что часть всадников-ботайцев работала у терсекцев в качестве табунщиков и пастухов на отгонах. О таком разделении труда свидетельствует, во-первых, отсутствие на «чисто терсекских» поселениях боласов ботайского типа – шаров, привязываемых к аркану для спутывания ног лошади, а во-вторых, отдельные коневодческие поселения. Заблуждение касательно якобы domestikации коня в среднестоговской культуре (Дереивка) давно развеяно, а одомашнивание коня ботайцами, напротив – доказано. Вообще, следует отметить, что эти две расы тесно между собой общались, осуществляя активный кросскультурный и товарный обмен. Совместное расположение жилищ протоиранцев-терсекцев и прототуранцев-ботайцев говорят и о брачных, сватовских отношениях. Ботайцы, видимо, частично ассимилировались с терсекцами, о чем свидетельствуют их поселения типа Кожай-1 в качестве «жайлау» (летовки) в «исконно терсекской» среде. Приведенные В. Логвиным факты убедительно свидетельствуют о том, что уже в ботайско-терсекскую эпоху начался

первый опыт кочевого отгонного скотоводства и кочевого коневодства по принципу «жайлау-кыстау» (летовка-зимовка): «Терсекское общество было кочевым, в его полукочевом варианте. Зимой и летом основная масса населения жила относительно оседло на зимних и летних поселениях, а весной и осенью совершались перекочевки» [12]. Уже в то время прокладывались главные кочевые маршруты и стоянки, которыми казахи пользовались вплоть до 20 века н.э. Еще раз подчеркнем, что это явилось результатом взаимодействия и гармоничного синтеза двух различных культур – «прототуранской» ботайской и «протоарийской» терсекской. Именно этот сплав, очевидно, и стал той основой, на которой формировались позже срубная и андроновская культуры, а еще позже – происходящие от них кельто-киммерийская и скифо-сакская культуры. В этническом аспекте, синтезируя данные генетики, этнографии, лингвистики и археологии, можно констатировать, что те мужчины-ботайцы, носители гаплогруппы R1b, которые женились на терсекских женщинах и инкорпорировались в протоарийскую терсекскую среду, дали начало племени канглы и авестийской стране Канга, а позже, мигрируя на юг с родичами-арьями R1a, они дали название реке Ганг в Индии. Многочисленные инвазии ботаетерсекцев на запад сформировали культуры колоколовидных кубков во 3-2 тыс. до н.э., а позже – кельтскую макрокультуру Западной Европы и Британских островов, ассимилировавшие туземных автохтонов, охотников и рыболовов. Вот как комментирует этот процесс с позиции теорий «диффузионизма» и «культурных кругов» руководитель Казахского ДНК-проекта доцент Ж. Сабитов: «Экспансия шла только в отношении территории, где жили охотничьи племена Европы, в то время как экспансия на территории Европы, где была сильная производящая экономика, не велась, так как никаких конкурентных преимуществ перед ними представители гаплогруппы R1b не имели. Новых пришельцев R1b можно связать с культурой колоковидных кубков. Как известно, в хозяйстве племен этой культуры, самую важную роль играло коневодство, а домашние лошади появились в Европе именно с племенами этой культуры. Именно коневодство стало тем конкурентным преимуществом, которое помогло индо-европейцам R1b вытеснить охотников, которые по большей части принадлежали к гаплогруппе I» [14]. Единственное замечание, которое хотелось бы сделать, касается «индо-европейской» атрибуции носителей гаплогруппы R1b. Это же замечание касается и заявлений уважаемого генетика, профессора Гарвардского университета А. Клесова о якобы поголовном «тюркоязычии» мужчин R1b. Как уже отмечалось выше, в ту эпоху еще не выкристаллизовались ни лексика, ни морфология, ни фонетика, ни, тем более, грамматика «индоевропейских» и «тюркских» языков, позволяющие проводить четкий «водораздел» между ними. Поэтому, с точки зрения лингвистики и глоттохронологии, корректнее звучит термин «ностратическое праязыковое состояние» для рассматриваемого региона тех давних времен. Оба автора применяют совершенно необоснованное абстрагирование, отождествляя понятия «языковая общность» с мужской частью этой общности (пресловутый «мужской шовинизм»). Еще одним

методологическим недостатком А. Клесова является ничем не обоснованное допущение о генетическом мономорфизме и этнокультурной гомогенности носителей культуры колоколовидных кубков. Как уже отмечалось выше, носителями культуры любой керамики в степных праиндоевропейских и урало-алтайских социумах были женщины, поскольку в отличие от «южных» культур расписной керамики, производством занимались они, а не мужчины. Хранителями и ретрансляторами семиотики визуальных архетипов, как уже отмечалось выше, также являлись женщины. Другое дело, что мужьями этих женщин были коневоды и строители круглых купольных жилищ R1b. И отнюдь не факт, что с ними не было их «сватьев» R1a: разведение крупного рогатого скота, его сакрализация указывают на то, что скорее всего мужчины-коневоды R1b и мужчины R1a осваивали евразийские пространства совместно... Вернемся к ботайцам: помимо брачных связей с терсекцами, R1b продолжали брачно-родственные отношения с предками кетов-дене, носителями Y-гаплогруппы Q. Эта их часть стала прародителями кипчакского народа, и, в целом, туранской всаднической расы. Их потомки три тысячелетия спустя создадут Тюркский каганат, который возглавит клан Ашина с гаплогруппой Q. Отношения ботайцев с соседями не всегда были безоблачными, поскольку факты пожарищ и брошенных жилищ терсекцев свидетельствуют о нападениях на них. Не здесь ли берут начало древняя дружба и, одновременно, противостояние Ирана и Турана, славян и половцев, России и Запада? Мы отчетливо тут видим действие гегелевской феноменологии «единичное – особенное – всеобщее» [16]: ботайское всадничество и кочевничество было в энеолите тем самым «единичным», что развилось, став «особенным» в эпоху бронзы, и далее развилось до категории «всеобщего» в эпоху железа.

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КАЗАК» И «КИПЧАК»

Попробуем все же разобраться, что Ж. Сабитов и А. Клесов имели в виду под терминами «индоевропейский» и «тюркский». Для этого применим содержательную, диалектическую логику вместо формальной. Кажущееся противоречие, на самом деле – не более чем результат искусственной дихотомии, вызванной некорретной терминологией. В итоге содержательного анализа производится «диалектическое снятие» противоречия, на место антитезисам приходит синтез [16] и, тем самым, напрашивается основной вывод: *Люди ботайско-терсекской макрокультуры, включая носителей мужской «кельто-германо-кипчакской» гаплогруппы R1b, говорили на ностратическом праязыке, успешно реконструированном В. Илlichem-Свитычем.*

Теперь можно приступить к исследованию этнонимических категорий коневодов-ботайцев, что позволит верифицировать основной вывод. Приведенные выше этнографические данные казахов и башкир позволяют установить, что эндоэтнонимом ботайцев R1b, формирующимся по патрилинейному принципу, было Hind/Sind/Ind. Подтверждением этому служат топоним Индер в Западно-Казахстанской области и гидроним Сындасты в Челябинской обл. (Синташата, приток Тобола), а также открытие на том же самом месте Д. Здановичем синташтинского культурного

комплекса эпохи средней бронзы, главными маркерами которого являются металлургия, коневодство и круглая планировка города [17], т.е. все то, что характеризует способности, навыки и традиции носителей гаплогруппы R1b. Причерноморские племена синдов, их «тезки» в Южной Азии, очевидно, являются потомками древних ботайцев, именовавших себя так в честь легендарных праотцов Инь и Ди. Древнекитайскую династию Инь и имя правителей Ди, равно как и металлургию, коневодство и колесный транспорт, по всей видимости, принесли они же. Их эндоэтнонимом (самоназванием) был «синд» (хинд, инд). Как собирательный эпонимический образ он вошел в ведический пантеон богов под именем Индра. Возможно, что племя «сеянто» китайских хроник – они же ...

Возникает вопрос – а каковы были их экзоэтнонимы? Ключ к ответу содержится в древнехеттских клинописях, где этноним «каска» (касак) мы встречаем в 15 веке до н.э., в период правления Тудхалия II (хет. Тутхалияс). Там этот народ позиционируется как «коневоды», «специалисты по разведению и тренировке лошадей». Также они в ряде случаев именуются «разбойниками», «бунтовщиками», но это уже вторичные эпитеты. Каска упоминаются как родственный по языку хеттам народ [18]. В современном казахском языке сохранилось немало общих с древнехеттским языком слов, например, «орел» (каз. қыран, хетт. хаган), «повозка, транспорт» (каз. кәлік, хетт. huluk), «дело» (каз. іс, хетт. asa), «умелый, могучий, мощный» (каз. мықты, хетт. makkes), «сука, собака» (каз. қаншық, хетт. suwanis), «загон для скота» (каз. қора, хетт. gurtas), «веревка, привязывать» (каз. арқан, хетт. hark), «толстая кишка» (каз. қарта, хетт. karat) и т.д. [8] Таким образом, одним из древнейших экзоэтнонимов корпорации коневодов можно считать термин «казак/касак». Доктор филологических наук, основоположник казахстанской археологии академик А. Маргулан обоснованно этимологизировал этот термин от индоевропейского корня K^vas + суффикс $-ak$ = «коневод» (конник). Этой же точки зрения придерживался узбекский академик А. Аскарлов [19]. В советское время их исследования по данной теме были запрещены и не публиковались. Сейчас эта важная информация обнародована благодаря Данель Алькеевне Маргулан. Современной лингвистикой их мнение подтверждается: действительно, $*H^vas$ – это древняя ИЕ-праформа, означающая «конь», отсюда $ham/am/az$ и т.д. В целом, каска/касак/казак означает "коневод", "конник", "всадник", "табунщик". Можно также перевести как «конеед» : рацион питания, национальная кухня также являются важнейшими этноиндикаторами. Каски/касаки были этнокорпорацией, специализировавшейся на коневодстве, когда каждое племя имело определенные хозяйственно-бытовые особенности, несмотря на комплексный самодостаточный вид хозяйства. Всем нужны были кони. А их выпасом и разведением могла заниматься только специализированная хозяйственно-экономическая корпорация (оформленная в роды и племена), которую соседи называли «касак» (каска). Все остальные этимологии этнокорпоративного бренда «казак» вроде «гусь белый» относятся к народному фольклору, именуясь «народная этимология»...

Как еще соседи и родственные племена именовали коневодов-ботайцев? Другим их ярким этноидентификационным маркером, помимо коневодства, было уникальное округлое, купольное, безопорное жилище. Современные специалисты по внутренней планировке, дизайнеры интерьера отмечают, насколько отсутствие несущих опор внутри помещения зрительно увеличивает пространство, создает объем и ощущение внутренней свободы. Кроме того, из школьной геометрии мы помним, что из всех замкнутых кривых данной длины только окружность имеет максимальную площадь. Этот эффект касается и купола ботайской крыши: сфера дает максимальный объем пространства по сравнению с другими поверхностями той же площади. Помимо очевидной экономии строительных материалов и трудозатрат, подобное жилье производило и значительный психологический эффект. Каждый, кто был внутри юрты знаком с ним: это ощущение комфорта и отсутствие ощущения стесненности, несмотря на внешне небольшие габариты. Практически во всех ностратических языках – уральских, алтайских, дравидийских, индо-европейских, картвельских – философско-психологическая категория «замкнутого пространства» ассоциирована с понятиями «объем» и «пустота» и обозначается праформой **gor'a*. В книге В. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков» [20] основная семантика праформы проясняется в понятиях «пещера», «землянка», «нора», «полость», «пустота». А это настолько совпадает с древними преданиями, к примеру, о происхождении Кыбчака из древесного дупла, о происхождении Афрасиаба-Пуго из дерева или майкыбиевским преданием об Ине, который выкопал и построил землянку, что приходится признать народную историческую память заслуживающей большего внимания и доверия, чем вымыслы в жанре *science fiction* некоторых современных академиков [23]. Этимологию «кыпчак» шорского филолога Г. Косточакова от кето-селькупского «медведь» (кып/кый) и «лебедь» (чи:к) тоже всерьез принять не можем, хотя признаем значительную роль кетов в кыпчакском и тюркском этногенезе.

Вильгельм Фридрих Радлов в «Опыте словаря тюркских наречий» дал следующие значения: «Кыпчак (von кып+чак) 1) Значение этого слова неясно; оно употребляется всегда с прилагательным кобы «пустой, пустынный» и имеет вероятно одинаковое с ним значение. 2) Пустое дерево. 3) Сердитый, вспыльчивый человек, которого всякое дело возбуждает» [21]. Обратим внимание на семантику древесного символа, ибо он не случаен. Дело в том, что основным строительным материалом для ботайского жилища служило именно дерево. Для более глубокого осмысления семантики обратимся к преданию Майкы-бия, где говорится, что Кыпчак изобрел лук, стрелы, колесо и шанырак. С шаныраком, как с сакральной крышей дома, формирующей объем, «пустоту» как внутреннее пространство, как со связью внутреннего мира с внешним, в принципе все понятно. Шанырак делался из дерева. Далее, что означают архетипы лука и колеса? Как они взаимосвязаны? Для этого вновь обратимся к исторической компаративистике на ностратическом уровне. В указанном словаре Радлова находим корневые лексемы из различных тюркских языков с учетом

фонетического перехода п/б/м: «капа» - голова (ср. нем. *Haupt, Kopf* с тем же значением), «капа» - закрывать сверху, накрывать, «кымы» - сгибать, свертывать, поджимать, втягивать, «кымыр» - согнутый, искривленный, дугообразный, «капар» - дух, ум, «капакал» - окружать. Все указанные термины совпадают с семантикой ботайского жилища и отражают строительную процедуру (которая тоже была сакральной). Рассмотрим производные: каз., тат. «кйбйт» - 1) кибитка, крытая повозка 2) уст. значение – кибить, т.е. гнущаяся часть лука. В языке алтайских куманов и челканов «каптарға» означает «колчан для стрел». Теперь сравним со значениями указанной выше ностратической праформы **gop'a* в семитских и индоевропейских языках: араб. قبة *qabba*, «купол». В словаре М. Фасмера находим: «кибита кибитá "дугообразный обруч, половина обруча большой верши", кйбйтка "дугообразно покрытая телега, повозка, дорожные сани", стар. кибить ж. "дуга"». В древнегреческом *hapsis* означало «арка», «дуга», «обод колеса»; хинди चप *cāpa* – «дуга»; перс. خمān *hāman* 1. сгибающийся, гнущийся; 2. уст. 1) лук; 2) дуга, ن *kāman* лук (оружие); *چله (*زه) тетива лука; 2) дуга (часть окружности); 3) астр. Стрелец (зодиакальное созвездие); 4) уст. девятый месяц иранского солнечного года, соотв. ноябрю-декабрю); 5) арка, свод; 6) смычок. Но окончательное разъяснение дает современная этимология латинских *cavus* – «пещера», лат. *cavare* – «полый, пустотелый», *cavea* – «пустота, свободное пространство» от ПИЕ-корня **keue-*, означающего «арка, дуга, свод, выпуклость, полость» [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологической основой проведенного выше исследования были принципы диалектической логики Гегеля, примененные к истории и лингвистике: 1) «единичное > особенное > всеобщее»; 2) «единство и борьба противоположностей» 3) «восхождение от абстрактного к конкретному».

Комплексный анализ новейших данных популяционной генетики, археологии, языкознания и этнографии привел к выводу, что исторические истоки кипчакского транскультурного феномена лежат в ботайской культуре эпохи неолита-энеолита. Отличительной особенностью ботайцев, носителей Y-гаплогруппы R1b, была технологическая креативность, что привело к domestикации коня способом устройства загонов, возникновению и развитию всадничества, а также уникальной конструкции жилья. Эти два наиболее отличительных фактора послужили основой для экзоэтнонимов «казак» и «кыпчак», которыми соседи и родственные племена именовали ботайцев. Самоназванием (эндоэтнонимом) древних казаков-кыпчаков было «синд» (хинд, инд). «Казак» этимологизируется из ПИЕ-языков и означает «конник», «всадник». «Кыпчак» этимологизируется из ностратического праязыкового состояния и имеет двоякое значение: 1) «строитель круглого просторного жилья-землянки»; 2) «лучник». Синд/инд по народным преданиям происходит от легендарного праотца Иня, первым построившим капитальное жилье в виде землянки. Семантика легендарного самоназвания полностью совпадает с семантикой «кыпчак».

Синды/казаки/кыпчаки отличались широкими экзогамными связями и толерантностью. Главными «катунскими фратриями», «сватовскими родами» в эпоху ботайской культуры была терсекская культура носителей Y-гаплогруппы R1a в ареале Тургайского прогиба, а также кеты, носители Y-гаплогруппы Q, в предгорьях Алтая и бассейне Иртыша. Ассимилировавшиеся в терсекской среде ботайцы стали основой для распространения коневодства и культуры колоколовидных кубков в Европе. В Малой Азии они были известны под именем «каска». Они же составили субстрат Андроновской культуры. Позже они же, известные как киммерийцы, создали кельтский трансевропейский феномен. Другая часть ботайцев в союзе с кетами и саяно-алтайскими носителями Y-гаплогруппы C3* стояла у истоков сеймино-турбинского транскультурного феномена, андроновской культуры на территории Казахстана, а позже создала в монгольских степях кочевые сообщества, вошедшие в историю как «хунну» и «сяньби». Кыпчаки, потомки ботайцев, стояли и у истоков Тюркского каганата. Создав степную державу от Иртыша до Дуная, известную как Дешт-и-Кипчак, они вошли в историю под своим древнейшим этнокорпоративным брендом «кыпчак», который развился в то время уже из этнонима в политоним. В монгольскую эпоху этот политический бренд утратил свою престижность, и вновь сузился до этнонима. После развала монгольской империи на всем пространстве Дешт-и-Кипчака был возрожден второй древний экзоэтноним «казак». С тех пор и по сей день на территории Восточного Дешт-и-Кипчака, в ареале ботайской, терсекской и сформировавшейся на их основе андроновской культуры существует государство Казакстан и народ «казак», говорящий на кипчакском языке, сохранившем древнейшие праформы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] AM 764, 4° / SRD, t. II, p. 34-37 («Fragmentum vetus Islandicum Historico-Geographicum de rebus Dano-Norvegicis»)
- [2] Снорри Стурлусон «Круг Земной» (Snorri Sturluson «Heimskringla»), 1980
- [3] М.-Х. Сулейманов «Эра Чингисхана в истории казахской нации», 2008
- [4] Корнелий Тацит «О происхождении германцев и местоположении Германии» / Сочинения в двух томах. т.1 Анналы. Малые произведения, 1969
- [5] «Песнь о Нибелунгах» / Западноевропейский эпос, 1977
- [6] Е. Ямаева «Родовые тамги алтайских тюрков XIX-XX вв», 2002
- [7] С. Кодыбай «Казахская степь и германские боги», 2006
- [8] И. Сулейманов, М.-Х. Сулейманов «Праиндоевропейские корни в казахском языке. Краткий философско-лингвистический и историко-этимологический справочник», 2010
- [9] Ю. Зуев «Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии», 2005
- [10] Л. Потапов «Этноним *теле* и алтайцы» / Тюркологический сборник, 1966
- [11] В. Зайберт «Ботай. У истоков степной цивилизации», 2012

- [12] В. Логвин «Тургайский прогиб в эпоху мезолита – энеолита», диссер. д.и.н, 2002
- [13] Е. Кузьмина «Откуда пришли индо-арии», 1994
- [14] Ж. Сабитов «Индоевропейские гаплогруппы R1a и R1b глазами историка» // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия): Том 2, №1, 2010
- [15] А. Клесов «Картирование Европы по временам ми-граций субклада R1b1b2-L21»//Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2008. Том 3. №2
- [16] Георг Вильгельм Фридрих Гегель «Наука логики», 1982
- [17] Д. Зданович «Синташтинское общество: социальные основы "квазигородской" культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы», 1997
- [18] Дж. Г. Маккуин. Хетты и их современники в Малой Азии. Под ред. и с послесл. В. Г. Ардзинба, 1983
- [19] А. Аскарлов «Арийская проблема: новые подходы и взгляды», История Узбекистана в археологических и письменных источниках, "ФАН", Ташкент, 2005
- [20] В. Иллич-Свитыч «Опыт сравнения ностратических языков», т. 1, 1971
- [21] Вильгельм Фридрих Радлов «Опыт словаря тюркских наречий», т. 2, 1899
- [22] Douglas Harper «Online etymology dictionary», http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=cave&search_mode=none
- [23] С. Кляшторный «Кипчаки в рунических памятниках // Türccologica, 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова, 1986

ДЕШТІ ҚЫПШАҚТЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ БАЙЛАНЫСЫНДАҒЫ РУХАНИ ФАКТОР

Азмұханова А.

Л.Н. Гумилев атындағы

Еуразия ұлттық университеті,

Астана, Қазақстан

Дешті Қыпшақ даласында XIII ғ. екінші жартысы-XIV ғасырлардағы рухани дағдарыс жағдайында ислам дінінің қайта қалпына келуі мен даму мазмұнын ашып көрсетуде халықаралық байланыстар факторы ерекше орын алары сөзсіз. Мұны дәлелдеу барысында деректік қордың өзін кешенді талдай отырып, яғни тарихшылар, лингвистер, әдебиетшілер, философтар және заңгерлермен бірлесе шешу/1/, бірнеше топтамаға бөлінген классификациялық дереккөздерді негізге алуымыздың өзіндік маңызы зор. Соның ішінде мұсылмандық тарихи шығармалардың авторлары: Ибн Батута, аз-Захаби, әл Муфаддал, Ибн Абд аз-Захир, ан Нувайри, Вассаф (хулагуидтік тарихшы) т.б. Бұл дереккөздерде әсіресе Берке мен Өзбек хандар тұсындағы исламдану оқиғалары, Дешті-Қыпшақтың Мысырмен дипломатиялық, мәдени байланыстары мәселелеріне қатысты мағлұматтар беріледі.

Тәуелсіздікпен бірге келген өркениеттік тұрғыдан зерттеу бағыты Қазақстанды ортағасырлық ислам өркениетінің шет аймағы және Орта Азиямен біртұтас мәдени кешен негізінде қарастыру мәселесі әрине халықаралық байланыстарсыз кең көлемде ашылуы мүмкін емес. Сол сияқты діннің, рухани фактордың тарихта дербес орны, өзіндік ықпалы бар қозғаушы күш (саясатқа, экономикаға өз тарапынан әсер беретін) деген пікір және әсіресе исламның өміршеңдігі мен икемділігін мойындау да нақты дәлел бола алады. А. Дж. Тойнбидің «ислам XIII ғасырда өркениеттік шабуылдарға тамаша түрде төтеп беріп, жаулаушылардың өздерін (моңғолдарды) исламға тізе бүктірді» деген пікірін басшылыққа ала отырып, осы нақты-тарихи дәуірде, моңғол империясында мәдени күрес діни-өркениеттік негізде жүргенін, ал этникалық, тағы басқа көрсеткіштердің маңызы одан төмен болғанын бүгінгі күн зерттеушілері айқындауда /2/. Мәселен, түркі-мұсылмандар түркі-христиандарға (немесе түркі-буддистерге) қарағанда, нәсіл жағынан үш қайнаса сорпасы қосылмаса да парсылармен, тәжіктермен, тіпті сол заманда қалыптасып жатқан қытай мұсылмандармен (дүнгендер) де бірігіп, ортақ рухани мүдделерін қорғап жатты. Жалпы, нәсіл, ұлт үлкен империяларда, әсіресе ортағасырда маңызды болмаған. Оған дәлел, мысалы Мысырдың Алтын Ордаға жіберген елшілері түрік, хорезмийлік, ирандық, араб немесе тіпті моңғол да бола берген /3/. Шындап келгенде Шыңғыс хан империясында зерттеуші А. Семенов көрсеткендей, «мұсылман мен будда-қытай мәдениеті сайысқа түсті. Яғни тарихымызда 3-ші рет (Атлах шайқасы, Қарақытай жаулауынан кейін) екі өркениет аймақта қақтығысады. Қазақстан ислам әлемінің бір бөлігі екенін күрес нәтижесі айғақтайды.

Исламмен қатар діндер ретінде буддизм, христиандық дін, манихейлік, тәңіршілдікте (шаманизм) болғаны белгілі. Моңғол жаулаушыларының басым бөлігі (батыс ұлыстардың әрбіреуінде ондаған мың этникалық моңғолдар қоныс аударған) ұстанған ескі шаманизм түркі-мұсылман дәстүрімен салыстыруға келмеді. Сондай-ақ тәңіршілдік те моңғолдарға толыққанды этика, сол сияқты ғылым, білім бере алмады. Сондықтан да дағдарыс тереңдей берді (жүгенсіздік, рушылдық, қатыгездік, әсіресе ішімдікке берілу). Мәдени жағынан дамыған аймақтарды басқару үшін де моңғол хандарына саяси идеологиясы бар дамыған діни жүйеге сүйену қажеттігі туды. Жалпы, өз жұртында қалған моңғолдар да кейіннен буддизмді қабылдап, Төлейдің ұрпақтары (Юань династиясы) қытайланып кеткені - осы заңдылықты дәлелдейді /4/.

Рас, сол заманның өзінде Шыңғыс хан ұрпақтары арасында буддизм мен христиан дінін қолдайтындар, ежелгі наймандар мен ұйғырлар арқылы аталған діндермен танысып, сол нанымдарға көңілі ауған ханзадалар да кездесті. Бірақ, олардың да исламнан жеңілуі заңдылық еді. Күрес барысында буддистер мен христиандар қалай қарсыласса да, қоғамдағы еркін конфессиялар сайысы жағдайында «ислам ақыры өзінің шаманизмнен, буддизмнен, христиан дінінен артық екенін дәлелдей алды» /5/. Орта Азия мен Қазақстандағы ислам діні моңғолдармен қоса еріп келген жат діндердің шабуылына төтеп беріп, тіпті моңғол мен ұйғыр келімсектерін мұсылмандыққа иландыруға күші жетіп асқаны назар аударарлық құбылыс. Бұның жалпы заңдылығы: исламның соңғы жас дін болғаны, оның белгілі артықшылықтары яғни тұтастық сипаты, интегративтік функциясы, әмбебаптық, ғылыми негіздері, моральдық, интеллектуалдық қуатын әлі жоғалтпағаны. Мысалы, Рашид ад Дин келтірген 1295 жылы Иранда исламды қабылдаған Ғазан ханның сөздері моңғолдардың исламның интегралдық сипатын бағалағанына дәлел : «шынымен, ислам бір берік әрі ап-анық сенім (дін) және ол рухани һәм дүниеуи құндылықтарының барлығын бойына қамтыған». Сондай-ақ, нақты-тарихи заңдылықтарын айтсақ, ислам - жергілікті халықтың діні болғаны, яғни XIII ғасырға дейін Дешт Қыпшақта ислам жеткілікті дәрежеде дамып орныққаны: «татарлардың шапқыншылығынан бұрын половецтердің басым көпшілігі мұсылмандықты ұстанған еді» /6/. Дешті Қыпшақ пен Жетісудың байырғы халқы, түркі тайпаларынан құралған қалың жұртшылық (қыпшақтар, қаңлылар, қоңыраттар, арғындар, наймандар дулаттар, т.б.) Шыңғыс ханға дейін ислам дінін бойына терең сіңіріп, Йассауи, Кубрауи сопы-әулиелері арқылы шарифат негіздерін түркі мәдениетімен ұштастыра отырып қабылдады. Әйтпесе, XIII ғасырға дейін Қазақстан түркі тайпалары әлі де «шала мұсылман» болса, моңғолдардың түркіленуімен қоса мұсылмандануын қалай түсінуге болады? Әрине, Шыңғыс ханның шапқыншылығы жылдарында қыпшақтардың мұсылмандығына аздап нұқсан келуі ықтимал, халықтың діни сауаты төмендеуі, т.с.с. Бірақ, жалпы алғанда, Йассауи заманында шындыққа айналған, өркениеттік күшке ие болған «түркі исламы» феномені шығыстан соққан рухани дауылды тоқтата алды дей аламыз.

Қазақстанның Мауреннахрмен (сол сияқты Еділ өңірімен) сол кезде біртұтас мәдени-өркениеттік кешен құруы да – Дешті Қыпшақта исламның қайта қалпына келуінің бір факторы. Саяси жағынан қайшылықтар болып жатқанымен, рухани тұрғыдан екеуі біртұтас, түркі-мұсылман әлемі болды. Иранмен, басқа мұсылман елдерімен сонау Фараби заманынан келе жатқан рухани байланыстардың да маңызы зор.

Мәдени үрдістердегі негізгі фактор болған халықаралық байланыстар объективтік түрде болды. Бірақ импульс берген хандардың саясаты екендігін естен шығармаған абзал. Берке мен Өзбек хандар тұсында Қазақстанның далалары мен Орта Азияның қалған аймақтары арасында (атап айтқанда Шағатай ұлысымен) діни-рухани, сауда, саяси байланыстар дамыды. Алтын Орда мәдениетінің өрлеуін сол кездегі Мауреннахр жеріндегі Әмір Темір мемлекетінде басталған мәдени ренессансты толық ескермей терең түсіну мүмкін емес. Алтын Орда мемлекеті (сол сияқты Моғолстан) мен Мауреннахрдың қарым-қатынасын тек қана белгілі саяси күрестер тұрғысынан емес, күллі түркі мұсылман жұртының ортақ рухани құндылықтарын ескере отырып қарастыру абзал. Алайда, біздің ғылыми әдебиетте ХІҮ ғасырдағы Қазақстан территориясындағы мәдени процестерге Әмір Темір мен оның мұрагерлері тұсындағы Орта Азиядағы ғаламат рухани өрлеудің игі әсері ашылып көрсетілмейді. Бұл әсіресе рухани-діни ықпалдар, ғылыми жаңалықтар мен идеялар, және ең бастысы Мауреннахрдағы соғылық бауырластықтардың Қазақстан көшпенділеріне бағытталған қызметіне қатысты.

Сонымен бірге, Дешті Қыпшақ түркілері мен Египет арасында байланыстар жақсы жолға қойылды. Берке хан сол заманда Египетте тұрған мұсылмандардың рухани басышысымен (халифа) хат алысып тұрды. Халифа Беркеге жақсы көзқарас танытып, әртүрлі сыйлықтар жіберген, солардың ішінде аңыз бойынша халифа Османның өз қолымен көшірген Құран кітабы болды. Мысырда ол кезде түркі жұртынан шыққан сұлтан Бейбарыс (1260-1277) билік құрған еді. Бейбарыс Мысырда бой көрсете бастаған кейбір исламға қайшы әдеттерге (шарап ішу, апиын тарту) қатаң тыйым салып, шарифат заңын күшейтті. Бейбарыс тарихи отанымен мейлінше тығыз байланыс орнатуға мүдделі болғандықтан және Беркенің діни-реформаторлық саясатынан хабардар болған соң, Дешті Қыпшақты рухани, саяси қуаттандыруға еш көмегін аямайтынын білдірді. Екі патша үнемі хат жазысып тұрды, елшіліктер алмасты. Мысырмен, Сириямен байланыстар Өзбек ханның тұсында да жалғасын тапты. Соңғы елшілік Алтын Ордаға Тоқтамыс кезінде 1395 ж. келген еді. Патша әулеттері арасында некелік одақтар құру да ынтымақты нығайтты.

Елшіліктер құрамы, саны жағынан ықпалды болды: мысалы, 1314 ж. Египетке Өзбектен келген елшілік 174 адамнан тұрды /3, 75 б./ . Иранмен де тек әскери қақтығыстар емес, бейбіт саяси, мәдени байланыстар дамыды. Ұлжайту мен Тоқтының тұсында бейбіт қатынастар орнады.

Ерте замандағы Әбу Насыр әл Фараби сияқты, Дешті Қыпшақ, Хорезм мұсылмандары Таяу Шығысқа, әсіресе Қаһираға (Каирге) ғылым іздеп, сонымен қатар өздерінің де білімдерін мұсылман әлеміне таратуға ұмтылды.

Египет тарапынан да Алтын Ордаға білім іздеуші ғұламалар келіп жатты. Арабтар (ғалымдар) Мұхтар ибн Махмұд әз Закиди, Махмұд ибн Ахмед ибн Мұса Алтын Ордаға қоныс аударып, Сарай қаласында қызмет етті. Ираннан шыққан фикх ғұламалары Мұхаммед аш Шировани, Мұхаммед әл Харави, ғалым-энциклопедисттер ат Тахтани, Әл Хорасани Алтын Ордада қызмет етті.

Алтын Ордадан Қаһираға қоныс аударған түркі ғалымдары мен өнер тұлғаларының ішінде Махмұд әс Сарай, Әл Қырымиди, Шехаб ад дин ас Сарай, Махмұд ибн Абдаллах Әбу Тина ас Сарай әл Қаһири сынды қайраткерлер болды /7/. Махмұд ас Сарай әл Қаһири туралы «ол араб, парсы, түркі тілдерін жетік білді, әрі өз заманының ең оқымысты адамдарының бірі болды» деп жазады. Қос тілді адамдар, сол сияқты түркілер мен арабтар арасында аралас некелер саны көбейді. Мұсылман мерекелері кезінде Қаһира қаласының орталығында қыпшақтар сәнді киіз үйлер тігіп, қымыз ішетін. Египетте араб-қыпшақ сөздіктері жарық көрді.

Сол дәуірде Мысыр сияқты дамыған қуатты мұсылман өлкелерімен байланыс орнату Қазақстан, Еділ өңірі, Хорезм түркілерін ислам өркениетінің орталықтарымен бұрынғыдан да тығыз байланыстыруға, олардың ең озық жетістіктерін қабылдауға ғаламат зор әсер еткен. Бұл Қазақстандағы исламдану үрдісіне әсер еткен басты фактор болып табылады. Мысыр билеушісі Алтын Ордаға ашық саяси қолдау көрсетіп отырғаны белгілі. Таяу Шығыстан Дешті Қыпшаққа ағылып келіп жатқан қымбат сыйлықтардың өзі психологиялық жағынан көшпенділерді мұсылман өркениетіне қызықтыруға бағытталған еді. Бірде Бейбарыс жіберген сыйлықтардың арасында қымбат қолөнер бұйымдары, қару-жарақтың неше түрлері, сәнді кілемдер, араб сәйгүліктері мен нубиялық түйелер, үйретілген маймылдар мен тоты құстар, жираф, қара нәсілді жас құлдар мен шығыс тағамдарының түр-түрін әзірлеуге дайын аспаз күндер болғаны туралы деректер беріледі.

Қазақ хан-сұлтандарының, Жошы ұрпақтарының сауаттылығы, діндарлығы, қожаларды қадірлеуі, халықаралық байланыстары, Бұхара, Самарқанд, Хиуада орналасқан ірі ислам орталықтарымен, дінбасылар және софы-пірлермен берік одақ құру саясаты, суфизмде дәстүрлілік пен көшпенділіктің тамаша үйлесуі, дін мен көркем әдебиеттің синтезі- осы сияқты қазақ халқының қоғамдық- мәдени өмірінде кейінгі кезеңдерде айқын көрініс берген сипаттар шын мәнінде Алтын Орда тарихының заңды салдары, мұрасы болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Кумеков Б.Е. О перспективах развития кипчаковедения //Материалы Международной научно-практической конференции «Методологические и теоретико-концептуальные инновации в исторической науке Казахстана и проблемы их освоения. - Алматы, Отан тарихы, 1/2003. С. 86-90.
2. Нұртазина Н.Д. Моңғол шапқыншылығының түркі исламына әсері //Материалы Касымбаевских чтений. – Алматы, 2005. - 216-219 бб.

3. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (13-14 вв.) – М., 1966.
4. Султанов Т.И. Письмо Золотоордынского хана Улуг Мухаммеда турецкому султану Мураду II //Тюркологический сборник, 1973.
5. Кривец Е.А. Ислам в Центральной Азии. М. 1999.
6. Веселовский Н.И. История Востока. Т.2. СПб., 1887.
7. Дербісәлі Ә. Ислам және заман. - Алматы: Дәуір, 2003. – 560 б.

РАССЕЛЕНИЕ КИПЧАКОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XI В. (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Кадиркулова Г.К.

Казахстан, Алматы

Алматинская Академия

Экономики и Статистики

Половцы (кипчаки, куманы)-средневековые кочевые тюркоязычные племена оставили заметный след не только в истории евразийских степей, но также оказали большое влияние на развитие многих раннефеодальных государств Старого Света. Арабо- и персоязычным авторам, армянским и грузинским средневековым историкам они известны как кипчаки, русские летописцы их называли половцами, а в византийских и венгерских источниках они фигурируют под именем команов, куманов и кунов. Летописи и хроники разных стран пестрят свидетельствами об их опустошительных набегах на своих соседей, об участии этих номадов в качестве наследников междоусобных распри князей и королей, о династических браках политических лидеров Хорезма, Грузии, Древней Руси, Венгрии с половецкими ханами.

В эпоху средневековья из кипчакской среды вышли правители Хорезма, мамлюкского Египта и Делийского султаната. Хорезмшахи, грузинские цари, древнерусские князья, венгерские короли заключали политические союзы с половецкими (кипчакскими, куманскими) ханами, кипчаки являлись той исчерпаемой средой, из которой правители Хорезма, Грузии, Венгрии формировали значительные воинские контингенты, а затем использовали их для решения своих насущных внутри и внешнеполитических проблем.

Обращает на себя внимание и тот факт, что исследователи чаще обращали и обращают внимание на те источники, касающиеся половцев (кипчаков, куманов), которые можно использовать в качестве дополнения для рассмотрения проблем истории Древней Руси, Венгерского королевства, Византийской империи, тюрко и монголоязычных племен и народов Южной Сибири. При такой постановке вопроса половецкий (кипчакский, куманский) материал, служит лишь экзотическим фоном к отдельным периодам истории тех или иных государств и народов. Кроме того, письменные источники, освещающие историю половецкой (кипчакской) степи - «Дешт- и –Кипчак», используются учеными очень не равномерно, как в историко-политическом, так и в территориальном отношении.

Кипчаки сыграли важную роль в этногенезе многих современных тюркоязычных народов Евразии; казахов, киргизов, узбеков, туркмен, каракалпаков, алтайцев, татар, ногайцев, кумыков, карачаевцев, балкарцев и др. В ряде случаев (как например, это было с казахами) они являлись одним из крупнейших компонентов в процессе этногенеза, в других же, их роль была выражена несколько слабее, однако данный факт еще ярче высвечивает то значение, которое кипчакские племена имели и имеют в истории как средневековых, так и современных народов Старого Света. Перед

современными исследователями стоит насущная и вполне посильная задача - создать общую историю кипчаков (половцев, куманов) с момента их появления на исторической арене, вплоть до полного исчезновения. Накопленные источники как письменные, так и археологические позволяют осуществить эту цель.

Уйдя в Прииртышье и степи Восточного и Центрального Казахстана кипчаки, а вслед за ними и кимаки, открыли новую страницу в своей истории. Под главенством правящей верхушки кимацкого общества эти племенные объединения создали сильное государственное образование – Кимацкий каганат, который сыграл важную роль в этнополитической истории народов Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии IX-XI вв.

Кипчаки оказались в Прииртышье, а затем в степях Восточного и Центрального Казахстана раньше кимаков. Первая их волна появилась на верхнем Иртыше и в Восточном Казахстане к середине VII в. (после 646 г.) Они частично смешались с близкородственными йемеками, а частично, вынудили последних уйти вниз по течению этой реки, а также занять северную часть степей Восточного и Центрального Казахстана. Вторая волна кипчаков пришла на Иртыш столетие спустя, после разгрома II Тюркского Каганата (744 г.) уйгурами. Новые пришельцы потеснили своих сородичей в степи Центрального Казахстана. О том, что в VIII в. часть кипчаков кочевала в степях Центрального Казахстана, позволяют судить сведения анонимного автора X в. Приведенные в «Худуд ал-Алам» южные границы кипчаков соприкасаются с печенегами, а все остальные границы с северными землями, где никто не живет» [1.Р.101]. Явно эти сведения были почерпнуты автором из более ранних источников, так как только в VIII в. печенеги, кочевавшие тогда между оз. Балхаш и Сырдарьей, могли быть южными соседями кипчаков. О кочевьях печенегов в VIII в. известно из тибетского перевода отчета уйгурских послов [2.Р.11].

Покинув места своего прежнего обитания в середине IX в. (после 840 г.) кимаки первоначально обосновались на правом берегу Иртыша. Об этом можно судить исходя из сведений автора XI в. Гардизи, пользовавшегося более ранними источниками. Он писал, что лишь «переправившись через Иртыш, приходят к шатрам кимаков» [3.С.107]. Отсюда кимаки постепенно начали расширять сферу своего влияния на запад. Кипчаки и йемеки в основной массе оттесненные новыми пришельцами в степи Восточного и Центрального Казахстана, попали в политическую зависимость от них.

Таким образом, в конце X века огромные пространства, занимаемые племенами кимако-кипчакского объединения, охватывали земли от Алтайских гор на востоке до Уральских гор и одноименной реки на западе, от границы леса и лесостепи в Западной Сибири на севере до северного берега оз. Балхаш и горных хребтов Тарбагатай и Каратау на юге. Эти территории подразделялись на четыре основные части: Йагансун-Йасу, Кыркырман, Андар аз-кифчак и западный район обитания кипчаков и йемеков.

Если с середины IX в. до последних десятилетий кипчаки находились в политической зависимости от кимаков, то с конца X–начала XI в. ситуация

начинает меняться. Кипчаки стараются освободиться от власти кимаков. И это видно уже из свидетельства «Худуд ал-Алам» об области кипчаков, расположенной между Уральскими горами и основными землями кимаков». Аноним сообщает, что «кыпчаки – племя, которое отделилось от кимаков», но еще не полностью, так как их «царь назначался кимаками» [4.С.19].

Естественно, что желание освободиться из под политической опеки кимаков подталкивало кипчаков к постепенной экспансии на запад – к Волге, на юго-запад – к полуострову Мангышлак и на юг – в Приаралье и долины Таласа и Чу, в земли которые еще находились под контролем огузов (а отчасти кимаков и карлуков), но в то же время были хорошо знакомы и кипчакам, имевшим там совместные с огузами пастбища.

На присутствие в указанных районах уже к концу IX-XII отдельных кипчакских родовых подразделений, косвенно указывают свидетельства ал-Масуди, анонимного автора, «Худуд ал-Алам» и Макдиси. Так, ал-Масуди писал, что междуречье Черного и Белого Иртышей, впадающих в Хазарское (Каспийское) море и отождествляемых современными исследователями с Волгой и Уралом или с Уралом и Эмбой, расположены зимники и летники кимаков и гузов [5.С.166]. В «Худуд ал-Алам» сообщается «когда между ними мир – они (кимаки Г.К.) откочевывают зимой к гузам» [6.Р.99]. А у Макдиси говорится, что города Сауран и Шагилджан, расположенные в среднем течении Сырдарьи, являлись пограничными крепостями против гузов и кимаков [7.С.46]. Так как во второй половине IX-X вв. за этнонимом кимаки скрывались и кипчаки, то вполне логично предположить, что они так же пользовались этими пастбищами огузов.

Однако впервые, о кипчаках на границах Хорезма упоминает Абу-л-Фазл-Бейхаки в 1030г. объясняя отказ хорезмшаха Алтунаша (1071-1032) прибыть ко двору его сюзерена эмира Махмуда Газневийского (999-1030), получением срочного известия от Ходжи Ахмеда сына Абд-ас-самада о том, что «кечиты, джиграк и хифчак волнуются... как бы не случилось беды». [8.С.104]. Уже к середине 30-х гг. XI в. кипчаки вместе с другими кочевыми тюркоязычными племенами не только тревожат своими набегами подвластные хорезмшаху земли, но и охотно служат ему в качестве наемников. Тот же Бейхаки сообщает, «Харун (хорезмшах с 1032 по 1035 гг. Г.К.) тоже выступил, возвратился в Хорезм и еще ревностней начал готовиться к походу. Со всех к нему стекались люди (племена кечат, джиграх и кыпчак), получилось большое войско» [9.С.602].

Самые подробные сведения о расселении кипчаков на территории Казахстана и Средней Азии в XI в., приведены в труде Махмуда Кашгарского и отмечены на прилагающейся к нему карте. Северная окраина кипчакских земель лежала на границе степной и лесостепной зон. Их восточные рубежи проходили по левому берегу Иртыша, который обозначен на карте как место обитания йемеков, а в тексте дано соответствующее пояснение: «Йемеки – тюркское племя. А он у нас кыпчакский род» [10.С.35].

О кипчакских владениях на юге (в районе хребта Каратау, Киргизского хребта и долины Таласа) записано, Кендшак Сангир – город вблизи Тараза. Это пограничная крепость кипчаков» [11.С.444]. Здесь, по-видимому,

кипчаки обосновались задолго до написания труда Махмуда Кашгарского. К такому выводу приходишь, прочитав следующую выдержку из его сочинения «Булак – тюркское племя. Они были в подчинении у кипчаков, но затем спаслись благодаря помощи Аллаха и теперь они называются алка – булак» [12.С.306]. Согласно сведениям Шарафа–ал–Марвази племя булак входило в состав карлуков, проживавших в Жетысу и состоявших из девяти групп «три чигиль, одна тухси, одна булак» [13.С.316]. По справедливому замечанию С.М. Ахинжанова «Заметка Кашгарского служит отголоском каких–то военных столкновений карлуков с кипчаками задолго до жизни Махмуда» [14.С.175]. Дополнительным свидетельством пребывания здесь кипчаков служат находки святилищ с каменными изваяниями у перевала Сандык, около с. Мерке. Эти статуи аналогичны самым ранним типам половецкой скульптуры южнорусских степей по классификации С.А. Плетневой [15.С.89].

Территории, прилегающие к Аральскому морю обозначены на карте как «обиталище огузов и кипчаков» [16.С.60]. Еще одним местом общего обитания огузов и кипчаков являлся полуостров Мангышлак. На карте Махмуда Кашгарского отмечено поселение кипчаков, расположенное на восточном побережье Каспийского моря. Именно сюда, на Мангышлак, в 1065 году совершил свой поход против племен кипчаков и джази сельджукский султан Алп Арслан (1063–1072) [17.С.52]. Согласно С.Г. Агаджанову, «Кифшага и Джази, упомянутых средневековыми авторами, сообщающими об этих событиях, следует, вероятно, рассматривать, как искаженную персонификацию названий кипчаков и йазыров (языров, язгыров)» одного из огузских племен XI в. [18.С.266].

Данные топонимики так же свидетельствуют о пребывании кипчаков в районе Магышлака, так как степи к югу от этого полуострова вплоть до р.Чарын еще во времена правления Надир–шаха (1736–1737) в Персии и даже в начале XIX в. назывались Дешт–и – Кипчак [19.С.117].

Западная граница расселения кипчаков в первой трети XI в., вероятно проходила по Волге. В сочинении Махмуда Кашгарского записано: «Итиль – название реки в стране кипчаков» [20.С.103]. В тексте Итиль не назван западной границей кипчаков, так как не являлся таковой к моменту окончания работы Махмуда Кашгарского над своим трудом (1074 г.). В это время значительная часть кипчакских племен уже прочно обосновалась в степях Северного Причерноморья. А на территории Зоволжско–Приуральских степей кроме собственно кипчаков, кочевала и часть йемеков, отделившихся от своих братьев на Иртыше. О них сохранились сведения в источниках XII в. Наджип Хамадана, говоря о расположенном на Волге городе Саксине отметил «Саксин – это город, больше его нет города в Туркестане. Жителей его беспокоят племена кипчаков и йемеков. В этой области нет реки, кроме Атила» [21.С.162].

Лаврентьевская летопись под 6690 (1182), рассказывая о походе князя Всеволода Большое Гнездо на Волжских булгар, также отметила присутствие йеменов кочевавших, по–видимому в Приурельских степях, неподалеку от границ Волжской Булгарии.«Иде князь Всеволодь [на Болгары] [и] приде в

землю Болгарскую и выседе на берег поиде к Великому городу и ста у Тухчина городка и перестоя ту 3 дни поиде на трети день к Великому городу пошедшю же князю в поле оузреша наши сторожеле в поли и мняху Болгарскыи полкъ и приехаша 5 мужь ис полку того и судариша челомь передь княземъ Всеволодомъ и сказаша ему речь кланяются княже Половци Емякове пришли есьмы со княземъ Болгарским воевать Болгарь князь же Всеволодь здумавъ с братею своею и с дружиною води их в роту в Половецкую поима ихъ поиде к Великому городу и приде князь к городу и перешедь Черемисань...» [22.С.389].

Итак, постепенно расширяя территорию своих кочевий в юго-западном и западном направлениях, кипчакские и отдельные кимакские племенные объединения в 30-е гг. XI в. появляются на границах Хорезма и выходят к Волге, откуда затем начинается их широкая миграция в степи Восточной Европы, где они столкнулись с государствами Северного Кавказа и Закавказья, княжествами Древней Руси, Византийской империей и Венгерским королевством, а другая часть с массой огузов и некоторым количеством кипчаков, влившись в состав турок-сельджуков, усилили давление на исламские государства Ирана и Ирака, на мусульманские и христианские государства Закавказья и Восточной провинции Византии.

Список литературы

1. Minorsky V. *Hudud al-Alam. The regions of world. A. Persian geography 372 A.H.-982 A.D.-London 1937.*
2. Clauson J.A. *Propos du manuscript Peliot tibetain 1238//JA 1957.-Т.255.№1.*
3. Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи Заин ал-Акбар. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг.». М. 1978. Т.8.
4. Худуд ал-Алам. Рукопись А. Туманского. М., 1930.
5. Материалы по истории Туркмен и Туркмении. М-Л. 1939. Т.1.
6. Minorsky V. *Hudud al-Alam. The regions of world. A. Persian geography 372 A.H.-982 A.D.-London 1937.*
7. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины УП до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870.
8. Абду-л-Фазл-Бейхаки. История Масуда 1030-1041. Ташкент 1962.
9. Там же.
10. Махмуд ибн ал-Кашгари. Девону лугатит-турк. Ташкент. 1960-1963. Т. 1-Ш.
11. Там же.
12. Там же.
13. Храковский В. Шарав ал-Заман Тахир-Марвази //ТСВ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т.1.
14. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, Наука. 1989.
15. Новгородова Э.А. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал г. Мерке). М., 1989.
16. Махмуд ибн ал-Кашгари. Девону лугатит-турк. Ташкент. 1960-1963. Т. 1-Ш.

17. Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Сообщение о Сельджукском государстве. Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях. М., 1980.
18. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969.
19. Материалы по истории Туркмен и Туркмении. М.-Л. 1939. Т.1.
20. Махмуд ибн ал-Кашгари. Девону лугатит-турк. Ташкент. 1960-1963. Т. 1-Ш.
21. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969.
22. Радзивиловская летопись //ПСРЛ,Л., 1989. Т.38.

ҚЫПШАҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІНДЕГІ КЕЗДЕСЕТІН ЖАЗБА ДЕРЕКТЕРДІҢ ЕРЕКШЕЛІГІ

Әлменбетова У.А.

Л.Н.Гумилев атындағы

Еуразия ұлттық университеті,

«Еуразия» ғылыми зерттеу

орталығы, Астана қаласы

Орта ғасыр жазба ескерткіштері – түркі халықтарының өткен тарихы, мәдениеті, әдебиеті, тілі, тұрмыс-тіршілігі, дінінің өткен тарихынан мәлімет алуға мүмкіндік беретін асыл мұрасы. Халқымыздың өткен тарихын, тілін, мәдениетін білуде, атап өткеніміздей, бұл мұралардың маңызы өте жоғары. Замандар бойы сақталып, бүгінгі күні халқымыздың асыл қазынасына айналған мұраларды халқымызға жеткізу мақсатында қыруар еңбектер атқарылды.

Орыстың белгілі жазушысы М. Горький өз заманында былай деген екен: «Халық әдебиетін білмейінше, халықтың нағыз тарихын білу мүмкін емес».

Сондықтан да қазіргі кезеңде қазақ тарихын қайта жазу, зерттеу, оны дәуірлеу мәселесі күні бүгінге дейін ғылыми шешімін таппай, өзінің ғылым ретінде табиғи даму-марқаю дәрежесінен көтеру басты мәселенің біріне айналып отыр.

Оның басты себептерінің бірі - көне тарихымыз туралы өз тіліміздегі жазба деректердің аздығы тарихшыларымызға қол байлау болды. Тарихымызға қатысты деректердің көбі көрші елдердің жазбаларында сақталып, сол елдің зерттеушілерінің ұлттық және саяси мүдделеріне орай өзгертулер мен «түзетулерге» ұшырағандығы ескерілмей, шала қорытылды. Қазақтың шежіре деректері алып қашты сенімсіз нәрсе ретінде қаралып, тарихи дәлел ретінде пайдаланылмады.

Кеңестік идеологияның темір тегеуіріні, қазақ зиялыларының халқымыздың рухани мұраларына халықтық талғаммен қарап, баға беруіне мүмкіндік бермеді. Өйткені, халықтың өз болмыс-бітімін тура тануға ұмтылуы – бағынышты халықтың тарихи жадын үзіп, өткенін ұмыттырып отыруды мақсат тұтқан кеңес билеушілерінің түп мүддесіне қайшы еді.

Ұзақ уақыт дәурендеген отаршылдық езгі мен үстем саясат халқымыздың ұлттық ойлау жүйесін орасан талқандап, жасқаншақ, құлдық психологияны ұлт санасына терең сіңірді. Ол ата-бабаларымыздан қалған, кейінгі ұрпаққа қалдырар рухани мұраны, ұлттық тұрғыдан, халық тарихымен бірлестіре зерделегенде ғана өз еліміздің тарихы мен табиғатын тануда шындыққа жақындай түсетіндігімізді ойлатпады. Дегенмен де бұл түйін жалпылық мән алатын, баршаға ортақ шындық емес. Халқымыздың төл тарихымен сабақтастыра отырып зерттеп, әр дәуірдегі жазба және шежірек деректерді оқып тани бастасақ, сол дәуірдегі барлық немесе басым көп санды деректік нұсқалардағы ортақ «сарынды» тауып, оны сол заманның үстемдігін, ағымдық сипатын анықтаудың өлшемі ету керек деп пікір білдірген ғалымдарымыз болды. Алайда бұл ізденістер өзінің заңды жалғасын таба

алмады. Қаншалықты құнды болуына қарамай, бытыранды пікір күйінде қалып, ортақ теорияның тууына, дұрыс тұжырымның жасалуына қызмет ете алмады.

Ал бүгінгі күні сол өзекті тақырыптың бірі - кешегі Алтын Орда дәуірінде өшпестей құнды дерек қалдырған қыпшақ ескерткіштері болып табылады. Қыпшақ ескерткіштеріндегі жазулар жайлы деректерді біз алтын Орта дәуірінен қалған жазба мұралардан қарастырылуы өте құнды. Деректердің біраз бөлігі кезінде зерттеліп, өз бағасын бергенмен, оған тереңнен зерттеу жүргізіп, деректердегі ұшырасатын көптеген мәліметтерді жүйелеу, бір сарынға келтіру, тарихымызға нақты мәлімет беретіне баса көңіл аударуымыз қажет. Абдукамалова Э.С. өзінің ғылыми еңбегінде Көне қыпшақ тілінде жазылған ескерткіштер негізінен XI-XVII ғасырлар аралығын қамтиды деп тоқталып, оларды жазу үлгісіне қарай бес топқа бөлінеді деп көрсеткен:

1. Готикалық көне шрифтімен жазылған ескерткіштер (XIII – XIV ғасырлар).
2. Араб әрпімен жазылған мұралар (XI – XIV ғасырлар).
3. Армян жазуымен берілген мұралар (XV – XVI ғасырлар).
4. Орыс әліпбиімен жазылып қалған деректер (XI – XIII ғасырлар).
5. Шығыс Еуропа аймағын мекендейтін кейбір халықтардың тілінде сақталып қалған және сол елдердің өзіндік жазу үлгілерімен берілген сөздер (адам аттары мен жер-су аттары т.б.) [1;2-б].

Сонымен қатар ескерткіштер белгілі бір саяси-әкімшілік орталықтарда туып, солардың талап-тілектеріне сай жазылып отырғандықтан, қазақ ғалымдары (Айдаров Ғ., Құрышжанов Ә., Томанов М.) оларды шартты түрде мынадай топтарға бөліп қарастырады: куман қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, половец қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, Орта Азия қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, Алтын Орда қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, Мамлюк қыпшақтарының тілінде жазылған ескерткіштер, Армян колониясының тілінде жазылған ескерткіштер [2;10-16-б]. Орта ғасырларда жазылған ескерткіштерді зерттеп, құнды пікірлер айтқан ғалымдардың тұжырымдарын басшылыққа алған М. Сабыр мынадай екі үлкен топқа бөліп қарастырады:

1. Көне қыпшақ ауызекі сөйлеу тілінде жазылған ескерткіштер.
2. Көне қыпшақ жазба ескерткіштері [3; 6-б].

Қыпшақ жазба ескерткіштерінің көбі қыпшақ тілінде жазылып, оғыз тілі әсер еткен (Мәмлүк, Орта Азия мұралары), оғыз тілінде жазылып, қыпшақ тілінің ықпалына түскендері аз (Хорезм нұсқалары)» [4; 45-46-б]. Бұл орта ғасырлық дереккөздері қазіргі заманғы кешенді зерттеушіден үлкен жауапкершілікпен жүзеге асырылатын деректану жұмыстарын жүргізуді талап етеді.

Қыпшақ ескерткіштері негізінен қыпшақ тіліндегі және армян жазулы ескерткіштерді қамтиды. Мысалы, Қыпшақ атауы «қыпчак», «коман» (куман), «половец», «мамүлік» болып, әр елдің деректерінде әр түрлі атаумен кездеседі. Қанаттас қағанаттар дәуірінде, қыпшақтар Қазақстанның солтүстік батыс өлкелерінде, Қара теңіз атырабында, Каспийдің солтүстігінде, XII ғасыр басында Кавказ жерінде болады. XIII ғасырда

Шыңғыс ханнан ығысып, украин жеріне келген армяндар XV ғасырдың соңында қыпшақтарға бағынады. Ғ. Айдаровтың мәліметі бойынша, олар «қыпшақтардың тілін үйреніп, күнделікті іс- қағаздары армян, поляк тілдерімен қатар, қыпшақ тілінде де жүргізіледі». Т. И. Грунин: «жылдар бойы половецтерге саяси тәуелді болған армяндар олардың тілін үйренді, половецтер саяси дербес мемлекет болудан қалған соң да, ұзақ уақыттар бойы сол тілді пайдаланды дейді [5;58-б].

Б.Кенжебаев: «Қыпшақтар араб әліппесін қолданған», десе, «Араб жазуымен жазылған қыпшақ ескерткіштерінің барлығын» Ғ. Айдаров та айтады [5; 4-б]. Қыпшақтар араб жазуын пайдаланып, ойшыл жазушылары араб жазуымен шығармалар жазған. Мамүліктер мемлекеті заманында арабша-қыпшақша сөздік жасалған. «XIII ғасырда Байлағ-әл-Қыпшақи деген кісінің «Қымбат металдарды түсінудегі саудагер байлығы» және «әл-Ануар әл-Мудин» атты араб тілінде жазылған еңбектері болған» , алдыңғысы Парижде сақтаулы, соңғысын А. Зайончковский атағаны болмаса, онан басқа ешкім көрмеген екен [6;552-б].

Қыпшақ ескерткіштері бірнеше топқа бөлінеді. Бірінші, «Готикалық көне жазумен» жазылған ескерткіштер. Ғ. Айдаров «Кодекс Куманикусты» осы жазу негізінде жазылған деп қарайды. Екінші, армян алфавитімен жазылған тарихи деректер, іс-қағаздар. Үшінші, діни әдебиеттер, естеліктер мен әдеби аудармалар. Армян жазуымен, қыпшақ тілінде жазылған 27 сот актісі (15254 бет) бар. Осылардың ішінен бір міндеттеме, бір сенімхат, бес акті кітабын Т. И. Грунин «XVI ғасырдағы половецтер тіліндегі документтер» атты еңбегінде жариялаған. «Львов қаласының 1583-1661 жылдар арасындағы оқиғаларын қамтитын сот жазбалары Львов қаласындағы мемлекеттік архивте, Львов рухани соттар жазбаларының қыпшақтарға қатысты 1572-1667 жылдар арасын қамтитын материалдары Венада мхитеристер кітапханасында (папка № 441– 447), 1669-1672 жылдар арасындағы Қыпшақтардың өмірін суреттейтін материалдар Львов қаласындағы ғылыми кітапханада (папка №1485), соттар жинағының 1519 жылғы оқиғалар баяндалатын жазбалары Брослав қаласындағы ұлттық институттың ғылыми кітапханасында (папка № 1916) сақтаулы дейді. Осы документтердің Венеция хроникасында христиан дініне қатысты деректер, Польша ұлысы хроникасында қыпшақтарға қатысты деректер кездесетіні айтылады. Армян жазулы ескерткіштер арасында дінге қатысты 20 - дан артық жазба, 610 беттік естелік, үш метрлік таяқшаға қыпшақ тілінде армян жазуымен жазылған эпиграфиялық ескерткіштер бар екен.

Бұлардан басқа Лусик Саргабақтың «Қыпшақ тілінің грамматикасы» (1581 ж) Ереван қаласында Моштоң атындағы қолжазбалар институтында (папка №2267) әлі тұрған көрінеді. Онда 500 - ге тарта есім сөздерге, 180 етістікке талдау жасалған. Ең қызығы, қазіргі қазақ тіліндегі «ағаш» сөзі «агач», «аз» сөзі «аз», «ай» сөзі «ай», «алтын» сөзі «алтын», «ана» сөзі «ана», «аң» сөзі «аң», «әуелгі» сөзі «әуелгі», «ауырлық» сөзі «ағырлық», «атты» сөзі «атлы», «борышты» сөзі «борышлы», «біз» сөзі «біз», «сен» сөзі «сен», «ол» сөзі «ол», «бұ (бұл)» сөзі «бу», «кім» сөзі «кім», «кесу» сөзі «кес», «төле» сөзі «төле», «таны» сөзі «таны» болып келеді екен. Тіпті кейбір

сөздердің синонимдері де, қазіргі қазақ тіліндегідей («әуелгі» сөзінің синонимі «алғашқы») болып келетін көрінеді.

Тілге қатысты екінші бір еңбек «Қыпшақ тілі грамматикасы» (1613 ж). Көлемі 178 бет, Венадағы мхитаристер кітапханасында (папка № 84) сақталыпты. Ереван қаласында Моштоц атындағы қолжазбалар институтында да бір нұсқасы болса керек. Армян жазуымен жазылған қыпшақ тілінің үш сөздігі бар: «Армян-қыпшақ сөздігі» (1628 ж), «Армян қыпшақ сөздігі» (1540 ж), «Армян-қыпшақ польша тілдер сөздігі» (1634 ж). Оларды зерттеген В. В. Радлов, Г. Кун, Б. Дорн, А. Фон, Габен, Р. Рахим, Г. Ғазиз, А. Н. Самойлович, М. Рясенен, К. Менгес, Дж. Клусондар ескерткіштердің тілдік ерекшелігіне баса мән берген екен. «Соттар жинағын» 1950 жылдарда М. Лебицки, Р. Кононовтар зерттеген. Бұл ескерткіштердің Алтын Орда-Оғыз-Қыпшақ дәуірін зерттеудегі маңызы ерекше. Алайда олардың тарихқа қатысы әлі де толық зерттелген жоқ.

Армян жазулы қыпшақ ескерткіштерінің ішінде «Дана Хиқар» кітабы біздің тарихымыз үшін ерекше мәнге ие. Кітап армян тілінен қыпшақ тіліне аударылған деген мәлімет бар. Шығарманың түпнұсқасы Вена қаласындағы мхитаристер қорында (папка № 468) сақтаулы көрінеді. 1964 жылы оны Ж. Дни, Э. Триарскийлер «Дана Хиқар тарихының армян-қыпшақ нұсқасы» деген атпен бастырып, фотокөшірмесін жариялапты. С. Ж. Құдасов осы фото көшірмені қазақ тіліне аударып, «Армян жазулы қыпшақ ескерткіші Дана Хиқар сөзінің тілі», - деген атпен 1990 жылы бастырып шығарған. Х. Сүйіншәлиев «Ғасырлар поэзиясында» қыпшақтар кітабы туралы [7;93-б] мәлімет беріп пікір қозғаса, Ш. Сәтбаева «Қазақ әдебиетінің тарихында» «Дана Хиқар сөзінің тарихы мен бейнелілігіне» арнаулы тоқталады [8;566-б]. «Дана Хиқар сөзі» әуелде Ассирияда, Вавилонияда туып, кейін қыпшақтарға тараған деп шамалайды.

«Дана Хиқар сөзі» әуелгі нұсқасында басқа елде, басқа тілде туса да, Алтын Орда кезеңінің деректік қорына қосылады. Бұл шығарма қазақ арасында ертеректе кең тарап, талай аңыздың тууына бастама болған сияқты. Оның бір сарыны әріден басталса керек. Қазақтың ескі аңызында: бір патша алпыстан асқан қарттарды өлтіруге бұйрық береді. Елдің бәрі әкесін өлтіріп жатқанда, бір жігіт әкесін өлтірмей, сандыққа жасырып, алып қалады. Күндердің бірінде ел шөлге тап болып, сусырап қырылу қаупі төнеді. Сонда әлгі қарт баласына, тал түсте сиыр қайда жиналса, сол жерден су шығады дейді. Бала әкесінің айтуы бойынша, сиыр жиналған жерді қазса, сол жерден су шығыпты. Тағы бірде судың түбінен алтын шаңырақ көрген патша, сол алтын шаңырақты алып беріндер деп елге жарлық салады. Жарлыққа қарсы келгендердің басы алынады. Алтын шаңырақты аламын деп суға түскендер суға батып өледі. Сонда әлгі қарт баласына, ол шаңырақ судың түбінде емес, таудың басында тұр дейді. Бала әкесінің айтуы бойынша, суға төніп тұрған қара жартастың басынан шаңырақты алып түседі. Разы болған патша, сен, осындай данышпандықты қайдан үйрендің деп сұрайды. Бала мен әкемді өлтірмей сақтап қалған едім, сол кісінің ақылы бойынша істедім деген екен. Сонан бастап патша қарттарды өлтіруге берген жарлығының күшін

жойыпты дейді. Аңыздың мазмұны «Дана Хиқар сөзіне» өте жақын. Аяз би аңызы да «Дана Хиқар сөзімен» тектес келетіні белгілі.

Алтын Орда дәуіріндегі дерекке қатысты тамаша жәдігерлік «Кодекс Куманикус». «XIII ғасырдың соңғы жарымында басталып, XIV ғасырдың басында – 1303 жылы шілде айында Қара теңіздің шығыс солтүстік жағалауының бір жерінде аяқталған» [9; 4-б]. Қолжазба латын-парсы-қыпшақ тілдерінің сөздігі. Сөздер алдымен латынша – парсыша – қыпшақша, онан соң қыпшақша – немісше – латынша берілген. Соңғы бөлімінде қыпшақ тілі грамматикасы жөнінде түсіндірмелер жасалып, христиан дінінің дұғалары мен инжіл кітабынан ішінара үзінділер аударылып берілген. «Қыпшақтар ислам дінін бұрынғы қонысында, IX ғасырда-ақ қолдана бастағанын» [10;4-б] ескерсек, бұл кітап таза ғылыми мақсатта жазылған ескерткіш екені даусыз. Сөздікте қыпшақтардың жұмбақтары, ай аттары кездеседі. Қазақ әдебиетін зерттеуші белгілі ғалымдар Ә. Нәжип пен Ә. Құрышжанов бұл сөздікті тіл білімі тұрғысынан зерттеген.

Бұл кітапты жай ғана сөздік ретінде қарауға болмайды. Мұндағы (Ке) һе барыр қара кулақ, «Ерте келір қара кулақ (түңлік). «Олтырғаным – оба йер, басқаным бағыр шанақ (үзеңгі)» болып келетін жұмбақтар, көшпелі өмірді, ұлттың болмыс бітімін, тұрмыс-салтын, сол кездегі халықтың өмір сүру кезеңін бейнелейтін, сөздіктің әдеби құнының ғана емес тарихи жағынан жоғарылығын танытатын тамаша дәлелдер. Бұл сөздік «Қазақ тілінің ертедегі сөздігі, қазақ халқының тілі мен әдебиеті, тарихында маңызды орын алады». Сөздікте кездесетін сөздердің құрамына талдау жасаған Б. Кенжебаев, онда қазіргі қазақ тіліндегі көптеген сөздер мағыналық, тұлғалық жақтан сол қалпында: «Азамат, аяз, айна, айран, ағыс, ақымақ, ұлы ата» болып, қазіргі тілімізде кездесетін, араб, парсы тілдерінен кірген, «шариғат, сұлтан, харам, мүлік, садақа, ғашық, ғаріп, ғұмыр, ләззат, ғақыл» сөздері де ұшырасатынын айтады.

Орта ғасырларда қолымызға жеткен бұл жазба еңбектердің өзіндік ерекшелігі бар. Алтын Орда дәуірінде көшпенді түркітерде ислам діні үстем орынды иелесе, осыған орай мәдениетте де бір ыңғайлану пайда болды. Бұл дәуір жазба деректерде ислам дінінің ықпалы күшейген дәуір болды.

Қорыта айтқанда, жеке ескерткіштердің тілін арнайы зерттеумен айналысып, монографиялық еңбек жазған ғалымдар көп емес. Ескерткіштер арнайы зерттелмегендіктен, ескерткіштердің тілі жөнінде айтылған пікірлер де сан алуан. Орта ғасырдағы тәңірлік діннің де, манихей дінінің де, будда дінінің де, ислам дінінің де белгісі сақталып отырады. Бұл әлі де болса қыпшақтану саласындағы зерттелмеген, Алтын Орда дәуіріндегі қыпшақ ескерткіштеріндегі кездесетін құнды жазба деректердің тарихқа тиесілі сапалық ерекшелік тұрғыдан талдауды қажет ететінін көрсетеді. Ал сыртта қалған мұраларымызды қолға алып, қадеге жарату бүгінгі күннің басты талабы екені айқын.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Абдукамалова Э.С. Орта ғасыр жазба ескерткіштер тілінің зерттелуі. Халықаралық Түркология академиясының журналы. Астана, 2013 ж, 6-б

2. Сабыр М.Б. Көне қыпшақ жазба ескерткіштерінің тілі. – Орал, 2009 10-16-б.
3. Құрысжанов Ә Ескі қыпшақ тілі. Алматы, 2007. 316- б.
4. «XVI ғасырдағы половецтер тіліндегі құжаттар», Москва, 1967, 58-б
5. Кенжебаев Б. Кодекс куманикус. Қазақ әдебиеті, 1968. 14 қаңтар. 4-б.
6. Қазақ әдебиетінің тарихы. III кітап. Редакциясын басқарған Сәтбаева Ш. Алматы: Ғылым, 2000. 566 - б.
7. Х. Сүйіншәлиев «Ғасырлар поэзиясы» Алматы: Жазушы, 1987. 216- б.
8. Кенжебаев Б. Кодекс куманикус. Қазақ әдебиеті, 1968. 14 қаңтар. 4-б.
9. Кенжебаев Б. Кодекс куманикус. Қазақ әдебиеті, 1968. 14 қаңтар. 4-б.
10. Кенжебаев Б. Қазақ әдебиет тарихының мәселелері. Алматы: Қазақ ССР-ының ғылым баспасы, 1973. 165-б.

ҚЫПШАҚ ТІЛІНІҢ ҚҰРЫЛЫМДЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

*Айтқожина Ш.М.,
Қарағанды, №34 жалпы білім
беретін орта мектеп*

VII–IX ғасыр көне түркі жазбалары жайлы қысқаша мәлімет беріліп, ескерткіштердің лингвистикалық тұрғыдан зерттелу деңгейі анықталады. Орхон, Енисей, Талас жазбалары тілін қазіргі қыпшақ тілдерімен сабақтастыра қарастырудың тарихи – лингвистикалық негізі дәйектеліп, түркілік түбіртанудың теориялық – методологиялық негіздері сараланады.

Орхон-Енисей, Талас жазба ескерткіштерін зерттеудің бастапқы кезеңі негізінен рунологиялық, текстологиялық мақсаттарға, мәтіндерді оқып, транслитерациялау, аудару жазудың генезисі мәселелеріне арналса, таза лингвистикалық тұрғыдан зерделеу XX ғасырдың алғашқы жылдарынан басталады. Көне түркі жазба мұраларының тілін зерттеудің көш басшысы В.В.Радловтың ескерткіштер тілінің фонетикалық жүйесі, морфологиялық құрылымы жайлы, көне түркі тілі мен қазіргі түркі тілдерінің агглютинациялық табиғаты, аффикстердің шығу тарихы туралы құнды пікірлері түркітану ғылымының ғылыми қағидаларына айналып, кейінгі зерттеушілердің бағдаршамы қызметін атқаруда. П.М.Мелиоранскийдің көне түркі жазбалары тілінің фонетикалық жүйесі, лексика-грамматикалық құрылымы жайлы зерттеулері қазіргі түркі тілдерінің тарихи грамматикасының қалыптасуына негіз болды, ескерткіштер тіліндегі синкретикалық жұптардың күрделі табиғаты туралы алғаш пікір білдірген ғалым түркі түбірлерінің полисемиялық сапасы жайлы тұжырымдардың теориялық негізін қалады. А.Н.Самойлович түркі тілдерін жіктеуде негіз тіл ретінде Орхон-Енисей жазбаларының тілін алып, ескерткіштер тілінің фонетикалық белгілерін жіктеудің басты критерийі ретінде қолданды. Осы тұрғыдан алып қарағанда А.Н.Самойлович Орхон-Енисей жазбаларының тілін түркі тілдерінің тарихи-салыстырмалы грамматикасында қолданудың методологиялық қырларын жетілдіруге үлес қосқан ғалым.

С.Е.Маловтың қажырлы еңбегінің нәтижесінде көне түркі тілінің теориялық іргетасы қаланды. Ғалым ескерткіштер тілінің фонетикалық жүйесіне талдаулар жасау негізінде түркі тілдерінің тарихи–хронологиялық жіктелімін ұсынып, lt, nt, nč үнді–қатаң дауыссыздар тіркесін, ʁ, g дыбыстарының сақталуын көне құбылыстар ретінде қарастырса [1, 5-7], 1958, 1959 жылдары жазылған кейінгі еңбектерінде көне түркі тілінің диалектілік ерекшеліктеріне сараптама жасайды И.А.Батмановтың көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі жайлы зерттеулері көне түркі ескерткіштері тілі деректерін жинақтап, жүйеге түсіруімен, сөздігін түзуімен, дыбыстардың комбинаторлық өзгерістерін, лексикалық сәйкестіктерді, лексикалық–тақырыптардың ортақтығы мен айырмашылықтарын саралап беруімен құнды болса [2.13], В.М. Насиловтың еңбектері өзіне дейінгі зерттеушілер көп бара бермеген ескерткіштер тілінің синтаксистік құрылымы, сөздердің байланысу тәртібі, сөз тіркестерінің жасалуы, сөйлем мүшелерінің орын

тәртібі мен ойды жеткізудегі қызметіне айрықша мән беруімен ерекшеленеді [3,49]. VIII-IX ғасырдағы көне түркі жазба ескерткіштерінің тілін оғыз, ұйғыр, қырғыз, қыпшақ басқа да көне түркі тайпалары бірдей қолданған әдеби қалыпқа түскен тіл ретінде қарастырған Э.Р.Тенишевтің «у огузов и кипчаков эти были *j* – языки, у уйгуров *d* – язык, у киргизов *z* – язык» [4,165] деген пікірі аса маңызды. Ескерткіштер тілінің грамматикасын түзу барысында көне түркі тіліндегі түбірлердің фонетикалық құрылымы, бір буынды етістік – есім омонимиясы, сөзжасамның фонетикалық тәсілі тәрізді түркілік түбіртанудың маңызды мәселелеріне арнайы тоқталған зерттеуші көне түркі түбірінің ең шағын тұлғасы дауысты, дауыссыз – дауысты, дауысты – дауыссыз құрылымды түбірлерден тұратындығын көрсетеді, қазіргі түркі тілдеріне кеңінен таралған дауыссыз – дауысты – дауыссыз дыбыстардан тұратын үш құрамды моносиллабтарды Э.В.Севортян, Б.М.Юнусалиев тәрізді белгілі түркологтар негізін қалаған грамматикалық синкретизм немесе етістік – есім мәнді түбір-негіздер мәселесіне қатысты қарастыруды қолдайтынын білдіреді [5,76]. Көне түркі жазба ескерткіштері тілінде көне оғыз, көне ұйғыр тілдерінің ықпалы сақталғанын көрсеткен Н.А.Баскаков Орхон, Енисей жазбаларын көне оғыз және көне қырғыз тілдерімен байланыстырса, манихей жазбаларынан көрініс беретін көне ұйғыр тілін *n* диалектісіне және *j* диалектісіне жіктейді [6,165-166]. В.Г.Кондратьев көне оғыз ескерткіштерінде де, көне ұйғыр ескерткіштерінде де Орта Азияда жүздеген жыл бойы қолданылған біртұтас түркі тілі сақталған деп санайды. [7,26].

Көне түркі мұраларының тілі жайлы алғаш пікір айтқан қазақ ғалымдарының бірі – С. Аманжолов VIII-IX ғасыр ескерткіштер тілі негіз тіл ретінде барлық түркі тілдері жайлы тарихи-салыстырмалы зерттеулердің тіні, арқауы қызметін атқаруы қажеттігін көрсетеді [8, 131-133]. Көрнекті түрколог-лингвист Ғ.Айдаров көне түркі жазбалары мәтінінің қазақ тіліндегі лингвистикалық аудармасын жасаған әрі көне түркі тілі мен қазақ тілінің сөздігін түзген, көне түркі тілінің грамматикасын қазақ тілінде жазған тұңғыш ғалым. Түркі рунологиясында өзіндік орны бар А.Аманжоловтың еңбектері тек рунолог ретінде көне мәтіндерді оқып, транслитерациялау, аудару, жазудың генезисін зерттеу ісінде сіңірген қажырлы еңбегімен ғана емес, көне түркі тілі деректері негізінде жалпы түркі тілдерінің тарихи грамматикасының күрделі теориялық мәселелері жайлы, көне түркі тілінің диалектілік ерекшеліктері туралы тұжырымдарымен, сөз этимологиясын ашудағы дәйекті ой-пікірлерімен де құнды. Қазақ тіл біліміндегі А.Есенқұлов, Е.Ағыманов, Қ.Өмірәлиев, М.Томанов, Ә.Құрышжанов, Т.Қордабаев т.б. сынды белгілі ғалымдардың көне түркі жазба мұраларының тілі жайлы әр жылдары айтқан ой-пікірлері ескерткіштер тілі мен қазақ тілін салыстыра зерттеудің теориялық-әдіснамалық негізін қалыптастырып, түркітану ғылымына қосылған қомақты үлес болды. Жалпы көне түркі ескерткіштерінің лингвистикалық тұрғыдан кеңінен зерттелуі өткен ғасырдың 50-90 жылдары аралығына сәйкес келеді. Осы кезеңде Орхон, Енисей, Талас ескерткіштерінің жекелеген мәселелері жөнінде, қазіргі түркі

тілдеріне қатыс-дәрежесі, сабақтастығы жайлы бірнеше диссертациялар қорғалып, көптеген мақалалар мен ірі монографиялар жазылды.

ҮІІ ғасырдың мұрасы Мойун-Чур ескерткішінде түрік-қыпшақтардың елу жыл қағанат басында отырғаны жайлы деректің сақталуы қазіргі қыпшақ тілдерін көне мұралар тілімен сабақтастықта қарастырудың тарихи негізін көрсетеді, осы дерек негізінде қыпшақтар ҮІІ ғасырдың соңында-ақ көне түркі тайпалары ішіндегі дербес те беделді ірі тайпалардың бірі болғанын байқаймыз.

XI-XV ғасыр аралығындағы қыпшақ тілінің деректерінен мәлімет беретін мол жазба ескерткіштер қоры жинақталып отыр, олардың ішінде қыпшақ тілінің табиғатын терең танытатын грамматикалық, лексика-грамматикалық, лексикографиялық-грамматикалық еңбектер де бар. Орта ғасыр түркі ескерткіштерін жинау, жариялау, оқу, аудару, тілін зерттеу мәселелерінің көш басында Г.Ю.Клапрот, В.В.Радлов, П.М.Мелиоранский, А.Н.Самойлович т.б. тәрізді ұлы тұлғалар тұрса, кеңестік дәуірде, одан кейінгі кезеңде орта ғасыр ескерткіштерінің лингвистикалық тұрғыдан жан-жақты зерттелуі Э.Н.Наджип, А.К.Боровков, Э.Фазылов, А.М.Щербак, Ә.Құрышжанов, Б.Сағындықұлы, А.Ибатов, Р. Сыздық, Ә.Керімов, Т.И.Грунин, А.Н.Гарковец сынды т.б. зерттеушілердің есімдерімен байланысты. Аталған мәселе бойынша еңбек етіп жүрген кейінгі буын өкілдерінен С.Құдасов, М.Сабыр, С.Дүйсенов т.б. зерттеушілердің еңбегін атауға болады. Орта түркі жазба мұраларының тілін талдау нәтижелері оғыз, қыпшақ тілдері сараланып шыққанға дейін жалпытүркілік қыпшақ-оғыздық, оғыз-қыпшақтық жағдайдың орныққанын көрсетіп бергені белгілі. Орта түркі дәуірінің алдындағы көне түркі жазба ескерткіштері тілі мен орта түркі дәуірінен кейінгі дәуірде қолданылып жүрген қазіргі қыпшақ, оғыз тілдері деректері де қыпшақ ↔ оғыз тіл бірлестігінің іздері сақталғанын көрсетеді.

Қыпшақ тобына кіретін тілде сөйлейтін түркі халықтары тіліндегі ортақ белгілердің біразы қыпшақ бірлестігі кезінде қалыптасса, енді біразы Алтын Орда дәуірінде қалыптасып, көне түркі дәуірінде-ақ өзіндік ерекшеліктері аңғарыла бастаған қыпшақтық белгілер тереңдей түсті. Қазақ, ноғай, қарақалпақ халықтарының тарихи тамырластығына олардың этникалық құрамындағы ортақ ру-тайпалар, салт-дәстүріндегі, ауыз әдебиеті үлгілеріндегі, жалпы мәдениетіндегі ортақтықтар дәлел бола алады. Әуел баста қыпшақ тілінің диалектілерінде сөйлеген қазіргі қыпшақ-ноғай топшасына енетін тілдерді Алтын Орда, Ноғай ордасы кезіндегі лингво-этникалық процестер жақындата түсті. Ал қыпшақ-бұлғар, қыпшақ-половец топшаларындағы тілдерде сөйлейтін халықтардың этногенездік тарихында біраз өзгешеліктер бар. Татар, башқұрт, қарашай-балқар, қырым татарлары өз тарихын негізінен Ғұн мемлекеті ыдырағаннан кейін қалыптасқан Бұлғар мемлекетімен байланыстырады. Кезінде Н.И. Ашмарин ұсынған «бұлғар-чуваш» теориясына қарсы М.З. Закиев көне бұлғар тілінің жазба мұралары тілінің деректері негізінде бұлғарлар о бастан-ақ қазіргі татар тілінің кейбір белгілері бар *z* тілінде сөйлеген, ешқандай ротацизм, ламдаизм белгілері болмаған деген қорытындыға келеді. Ғалым пікірі бұлғар тілі *z* тілді оғыз-қыпшақ тілінен жана *z* тілді қыпшақ-оғыз тіліне ауысып, кейіннен

қыпшақтық сипат алған дегенге саяды. [9,110]. Башқұрттардың этникалық құрамындағы угро-финдердің, мадьярлардың үлесіне байланысты қалыптасқан «мадьяр-башқұрт» теориясы әлі шешімін таппай келе жатқан мәселе. Башқұрттардың венгерлік тегіне негізделетін «мадьяр-башқұрт» теориясын этногенетикалық зерттеулер толық қуаттап отырған жоқ, сондай-ақ башқұрттар құрамындағы мадьяр/мажар компонентін де жоққа шығармайды. Зерттеушілер Орал бойы башқұрттарының, Волга бұлғарларының, IX—X ғасырдағы венгрлердің ортақ этникалық компоненті—түркі тілді мажар-мишарлардың тілі деп таниды [10,139-140]. Тарихи әдебиеттерде қарашай-балқарлардың этногенезі, глоттогенезі жайлы түрлі теориялар ұсынылып жүргенімен, олардың көне бұлғарлармен генетикалық байланысын қолдаушылар басым. Қарашайлар мен балқарлардың қыпшақтану процесі кумандардың біраз бөлігі қарашай-балқарлардың арасына сіңіп кетуімен түсіндіріледі [11,16-19]. Батыс қыпшақ тобына жататын қырым татарлары тілі оғыз ықпалына ұшыраған тілдер қатарында қарастырылады. Қырымды билеген қыпшақтардың ұрпағы саналатын қырым татарлары тіліне оғыз тілдерінің ықпалы Қырым өлкесінің Түркияға қосылу кезеңінен басталып (1475 жылдары), Қырымды Ресей патшалығының отарлауынан кейін де үзілмеген [12,26-30]. Шағын этнос – қарайымдар да хун тайпаларының құрамында, кейін бұлғар-хазарлар тобында болып, соңғы кездерде қыпшақтық сипатқа ие болған тілдерге жатады. Құмық тілінің табиғаты жайлы да көзқарастар екі бағытта өрбиді, бірінші бағыттағы зерттеушілер XIII ғасырға дейін-ақ қалыптасқан қыпшақ тілі ретінде таныса, екінші топтың пікірі монғол шапқыншылығынан кейін қыпшақтық сипаты басымдыққа ие болды дегенге саяды [13,119]. Түркі тілдеріне қатысты барлық жіктемелерді салыстыра қарағанда, қазіргі қыпшақ тобына жататын тілдердің фонетикалық жүйесі мен морфологиялық құрылымының ұқсастығы сол тілде сөйлеуші этностардың генетикалық немесе тарихи жақындығы ғалымдар тарапынан принципті түрде ажыратылатын пікір қайшылығын тудырмайтынын байқауға болады. Жалпы бір негізден тараған тілдердің өзі де түрлі ішкі, сыртқы факторларға байланысты негіз тілдің белгілерін бірдей дәрежеде сақтай алмауы лигво-эволюцияның заңдылығы. Қазіргі қыпшақ тобына енетін тілдердің бір бөлігінің негізінде оғыздық сипаты бар көне бұлғар тілінің жатуы, қыпшақтану процессінен кейін де басқа туыстас тілдермен қатынаста болуы олардың лексикалық қорындағы қыпшақтық қабаттың өзгерістерге түсуіне алып келді. Мұндай өзгерістер негізінен сөз түлғаларындағы дыбыс сәйкестіктері арқылы айқындалады. Қазіргі қыпшақ тілдерінің ішінде қыпшақтық белгі қазақ, ноғай, қарақалпақ тілдерінде, татар диалектілерінде басым екенін зерттеу нәтижелері көрсетіп отыр (С.Е.Малов, Қ. Жұбанов, Н.Сауранбаев, т.б.).

Оғыз және қыпшақ тілдерінің дербестік сипатқа ие болуы тұстас бір тілдің екіге жарылуы нәтижесінде емес, бұрыннан өздеріне тән мүддесін қорғау ыңғайында, яғни өздеріне тән белгілерді сақтап қалу ыңғайында қалыптасқанын байқаймыз. Орта ғасырдағы оғыз-қыпшақтық аралас тілдік жүйедегі қыпшақ тілдерінің дербестік сапасының айқындала бастауы бір ғасыр шеңберінде ғана қалыптасқан құбылыс емес түркі тілдері дамуының

алғашқы кезеңдерінде-ақ оғыздық немесе қыпшақтық белгілердің сілемдері қолданыста болуы әрі олардың арасында дифференциациялық және интеграциялық процестердің кезең-кезеңімен бірнеше мәрте қайталануы да мүмкін. Сондықтан көне түркі дәуірі мен орта ғасыр дәуіріндегі түркі жазба әдеби тілі арасындағы сабақтастық та аралас тілдік жүйе арқылы айқындалады.

Түркітану ғылымындағы түбір сөз проблемасының зерттелуі өзіндік дәстүрі мен қағидалары қалыптасқан, мақсат-мүддесі айқындалған классикалық сала болып табылады десек те, тілдің негізін құрайтын бір буынды сөздердің табиғаты толық ашылып болмағаны белгілі. Түбір проблемасының күн тәртібінен түспей отыруы алғашқы дыбыстық тілдің сұлбасы байқала бастаған кезден бастау алатын түркі түбірінің бірнеше сатылы даму жолы мен қайшылыққа толы қат-қабат күрделі табиғатына байланысты. Түркі сөздері тұлғасының қарапайымнан күрделіге қарай дамуы басты ерекшелік болғанымен, фонетикалық заңдылықтарға орай кезең-кезеңімен кері процестерді де (ықшамдалу, редукция, элизия т.б.) басынан өткізуі, одан қайта күрделенуі тәрізді мәселелер де түбір табиғатын айқындауда қиындықтар туғызады. Фонетикалық құбылыстар гаплогия мен редукция, үнемдеу принципі жаңа дыбыс тіркесімін, жаңа фонологиялық жағдайды тудырады. Фонетикалық жүйедегі өзгерістер моносиллабтардың тұлғасына әсер етіп, семантикалық даму барысында қарапайым фонетикалық өзгерістер фонологиялық құрылымға да ықпал етуі мүмкін. Осы процестің нәтижесінде дыбыс сәйкестіктерінің екінші дәрежелі фоно-морфо-семантикалық қырлары қалыптасады. Сөздің шынайы болмысын танып-білу әрдайым тұлға мен мазмұнды бірлікте қарауды талап ететіндіктен жалпы түркі лексикалық қорының негізін құрайтын моносиллабтардың семантикалық дамуы да адам санасымен, дүниетанымымен тікелей байланысты құбылыс ретінде семасиологиялық жүйенің сан қырлы заңдылықтарына орай психо-физиологиялық процестермен өзара сабақтастықта жүріп отыруы мәселені одан әрі күрделендіре түседі.

Кез келген тілдің лексикалық жүйесінің даму жолын, басқа тілдермен туыстық деңгейін анықтау ең алдымен түбір құрылымын айқындап алуға негізделетіндіктен түркі түбірлері жайлы алғашқы пікірлер де түбір құрылымын анықтауға бағытталып, моносиллабтық, дисиллабтық бағыттар қалыптасты. Түркі тілдеріндегі дисиллабтар мен полисиллабтар құрамындағы алғашқы буынды бастапқы тұлға ретінде қарауға теориялық негіз бар. Сондықтан моносиллабтық бағыт көптеген ғалымдар тарапынан (Н.Сауранбаев, Б.Юнусалиев, Н.А.Баскаков, А.М.Щербак, Э.В.Севортян, А.Н.Кононов, Ә.Т.Қайдар, Ә.Ибатов, М.Томанов, Б.Сағындықұлы, Ж.Манкеева, Е. Қажыбек т.б.) қолдау тауып, зерттеу нәтижелері түркі тілдері бойынша түбір және түбір-негіздер жүйесін құрайтын 6 құрылымдық модельді – V, VC, VCC, CV, SVC, CVCC – негізгі тұлғалар деп танығанмен, осы модельдердің қайсысы алғашқы (этимон түбір, этимологиялық түбір, архетүбір, өлі түбір, ілкі түбір, бастапқы түбір, т.б.) деген мәселе үлкен пікірталас өзегі болып отырғаны белгілі.

Түркі тілдеріндегі түбір морфемалардың фонетикалық құрылымын әр қырынан қарастырған Н.А.Баскаков түркі түбірінің CVC тұлғалы болып келетіні жайлы алғашқы ойын қарақалпақ тілі деректері негізінде көрсетіп, В.Котвичтің «Исследования по алтайским языкам» (1981) еңбегіне жазған алғы сөзінде түркі түбірінің екі дыбыстан тұратын ашық буынды болып келетінін негіздеген В.Котвич теориясына қарсы аргумент ретінде созылыңқы дауыстыларды мысалға келтіру түркі түбірінің шынайы табиғатын ашып бере алмайтынын айтады. Н.А.Баскаковтың көзқарасына қарсы А.Зайончковский орта ғасыр ескерткіштері тілінде CV тұлғалы модельдердің көп мөлшерде кездесетінін, тарихи түркі түбірі V, VC, CV, CVC тұлғаларында қолданылғанын көрсетеді [14,28-29]. Бұл пікір Б. М. Юнусалиев, А.Н.Кононов, Э.В.Севортян, А.А. Юлдашев т.б. ғалымдардан қолдау тауып, тереңдетіле түсті. CVC тұлғалы моносиллабтар құрамындағы соңғы дауыссызды аффикстік деңгейде қарастырған А.Н.Кононов түркі түбірінің ең шағын тұлғасы V, CV, VC модельдері екенін морфологиялық талдау нәтижелері көрсетіп отырғанын айтады. Э.А.Макаев түркілік түбір құрылымы жөніндегі даулы пікірлерді шешудің жолы ретінде хронологиялық стратиграфия әдісін қолданудың қажеттігін ұсынса [15,108], И.В.Кормушин CV тұлғасын тектіл дамуының алғашқы кезеңіне, (CV + C >) CVC екінші кезеңіне сәйкес келсе, келесі кезеңінде кейбір түбір құрамындағы соңғы дауыссыздар қайта түсіп қалуы мүмкін деген болжам ұсынады [16,11-13].

Қазақ тіліндегі *қарт, қария, кәрі; айт, айтыс, айқай* т.б. сөздерінің құрамынан *қар, ай* тұлғаларын түбір морфема ретінде ажыратып, *-т, -йа, -і, -т, -ыс, -қай* тұлғаларын түбір құрамына қатысы жоқ элементтер ретінде таныған М. Томанов «осы азғана фактілер тобына жасалған талдаудың өзі де қазіргі тіл нормалары бойынша бөліп-жаруға келмейтін жалаң түбір деп қаралатын сөздердің недәуір тобы «мағынасыз» түбірлер мен белгісіз қосымшаларға ажырайтынын көрсетеді» деп қорытады [17,140]. Түркілік түбір табиғатын қазақ тілі аясында әр қырынан жан-жақты қарастырған академик Ә.Т. Қайдар ұзақ жылдар бойы түркі тілдеріндегі түбір, негіз терминдерінің ара-жігі толық ажыратылмай келгеніне ерекше мән беріп, аталған ұғымдардың өзіндік ерекшеліктерімен сараланатын ғылыми анықтамасын ұсынады. Нақты тілдік деректер мен В.В.Радлов бастаған белгілі лингвист-түрколог ғалымдардың пікірлеріне сүйене отырып, «...разложимость односложных корней-основ в тюркских языках ... вполне реальный факт» [18, 28] деген қорытындыға келеді. Түркі тілдері бойынша ғалым пікірінің негізділігіне дәлел бола алатын, дисиллабтармен қатар моносиллабтардың да біразы тіл дамуындағы ұзақ мерзімді қамтитын агглютинативтік процестің жемісі екенін көрсететін тілдік деректер қоры жинақталып, маңызды теориялық тұжырымдар жасалды. Е.Қажыбек түркі тілдеріндегі гомогенді моносиллабтарды етіс-есім омонимиясы тұрғысынан зерттеп, синкретизм құбылысының теориялық сипаттамасын ауқымды тілдік дерек негізінде дәйектеп берсе, қазақ тіліндегі етістік негіздерді морфемдік-компоненттік талдау барысында тілімізде қолданылып жүрген етістіктер құрамындағы өлі түбірлердің мол қорын анықтаған ғалым Ж.Манкеева қазақ тіліндегі *айт, арт, кет* императивтерінің құрамындағы *т* етістік тудырушы

тарихи жұрнақ екенін көрсетеді. Аса ежелгі дәуірлерде қолданылған түбірлер мен қосымшаларды мүмкіндігінше бастапқы қалпына келтіруді өз зерттеуінің басты мақсаты етіп алған Б.Сағындықұлы қазіргі түркі сөздерінің ежелгі тұлғасын реконструкциялауда дәстүрлі салыстырмалы-тарихи әдістер жиынтығымен қатар математикалық амал-тәсілдерге де, атап айтқанда теңдеу теориясына жүгінеді. Жалғамалылыққа дейінгі флекциялық құрылымның басты ерекшелігі ретінде түркі түбірлерінің бір ғана дауысты мен бір ғана дауыссыздан тұратынын дәйектеп көрсеткен ғалым, жеке дауыссыздар заттардың, қимыл-қозғалыстың, сын-сапа, қасиеттердің атауы болса, дауысты дыбыстар әртүрлі семантикалық өзгерістерді, реңктерді жеткізгенін айтады. [19, 5]. Б.Сағындықұлының көзқарастары жалпылама алғанда лингвистикадағы фонология теориясының қағидаларымен, императив теориясындағы идеяфондық идеялармен үндесіп, жалпы лексикадағы фоно-семантикалық құбылыстарды нақтылай түседі. Түркі тілдері түбіртану мәселесін зерттеуде дәстүрлі әдіс-тәсілдермен қатар тың теориялық-методологиялық қағидаларды да ұстанудың қажеттігін көтеріп жүрген башқұрт ғалымы А.Шайхұлов түркі түбірлерінің құрылымдық сипаттамасын жасау үшін деңгейлі (фонологиялық, морфологиялық, семантикалық) зерттеу аясында жүргізілгенде ғана нәтижелі болатынын баса көрсетеді. Ғалым тұжырымдарынан түбір табиғатын зерттеуде теориялық-танымдық бағытты да ұстанатынын, имманенттік талдау мен когнитологиялық талдауды ұштастыра қарастыруды қолдайтынын байқаймыз [20,8]. Қазақ тіл білімінде түбіртану жайлы соңғы жылдары айтылған маңызды ой-пікірлер мен тұжырымдарды А.Салқынбайдың, Ш.Жалмахановтың, М.Сабырдың, Ұ.Исабекованың т.б. еңбектерінен кездестіреміз.

Түркі лингвистикасындағы түбіртану мәселесі бойынша айтылған ой-пікірлер, түбірлер мен түбір-негіздердің жекелеген аспектілерін қарастырған зерттеу нәтижелері де, кешенді түрде жүргізілген зерттеулер де тілдегі түбірлік деңгейдің қалыптасуы мен дамуы фонетика-фонологиялық, морфологиялық, семантикалық, ономазиологиялық құбылыстардың өзара тығыз байланысына негізделетінін, түбір табиғатын тереңірек тани түсу үшін моносиллабтардың сыртқы тұлғасы мен ішкі мазмұнын сабақтастыра қарастырудың қажеттілігін көрсетіп отыр. Себебі, жалпы лексикалық байлықтың өзегін құрайтын моносиллабтар адамзат өміріндегі тілдің маңызын айқындайтын сан қырлы рухани-функционалдық сапаны қамтамасыз ететін лингво-онтологиялық құрылым. Үнемі даму үстінде болатын тілдік жүйенің өзгермелі, икемді табиғаты моносиллабтардың құрылымдық модельдерінің даму бағытымен, оның құрамындағы фоно-корреляттардың өзара сәйкестік түзу мүмкіндігімен, таралу аясымен, фоно-морфологиялық, фоно-семантикалық, идеофондық, идеосегменттік қырларымен сипатталады.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ:

1. Құрышжанұлы Ә. Диуани лұғат-ит-түрк // «Қазақ тілі» энциклопедиясы. А., 1998, 98-99 б;

2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967, 116 б;
3. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. По арабским источникам. А., 1972, 47 б;
4. Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (III – XI вв.) // Новое в археологии Казакстана. А., 1968, 149 б;
5. Құрышжанұлы Ә. Қыпшақтану // «Қазақ тілі» энциклопедиясы. А., 1998, 249-250 б;
6. Миллер Г. История Сибири. Т.1. М.-Л., 1937, 147 б;
7. Көмеков Б, Ә.Құрышжанұлы, С.Дүйсен. Ескі қыпшақ тілі. Алматы, 2008, 123 б;
8. Құрышжанұлы Ә. Ескі қыпшақ жазба ескерткіштері // «Қазақ тілі» энциклопедиясы. А., 1998, 114-115 б;
9. Құрышжанұлы Ә. Кодекс куманикус // «Қазақ тілі» энциклопедиясы. А., 1998, 173-175 б;
10. Құрышжанұлы Ә. Китаб-ул-айни // «Қазақ тілі» энциклопедиясы. А., 1998, 173 бет;
11. Құрышжанұлы Ә. Армян қыпшақтарының тілі // «Қазақ тілі» энциклопедиясы. А., 1998, 31 бет;
12. Көмеков Б, Ә.Құрышжанұлы, С.Дүйсен. Ескі қыпшақ тілі. Алматы, 2008 жыл
13. Бартольд В.В. Кимаки. Статья из энциклопедии ислама. М., 1968, Т.5, 264-266 б.

БАРАҚ ОҒЫЗ-ҚЫПШАҚ ТҮРІКТЕРІ ТУРАЛЫ СОҢҒЫ ДЕРЕКТЕР ҺӘМ КӨШПЕЛІ ТАЙПА МӘСЕЛӘЛЕРІ

Эрол Гюнейлигиль
Зерттеуші жазушы, сәулеткер
Газиантеп қаласы Түркия
erbolbay@mynet.com
тлф: 8 702 699 28 29

Кимек тайпалық одағының негізінің құрылуымен байланысты Кимек мемлекетінің 1100 жылдығына арналған «**Еуразия қыпшақтары: тарих, тіл және жазба ескерткіштері**» атты халықаралық ғылыми конференциясында бүгін Барақ Оғыз Түріктері және көшпенді Қыпшақтар жөнінде әңгіме жариялағанмың.

Көк Түріктердің ежелгі тарихына қарап, түп анасы Көк Бөріден шыққан Түрік халықтарының оқиғалар желісінде жер бетіне жайылуының терең тарихы, әлемге мағлұм екен.

Ортақ қазынамыз Түрік тілдерінің керемет сырларын мен Түрік тілді ұлыстардың ғажап әдет-ғұрыпын, салт-дәстүрлерін және аңыз әңгімелеріне сүйенер болсақ; оңтүстік Түркия облыстарында әсіресе Газиантеп аумағы таулық өңірінде және Сурия шекарасы жазықтық шөлендерінде көшпелі өмір сүрген Барақ ру мен тайпалары және Қыпшақтар арасында көптеген ұқсастықтар болғанын бір ауыз сөзбен айтамын.

Бұрынғылар «Әр айдың оты басқа» [8] деп, жаздың ыстық тамызында мың сан жылқы, түйе мен төрт түлік малын жайлаған, қыстың көзі қырауда тоқтаусыз қостаған көшіп-қонып жүрген. «Көктем мен жаз, жаз бен күз, күз бен қыстың қолайсыз күндерінде» [9] аяқ баспаған шөп, таза су, ауа мен малдың арқасында жүрген көшпелі Барақ Оғыз Түріктерінің арғы ататегі жайлы ауызша деректер мен соның төңірегінде аңыз әңгімелер Барақ ру мен тайпалары және рулас көрші-қолан Оғыз тайпалары арасында дағы өте көп айтыла келеді ғой.

Ауызша шежірелерде қариялардың пайымдауынша, Барақ Оғыз Түріктерінің ежелгі тарихы жыртқыш құсқа байланысты аңыздан басталады.

Сонау заманнан бері ақсақалдардың ауызынан көне ғасырлардан сыр суыртпақтаған осы әңгімелері, бала кезімізде жаратқанда ұмытқан оңтүстік Анадолы ауылдарында көпті көрген кейбір қариялардан талай естідік.

«Аңыз бойынша, ұшы-қиыры жоқ Орталық Азия тауларының шыңында, тамырлары жерден нәр алған жалғыз бір шынар ағашы өсіпті!

Бұл енселі ағаштың кей кезде көк аспанмен құшақтаса тілдескен қою көлеңкелі бұтақтарының арасына жасы ұлғайған киелі құс Келкенес өз өлімін сезініп, екі жұмыртқа салып кетеді!

Жұмыртқанның біреуінен қос жүректі батыр дейтін, «Көк Барақ Ит» шығады! Екінші жұмыртқаның не болғаны, немесе одан кім шыққаны белгісіз.» [2: 9]

Көшпелі тайпа мәселелері және тарих сұхбаттарынан қазіргі таңға дейін келген бұл аңыздың, Түрк тілді халықтардың шыққан тегі туралы жалпы әңгіме және дастандарымен қарым-қатынасты бар болғаны мәлім екен. ЭГ

Осының ең жақын мысалы, Астана қаласы «Бәйтерек» монументі алдындағы жазуда айтуға барады!

«Кең мағыналы мифологиялық тұжырым заманы жинақтаған “Бейтерек” бейнесі – өмір ағашы деген мағынаны білдіреді.

“Бейтерек” өзінің орналасуымен және композициялық құрылымымен көшпенділердің космогендік көзқарастары туралы, әлемдік өзеннің құйылыс сағасы туралы мағына береді. Оның жағасында тамыры жерден нәр алған өмір ағашы – Бейтеректің көк аспанға қарай самғауы көрініс тапқан. Бұл ағаштың тамыры жер асты әлемінен бастау алып, ағаштың өзі мен діңгегі – жер бетінде орналасса, ал оның ұшар басы көк аспан мен тілдескен.

Аңыз бойынша ағаштың ұшар бастына жыл сайын киелі құс Самұрық алтын жұмыртқа салады екен, әйт кенмен ағаштың етегінде өмір сүретін айдақар жұмыртқаны жұтып қоя береді . Міне, мұның бәрі жаз бен қыстың күн мен түннің алмасуын, жақсылық пен жамандықтың арасындағы талас-тартысты бейнелейді.» [:]

Осы тұрғыдан келгенде, нақты түрде белгіленбеген, ауызша деректерге қарағанда тарихи оқиғалар, көшпелі рулар мен тайпалар туралы сұхбаттарда, көнекөз қариялардың кезінде айтып кеткен Барақтардың жаратылыс әңгімесін қайтадан еске түсірсек, аңызда түсініксіз тұстар бар!

Себебі, кең байтақ далада жалғыз бір ұлы шынар ағашы мен қай жерден келгендігі, қайда баратыны, не екені белгісіз жасы келген жыртқыш бір құс туралы айтылады.

Аңыздың тағы да басқа ең қызықты жері, құстың еркегі жоқ!

Қос жұмыртқаның біреуінен, «Көк Барақ Ит» деген батыр дүниеге келгеннен кейін не болғаны және екіншісінен кім шыққаны немесе ақыры не болғаны да белгісіз.

Ата-бабаларымыз айтпақшы, «Ит құтты, ат құтты, әйел құтты» деген мақал еске түсіп отыр!

Өзіме қарап, Барақ Оғыз Түрктерінің арғы тегі еркек шынар ағашы аруағы мен ұрғашы құстан шыққан ба, деп ойлаймын. ЭГ.

Осыған байланысты білінер-білінбес мәселелер киелі құс Самұрық әңгімесінде де бар!

Шынар немесе Бәйтерек атауы бес, алты ғасыр жасар ұлы өмір ағаштары деген мағынаны білдіреді.

Осы тұрғыдан келгенде, Астана қаласы Түрік құрылыс орталықтарына жұмыс істеуге келетін және өздерінің Қыпшақ екендігін айтан Ақмола облысы және Қарағанды облысының Қазақтары мен оңтүстік Түркияның Газиантеп аумағындағы Барақ Оғыз Түрктері арасында өте көп ұқсастықтар бар. Осы тек ғана аңыз мен әңгімелер емес.

Орта Азиялық Түрік тілді халықтардың ауыз әдебиетіндегі Батыр мен жырауларының бейнесі және елдік мұрат-мақсаттары жөнінде әр дәуірде

Анадолы даласында да ауыздан-ауызға көшіп жүрген күй мен өлең-жырлар арасында мол нақты ұқсастықтар болғанын айта берудің қажеті жоқ.

Бүгінгі жиналыста біздің қолымызда бар болған деректер бойынша, Барақ Оғыз Түріктері мен Қыпшақтардың қарым-қатынас жасауына тағыда мысал үшін жиырмасыншы ғасырдың бірінші жартысында өмір сүрген көне көз бір тәуіп, көріпкел бір халық сазшысы болған Лоханлы Қабұқ Хөкгештің сөздері туралы да қысқаша айтқымыз келеді.

«Кіші Азия кеңістігінде алыс-жақыны түгел шырқаған, аты аңызға айналған және әлемде тек ғана Анадолыда жасаған киелі құс Дөнен шапалақы» [3: 13] мысалы, Лоханлы Қабұқ Хөкгеш күндіз-түні «Тоқтаусыз, аялдамастан!» [3: 13] «Көшпелі өмірдің ең көне сәттерінен бастап бүгінге дейінгі ең тамаша сәттерін» [4: 6] тоқтаусыз айтылумен және қайталанумен келген ұлы күйші. Ол, «Оғыз Барақ Түріктерінің орталық Азиядан көшіп кетіп **«Сексен төрт мың киіз үймен!»** [2:7] жазықтық Газиантеп маңындағы жайлауы туралы және үн жоқ, түн жоқ Сурия шөлейттерінен мәжбүрлеп мекен алғандығы туралы айтылады.

«Қадыоғлы Йусуф Паша келгенде,
Жалан дүние менің дейді Бейділі,
Сексен төрт мың киіз үймен Раққаға жергілікті болғанда,
Тайы, Мұвалігі жаман жеңіліске ұшырады қожа Бейділі!»

«Қара нөпір» аталған Тай, Мұвалі атындағы жергілікті Арап қауымдары мен күрт тайпалары және рулас көшпелі Оғыз тайпаларымен арадағы соғыстар кезінде; сондай-ақ, ата қоныс Орталық Азияға қатысты сағыныш пен сезім толы көші-қон кезінде шыққан күй жырлардың» бәрін де Искан, деп айтады![5: 50]

Осы күй мен Искан жырлары өзіндік түр, тақырып, және дыбыс ұқсастықтары бойынша Қазақи Қыпшақ күйлер және Сыр жырлары арасында ортақ байланысы, мол қарым-қатынасы бар екен.

«Искан жыр дастандарында» атақты күйші Қабұқ Хөкгештің сөзі мен шертпелі саздың дауысы жауға қатты шығып айтылады:

«Йа бре! Атқорада байлаулы болады да хеле!
Йа бре! Жігіттің аты, ағаларым аты!
Әрбір жере барсада айтылады данқы,
Асыл тастарға қосылса да ефендім менің ағаларым ах!
Аманың! Жақсы болмай жаман, ағалар жаман
Шөлендерін арыстаны болы Бейділі!»

Көшпелі ру, тайпа сазшысының осы күй мен жыр дастандардың бәрін әнге қосып айтуының мәні, Барақ жұртын көршілес жауға қарсы күреске шақыруы үшін өте маңызды екен.

Лоханлы Қабұқ Хөкгештің «Искан» дастанындағы «Бейлер жыры» ұшы қиыры жоқ жазықтық Сурия шөлдерінен Газиантеп облысының таулық ұшан даласына көлденең және пішінен көшпелі өмір сүрген Оғыздардың Барақ, Елбейлі, Түркмен, Бейділі сияқты тайпаларды және тағыда басқа рулас Түрік жұрттарының жанын елжіреткен құнды күйлердің бірі.

«Аман! Киіз үйлерінде де шамдалдарын жануды,
Орта жерде де кофешілерін айналады,
Бес жүз атлы бірден мінгізді,
Астың Арап атлы, үстің бұлғын киім, өзі көп қымбатты,
Қолы құшлы бейлер, ағалар қанша болды,
Сары етікті ағалар, досттар қанша болды!»

«Қолы құшлы бейлер» дейтін, қолында бүркітмен әң аулаған ел ағадары
ғой!

Көшпелі Барақтардың таным-түсінігінде бүркіт, қу және тырна құсы
киелі құстар. Жаңа туған балаларына да оған қатысты аттарды Бүркіт,
Бүркітбей; Қу, Тырна тәрізді есімдер қойған.

Барақ Оғыз билерінің ру мен тайпалары басқару; халықтың ауа-райын
болжамы, тұзақпен аң-құс аулау, Барақтардың ойын-сауықтарын және
олардың сырға толы бәрі шешендік дау сөздерінің көшпенді Кимек тайпалық
одағының негізімен байланысты және өздеріні Қыпшақ деп айтқан Қазақі ру
мен тайпалар арасында ұқсастықтар болғандығын «Халық айтса қалт
айтпайды» деп ойлаймың.

ШЫҢҒЫС ХАН ИМПЕРИЯСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ЖҮЙЕСІНІҢ ТАРИХЫ: БАСТАУЫ МЕН АЙТУЛЫ КЕЗЕҢДЕРІ

*Бейсетаев Р., Жақия Д.
Қарағанды, ҚР ДСМ КАЖЕГ ҰО,
ҚР ИМ Қарағанды академисы*

Бүгінгі Қазақстанның жерінде бірнеше мың жыл бұрын рулық қауым пайда болғаны тарихтан белгілі [1-25]. Даланы мекендеген көшпелі тайпалар тіршілігінде ру қауымының ыдырауы мен мемлекеттің пайда болуы өте баяу іске асты. Сақтар дәуіріндегі көшпелі тайпалардың қоғамдық құрылысына әскери демократия тән болды. Ол құрылыстың әлеуметтік негізі қандас-туыстас және одақтас тайпалар болады. Сақтардан кейінгі үйсіндер мен қаңлылар да әскери демократия сатысын бастан кешірді. Олар тайпалардың тұрақты одағын құрып, өздеріне патша сайлай алды. Ондай қоғамның ұйтқысы "ру" болды.

Десек те, бұл одақтар толық бірорталыққа бағындырылған мемлекет болмады. Мемлекет басқарудың жазба құралы да болмады. Сол секілді, елдің заң жүйесі де ауызша қабылданған, есте сақталатын ережелер жиыны болатын. Бір Орталыққа бағынған, жазба заң ережелері бар алғашқы Дала Империясы XII-ші ғасырдың аяғында – XIII-ші ғасырдың басында Орталық Азияда пайда болды. Көшпелі түркі тайпаларының бірігуі басталып, нәтижесінде көшпелі елдердің жаңа империясы пайда болды. XII-ші ғасырдың аяғында Керейдің кемеңгер ханы Құтұлұғ: – «Түркі жұрты, Теміршіні қаған сайлаңдар, сол барша түркі елінің басын қосады», – деген ұлағатты сөз айтқан болатын. Ұлының айтқаны келіп, 1206 жылы Есугейдің ұлы Теміршіні (Қытай жылнамаларында – Темучжин) Шыңғыстаудың бауырында Қаған сайлап, Шыңғыс хан деп атаған болатын. Ал, қол астына ықтиярсыз күшпен, зорлықпен енген біраз халық оны Алашы (жан алғыш) деп, сондықтан Алаш (Алаша) атанып, сол атпен қазақ тарихының төрінен орын алды. Шыңғыс хан Империяны жалғыз құрған жоқ: оның сыртқы саясат пен әскери мәселеде кеңесшісі абыз Кет Бұға, ал ішкі саясат пен халық бірлігін сақтауда кеңесшісі шешен Майқы би болыпты [2-12].

1220-1224-шы жылдары бүгінгі Қазақстан жері осы алып империяның бір бөлігі – Жошы Ұлысының құрамына енді. Шыңғыс хан, Жошы хан, Кет Бұға, Майқы би болып алты алаш (алтай, қазақ, татар (сібір татары), ноғай, қарақалпақ, қалмақ) елді билеп, ал қазақты Үш жүзге бөліп, алаламай үш ағайынды адамнан (Ағарыс, Жанарыс, Бегарыстан) таратып, үлкенді-кішілі қылып, біріне-бірін сыйлатып өтіпті [9-10]. Бұл сыйластық өнегелі шаңырақ баласының бойында бүгінде сақталған. Ұлағатты бабаларымыз Шыңғыс хан, Кет Бұға абыз, Майқы би және Жошы ханның қазақты үш жүзге бөлудегі негізгі мақсаты – тұтас Ұлыста туыстық-рулық қатынастың арқасында өз-ара сыйластық пен ел бірлігін қамтамасыз ету.

1. Шыңғыс хан империясының мемлекеті мен құқық жүйесі

Мемлекеттік басқару жүйесі. Империя басшысы – қаған, Шыңғыс хан ұрпағынан сайланады. Қаған шексіз билікке ие болды. Билік аманат түрінде

немесе ұрпақ сабақтастығы жолымен беріліп отырды. Қағанды таққа отырғызу оны құрылтайда сайлаумен іске асырылатын болды. Қағанның құзыры өте күшті болды: мемлекет құзырындағы жер мен ел билігі, "жосық" түріндегі заң және "жарлық" түріндегі бұйрық құқықтық нормаларын бекіту, әскерге Бас қолбасшы әрі бірінші діндар болды. Қағаннан төмен ұлыс хандары болды. Бұлар да Шыңғыс ханның балаларынан сайланатын болды. Қағанды толық мойындағанымен, ұлыс хандары өз иеліктеріндегі жерлерде билікті мейлінше тәуелсіз жүргізді. Жаулап алынған жерлерде ұлыс хандары жергілікті билікті – даруғаш (ортағасырлық қазақта – дәріуіш), даруғабектерді (қазақта – дәріубек) сайлайтын болған. Олардың негізгі міндеті: халық санағын жүргізу, салық жинау және оны хан ордасына жеткізу, иелігіндегі елден жасақ шығару, пошта қызметін ұйымдастыру және қамтамасыз ету. Сонымен қоса, даруғабектер отырықшы мекендерде басқару-полиция қызметін де атқарды.

Шыңғыс хан заманында, одан кейін де ел басқарудың "Мемлекеттік Кеңес" Орталық аппараты болды. Бұның құрамына ірі беделді адамдар кірді. Мемлекеттік Кеңесті оң министр басқарды. Ел басқаруда Хан канцеляриси ерекше рөл атқарды. Оны Ұлұқ бітікші басқарды. Канцелярияда хатшылар мен жазушылар қызмет атқарды.

Жергілікті билік Шыңғыс хан ұрпағының қолында болды. Олар иелігінде басқару және әскери билікті өз қолдарында ұстады. Сонымен қоса, жергілікті билікте қаған сайлайтын "Жарғышы" – сот қызметкері болды. Мемлекеттік басқару жүйесінің бір ерекше бөлігі – пошта болды. Пошта жүйесі әр жерде орналасқан пошта стансасы – йамдар арқылы байланысты. Станса арқылы биліктің өкімін, арнайы құжаттарды, империя атқамінелері мен хан кісілерін жеткізуді қамтамасыз ету қызметтері атқарылды.

Әкімшілік-территориялық құрылымы. Шыңғыс хан империясы негізгі төрт ұлұсқа (жұртқа) бөлінді. Ұлұсты хан биледі.

Орталық Қаракорым аймағы мен Қытай жері негізгі жұрт делініп, оны қағанның өзі басқарды.

Қазақстанның көп жері, Волга бойы, Солтүстік Кавказ, Қаратеңіз маңы мен Аралдың оңтүстігі жерлері Жошы Ұлысына кірді.

Жетісу, Қашқария, Орта Азия жерлері Шағатай Ұлысына кірді.

Керейттің, найманның, ұйғырдың бұрынғы жерлері Үгедей Ұлысына берілді. Кейін Иран мен Таяу Шығыста Хулагу Ұлысы, немесе Ильхандар мемлекеті құрылды. Үлкен Ұлыстардың жері Кіші Ұлыстарға бөлінді. Империяда Ұлыстың жері мен елі түрлі болды. Негізгі үш түрі белгілі.

1. Ұлыс – Шыңғыс хан ұрпағының иелігі. Халық саны 10 мың түтіннен аспады немесе одан кем болды.

2. Ұлыс-түмен – Шыңғыс хан сайлаған түмен басы басқарған ел. Халық саны 10 мың түтіннен аспады немесе одан кем болды.

3. Ұлыс-провинция – отырықшы елді мекен аймағы. Даруғабектер басқарған. Халық саны 2 мыңнан – 5 мың түтін шамасында болды.

Түмен тек әкімшілік қана емес, сонымен қоса әскери аймақ болды. Соғыс жағдайында әрбір түмен 10 мың сарбазы бар әскери құрама шығаратын болған.

Түмен өз ішінде мыңдықтан құралды. Бұл әкімшілік-әскери бірлік соғыс жағдайында бір мың сарбаз шығаратын болған. Осы әскери бірлікті Шыңғыс хан "мың қол" (айтылуы "мыңғол") деп атаған. Қазіргі "полк" ұғымына сай келеді, ал оның сардарын "Мың басы" атаған. Кейін келе бұл сөз ұлт атауына және империя атауына сай келетін терминге айналды. Шыңғыс хан заманында "Мыңғол" деген ұлт болған жоқ. "Моңғолдың құпия шежіресі" [13] Шыңғыс хан заманынан кейін, Үгедейдің нұсқауымен жазылса керек. Құпияның "құпия" болуының басты себебі осы.

Мыңдық өз ішінде "ондыққа" бөлінді. Ондық бір ауылға сай келеді. Соғыс кезінде Он басы бастаған он сарбаз шығаратын болған. Сонда 5-6 кісіден (бір түтіннен) бір сарбаз немесе сардар шығатын болған.

Осы жүйеге сай, әкімшілік-әскери құрылымның әрбір буыны өзіне тиесілі жерде қоныстанып, белгілі мезгілде, бағытта көшіп-қонып өмір сүрген. Түмен басы мен Мың басын ханның өзі сайлап, Жүз басын Түмен басы сайлап, ал Он басын Мың басы сайлаған. Міне, кезінде Напольшонның қолдануымен, уағыздауымен бүгінде әлемнің барша мемлекетінде әскердің ұйымдастырылуы Шыңғыс хан құрған осы жүйеге сай келтіріліп құрылған. Напольшон Шыңғыс ханның әскери білгірлігі мен сауаттылығына жоғары баға берген.

Салық жүйесі. Шыңғыс хан империясында салық жүйесі ерекше орын алды. Арнайы үш салық аппараты: 1- қытай үшін – Яньцзинде, 2- Орта Азия үшін – Аму-Дария бойында және 3- Жетісу мен Қашқария үшін – Бешбалықта құрылды. Халық санағы толық жүргізіліп, негізгі салық бірлігі болып "түтін", – отбасы (шаңырақ) бекітілді.

Көшпелі халық біртекті – **колчур**, – мал басының 1%-ына сай салық төледі. Сонымен қоса, әскери салық – **тағар** мен төтенше салық – **аваиз** төлеп тұрды. Отырықшы халық жер салығын – **харадж** төледі.

Құқық жүйесі. Шыңғыс хан империясында құқық жүйесінің негізі "дәстір" болды. Сол замандағы Тәңірге сенген дүниетанымға сай, құқық нормалары ғарыштағы үйлесімді қамтамасыз ететін Әлемдік Заңға сай келеді. Міне, осы нормалар толық орындалса, адамзат қоғамында да үйлесім сақталады, деп түсінген. Әлемдік Заңның жердегі орындаушысы – Қаған. Сондықтан, жоғарғы заң шығару және сот билігі қағанның қолында болды. Мәшһүр Жүсіптің: "Патша құдайдың жердегі әміршісі, оған тіл тигізбеңдір", деуі осы сөз болса керек. Шыңғыс хан мен оның мұрагерлері қоғамдағы жаңа саяси-әлеуметтік қатынасқа сай келетін заңдар жинағы – **Йаса** және **ДЖасак** қабылдады. Сонымен қоса, Шыңғыс хан империясында Жоғарғы сот – **Жарғы жарғұлұғсан** және сот – **жарғышы** лауазымдары болды.

Шыңғыс ханның Йасасы екі бөлімнен тұрды. Бірінші бөлім – **Білік**, – бұл негізінен, моральдің-нормалық маңызы бар Шыңғыс ханның сөздері мен мемлекеттік заңның негізгі нормаларынан құралды. Екінші бөлім – **Жосық**, – бұнда қылмыстық істің нормалары мен діни шектеулер берілді. Сонымен қоса, Жосықта әскери ұйымдастыру, әскери тәртіп және соғыс олжасын бөлу негіздері берілді.

ШЫҢҒЫС ХАН ЖАЗҒАН ЖӘДІГЕР...

Ұлы Йасаны бір жүйеге түсіруде және көптеген шашыранды нұсқаларын іздеп табуда Эренжен Хара-Даван үлкен еңбек сіңірген. Ол Ұлы Йасаны жинап, өзінің 1929 жылы Белградта жарық көрген "Чингис-хан как полководец и его наследие" атты кітабында жариялай отырып, түсінік жазған [7; 12]. Дегенмен, бүгінгі күнге үзінді түрінде жеткен Ұлы Йасаны дәл осы күнге дейін толық зерттеп, ұғынықсыз сөз бен сөйлемдерді орнына қойған ғалым жоқтың қасы деуге болады.

Йаса, деп таңбаланған әртүрлі дыбысталуудағы бұл сөздің мазмұны – жаза, жазалау дегенге сәйкес келеді. Әртүрлі дыбысталуға негізгі себеп – орыс тілінің "Я" әрпі. Егер бұл сөзді толық дыбыстық-әріптік құрамда жазсақ, онда "Йаса" болар еді. Енді Алтын Орда заманында сөз басындағы "Й" дыбысы "Ж" дыбысына ауыстырылғаны тарихтан белгілі. Сонда бұл сөз "Жаса" болып дыбысталады. Ал, біздің бүгінгі сөйлеу дағдымызға сай "Жаза" болып, өз мағынасына ие болады. Шыңғыс хан елдің ежелгі дәстүрін заңдастырған, жетілдірген және осындай мазмұнда жасалған Ата Заңын "Ұлы Жаза" деп атаған.

Екінші тарауда Джосак деп таңбаланған дыбысталуудағы сөздің мазмұны – дәстүр, жөн-жосық дегенге сай келеді. "Жөн-жосықты білмейсің" – бұл жерде әдепті, үлкенді сыйлауды, ата-баба дәстүрін білмейсің деп кінәлау. Кейде "Ой, әр нәрсенің жөн-жобасы, жосығы бар. Буынсыз жерге пышақ салма!" делінеді. Қазақ тілінде осы күнге дейін жосық деп дыбысталатындықтан, екінші тарау Жосық деп алынды.

Ендігі жерде ұлы Шыңғыс ханнан бізге жеткен осы жәдігердің өзін берейік [7; 12]. Жәдігердің жалпы атауы Ұлы ЖАЗА деп аталады, мағынасы – Үлкен ЖАЗА. Ал, оның ішіндегі Білік пен Жосық тарау болып алынды. Жәдігердің негізгі мәтінінен үзінді беріліп, әрбір баптың түсініктеме, сілтемелері алынып тасталды.

ҰЛЫ ЖАЗА

I. БІЛІК (Таным)

1. Шыңғыс хан бұйырды: олардың (бізге жау болғандардың немесе заман) балалары әке ақылын тыңдамады, інілер сөздеріне назар аудармады; күйеуінің әйеліне сенімі жоғалды, ал әйелі күйеуіне мойын сұнбады, қайын ата келіндеріне суық көзбен қарады, ал келіндер қайын аталарына ізет жасамады, ересектер кішілерді тәрбиелемеді (үлкендер кішіге жол көрсетпеді), ал кішілер үлкендердің өсиетін ұстамады, ақсүйек-мырзалар қызметшілердің жүрегіне жақын тұрды, ал сыртқы адамды билікке әкелмеді, бай адамдар мүлік жақсылығын көрді, бірақ ұлысты басқарушы адамдарды құдіретті етпеді және ұлысты нығайтуға жол бермеді, (сондықтан) йосун, ясақ және ақыл-ой жолы мен молшылық (жолы) белгісіз болды.

Сол себептерден (елдің ішін) оппозиционистер, ұрылар, өтірікшілер, бүлікшілер және қарақшылар жайлады. Ондай адамдар өздерінің үйлерінде (бір) күн болмады, сондықтан олар (жатпай-тұрмай) ұрлық жасады, үйірлер

мен табындарда, жақсы атта тыным болмады, ол аттар зорығып өлгенінше, арам қатқанынша, шіріп кеткенінше (сасып кеткенінше) және қырылғанынша демалыс болмады. Ол замандағы тәртібі жоқ, мағынасы жоқ бұл тайпа өмірі осындай еді.

Шыңғыс ханның бақыты (заманы) келгенде, олар оның бұйрығына (қол астына) кірді, сонда ол берік бекіген заң (жосық) арқылы оларды басқарды. Ақылды (даналар) мен (арлы) азаматтарды әскер-бектері (қолбасшылар) етті. Әбжіл және тәсілқойлардың қолдарына керек-жарақтарын (құрық) беріп жылқышы етті; ақылсыздарды, оларға (қолдарына) кішкене өрме қамшы беріп, қойшылыққа жіберді. Осы себептен де оның (Шыңғыс ханның) ісі жаңа туған Ай секілді (толысып) күннен күнге үдеді; аспаннан, бәрінен жоғары Құдайдың құдіретімен жеңімпаз-көмек (Шыңғыс ханға жәрдем беру үшін) төмен түсті, ал жердегі (құт-береке) оның (Шыңғыс ханның) шапағатымен келді; жазғы жайлау оның (Шыңғыс ханның) масайрайтын және тойлайтын жеріне айналды, ал қыстау қонысы лайықты және малға жайлы болып келді. Ұлы Құдайдың қайырымымен мен осы (жоғарыда айтқан) мағынаны тауып алғанымда және өзімше осы ойды іздегенімде (ашқанымда), сонда (ұлы) өзгерістер болды; сол себепті тыныштық, шаттық және тойлар (үзілмей жалғасып) осы уақытқа дейін келіп жетті. Осыдан (заманнан) соң және бес жүз жылға дейін, мың жылға дейін, он мың жылға дейін де туатын ұрпақтар, егер менің орнымды басатын болса, қарапайым халықтан бастап бәріне жарайтын, Шыңғыс ханның осындай йосун (жосын) мен йосак (жосық) заңын бұрмаламай және сақтаса, онда (сол адамдарға) аспанның береке көмегі (Ахура-Мазда) келеді, олар (көмек алған соң) үздіксіз сауық-сайранда және тойлаумен (өмір сүретін) болады; (он сегіз мың әлемнің) Құдайы оларға (құт-береке дарытады); адамдар олар (марқұмдар) үшін дұға бағыштайды, олар мәңгілік жасайтын болады және екі дүниенің игіліктеріне кенелетін болады. Оған (жету үшін) келесі қағидалар қажетті: (есіңізде болсын) мемлекеттің беріктігі – (заңының) төзімділігінде, қатаңдығында.

2. Егер осы (бізден) кейін (өмірге) келетін көптеген патшалардың ханзадалары, олармен бірге (қызметтес) болатын мырзалар, батырлар және бектер Жазаның (өсиеттерін) бекем сақтамайтын болса, онда мемлекеттің шаңырағы шайқалады және (жұлыны) үзіледі. Сонда (ғана) Шыңғыс ханды шын көңілмен (жылап-еніреп, жаздым-жаңылдым деп) іздейтін болады, бірақ (бәрі кеш болады) таба алмайды.

3. Жылдың басында және соңында біздің ойымызды тыңдауға келіп және кері (еліне) қайтатын сансыз, мыңдаған, жүздеген бектер әскерді басқара алады, өздерінің кигіз үйлерінде (шықпай) отырып алып, (біздің Жазадағы) ойларды естімейтіндердің (әскер немесе ел басқарамын деген) жағдайы болса, терең суға бататын, тасқа немесе қамысты жерге атылған оққа ұқсайды – олар (жеңіліске ұшырап өзінен өзі) жоқ болып кетеді. Мұндай адамдарға (ел немесе қол) басқару үйлесімсіз.

4. Кімде-кім өз от басын дұрыс басқарып алып жүре алса, (ел) иелігін де дұрыс алып жүре алады. Кім мойнына алған міндетіне сәйкес он адамды (бұйырылған жұмысқа) дұрыс жұмылдыра алса, оған (қарауына) мың және

түмен (адам) берілсе де оңды, (себебі) ол өз міндетін жақсы атқара алады.

5. Кім өзінің ішін (арын) тазарта алса, сол (адам өз билігіндегі) иелікті ұрылардан (жемқор, пәреқор, тағы басқа) тазарта алады.

6. Өзінің ондығын (дұрыс басқара) алмаған әрбір бекті, біз әйелімен және балаларымен бірге кінәлі етеміз (жазалаймыз) және бек етіп тап соның ондығынан (басқа) біреуді қайта сайлаймыз. Жүздік, мыңдық және түмен бектерімен де дәл осылай (жұмыс) жасаймыз.

7. Үш кемеңгер адам келісіп шешкен әрбір (іс пен) сөзді, барлық жерде (нық сеніммен) айтуға болады; олай жасалмаған жағдайда (ол сөз бен іске) сенуге болмайды.

Өз сөзінді және басқалардың сөзін біліктілердің сөзімен салыстыр: егер ол (ойларың) бірдей болып шықса, онда (жұрт алдында) жариялауға болады, ондай (үйлесім) болмаған жағдайда ешқандай жариялауға болмайды.

8. Ісі түсіп тұрған, үлкен кісімен (бірге, жүретін әркім) сол үлкен кісі сұрамайынша, (өзінің мүддесін көздеп) бір (ауыз) сөз де айтуға тиісті емес; ол үлкен кісінің сұрағына сәйкес келетін ылайықты жауапты (тапса) мейлі берсін. Егер ол (жолы кіші әркім) сөзді бұрын бастаса – үлкен құлағына ілсе жақсы; ондай болмаған жағдайда ол (жолы кіші әркім) суық темірді соғады.

9. Әрбір еті қалың (семіз) болса да жақсы шабатын жылқы, егер сол бітімімен (бапсыз-ақ) шапса, ондай атты жақсы деп атауға болады.

Бірақ тек бабы келсе (ғана) жақсы шабатын болса, жақсы ат деп айтуға болмайды.

10. Басшылық жасайтын аға бектер және барлық жауынгерлер, жаугершілікте (болсын) немесе аңшылықпен айналысып жүрсін, өздерінің атына (кір келтірмеуге), өзінің есімі мен даңқын аспандатуға тиісті; әркез Құдайдан (бар ынты-шынтымен) жалбарынып өзінің есімін сегіз жағынан әдемілеуді, тәубәшіл (шын) жүрекпен жалбырана сұрау (керек), тек көне тәңір (ғана өзгермей) бір орында мәңгілік тұрады, (дүниенің төрт бұрышын да күшпен ұстау Құдайдың ғана қолынан келеді).

11. (Тыныштық заманда) халық ішінде жүргенде бұзау сияқты кішкентай және үндемейтін (момын) болуы керек, ал соғыс кезінде – аңға түскен аш сұңқар тәрізді (сорғалап) көздеген іске (ашты) айқаймен (ұрандап) кірісу керек.

12. Айтылған әрбір сөз шындығымен күшті деп ойлаймын. Ол егер әзілдесе орындауға болмайды.

13. Адам өзін қалай білсе, басқаларды да (солай) біле алсын.

14. Ер кісі адамдарға барлық жерде бірдей көрінетін Күн емес: ері аңмен немесе соғыспен алысқа жолаушылап кеткенде әйел үйін асқан тазалықпен, ұқыппен және әдеппен ұстасын, егер үйіне (алыстан) жаушы немесе кәделі қонақ келсе, барша (жөн-жосықты) орын-орнымен істесін, әрі ол келген кісіге лайықты кәделі тамақ әзірлесін, сонда қонақ ештеңеге мұқтаж болмайды, ол (нәтижесінде) сөзсіз күйеуінің жақсы атағын шығарады және шыңға айналған тау секілді оның абыройын (ұлы) жиындарда аспандатады, (есіңізде болсын) жақсы ерлердің атақ-даңқы жақсы әйелдер арқылы шығады. Егер әйелі ақымақ және топас, ойсыз және тәртіпсіз болса, ол күйеуінің нашар жақтарын (артын) ашады. Бұған жарты елең: "үйдегінің

бәрі иесіне ұқсайды".

15. Бүлік кезінде Дарғай-Уха (сақтықпен) қалай (айла) жасаса, (айланы) солай жасау керек. Ол бүлік уақытында Хатакин тайпасынан екі нөкерімен бірге келе жатып, алыстан екі аттылыны көреді. Нөкерлері "біз үшеуміз, ал олар екеу; оларға шабуыл жасайық" деді. Ол "біз оларды қалай көрсек, олар да бізді нақ сондай көрді – шабуыл жасаудың қажеті жоқ" деді де атын қамшылап, ол кейін шаба жөнелді. Соңынан шынында дәл ол ойлағандай болып шықты, сол екеудің бірі татар тайпасынан Тикум-Уха екен; бес жүзге жуық өз адамдарын торуылға (жасырып) қойған да, әлгі (Дарғай-Уха бастаған) үш адам өзіне шабуыл жасаса, жан сауғалап (өтірік) қашып, оларды сол (тұзақ) жаққа алдап әкеліп, сосын өзінің нөкерлері көмегімен оларды ұстап алу үшін (алдаусыратып) көрінген. Бірақ ол (Дарғай) сол (айла) мәнін түсінді де, қашып сол маңайда бұрыннан жүрген басқа жиырма нөкерлеріне қосылды, әрі жаулары жасырған аярлық (қулығын) әшкерелеп берді. Мұның (Дарғай-Уха) жеңіске жетіп отырған (себебі) сол – әрбір істі сақтық қажет етіп (атқарған).

16. Біз аңға шығып (жазықсыз) көп тау өгіздерін қырамыз; біз соғыста және көп дұшпанды өлтіреміз. (Бұл қан төгулердің ауыртпалығы және күнәсі аса үлкен) бірақ бәрінен құдіретті Тәңір (ақ) жол ашады да (бұл күнәһар) іс сондай жеңілдейді, олар (қырылғандар кек алуды) ұмытады және (көзқарасы жақсы бағытқа) өзгереді.

17. ???

18. Бізге зерлі киім мен асыл бұйым заттарды (үстінен) пайда көремін деген үмітпен әкелетін (саудагер) көпестер қандай тауарлар мен маталардан (қанша) пайда түсетініне (көзін жұмып) жатқа айтатындай тәжірибелі болса, сол секілді әскер басқаратын бектер де балаларын сондай етіп садақ атуға және ат құлағында ойнауға үйретуге тиісті; осы істерге оларды (көзін ашқаннан) жаттықтырып, сондай-ақ тәжірибелі алып-сатарлар сияқты, өздері болашақ иелік ететін өнерлеріне (осы бастан даярлап), оларды сондайлық батыл және ержүрек етіп өсірулері керек.

19. Бізден кейін біздің ру (адамдары) алтын (жіппен) көктелген киім (талғап) киетін болады, майлы (семіз соғым) және тәтті тағамдар (таңдап) жейді, текті нәсілді аттарға (таңдап) мінеді, сүйкімді (көргенді) әйелдерді (таңдап жүріп жар етеді) құшады және (бұл игіліктердің барлығын) біздің әкелеріміз бен ағаларымыз жинады (солардың арқасында осындай дәрежеге жеттік) демейді, сондай-ақ бізді және сол бір асқан жанкешті қантөгіс қиындықпен келген ұлы жеңісті күнді ұмытады.

20. Шарап және арақ ішуші адам мас болғанда ештеңе көре алмайтын соқыр болып қалады. Оны шақырсаң естімейді, мылқау болады; онымен сөйлессең (тілі күрмеліп) жауап бере алмайды. Мас болған кезінде өлген адам қалпындағы сияқты тұзу отырғысы келсе – отыра алмайды; сондықтан басынан жарақат алған адам сияқты болады, сезімсіз және (мәңгіріп) есеңгіреп қалады. Шарап пен арақ (бар жерде) ақыл мен өнер үшін (қонақтайтын) пайда (ұя) жоқ, сондай-ақ (ішкен адам) ізгі қасиеттері мен аяулы мінезін жоғалтады; олар (адамды) жаман істерге, (нақақ) кісі өлтіруге және (мақсатсыз) ұрыс-жанжалға араластырады; адамның өзінде бар (дүние-

мүлік) заттарынан, сондай-ақ өзі білетін бойына қонған (қасиетті) өнерлерінен айырады да, оның (атқарған) істері мен (жүрген) жолы ұятты (масқараға) айналады; сондықтан ол (адамдық) жолын жоғалтады.

Шарап пен араққа тойымсыз патша ұлы істерді, (алысын болжаған) ойларды және ұлы (мемлекеттік) құрылым-жүйелерді (өмірге) келтіре алмайды.

Шарап пен араққа нәпсі-құмар бек (өзінің қарамағындағы) мыңдық, жүздік және ондықтардың істерін (әдемі үйлестіріп, қатал) тәртіпте ұстай алмайды.

Шарап ішуге құмар болған қатардағы жауынгер ол (қараша) адам (тағдыры) өте үлкен қақтығысқа ұшырайды, яғни ол бақытсыздыққа душар болады.

Жәй, яғни қарадан шыққан адам егер шарап ішуге құмар болса ат, табын және өзінің барлық (дүние) мүлкін тауысып (маскүнем) кедейге айналады.

Шарап ішуге құмар құл өмірін үздіксіз абыржу мен (қорлықпен) жапа шегуде өткізеді. Бұлар – шарап пен арақ, мас болғандардың (сұлуың деп) бетіне және (ізгісің деп) жүрегіне қарамайды – жақсыларды да, ақымақтарды да мас етеді және бұл мас адам "ақымақ" немесе "жақсы адам екен" деп айтпайды. Қолды дәрменсіз егеді – сондықтан ол алудан және өз кәсібін атқарудан бас тартады; аяқты әлсіз етеді – ол қимыл жасау мен жүруден бас тартады, жүрек пен миды әлсіз етеді – олар дұрыс сезініп ойлай алмайды; барлық сезім мен ойлау жүйелерін жарымжан етеді.

Егер (ол шарапқа салынған жан) ішуден енді басқа амалы қалмаса, онда айына үш рет тоя ішуі керек; егер үшеуден асса – тәртіпсіздік; егер айына екі рет тоя ішсе, бұл – дұрысырақ, ал егер бір рет ішсе – сөзсіз мақтауға тұрарлық; ал егер ішпесе – онда өзі өмір сүруі үшін одан артық не (бақыт) болуы мүмкін? Бірақ тоя ішпейтін ондай адам қайдан табылады? Егер табылса, онда ол жан барша құрметке лайықты.

II. ЖОСЫҚ (Дәстүр)

Бізге жеткен Жосық заңның үзінділері мынаны хабарлайды:

1. Көрсеқызар (зинақор) үйлене ме әлде жоқ па, ерекшеліксіз өлім жазасына кесіледі.

2. Кім айқай-шуымен айыпты болса, ол да сондай-ақ өлім жазасына кесіледі.

3. Кім әдейі немесе көзбояушылықпен өтірік айтса, немесе біреу келесінің тәртібіне астыртын қараса немесе керісіп жатқан екеудің арасына түсіп жақтаса және біріне-бірі қарсы шыққандардың біріне көмектесе сондай-ақ өлімге кесіледі.

4. Кім суға немесе күлге сисе өлімге кесіледі.

5. Кім тауар алып күйреуге ұшыраса, сосын тағы тауар алып тағы да күйресе, оны үшінші реттен кейін өлімге кесу.

6. Кім тұтқынға алынғанға тамақ пен киімді тұтқындағандардың рұқсатынсыз берсе, ол өлімге кесіледі.

7. Кім қашқан құлды немесе қашып кеткен тұтқынды тауып алса, ол бұрын кімнің қолында болған болса, соған қайтармаса, өлім жазасына тартылады.

8. Жануарды жегісі келсе, оның аяғын байлап, қарнын жарып және жүрегін жануар өлгенше қолмен қысып тұрып, сонан соң ғана оның етін жеуге болады; бірақ кім жануарды мұсылмандар сияқты сойса, оның өзін сойсын.

9. ???

10. Ол (Шыңғыс хан), Али-бек-Абу Талейтің ұрпақтарына, бәріне бірдей алым және салық салынбасын, сондай-ақ пақырлардың ешқайсысына, әл-құранды оқушыларға, заң берушілерге, өздерінің әмірін намаз оқуға және тақуалыққа сарп еткендерге, азаншы мен өліктердің денесін жуушыларға алым мен салық салынбауына қаулы шығарды.

11. Ол (діннің) біреуін басқалардан артық көрмей, барлық (діни) ғибадаттарды (тәубелерді) сыйлауға қаулы шығарды.

12. Ол (мейлі ол әмір, ол алушы (қабылдаушы) тұтқын болсын) ұсынушы алдымен өзі ұсынған дәмін жегенше, басқа біреудің қолынан ас жеуге өз халқына тиым салды; ол оларға дастарханда бөтен біреу бар кезде, оны тамақ жеуге шақырмастан бұрын жеуге тиым салды; ол біреуінің жолдастарынан артық тоюына және тамақ пісіретін от пен тамақ ішетін табақтан аттауға тиым салды.

13. Егер олар тамақ ішіп жатқанда, адамдардың қасынан кім (жолаушы) өтсе, ол атынан түсуге, олардың рұқсатынсыз-ақ ас жеуге тиіс және де олардың ешқайсысы оларға бұған тиым салмауы керек.

14. Ол оларға қолдарын суға салуға тиым салды және су алуға ыдыстардың біреуін пайдалануға бұйырды.

15. Ол олардың киімдерін әбден тозғанша жумай киіп жүруге тиым салды.

16. Ол қандай болмасын бір затты адал емес деп айтуға тиым салды, "барлық бұйымдар адал" деп бекітті, тағы таза және таза емес аралығына айырмашылық жасамады.

17. Ол оларға діннің біреуін басқаларынан артық көруге тиым салды, сөздерді құрметті аттарды (есімдерді) қолданып сөйлеу және сұлтанға немесе басқа біреуге қарап сөйлегенде қарапайым ғана оның есімін қолдану керек.

18. ???

19. Ол, әскерлерге ілескен әйелдердің (шатырдағы) соңғы жауынгер ұрысқа (алғы шепке, ұрысқа) аттанғанда ерлердің маңдайына тиесілі еңбегі мен міндетін атқаруға жарлық етті (бұйырды).

20. ???

21. Ол оларға жылдың басында өздерінің барлық қыздарын сұлтанға (ханға), ол өзі үшін және өзінің балаларына тандап алуына көрсетуді бұйырды.

22. ???

23. Ол, көне (ескі) әмірлер жаза басқан кезде (тәртіпсіздік жасағанда) патша оны жазалауы үшін оған қызметшінің соңғысын жібергенде, өзін соңғының қолына беріп (тапсырып), патшаның тағайындаған жазасын

орындағанша, ол мейлі өмірінен айыру болса да, оның алдында қарсылықсыз тырп етпей жатуды заңдастырды.

24 ???

25. Ол, мемлекеттердегі барлық саяси оқиғаларды тез білу үшін, тұрақты пошта құруды сұлтанға тапсырды.

2. Орта ғасырлардағы қазақ хандары және олардың айтулы заңдары

Шыңғыс ханның сыртқы саясат пен әскери мәселеде кеңесшісі батыр-абыз Кет Бұға, ал ішкі саясат пен империя халықтарының бірлігін сақтауда кеңесшісі шешен Майқы би болыпты. 1220-шы жылдары бүгінгі Қазақстан жері осы алып империяның бір бөлігі Жошы ұлысының құрамына енді. Шыңғыс хан, Жошы хан, Кет Бұға, Майқы би болып қазақты Үш жүзге бөліп, үш ағайынды адамнан – Ағарыс, Жанарыс, Бегарыстан таратыпты. Ұлағатты бабаларымыз Шыңғыс хан, Кет Бұға абыз, Майқы би және Жошы ханның барлық қазақты үш жүзге бөлуінің нәтижесінде бүгінгі қазақ мемлекетінің негізі қаланды. Қазақ тарихы, Орталық Азияның басқа көшпелі елдерінің де тарихы атақты хандар мен кемеңгер ру көсемдерінің қызметі арқылы баяндалады. Сондықтан қазақ мемлекетінің тарихы Алаша ханнан бастау алады деп, біз шежіреге сүйеніп айта аламыз. Қазақ шежіресі аңыз-әңгімені: "Алаша Хан және оның ұлы Жошы хан заманында", деп бастайды. Мәшһүр Жүсіп жазуына сай, Алаш – Қазақбай. Сол Қазақбайдың үш ұлы болыпты – Ағарыс, Жанарыс, Бегарыс.

Ағарыс ұлы – Үйсін. Бұл Ұлы жүз Үйсін деп аталды. Үйсін Көсем басқарған жұрт Ұлы жүз аталады. Түп қазығы Салықшы, Ханның бақташысы болсын. Жауға шапқанда бұлар шаппасын. Тас-түйін болып тұрсын десіпті.

Жанарыс ұлы – Арғын. Бұл Орта жүз Арғын деп аталды. Арғын Көсем басқарған жұртқа Орта жүз деп ат қойысыпты. Орта жүз тосқауылшысы орта буында жүрсін. Ханның ақылшысы болсын десіпті.

Бегарыс ұлы – Алшын. Бұл Кіші жүз "Алшын" деп аталды. Алшын Көсем басқарған жұрт Кіші жүз аталады. Жаудан беті қайтпайтын ержүрек, қарсы алдында жүріп жан қадірін білмейтін, бұлар кезеуілші болып, ең алдында жүріп жауға шабатын болсын. Ханның қорғаушысы болсын десіпті, ұлы бабаларымыз [1-4].

Қазақтың үш жүз аталған жері, осы делінеді шежіреде [9; 10].

Ұлы жүз ұраны – Бақтияр,

Орта жүз ұраны – Ақжол,

Кіші жүз ұраны – Алдияр.

Қазақтың қазақ болып, көзге түсіп, ауызға ілінгені осы Алаша ханның хан болып тұрған кезі. Қазақтың басын қосып, біріктіріп, қоныс қондырған да Алаша хан мен Алаша ханның ұлы Жошы хан. Сонан бері Алаш ұранды Қазақ баласы ел басына күн туғанда, "Алаш-Алаш" деп айғай салғанда естіген қазақта ес қалмайды", – дейді қазақ шежіресі.

Сонымен Ұлы дала көшпелілерінің әділет, құқық және билік заңдарының және басқа салт-дәстүр, ғұрып, әдеп, әдет, ырым, тиымдары Шыңғыс хан Жосығы баптарының жалғасы. Міне, осы билік заңдарының

бірсыпыра ұғымдарына және оны жасаушыларға тоқталайық. Баянды Жошы ханнан бастайық.

Жошы хан (1187-1227) – Шыңғысханның үлкен баласы, ұлдарының ішінде әкесінің ақылдасатын бірінші адамы болыпты. Дешті Қыпшақтағы феодалдық Мемлекет – Жошы Ұлысының негізін салушы, Жошы әулетінің Алтын Орда мен Дешті Қыпшақтағы басшысы. Шыңғыс хан империясында ірі әскери әрі мемлекет басшысы. 1223 жылы көктемде Жошы әкесінің шақыртуымен Сайрам мен Талас аралығындағы Құланбасы жазығында жиналған құрылтайға келді. Шыңғыс хан алып империяның жерін бөлген кезде Жошыға Ертістен бастап Орал тауларының аралығы, одан әрі батысқа қарай жаулап алынған жерлер тиді. Ордасы Ертіс алқабында болды. Құрылтайдан соң Шыңғыстың Жошыдан басқа балаларының бәрі әкесімен бірге Шығысқа оралды. Жүзжанидың мәлімдеуіне қарағанда: «Жошы қыпшақтардың жері мен суын, ауасын көрген кезде дүниеде бұдан артық жердің, бұдан артық сап ауаның, мөлдір судың болуы мүмкін емес екенін ұғып, қыпшақтарды жақсы көріп кеткені сонша, өзі осында қалып, бұл жерде айбынды мемлекет құруға бел байлаған. Шыңғыс ханның Білігі мен Жосығын қазақ жерінде қалыптастырған адам – Жошы хан.

Қасым хан (1445 ж.ш.т. – 1518 ж.ш.ө.) – қазақ ханы, Қазақ хандығының иегізін салушылардың бірі – Жәнібек ханның баласы. Шешесі Жаған бегім Мұхаммед Шайбани ханның інісі Махмуд сұлтанның шешесінің туған сіңілісі. Қасым ханның ішкі және сыртқы саясаты, ел басқару әдісі т.б. жөнінде мәлімет өте аз. Мұхаммед Шайбанидың қазақ билеушілеріне қарсы соғыстары туралы деректемелерде Қасым ханның аты алғаш рет аталады және оған «белгілі сұлтандар мен бахадүрлардың» бірі деген баға беріледі, «Бұрындық ханның атты әскерінің жетекшісі» екені көрсетіледі. Бұрындық хан Самарқанға кетуге мәжбүр болып, шет жерде дүние салды да, Қасым хан билікті өз қолына алды.

Қасым хан билеген кезеңде қазақтар мен Шайбани әулеті арасында Сырдария маңындағы қалалар үшін қақтығыстар мен соғыстар одан әрі жалғасты. 1510 жылдың қысында Шайбани хан әскері Ұлытау бөктерінде отырған Қасым ханның ұлысына шабуыл жасады. Оларға күшті тойтарыс бере алмайтынын білген Қасым хан шегініп кетті де, тұтқиылдан шабуыл жасап, дұшпанын тас-талқан етті. Мұхаммед Хайдардың жазуы бойынша, Қасым хан 1548 жылы өлген. Ал, Тахир Мұхаммед «Раузат ат-Тахирин» атты еңбегінде Қасым хан 1523-24 жылдары өлген, деп келтіреді.

Қасым ханның қасқа жолы – Қасым хандық құрған кезде (1511-23) ел басқару ісінде қолданылған әдет-ғұрып заңдары. Негізі XIII ғасырда Шыңғыс хан, Жошы құрған «ярғу» заңынан алынған, қазақша «жарғы» (хақиқат) деген ұғымды білдіреді. Түпкі мәні жарудан, нәрсені салмағын бір жағына аудармай, дәл, әділ айырудан шыққан. Дауды әділ, тура шешкен билерді халық бұқарасы ардақтап «Қара қылды қақ жарған» деп мадақтаған. Оны екі жағының біреуіне артық жібермей, дәл айыру әділдіктің меңзеуі болған. «Жарғы» заңының негізгі мәні осында. Өзінің мазмұны бойынша бұл заңның түбегейлі идеясы ежелгі әскери демократия арнасына барып тіреледі. XV ғасырдың соңында XVI ғасырдың басында Бұхардың ишан-қазылары

қазақ өлкесінде діни үгіт таратып, «ежелгі Жарғы заңын қалдырындар, ол көкке табынатын дінсіздіктің ісі, шариғат қағидасына ауысындар. Сендер ант бергенде "көк соқсын" демендер, "құран соқсын" деп, құранды бастарыңа көтеріңдер» деп үгіттейді. Бірақ халық бұқарасы оған селсоқ қарап, сол заманда шариғат қағидасына ойыса қоймайды. Уақытының көбін мал бағумен өткізген халық бұқарасына шариғаттың қағидалары өте қиын болып көрінген. Сондықтан шариғатты кіргіземін деген хандарға халық бұқарасы қатты наразылық білдіріп, кейде көтеріліске айналдырып отырған.

Бұл тарихи уақиғаларды жақсы білген Қасым хан, саяси жағдайдың шиеленіскен кезінде, халық бұқарасының, билер тобының көптен бергі ойына қарсы тұрмай, қайта олармен бірігіп, шариғат заңын үгіттеген Бұхардың ишан-қазыларының тіміскілеуін тойтарды. Шариғатты бүтіндей қалдырып, халықтың тілегіне жақын әрі ерте заманнан оларға түсінікті ежелгі «Жарғы» заңын жаңадан күшейтеді. Халық бұқарасы Қасымның шариғатты алмай, ежелден қалыптасқан билер заңы – жарғыны жаңадан көтергенін қатты ұнатып, оны «Қасым ханның қасқа жолы» деп атап кетті. Бұл заңға кірген ережелер:

- 1) Мүлік заңы (жер дауы, мал, мүлік);
- 2) Қылмыс заңы (ұрлық, кісі өлтіру, талау, шабу) ;
- 3) Әскери заңдар (аламан міндеті, қосын жасау, кара-қазан, ердің құны, тұлпар ат);
- 4) Елшілік жоралары (майталмандық, шешендік, халықаралық қатынасында сыпайылық, әдептілік);
- 5) Жұртшылық заңы (шүлен тарту, ас, той, мереке үстіндегі ережелер, жасауыл, бекеуіл, тұтқауылдардың міндеті).

«Қасқа жолдың» заңдары өзгерусіз 17 ғасырға жетіп, Есімнің кезінде (1598-1645) «Есім ханның ескі жолы» деп аталады [19].

Есім хан (т.ж. белгісіз – 1645 ж.ш.ө.) – Орта жүз ханы (1598-1645) Шығай сұлтанның баласы, Орта жүздегі қазақ хандары әулетінің (XVII-XVIII ғ.) басы. Есім хан Түркістан қаласындағы қазақ хандарының ордасында тұрды. 1598 ж. қазақ сұлтандары Сырдария маңындағы қалаларда, Түркістан, Ташкентте т.б. мұрагерлік билік үшін Мауараннахрмен арадағы байырғы күресті күшейтіп, Түркістаннан Самарқанға дейінгі жерді басып алды. Бұл соғыста Есім хан 20 мың әскермен Самарқанда қалды да, ағасы Тәуекел 70-80 мың әскермен Бұқар қаласын алуға аттанды. Бірақ жеңіске жете алмады. Есім хан соғыста айрықша көзге түсіп, «Еңсегей бойлы ер Есім» атанды. Тәуекел өлгеннен кейін (1598) таққа отырды. 1599 ж. Бұқармен шарт жасасып, соның негізінде Ташкент қаласы атрабымен қоса 200 жыл бойы қазақ хандарының билігінде болды. Есім хан ойрат-қалмақтарға қарсы күрес жүргізді. Бір орталыққа бағынған мемлекет құруды көздеді. Шығыс Түркістандағы Құшар қаласына жорық жасады. Қазақ-қырғыз ынтымағын орнатуға күш салды.

Есім салған ескі жол («Есім ханның ескі жолы») – Есім ханның ел билеуі тұсында (1598-1645 ж.ш.) қалыптасқан әдет-ғұрып, жол-жобалар. Ондай жол-жобалардың бірсыпырасы «Қасым ханның қасқа жолы», «Есім ханның ескі жолы», «Тәуке ханның жеті жарғысы» деген атпен ереже ретінде

әдет-ғұрып нормаларында XIX-XX ғасырға дейін қолданылды. Есім хан бір өзі ғана әкім болу, елді жуасытып бағындыру, басқа елдерге шабуыл жасау саясатын ұстады. Сондықтан ол қанға қан алу, мертіктіргенді мертіктіру, кек алу, құн төлеу, барымта алу, құлды сату, дүре соғу, көп әйел алу, қалың мал төлеу, әменгерлікті сақтау, зекет, ғұшыр жинау, айып салу, діни өшпенділіктер сияқты патриархалдық-ұлттық ескі салтқа арқа тіреп, соны уағыздады. Халық Есім ханның ескішіл істерін «Есім ханның ескі жолы» (кертартпа жол) деп атады.

Әз Тәуке хан (1642 ж.–1718 ж.) – қазақ ханы (1680-1718), Қазақ ханы Салқам Жәңгірдің (1598-1654 ж.ж.) баласы, Түркістан қаласындағы қазақ хандарының ордасында туды. Тәуке хандық өкіметті жақтады, билерге арқа сүйеп, феодалдық ақсүйектер-сұлтандарды әлсіретуге тырысты. Тәуке хан бас билермен кеңесе отырып, «Жеті жарғы» әдет заң жинағын шығарды. «Жеті жарғы» орыс тарихында «Тәуке хан заңдары» деген атпен белгілі. Онда қазақтардың әдеттегі заңдарының бірқатар ережелері бекітілгенімен, жинақ феодалдық құрылысты күшейтуге бағытталды. Тәукенің хандық өкіметті нығайту әрекеті нәтижелі болды, бытыраңқы қазақ хандықтары бір орталыққа бағындырылды. Ал, Тәуке ханның өзі Әз Тәуке хан аталды. Тәуке хан сыртқы саясатында Россиямен дипломатиялық және сауда байланыстарын орната бастады. 1716 ж. Тәуке хан жоңғарларға қарсы шығу үшін Россиядан әскери көмек сұрады. Өйткені 1698 жылдан бастап ойрат және қазақ феодалдары арасында қарулы қақтығыстар басталған еді. Жоңғар ханы Севан Рабтан билік құрған кезде мұндай соғыстар үздіксіз болып тұрды (1711- 12, 1714-1717).

Тәуке хан заңдары – 17 ғасырдың аяғы мен 18 ғасырдың басында қалыптасқан қазақ құқық нормаларының жиынтығы болды. Кеңінен алғанда Тәуке хан заңдарының құрамына: 1) байырғы әдет-ғұрып нормаларының Тәуке тұсында «жаңартылған» феодалдық кодексі – «Жеті жарғы»; 2) билер сотының тәжірибесі: түйінді биліктер, шежірелер; 3) ұсақ хандықтардың өзара бірлігін, ынтымақтастығын нығайтып, сыртқы жауларға қарсы тұруға жұмылдыруға және ру, тайпа басшыларының (би, батырлар) саяси-экономикалық рөлін арттыруға, көршілес (Россия, Қытай, Бұхар) елдермен дипломатиялық және сауда қатынасын нығайтуға арналған заңдар мен жазба актілер жатады; 4) Тәуке хан кезіндегі құқық нормаларының жеке салаларына (қылмыстық, отбасы, неке) шариғат нормалары ықпалын тигізді. Тәуке ел басқаруда жоғары беделді би, батырлардың тобына сүйеніп, феодалдық бытыраңқылыққа бейім ұсақ хандар мен сұлтандардың рөлін төмендетуге тырысты. Тұрақты мемлекеттік ұйымдар: Хан кеңесі, Билер кеңесі, жыл сайын Түркістан түбінде Күлтөбеде Үш жүз шонжарларының құрылтайын шақыру қалыптасты.

Тәуке ханның тұсында (1680-1718) бұл заң әлі де шариғат қағидасымен боялмай, ежелгі билер жасаған қалпын жақсы сақтады. Қалмақ шабуылына байланысты тарихи-саяси жағдайдың шиеленіскен кезі болғандықтан, сол кездегі терең ойшыл билер – Әнет Баба, Тайгелтір би, Келдібек би және олардың айтқанын жазушы бала Қазыбек би 1685-1710 жылдар аралығында Тәуке хан басшылығымен Жарғының жаңа нұсқасын дайындайды.

Жарғының ежелгі бес тарауына тағы да екі тарау қосып, «Жеті Жарғы» (Жеті хақиқат) деп атаған. Тәукенің кезінде қосылған екі тарау: 6) Жесір дауы, 7) Құн дауы. Шапқыншылық кезде кісі өлтіру көп болған соң, құн дауын қылмыс заңынан жекелеп, өз алдына заң еткен. XV-XVIII ғасырда қолданылған Жарғының үзінділері халық аузында сақталған. Мәселен, «Қара қылды қаң жару», «Ердің құнын екі ауыз сөзбен шешу»; «Түгел сөздің түбі бір, түп атасы – Майқы би», «Тура биде туған жоқ». Жарғының бір нұсқасы «Қазақ хандарының рәсімдері» деген атпен Стамбулда Сулеймен Канунидың кітапханасында сақталыпты. Жарғының негізгі ережелерін 18-19 ғасырларда ел басқарған сұлтандар, билер жақсы білген (Абылай, Жәңгір, Ахмет Жантөрин, Құнанбай қажы). Олардың айтуынан орыс ғалымдары А.И. Левшин, А. Ягмин, И.П. Ибрагимов, В.А. Плотников, Д'Андре, Бонч-Осмоловский, А.И. Добросмыслов жазып алған. Бұл заңдарды 19 ғасырдың басында жақсы білген атақты билер Қарымбай, Балтекей, Құнанбай М.М. Сперанскийдің мәжілісінде қатынасып, «Сібір қазақтары туралы заң» (1824) жасауға қатысқан. Қасым хан мен Есімнің заңдарын әкесі Құнанбайдан жазып алған Абайдың інісі – Халиулла Өскембаев. Ол өлген соң достары бұл заңдарды Сібірде шығатын газетте жариялаған. Сонымен, Жарғы заңдары қазақ халқының рухани тіршілігінде айқын із қалдырған тарихи ескерткіштің бірі [16-25].

ЖЕТІ ЖАРҒЫ

1-ші жарғы. Көтеріліс жасап, бүлік шығарған кісілерге өлім жазасы бұйырылсын (Бұл жарғы мемлекеттің бүтіндігін сақтау талабынан туды).

2-ші жарғы. Түркі халқының мүддесін сатып, елге опасыздық еткендер өлім жазасына бұйырылсын (Бұл Жарғы халықтың ортақ мүддесі – елдің бүтіндігін қорғаған біртұтас қоғамдық сананың жемісі).

3-ші жарғы. Мемлекет ішінде жазықсыз кісі өлтіргендер өлім жазасына бұйырылсын (Бұл жарғы да жабайылықтың төменгі сатысына тән кісі өлтіруге тыйым салған және мәдениеттіліктің белгісі ретінде танылуға тиіс өте елеулі жаңалық).

4-ші жарғы. Өзге біреудің әйелімен зинақорлық жасап, ақ некені бұзушыларға өлім жазасы бұйырылсын (Бұл жарғы да шаңырақтың бірлігін қамтамасыз еткен, неке парызына адалдықты талап еткен маңызы зор жаңалық).

5-ші жарғы. Өреде тұрған, тұсаулы жүрген сәйгүлік атты ұрлаған кісіге өлім жазасы бұйырылсын (Ол кезде "ер қанаты – ат" елдің, мемлекеттің соғыс күші ретінде бағаланды).

6-шы жарғы. Төбелесте мертігудің түріне қарай төмендегіше мүліктей құн төленсін: а) біреудің көзін шығарған кісі айыпқа қызын береді, ал қызы жоқ болса, қыздың қалың малын береді;

ә) төрт мүшенің бірін мертіктірген кісі айыпқа ат береді.

7-ші жарғы. Ұрланған жылқы, өзге де құнды мүлік үшін он есе артық айып төлеттірілсін.

Өз Тәуке хан заманында Шыңғые хан Жазасының жаңғырығы әлі де көшпелілердің құлағында еді. Көріп отырғанымыздай, Жеті жарғының 1-

жарғысы Жосықтың 2-ші бабымен, 4-жарғы – Жосықтың 1-бабымен, 7-шы жарғы – Жосықтың 29-шы бабымен мазмұндас [12]. Енді Білік пен Жосықтың ел есінде сақталғанына мысал келтірейік.

Халықтың салт-дәстүрін бұзғандар заңды бұзған ретінде жазаланады, Қонақ қондырмағанға айып бар.

Қонакасыны дұрыс бермегендер – жазаға лайық.

Тентекке әке-шеше ғана емес бүкіл ауыл, ақсақал жауап береді.

Арақ ішіп өлгендерге жаназа шығарылмайды және бөлек жерленеді.

Малдың өрісін, жусауын бұзғанға – айып.

Күйеуі қайтыс болса, әйелі бір жылға дейін тұрмысқа шықпайды.

Жесір әйел "ерден кетсе де елден кетпейді", күйеуінің аға немесе інісіне тұрмысқа шығуы тиіс. Егер әйел басқа біреуге кететін болса, бұл "жесір дауы" заңымен шешіледі.

"Табалдырықты басу" қазақ арасында жаман ырым ретінде осы күнге дейін сақталған. Мысалы: "Табалдырықты баспа", "табаныңды тартпа", секілді тиымды келтіруге болады.

Сонымен, біз Білік пен Жосықтың қазақ елі хандарының жарғысына және еліміздің әдет-ғұрып заңдарына айналғанын көріп отырмыз. Шындығында Білік пен Жосық заңдары халық жүрегінен орын алып, дүние таным сабағы ретінде Ұлы далаға кең жайылған. Алғашқы нұсқадағы Білік пен Жосық аты ұмытылғанымен, мазмұны өмір сүріп келеді.

ҚОРЫТЫНДЫ

Жалпы айтқанда, негізін Шыңғыс хан мен оның мұрагерлері қалаған Дала мемлекеті XIII-ші ғасырдың алғашқы жартысында, азғана уақыт ішінде әлемдік империяға айналды. Империя орталықтандырылған мықты билігі мен жазба заң ережелері бар мемлекет болды. Бұл бүгінгі Қазақ жері – Жошы Ұлысына да қатысты болды.

Қазақтың Жошы хан, Қасым хан, Есім хан салған заң жүйелері мен әз Тәуке ханның Жеті жарғысынан берілген шағын мағлұмат, олардың Шыңғыс хан Жазасымен байланысы барлығын анық көрсетіп тұр. Жазаның барлық бабын өзге көне жәдігерлермен салыстыру, толық түсінік жазу болашақтың ісі болады. Қорыта келгенде, Ұлы Жазаның рухани жалғасы қазақ елі заңдарында, әдет-ғұрпында сақталған деуіміз керек.

ПАЙДАЛАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР

1. Абиля Е.А. История государства и права Республики Казахстан. Караганда, Учебная книга, 2005, 256 с.
2. Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Алматы, Казахстан, 2001, 488 с.
3. Артықбаев Ж.О. Алаш һәм Алаша хан //Вестник КазГНУ, серия историческая, 1991, № 11, с. 191-202.
4. Артықбаев Ж.О. Алаша хан (казахское шежире об эпохе Алаша хана) //Қазақстандағы тарихи-мәдени үрдістердің өткені, бүгіні мен болашағы. Сб.: Маргулановских чтений. Жезказган, 2000, с. 12-18.

5. Бартольд В.В. Тюрки: двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы, Жалын, 1993, 192 с.
6. Утемши-хаджи. Чингиз-наме. Алматы, 1992.
7. Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, Калмыцкое книжн. Изд., 1991, 196 с.
8. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингиз-хана. Москва, 1997.
9. Құдайбердіұлы Ш. Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі. Алматы, Ол-Жас басп., 2004, 80 бет.
10. Көпеев М.Ж. Қазақ шежіресі. Алматы, 1993.
11. Альджапов О. Предания об Алаша-хане и об его сыне Джучи-хане. «Киргизская степная газета», 1897, № 13, 14, 18.
12. Көктәнді Х.Қ. Аспан мен Даланың төрт ұмытылған тарихы. Москва, Қасиет, 2001, 465 бет.
13. Моңғолдың құпия шежіресі. Алматы, Өнер, 1998.
14. Юдин В.П. Орда Белая, Синяя, Золотая. . . //Казахстан, Средняя Азия в XVI-XVIII веках. Алма-Ата, 1983.
15. Қашқари М. Түрік тілінің сөздігі: (Дуани лұғат-ат-түрік) 3 томдық шығармалар жинағы. /Қазақ тіліне аударған, алғы сөзі мен ғылыми түсініктерін жазған А.Қ. Егеубай, 3. т. Алматы, ХанТ., 1998, 600 бет.
16. Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие //Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Вып. 4-5, Казань, 1904, Т. XX.
17. Ибрагимов И. Заметки о киргизском суде //Записки Русского императорского географического. 1878, Вып. VIII, № 2, С. 233-257.
18. Зиманов С., Өсеров Н. "Жеті Жарғы" жайлы //Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата, Наука, 1989, С. 8-29. 144 с.
19. Марғұлан Ә.Х. Қасым ханның қасқа жолы //ҚСЭ. Алматы, 1975, Т. 6, 541-542 б.
20. Левшин А.И. Описарие киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Изд. 2-е. Алматы, Санат, 1996, 161-165, 655 с.
21. Кузембайулы А., Абель Е. История Республики Казахстан. Костанай, Костанай-полиграфия, 2006, 350 с.
22. Ағдарбеков Т. Мемлекет және құқық теориясының негізгі мәселелері. Алматы, Заң әдебиеті, 2008, 255 бет.
23. Булгакова Д.А. Мемлекет және құқықтың жалпы тарихы. Алматы, Заң әдебиеті, 2004, 222 бет.
24. Қазақстан республикасы мемлекет және құқық тарихынан хрестоматия //Құраст. Н.О. Дулатбеков. Астана, Парасат, 2003, 312 бет.
25. Сапарғалиев Ғ. Қазақстан мемлекеті мен құқығының негіздері. Алматы, Атамұра, 2003, 192 бет.

Түркілердің қала мәдениеті

Сыздықов С.М.

*т.ғ.д., профессор, Л.Н.Гумилев
атындағы Еуразия ұлттық
университеті*

Түркі өркениеті IX-XI ғасырларда болып өткен Мұсылман ренессансында өшпес із қалдырып кетті. Өкінішке орай, дүниежүзілік тарихнамада Батыс Европа ренессансынан әлдеқайда бұрын болған Мұсылман ренессансындағы түркілердің орны мен рөліне жеткілікті көңіл бөліне бермейді. Тікелей мәселенің өзіне көшпес бұрын «ренессанс» немесе «өрлеу» түсінігін талқылау-ға көңіл бөлу – қажеттілік.

Ғылымда қалыптасқан көзқарас бойынша «ренессанс» терминіне классикалық ежелгі дүниенің қайта өркендеп, гүлденуі деген мағына мазмұн береді. XVI ғасырдың ортасында Жоржо Вазари XIV-XV ғғ. Италия тарихы үшін осы терминді ғылыми тұрғыда қалыптастырғаны белгілі. Бұл дәуірдің немістер – «реформация», француздар – «ренессанс», ал итальяндар – «чинкве-ченто» деп атаса да ол дәуірдің мазмұны бұл атаулардың ешқайсысымен де шектеліп қала алмайды».

Кейінгі кезде бұл терминмен ежелгі грек мәдениетінің ғана емес, сонымен бірге Шығыс елдерінің бірінде немесе жалпы Шығыс мәдениетінің өркендеуін де айтады. Қайта өрлеу деп жалпы мәдениеттің өркендеуін, ал ерекше мағына-да орта ғасырлар мен жаңа заманды жалғастырған мәдени кезеңді де айтады.

Академик Н.И. Конрадтың пікірі бойынша «қайта өрлеу» Европаға ғана тән құбылыс емес, қандай да бір халықтардың белгілі бір тарихи даму кезеңіне сәйкес келетін тарихи процестердің жалпы заңдылықтарының бір көрінісі болып табылады(1,161б.) Сондықтан да Шығыстағы ренессанс мәселесі барлық Шығыс елдері мен халықтарын әлеуметтік-экономикалық форма-цияларының дамуын тереңінен жан-жақты зерттеуді қажет етеді. Ренессанс проблемасын қоғамның әлеуметтік-экономикалық дамуынан бөліп алып, тек мәдениет тарихы тұрғысынан қарастыру, мәселені зерттеу алдын-ала сәтсіздікке ұрындырумен бірдей.

Қайта өрлеу дәуіріне белгілі бір дәрежеде классикалық анықтаманы өз кезінде Ф. Энгельс бере алды. Оның әділ айтуынша қайта өрлеу өткендегінің, ескінің, антиканың қайта жаңғыруы ғана емес, бұл дәуір сауда мен қолөнердің орталығы - қалалардың дамуы қала сословиелерінің пайда болуы, қоғам мен мәдениеттің өркендеуі, сонымен қатар, феодалдардан да және халықтың ішінен де зиялылар қауымының бөлініп шығуы болып табылады. Бұдан әрі «...барлығы дерлік өз заманының мақсат-мүддесіне сай өмір сүреді, партияларға бөлініп, біреу сөзбен, қаламмен, біреу семсермен, ал енді біреу

онымен де басқалармен де бірге болып, практикалық күреске белсене қатысады(2,3б.).

Шынында да Европадағы классикалық ренессансты Шығыстың немесе мұсылман қайта өркендеуімен салыстыру және олардың ұқсастық жақтары туралы пікір таластырудың қазіргі ғылым дамуының дәрежесінде беретін пайдасы шамалы. Оны өз кезінде шығыстанушы В.В. Бартольд те атап өткен. Өйткені Европа жағдайындағы ренессанс - классикалық антика заманындағы өнер, ғылым мен әдебиеттегі жетістіктерді бағаламаған «қараңғы орта ғасырдың» қайтадан бойына сіңіріп, пайдалану немесе жоғалтқан, айырылған нәрсені қалпына келтіру» тұрғысында болса, Шығыста қайталанбағандықтың, жаңашылдықтың көрінісі ретінде бой береді. Сондықтан да егер біз дүниенің екі жағындағы қайта өркендеуді салыстырсақ, олардың ұқсастығы жағынан гөрі ерекшеліктері мен айырмашылықтарына басым көңіл аудару қажет.

Ренессанс мәселесі туралы тарихнамада Шығыстағы «өркендеуге» батыстық немесе эллинистік көзқараспен қарастырушылар да, сонымен қатар, керісінше бұл бағытты сынаушылар да кездеседі. Батыстық тұрғыдағы көзқарастар мұсылман ренессансындағы ежелгі Европа мәдениеті мен эллинизмнің рөлін жоғары, басым етіп көрсетсе, бұл бағытты сынаушылар көне грек мәдениеті әсерін толық жоққа шығармастан бұның себептерін, негізінен Шығыстың өзінен іздестіреді. Бір қызығы, бұл көзқарастардың түйсетін жері - Шығыс ренессансын тек арабтармен ғана байланыстырмауында. Біздіңше ақиқаты да осы жерден басталады.

Мұсылман ренессансын зерттеушілердің осы өрлеуде арабтардың парсылардың немесе эллинистік грек мәдениеті мен европалықтардың ықпал-әсерлері мен үлестері туралы тоқталып, атап өтуі жиі кездеседі. Осы орайда ортағасырлық түркілердің Шығыс ренессансындағы орны мен үлесінің көрсетілмеуі, ал аталған күнде түркілердің «мұсылман туы астында бүркемеленіп», арабтар болып шығатындығын айта кету орынды. Сондықтан, сөзіміз дәлелді болу үшін төмендегі мәселелерге көңіл аударайық.

Араб халифаты империясының соңғы әулеті аббасидтер X ғасырдың ортасында әлсіреп, өздерінің маңайындағы түркілерден құралған әскери қолбасшылардың ықпалына түсе бастады. 945 жылдан бастап Халифат тек Бағдадтағы сарайда тұрып, монғол шапқыншылығына дейін іс жүзінде мемлекет басқарудан қалды. Тарихта халиф Мансұр (726-766) тұсында-ақ түркілердің халифат маңайында көрнекті орын ала бастағанын көруге болады. Мысалы, тохаристандық түркілерден Бармакқұлы Халит пен Яхьяұлы екеуінің салдырған сарайлары мен ұйымдастырған кітапханалары парсы, грек және санскрипт тіліндегі ғылыми шығармалар мен философиялық кітаптар арабшаға көптеп аударылды(3,190б.).

Бағдад маңайындағы Самарра мен Египеттегі Каир және Ел-Катай қалалары халифаттағы түркілер өркениетінің орталықтары десек қателеспейміз. Самарра IX ғасырдың соңына қарай 33 шақырымға созылған,

түркілер тұратын қалаға айналған болатын. Ондағы әсем архитектуралық құрылыстарды (бұдан былай санат дейміз негізінен түркілер салды. Самарра санатындағы көптеген өрнектер мен құрылыс өңдеу техникаларының әдістері арабтар, гректер Византия қалаларында болмаған, керісінше, біздің эрамызға дейінгі дәуірден келе жатқан азиялық скифтер мен алтайлық түркілердікі болып шығады(4,143б).

865-905 жылдары түркі командашысы Ахмед Тулун Мысырды билеген кезінде түркілер шоғырланған Ел-Катай мен Каир қалалары мәдениет өркениетін бастарынан кешірді. Ел-Катайдағы мешіт, сарай, мәдениет үйлерін салуда ағаш және гипс материалдарын қолдану жоғарыда аталған Самаррадағыдай түркілердің әдіс-тәсілдері арқылы жүргізілді. Ерекше атап өтетін нәрсе, ісләм мәдениетіне тән және оның ең бір «шұрайлысы» болып табылатын санаты – «Арабеск» осы Самаррада туындағаны белгілі(5,15б.).

Халифаттың күші шарықтау шегіне жетіп тұрған кезде түркі қолбасшыларының ер жүрек, батыл даңқтысы – Бежкем болды. Ол аз ғана, 300 шақты жасағымен халифаттың Вавилон аймағын билеп тұрды. Халиф исламның шиит бөлігіне қарсы күресте Бежкемге сүйенді. Ол Бағдадтан шииттерді қуып, халифтің сеніміне ие болды. Қабәлетті және ер жүрек қолбасшы екендігін Бежкем әсіресе Сирия мен Месопатамияны билеген Хамдинидтер әулетінің өкілдерімен күресте танытты. Мысалы, ол өзінің 290 түркілерден құралған жасағымен әл-Баридидің 10 мыңдық әскерін жеңіп шықты (6,35б.).

Негізінен түркілер шоғырланған халифат құрамындағы аудандардың елдегі саяси маңызды күшті болды. Бағдадтың бас судьясы – «кади өзін орнынан аламын деген халифқа «егер ол Хорасанға шағымданса бүкіл халифаттың іргес шайқалатындығымен»(7.20б.) қорқытуы кездейсоқ емес еді.

Сот, құқық істерін жүргізуде де Халифат аудандарын басқарған түркі тектес басқарушылар дінге негізделген «кадилік» жүйеден гөрі демократиялық құрылымнан тұратын азаматтық құқық органдарына сүйенді. Мысалы, Египеттегі басқарушы түрік Ахмед тулун өз кезінде «кади сотынан бас тартып, азаматтық сот жүйесін енгізді(8,15б).

Египет пен Сирия билеген түркі әулет: тулунидтардан соң, Түркістан түркілерінің ихшидтар әулеті келді. «Ихшид» - Ферғана басқарушыларының титулы болатын. Мухаммед ибн Тугдж 935 жылы Египеттегі халифтың наместнигі қызметіне тағайындалды. Кейін, 941 жылдан бастап оның қол астына Египет, Сирия. Йемен, Мекке және Медине облыстары қарады. Мухаммедтің күшейгендігі сондай, оны халиф ал-Мустакфи саяси тұрғыдан «мазасыз Бағдадты» басқару қызметіне шақырғанда ұсынысын қабылдамай тастады.

Махмуд ихшид алып денелі, зор күш иесі болған. Садағының үлкендігінен өзінен басқа ешкім тарта алмаған. Жасағы да сол замандағы ең алдыңғы қатарлы қару-жарақпен жабдықталған. Египетте өз атынан ақша

соқтырған. Жеке басында аңқаулық, сенгіштік, адалдық, сонымен қатар дүниеқорлық мінез-қасиеттердің қатар болғандығы туралы көптеген деректер кездеседі.

Түркілер халифат тұсында алғашқы халықтық ауруханаларды салу ісінде де алғашқылардың бірі болды. Мысалы, Египетте 873 жылы алғашқы аурухананы Ахмед ибн Тулун салдырды. Бұл аурухана мен емханасы бірге ірі комплекс еді. Онда ерлер мен әйелдерге арналған моншалар болды. Бір жағынан бұл денсаулық сақтау комплексі негізінен қарапайым халыққа арналды да, онда сарай маңы шенеуніктері немесе әскери шендегі адамдарға қызмет көрсетілмеді. Ауруханаға түскен адам, киім, ақша және басқадай заттарын сол мекемедегі арнайы сақтайтын орынға тапсырма алды. Бұл мекемеге мың динар ел басқарушы тарапынан беріліп, Ахмедтің өзі аптаның жұма күні барып тұрды. Ах-Тулун сонымен қатар, мешіт жанынан дәріхана аштырып, онда дәрігер әр аптаның жұма күні ауруларды ақысыз емдейтін қылды. Ауруханада ақыл-есі кем адамдарға арналған бөлме де болды. Ал 941 жылы түрік әмірі Бежкем Тигр өзені жағасында халифаттың үшінші ауруханасын салдырта бастады(9,193б.).

Өркениеттің қай саласында болмасын: басқару, сот, білім, ғылым және т.б. ортағасырлық түркілер белсене ат салысты, ал тіпті кейбірінде жетекші орын алғандықтары да байқалады. Оларды толық дәлелдеуге әлі де көлемді зерттеулер қажеттігі айтпаса да түсінікті.

Басшылары түркі әулетінен шыққан халифат құрамындағы қала адамдарының демалу, көңіл көтеру орындары қазіргі өркениеттілік тұрғыда ұйымдастырылғаны байқалады. Мысалы, Египетте түркі әулетінің тулунид тегінен шыққан Хумаравайхи зор көлемде жануарлар паркін ұйымдастырған. Жануарлардың түр ерекшелігіне қарай тор бөлімшелер мен су бассейндері жасылынған (10, 320б.).

Түркілердің ортағасырлық қалалық мәдениетке шаруашылық өнімдерін өндіру мен оларды саудаға шығару арқылы елеулі үлес қосты. Мысалы, Ақ-Тепе мекені түркілер өмірінің маңызды бір даму кезеңін, яғни бір жағынан көшпелі, екінші жағынан отырықшылыққа көше отырып, керуен сарайларды көбейту арқылы сауда жолына тартылғанын, ақырында бір кешендік мәдени-шаруашылық типін қалыптастыра алғанын көрсетеді.

Көшпелі түркілердің сарқылмас, үнемі әкеліп тұратын шикізаттарының арқасында қалалардың өздері белгілі бір өнім шығаруға мамандана бастады. Мысалы, әл-Макдисидің хабарлауы бойынша: «Шаштан сапалы ертоқымдар, оқ салғыш қорамсақтар мен орамалдарі Тері, түріктерден әкеліп иленеді... Ферғана мен Испиджабтан ақ матамен, қарумен, семсерлермен, мыс және темірмен Шелжіден күміс келеді. Хутталдан әкелген сияқты, Түркістаннан бұл жерлерге жылқы мен кашыр әкелінеді» [11, 82-83]. Волгин

Бұдан кейін біз Қараханидтер әулеті келер алдындағы Оңтүстік Қазақстан мен Жетісуда мемлекет ішіндеп маңызы орасан зор болған, ортақ рыноктың қалыптасып бастағанын байқаймыз. Әрине, мұндай құбылыс сол

кезенде тек отырықшылар мен көшпенділердің неғұрлым тығыз, жақын көршілес тұру нәтижесінде ғана мүмкін бола алды.

Халықаралық сауда тауарларының біраз бөлігі Жетісу мен Оңтүстік Қазақстанда қалып отырды. Византия, Соғды, Қытайдың әшекей бұйымдары мен қымбат заттарын түркі қағаны және басқа бай ақсүйектер сатып алатын еді. Оған мысал ретінде осы жерлерде археологиялық қазба жұмыстары арқылы табылған византиялық белгісі бар күміс құмыралар мен олардың алтын теңгелері және қытай айналарын айтуға болады. Жетісуда орналасқан қарлықтардың сауда катынасында Қытай ерекше орын алды. Одан жібек ала отырып, көшпелі түркілер өздерінің шикізат өнімдерін өткізіп отырды. Алайда олар тек шикізат қана апарып қоймай, сонымен қатар өздері жасаған бұйымдарын өткізді. Мысалы, май, тұз, қалқан және найза, сонымен қатар мата және мускус жеткізілді. Бұл ретте қытай деректерінің қарлықтар жөнінде олардың сауда ісін жетік білетін саудагерлер екенін растайтындығын еске ала кету орынды.

IX-X ғасырларда Оңтүстік Қазақстан мен Жетісу арқылы өтетін сауда жолының одан әрі өркендеуіне ислам дінінің зор ықпалы болды. Олар өз қаражаттарын базарлар мен олардың мекемелерін көбейтуге жұмсап отырды. Түркілердің көшпелі бөлігінде сауданың еркін дамуына сол кездегі түркілердің қонақжайлығы, меймандостығы көп септігін тигізді. Өйткені түркілер саудагерлерді ерекше күтіп қарсы алатын және осы арқылы сол саудагерлер еліне барғанда өздері сондай мүмкіндіктер алуына құқылы болды.

Түріктердің қалалық сауда ісінде жылқының маңызы үлкен болды. Жабайы тұқыммен будандастырылған бұл жылқылар, төзімділігі жағынан аңға, жорыққа шығуға теңдесі жоқ болып, сұраныс жоғары дәрежеде болды. Жылқы сатудың басқа түркілер мал өнімдерімен қатар бағалы аң терілерін шығарып отырды.

Қарастырылып отырған кезеңде Орталық Азияда құл саудасы кеңінен тараған. Құлдыққа көбінесе жорықтар мен шапқыншылықтарда қолға түскен тұтқындар айналдырылды. Құл саудасы IX ғасырға қарай күшейе түсті. Оған себеп, араб қолбасшыларының түркі құлдарынан өздерінің ұланын құру болған еді. Ірі транзиттік құл саудасының жолы Мауреннахр мен Хорезм арқылы өтті. Бұл жерлерде түркілермен бірге славяндар, хазарлар да құлдыққа сатылды.

Қорыта келгенде, Орталық Азияда түркілер халифат билігі ыдырай бастаған кезеңде саяси билікте де, қоғамның мәдени-шаруашылық өмірінде де жетекші орын ала бастағанын байқаймыз. Бұл кездейсоқ емес еді. Бұл кез түркілердің мемлекет және саясат ісінде, болмаса мәдениет пен шаруашылық саласында да жоғары деңгейге, өзіндік өркениет шоқтығына жеткендігі көрінеді. Ұлы Жібек жолы, қала мен көшпенділердің өзара бір-біріне ықпалы, сауданың өркендеу процестерінің тек куәсі болып қана қоймай, оған белсене қатысуы, түркілер өркениетінің эволюциялық, біркелкі дамуын қамтамасыз етсе, ендігі жерде халифаттың көлемді «евразиялық» территориясында басқа

да өркениетті процестермен қоян-қолтық араласып байытылуы уақыт үрдісінің белгілі бір кезеңінде (IX-X ғғ.) түркі өркениетінің «сапалық секіріс» жасап, тек қана Мұсылман ренессансына қомақты үлес қосып қоймай, өзін дүниежүзілік өркениетке де таныта алды. Оның дәлелі де, салдары да болып табылатын түркі ғұламалары - әл-Фараби, Махмуд Қашғари, Жүсіп Баласағұн және т.б. Түркілік өркениет - Мұсылман ренессансы процесінде әскери күштілік пен басшылық жорықтарда емес, саяси билікте, яғни мемлекеттік жетілдіру жолында мәдениет пен өнер, санаттың дамуына, азаматтық қоғам құруда тамыры тереңнен нәр алған, өміршендік үрдіс тұрғысында көріне алды. Тарих ғылымы мен тағлымының маңызы оның бір «тарихнамалық кезеңмен» шектеліп қалмай, үнемі жалғасу, өзгеру, «бекерді бекерге шығару» динамикасын қамтамасыз етуінде. Ендеше Мұсылман ренессансы немес Шығыстың өркендеу дәуіріндегі Түркі өркениетінің ролін анықтап, оны орнына қоятын тарихнама таңының атып келе жатқанына күмән келтірмейміз.

Пайдаланған әдебиеттер:

1. Конрад Н.И.Послесловие к кн.В.К.Чалоян./ Армянский ренессанс.М.1963.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы.Л.,1949.
3. Semsettin Gunaltay. Abbas ogulari imparatorlugunun kurulus ve yukselisinde Turkulerinin rolu / Belletin sayi.1996, 76.
4. Strzygovski Altay. Iran und Volkervanderung. Leipzig.1917.
5. Kuhnd vr Erdamann. Berlin Muzesi Samarra rehberi. Springer Vunst-Geschirhte. Cilt.6 P.1933.
6. Мец А. Мусульманский ренессанс. Москва., 19897
7. Wusfenf Anhanger Hiszum. Gottingem.1899.
8. Arabische Text mit Anmerkungen und Registern hrsg.von K.L.15.
9. Ibn al-Giftis al-Hukama. Leipzig, 1903.
- 10.Мец А. Мусульманский ренессанс. Москва., 1989.
11. Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI веков о долине реки Талас и смежных районов // Новые материалы

ОТНОШЕНИЕ ПИСЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА «CODEX CUMANICUS» К КЫРГЫЗСКОМУ ЯЗЫКУ

*Конурбаева Р.Э.,
к.ф.н., Институт языка и
литературы им. Ч. Айтматова
(Бишкек, Кыргызская Республика)*

Кипчаки – одно из самых крупных и древних кыргызских племен. Генеалогически кыпчаки входят в состав племенной группы ичкиликов (Булгачи). Ареал расселения кыргызов-кипчаков охватывает очень широкую территорию. Представители этих племен в настоящее время живут в Оше, Джалал-Абаде, Баткене, в Чуйской области. Кроме того они встречаются в Узбекистане (Андижане, Намангане), Таджикистане (Джержетале, Шаартузе, Горгом Бадахшане), Китае (СУАР) и др. (1, с.126).

Известный тюрколог Баскаков Н.А., подчеркивая особое влияние кипчакского языка на формирование и развитие кыргызского языка, относит кыргызский язык наряду с алтайским, к кыргызско-кипчакской группе восточно-хунской ветви тюркских языков (2, с. 210). Такая классификация была построена прежде всего на основе исторического процесса развития языков в связи с историей самих тюркских народов, с учетом всего грамматического строя тюркских языков и их словарного состава. Данный факт подтверждает неразрывную связь кыргызского и кипчакского языков. В связи с этим большой интерес представляют процессы взаимодействия и взаимовлияния языков этих племен.

Состояние кыргызского языка в средние века (фонетика, лексика, сфера его употребления, развитие и связи с другими языками), к сожалению, отражено только в отдельных письменных памятниках. В результате чего, кыргызский язык того времени с лингвистической точки зрения совершенно не исследован. Фонетическая система (состав фонем, изменения, происшедшие в нем), лексическая система, грамматический строй не только не были рассмотрены с исторической точки зрения, но даже вообще не были предметом специального исследования.

Общепризнанное письменное наследие «Codex Cumanicus» или «Кыпчакский словарь» отражает состояние тюркских языков того времени и, безусловно, дает также весьма полное представление о языке кыргызов-кипчаков XIII-XIV вв., и, конечно же, является благодатным материалом для кыргызского исторического языкознания.

Согласно историческим научным данным, кыргызы и кипчаки всегда жили по соседству и были связаны тесными экономическими и родственными узами. Об этом же свидетельствуют произведения устного народного творчества (легенды, загадки и т.д.). К примеру: “*Сенде жок, менде жок, Отто жок, сууда жок, Кыргызда жок, кыпчакта жок*” (загадка, птичье молоко). В результате не только тесных контактов, а порой и смешения двух народов, их называли не просто кыпчаками, или кыргызами, а “кыргызами-кыпчаками”.

Автор словаря “Дивани лугат ит-турк” Махмуд Кашкари близкородственными считает языки племен: кыргыз, кыпчак (кыпчак), огуз, тухси, ягма, чыгыл, ыграк, чарух.

А также благодаря географической близости мест проживания кыргызов и кыпчаков происходило смешение их родов и племен, которое отражено в произведениях устного народного творчества:

Качып барган **кыргызда**,
Катаган, тейит калкы бар.
Кадимки Кошой алпы бар,
Кыпчакта Кылыч теги бар. (3, “Манас” с. 36-37.).

Калың калмак кол салып
Кыргыз менен кыпчактан
Жылыга чаап олжо алып,
Ушуларды укканда
Өлгүм келет арданып!
Кыргыз, кыпчак элимдин
Кырылган өчүм албасам. (“Курманбек” с. 11-12.).

Кең Кашкардын ар жагы,
Кебез тоонун бер жагы
Кең талааны жердеген,
Уругум кыпчак эл деген.
Кырк уруу кыргыз эл эле
Ал **кыргыздын** бир уулу.
Элеман **кыпчак** мен элем. (“Эр Төштүк”, с.338).

Литературовед Т.Абдракунов, исследуя загадки, имеющиеся в письменном памятнике «Codex Cumanicus» отметил, что они являются также лексическим богатством кыргызского языка. Сравнивая их с произведениями фольклора некоторых тюркских народов, он констатировал тот факт, что загадки тюрков часто совпадают по семантике, а отдельные из них совпадают прямо слово в слово: «... тесно переплетенные фольклорные связи кыргызов и кыпчаков, отраженные в письменном памятнике кыпчаков, ведут нас к общим корням двух родственных народов. Появление этих загадок, возможно, относится к тем временам, когда кыргызы жили на Енисее и в Саяно-Алтайских горах, т.е. со II в. до нашей эры по VIII-IX вв. нашей эры. Известно, что в составе Кыргызского государства жили кыргызы, тувинцы, хакасцы и народы Горного Алтая, которые имели тесные политические, экономические и культурные связи. Мы полагаем, что загадка в памятнике *о змее и ноже* является общей для всех народов енисейской эпохи. Одной из причин того, что мы пришли к такому выводу, является не только то, что эти загадки похожи друг на друга по смыслу как две капли воды, сохранились у всех этих народов, но и то, что в упомянутом письменном памятнике средних веков их фонетический облик фактически не изменился» (4,с.15).

На основе вышеприведенных, глубоко аргументированных материалов, мы пришли к выводу, что кыргызский народ с древних времен был тесно связан с кыпчаками.

Фонетически язык письменного памятника «Codex Cumanicus» довольно близок ко всем тюркским языкам, но особенно он близок к говору «ичкилик» южного диалекта кыргызского языка. Наблюдается не только близость фонетического строя (звуковые изменения, сингармонизм и т. д), но и схожесть лексическая.

Оригинал памятника «Codex Cumanicus» написан готическим шрифтом, который состоит из 33 букв. Фонемный состав языка памятника состоит из 9 гласных и 24 согласных. Состав гласных фонем кыргызского языка полностью совпадают с составом гласных фонем языка упоминаемого памятника: 8 из литературного языка и 1 из южного диалекта [ə].

Характерные для кыргызского языка долгие гласные и дифтонги наблюдаются также в языке памятника. Например:

- СС. *aij* // *aij* (70, 28) – кырг. ай;
- СС. *yaa* (100,15)– кырг. жаа;
- СС. *yaaç* (94,18) – кырг. жаак;
- СС. *yaagh* (94,19) – кырг. жаак, ээк;
- СС. *saadat* () – кырг. токуу үчүн курал;
- СС. *saar, kalaa* (78, 23, 24) – кырг. шаар, калаа;
- СС. *laal* (93,24) – кырг. лаал;
- СС. *naamat lu* (98,3)– кырг. кичипейил, ырайымдуу;
- СС. *naal* (102, 21) – кырг. наал, така;
- СС. *maainlar* (82,13) – кырг. суусундуктар;
- СС. *буун*// *богум* (94, 6) кырг. муун;
- СС. *suulu* (110, 22) – кырг. сулу;
- СС. *ooatac* (76,15) – кырг. ообос, оомат;
- СС. *toodac* (94,22) – кырг. эрин.

Следующий пример слов на письме имеет две гласных, но при произношении теряет это свойство и является дифтонгом, что означает долгую гласную:

- СС. *buiiq* [buvix](96, 4) – кырг. муун;
- СС. *tuuj* [tūvi, tū] (110, 5) – кырг. таруу ботко;
- СС. *souuar* [sver] (98,10) – кырг. сүйөр киши;
- СС. *saiunur* [] (98, 14) – кырг. сүйүнөр киши;
- СС. *tuuta* [tvme] (103, 4) – кырг. түймө же топчу.

Слова памятника с дифтонгами: **ow** > **уу** СС. *savcar* / *caucar* 85, 5 – кырг. суусар СС. *йовурган* 85, 16 – кырг. жууркан. СС. *owuch* 95, 27 – кырг. ууч; **owman** ~ **туман**; **og** > **уу** СС. *ogul* 97, 6 – кырг. уул. СС. *тогру* – кырг. туура, СС. *йогун un* 88, 13 – кырг. жоон жип; СС. *богум ул буум* 94, 6 – кырг. муун; *agz* 94, 21 – кырг. ооз; СС. *богдай*// *бугдай*// *бодай* 110,2 – кырг. буудай; **ag** > **оо** СС. *агыр* > кырг. оор, СС. *саглык* > кырг. соолук, ден соолук, СС. *таг* >

кырг. тоо, **ow** > **oo**; СС. эгөw > кырг. өгөө; СС. сөwэк 95, 25 – сөөк; СС. силевсүн > кырг. сүлөөсүн; СС. билев 87, 1 – кырг. бүлө; куйегу 97, 12 күйөө; СС. эйәрчи 87, 15 – кырг. ээрчи; СС. сага /бага/ – баа.

Состав согласных фонем в кыргызском языке и состав согласных фонем в языке рассматриваемого памятника также полностью совпадают. Даже варианты [к] и [г] перед гласными переднего [э, и, ө, ү] и заднего [а, ы, о, у] ряда также полностью совпадают. В исконно кыргызских словах звуки [в, ф, х] не употребляются. В языке памятника эти звуки встречаются в заимствованных словах: *фил, фриште, жифт, халал, хормат, хач*.

Важнейшим фонетическим законом современного кыргызского языка является один из видов дистактной прогрессивной ассимиляции гласных, получившей в тюркологии название сингармонизма. Этот закон действует в современном кыргызском языке с высокой степенью последовательности. Сущность его сводится к тому, что качество гласного в первом слоге слова определяет качество всех последующих гласных (5, с. 50). Сингармонизм проявляется в кыргызском языке в законах небного и губного сингармонизма, которые тесно связаны в рамках каждого слова и действуют одновременно.

В языке памятника гласные заднего ряда и негубные созвучны следующим образом: после негубного заднерядного [а] употребляется негубной заднего ряда [а] или [ы]: *абага* “аба”; *абышка* “абышка”; *агач* “агач, жыгач, бак”; *айа* “алакан”, *айак* “бут, аяк”; *айаз* “ачык”; *айран* “ат байлаган жер”, “ат акыры” (түркчө); *ана* “эне, апа”; *анча* “анча”; *акча* “акча”; *акмак* “акмак”; *арпа* “арпа”; *бадам* “бадам”; *балгам* “былжыр”; *барча* “баары”; *чалма* “чалма”; *чанак* “чанак”; *чарчав* “шейшеп”; *дарага* “дар ага, чоң ага, аскер башчысы”; *качан* “качан”; *хафта* “апта”; *йабалак* “жабалак”; *йаман* “жаман”; *йара* “жара”; *майдан* “майдан”; *маңлай* “мандай”; *каргаша* “каргаша”; *сабан* “соко”; *садага* “садага”; *шайтан* “шайтан”; *табак* “табак”; *тафтар* “дептер”; *агры* “оору”; *агрык* “оору”; *айыңчы* “айыңчы”; *алгыш* “алкыш”; *бакшы* “бакшы, жазгыч (писарь)”; *батыр* “батыр”; *чатыр* “чатыр”; *дары* “дары”; *хакыл* “акыл”; *йакшы* “жакшы”; *йарлы* “жарды”; *кагыз* “кагаз”; *сагынч* “сагыныч”; *тары* “таруу”; *таштын* “тыштан, сырттан”.

В первом слоге после негубного заднерядного [ы] употребляется негубной заднего ряда [ы] или [а]: *йыгыл* “жыгыл”, *йыртыл* “жыртыл”, *кылыч*, *кыч* “кылыч”, *кыргый* “кыргый”, *кырмазы* “кырмазы, кызыл”, *сыгыр* “сыйыр”; *сыкрык* “чабарман, курьер”, *тыным* “тыным”; ырчы “ырчы”; *ышым* “куту, кап”; *чыганак* “чыканак”; *чырак* “чырак”; *йылтра* “жылтыра”; *кыскач* “кыскач”; *кызар* “кызар”; *сычкан* “чычкан”; тырмак “тырмак”.

В «Codex Cumanicus» гармония гласных по степени лабиализации или губной сингармонизм тоже наблюдается: *буйур* “буйур”, *буйурук*, *буйрук* “буйрук”; *булуң* “булуң”; *булуд* “булут”; *бурун* “мурун”; *жухут* “жүйүт, жөөт, еврей”; *йурум* “күнөө”; *йугурт* “жуурат”; *йулдуз* “жылдыз”; *йурух* “муштум, жудурук”; *куйрук* “куйрук”, *куйу* “кудук”; *куру* “куру, курук, куураган”; *туткуун*, *тутгун* “туткун”; *уйу* “уйу”; *улу* “улу”; *улулук* “улуулук”; *урлук* “урук”; *устлу* “эстүү, акылдуу”; *узун* “узун”.

По закону сингармонизма после звука [y] не последует звук [a], так как имеет место закономерное нарушение. Хотя нарушение губной гармонии после гласного [y] является фонетической закономерностью кыргызского языка в отдельных случаях использование негубного после губного или наоборот возможно (6, с. 49). Данный закон наблюдается и в языке памятника. К примеру: *болор, болар* «кристалл»; *хороз* «короз»; *богум, бувун* «муун»; *бойун* «моюн»; *болуш* «болуш»; *чойун* «чойун»; *човгуч* «жалаачы» *йолчу* «жолчу» *йолук-* «жолук-»; *йоксул* «жокчул»; *кобузчу* «комузчу»; *кондур* «кондур»; *коншу* «коңшу»; *котур* «котур»; *ковун, хувун* «коон»; *ойул-* «ойул-»; *олтургуз-* «олтургуз-»; *орун* «орун»; *отлук* «оттук»; *отуз* «отуз»; *огул, овул* «уул»; *козу* «козу»; *сочул-, сучул-* «чеч-»; *соңгур* «соңор, шумкар»; *тогру* «туура»; *күн тогушы* «күн тогошу, туу».

В языке памятника гласные переднего ряда и негубные созвучены следующим образом: после негубного переднерядного [э] употребляется негубной переднего ряда [э] или [и]: *бечел* «бечел»; *бехет* «бекет», *бей//бий* «бий»; *бейенч//бейинч* «кубаныч, сүйүнүч»; *безгек* «безгек»; *чебер* «чебер»; *елек* «элек»; *егер, егир* «эгер»; *егев* «өгөө»; *ейер* «ээр»; *емчек* «эмчек»; *имен, имен* «имен, ийменүү», *емгек* «эмгек»; *емген-* «кыйналуу»; *еген* «экен»; *ердем* «кайрым; ак пейилдик, ак көңүлдүк»; *ерте* «эрте»; *ескер* «эскер-»; *ешек* «эшек»; *етез, етиз* «дене»; *йеге* «кең, кеңири»; *бейик* «бийик»; *белсенди* «белсенүү, жылаң төш, белден өйдө ачык»; *бери* «бери»; *беркит* «бекит»; *бернели* «карыздар»; *чери башы* «чери башчы»; *дегри, дейри* «дейре», *дейин* «чейин»; *дерзи* «кийим тигүүчү»; *ечки* «эчки»; *ейгилик* «ийгилик»; *елбек, елпек* «көп, бай», *елбети* «албетте»; *елген-* «элейген»; *еликле* «эликте» *ейсик* «өксүк, кем» *егиз* «эгиз»; *екки, еки* «эки»; *екинчи* «экинчи»; *елчи* «элчи»; *енчи* «энчи»; *ениш* «эңиш»; *епчи* «эпчи»; *ерин* «эрин»; *еричек* «эринчээк»; *еркеч* «эркеч»; *еркек* «эркек»; *еркли* «эрктүү»; *ерлик* «эрдик»; *есирге* «боору оору»; *ески* «эски»; *ешик* «эшик»; *етик* «өтүк»; *йеңил* «жеңил»; *йиренчи* «ийменчи».

В первом слоге после негубного переднерядного [и] употребляется негубной переднего ряда [и] или [э]: *бириктир* «бириктир»; *битик* «битик, жазуу»; *чибин* «чымын»; *чиркин* «чиркин, түрү суук»; *жинжибил* «имбирь»; *ичик* «ичик», *инчке* «ичке»; *ипкин* «сыя көк», *бичен* «бычан, чөп»; *бийен-* «сүйүн-»; *бирге* «бирге»; *чичек* «чичек», *дидер* «жүз, бет», *фриште//феришта//фристе* «периште»; *игине* «ийне»; *ипек, йибек* «жибек»; *ишлемек* «ишмердик, ишкерлик»; *йегит, йиги*.

Созвучие гласных переднего ряда с губными гласными: *чүчкүр* «чүчкүр», *чүгүндүр* «кызыл кызылча *чүрүш* «чүрүш», *йүгүн* «жүгүн», *йүзүм* «жүзүм», *йүзүк* «жүзүк, шакек»; *бүкрү* «бүкүр», *бүгү* «бүбү, олуя», *бүтүн* «бүтүн», *бөрү* «бөрү», *өкгүнч//өйкүнч* «өкүнч», *өгүз* «өзөн», *өгүз* «өгүз», *өлүм* «өлүм», *өтрүкчи* «өтрүкчү», *өтүнч* «өтүнч».

В ходе сравнения лексем памятника с лексемами кыргызского языка доказано 80% совпадений лексических единиц памятника, сгруппированные по 40 лексико- тематическим группам, с лексическими единицами кыргызского языка.

Жизнь и условия кыпчаков и кыргызов резко отличались от жизни и условий европейцев. В памятнике этот факт доказан тем, что названия трав,

специй, лекарств, удобрений, парфюмерии и т.д. представлены без перевода на кыпчакский язык. Это говорит о том, что составители данного памятника, являющиеся европейцами, либо не могли найти варианты кыпчакских слов на эквивалент в европейском языке, либо кыпчаки в средние века еще не усвоили такие понятия. В отличие от тематической группы слов, связанных со скотоводством, с ремесленным делом (кузнечное, столярное, сапожное, ткацкое), с предметами домашнего обихода, названиями одежды и украшений, строительными материалами и орудиями труда и т.д. совпадают по структуре и по значению с лексемами современного кыргызского языка.

Таким образом, при исследовании лексического состава СС мы выявили ярковыраженную активность социально-бытовых, культурных, торговых и житейских тесных связей кыргызов и кыпчаков. Это подтверждает и тот факт, что большинство лексических единиц употребляется в современном кыргызском языке, и по сей день.

Даже сами понятия «кыргыз» и «кыпчак» неразрывны друг с другом и возможно их употребление только вместе: *“кыргыз – кыпчак этникалык уруулары”*, *“кыргыз – кыпчак тобу”*, *“калың кыпчак элинен болом”*, *“кыргыз – кыпчак уругум”*. Это единение неспроста. Дело в том, что в IX-XVI веках между кыргызами и кыпчаками на первый план вышли социально-политические отношения. Во-первых, они дали предпосылку создания этнополитического единства кыргызов и кыпчаков, во-вторых, два сильных исторических племени, вышли на политическую арену.

Также и в фольклоре и даже в работах зарубежных ученых понятие «кыргыз-кыпчак» понимается как единое целое. Письменный материал и языковые факты этого памятника являются достоянием не только двух народов, но и вправе считаться общим достоянием тюркских народов.

Самое главное в том, что лингвистическое, этнолингвистическое, историческое и культурное исследование данного памятника дает возможность увидеть состояние исторической фонетики, лексики и грамматики кыргызского языка в средние века. Поэтому этот кыпчакский словарь имеет прямое отношение к истории, культуре, языку кыргызского народа.

Литература:

1. Каратаев О. Кыргыз этнонимдер сөздүгү.- Б., 2003.
2. Баскаков Н. А. Тюркские языки. - М., 1960.
3. Манас” эпосу. С.Орозбаковдун варианты, фонд № 273.
4. Абдыракунов Т. Табышмактуу кол жазма // Кыргызстан маданияты, №18.- 1-май.- 1968.
5. Грамматика киргизского литературного языка.- Ф., 1987
6. Кыргыз адабий тилинин граматикасы: фонетика жана морфология. -Ф.: 1980.

«Ертіс сүмбе» (Эрчисын сумэ)-Семейдің қимақ дәуіріндегі атауы

Артықбаев Ж.О

т.ғ.д, профессор

Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ

Қазақ халқы Ресей империясының құрамында отаршылдықтың езгісінен еңсесін көтере алмай жүргенде, оның жанашыры, жоқшысы болған азаматтың бірі Г.Н.Потанин болғаны белгілі. Ертіс бойында туған, ұлы дарияны жағалап бірталай тарихи-этнографиялық зерттеу экспедицияларын жүргізген ұлы ғалым «бұл жер, біздің өмір сүріп жатқан жеріміз, адамзаттың нағыз алғашқы отаны. Бұл жерде алғаш рет сенім (Күнге) пайда болды. Бұл жақтағы өзендер алғашқы адамдарға ана құшағы болса, тау шыңдарын олар әкеге балады. Мен қазір Адам ата мен Хауа ана мекендеген жұмақ Ертіс дариясының жоғарғы жағы деп сенімді айта аламын» дейді (11,с.76).

Ертіс бойындағы адамзат баласының ең ерте іздері палеолит дәуіріне бастайды. XX ғасырдың 90 жылдары Павлодар археологиялық экспедициясы Лебязье (Құлы көл) маңында Ертіс жарқабағына орналасқан Қаратерек деген ескі қоныстан палеолит дәуірінің тас қаруларының (чоппер, чоппинг) үлкен коллекциясын тапты. Палеомагнитті әдістермен зерттеу барысында бұл тас қарулардың 1,67-1,87 млн жыл бұрын жасалғаны анықталды. Бұл тек қана қазақ жері емес, бүкіл Еуразия кеңістігіндегі адам қолынан шыққан көне қару екені сауатты адамға анық. Осы сияқты деректерге сүйене отырып біз Ертіс бойының тарихын, оның ішінде Семей тарихын 1718 жылдан ғана бастайтын тарихи шығармашылықты қабылдамайтындығымызды жасырмаймыз.

Дәлел есебінде біз Семейдің тарихи атауларына қатысты деректерге шолу жасайық. Бізге белгілі жазба деректерінің ішінен ең көп тарағаны Ресейдің ХУІІІ-ХІХ ғасырлардағы іс қағаздары, тарихи немесе өлкетану бағытындағы зерттеу жұмыстары т.б. Семейге қатысты Семипалат (Семи полат) атауын қолданады, бірақ тарихтан хабары барлары бұл жердің ертеде Дархан-цорджи (Дархан-Зорджин-кит, Зорджин-кит) атанғанын да оқырманға хабардар қылып отырады:

«Так называемая «Семь палат» лежат на восточном берегу Иртыша... калмыки называют их Дархань-Зорджинь-Китъ, говоря, что здания эти построил некий жрец Дархань-Зорджи, который и пребывал в них. Когда это было, они не знают (5,с.145).»

Бұдан әрі Г.Ф.Миллер 1734 жылғы зерттеу жұмыстары кезінде өзінің көзі көргенін баяндайды: «Сообщу все, что видел своими глазами, когда из Семипалатинской крепости отправился к этим развалинам.

Лежат они на возвышенной и бесплодной, по природе своей. степи, неподалеку от берега реки Иртыша, которая в этом месте с СВЮВ направляется к СЗЮЗ. Самое название показывает, что всех зданий 7, но это следует понимать так, что две комнаты одного и того же здания, разделенные стеною, не будучи соединены между собою дверью, принимаются за два разные строения. Одно из зданий отстоит от прочих почти на полверсты. Большая часть их построена из сырцового кирпича, как это делается по всей Бухарии. Только одно строение, бывшее, кажется, главным, на полвысоты (нижний этаж) состоит из плитняка (*lapis scissilis*), вырытого, по видимому, в той же местности. По крайней мере, следы его ясно видны местами по обрывам берега. Здания имеют все четырехугольную, некоторые продолговатую форму. Величина зданий различна, но ни одно из них не превышает 15 обыкновенных шагов; стены редко толще 2 футов (*1 фут - шамамен 12 дюйм немесе 0,305 м.*). Одно здание (ради придания ему большей прочности, как полагаю) по четырем углам поддерживается колоннами из того же сырцового кирпича. Одно возвышается на подобие пирамиды, постепенно суживается. Одно разделено на 3 комнаты. Одно, отстоящее, как я сказал, на $\frac{1}{2}$ версты, меньше остальных, но выше их, почему и называется башней, построенной для караульных. Они уже почти все обрушились или грозят скорым разрушением, что иначе и быть не могло вследствие материала, из которого они возведены. Нужно удивляться, как они при таком способе постройки еще простояли столько времени, т.е. более столетия. ... *Кроме того, возле большого здания лежит огромный, продолговатый камень (вроде надгробных), на верхней части которого изваяно человеческое лицо.*

Прежде, говорят, он стоял прямо, но затем, не знаю по какому случаю, был разломан на две части, из которых каждая была длиною почти в сажень. По близости видна была могильная яма, из которой, по словам наших проводников, несколько лет перед нашим приездом, было вырыто несколько унций золота.

Хоронили здесь калмыцкие жрецы своих покойников, или эта могила сооружена более древними обитателями этих мест, трудно решить. Я готов предпочесть последнее, как потому, что у калмыков не принято хоронить покойников столь близко от жилищ, так и потому, что там повсюду множество древних могильных холмов, которые во всяком случае не

новейшего происхождения. а сходны с нашею могилою в том отношении, что часто снабжали раскапывателей их массою золота и серебра».

Міне, біз Семей тарихын нақты тереңдеуге мүмкіндік беретін мәліметке де келдік. Ол ең алдымен Г.Ф.Миллер суреттеген тас мүсін, топырақтан үйілген обалар, ұсақ-түйек алтын заттар. Бұл жерде анықтап алатын бір мәселе бар. Г.Ф.Миллер, И.Г.Гмелин және «Дархан-цорджының» қалдығын көзбен көрген басқа зерттеушілер оның жеті құрылыстан (полата) тұратынын сипаттайды, ал сол құрылыстардың бәрі де қалмақтың ламаистік храмынан (пұтханасынан) қалған ба, ол жағын ешкім де анықтамаған.

Әңгіме пұтхананың өзге құрылыстарынан бір километр (*бір верста-екі километр шамасында*) оқшау тұрған құрылыс туралы. Зерттеушінің айтуы бойынша ол мұнара түрінде салынған (*возвышалось вроде башни*), оның жанында байырғы түрік мәдениетінің тас балбалы (сынтас) екіге бөлініп сынып жатыр, дәл осы жерден бірнеше унция (*1 унция- шамамен 30 грамм*) алтын табылады.

Г.Ф.Миллерден қырық жыл кейін Семейге келген П.С.Паллас (1773 г.) алты құрылыстың бір бөлек (в куче), жетінші құрылыстың бір бөлек тұрғанын жазады.:

«Первое строение, коего стены еще все стоят, лежит от берега слишком на триста сажень, а от прочих строений на 260 сажень (*Сажын – шамамен 2,133 метр немесе 3 аршын-Ж.А.*) близ берега. Оно состоит в простой складенной четвероугольной избе, девять квадратных аршин с половиною имеющей, у оной на восточной стороне к реке весьма узкие и низкие двери, а на южной три малых отдушины; дощатая глиною обмазанная кровля, уже провалилась. Выше одного строения река течение свое имеет с южной стороны, и обтекает длинной и узкой остров, которой так как и довольно пространная низменность, оброс под высокими берегами приятной вид придающим кустарником. От находящихся в куче, выше по реке, строений остались от больших двух и от одного третьего строения основания стены»(10,с.176).

Жалпы құрылыстар Ертіс жағалауына жақын орналасқанын П.С.Паллас сипаттамасынан жақсы аңғаруға болады, сонымен бірге мәтінді байыпты қараған адам мұнараның тұрған жерін де шамалайды. Бұл жер менің ойымша бұрынғы Семей облысының губернаторының үйі, қазіргі музей ғимаратына жақын.

XIX ғасырдың жиырмамыншы жылдары Г.Ф.Миллер мен П.С.Паллас сипаттаған құрылыстардың орыны ғана қалды, дегенмен Г.Спасский сияқты зерттеушілер оны қолынан келгенше жүйеледі:

«№1. Главнейшее здание в большею частью развалившиеся. Основание его состоит из камня, верх из необожженного кирпича, а кровля из древесных ветвей, коими и прочие здания, как заключить можно по остаткам были покрыты.

№ 2. Здание укрепленное со всех четырех углов откосными столпами из необожженного кирпича.

№3. Здание возвышенное на подобие пирамиды, уменьшающейся мало по малу в окружности.

№ 4. Развалившееся здание разделенное на три жилья.

№ 5, 6. Два развалившихся здания, разделенные стеной.

№ 7. Здание, стоящее от других почти на половину версты и наполненное внутри щебнем. Оно по величине своей прочих менее и прежде возвышаясь на подобие башни служило для содержания на нем стражи» (14,с. 79).

Егер біз шеткі мұнараға көбірек көңіл бөлсек, оның тас балбалмен арасындағы тікелей байланысы да анықтауды қажет етеді. Бұл жерде не ғұн дәуірі (Домбауыл, Қозы көрпеш), не Түркі қағанаттарының дәуірі (Ақ сүмбе т.б.) есте болуы қажет. Сонымен бірге қайтыс болған адамның құрметіне топырақтан оба көтеру, тастан қоршау жасау, шығыс жағынан балбал орнату Дәшті –Қыпшақ заманында да жалғасты. Деректі тым әріден іздемей-ақ В.Рубрукқа (XIII в.) сүйенейік: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом на восток и держащую у себя в руке перед пупком чашу. Они также строят для богачей пирамиды, т.е. остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там не находится...»(13,с.59).

Сонымен біздің келтірген деректеріміз қалмақтың «Дархан-цорджы» аталатын ғибадатханасы ғұн, не байырғы түрік дәуірінің культтік ескерткішінің жанынан салынғанын дәлелдейді емес пе ?!

Семейдің біз қараған «Геометрический планында» Алаш жағында (Заречное) бірнеше ірі қорғандар көрсетілген. План жасаушылар оларды «чудские бугорки» деп атаған екен. Орыстың «чудь» дегені көнені білдіреді, қазақтың «мық» дегені сияқты. Картаға қарасақ Татар слабодкасының екі

жағынан кездесетін қорғандар да тым көзге түсерлік. Қазақ зиратының жанында да бірталай қорғандар көрсетілген (Геометрический план от 1858 г.). 1857 жылы кеден үйінің құрылысын саламын деп «Дархан-цорджы» үстінде И.А.Армстронг қазба жұмыстарын жүргізді (1,с.36).

Қазба жұмыстарынан тым ерте заманның жәдігерліктері шықты: «Когда снята была насыпь в уровень с окружающей площадью, тогда в некоторых местах, при ударе твердым телом об землю, происходил звук, обнаруживающий пустоту, а потому эти места и были разрыты. На одном из них находившемся в середине снятой насыпи, на глубине одного аршина от горизонта земли, оказалась могила, внутренние стены которой обложены были поставленными на ребро плитами шиферного сланца, а дно ее составлял слой такого же камня. Могила была длиною 2 аршина, шириною $1\frac{3}{4}$ арш. и вышиною $1\frac{1}{2}$ аршина. По вскрытии могилы, найдены в ней человеческие кости, кроме черепа, сложенные в кучу к восточной стороне могилы. В пяти сажнях от этой могилы, к юго-востоку, уже за чертою самой насыпи, были вскрыты еще две могилы. В одной из них, на глубине двух аршин, оказались сгнившие бревна, закрывающие могилу. Когда бревна были сняты, то в могиле оказались человеческие кости, без черепа, и по середине их круглая, деревянная, грубой отделки, на четырех ножках скамеечка, которая совершенно сгнила и от прикосновения распалась; уцелела одна лишь ножка. На этой скамеечке лежало несколько разных медных вещей и каменные шлифованные просверленные бусы, составлявшие украшения женского наряда. В другой же могиле, точно также устроенной, найдены были тоже человеческие кости, без черепа, и две медные серьги. Кроме того, в той же насыпи найдено гранитное блюдо с возвышенными краями и с гранитною ручкою, вероятно, употреблявшееся для растирания красок, или других каких либо веществ, и при них заостренный кусок сланца с сохранившеюся на нем красною краскою».

Бұл қазба жұмыстарына байланысты 1861 жылы жазылған Лама Галсан Гамбоевтың тәпсірлері де тым ертерек уақытты нұсқайды:

- «...подробное рассмотрение вещей, найденных в уцелевших насыпях, вероятно, существовавших за долго до построения храма Цорджин Кида, доказывает, что эти насыпи служили могилами шаманской эпохи, тем более, что постройка насыпей, разделенных на две части, верхнюю и нижнюю, служившую самою могилою, и найденные в сей последней, кроме человеческих костей без черепов, вещи медные и другие стеклянные принадлежность исключительно обычаям шаманов. Всмотреваясь ближе в расположение насыпей и могил, из которых одна находится на глубине 1 аршина (*1 аршин - 0,711 м*) от поверхности земли, в самом центре насыпи, а

другие две уже за чертою насыпи, в расстоянии от нее 5 сажень и на глубине уже 2 аршин от поверхности земли, должно думать, что эти насыпи и могилы построены в разное время...»(3,152).

Осының бәрін салыстыра отырып біз Семей жеріндегі тарихи ескерткіштер тым ерте дәуірге кетеді деп айта аламыз.

Енді осы көне қоныс «Дархан-цорджи» атауына дейін қалай аталды екен, соған келейік. Мен осы сұрақты шешу үшін ғылыми зерттеудің айналымына «Эрчисын – сумэ» атауын енгізу қажет деп ілемін. Бұл атау ерте қалмақ деректерінің ішінде бар, осыдан он жыл бұрын мен «Эрчисын – сумэ-храм на Иртыше» деген кітапша жазғанымда «Следует предположить, что «Эрчисын-сумэ» был основан в начале XVII века на месте более древнего поселения кимако-кыпчакского периода» деген пікірге келіп, бірақ ол жолы «Эрчисын сумэ» атауының құпиясын анықтауға шама жетпеп еді.

«Эрчисын сумэ» атауы алғаш рет ойраттың атақты дін басы және ағартушысы Зая-пандитаның өмірбаяны жазылған «Сарин герл» (Ай сәулесі) кітабында кездеседі: «Он (Зая-пандита – Ж.А.) в году овцы (1643) провел зиму у Кундулунг-Убаши в (местности) Хасулаг. Совершив в полном виде молитвенные обряды по случаю (праздника) Цаган Сар, он (тем самым) посеял семена добродетели в людях.

В году обезьяны (1644) он (Зая-пандита) летом отправился к Очирту-тайджи и провел лето (в его владениях). оттуда Дархан-цорджи просил его пожаловать в храм, находившийся на Иртыше (Эрчисын-сумэ). Из (местности) Коксалай-Баханаг через (местность) Хайдаг (Зая-пандита) откочевал к (рекам) Лэбши и Хара-Тала во владениях Очирту-тайджи. Курээ (Монастырь Зая-пандиты) прибыл к храму Дархан-цорджи и там провел зиму.

Здесь Дархан-цорджи оказывал /Зая-пандите/ всевозможные почести он /Зая-пандита/ переводил «Мани Гамбум» и занимался другими делами, способствовавшими распространению драгоценной религии /Будды/...» (8,с.45-46).

Бұл жерде «Хасулаг» атауына түсінік бере кеткен жөн. 1643 жылы Зая-Пандита қыстаған жерді қазақ Кент-Қазылық деп атайды. Бұл сол заманда хошоуыттың атақты көсемдерінің бірі Көнделен тайшының (Кундулунг-убаши) қыстауы. Қазіргі заманда Қазылық аты ұмытылған, бірақ қазақтың ауызша дәстүрінде «Үш Қазылық», «Бес Қазылық», «Он екі Қазылық» атаулары әлі де бар. Бір сөзбен айтқанда бұл Сарыарқадан Ертіске қарай ағатын Түндік өзенінің екі қапталындағы таулар жүйесі. Қазақта «Қазылық – мал кіндігі» деген сөз бар, малға жайлы болған соң айтылады. Мәтінге

карасақ Цаған Сар (Ұзын сары) мерекесін Кент-Қазылықта қарсы алған Зая-Пандита одан әрі Лепсі мен Қаратал бойында қоныс тепкен Очирту-Цэцэн тайшының еліне барып, одан Көксала-Бақанас арқылы Эрчисын сумэге келген болып отыр. Шақырып отырған Эрчисын сумэде иелік жасайтын Дархан-цорды (цорджы –бұл жерде молда деген мағынада, ламаизмде қолданылады).

Зерттеушілер арасында «Эрчисын сумэні» Ертістің жоғарғы ағысында орналасқан Абылайын-китпен шатастыратындар бар. Шын мәнінде Абылайын киттің салынған уақыты 1650 жылдардың басы, оның ашылу құрметіне арналған тойға 1657 жылы Зая –пандита қатысады. Ал «Эрчисын сумэ» 1640 жылдары дүрілдетіп жұмыс істеп тұрған, жан-жақтан қалмақтар ағылып келіп бас қосатын, үлкен діни орталық. Зая-пандита 1644 жылы осы жерде тек діни ғана емес, сонымен бірге саяси шаруаларды атқарғаны сөзсіз. Бұл тарихнамада «Жоңғария» аталып кеткен дүрбен-ойрат (төрт ойрат) мемлекетінің жаңа көтеріліп келе жатқан тұсы еді. Батыр қонтайшы бастаған ойраттың ел басшылары 1640 жылы Тарбағатай баурайында «Ұлан бура» деген жерде кездесіп мемлекетті құру туралы мәмлеге келген.

Зая-Пандита 1639 жылы Тибеттен дін оқуын бітіріп келгенде Эрчисын сумэ ғибадатханасы жұмыс істеп тұрды деп болжаймыз. Мүмкін бұл ғибадатхана ойраттардың Тарбағатайға жиналып бір мемлекетке бас қосуына да ықпал жасаған болар, себебі ол Еділ-Жайық бойына тым ішкернелей кірген торғауыттарға да, Ой Түндікті жағалай, Он екі Қазылық тауларын мекендеген хошоуыттарға да, Алтайды иемденген дербеттер мен чоростарға да кіндік орталық сияқты.

«Эрчисын сумэ» қай заманға дейін ойраттарға қызмет жасады, ол жағы бізге белгісіз. «Қалмақтың Сарыарқамен қоштасып жылағаны» аталатын қазақ ішінде кең тараған жырларда: «Үш атамыз өткен тау, Үш мың кара біткен тау, Он екі қазылық, Ой Түндік, Айналасы толған жау» делінеді. Үш атасы шамамен жүз жылдай уақыт, сонда «Эрчисын сумэ» 1630-жылдары салынса 1730 жылдары өмір сүруі тоқтатты деуге болады.

К.Риттердің 1860 жылғы Семейге байланысты жазғаны бұл көне жәдігерліктің сол кездегі жағдайынан толық хабар береді:

«...Семь Палат, представляющие теперь жалкие остатки обрушавшейся стены, едва возбуждают любопытство путешественников; подле них находится крепость Семипалатинск, которому он сообщил свое название. ...По тогдашним сказаниям, здесь жил какой-то Дархан Зарджи, имя которого, впрочем, более нигде не встречается...»(12,с.142).

Сонымен К.Риттердің тұсында Эрчисын сумэнің иесі атанған Дархан-цорджы ақыры «какой-то Дархан-Зарджи» атанды, бірақ қалай болғанда да оның аты Семейдің қалмақ дәуіріндегі тарихына біршама нақтылық беріп тұр. Тек ескертетін мәселе «Дархан-цорджы» Ресей авторлары шартты түрде ғана қолданған атау, оларға дерек берген қалмақ азаматтары осы жерде ертеде «Эрчисын сумэ» деген ғибадатхана бар еді, соның молдасы Дархан-цорджы деп айтып отырғандықтан ғылыми айналымға қала атауы есебінде енді. Дархан –цорджының басты еңбегі көне дәуірдің атақты қарауыл мұнарасының жанынан будда дінінің пұтханасын салғандығы. «Эрчисын сумэ» атауын қазақ тіліне аударсақ «Ертістегі сүмбе» болып шығады. «Сүмбе» сөзін қазақ биік, жоғарыға шаншыла салынған құрылыстарға, биік, тік өскен ағаштарға т.б. қатысты қолданады. Моңғол тілінде кез келген діни құрылысқа (христиан, мұсылман, будда) қатысты қолдана беретін «сүм» деген сөз бар, бұл сүмбенің ауыз екі тілде оңайлатылған түрі, не түбірі болуға тиісті. Қазақтың «сүн», «сүнгі», «сүnguір» т.б. сөздері де сол сөздің ағайыны деп танымыз. Түпкі мәні биікке шаншыла көтерілген, қарауыл мұнарасы, басында үшкір күмбезі бар құрылыс.

-Міне, Семейдің байырғы замандағы атауы осы «Сүмбе». Сырдарияның жағасында, Қаратудың баурайында биікке шаншылған Ақ сүмбе мен Ертістің жағасында қалың елдің қонысы, өткелдің белгісі болған Эрчисын сумэнің арасында бір байланыс бары шәксіз.

Әдебиет:

1. Армстронг И.А. Семипалатинские древности (с рисунками). // Известия императорского археологического общества. Т.II. СПб., 1861. С. 202-206.
2. Артыкбаев Ж.О. Среднее Прииртышье в контексте проблем истории Евразийских степей. Павлодар, 2007.
3. Галсан Гамбоев. Объяснения Семипалатинских древностей // Известия императорского археологического общества. Т.II.СПб., 1861. С.207-219.
4. Геометрический план выгонной земли Областного города Семипалатинска от 1858 г. / из фондов Семипалатинского краеведческого музея/.
5. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Сочинено Герардом Фридериком Миллером, историографом и профессором. Кн.I. СПб., 1750./ Рукописный вариант книги имеется в библиотеке Семипалатинского краеведческого музея/.
6. Миллер Г.Ф. Из сочинений академиком Г.Ф. Миллера и И.Г.Гмелина // В.В.Радлов Сибирские древности. Т.1. вып. 3. Приложение XV.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М-Л., 1937, Изд.2-е. М., 1999; т.2. М-Л., 1941, Изд.2-е. М., 2000.
8. Норбо Ш. Зая-пандита / Материалы к биографии/. Элиста, 1999.

9. N.Vitsen. Noord end Oost Tartarie (переводы из этой книги в сочинениях Г.Ф.Миллера. К.Риттера и т.д.).
- 10.Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. ч.II, СПб., 1786.
- 11.Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия в 1876-1877 годах// Изд. РГО. СПб.,1881. Вып.1.
- 12.Риттер К. Землевладение Азии. СПб., 1880. Ч.III.
- 13.Рубрук В. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодсти 1253 // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.
- 14.Спасский Г.И. О древних развалинах Сибири // Сибирский вестник. Ч.3, с. 39-98.

АКСАРАЙ НА ИРТЫШЕ –ПАМЯТНИК КИМАКСКОЙ ЭПОХИ (Из опыта изучения топонимических памятников Среднего Прииртышья)

Ж.О.Артыкбаев

д.и.н., проф. ЕНУ им. Л.Н.Гумилева

Выше Кереку, на левом берегу Иртыша, сосредоточены наиболее интересные исторические топонимы. На всем протяжении от Аксу до границ Павлодарской области то с слева, то с права от дороги мы встречаем удивительные названия, от которых веет прекрасной романтикой старины. Для исследователя историка, археолога или же этнолога этот край представляется своеобразным Клондайком. Но при этом есть несколько условий, которые ставят перед ними эти топонимы. Исследователь должен знать древние мифы, предания и сказки казахов т.е. должен понимать язык фольклора. К тому же он обязан просто с уважением относиться к этому краю, и его многотысячелетней истории и не считать казаховспустившимися в это место откуда то с небес в XVIII веке. Я просто диву даюсь тому как могут сохраниться такие топонимы как Сырлыкала, Аксарай, Казан корасы и т.д. до наших дней. Ни «Актабан шубырынды» XVII-XVIII вв, ни русская колонизация конца XVIII-XIX вв, ни советские эксперименты и страшный голод 30-х гг. XX в. не могли заставить казахов забыть эти топонимы.

В 2006 году во время нашей этнокультурной экспедиции по левобережью р.Иртыша мы специально завернули в Аксарай. На сегодняшний день в этом месте уже осталось всего несколько семей занимающихся своим небольшим хозяйством, к сожалению среди них нашелся только один старик, который мог быть опрошен нами как представитель старшего поколения. Это дед Жорык, который всю жизнь пас скот, и главное что он сообщил - необходимость почтительного отношения к кладбищу который лежит на краю этого аула. По его словам на этом кладбище похоронены святые, особенно надо быть осторожным когда едешь мимо этого кладбища на машине. Здешние жители давно заметили, что кто не соблюдает это предупреждение и лихо без уважения проскочит на высокой скорости, тому не миновать беды. А кладбище о котором говорил дед Жорык действительно примечательное явление. Если не поздние казахские могилки это кладбище можно было бы принять за развалины средневекового городища. Огромный кимакский курган 5-6 метровой высоты возвышается в южной части этого кладбища, рядом десятков средних курганов. Рвы вокруг каждого кургана очерчивают внешние границы их. Вплотную к курганам лежат непонятные бугорки неправильной формы, возможно оставшиеся от каких то строений средневековья. В целом визуальное изучение этих памятников говорит о существовании здесь раннесредневекового городища с культово- мемориальными сооружениями в центре. Это и есть Аксарай – замечательный топоним сохранившийся на территории Среднего Прииртышья.

На наши вопросы о происхождении этого названия мы толкового ответа так и не получили. Одни говорят, что будто бы в 30-х годах XX века, в период коллективизации и колхозного строительства здесь существовало белое здание /Аксарай/. Что за здание никто ни может ответить, то ли клуб, то ли школа. Если допустить что Аксарай построен в первые годы советской власти, то откуда взялись другие памятники – Жаңа сарай, Күйген сарай? Во времена советской власти подобные названия никак не могли появиться в этих местах, потому что существовал своеобразный реестр названий, специально разработанный для Казахстана. Идеологически выверенными считались такие названия – как Сталин туы /знамя Сталина /, Ленин жолы /Путь Ленина/, Жұмыскер /Рабочий/, Еңбек /Труд/, Кызыл Еңбек /Красный труд/, Жаңа талап /Новое стремление/, 8 марта и мн. другое. Эти советские топонимы до сих пор живы на левом берегу Иртыша и воспитывают местное население в духе ценностей советского прошлого. Не редко можно заметить как старшее поколение обращаясь между собой упоминает даже уже отмененный старый «Сталин туы». Указывая нам на какие – то объекты умудряются ориентировать на эти советские топонимы. Это интересное и аномальное явление просто удивляет. Как объяснить этот феномен?

Аксарай -в эпоху средневековья означало одно – престольное место ханов и правителей, резиденция правителя. Начиная с северных границ Афганистана и заканчивая Поволжьем в местах обитания тюркоязычных народов топоним Аксарай встречается только в указанном значении. Таков например Аксарай, большая станция на пути из Атырау /Гурьев/ в Астрахань /РФ/, в прошлом летняя резиденция золотоордынских правителей. Современное население Аксарая -русские и ногайцы говорят, что на месте их поселка раньше находилась ставка золотоордынского правителя. Они утверждают, что Аксарай был в прошлом городом ногайцев, и там правил знаменитый Едиге.

В 60 км. от города Атырау на берегу Урала /Жайык/ находятся развалины малой столицы Золотой Орды – Сарайшык. Здесь в XV- нач. XVI вв. существовала резиденцияказахских ханов -Керея, Жанибека, Бурундука и Касымаи пантеон , которые наряду с другими древними сооружениямибыли разрушен русскими казаками в XVI веке.

Прииртышский Аксарай гораздо древнее малой столицы и пантеона правителей Золотой Орды. Во первых, памятники расположенные на этом месте датируются эпохой раннего средневековья, прежде всего это огромные царские курганы, во вторых, рядом с Аксараем нами найдено первое на береговой линии Иртыша каменное изваяние. В наших экспедициях нам довелось узнать о бывшем житиле Аксарая, который хранил у себя каменное изваяние. Но его мы встретили только в 2006 году в совершенно другом поселке, недалеко от Аксу. В детстве,- рассказывает Бауыржан,- во время ремонтных работ дороги проходящей вблизи аула Аксарай увидел, как экскаватором была задета и вытащена каменная фигура. Тогда Бауыржан, хоть и сам был ещеребенком, заинтересовался этим и выпросил у ремонтников и притащил с помощью братьев этот камень к себе домой. Дальше он рассказывает, что это была обыкновенной каменной статуей

тюркской эпохи, весом где-то в 100 кг, сделанная из синего гранита. Вспоминается, что казахи часто говорили: «поставил деду памятник из синего гранита». Четко изображен человеческий облик: глаза, уши, нос и рот, две руки и чаша в руках. Мы попросили Бауыржана сдать это кимакское изваяние музею ПГУ им.С.Торайгырова, и он нам не отказал, за что большое спасибо.

Если вы проедете с Павлодара до Семей вдоль правого берега Иртыша то с пригородов Аксу начинают встречаться исторические памятники. Одним из удивительных топонимов является -Жана Сарай, который находится внесколько километрах от аула Малайсары, в старом русле Иртыша. Место нахождения Куйген Сарай мы встречаем с права от дороги. Сейчас там проходит железная дорога Аксу-Дегелен.

Если идти немного повыше т.е. в степь, то встречаем озеро Казылык. Дальше - «Баян-аула-Казылык», «Каркаралы-Казылык». Степная речка Түндік, берущая начало из Сарыарка течет к северу, в озеро Карасор т.е. тоже не далеко от Аксарай.

Происхождение и историческое значение Аксарая раскрываются в контексте одной интересной проблемы. В российских дореволюционных письменных документах сообщается о существовании в среднем течении р.Иртыша «Калбасунской башни». Впервые это название упоминается в дневнике Ф.Байкова (1654 г.): «по-калмыцки Кабал-Гасун (Кабан-Гусан), а по-русски кирпичная палата».

Мы предполагаем, что «Калбасун» является стольным городом кимакского государства. Известно, что главный город Басмыл-уйгурско-карлукского союза на побережье реки Орхон назывался Кара балгасын. После междоусобной борьбы в 40-х годах VIII века, и в особенности после побоища, которое здесь устроили кыргызы в 840 году, многие представители этого союза переселились на берега Иртыша. Также из истории известно, что название столицы Караханского государства «Баласагун» рашифровывается очень просто: Балык – с древнетюркского означает город, а Сагун – на древнетюркском титул аристократов. Если «Калбасун» прочитаем как «Кала балык сагун», то получится «город правящей династии».

Между Кереку и Аксарай находится -Сырлықала – топоним восходящий своими корнями в огузскую историю. Город упоминается в связи с огузо-кыпчакскими взаимоотношениями на Иртыше. Популярен этот топоним в устных преданиях у казахов и туркмен. Так, в эпосе «Кобланды-батыр» говорится:

Сырлы дейтін қаласы,
Қорғансыз сырты ашық-ты.
Қырлы дейтін қалаға
Атарман да, шабарман,
Беклері басын қосыпты
Қырлы қала маңынан,

Жау жүре алмас десіпті
Қырлы қала шәрінің
Бір жағысудың жағасы,
Алтықабат ор қазып,
Бекіткенін қарашы.
Қырық жерден қойдырып,
Болаттан соғып қақпаны....

Список исторических топонимов Среднего Прииртышья можно продолжить. Только в 2006 году во время летних экспедиционных работ, мы обнаружили более 30 уникальных раннесредневековых топонимических объектов. На сегодняшний день предварительные этимологические исследования проведены по таким историческим топонимам как – Ақсарай, Ақтоғай, Ақсу, Құлы көл (Аққу), Емыль, Қазан, Қара түн, Түлкісу (Тюлька), Үрлітүп (Урлютуп) и др. Но уже этих вполне достаточно, чтобы обратить внимание исследователей на проблему древнетюркского и огузо-кыпчакского наследия в топонимии Среднего Прииртышья. Топонимия Прииртышья уходит своими корнями в раннее средневековье, это указывает на глубокую историческую преемственность и сохранении традиций насельников евразийских степей.

Литература:

1. Артықбаев Ж.О., Ерманов А.Т., Жәнісов Ә.Т. Орта Ертіс өңірі қимақ дәуірінде («Темір жауынгер» тарихының құпиясы). – Астана, «Фолиант» баспасы, 2004.
2. Әбілғазы. Түрік шежіресі. Ауд. Б.Әбілқасымов. – Алма-Ата, 1992
3. Ал-Истархи. Китаб месалик ал-мемалик //Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII – XV вв. араб. и перс. источники. – М.-Л., 1939
4. Ал-Идриси. Нузхат-ал-Муштак ви ихтирак ал-Афак // Сурат ал-Ард //Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.-Л., 1939.
5. Қазақ халық әдебиеті: көп томдық. Т. I. Қобыланды батыр. Алматы, 1986
6. Русско-китайские отношения XVII в. т. I, М., 1969 /сб. документов/.
7. Сембин М. Сырлытам. Көне ескерткіштер туралы толғам // Білім және еңбек. 1987. №8, 36-37 бб.